У21 2/3

ФАБРИКА
Конторскихъ книгъ
Е. И. ПИЧУГИНОЙ.

Т28 1
Т28 98

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ОДЕССКАГО ОБЩЕСТВА

Исторіи и Древностей.

Т. XVIII.

ОДЕССА.
„Экономическая“ типографія и литографія, Почтовая, № 43.
1895.

У218/3

ЗАПИСКИ

Т 28 1/28

ИМПЕРАТОРСКАГО

ОДЕССКАГО ОБЩЕСТВА

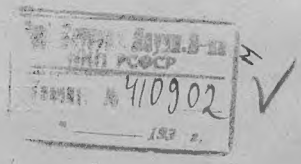
ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ.

Т. XVIII.

ОДЕССА.
„Экономическая“ типографія и литографія, Почтовая, № 43.
1895.

Печатано по опредѣленію Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

Вице-Президентъ *В. Н. Юргевичъ.*



СОДЕРЖАНІЕ.

I.

1. О поддѣльныхъ греческихъ надписяхъ изъ Южной Россіи. *В. В. Латышева* . . . . . 1—18.
2. Вновь найденная лекана изъ Керчи съ изображеніемъ Діонисова тіаса. *Э. Р. фонъ-Штерна* . . . . . 19—64.
3. Нѣсколько замѣтокъ по поводу статьи В. В. Латышева. «О поддѣльныхъ греческихъ надписяхъ изъ Южной Россіи». *Э. Р. фонъ-Штерна* . . . . . 65—86.
4. Надписи на ручкахъ и обломкахъ амфоръ и черепицъ, найденныхъ въ Ѳеодосіи въ 1894 году. *В. Н. Юргевича* . . . 87—174.
5. Камни съ пантикапейскими надписями, купленные для Мелекъ-чесменскаго музея въ 1894 году. *В. В. Шкорпила* . . 175—184.
6. Вновь открытая христіанская катакомба. *В. В. Шкорпила* . 185—198.
7. Новооткрытое Боспорское надгробіе. *В. В. Шкорпила* . . 199—202.
8. Нѣсколько греческихъ статуэтокъ изъ собранія Одесскаго Общества Исторіи и Древностей и Ал. Ив. Нелидова. *А. Н. Деревицкаю* . . . . . 203—250.

II.

9. Списокъ съ статейнаго списка подьячего Василія Аитемирева, посыланнаго въ Крымъ съ предложеніемъ мирныхъ договоровъ. Сообщено и снабжено предисловіемъ *А. И. Маркевичемъ* . . . . . I—XIII и 1—80.
10. Городъ Качибей или Гаджибей—предшественникъ г. Одессы. (Дополнительныя замѣтки къ статьѣ того-же названія, напечатанной въ запискахъ Им. Од. Об. Исторіи и Древностей томъ XVII). *А. И. Маркевича* . . . . . 81—86.
11. Крымскія дѣла 1775—1776 г. Московское отдѣленіе общаго архива Главнаго Штаба. Сообщ. *Ѳ. Ѳ. Лашковъ* . . . . . 87—118.

III.

12. Смѣсь: a) Памятники Запорожья въ окрестностяхъ Бизюкова монастыря. (Изъ путевыхъ замѣтокъ). *Н. Ф. Ноичевскаго* . . . . . 1—4.

b) Грамота Императора Александра I на пожалованный въ 1819 году орденъ Владиміра 4 степени съ бантомъ 14 класса Москули. Сооб. *А. И. Маркевичъ* . . . . . 5.

13. Некрологи: I. Францъ Рачкій. *М. Г. Попруженко* . . . 7—9.

II. Архимандритъ Антонинъ. *В. А. Яковлева* 10.

III. Василій Карловичъ Надлеръ. *В. А. Яковлева* 10—12.

IV. Василій Ксенофонтовичъ Виноградовъ. *А. И. Маркевича* . . . . . 12—14.

V. Іосифъ Григорьевичъ Шершеневичъ. *В. А. Яковлева* . . . . . 15—16.

VI. Платонъ Осиповичъ Бурачковъ. *В. А. Яковлева* . . . . . 16—17.

VII. Францъ Осиповичъ Моранди. *В. А. Яковлева* . . . . . 17—18.

IV.

14. Приложеніе. Преміи, находящіяся въ распоряженіи Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей . . . I.

О поддѣльныхъ греческихъ надписяхъ изъ Южной Россіи.

I.

Въ XVII томѣ «Записокъ Имп. Одесскаго Общества Исторіи и Древн.» на стр. 1—28 профессоръ Э. Р. фонъ-Штернъ издалъ съ подробнымъ комментаріемъ двѣ «Вновь найденныя ольвійскія надписи», пожертвованныя музею Общества А. Л. Бертье-Делагардомъ въ маѣ мѣсяцѣ 1893 года. Первая изъ этихъ надписей, принадлежащая къ разряду посвятительныхъ, не возбуждала въ издателѣ никакихъ сомнѣній въ своей подлинности и, по его мнѣнію, «заслуживаетъ по разнымъ обстоятельствамъ серьезнаго вниманія», что-же касается до второй, содержащей въ себѣ письмо Ольвіополитовъ къ царю Саитафарну, то г. фонъ-Штернъ сознается, что при первомъ чтеніи считалъ ее поддѣльной, и приводитъ нѣсколько весьма серьезныхъ основаній для такого предположенія, но затѣмъ говоритъ, что при болѣе тщательномъ изученіи декрета дошелъ до убѣжденія, что не слѣдуетъ рѣшать вопросъ объ его подлинности по первому впечатлѣнію, указываетъ данныя, говорящія противъ поддѣлки, и разсматриваетъ историческое значеніе документа какъ подлиннаго[1]), но въ напечатанныхъ вслѣдъ за статьею «поправкахъ и дополненіяхъ» къ ней (стр. 29—30), составленныхъ послѣ доклада В. Н. Юргевича о поддѣльной Тирасской надписи (напечатанной въ томъ-же томѣ «Записокъ» на стр. 33—36), авторъ отказывается рѣшить вопросъ о подлинности изданнаго имъ документа даже въ условномъ

[1]) Объ этихъ-же надписяхъ г. фонъ-Штернъ дѣлалъ докладъ на Виленскомъ археологическомъ съѣздѣ въ августѣ 1893 года, причемъ не высказалъ повидимому, никакого сомнѣнія въ ихъ подлинности. См. изложеніе реферата въ «Археолог. изв. и зам., изд. Моск. Археол. Общ.» т. I (1893), стр. 363.

видѣ и считаетъ болѣе вѣрнымъ оставить этотъ вопросъ «открытымъ до тѣхъ поръ пока новыя находки или вновь появившіяся на рынкѣ надписи дадутъ возможность такъ или иначе дойти до прочнаго результата».

Лично ознакомившись съ двумя надписями, изданными г. фонъ-Штерномъ, въ бытность мою въ Одессѣ весною 1894 г., я пришелъ къ убѣжденію, что вопросъ объ ихъ подлинности можетъ быть рѣшенъ и въ настоящее время и при томъ въ смыслѣ безусловно отрицательномъ. По моему мнѣнію онѣ представляютъ собою лучшія произведенія той фабрики поддѣльныхъ надписей, которая возникла гдѣ-то на югѣ Россіи нѣсколько лѣтъ тому назадъ вслѣдствіе пробужденія болѣе живаго интереса къ епиграфическимъ документамъ греческихъ поселеній, нѣкогда процвѣтавшихъ на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря, и которой, къ моему глубочайшему прискорбію, сослужилъ не малую службу изданный мною сборникъ этихъ документовъ. Обращаюсь къ разсмотрѣнію признаковъ поддѣльности этихъ двухъ надписей.

Какъ уже упомянуто, самъ Э. Р. фонъ-Штернъ указалъ (стр. 19—22) нѣсколько весьма вѣскихъ основаній для предположенія о поддѣльности письма Ольвіополитовъ къ Саитафарну, которыя мы вполнѣ раздѣляемъ и потому не будемъ разсматривать подробно. Съ своей стороны прибавимъ еще слѣдующіе подозрительные признаки въ редакціи документа: 1) формула ἐπὶ ἀρχόντων τῶν περὶ τὸν δεῖνα ставилась въ заголовкахъ ольвійскихъ декретовъ, насколько можно судить по сохранившимся образцамъ, только въ Римскія времена, а въ болѣе древнія даже въ столь важныхъ декретахъ какъ Протогеновскій, дата въ заголовкахъ не обозначалась; тѣмъ менѣе можно ожидать ее въ письмѣ. 2) Г. фонъ-Штернъ уже обратилъ вниманіе на дорическую фразу «φίλος μὲν καὶ εὐεργέτας ἁμῶν ἐών» и совершенно во время указалъ, что она могла быть заимствована изъ Inscr. P., № 185; но при этомъ слѣдуетъ добавить, что въ возстановленномъ мною въ указанной надписи оборотѣ частица μὲν имѣетъ соотвѣтствующую частицу δέ, а въ разсматриваемомъ письмѣ не имѣетъ и по смыслу является совершенно излишнею. 3) «Лестный эпитетъ по адресу царя (βασιλεὺς Σωτήρ)» совершенно противорѣчитъ тѣмъ отношеніямъ между Ольвіополитами и Саитафарномъ,

которыя намъ извѣстны изъ Протогеновскаго декрета и, на нашъ взглядъ рѣшительно ничѣмъ не можетъ быть оправданъ. 4) Фразу «οἱ ἄρχοντες καὶ ἡ βουλὴ καὶ ὁ δῆμος στεφανοῦσι χρυσῷ στεφάνῳ» фальсификаторъ легко могъ заимствовать въ готовомъ видѣ изъ декрета Inscr. P., № 27, но при этомъ не обратилъ вниманіе на то, что по смыслу здѣсь требовался аог. ἐστεφάνωσαν и что фраза эта является совершенно неумѣстною въ письмѣ, такъ какъ Саитафарну не было ровно никакого дѣла до того, чѣмъ вознаградили Ольвіополиты Протогена за его услугу (это было-бы ихъ домашнее дѣло, не имѣвшее никакого отношенія къ «внѣшней политикѣ»), а кромѣ того фраза эта могла быть и опасною для Ольвіополитовъ, ибо могла внушить Саитафарну преувеличенное понятіе о средствахъ города: если у нихъ были деньги на золотые вѣнки, то могли быть и на увеличеніе дани царю. 5) Значки, подобные тѣмъ, какіе видны въ концѣ строкъ 2 и 8, въ подлинныхъ ольвійскихъ документахъ нигдѣ не встрѣчаются. Наконецъ 6) эпитеты σωτὴρ по отношенію къ царю и φιλόπατρις по отношенію къ Протогену взаимно исключаютъ другъ друга: Протогенъ оказывается «патріотомъ» за то, что даетъ деньги на спасеніе родины отъ ея «спасителя». Такимъ образомъ мы видимъ, что разсматриваемое письмо, независимо отъ внѣшнихъ подозрительныхъ признаковъ, и по внутреннему содержанію и по изложенію не выдерживаетъ ни малѣйшей критики.

Тѣмъ не менѣе, по мнѣнію г. фонъ-Штерна (стр. 22), «не смотря на всѣ вышеуказанныя ошибки, странности и особенности нашего документа, при ближайшемъ его разсмотрѣніи являются разные моменты, говорящія противъ предположенія, что мы имѣемъ дѣло съ новѣйшей поддѣлкой». Обратимся къ разсмотрѣнію и оцѣнкѣ этихъ моментовъ. 1) «Прежде всего надо замѣтить, говоритъ почтенный авторъ, что въ нашемъ документѣ характеръ письма строго выдержанный — нѣтъ въ немъ буквъ, которыя по своему начертанію могли-бы принадлежать разнымъ періодамъ; это составляетъ весьма важный фактъ, потому что въ до сихъ поръ мнѣ извѣстныхъ поддѣльныхъ ольвійскихъ надписяхъ рука фальсификатора между прочимъ обличается всегда и такими буквами, которыя по характеру начертанія не могутъ быть одновременными». На это мы позволимъ себѣ замѣтить, что 1) въ новѣйшихъ образчикахъ поддѣлки, именно

въ «Тирасской» надписи, изданной В. Н. Юргевичемъ въ томъ-же томѣ «Записокъ», въ надписи изданной имъ-же въ XVI томѣ «Записокъ», стр. 11 подъ № 1[1]) и въ первой изъ надписей, изданныхъ самимъ г. ф.-Штерномъ (о ней рѣчь будетъ ниже), характеръ буквъ (Римской эпохи) выдержанъ не менѣе строго и 2) что причина этой выдержанности, а равно и тщательности вырѣзки и красоты буквъ въ письмѣ къ Саитафарну объясняется очень просто: рѣзчикъ имѣлъ передъ глазами *печатный* текстъ Протогеновскаго декрета по моему изданію въ сборникѣ и подражалъ ему такъ тщательно, что даже букву C дѣлалъ поменьше и потоньше остальныхъ. Въ этомъ, мнѣ кажется, можно убѣдиться при самомъ бѣгломъ сличеніи текста письма (по приложенной къ «Запискамъ» фототипической таблицѣ) съ печатнымъ текстомъ Протогеновской надписи; при сравненіи-же формъ буквъ письма съ *дѣйствительнымъ* характеромъ ихъ въ Протогеновскомъ декретѣ и современныхъ ему документахъ (напр. Inscr. P., №№ 100, 114 и др.) замѣчается довольно значительная разница. 2) Далѣе, по мнѣнію Э. Р. фонъ-Штерна, «тщательное разсмотрѣніе камней не даетъ ни малѣйшаго повода предполагать, что надпись изсѣчена въ новѣйшее время на древнемъ матеріалѣ: углубленія, образованныя рѣзьбой буквъ, показываютъ тѣже признаки ветхости, какъ вся поверхность камня». Мнѣ при личномъ осмотрѣ плиты, по ея свѣжести и бѣлому цвѣту показалось, напротивъ, что она не древняго происхожденія и только на передней поверхности затерта и слегка закопчена для приданія ей стариннаго вида, а въ самомъ способѣ вырѣзки буквъ я замѣтилъ тѣ, трудно выражаемыя словами, но легко уловимыя привычнымъ глазомъ, особенности, которыя отличаютъ и другія поддѣльныя надписи отъ настоящихъ. 3) Отъ третьяго довода (именно, что надпись содержитъ связный и совершенно толковый текстъ) самъ авторъ отказался въ своихъ «поправкахъ и дополненіяхъ», а потому и мы не будемъ на немъ останавливаться. 4) Г. фонъ-Штернъ высказываетъ предположеніе, что составитель документа, «не только хорошій эпиграфистъ, созна-

[1]) Вопроса о подлинности этой надписи я коснулся въ 3-й серіи «Поправокъ и дополненій» къ моему сборнику надписей въ *Зап. Имп. Русскаго Арх. Общ.* н. с. т. VII, стр. 84. Осмотрѣвъ ее лично въ Одесскомъ музеѣ, я пришелъ къ твердому убѣжденію въ ея поддѣльности.

тельно выдерживающій шрифтъ, но что онъ и весьма основательно изучилъ эпиграфическій матеріалъ въ сборникѣ Латышева и для этого воспользовался написаннымъ на латинскомъ языкѣ комментаріемъ издателя». Въ подтвержденіе этого предположенія авторъ указываетъ на то, что президентомъ коллегіи архонтовъ въ документѣ является Аристократъ сынъ Θеокла; лицо съ этимъ именемъ и отчествомъ записано въ каталогѣ ольвійскихъ гражданъ № 114 и кромѣ того имя Аристократа упоминается въ протогеновскомъ декретѣ; отсюда является выводъ, что фальсификаторъ долженъ былъ знать, что этотъ списокъ ольвійскихъ гражданъ относится къ одному періоду времени съ протогеновскимъ декретомъ. По поводу этого можно замѣтить, что въ извѣстныхъ намъ произведеніяхъ «южнорусской епиграфической фабрики», представляющихъ связные тексты, до сихъ поръ не встрѣчалось личныхъ именъ, которыя-бы не были извѣстны изъ перваго тома нашего сборника надписей; при этомъ иногда имена съ отчествами берутся цѣликомъ изъ тѣхъ или другихъ надписей, какъ напр. Καλλισθένης Δάδου и Θρασόβουλος Φλεμνάγου въ первой изъ надписей изданной г. Штерномъ, Νεικήρατος Παπίου въ одной изъ надписей, находящихся у И. К. Суручана; иногда vice versa: такъ напр. другая изъ находящихся у г. Суручана надписей представляетъ собою декретъ въ честь Ηροσῶν Πρωτογένους, котораго фальсификаторъ хотѣлъ выдать безъ сомнѣнія за отца знаменитаго Протогена; иногда, наконецъ, имена съ отчествами комбинируются изъ разныхъ документовъ, какъ напр. въ томъ-же декретѣ въ честь Протогенова отца, архонтъ-епонимъ носитъ имя Δημοκῶν Παντηκλέους (sic.), въ первой изъ изданныхъ г. Штерномъ надписей являются Κόνων Πανταχλέους, Ἡροσῶν Κλεομβρότου, Δάδος Εὐρησιβίου, въ «Зап. Од. Общ.» XVI, стр. 11 — Διονύσιος Τιμοθέου и Ἀχιλλεύς, Ἀριστοκρίτου, въ Тирасской надписи «Зап. Од. Общ.» XVII, стр. 24 — Οὐάλης Φιλοκάλου (комбинація изъ двухъ именъ встрѣчающихся въ подлинной Тирасской надписи Inscr. P. I, № 2) и Θεοκλῆς Ἱεροσῶντος. Всматриваясь внимательнѣе въ эти имена, мы замѣчаемъ, что они за немногими исключеніями встрѣчаются въ каталогѣ ольвійскихъ гражданъ № 114, и такимъ образомъ получаемъ право признать этотъ каталогъ главнымъ источникомъ, изъ котораго фальсификаторъ черпалъ нужныя ему имена. Отсюда является вполнѣ вѣроятное

предположеніе, что имя Ἀριστοκράτης Θεοκλέους случайно попалось ему на глаза въ этомъ каталогѣ, при чемъ онъ вовсе и не думалъ о томъ, что оно послужитъ основаніемъ лестнаго мнѣнія объ его епиграфической эрудиціи. 5) Предположеніе, что фальсификаторъ «знакомъ съ гипотезами новыхъ ученыхъ на счетъ древней топографіи прибережья Буга» и въ частности съ гипотезой графа Уварова о мѣстонахожденіи Канкита, по нашему мнѣнію, нисколько не удивительно, такъ какъ эта гипотеза, не смотря на полное отсутствіе подкрѣпляющихъ ее данныхъ, пользуется на югѣ широкою извѣстностью и легко могла дойти до фальсификатора отъ какого либо мѣстнаго археолога. Кромѣ того слѣдуетъ признать, дѣйствительно, что обманщикъ обладаетъ нѣкоторыми свѣдѣніями изъ древней исторіи нашего юга: одна изъ находящихся у И. К. Суручана надписей доказываетъ, что ему извѣстно упоминаемое у одного только Поліэна имя Сарматской царицы Амаги, которую онъ, впрочемъ, почему-то заблагоразсудилъ передѣлать въ царя. Такимъ образомъ изъ всѣхъ доводовъ въ пользу подлинности письма къ Саитафарну мы находимъ болѣе или менѣе основательнымъ только слѣдующій (стр. 24—25): «Трудно допустить мысль, чтобы фальсификатору вздумалось сочинить надпись въ формѣ письма, для которой онъ въ сборникѣ Латышева, напр., могъ найти такъ мало образцовъ». Дѣйствительно, всѣ другія извѣстныя намъ поддѣльныя надписи новѣйшей фабрикаціи, т. е. представляющія связные тексты, составлены прямо по образцу того или другого изъ подлинныхъ документовъ и въ большинствѣ случаевъ изъ готовыхъ, имѣющихся въ документахъ фразъ, кое какъ связанныхъ между собою. Но при этомъ нельзя отказать фальсификатору въ достаточно развитой фантазіи, благодаря которой онъ комбинировалъ вырванныя изъ разныхъ документовъ фразы въ извѣстномъ порядкѣ и послѣдовательности и такимъ образомъ получалъ для каждаго изъ своихъ издѣлій опредѣленное содержаніе. Почему-же не допустить, что онъ, узнавъ откуда нибудь, что въ числѣ древнихъ епиграфическихъ памятниковъ встрѣчаются и письма, вздумалъ составить въ этой формѣ надпись, которая должна была привлечь покупателей новизною и интересомъ своего содержанія, и что, не зная формъ древнихъ писемъ, онъ придумалъ отъ себя первую фразу «съ адресомъ», сбоку прибавивъ на новый ладъ

«ἀντίγραφον»[1]), а затѣмъ, по своему обыкновенію, состряпалъ текстъ изъ отдѣльныхъ словъ и цѣлыхъ фразъ, надерганныхъ изъ разныхъ документовъ моего сборника. А что они дѣйствительно надерганы, это можно наглядно доказать слѣдующимъ сопоставленіемъ:

Inscr. P., №№ 21, 22 etc.	Ἐπὶ ἀρχόντων τῶν περὶ	
» » 185, v. 2:	φίλος μὲν καὶ εὐεργέτας ἁμῶν ἐών	
» » 16, v. 88:	ἔδωκε χρυσοῦς ἐνακοσίους	
» » 91 etc.	ἐκ τῶν ἰδίων.	
» » 27:	οἱ ἄρχοντες — χρυσῷ στεφάνῳ.	
» » 199:	τὸν φιλόπατριν.	

Отсюда видно, что кромѣ собственныхъ именъ и двухъ словъ βασιλεῖ σωτῆρι все остальное въ этомъ письмѣ заимствовано *безъ всякихъ измѣненій* изъ подлинныхъ документовъ. Въ виду этого врядъ-ли случайнымъ является тотъ фактъ, что *именно въ собственныхъ именахъ* оказались тѣ ошибки въ падежахъ, которыя г. Фонъ-Штернъ справедливо призналъ «весьма странными»: можно было-бы привести множество доказательствъ того, что авторъ поддѣльныхъ надписей, при своей живой фантазіи и умѣньи склеивать фразы изъ разныхъ документовъ, весьма слабъ въ элементарной грамматикѣ.

Обратимся теперь къ первой изъ изданныхъ проф. Фонъ-Штерномъ надписей. Мы уже замѣтили, что издатель вовсе не заподозрилъ ея подлинности; и дѣйствительно при первомъ взглядѣ она не представляетъ никакихъ несомнѣнныхъ признаковъ поддѣлки и какъ внѣшній видъ ея, такъ и содержаніе легко могутъ ввести въ заблужденіе. По этому мы считаемъ нужнымъ разсмотрѣть ее по возможности внимательно и для облегченія читателей повторить здѣсь ея транскрипцію.

1. Τύχηι ἀγαθῆι. Διὶ Σωτ-
ῆρι καὶ Διὶ Βασιλεῖ ἄρ-
χοντες οἱ περὶ Καλλ-
ισθένηΣ Δάδου τὸ
5. β′· Κόνων Παντακλέ-
ους, Θρασύβουλος
Φλεμνάγου, Ἡροσῶν

[1]) Это слово, быть можетъ, заимствовано изъ Inscr. P. I, № 3.

Κλεομβρότου, Δά-
δος Εὐρησιβίου ἀνέ-
θηκαν χαριστήρι-
ον ὑπὲρ Συσταθία-
ς τῆς πόλεος καὶ ε-
ἰρήνης καὶ εὐνοίας ε-
ἰς τὸν δῆμον τὸν Ὀ-
λβιοπολειτῶν
Καλλισθένης Δάδου ἀνε-
σκεύασεν ἐκ τῶν ἰδίων το-
ὺς πύργους κακῶς διακ-
ειμένους τοῦ Διὸς ναοῦ ὑ-
πὲρ τῆς πόλεος καὶ τῆς
ἑαυτῶΝ ὑγείας

Камень, на которомъ вырѣзана эта надпись, показался намъ при личномъ осмотрѣ древнимъ. Письмо документа весьма тщательное, строго выдержано въ стилѣ II—III в. по Р. Хр. и не представляетъ ничего подозрительнаго кромѣ своей превосходной сохранности и слѣдующихъ двухъ мелкихъ признаковъ: 1) трехъ ошибокъ, отмѣченныхъ въ нашей транскрипціи крупными буквами (стр. 4, 11 и 21) и 2) плющеваго листка въ концѣ строки 8. Ошибки эти, отмѣченныя уже г. фонъ-Штерномъ, вполнѣ возможны, конечно, и въ подлинныхъ документахъ, но первая подозрительна потому, что именно падежи собственныхъ именъ представляютъ собою камень преткновенія для нашего фальсификатора[1]); относительно слова Συσταθία я никакъ не могъ убѣдиться искусственнымъ объясненіемъ г. фонъ-Штерна, что «слово συσταθία, образованное совершенно правильно по аналогіи съ εὐσταθία отъ корня στα (санскр. sthâ) можетъ обозначать то положеніе или состояніе, которое вызвано окончаніемъ междуусобной войны» (стр. 13), а съ другой стороны, по его-же

[1]) Ср. οἱ περὶ ἈριστοκράτηΣ и ΠρωτογενΟΥΣ (вм. — νη) въ письмѣ къ Саитафарну, ἐπὶ ἄρχοντος ΘεοκλέΑ Ἱεροσῶντος въ *Зап. Одесск. Общ.* XVII, p. 34, Ἀχιλλεῖ ἈριστοκριτοΣ *ibid.* XVI, p. 11, Ἀναξιμένην ΠτωλομαΥΣ *ibid* p. 12; Ἡροσῶνι ΠρωτογένΟς, ἐπὶ ἄρχοντος Δημοκῶν ΠαντηκλέουΣ στεφανῶσαι ἩροσῶντΟΣ Πρωτογέν(ους), Ἀχιλλέος ΠοντάρΧΕΟΣ и т. п. въ двухъ надписяхъ, хранящихся у И. К. Суручана. Подобная-же ошибка въ *подлинномъ* документѣ Inscr. P. I, 75, οἱ περὶ ΔιογένηΣ Μακεδόνες, ἀγορανόμοι.

справедливому замѣчанію, «противорѣчитъ всѣмъ правиламъ критики предполагать, что рѣзчикъ замѣнилъ весьма обычное и хорошо извѣстное ему слово εὐσταθία не существующимъ или во всякомъ случаѣ весьма рѣдкимъ словомъ συσταθία». Для третьей ошибки г. фонъ-Штернъ далъ не менѣе искусственное объясненіе (стр. 11 внизу); если раздѣлять его, то слѣдовало-бы ожидать на камнѣ περὶ τῆς ἑαυτοῦ καὶ τῶν συναρχόντων ὑγείας. Впрочемъ мы не настаиваемъ на этой ошибкѣ, какъ на признакѣ поддѣльности, ибо она встрѣчается еще въ одной извѣстной намъ Ольвійской надписи, для признанія которой безусловно поддѣльною мы не имѣемъ достаточныхъ данныхъ. За то плющевый листочекъ въ концѣ стр. 8-й намъ кажется весьма подозрительнымъ: извѣстно, что hederae distinguentes въ Римскія времена довольно часто встрѣчаются въ греческихъ и особенно въ латинскихъ надписяхъ, но чаще всего въ концѣ ихъ или по крайней мѣрѣ между словами, а между буквами одного и того-же слова хотя-бы въ концѣ строки (какъ здѣсь) встрѣчаются лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Въ Ольвійскихъ надписяхъ употребленіе ихъ вообще не особенно широко распространено[1]) и до сихъ поръ извѣстенъ одинъ только примѣръ постановки листка въ концѣ строки послѣ нѣсколькихъ буквъ собственнаго имени, конецъ котораго перенесенъ на слѣдующую строку (Inscr. P. I, № 24 v. 3); тамъ постановка листка объясняется желаніемъ рѣзчика замаскировать пустое пространство, которое оставалось въ концѣ строки въ случаѣ переноса, но на которомъ нельзя было уписать остающейся части слова; между тѣмъ въ нашемъ случаѣ пустаго пространства почти не оставалось и листокъ оказывается совершенно лишнимъ. Между тѣмъ рѣзчикъ поддѣльныхъ надписей питаетъ особенное пристрастіе къ разнымъ украшеніямъ и ставитъ ихъ гдѣ попало. Чтобы покончить съ внѣшними признаками, слѣдуетъ еще замѣтить, что ольвійскіе рѣзчики Римскихъ временъ при переносѣ словъ изъ одной строки въ другую обыкновенно поступали (хотя, быть можетъ, безсознательно) такъ-же, какъ поступаемъ и мы, т. е. раздѣляли ихъ на слоги или старались окончить слово въ одной строкѣ, тогда какъ рѣзчикъ конца XIX вѣка дѣлаетъ переносы какъ попало; такіе переносы, какъ Σωτ-ῆρι, Καλλ-ισθένης, συσταθία-ς,

[1]) Встрѣчаются въ Inscr. P. I, №№ 22, 23, 24, 57, 74, 75, 96.

ε-ἰρήνης, ε-ἰς, Ὀ-λβιοπολειτῶν, το-ύς, διακ-ειμένους, ὑ-πέρ и т. п. въ подлинныхъ Ольвійскихъ документахъ встрѣчаются рѣдко и нѣтъ случая чтобы они встрѣчались въ такомъ изобиліи *въ одномъ и томъ-же* документѣ.

Содержаніе документа на первый взглядъ также не представляетъ особенно подозрительныхъ признаковъ. Подобныхъ записей о посвященіяхъ божествамъ отъ имени той или другой коллегіи магистратовъ (преимущественно архонтовъ и стратиговъ) найдено въ Ольвіи уже нѣсколько десятковъ. Двѣ изъ нихъ (Inscr. P. I, №№ 58, 61) содержатъ и записи о починкѣ обветшавшихъ или попорченныхъ частей храма даннаго божества, произведенной на средства самой коллегіи или на казенный счетъ. При № 61 запись о починкѣ вырѣзана болѣе мелкими буквами, какъ и при разсматриваемомъ теперь документѣ. Однако если вникнуть хорошенько въ подробности его содержанія, то нѣкоторыя изъ нихъ окажутся весьма странными и трудно объяснимыми. 1) Почтенный издатель надписи уже обратилъ вниманіе на то, что посвященіе сдѣлано *двумъ Зевсамъ*—Спасителю и Царю, «между тѣмъ какъ на дошедшихъ до насъ *ольвійскихъ* посвятительныхъ надписяхъ одно только какое нибудь божество является предметомъ почитанія». Эту странность г. фонъ-Штернъ объясняетъ предположеніемъ, что Зевсъ Царь и Зевсъ Спаситель почитались въ одномъ храмѣ какъ θεοὶ σύνναοι; но подъ именемъ θεοὶ σύνναοι или σύμβωμοι обыкновенно разумѣются *разныя* божества, почитавшіяся въ одномъ храмѣ или при одномъ алтарѣ[1]), а не *одно* божество съ разными эпитетами; кромѣ того самъ издатель находитъ страннымъ повтореніе слова Διὶ при посвященіи. 2) Посвященіе сдѣлано архонтами ὑπὲρ (ε)ὐσταθίας τῆς πόλεος καὶ εἰρήνης καὶ εὐνοίας εἰς τὸν δῆμον τὸν Ὀλβιοπολειτῶν. Первые два мотива, то вмѣстѣ, то порознь, въ соединеніи съ другими, очень

[1]) Ср. *Car. Maurer*, De aris graecorum pluribus deis in commune positis (diss. Argent., Darmst. 1885). Въ приложенномъ къ диссертаціи спискѣ всѣхъ извѣстныхъ автору случаевъ κοινοβωμίας (стр. 135—138) встрѣчается только *одинъ* примѣръ совмѣстнаго почитанія одного и того-же божества съ двумя эпитетами, именно въ Афродисіадской надписи C. I. Gr. 2750: Διὸς Λαβραύν(δου) καὶ Διὸς Μεγίστου. Но этотъ случай легко объясняется тѣмъ, что названныя божества въ сущности были различны (ср. Maurer p. 71 s. q.), и не можетъ служить аналогіею къ нашему документу.

часто являются въ Ольвійскихъ посвященіяхъ[1]), но третій встрѣчается здѣсь въ первый разъ и представляется страннымъ а) потому, что слово εὔνοια вообще рѣдко употребляется для обозначенія благосклоннаго отношенія *боговъ къ людямъ*, а обыкновенно обозначаетъ такое отношеніе между людьми[2]) и въ надписяхъ употребляется въ точномъ и опредѣленномъ смыслѣ, б) потому, что благодарственныя приношенія богамъ дѣлались греками не за неопредѣленную «благосклонность» ихъ, а за тѣ или другія опредѣленныя, такъ сказать осязательныя проявленія этой благосклонности, каковыми являются напр. εὐσταθία или εὐποσία τῆς πόλεως, εἰρήνη, ἀνδραγαθία или ὑγίεια τῶν πολιτῶν и т. п. Такимъ образомъ соединеніе указанныхъ трехъ мотивовъ просто поражаетъ своей необычностью[3]).

Не менѣе, если не болѣе странною является фраза: Καλλισθένης Δάδου ἀνεσκεδασεν ἐκ τῶν ἰδίων τοὺς πύργους κακῶς διακειμένους τοῦ Διὸς ναοῦ κτλ. Лишь мимоходомъ отмѣтивъ неудачную разстановку словъ въ подчеркнутой части фразы, мы переходимъ прямо къ вопросу: что это за «башни Зевсова храма». Подойдя къ этому вопросу, почтенный издатель надписи прежде всего предупреждаетъ читателя, что эти слова «конечно не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, будто эти башни выстроены были на самомъ храмѣ и составляли необходимыя части храма, какъ теперь у насъ соборовъ и церквей». Дѣйствительно, намъ неизвѣстны случаи, чтобы древніе храмы имѣли видъ Кельнскаго собора или Notre Dame de Paris; но приведенную фразу, кажется намъ, нельзя понимать иначе какъ въ этомъ смыслѣ. Думать вмѣстѣ съ г. фонъ-Штерномъ, что эти башни только посвящены были Зевсу и называются «башнями храма Зевса», потому, что «онѣ, какъ посвященныя Зевсу, становились достояніемъ его храма и предметомъ заботы управленія его святилища», предполагая вдобавокъ для извиненія брахилогіи, «что эти башни были построены на прилегающей близко къ храму части

---

[1]) Вмѣстѣ: Inscr. P. I, 57. Порознь, но въ соединеніи съ другими мотивами: εὐσταθία—*ibid.* 52, 54, 59, 62, 63, 75, 79, 80; εἰρήνη — 64, 77, 82, 91(?).

[2]) Такъ напр. и у насъ неупотребляются по отношенію къ Богу слова «благосклонность», «доброжелательство» и т. п.

[3]) Прибавимъ еще, что по обычному словоупотребленію послѣ εὐνοίας требовался-бы членъ τῆς.

городской стѣны»,—не позволяетъ ни точный грамматическій смыслъ фразы, ни наши свѣдѣнія о состояніи городскихъ укрѣпленій Ольвіи въ Римскія времена. Выраженіе «πύργοι τοῦ Διὸς ναοῦ», повторяемъ, можетъ обозначать только «башни Зевсова храма», т. е. принадлежащія къ храму или на немъ находящіяся; башни, посвященныя Зевсу, были бы названы несомнѣнно Διὸς πύργοι, а предположеніе, что онѣ въ такомъ случаѣ «становились достояніемъ его храма и предметомъ заботы управленія его святилища»,—ничѣмъ не можетъ быть подтверждено. Далѣе позволимъ себѣ припомнить, что при посѣщеніи Ольвіи Діономъ Хрисостомомъ, какъ извѣстно изъ 36-й его рѣчи, городъ «былъ пристроенъ лишь къ небольшой части прежней городской черты, гдѣ остается еще нѣсколько башенъ, не соотвѣтствующихъ ни величинѣ, ни силѣ нынѣшняго города; находящееся между ними пространство тѣсно застроено домишками почти безъ промежутковъ и обнесено очень низенькою и непрочною стѣною. Нѣкоторыя башни стоятъ такъ далеко отъ заселенной нынѣ мѣстности, что нельзя даже представить себѣ, чтобы онѣ принадлежали одному городу». Мы неимѣемъ никакихъ основаній предполагать, чтобы вскорѣ послѣ Діона Ольвія такъ разбогатѣла, что вмѣсто «низенькой и непрочной стѣнки» была построена массивная стѣна столь густо усаженная башнями, что даже на прилегающей близко къ храму Зевса части ея было ихъ нѣсколько, и чтобы къ концу II в. по Р. Хр.[1]) эти башни пришли уже въ ветхость; наконецъ, г. фонъ-Штернъ лишь ad hoc приставилъ храмъ Зевса близко къ городской стѣнѣ и притомъ безъ всякихъ подкрѣпленій. Изъ того же Діона можно скорѣе заключить, что храмъ Зевса находился въ центрѣ города.

Впрочемъ почтенный издатель, очевидно, самъ чувствовалъ, что съ этими «башнями Зевсова храма» дѣло обстоитъ не совсѣмъ ладно, и счелъ нужнымъ посовѣтоваться о нихъ съ своимъ коллегою А. В. Никитскимъ, ученое объясненіе котораго и приводитъ въ своей статьѣ (стр. 16, примѣч.). Но и это объясненіе, на нашъ взглядъ, никакъ не можетъ претендовать на бо́льшую вѣроятность, чѣмъ предположеніе самого г. Штерна: изъ того обстоятельства,

[1]) Къ этому времени относитъ надпись г. фонъ-Штернъ.

что πύργοι были въ периволѣ богатаго елевсинскаго храма (гдѣ, притомъ, ихъ присутствіе, по словамъ самого г. Никитскаго, могло быть объясняемо какими либо мѣстными условіями), никакъ нельзя заключать, чтобы и въ бѣдномъ, захолустномъ городишкѣ храмы окружались стѣнами съ башнями. Не проще ли будетъ думать, что эти интересные πύργοι κακῶς διακείμενοι перенесены въ нашу надпись въ готовомъ видѣ изъ Протогеновскаго документа, гдѣ въ B v. 44—45 они стоятъ en toutes lettres?

Что касается, наконецъ, личныхъ именъ архонтовъ, изъ которыхъ г. фонъ-Штернъ вывелъ такія широкія заключенія, то они намъ кажутся состряпанными по обычному реценту, уже указанному выше.

II.

Разсмотрѣвъ въ предыдущихъ строкахъ двѣ надписи, заинтересовавшія насъ съ точки зрѣнія ихъ подлинности, мы считаемъ нелишнимъ теперь изложить наши наблюденія надъ исторіей развитія и постепеннаго усовершенствованія дѣятельности «южно-русской епиграфической фабрики». Наблюденія эти въ настоящее время могутъ быть произведены надъ цѣлымъ рядомъ ея произведеній и потому, надѣюсь, будутъ хотя до нѣкоторой степени согласны съ дѣйствительностью и, можетъ статься, будутъ имѣть нѣкоторое практическое значеніе.

До появленія въ свѣтъ 1-го тома нашего сборника надписей въ 1885 г. существовалъ, насколько намъ извѣстно, лишь одинъ *достовѣрный* образчикъ подлога, именно надпись на цилиндрическомъ каменномъ сосудѣ изъ Керчи въ коллекціи И. К. Суручана, изданная нами въ Inscr. P. II, № 236, какъ несомнѣнно списанная съ надписи античной; *сомнительными* представляются намъ два камня изъ коллекціи П. О. Бурачкова изданные въ Inscr. P. I, №№ 168 и 169[1]).

[1]) Что касается до загадочныхъ надписей, изданныхъ нами въ Inscr. P. I, №№ 166 и 167 и въ *Зап. И. Р. Арх. Общ.* н. с. т. IV стр. 132—138 подъ №№ 166[1—8], то, хотя нѣкоторые ученые и склонны видѣть въ нихъ также произведенія современнаго фальсификатора, но я пока не считаю себя вправѣ открыто становиться на ихъ сторону 1) въ виду того, что онѣ по внѣшнему виду и по формамъ своихъ письменныхъ знаковъ стоятъ совершенно особнякомъ и мы не можемъ указать несомнѣннаго источника, изъ котораго

Затѣмъ, начиная съ 1885 года, въ общественные и частные музеи время отъ времени попадаютъ надписи, которыя въ настоящее время могутъ быть признаны *безусловно* поддѣльными. Первая изъ такихъ надписей попала въ музей И. К. Суручана и была издана мною въ *Зап. И. Русск. Арх. Общ.* IV, стр. 139, № 168; и затѣмъ вмѣстѣ съ тремя другими, поступившими въ музей Одесскаго Общества исторіи и древностей, въ *Зап. Од. Общ.* т. XV, стр. 498—502, подъ заглавіемъ «Загадочныя Ольвійскія надписи»[1]). Способъ фабрикаціи этихъ четырехъ надписей одинъ и тотъ-же: онѣ вырѣзаны на осколкахъ древнихъ мраморныхъ плитъ рѣзчикомъ, хорошо знакомымъ съ техникою своего ремесла, но совершенно не умѣвшимъ различать характеристическія особенности начертаній буквы различныхъ эпохъ и потому ставившимъ буквы Римской эпохи рядомъ съ болѣе древними; тексты этихъ надписей составлялись людьми, умѣвшими только *читать* по гречески, и состояли изъ набора отдѣльныхъ буквъ въ перемежку съ словами, выхваченными на удачу изъ подлинныхъ документовъ[2]). Кромѣ указанныхъ надписей къ этому періоду дѣятельности фабрики относятся еще слѣдующія:

всѣ эти знаки могли-бы быть заимствованы, 2) потому, что я не имѣю поводовъ сомнѣваться въ справедливости свидѣтельства И. К. Суручана, что одна изъ этихъ плитокъ найдена въ Ольвійской гробницѣ подъ головою покойника. Вопросъ о происхожденіи этихъ плитокъ приходится пока оставить открытымъ.

[1]) При изданіи ихъ я пользовался полученными отъ В. Н. Юргевича копіями и эстампажами, но *лично* камней не видѣлъ. Отмѣчено это въ подтвержденіе предположенія, высказаннаго Э. Р. фонъ-Штерномъ въ *Зап. Од. Общ.* XVII, стр. 22, прим. 2.

[2]) Уже при первомъ изданіи надписи, принадлежащей г. Суручану (въ Зап. И. Р. Арх. Общ. l. c.), нами было отмѣчено, что она съ перваго-же взгляда напоминаетъ надгробіе, помѣщенное въ нашемъ сборникѣ подъ № 121. Въ наибольшемъ изъ обломковъ, изданныхъ нами въ *Зап. Од. Общ.* (№ 1), кромѣ отдѣльныхъ греческихъ, словъ уже отмѣченныхъ нами при изданіи, нашлась слѣдующая весьма любопытная подробность: въ началѣ строкъ 4 и 5 этого обломка читаются буквы

ΤΟΜΒΩ ΚΑΡΟΝ
ΚΑΙΤΟ

Эти самыя буквы оказались въ присланной И. К. Суручану въ 1887 году его корреспондентомъ евреемъ невѣрной копіи надписи на посвященномъ Ахиллу жертвенникѣ, находящейся нынѣ въ музеѣ г. Суручана. Замѣтивъ это совпаденіе, я вполнѣ убѣдился въ поддѣльности изданныхъ мною «загадочныхъ надписей», но не рѣшался заявлять объ этомъ печатно до тѣхъ поръ, пока не увижу ихъ собственными глазами, что удалось мнѣ только весною 1894 года.

1) Надпись на мраморной четыреугольной колоннѣ, купленной у Очаковскаго еврея и найденной, по его словамъ, въ Аккерманѣ, изданная В. Н. Юргевичемъ въ *Зап. Од. Общ.* XVI, стр. 12, № 3; 2) Надпись на мраморной плитѣ, находящаяся у профессора Ѳ. И. Успенскаго и изданная, какъ поддѣльная, проф. Э. Р. фонъ-Штерномъ въ *Зап. Од. Общ.* XVII, стр. 22, прим. 2[1]); 3 и 4) двѣ надписи на обломкахъ, находящаяся въ музеѣ И. К. Суручана.

Въ началѣ 1890-хъ годовъ организаторы этой новой отрасли промышленности, быть можетъ замѣтивъ, что ихъ неумѣлыя поддѣлки возбуждаютъ сильное недоумѣніе, стали заботиться объ ихъ усовершенствованіи. Къ ихъ услугамъ для составленія текстовъ (рѣзчикъ остался тотъ-же) явилось лицо, которое на столько мараковало по гречески, что умѣло ловко выхватывать изъ подлинныхъ документовъ, изданныхъ въ нашемъ сборникѣ, цѣлыя фразы и склеивать ихъ между собою такъ, что получалось подобіе связнаго текста, подчасъ имѣвшаго вполнѣ ясный смыслъ; но при этомъ сочинитель текстовъ, какъ уже замѣчено выше, былъ до нельзя слабъ въ элементарной грамматикѣ (какъ въ этимологіи, такъ и въ синтаксисѣ) и не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о различныхъ греческихъ діалектахъ, вслѣдствіе чего преспокойно уснащалъ quasi-Ольвійскіе или Тирасскіе документы дорическими фразами, а кромѣ того не имѣлъ понятія и о стилѣ документовъ разныхъ эпохъ. Наиболѣе типическими образчиками этого болѣе усовершенствованнаго способа фабрикаціи являются двѣ надписи, пріобрѣтенныя въ 1892 году И. К. Суручаномъ у очаковскаго еврея Гохмана и осмотрѣнныя мною въ маѣ 1893 года. Обѣ онѣ весьма значительнаго объема (въ одной 30 строкъ, въ другой слишкомъ 25), одна вырѣ-

---

[1]) Эта надпись представляетъ собою наиболѣе усовершенствованный образчикъ поддѣлокъ разсматриваемой категоріи, такъ какъ въ ней уже ясно замѣтно стремленіе составить связный греческій текстъ. Если исправить ошибки, сдѣланныя несомнѣнно рѣзчикомъ, пополнить пропущенныя буквы и возстановить недописанныя окончанія словъ, то текстъ получится въ слѣдующемъ видѣ: Πόλεως Ὀλβιοπ(ολιτῶν) ἐφιλοτειμησάμ(ην) ἐκ τῆς ἐξόδου πόλεως [ΑΙ] στρατηγ(ὸυ) Παπίαν Πραξιάνακτος χρυσοῦς ἑκατ(ὸν) Θεόδωρος Τουμβάγ(ου) [ΞΕ] Τρύφ(ων) ΡΗΦΩΝΝΕ Ἱσταῖος Σαδαί(ον) ΛΕΙΟΦΑ ⌈ν⌉ ΠΔΕΥ. Β | ΜΡ. Ἄβραγ(ος) Δημητρ(ίου) ΕΙ χρυσοῦς στρατηγήσαντ(ι) καλῶς καὶ ἀντίγραφον ἀποτεθῆναι εἰς τὰ δημόσια. Ἐγένετο ἐν Ὀλβιο μηνὸς Βοηδρομιῶνος γ'. Текстъ весьма любопытный для характеристики познаній фальсификатора.

зана, повидимому, на новой мраморной плитѣ, а другая на древней, нарочито пріобрѣтенной (какъ потомъ оказалось по произведенному г. Суручаномъ разслѣдованію) въ Керчи. Первая содержитъ декретъ въ честь Иросонта Протогенова, цѣликомъ склеенный (съ грубѣйшими грамматическими ошибками) изъ фразъ, встрѣчающихся въ подлинныхъ документахъ (Inscr. P. I, №№ 47, 24, 22, 25, 195, 199, 16, 26 и др.), и заключающій въ себѣ, между прочимъ, упоминаніе о Сарматскомъ царѣ Амагѣ, а вторая — составленный по образцу Inscr. P., № 22, съ подобнымъ же перечнемъ городовъ въ заголовкѣ, декретъ въ честь Никирата Папьева; въ немъ рука составителя разгулялась еще больше и нанизала фразы болѣе чѣмъ изъ десятка подлинныхъ Ольвійскихъ и Херсонисскихъ документовъ. Среди множества ошибокъ въ немъ есть одна особенность, весьма любопытная для характеристики фальсификатора: вмѣсто Θ вездѣ поставлено Φ[1]); отсюда мы имѣемъ право заключить, что составитель текста учился въ такой школѣ, гдѣ Θ и Φ неразличались въ произношеніи, но учился такъ мало или такъ давно (а можетъ быть и такъ плохо), что совсѣмъ забылъ о существованіи Θ въ греческой азбукѣ. Что касается до характера письма этихъ образчиковъ, то въ первомъ еще наблюдается смѣшеніе формъ буквъ разныхъ эпохъ и замѣчается весьма близкое сходство съ пошибомъ письма вышеуказанныхъ надписей первой категоріи (такъ что ихъ можно съ полною увѣренностью считать произведеніями одного и того-же рѣзчика), тогда какъ во второмъ стиль буквъ уже недурно выдержанъ въ духѣ римской эпохи. Тоже можно сказать и про третій образчикъ этой же категоріи—надпись на мраморной плитѣ, якобы найденной въ колоніи Шабо и купленной А. Л. Бертье-Делагардомъ въ маѣ 1893 г. у того-же Гохмана для музея Одесскаго общества исторіи и древностей. Она издана, какъ поддѣльная, В. Н. Юргевичемъ въ *Зап. Од. Общ.* т. XVII, стр. 33. Надпись вырѣзана, кажется, на древней мраморной плитѣ, характеръ буквъ хорошо выдержанъ и, хотя ошибки встрѣчаются еще въ изобиліи, но текстъ представляетъ уже не механическую склейку фразъ изъ

[1]) Напр. φιλαφρωπία = φιλανθρωπία, ἤφεσι = ἤθεσι, πάφος = πάθος, Σκυφῶν = Σκυθῶν, μαφεῖν = μαθεῖν и т. п.

подлинныхъ документовъ, а, такъ сказать, свободную композицію, хотя еще очень близко примыкающую къ образцамъ[1]).

Къ этой-же категоріи можно отнести маленькую надпись, купленную для музея Од. общества въ 1892 году и изданную В. Н. Юргевичемъ въ *Зап. Од. Общ.* т. XVI, стр. 11, № 1: она цѣликомъ списана съ № 118 нашего сборника только съ перемѣною личныхъ именъ, при которой фальсификаторъ не обошелся безъ ошибки (Ἀχιλλεῖ ἈριστοκριτοΣ), но вырѣзана безукоризненно и характеръ буквъ вполнѣ выдержанъ. Сюда-же можно было-бы присоединить надписи на двухъ гранитныхъ лодочкахъ, пріобрѣтенныхъ въ 1891 году для Московскаго Историческаго музея изъ сел. Бейкуши близъ Очакова, изданныя мною въ *Зап. И. Р. Арх. Общ.* т. V, стр. 363—4; В. Н. Юргевичъ еще ранѣе ихъ пріобрѣтенія въ Москву выразилъ сомнѣніе въ ихъ древнемъ происхожденіи[2]), а въ настоящее время я и самъ имѣю нѣкоторыя подозрѣнія на этотъ счетъ[3]), но, не видѣвъ лично этихъ камней, не рѣшаюсь высказаться окончательно.

Наконецъ къ третьей категоріи могутъ быть отнесены двѣ надписи, разсмотрѣнныя нами въ первой главѣ настоящей статьи: онѣ представляютъ собою наиболѣе совершенные образчики произведеній эпиграфической фабрики, являясь еще болѣе свободной композиціей, хотя и на «заимствованные сюжеты»[4]). Остается выразить

---

[1]) Вотъ составъ надписи: формула Τυραν[οὶ] ἔδωκαν πολιτείαν составлена по образцу Inscr. P. I, № 8; форма Βοσκορεανῶι взята изъ № 115; имя съ отчествомъ Οὐάλεντι Φιλοκάλου составлено изъ двухъ именъ, встрѣчающихся въ тѣхъ-же падежахъ въ № 2; πρεσβεύσαντα τὸ δεύτερον взято (съ ошибкой въ падежѣ) изъ № 199; титулъ императора составленъ по № 109; ὑπὲρ τῶν συμφερόντων τῆς πατρίδος—изъ № 200; καλῶς καὶ δημωφελῶς—изъ № 21; ταῦτ' ἔδοξε βουλῆι—изъ Херсонисскихъ декретовъ и т. д.

[2]) См. Протоколъ 258 засѣд. И. Од. Общ. ист. и древн., 5 апрѣля 1891 года (отдѣльная брошюра).

[3]) См. *Зап. И. Р. Арх. Общ.* т. VII, стр. 78.

[4]) У меня есть нѣкоторое невольно закравшееся подозрѣніе, что мы обладаемъ еще однимъ, вполнѣ безукоризненнымъ образчикомъ поддѣлки, но я не рѣшаюсь указывать на него, не будучи въ состояніи привести *вполнѣ убѣдительныхъ* доказательствъ своей мысли. Замѣчу еще, что дѣятельность фабрики простирается не только на лапидарные памятники, но и на драгоцѣнныя вещи: извѣстно нѣсколько примѣровъ поддѣльныхъ надписей на золотыхъ вещахъ, повидимому, древняго происхожденія.

надежду, что эти два продукта высокаго качества будутъ и послѣдними произведеніями мошеннической шайки и что теперь, когда ея тайны раскрыты, заведенная ею фабрика должна будетъ поневолѣ прекратить свою дѣятельность за неимѣніемъ сбыта.

В. Латышевъ.

С.-Петербургъ, Октябрь 1894.

ОПЕЧАТКИ

въ статьѣ В. В. Латышева „О поддѣльныхъ греческихъ надписяхъ изъ Южной Россіи“.

Стр.	2,	строка	7	съ низу:	напечатано:	*во время*	—	слѣдуетъ читать:	*вѣрно.*
»	3	»	5	съ верху:	»	вниманіе	—	» »	вниманія
»	7	»	9	» »	»	*По* этому	—	» »	*по*этому
»	7	»	8	съ низу:	»	повторить	—	» »	повторимъ
»	10	»	3	» »	»	C. *I.* Gr.	—	» »	C. *J.* Gr.
»	11	»	17	съ верху:	»	«башни Зевсова храма.	—	» »	«башни Зевсова храма»?
»	12	»	15	» »	»	стѣною	—	» »	стѣнкою.
»	14	»	12	» »	»	буквы	—	» »	буквъ
»	14	»	12	съ низу:	»	*отмѣчено*	—	» »	*отмѣчаю.*
»	15	»	6	съ верху:	»	находящаяся	—	» »	находящіяся
»	15	»	4	съ низу:	»	στρατηγ(ὸυ)	—	» »	στρατηγὸ(ν)
»	16	»	10	съ верху:	»	Папьева	—	» »	Папіева.

Діонисъ
на нашей деканѣ.

Діонисъ
на черепкѣ изъ Ѳеодосіи.

Діонисъ
на арибаллѣ изъ коллекціи
Сабурова.

Вновь найденная лекана изъ Керчи съ изображеніемъ Діонисова тіаса.

I.

Зимой позапрошлаго года г. завѣдующій Мелекъ-Чесменскимъ курганомъ пріобрѣлъ изображенную на прилагаемой при семъ таблицѣ (№ 1) древне-греческую вазу, которая составляетъ теперь выдающееся украшеніе музея Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Ваза эта, причисляемая по формѣ своей къ группѣ такъ называемыхъ леканъ (λεκάνη), найдена была разбитой на мелкіе куски; но по счастливой случайности всѣ фрагменты ея такъ хорошо сохранились, что удалось возстановить ее цѣликомъ въ первоначальномъ ея видѣ.

Вопросъ о назначеніи этихъ круглыхъ, снабженныхъ крышкой, сосудовъ съ двумя ручками на низкой подставкѣ можетъ считаться теперь вполнѣ выясненнымъ. Послѣ основательнаго изслѣдованія покойнаго академика Л. Стефани[1]) о леканахъ едва-ли можетъ быть сомнѣніе, что показанія древнихъ свидѣтельствъ относительно употребленія этихъ сосудовъ неточны. Уже незначительный объемъ всѣхъ дошедшихъ до насъ леканъ (наша имѣетъ въ діаметрѣ не больше 36 стм., ея высота съ крышкой и подставкой 13 стм.) показываетъ, что онѣ не употреблялись при умываніи водою. Изъ вазныхъ рисунковъ, въ которыхъ изображаются леканы, Стефани вывелъ несомнѣнное заключеніе, что леканы составляли принадлежность женскаго обихода и служили при омовеніи рукъ и ногъ какими-нибудь ароматическими жидкостями во время туалета или за столомъ. Только при этомъ объясненіи форма и отдѣлка этихъ сосудовъ становятся вполнѣ понятными. Чтобы наливавшіеся въ нихъ ароматы

[1]) Л. Стефани: Отчетъ Арх. Комм. за 1860 годъ.

не выдыхались, леканы должны были быть снабжены крышками, которыя мы при остальныхъ умывальныхъ сосудахъ не встрѣчаемъ; тщательная-же и изящная отдѣлка леканъ является совершенно естественной характерной чертой ихъ, разъ мы знаемъ, что онѣ составляли настоящіе предметы роскоши и употреблялись при туалетѣ богатыхъ представительницъ прекраснаго пола у грековъ. Правда, и здѣсь уже можно наблюдать въ нѣкоторой степени то явленіе, которое въ наше время достигаетъ такихъ широкихъ размѣровъ, а именно, что низшіе классы подражаютъ привычкамъ и мнимымъ потребностямъ высшаго общества; конечно, ихъ средства имъ не позволяютъ пріобрѣтать драгоцѣнные предметы роскоши или росписныя вазы, изготовленныя настоящими художниками. Но ихъ желанію имѣть подобные предметы за небольшія деньги идетъ на встрѣчу предпріимчивость фабрикантовъ. Изготовляется товаръ низкаго качества и небрежной работы, и женщины среднихъ и низшихъ сословій вполнѣ удовлетворены тѣмъ, что въ ихъ домахъ красуются вещицы обихода дамъ высшихъ классовъ,—вещицы, которыя при очень бѣгломъ взглядѣ могутъ показаться дѣйствительно предметами роскоши. Какъ и теперь, такъ и въ древности счастливыхъ владѣтельницъ подобныхъ бездѣлокъ едва-ли безпокоила мысль о томъ, что вся суть этихъ вещицъ состоитъ въ ихъ художественной и изящной отдѣлкѣ, и что онѣ безъ нея, такъ сказать, лишены права на существованіе. Подтвержденіемъ только что сказаннаго являются нѣсколько леканъ, тоже недавно пріобрѣтенныхъ изъ Керчи для музея Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. По формѣ и орнаментикѣ своей онѣ являются подражаніемъ хорошимъ образцамъ; но за то качество матеріала, сюжеты рисунка на крышкахъ и исполненіе этихъ рисунковъ имѣютъ свой полнѣйшій пандáнъ въ тѣхъ предметахъ новѣйшаго фабричнаго производства, которые такъ вѣрно характеризуются двумя словами: «дешево, но плохо».

Какъ ни интересно съ точки зрѣнія древней культуры прослѣдить только что затронутый вопросъ подробнѣе, однако справедливость требуетъ замѣтить, что леканы въ отдѣльности едва-ли могутъ служить самой удобной точкой отправленія для такого изслѣдованія. Въ общемъ надо сказать, что большинство извѣстныхъ намъ леканъ заслуживаетъ по своему художественному исполненію вниманія архе-

олога, хотя конечно лишь немногія, что касается изящества и мастерства рисунка, могутъ сравниться съ изображенной на нашей таблицѣ.

Что леканы съ наливавшимися въ нихъ ароматами по преимуществу составляли предметъ употребленія только женщинъ высшаго класса, доказывается между прочимъ и малочисленностью найденныхъ до сихъ поръ леканъ. Л. Стефани въ 1860 году насчитывалъ ихъ всего лишь 34 штуки; хотя съ этого времени ихъ число навѣрно удвоилось, или, если считать отдѣльные фрагменты, можетъ быть, утроилось, однако всетаки оно должно считаться весьма незначительнымъ въ сравненіи съ тысячами хранящихся въ европейскихъ и американскихъ музеяхъ и частныхъ коллекціяхъ древне-греческихъ сосудовъ другихъ формъ. Кромѣ пантикапейскихъ, къ которымъ прибавляются въ новѣйшее время и нѣсколько фрагментовъ изъ Ѳеодосіи,— извѣстны леканы изъ городовъ Южной Италіи и изъ Аѳинъ, которыя были несомѣнно ихъ главнымъ мѣстомъ фабрикаціи[1]). Живыя торговыя сношенія между Аѳинами и колоніями на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря съ V-го вѣка[2]) съ одной стороны, и изнѣженный образъ жизни крупныхъ хлѣбныхъ торговцевъ въ Пантикапеѣ—съ другой, объясняютъ странный на первый взглядъ фактъ, что главная масса извѣстныхъ намъ леканъ происходитъ изъ Керчи. Цвѣтущіе города на Понтѣ жили въ V и IV вѣкахъ чисто эллинскою жизнью, и самые драгоцѣнные предметы искусства и художественной промышленности Аѳинянъ, не имѣвшихъ въ то время серьезныхъ соперниковъ на сѣверномъ рынкѣ, находили себѣ тамъ много истинныхъ цѣнителей, владѣвшихъ достаточными средствами, чтобы отборной и изящной обстановкой домашней жизни вознаградить себя за многія лишенія, связанныя съ пребываніемъ вдали отъ центровъ тогдашней культуры.

---

[1]) Срв. Rayet et Collignon: Histoire de la Céramique grecque. 1888 p. 284.

[2]) Срв. Фармаковскій: Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, т. XVI, стр. 31, примѣч. 3. Rayet et Collignon: Histoire de la Céramique grecque, p. 262. Girard: La peinture antique, p. 244; однако названные ученые ошибаются, утверждая, что торговыя сношенія Аѳинъ съ Босфоромъ Киммерійскимъ начались только съ IV вѣка и что главная масса Керченскихъ леканъ принадлежитъ IV и III вѣкамъ. Богатыя находки въ курганахъ: «Юзъ-Оба», «Куль-Оба», «Патиніоти», «Семи Братьевъ» и т. д. отчасти уже самимъ Стефани отнесены къ началу IV и концу V вѣковъ; что эта датировка должна быть отодвинута еще глубже въ V вѣкъ, показали Kieseritzky: Athenische Mittheilungen VIII, S. 312, Furtwängler: Der Goldfund von Vettersfelde; онъ-же въ Roschers Mythолog. Lexikon I, Sp. 1771. Milchhöfer: Jahrbuch des kaiserl. deutschen archeol. Institutes 1894, S. 76—77.

Тѣмъ, что леканы составляли одну изъ потребностей женщинъ состоятельныхъ классовъ, объясняется и довольно ограниченный кругъ сюжетовъ леканныхъ рисунковъ. Главнымъ образомъ эти сюжеты берутся изъ дѣйствительной жизни самихъ женщинъ. Преобладаютъ въ этихъ рисункахъ воспроизведенія сценъ женскаго туалета и другихъ моментовъ изъ обыденной жизни дамъ, какъ-то: разнаго рода танцевъ, игръ и увеселеній. Точно также часто изображаются любовныя сцены и свадебные кортежи; и эти сюжеты взяты изъ дѣйствительной жизни, но присутствіе эротовъ, Афродиты, Пана и другихъ божествъ придаетъ этимъ интимнымъ жанровымъ картинкамъ извѣстный идеальный характеръ, который составляетъ замѣчательную особенность великихъ живописцевъ періода высшаго процвѣтанія греческаго искусства. Рѣже мы имѣемъ на крышкахъ леканъ изображенія миѳологическихъ сценъ; если-же они встрѣчаются, то и здѣсь художники, при выборѣ сюжетовъ изъ названной области, ограничиваются такими, въ которыхъ, согласно назначенію украшаемыхъ ими сосудовъ, женскому элементу принадлежитъ самая видная роль или въ которыхъ изображаемая сцена изъ дѣяній героя или бога имѣетъ непосредственное отношеніе къ преданіямъ о выдающемся участіи женщинъ въ религіозной и культурной жизни грековъ.

Картина на нашей леканѣ — Діонисовъ тіасъ — можетъ быть отнесена какъ къ той, такъ и къ другой категоріи названныхъ миѳологическихъ сюжетовъ. Она заслуживаетъ нашего вниманія не только по изумительной красотѣ и изяществу ея исполненія, изобличающаго въ ея мастерѣ необыкновенный талантъ и громадную техническую ловкость, но и главнымъ образомъ потому, что болѣе глубокое вниканіе въ композицію сцены и въ способъ воспроизведенія и изображенія отдѣльныхъ ея фигуръ даетъ намъ возможность точнѣе прослѣдить развитіе извѣстныхъ типовъ въ греческомъ искусствѣ и такимъ образомъ выяснить нѣкоторые пункты въ исторіи весьма интереснаго отдѣла художественной дѣятельности грековъ — въ исторіи ихъ вазной живописи.

II.

На крышкѣ нашей леканы, богато украшенной художественно проведенными пальметтами, представлена сцена изъ Діонисова цикла, Художникъ изображаетъ Вакхическій тіасъ въ мастерской композиціи,

весьма умно соображенной съ условіями данной плоскости. Юный богъ въ идеальной наготѣ сидитъ на скалѣ, покрытой его ниспавшимъ плащемъ. Голова его украшена плющевымъ вѣнкомъ; въ лѣвой рукѣ онъ держитъ тирсъ; правая, внизъ опущенная, какъ будто легко опирается о скалу. Вся осанка великолѣпно нарисованной фигуры и особенно выраженіе лица съ немного вверхъ поднятымъ взоромъ ясно показываютъ, что богъ въ задумчивости погруженъ въ какія-то пріятныя мечты. Съ правой стороны изображенъ крылатый эротъ; немного нагнувшись впередъ, онъ стоитъ лѣвой ногой на землѣ, между тѣмъ какъ правая поднята на скалистое возвышеніе, обозначенное на рисункѣ нѣсколькими теперь почти совсѣмъ исчезнувшими штрихами. Въ правой рукѣ эротъ держитъ кубокъ — кантаръ—съ виномъ, который протягиваетъ богу. Съ другой стороны приближаются къ занимающему центръ композиціи Діонису двѣ менады; стоящая ближе къ богу подноситъ ему на блюдѣ праздничный пирогъ; она при этомъ однако поворачиваетъ голову назадъ, будучи занята живымъ разговоромъ съ слѣдующей за нею подругой, которая слегка прислонилась локтемъ къ ея плечу. Съ обѣихъ сторонъ этой группирующейся около Діониса спокойно представленной сцены мы имѣемъ картину настоящаго Вакхическаго неистовства: за названными двумя менадами изображена также спутница Діониса, которая въ болѣе чѣмъ живомъ движеніи бьетъ въ тимпанъ, а на другой сторонѣ за эротомъ менада и силенъ въ полномъ изступленіи растягиваютъ молодую козулю, захвативъ ее одновременно за заднія и переднія ноги. Исполненіе особенно этихъ трехъ послѣднихъ фигуръ обнаруживаетъ въ художникѣ гибкость кисти, легкость руки и техническое совершенство, которыя достойны полнаго удивленія. Вазный живописецъ ставитъ себѣ весьма трудную задачу изображать человѣческую фигуру въ состояніи полнаго неистовства и съ этой задачей справился совершеннѣйшимъ образомъ. Во всѣхъ чертахъ и линіяхъ этихъ гибкихъ фигуръ, начиная съ головы и кончая пальцами ногъ, выражено стремительное движеніе и съ этимъ движеніемъ гармонируетъ какъ нельзя лучше воспроизведеніе одежды, совершенно соотвѣтственно требованію Гете, чтобы одежда являлась эхомъ фигуры. И несмотря на всю смѣлость позъ, на весь реализмъ концепціи, художникъ все таки съумѣлъ не нарушать законовъ вѣчно-прекраснаго и не выходить изъ предѣ-

ловъ идеальной задачи своего искусства. Какъ исполненіе отдѣльныхъ фигуръ изобличаетъ въ ихъ авторѣ мастера, изучившаго до мельчайшихъ подробностей всѣ пріемы и тайны живописной техники, такъ и группировка этихъ фигуръ въ общемъ, вся композиція картины свидѣтельствуетъ о его художественномъ чутьѣ. Слова Гартвига[1]), употребленныя имъ для характеристики изображенія Вакхическаго тіаса на чашѣ, хранящейся въ Бальтиморскомъ музеѣ: «Der Gegensatz der mehr feierlich gehaltenen Seite mit dem, von harmonisch bewegten Mänaden umgebenen, ruhig dastehenden Dionys in der Mitte, und andererseits der immer lebhafter anschwellenden Bewegung der Gruppen von Silenen und Mänaden ist so fein empfunden, dass das Ganze nahezu den Charakter einer musikalischen Composition an sich hat» — съ бо́льшимъ еще правомъ примѣнимы къ картинѣ на крышкѣ нашей леканы.

Но отдавъ полную дань признанія красотѣ и изяществу нашей картины, мы пока этой общехудожественной оцѣнкой рѣшили только незначительную часть нашей настоящей задачи. Правда, такая оцѣнка необходима и при разсмотрѣніи всякаго предмета античнаго искусства, и слѣдуетъ требовать отъ археолога, чтобы онъ, образовавъ свой вкусъ на изученіи лучшихъ твореній искусства всѣхъ временъ и познакомившись съ выработанными въ продолженіи вѣковъ художественными теоріями, анализировалъ и съ этой точки зрѣнія данное произведеніе античнаго творчества; но этимъ его задача не исчерпывается. Не его дѣло восторгаться какимъ-нибудь художественнымъ произведеніемъ или осуждать его, основываясь въ своей критикѣ на субъективномъ чувствѣ и современномъ пониманіи конечныхъ цѣлей искусства. Обязанность его по преимуществу объяснять значеніе отдѣльныхъ композицій и опредѣлять ихъ мѣсто въ исторіи художественнаго развитія.

Итакъ, чтобы въ данномъ случаѣ найти вѣрный отвѣтъ на вопросы, въ чемъ помимо техническихъ преимуществъ заключается заслуга нашего живописца, насколько онъ является самостоятельнымъ

---

[1]) P. Hartwig: Die griech. Meisterschalen der Blüthezeit des strengen rothfigurigen Stiles. Stuttgart u. Berlin 1893. S. 290. Гартвигъ съ полнымъ основаніемъ въ названной вазной картинѣ усматриваетъ работу извѣстнаго гончара-художника Гіерона.

въ концепціи своей картины и въ созданіи типовъ, какая роль принадлежитъ ему въ разработкѣ избраннаго сюжета, слѣдуетъ предварительно обозрѣть и прослѣдить значеніе и разные виды воспроизведенія Діонисова цикла въ греческомъ искусствѣ вообще и въ вазной живописи въ частности, а съ другой стороны сравнительнымъ анализомъ отдѣльныхъ фигуръ нашей картины точнѣе опредѣлить занимаемое ею мѣсто въ цѣломъ рядѣ сродныхъ произведеній. Только путемъ такого анализа возможно будетъ опредѣленно установить законы и пріемы въ этой интересной области греческаго художественнаго творчества.

III.

Культъ Діониса и связанный съ нимъ циклъ миѳологическихъ преданій пользовался во всѣ періоды греческой жизни особеннымъ вниманіемъ какъ представителей «великаго искусства», такъ и вазныхъ живописцевъ. Ими руководило при выборѣ сюжетовъ изъ Діонисова цикла вѣрное художественное чутье. Дѣйствительно этотъ циклъ содержитъ такое множество исполненныхъ глубокимъ драматизмомъ моментовъ, такую массу сценъ, поражающихъ непосредственностью и живостью концепціи, что воспроизведеніе ихъ въ области образовательнаго искусства должно было показаться заманчивой задачей для творческой фантазіи эллиновъ.

Оргіастическій культъ Діониса, о которомъ гомеровскія эпопеи такъ мало еще знаютъ, принесенъ былъ извнѣ въ Грецію. Съ ѳракійскаго сѣвера онъ распространялся съ непобѣдимостью стихійной силы[1]) черезъ Беотію и Аттику до юга Пелопоннеса. Проникновеніе этого оргіастическаго культа Роде[2]) чрезвычайно удачно сравниваетъ съ той эпидемической «Tanzwuth», которая охватила прирейнскія области въ XIV вѣкѣ послѣ великой чумы; подобно ей и Діонисическій оргіазмъ встрѣтилъ сопротивленіе со стороны разумной части населенія — сопротивленіе, о которомъ такъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ миѳы о дочеряхъ Миніи въ Орхоменѣ, Пройта въ Тиринѳѣ, о царяхъ Пенѳеѣ въ Ѳивахъ, Персеѣ въ Аргосѣ и т. д.[3]) Попытки,

[1]) Eurip. Bacch. v. 32, 213, 487 и т. д.

[2]) Erwin Rhode: Psyche II, 1894, S. 331.

[3]) Rhode: Psyche II, S. 328.

правда, ученыхъ разныхъ временъ усматривать въ этихъ сказаніяхъ, принадлежащихъ въ большинствѣ случаевъ къ числу такъ называемыхъ «прототипическихъ миѳовъ», рядъ исторически опредѣляемыхъ событій, могутъ съ теперешней точки зрѣнія науки только вызвать улыбку, но, тѣмъ не менѣе, во всѣхъ этихъ миѳахъ кроется извѣстное зерно исторической истины, и мы можемъ ими пользоваться какъ желаннымъ подтвержденіемъ добытыхъ инымъ путемъ фактовъ. Во первыхъ, всѣ эти миѳы построены на предположеніи, что культъ Діониса проникъ въ Грецію какъ нѣчто первоначально чуждое эллинскому быту и его воззрѣніямъ — предположеніи, которое явно соотвѣтствуетъ дѣйствительному ходу событій. Во вторыхъ, во всѣхъ этихъ миѳахъ является одна общая, мы можемъ сказать, типическая черта: это именно участіе женщинъ въ распространеніи новаго культа, ихъ видная роль въ водвореніи Вакхическаго неистовства на почвѣ Эллады. Разныя историческія свидѣтельства — на первомъ мѣстѣ разсказъ Геродота[1]), равно какъ и организація культа Діониса даже въ историческое время[2])—вполнѣ подтверждаютъ вѣрность этой черты нашего миѳологическаго преданія. Замѣтимъ кстати, что и вазные живописцы, должно быть, убѣждены были въ преобладающемъ значеніи женскаго элемента въ исторіи распространенія культа ѳракійскаго бога; тотъ фактъ, по крайней мѣрѣ, что они изображали Вакхическій тіасъ на предметахъ исключительно женскаго обихода, украшаемыхъ по господствующему обычаю также исключительно сюжетами, имѣющими тѣсное отношеніе къ жизни и дѣятельности женщинъ, едва-ли допускаетъ другое толкованіе. Если такимъ образомъ двѣ главныя общія черты нашего миѳологическаго преданія оказались соотвѣтствующими историческому ходу дѣлъ, то и нѣтъ основанія считать праздным вымысломъ характерное повѣствованіе нашихъ миѳовъ о сильномъ сопротивленіи, которое въ разныхъ мѣстностяхъ

---

[1]) Herod. IX, 34. Aelian Var. hist. III, 42. Plut. Mul. virt. p. 249 E. Срв. и свидѣтельства объ оргіастическомъ культѣ Діониса въ Спартѣ, приведенныя у Rhode: Psyche II, S. 333, Anmerk. 3.

[2]) Роль жены архонта—царя въ Аѳинахъ въ культѣ Діониса, коллегіи ѳіадъ въ Аѳинахъ и Дельфахъ должны быть здѣсь упомянуты на первомъ мѣстѣ. Матеріалъ по этому вопросу хорошо, хотя, какъ мы увидимъ ниже, нѣсколько односторонне, разработанъ въ изслѣдованіи Rapp'a: Die Maenade im griechischen Kultus, in der Kunst und Poesie, Rhein. Museum Bd. 27 (1872) S. 10 folg.

Греціи встрѣчало водвореніе культа Діониса[1]). Нужно, напротивъ, признать, что въ такихъ и подобныхъ сказаніяхъ сохранились историческія воспоминанія, облеченныя, какъ все древнѣйшее преданіе грековъ, въ форму мифа, создавшаго изъ дѣйствительныхъ событій съ ихъ случайностями образы прототипическаго значенія. Но это сопротивленіе Діонисическому оргіазму вдругъ прекращается: прекращается оно, какъ Роде показалъ, именно тогда, когда культъ Діониса проникъ въ средоточіе религіозной жизни Эллады—въ Дельфы.

Выходитъ изъ границъ моей задачи прослѣдить взаимное воздѣйствіе двухъ религій, Аполлоновой и Діонисовой [2]), и показать какъ подъ покровительствомъ дельфійскихъ жрецовъ культъ Діониса распространяется мирнымъ путемъ все дальше и дальше и какъ онъ подъ вліяніемъ Аполлоновой религіи въ значительной степени, хотя и не повсемѣстно, какъ полагаетъ Раппъ [3]), теряетъ свою первоначальную необузданность.

Я тѣмъ болѣе могу ограничиться этими общими замѣчаніями, что намѣченные только что вопросы нашли себѣ блестящее рѣшеніе въ названномъ сочиненіи профессора Роде, допускающемъ впрочемъ въ своей основной идеѣ весьма серьезныя возраженія.

Однако, интересуясь здѣсь распространеніемъ Діонисова культа съ точки зрѣнія исторіи искусства и спеціально аттической вазной живописи, я долженъ коснуться еще одного изъ относящихся сюда вопросовъ, потому что онъ имѣетъ непосредственное значеніе для рѣшенія главной нашей задачи. Для вѣрной именно оцѣнки творческой дѣятельности аттическихъ художниковъ и ихъ отношеній къ религіи Діониса, важно хоть приблизительно опредѣлить періодъ вре-

---

[1]) Срв. Schol. къ Aristophan. Achar. v. 243.

[2]) Стефани: Отчетъ Импер. Археол. Коммисіи за 1866 годъ стр. 61.

[3]) Rapp: Die Mänade и т. д. въ Rhein. Museum 27 (1872) въ общемъ вѣрно разграничиваетъ и отличаетъ дѣйствительный историческій культъ Діониса въ Греціи отъ оракійскаго оргіизма, который намъ изображаютъ поэты и художники. Однако онъ заходитъ слишкомъ далеко, отрицая существованіе всякихъ оргіастическихъ элементовъ въ культѣ Діониса въ Греціи. Мы имѣемъ рядъ свидѣтельствъ (напр. срв. Plut. Mul. virt. p. 249 E, Diodor IV, 68, 4. Apollodor II, 2. Paus. II, 18, 4 и т. д.), что въ нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ, мѣстностяхъ эти элементы проявлялись замѣтнымъ образомъ и попытка Раппа путемъ натянутой интерпретаціи поколебать значеніе этихъ свидѣтельствъ не удалась.

мени, когда этотъ культъ проникъ въ Аттику, когда онъ тамъ получилъ оффиціальную санкцію и сталъ играть свою важную въ культурномъ отношеніи роль.

Мнѣ кажется на этотъ вопросъ мы можемъ найти удовлетворительный отвѣтъ: миѳы о прибытіи бога въ «Эпакрію» ясно показываютъ, что культъ Діониса былъ принятъ еще до объединенія Аттики [1]) и роль жены архонта-царя въ немъ и обряды, совершаемые въ «Буколейонѣ» въ праздникъ Анѳестерій въ честь Діониса свидѣтельствуютъ о томъ, что еще въ глубоко-доисторическомъ періодѣ почитаніе Діонису получило въ Аѳинахъ значеніе государственнаго культа. То обстоятельство, что мѣстомъ первоначальнаго празднованія въ честь Діониса въ Аѳинахъ было «Βουκολεῖον», храмъ быка, въ сопоставленіи съ фактами, что въ Ѳивахъ «θάλαμος» Семелы тоже въ Буколейонѣ [2]) и что Діонисъ въ Ѳеспіяхъ почитался прямо подъ именемъ «Θεὸς Ταῦρος» [3]), не оставляетъ сомнѣнія, гдѣ мы должны искать мѣсто отправленія «прибывшаго въ Аттику» [4]) бога. Оргіастическія празднества въ Икаріи и въ Элевтерахъ, коллегія ѳіадъ въ Аѳинахъ, мистеріи въ Аграхъ, процессіи съ виноградными лозами во время такъ наз. Ойсхофорій [5]) — все это болѣе или менѣе ясные отголоски необузданнаго ѳракійскаго культа, распространившагося изъ Беотіи чрезъ посредство дельфійскаго оракула въ Аттику. Главнымъ образомъ на почвѣ Аттики Діонисъ и его культъ вполнѣ облагораживаются и эллинизируются.

Такъ и не иначе мы должны себѣ объяснить водвореніе Діонисова культа въ центрѣ греческой культуры. Совершенно произ-

---

[1]) Срв. v. Wilamowitz-Moellendorf: Aristoteles und Athen II (1894) S. 42, An. 14.

[2]) Paus. IX, 12, 4. Clemens, Strom.: p. 418.

[3]) Bull. de la corresp. hell. XV, p. 629.

[4]) По аттическимъ миѳамъ Діонисъ пріѣзжаетъ въ Аттику или на колесницѣ, или на кораблѣ—въ основѣ обѣихъ версій лежитъ представленіе, что Діонисъ прибываетъ изъ другой страны. Вѣрность этого заключенія не опровергается голословнымъ заявленіемъ Furtwängler'a: Meisterwerke der griech. Plastik (1893) S. 262: «Dionys, nicht der thrakische, sondern der althellenische Vegetationsgott, wird in Attika auf einem auf Rädern gehenden Schiff umhergefahren. Es ist ein alter Irrtum, diese Schiffsumzüge aus angeblich fremder Herkunft der Gottheiten erklären zu wollen».

[5]) Срв. O. Ribbeck: Anfänge und Entwickelung des Dionysischen Cultus in Attika. 1869, S. 1, 2, 8, 9, 20.

вольно полагаютъ многіе ученые [1]), что ходъ дѣла былъ совсѣмъ другой, что искони въ Аттикѣ почитался чйсто греческій богъ растительности, «Διόνυσος Δενδρίτης», что главная часть аттическаго культа Діониса должна быть объясняема изъ почитанія этого древне-эллинскаго бога и что только нѣкоторые элементы въ этомъ культѣ въ видѣ приращенія имѣютъ своимъ источникомъ перенесенный сравнительно поздно на греческую почву оргіастическій культъ ѳракійскаго Діониса. Одна изъ главныхъ опоръ этой теоріи—различіе типовъ Діониса въ греческомъ искусствѣ – окажется, какъ мы впослѣдствіи увидимъ, несостоятельной, и слѣдуетъ замѣтить, что и остальные доводы въ пользу названнаго взгляда построены на довольно шаткихъ основаніяхъ. Я долженъ здѣсь ограничиться этимъ довольно голословнымъ заявленіемъ, потому что завело-бы меня слишкомъ далеко желаніе во всѣхъ подробностяхъ разсматривать и опровергать упомянутую теорію. Для моихъ цѣлей достаточно констатировать, что перенесенный извнѣ, но эллиризованный и лишенный въ значительной степени своей первобытной дикости культъ Діониса въ Аттикѣ призванъ былъ играть небывалую роль въ культурномъ развитіи человѣчества. Апогей греческой поэзіи, аттическая драма, развивается изъ хоровыхъ пѣсней Діонисовыхъ празднествъ и искусство, можно сказать словами Роде: «als höchste Blüthe allen Muthes und Uebermuthes zum Leben, gewinnt ins Unermessliche Anschauung und Anregung aus dem Dionysischen Cult». Выяснить хоть въ сжатомъ обзорѣ это воздѣйствіе Діонисова культа на греческое творчество въ скромной, но находящейся всетаки въ тѣсной связи съ «великимъ искусствомъ» области греческой керамики—цѣль слѣдующихъ главъ настоящей статьи.

IV.

Уже на вазныхъ картинахъ архаическаго чернофигурнаго стиля (въ VI вѣкѣ) мы довольно часто встрѣчаемъ изображеніе мотивовъ изъ Діонисова цикла. Что культъ Діониса породилъ уже издревле

[1]) Взглядъ этотъ, высказанный впервые, если не ошибаюсь, Preller'омъ, развивается особенно Rapp'омъ: Der Dionysoskultus in Thrakien und Kleinasien, 1883 и Back'омъ: Zur Geschichte der griech. Göttertypen, Fleckeisens Jahrbücher 1887, S. 433 folg. Его раздѣляютъ: Furtwängler: Meisterwerke der griech. Plastik. 1893, S. 262 и Voigt: Dionysos, въ Roschers mythologisches Lexikon.

особую вѣтвь живописи, а именно вотивныя картины, можно установить по нѣкоторымъ вазнымъ рисункамъ керамистовъ-живописцевъ Амазиса и Эксекія, изображающимъ эти «πίναχες». Главной темой для этихъ вотивныхъ картинъ были изображенія дѣяній и жизни Діонисова тіаса или самаго бога и его семейства.

Рядомъ однако съ этими «SituationsBildern», какъ Дюммлеръ [1]) ихъ называетъ, одинъ изъ главныхъ моментовъ изъ дѣятельности Діониса нашелъ себѣ рано воспроизведеніе въ искусствѣ, это — возвращеніе имъ Гефеста на Олимпъ. Сцена эта была изображена въ храмѣ Аѳины «Χαλκιοῖκις» спартанскимъ торевтомъ Гитіадомъ [2]) и на «Аминклейскомъ тронѣ» его учителемъ [3]) Батикломъ [4]). Сюжетъ этотъ мы находимъ кромѣ того на двухъ древне-іоническихъ вазахъ, принадлежащихъ къ классу такъ называемыхъ вазъ «Бузирисъ» на аттической вазѣ «François» и на весьма архаической вазѣ, изданной Гергардомъ [5]). Несомнѣнно такимъ образомъ уже въ VI столѣтіи упомянутые сюжеты пользовались извѣстной популярностью.

Характерно для этого періода аттической вазной живописи, что въ ней проявляется ясная связь Діонисова культа съ Аполлоновой религіей [6]): часто придаются спутникамъ Діониса аттрибуты, свойственные Аполлону и сопровождающимъ его нимфамъ и музамъ, или изображаются на однихъ и тѣхъ-же сосудахъ рядомъ съ Вакхическими сценами разные моменты изъ миѳологическаго преданія о дельфійскомъ Аполлонѣ [7]). Фактъ этотъ служитъ вѣскимъ подтвержденіемъ обоснованнаго нами выше мнѣнія, что культъ Діониса перенесенъ былъ въ Аттику изъ Беотіи главнымъ образомъ при посредствѣ дельфійскаго оракула и дельфійскихъ жрецовъ.

Что касается въ частности изображаемыхъ на чернофигурныхъ вазахъ Вакхическихъ сценъ, то здѣсь, если оставить-въ сторонѣ

---

[1]) F. Dümmler: Beiträge zur Vasenkunde, въ Bonner Studien, R. Kekulé gewidmet. 1892. S. 79.

[2]) Paus. III, 17, 3.

[3]) Klein: Bathykles, S. 164. Furtwängler: Meisterwerke и т. д. S. 719.

[4]) Paus. III, 18, 9.

[5]) Gerhard: Auserlesene VasenBilder, II, Taf. 95, 96.

[6]) Gerhard: A. V. I, S. 182, Taf. LIV, S. 148, 149. Taf. XXXVII.

[7]) Срв. Gerhard: A. V. I, подъ рубриками: «Bacchische Goettervereine» и «Dionysiaca».

отдѣльныя случаи, преобладаютъ два мотива: художники представляютъ или сцены приготовленія къ празднеству Діониса (напр., приношеніе разныхъ жертвъ [1]) на алтарѣ) со стороны его спутниковъ и поклонницъ, или же—гораздо чаще—Вакхическій тіасъ. Бородатый богъ, одѣтый въ длинный гиматіонъ и плащъ, держащій въ одной рукѣ виноградную лозу, а въ другой ритонъ [2]) или впослѣдствіи кантаръ, спокойно стоитъ [3]) или сидитъ среди окружающихъ его менадъ и сатировъ, или собирается взойти на колесницу, запряженную лицами его свиты [4]). Число изображенныхъ фигуръ довольно ограничено, представляемая сценка въ большинствѣ случаевъ еще лишена драматизма, и если иногда и являются попытки воспроизводить менадъ и сатировъ въ оживленномъ движеніи, то въ общемъ характеръ изображенія спокоенъ и довольно далекъ еще отъ всякаго неистовства и оргіазма. Тѣмъ не менѣе мы не вправѣ усматривать, по примѣру Раппа [5]), въ этихъ картинкахъ жанровыя сценки, снятыя, хоть и въ немного идеализированномъ видѣ, съ дѣйствительнаго культа, и вмѣстѣ съ нимъ полагать, что оргіастическій элементъ въ изображеніи Вакхическихъ сценъ внесенъ былъ въ вазную живопись только подъ вліяніемъ аттической трагедіи. Хотя греческая поэзія, а впослѣдствіи и греческая драма [6]), имѣли несомнѣнное воздѣйствіе на аттическую вазную живопись—воздѣйствіе, которое блестящимъ образомъ выяснено въ извѣстномъ изслѣдованіи профессора Роберта [7]), и хотя, какъ мы позже увидимъ, выработанные великими трагиками

---

[1]) Стефани: Отчетъ Импер. Археол. Комм. за 1868, стр. 144—147. Gerhard: Gesammelte akadem. Abhandl. Taf. 67, 3. Musée Blacas, planch. 13—15. Впрочемъ этотъ мотивъ встрѣчается еще на вазахъ болѣе поздняго времени, напр. Mon. dell' Instit. VI, 37. Panofka: Thyaden Taf. I, 2 въ Abhandlungen der Königl. Akad. der Wissenschaften zu Berlin. 1852.

[2]) Стефани: Отчетъ Имп. Археол. Комм. за 1867, стр. 181 и за 1869, стр. 183.

[3]) Нормальнымъ типомъ для изображенія Діониса въ этотъ періодъ можно считать его воспроизведеніе на вазной картинѣ у Gerhard'a: A. V. I, Taf. LXXIII.

[4]) Thraemer: Dionysos, въ Roschers mythol. Lexikon. Sp. 1049.

[5]) Rapp: Die Mänade и т. д. въ Rhein. Mus. 27, S. 562—567.

[6]) Milchhöfer: Zur jüngeren att. Vasenmalerei въ Jahrbuch des archeol. Institutes, 1894, S 79, An. 55, заходитъ слишкомъ далеко, скептически говоря объ этомъ «предполагаемомъ» вліяніи.

[7]) Carl Robert: Bild und Lied, 1881, въ Philologische Untersuchungen, herausgeben von A. Kiessling und U. von Wilamowitz-Mollendorf, Band V.

типы нѣкоторымъ образомъ несомнѣнно отражаются и на изображеніи Діонисова тіаса, то все таки въ данномъ случаѣ со взглядомъ Раппа нельзя согласиться уже по чисто хронологическимъ причинамъ. Дѣло въ томъ, что на вазныхъ картинахъ знаменитыхъ живописцевъ-керамистовъ Гіерона, Олта, Брига и т. д., изображавшихъ съ особеннымъ предпочтеніемъ Діонисовъ тіасъ, этотъ оргіастическій элементъ занимаетъ весьма видную роль, а между тѣмъ эти художники являются по новой, но несомнѣнно вѣрной [1]), вазной хронологіи современниками персидскаго нашествія и вслѣдствіе этого не могли на себѣ испытать вліянія созданныхъ великими трагиками образцовъ. Установленіе этого факта даетъ намъ полное право усомниться и въ вѣрности мнѣнія Раппа, что изображенія Вакхическихъ сценъ на чернофигурныхъ вазахъ — жанровые эскизы, срисованные, такъ сказать, съ натуры.

Разъ не существуетъ въ данномъ случаѣ вліянія аттической трагедіи, которое могло служить единственнымъ мало-мальски вѣроятнымъ объясненіемъ этого будто-бы внезапнаго перелома въ концепціи аттическихъ вазныхъ художниковъ, мы должны себѣ предложить вопросъ, необходимо-ли вообще установить такой переломъ между взглядами мастеровъ черно- и краснофигурной техники. Тутъ на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ замѣтить, что чернофигурныя изображенія интересующаго здѣсь насъ сюжета не могутъ быть признаны отраженіями какого-то дѣйствительнаго древне-аттическаго культа Діониса уже потому, что въ нихъ являются въ зачаткахъ всѣ элементы, характерные для ѳракійскаго Діониса. Условія дѣйствительной жизни, конечно, служили воображенію древнихъ прототипомъ, по которому они нѣкоторымъ образомъ составляли себѣ понятіе о томъ, что дѣлали мужскія и женскія лица, сопровождавшія по ихъ мнѣнію Діониса. Однако, рисовало-ли имъ воображеніе этихъ спутниковъ въ видѣ комастовъ, съ необузданнымъ веселіемъ бродившихъ по улицамъ, или въ видѣ собесѣдниковъ, спокойно возлежавшихъ со своимъ повелителемъ за пиромъ и предававшихся удовольствіямъ роскошной трапезы — въ томъ и другомъ случаѣ должны были при

[1]) Срв. мою статью въ XVII томѣ Записокъ Одесскаго Общ. Исторіи и Древностей «Алабастръ Псіакса и Гилина», стр. 34, примѣч. 3.

этомъ находиться и менады и силены, которые усиливали Вакхическое веселіе своими танцами и звуками своихъ инструментовъ [1]). Такимъ образомъ художники эпохи чернофигурной вазной живописи при изображеніи Вакхическихъ мотивовъ уже пользовались правомъ относиться къ частностямъ своихъ произведеній съ большей свободой, чѣмъ при изображеніи сценъ, взятыхъ изъ дѣйствительной жизни; они, другими словами, уже вносили въ свои изображенія названнаго цикла тотъ-же самый элементъ поэтической идеализаціи, съ которымъ мы встрѣчаемся у вазныхъ живописцевъ послѣдующаго времени. Главная разница такимъ образомъ между этими древнѣйшими изображеніями періода чернофигурной техники и картинами на краснофигурныхъ вазахъ состоитъ только въ болѣе спокойномъ, жанровомъ характерѣ первыхъ, между тѣмъ какъ на послѣднихъ мы имѣемъ уже воспроизведеніе полнаго неистовства Діонисова тіаса. Но эта разница скорѣе вызвана внѣшними, техническими причинами, чѣмъ измѣненнымъ взглядомъ на характеръ Діонисова культа. Какъ показываютъ нѣкоторыя изъ этихъ чернофигурныхъ картинъ [2]), ихъ авторы при изображеніи напр. силеновъ вовсе не прочь были передавать оживленно-оргіастическія сцены. Тотъ фактъ, что въ общемъ на названныхъ картинахъ Діонисовъ тіасъ представляется въ болѣе спокойномъ, жанровомъ видѣ объясняется именно тѣмъ, что въ это время преобладанія чернофигурнаго стиля, а также и въ Эпиктетовскій періодъ перехода отъ одной техники къ другой, вазные живописцы только въ рѣдкихъ случаяхъ умѣли справляться съ задачей изображать человѣческое тѣло въ быстромъ, живомъ движеніи.

Это умѣнье досталось вполнѣ только мастерамъ времени процвѣтанія строгаго краснофигурнаго стиля и именно потому, что это умѣнье является чѣмъ-то новымъ, художники этого періода такъ явно предпочитаютъ воспроизведеніе такихъ сюжетовъ, въ которыхъ они могли прилагать вновь пріобрѣтенное знаніе и проявлять ловкость руки и легкость кисти. Между этими сюжетами весьма видное мѣсто принадлежитъ изображенію Діонисова тіаса, — явное доказательство впрочемъ, что Діонисъ продолжаетъ свой патронатъ надъ

[1]) Срв. Стефани: Отчетъ Импер. Археол. Коммиссіи за 1868 годъ, стр. 87.

[2]) Срв напр. Gerhard: A. V. I, Taf. XV u. LV, II, Taf. CXXXXII.

живописью. Древнѣйшій полихромный сосудъ, который мы знаемъ, алабастръ Пасіада [1]), представляетъ воспроизведеніе темы изъ Діонисова цикла. Мы вправѣ предполагать, что рукой этого живописца или другихъ близко къ нему стоящихъ художниковъ [2]) святилища Діониса были украшены вотивными картинами, только болѣе богато и художественно отдѣланными, чѣмъ тѣ, съ которыми мы знакомы по вазнымъ картинамъ мастеровъ чернофигурной техники Амазиса и Эксекія [3]). Въ этихъ вотивныхъ картинкахъ слѣдуетъ несомнѣнно усмотрѣть непосредственные образцы Эпиктета, Памфея, Гермея и другихъ. По крайней мѣрѣ въ томъ-же слоѣ некрополя Маріона на островѣ Кипрѣ, въ которомъ найденъ былъ алабастръ Пасіада, открыта была чаша Гермея, внутренняя часть которой украшена изображеніемъ Діониса [4]). Это изображеніе — своеобразная модификація извѣстнаго по чернофигурной вазной живописи образа бога, очень часто потомъ повторяемая на краснофигурныхъ вазахъ [5]) — показываетъ въ своей концепціи и своемъ стилѣ, что оно скомпонировано, какъ Диммлеръ уже вѣрно замѣтилъ, подъ вліяніемъ «великой живописи».

По примѣру этихъ древнѣйшихъ представителей краснофигурной техники потомъ уже почти всѣ знаменитые керамисты-художники времени процвѣтанія строгаго краснофигурнаго стиля украшали изготовляемыя ими чаши разными мотивами и сюжетами изъ Діонисова цикла. Отсылая за подробностями къ капитальному труду Гартвига [6]) о краснофигурныхъ чашахъ строгаго стиля, въ которомъ собранъ и роскошно изданъ обильный матеріалъ и предложена попытка характеризовать индивидуальный стиль каждаго изъ этихъ художниковъ и опредѣлить ихъ личное участіе въ созданіи разныхъ типовъ, я здѣсь, придерживаясь рамокъ моей задачи, остановлюсь только на

---

[1]) Hauser: Die neu-attischen Reliefs, S. 129, 166. C. Smith: Classical Review I, 1886, p. 26, A. 1. Studniczka: Jahrbuch des Kaiserl. deutschen archeol. Institutes 1887, S. 145 безъ основаній передѣлалъ это имя въ Γνησιάδης.

[2]) Dümmler: Beiträge zur Vasenkunde въ Bonner Studien и т. д. S. 80.

[3]) Срв. стр. 14.

[4]) Klein: Meistersignaturen², S. 221.

[5]) Срв. Gerhard: A. V. IV, Taf. CCLXXIII и CCCXIV. Reinach: Peintures des vases antiques. 1891: Millin II, 68.

[6]) P. Hartwig: Die griechischen Meisterschalen der Blüthezeit des strengen rothfigurigen Stiles. Stuttgart und Berlin 1893.

выясненіи общихъ и наиболѣе характерныхъ чертъ въ исторіи воспроизведенія Вакхическаго тіаса въ этотъ періодъ вазной живописи, простирающійся въ своихъ послѣднихъ представителяхъ до шестидесятыхъ годовъ V-го вѣка [1]).

Изъ внимательнаго изученія обильнаго для этого времени матеріала получаются нѣкоторые не безъинтересные выводы. Не смотря на всѣ индивидуальныя особенности отдѣльныхъ керамистовъ-живописцевъ и не смотря на совершенно естественное ихъ стремленіе при неоднократномъ повтореніи [2]) одного и того-же главнаго мотива, вносить какъ въ частностяхъ, такъ и въ группировкѣ фигуръ ту или другую новую черту, всѣ эти художники не только имѣютъ въ своемъ распоряженіи цѣлый рядъ общихъ типовъ, повторяемыхъ ими иногда съ легкими только измѣненіями, но и придерживаются въ концепціи и композиціи всей сцены болѣе или менѣе строго опредѣленныхъ образцовъ, несомнѣнно слагавшихся подъ вліяніемъ «великаго искусства».

Съ такими часто повторяемыми общими типами мы встрѣчаемся напр. въ картинкахъ, которыми украшалась внутренняя часть чашекъ, представлявшая кругообразной своей формой заманчивую, но трудную для художниковъ задачу, согласовать образы и движенія своихъ фигуръ съ данными условіями расписываемой площади. Къ излюбленнымъ темамъ названныхъ рисунковъ принадлежатъ — кромѣ изображенія отдѣльныхъ сатировъ [3]) и менадъ [4]) въ живомъ,

---

[1]) Hartwig: Meisterschalen S. 650 (срв. чашу изъ коллекціи de Lyenes въ Луврѣ).

[2]) Изображеніе Вакхическаго тіаса мы встрѣчаемъ:

5	разъ	на чашахъ,	расписанныхъ Олтомъ.
8	»	»	Гіерономъ.
8	»	»	Бригомъ.
4	раза	»	Эфроніемъ.
3	»	»	Дурисомъ.
3	»	»	мастеромъ «mit dem Kahlkopf».
2	»	»	» «mit der Ranke» (по терминологіи Гартвига).

Срв. Klein: Meistersignaturen², подъ именами названныхъ художниковъ и Hartwig: Meisterschalen, который даетъ перечень найденнаго послѣ появленія книги Клейна новаго матеріала.

[3]) Срв. чашу, расписанную Финтіемъ въ Мюнхенѣ, № 401. Hartwig: Meisterschalen S. 170.

[4]) Срв. чашу, украшенную Бригомъ, изображенную у Baumeister'a: Denkmäler des klass. Altertums II, Fig. 928.

иногда весьма смѣломъ движеніи—особенно схема менады, старающейся освободиться изъ объятій силена [1]) или пляшущей подъ звуки играющаго на флейтѣ спутника Діониса [2]), и мотивъ человѣка, котораго тошнитъ [3]). Частое повтореніе этихъ типовъ ясно доказываетъ, что существовалъ цѣлый рядъ такихъ опредѣленныхъ образцовъ, ходившихъ по рукамъ въ мастерскихъ керамистовъ-живописцевъ. Мнѣніе Гартвига, что одни изъ этихъ художниковъ являются учениками или подражателями другихъ, во-первыхъ, ничѣмъ не обосновано и, во-вторыхъ, можетъ служить только въ отдѣльныхъ случаяхъ объясненіемъ общности этихъ типовъ. Если и удалось-бы напр. доказать, что между Олтомъ, Гіерономъ и Бригомъ существуетъ связь учителя съ учениками, то этой довольно проблематичной связью далеко еще не выясняется фактъ, что и Памфей и другіе примѣняютъ тѣ-же самыя схемы. Зависимость всей группы этихъ керамистовъ-художниковъ отъ образцовъ «великаго искусства» — именно стѣнной живописи—становится вполнѣ ясной изъ разсмотрѣнія болѣе обширныхъ вазныхъ рисунковъ изъ Діонисова цикла, которыми названные мастера украшали внѣшнія стороны росписываемыхъ ими чашъ. Уже тотъ фактъ, что всѣ знаменитые гончары-художники этого періода по нѣсколько разъ изображаютъ Вакхическій тіасъ и что цѣлая треть [4]) даже дошедшихъ до насъ сосудовъ изъ эргастеріона Гіерона украшена воспроизведеніемъ этого сюжета, является довольно знаменательнымъ. Едва-ли можно объяснить этотъ фактъ явнаго предпочтенія названнаго мотива однимъ указаніемъ на заманчивую задачу изображать смѣло скомпонированную сцену въ живомъ движеніи. Дальше — на что впрочемъ уже Диммлеръ [5]) указалъ — эти изображенія разныхъ мастеровъ, не смотря на нѣко-

---

[1]) Срв. Hartwig: Meisterschalen и т. д. S. 55; мотивъ этотъ повторяется на чашахъ Памфея, Олта, дважды у Гіерона, по одному разу у Брига и у современника Дуриса—мастера «mit der Ranke».

[2]) Срв. Стефани: Отчетъ Импер. Археол. Комм. за 1869 г., стр. 187, табл IV, 12.

[3]) Этотъ мотивъ встрѣчается на шести чашахъ Брига, трехъ Эфронія и т. д.

[4]) Къ двадцати номерамъ, перечисленнымъ въ книгѣ Klein'a: Meistersignaturen², слѣдуетъ прибавить теперь еще пять номеровъ; четыре изъ этихъ послѣднихъ относятся къ Діонисову циклу.

[5]) Dümmler: Beiträge zur Vasenkunde, Bonner Studien, R. Kekulé gewidmet, 1892, S. 81 folg.

торыя индивидуальныя черты въ частностяхъ, показываютъ въ общемъ иногда поразительное сходство между собою: довольно только сравнить напр. тіасъ на чашѣ Олта въ Луврѣ съ изображеніемъ того-же сюжета на хранящейся тамъ-же чашѣ Гіерона, чтобы наглядным образомъ убѣдиться въ вѣрности этого наблюденія. И наконецъ, что пожалуй важнѣе всего, изображенія Вакхическаго тіаса у нѣкоторыхъ изъ этихъ мастеровъ, какъ у Гіерона и Брига, въ художественномъ отношеніи превосходятъ далеко всѣ ихъ остальныя работы. Все это вмѣстѣ взятое ведетъ насъ, не смотря на горячее противорѣчіе Гартвига [1]), къ несомнѣнному заключенію, что картины изъ Діонисова цикла этихъ мастеровъ-художниковъ слагались подъ вліяніемъ «великой живописи». Дальше распространяться объ этомъ вопросѣ завело-бы насъ слишкомъ въ сторону; указывая для общей оріентировки на работы Студнички, Лешке, Мильхгёфера [2]) и другихъ, я долженъ здѣсь только замѣтить, что не смотря на всю скудость нашихъ знаній о древне-аттической живописи, такое предполагаемое значеніе ея для вазныхъ рисунковъ вовсе не является «химерой», какъ Гартвигъ выражается. Онъ вѣдь и самъ [3]) долженъ сознаться, что въ проведеніи линейной перспективы, въ разныхъ усовершенствованіяхъ рисунка, и наконецъ въ натурализмѣ концепціи у Эфронія и близко къ нему стоящей группы художниковъ ясно сказывается вліяніе Кимона Клеонейскаго [4]). Является довольно непослѣдовательнымъ въ сферѣ техническихъ пріемовъ признавать это вліяніе живописцевъ и оспаривать его въ выборѣ сюжетовъ и ихъ воспроизведеніи. Эта непослѣдовательность находитъ нѣкоторое извиненіе только въ томъ, что очаровательная прелесть многихъ этихъ вазныхъ картинъ заставляетъ насъ зачастую забывать, что мы въ нихъ имѣемъ дѣло всетаки только съ предметами художественной промышленности.

---

[1]) Hartwig: Meisterschalen и т. д. S. 77, 78.

[2]) Studniczka: Antenor und die archaische Malerei, Jahrbuch des Kaiserlich. deutsch. archeol. Institutes 1887. Loeschcke: Die Enthauptung der Medea, ein Beitrag zur griech. Malerei (Festschrift zum 50-jährigen Doctorjubileum von H. von Brunn, Bonn 1893). Milchhöfer: Zur jüngeren attischen Vasenmalerei. Jahrbuch des Kaiserl. deutsch. arch. Instit. 1894.

[3]) Hartwig: Meisterschalen S. 154, 165.

[4]) Plin. Hist. natur. 25, 56: articulis membra distinxit, venas protulit.

Выяснивъ, насколько возможно было, роль и исторію Діонисова цикла въ краснофигурной вазной живописи строгаго стиля, намъ остается анализировать и вкратцѣ характеризовать отдѣльные типы и аттрибуты фигуръ, занимающихъ видное мѣсто въ этихъ изображеніяхъ, и опредѣлить ихъ взаимное отношеніе другъ къ другу.

Діонисъ самъ изображается на всѣхъ этихъ сосудахъ краснофигурной техники строгаго стиля въ видѣ мущины въ лучшихъ годахъ съ длинными волосами и полной бородой. Одѣтъ онъ въ «χιτὼν ποδήρης» съ рукавами; сверху обыкновенно еще накинутъ гиматіонъ. Въ одной рукѣ онъ держитъ виноградную лозу, въ другой кантаръ, который почти всегда замѣняетъ ритонъ, встрѣчающійся на чернофигурныхъ вазахъ [1]). Голова украшена въ большинствѣ случаевъ плющевымъ вѣнкомъ [2]); рѣже мы видимъ вѣнокъ изъ виноградныхъ листьевъ или повязку. Мотивъ вступающаго на колесницу Діониса почти вовсе не изображается больше [3]). Богъ обыкновенно спокойно стоитъ [4]) или сидитъ или возлежитъ на ложѣ среди окружающихъ его спутниковъ; хотя воспроизведенныя сцены, конечно, различны [5]) — чаще всего изображается, какъ Діонисъ любуется на танцы менадъ или какъ участники или участницы въ тіасѣ наливаютъ вино въ его кантаръ и подносятъ ему плоды и сладости [6]) — однако въ общемъ можно сказать, что черезъ всѣ эти сцены проводится одна характерная черта: богъ самъ и окружающая его непосредственно группа тіасотовъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ

---

[1]) Срв. Hartwig: Meisterschalen и. т. д. S. 78 и приведенные тамъ примѣры: чашу Олта въ Луврѣ, чаши Гермея и Кахриліона, чашу съ надписью «προσαγορεύω», чашу въ Неаполѣ, чаши Гіерона и Брига (Hartwig Taf. XXXI), чашу Дуриса у Castellani въ Римѣ (Hartwig S. 284).

[2]) Prat. frag. 1, κισσόχαιτ' ἄναξ.

[3]) Thrämer: Dionysos, въ Roschers mythol. Lex. Sp. 1109.

[4]) Срв. амфору Олта въ Лейденѣ, псиктеръ Олта, изображ. у Gerhard'a A. V. I. Taf. LIX/LX.

[5]) Срв. богатый матеріалъ, собранный въ изслѣдованіяхъ Стефани, въ «Отчетахъ Импер. Археол. Коммиссіи» за 1860—1869, 1872, 1875, 1881; особенно важны его статьи въ Отчетахъ за 1867 г. стр. 160—181 и за 1869, стр. 228 слѣд.

[6]) Ср. Hartwig. Meisterschalen, Taf. XXXI, Taf. LXV (чаша Дуриса). Gerhard: A. V. I, Taf. LVII; 3. Gazette archeolog. 1877, pl. 14, 2. Срв. чашу, принадлежащую маркизу Northampton въ Castle Asbhy (Hartwig: Meisterschalen S. 650 считаетъ ее работой Брига). Gerhard: A. V. I, Taf. LVI. Müller-Wieseler: Denkmäler der alten Kunst, II, 46, 585. Hartwig: Meisterschalen S. 220. Gerhard: Antike Bildwerke Taf. XVII, онъ-же: Apulische Vas. 1—4.

изображены въ спокойномъ, иногда торжественномъ видѣ, который замѣтнымъ образомъ различается отъ необузданности движеній болѣе отдаленныхъ отъ этой центральной группы фигуръ. Лишь весьма рѣдко Діонисъ самъ изображается участникомъ Вакхическаго неистовства [1]).

Тіасъ бога состоитъ изъ менадъ и сатировъ или силеновъ. Всѣ спутницы Діониса въ этотъ періодъ вазной живописи изображаются въ полной одеждѣ; онѣ имѣютъ длинный іонійскій хитонъ, весьма часто съ крылообразными рукавами [2]); эстетическій принципъ, чтобъ при энергичномъ движеніи тѣла одежда во всѣхъ своихъ частяхъ тоже какъ будто разлеталась, проводится приблизительно вѣрно впервые въ картинкахъ Гіерона [3]), а потомъ уже находитъ себѣ вполнѣ подходящее выраженіе у послѣдующихъ художниковъ [4]). Съ поднятой головой и распущенными волосами, украшенными плюще-

---

[1]) Срв. чашу въ British Museum E. 76. Hartwig: Meisterschalen Taf. LII и LIII. Откуда «der Meister mit der Ranke» заимствовалъ этотъ типъ Діониса въ коротком плащѣ съ распущенными волосами, съ тирсомъ и змѣей въ рукахъ, установить нельзя; слѣдуетъ только замѣтить, что онъ въ этомъ отношеніи имѣетъ въ нѣкоторой степени предшественника въ Олтѣ, который на чашѣ, хранящейся въ Луврѣ (Hartwig: Meisterschalen S. 78) изображаетъ Діониса, правда, въ длинномъ плащѣ, но тоже готовящимся участвовать въ веселіи своего тіаса. Срв. также чашу въ Cabinet de médailles въ Парижѣ, описанную у Hartwig'a S. 311. Впрочемъ Діонисъ въ короткомъ плащѣ встрѣчается уже на одной чашѣ Эпиктета (Gerhard: A. V. I, Taf. LXXIV), но на этой чашѣ изображается другой сюжетъ, борьба Діониса съ гигантомъ. Съ средины V вѣка потомъ этотъ типъ все чаще и чаще повторяется (Reinach: Peintures des vases antiques 1891: Millin I, 9, Lenormant et de Witte: Elite céramogra. I, 41. Gerhard: A. V. I, Taf. LXVII. Стефани: Отчетъ Имп. Археол. Коммиссіи за 1881 г. и таб. I, 4) и составляетъ, такъ сказать, посредствующее звено между бородатымъ, вполнѣ одѣтымъ Діонисомъ въ вазной живописи краснофигурной техники строгаго стиля и молодымъ, нагимъ Діонисомъ на вазахъ «изящнаго и великолѣпнаго» стилей.

[2]) Срв. чашу Брига въ Мюнхенѣ, Baumeister: Denkmäler I, Fig. 928; чашу Брига въ Cabinet de médailles въ Парижѣ, Hartwig: Meisterschalen Taf. XXXII и XXXIII; чашу мастера «mit dem Kahlkopf» въ British Museum E. 76, Hartwig: Taf. LII и LIII; Срв. въ общемъ Hartwig: Meisterschalen S. 313. An. 1. Дорическій хитонъ безъ рукавовъ предпочитается потомъ керамистами-художниками періода «изящнаго стиля»; иногда уже въ этотъ періодъ вступленіе менадъ характеризуется тѣмъ, что хитонъ ниспалъ съ одного плеча и оставляетъ соотвѣтствующую часть груди обнаженной; срв. Стефани: Отчетъ и т. д. за 1860 годъ, стр 24, пр. 1, и менаду между силеномъ и эротомъ на нашей таблицѣ. Rapp: Rh. Mus. 27 (1872) S. 572 ошибается, говоря, что этотъ типъ встрѣчается только на вазахъ весьма поздняго времени.

[3]) Hartwig: Meisterschalen и т. д. S. 305.

[4]) Срв. чашу въ British Museum E. 76.

вымъ вѣнкомъ, взоры, исполненные восторга, устремлены вверхъ [1]), менада живо двигается впередъ, держа тирсъ или впослѣдствіи и тимпанъ [2]) въ рукахъ. Мотивъ, что менады въ своемъ неистовствѣ растерзываютъ животныхъ, изображается на вазахъ вообще гораздо рѣже [3]), чѣмъ впослѣдствіи въ пластикѣ; чаще всего мы ихъ видимъ участницами въ оргіастическихъ танцахъ [4]); но дѣвственный ихъ характеръ выражается и здѣсь всегда тѣмъ, что онѣ съ негодованіемъ защищаются отъ нападеній сатировъ. Кромѣ этого типа, который заключаетъ въ себѣ уже зачатки для разработки знаменитаго типа менады, находившаго впослѣдствіи весьма широкое распространеніе какъ въ пластикѣ вплоть до ново-аттическихъ рельефовъ [5]), такъ и въ вазной живописи [6]), мы встрѣчаемся иногда еще съ другой концепціей менады: она сидитъ или стоитъ задумчиво погрузившись въ глубокія мечты [7]), почти въ состояніи полнаго самозабвенія.

Тирсъ въ рукахъ менады является въ этотъ періодъ вазной живописи уже необходимымъ аттрибутомъ [8]). Первоначально этотъ тирсъ простая, сломанная съ дерева вѣтвь, къ которой прикрѣпленъ

---

[1]) Eurip. Bacch: v. 450: λευκὸν κῶλονἐ ξηκόντισαν, v. 695: καθεῖσα εἰς ὤμους κόμας, v. 865: δέραν εἰς αἰθέρα ὀρσερὸν ῥίπτουσα.

[2]) Тимпанъ перенятъ въ Вакхическій тіасъ изъ культа Кибелы; срв. впрочемъ Eurip. Bacch. v. 124.

[3]) S. Reinach: Peintures des vases antiques 1891: Millingen 5. Panofka: Musée Blacas, pl. 13—15.

[4]) Müller-Wieseler: Denkmäler I, 30, 53. Lenormant et de Witte: Elite céram. II, 71. Стефани: Отчеты и т. д. за 1862, 1863 и 1868 (стр. 148) и т. д.

[5]) Что весьма распространенное мнѣніе, будто Скопасъ создатель этого типа (срв. напр. Rapp: Rhein. Mus. 27 (1872) S. 565. Thraemer: Dionysos, въ Roschers mythol. Lex. Sp. 1128. Baumeister: Denkmäler I s. v. Maenade и т. д.) невѣрно, совершенно справедливо замѣтили Hauser: Die neu-attischen Reliefs S. 154 и Winter: Ueber ein Vorbild neuattischer Reliefs, 50 Winckelmannsprogramm der Berl. Archeol. Gesellschaft, S. 94. Однако попытка Winter'a показать, что найденный въ Римѣ 1875 году рельефъ (Bulletino communale III, Tav. XII) съ изображеніемъ менады и принадлежащія будто къ той-же композиціи четыре плиты въ Мадридѣ (Hübner: Die antiken Bildwerke in Madrid № 285) представляютъ собою аттическіе оригиналы V вѣка, которые служили образцомъ для всѣхъ послѣдующихъ повтореній этого типа, должна считаться неудавшейся. Срв. Furtwängler: Die Meisterwerke der antiken Plastik, S. 31 Anm. 5.

[6]) См. ниже стр. 27.

[7]) Lenormant et de Witte: Elite céram. I, planche 47.

[8]) Срв. Eurip. Bacch: v. 104: θυρσοφόρος Μαινάς.

пучекъ изъ плющевыхъ листьевъ. Этотъ пучекъ и остается характернымъ признакомъ тирса во все время господства краснофигурной техники строгаго стиля; только одинъ Бригъ позволяетъ себѣ маленькое отступленіе: онъ прибавляетъ къ этимъ листьямъ еще черныя ягоды плюща [1]). Только въ слѣдующій періодъ вазной живописи головка тирса украшается какимъ-то «чернопунктованнымъ плодомъ» [2]) или ядромъ кедроваго орѣха [3]); но за то уже рано проникаетъ обычай замѣнять простую вѣтвь дерева жезлами изъ изящнаго растенія — нартекса (ferula) [4]).

Силены и сатиры наконецъ изображаются на всѣхъ этихъ вазахъ итифаллическими [5]) чудовищами, курносыми, снабженными звѣринымъ хвостомъ; иногда они одѣты въ плотно прилегающіе къ тѣлу костюмы, въ большинствѣ случаевъ они являются нагими. Густые волосы покрываютъ ихъ голову, полныя бороды ихъ подбородокъ и щеки. На всѣхъ однако вазовыхъ картинахъ Эвфронія они уже изображаются плѣшивыми и съ тѣхъ поръ этотъ типъ несомнѣнно преобладаетъ. Въ виду изображенія на чашѣ съ именемъ Гиппарха [6]) и на чашѣ съ надписью «ἐποίησεν» [7]) должно теперь показаться довольно сомнительнымъ, принадлежитъ-ли это нововведеніе самому Эвфронію, какъ обыкновенно полагаютъ.

V.

Въ вазной живописи періода такъ называемаго «изящнаго стиля», который около половины V вѣка нашелъ себѣ полное примѣненіе въ мастерскихъ аѳинскихъ керамистовъ, сюжеты изъ Діонисова цикла пользуются по прежнему особенной популярностью [8]). Внесеніемъ

---

[1]) Hartwig: Meisterschalen S. 316. Срв. чашу Брига въ Мюнхенѣ, Baumeister: Denkmäler II, Fig 928.

[2]) Panofka: Dionys und die Thyaden, Abhand. der Berl. Akad. 1852, Taf. II, 1ª.

[3]) Rapp: Die Mänade и. т. д. Rh. Museum 27 (1872), S. 574.

[4]) Стефани: Отчетъ Имп. Археол. Комм. за 1868 годъ, стр. 149, 152.

[5]) Только на одной чашѣ Брига (Hartwig Meisterschalen Taf. XXXII и XXXIII) не всѣ силены итифаллически, а только тотъ, кто нападаетъ на менаду.

[6]) Klein: Meistersignaturen [2], S. 30.

[7]) Römische Mitth. 1890, S. 240.

[8]) Срв. Millingen: Vases Coghill, planch. 6—7. Winter: Ein Vorbild и т. д. въ 50. Winckelmannsprogramm, S. 112—115. Furtwängler: Collection Sabouroff, planches 55—57, и матеріалъ, приведенный въ статьяхъ Thraemer'a: Dionysos, въ Roschers mythol. Lexikon, и Milchhöfer'a: Zur jüngeren att. Vasenmalerei, въ Jahrbuch des Kais. deutsch. archeol. Inst. 1894, S. 59 folg.

новыхъ фигуръ, н. п. крылатыхъ эротовъ, которые, летая по воздуху, сопровождаютъ тіасъ [1]), танцующихъ нимфъ и т. д. и воспроизведеніемъ моментовъ дѣйствія, исполненныхъ особеннаго драматизма, художники стараются разнообразить изображеніе такъ часто уже повторяемой темы. Композиціи ихъ становятся богаче и эффектнѣе—нѣкоторыя изъ нихъ, относящіяся къ концу этого періода, производятъ несомнѣнное впечатлѣніе непосредственнаго на нихъ вліянія стѣнной живописи [2]). Мы знаемъ, что храмъ Діониса въ Аѳинахъ [3]) какъ разъ въ это время [4]) внутри украшенъ былъ стѣнными картинами, изображающими разныя сцены изъ жизни бога: возвращеніе имъ Гефеста на Олимпъ и миѳы объ участи Пенѳея и Ликурга. Конечно не подлежитъ сомнѣнію, что и Вакхическій тіасъ на этихъ картинахъ былъ представленъ. Зависимость вазныхъ рисунковъ отъ подобныхъ образцовъ a priori вѣроятна; правда, мы только въ нѣкоторыхъ случаяхъ можемъ съ достаточной убѣдительностью доказать основательность этого предположенія [5]), но вся исторія греческой вазной живописи такъ ясно говоритъ въ пользу его, что и безъ того нѣтъ повода сомнѣваться въ его вѣрности. Какъ извѣстно, въ вазной живописи изящнаго стиля различаютъ двѣ эпохи. Способъ воспроизведенія занимающаго насъ здѣсь сюжета подтверждаетъ правиль-

---

[1]) Rapp: Die Mänade и т. д. въ Rhein. Museum 27 (1872), S. 569. Inghirami: Vas. fitt. tav. 165. Furtwängler: Coll. Sab. pl. 55. Winter: Ein Vorbild и т. д. S. 116.

[2]) Срв. картину на арибаллѣ изъ коллекціи Сабурова, изданный Furtwängler'омъ (Collection Sabouroff, pl. 55). Издатель, однако, навѣрно ошибается, считая какую-нибудь изъ работъ Полигнота образцомъ названной вазной картины; едва-ли можно допустить, чтобъ работы Полигнота еще въ концѣ V вѣка имѣли какое нибудь непосредственное вліяніе на художественное ремесло. Дѣло въ томъ, что Furtwängler (Coll. Sab. introduction ко II тому), какъ и Hartwig (Meisterschalen S. 154), относитъ дѣятельность Полигнота къ слишкомъ позднему періоду. Срв. Robert: Bild und Lied S. 182, Dümmler: Beiträge zur Vasenkunde, S. 90, Milchhöfer: Zur jüngeren att. Vasenmalerei въ Jahrbuch des Kais. deutsch. archeol. Instit. 1894, S. 72.

[3]) Paus. I, 20, 3.

[4]) Срв. Reisch: Eranos Vindobonensis: Der Dionys des Alkamenes S. 2 и замѣчанія Milchhöfer'a въ Jahrbuch des Kais. deutsch. archeol. Instit. 1894, S. 82.

[5]) Срв. замѣчанія Winter'a: Ein Vorbild и т. д. 50. Winckelmannsprogramm, S. 116 относительно картины на аттическомъ кратерѣ изъ Болоньи (Antike Denkmäler des Institutes I_3 Taf. 36), найденномъ при раскопкахъ Arnwaldi-Veli. Срв. E. Brizzio: Bull. dell' Inst. 1879, p. 223. Milchhöfer: Zur jüngeren att. Vasenmalerei, Jahrbuch 1894, S. 82; Jahn: Pinakes, Taf. I, II^a; Museo Barberino, XVI, 11; Stackelberg: Gräber der Hellenen, Taf. 24.

ность такого различенія; между тѣмъ какъ въ первой эпохѣ господства изящнаго стиля въ изображеніи Діонисова тіаса преобладаетъ свѣжій, иногда даже вполнѣ нестѣсняющійся натурализмъ, мы на вазныхъ картинахъ второй эпохи, при всей живости концепціи встрѣчаемся съ художественной сдержанностью, съ просвѣтленной красотой, которая налагаетъ свою печать на всю композицію [1]).

Что касается типовъ отдѣльныхъ фигуръ, то слѣдуетъ замѣтить, что образъ менады воспроизводится въ томъ видѣ, какъ онъ намъ извѣстенъ по памятникамъ пластики, особенно по ново-аттическимъ рельефамъ [2]); Гаузеръ [3]), правда, утверждаетъ, что не смотря на частое повтореніе мотива Вакхическаго тіаса на вазахъ и рельефахъ между изображеніемъ менадъ въ той и другой области искусства нѣтъ «убѣдительнаго тождества» (überzeugende Uebereinstimmung). Но онъ съ другой стороны самъ долженъ сознаться, что въ типахъ менадъ какъ въ пластикѣ, такъ и въ вазной живописи, есть цѣлый рядъ общихъ чертъ. Случаи замѣчательнаго сходства приведены Винтеромъ [4]); я вмѣстѣ съ Мильхгёферомъ [5]) нахожу, что это соотвѣтствіе въ фигурахъ менадъ на рельефахъ и на вазахъ въ большинствѣ случаевъ такъ ясно, что мы его должны объяснять зависимостью отъ общихъ образцовъ. Послѣ изложеннаго не можетъ быть сомнѣнія, что мы въ стѣнной живописи должны искать этихъ образцовъ для аттическихъ керамистовъ-художниковъ. Мы такимъ образомъ, кстати замѣтить, получаемъ тотъ любопытный выводъ, что и оригиналы ново-аттическихъ рельефовъ скомпонированы подъ вліяніемъ «великой живописи» —выводъ, вѣрность котораго вполнѣ под-

---

[1]) Winter: Ein Vorbild и т. д. 50 Winkelmannsprogramm, S. 116: «Der Sturm orgiastischer Begeisterung bewegt sich in dem Fluss harmonischer Linien». Срв. и Conze: Goetter und Heroen, Text zu Tafel 87, 1, 2. «Doch bleibt in den Gestalten der Mänaden die Idealität der Dionysischen Religion gewahrt».

[2]) Срв. Hauser: Die neu-attischen Reliefs 1889. Taf. II, Fig. 25—32; срв. также выше стр. 24.

[3]) Hauser: Die neu-attisch. Rel. S. 157.

[4]) Winter: Ein Vorbild и т. д. въ 50. Winckelmannsprogramm der Berl. Archeol. Gesell., S. 115 folg.

[5]) Milchhöfer.: Zur jüngeren attisch. Vasenmal., Jahrbuch des Kais. deutsch. archeol. Instit. 1894, S. 82.

тверждается общимъ характеромъ концепціи этихъ памятниковъ рельефной пластики [1]).

Въ гораздо большей степени однако, чѣмъ эти новые типы менадъ,— представляющіе собою въ сущности только дальнѣйшее развитіе встрѣчающихся уже въ вазной живописи строгаго краснофигурнаго стиля зачатковъ — обращаетъ на себя наше вниманіе измѣненіе образа Діониса, или, правильнѣе сказать, появленіе совершенно новаго изображенія бога на вазныхъ рисункахъ этого періода. Именно рядомъ съ бородатой, одѣтой въ длинный гиматіонъ и плащъ фигурой Діониса, съ которой мы до сихъ поръ встрѣчались на дошедшихъ до насъ памятникахъ художественнаго ремесла и которая отъ поры до времени, какъ въ пластикѣ, такъ и въ вазной живописи, воспроизводится потомъ еще во всѣ эпохи [2]) процвѣтанія греческаго искусства и только исчезаетъ вполнѣ на вазахъ бѣглаго стиля эллинистически-римскаго періода [3]), мы впервые на вазныхъ рисункахъ «изящнаго стиля» видимъ совершенно новый типъ бога: Діонисъ изображается красивымъ юношей, безъ бороды, съ полными, но не особенно длинными кудрями; вмѣсто виноградной лозы онъ держитъ тирсъ въ рукахъ; одежда нерѣдко только отчасти покрываетъ его статную фигуру, иногда даже эта фигура представляется уже во вполнѣ идеальной наготѣ [4]). Чѣмъ дальше, тѣмъ чаще этотъ

---

[1]) Установленное нами въ данномъ случаѣ вліяніе живописи на пластику впрочемъ не единичное явленіе. Зависимость напр. рельефовъ великолѣпнаго лидійскаго надгробнаго памятника отъ картинъ Полигнота уже давно признанный фактъ въ исторіи греческаго искусства (срв. Benndorf: Arch.-epigraph. Mitth. aus Oestr. VI, S. 56 отдѣльнаго оттиска, Mitschell: Hist. of. anc. sculpt. p. 420. Murray: Hist. of. greck. sculpt. II, p. 221).

[2]) Срв. напр. вазу IV вѣка, хранящуюся въ Metropolitan Museum of Art въ Нью-іоркѣ и описанную въ Jahrbuch des Kaiserl. deutsch. archeol. Inst. 1887, S. 193.

[3]) Срв. Körte: Archeol. Zeitung 1884, S. 85. Типъ Діониса на вазѣ, изданной Heydemann'омъ (Griech. Vasenbilder, Berlin 1870, Taf. II, 26) составляетъ исключеніе въ этомъ отношеніи.

[4]) Thraemer: Dionysos, въ Roschers myth. Lex. Sp. 1130 говоритъ, что первый примѣръ изображенія нагаго Діониса представляетъ рельефъ на фризѣ построеннаго въ 334 году до Р. Х. памятника Лисикрата, и что въ IV вѣкѣ этотъ типъ не водворенъ еще въ искусствѣ (Sp. 1315), а является господствующимъ только въ періодъ діадоховъ (Sp. 1140). Это мнѣніе, какъ мы увидимъ, невѣрно. Уже въ V вѣкѣ мы встрѣчаемъ какъ въ пластикѣ, такъ и въ вазной живописи, нерѣдко примѣры изображенія нагаго Діониса, при чемъ, правда, одежда не принципіально устранена; она или ниспала на лоно бога или онъ сидитъ на подостланномъ плащѣ.

Намѣренно оставляю въ сторонѣ удивительныя и ничѣмъ не обоснованныя разсуж-

новый типъ повторяется, онъ со временемъ преобладаетъ и вытѣсняетъ старый образъ бородатаго бога.

Прежде господствующее мнѣніе, будто типъ юнаго Діониса въ искусствѣ созданъ только Праксителемъ, по справедливости среди ученыхъ не имѣетъ болѣе сторонниковъ; оно возникло и обосновано было въ наукѣ въ то время, въ которое особенно вазная живопись и ея хронологія представляли еще темную, мало разработанную область. Но тѣмъ не менѣе этотъ прежде распространенный взглядъ иногда еще, хоть и несознательно, вліяетъ на разсужденія спеціалистовъ [1]) о возникновеніи и распространеніи этого типа. Въ настоящее время мы по вазнымъ картинамъ изящнаго стиля знаемъ, что съ средины V-го столѣтія этотъ типъ юнаго Діониса въ Аѳинахъ уже сталъ достояніемъ художественнаго ремесла. Само собою разумѣется, что онъ не созданъ керамистами-живописцами; они конечно и здѣсь шли по стопамъ «великаго искусства». Основательность этого предположенія не должна была возбуждать сомнѣніе даже въ то время, когда нельзя было съ достовѣрностью указать въ извѣстныхъ намъ памятникахъ скульптуры и живописи V-го вѣка примѣровъ изображенія юнаго Діониса. Теперь мы въ этомъ отношеніи въ болѣе выгодномъ положеніи.

Имгофъ-Блумеръ [2]) еще въ 1877 году издалъ танагрскую мѣдную монету времени Марка Аврелія, на которой изображена статуя Діониса внутри храма; самъ издатель вѣрно замѣтилъ, что изображенная на монетѣ фигура и особенно окружающая ее среда вполнѣ согласны съ описаніемъ, которое Павсаній [3]) даетъ о постановкѣ и группировкѣ знаменитой культовой статуи Діониса, сдѣланной Каламисомъ изъ паросскаго мрамора для храма въ Танагрѣ. Мы такимъ образомъ имѣемъ на названной монетѣ копію статуи Кала-

---

денія Lenormant'a въ словарѣ Daremberg et Saglio I, p. 712 о вліяніи существовавшаго будто-бы въ V вѣкѣ типа «лидійскаго мужеско-женскаго Бассарея» на представленія и фантазію аттическихъ художниковъ и о вызванной имъ перемѣнѣ въ воспроизведеніи обычнаго до сихъ поръ образа Діониса.

[1]) Имѣю здѣсь въ виду особенно Thraemer'a: Dionysos, въ Roschers mytholog. Lexikon.

[2]) Imhoof-Blumer: Wiener Numismatische Zeitschrift IX (1877), S. 32.

[3]) Paus. IX, 20.

миса [1]). Эта статуя, на что первый обратилъ вниманіе Эрнстъ Курціусъ [2]), представляетъ Діониса въ видѣ юноши; онъ одѣтъ въ коротенькую хламиду [3]); въ одной рукѣ онъ держитъ тирсъ, въ другой кантаръ. «Die Verjüngung der Olympier war damals schon (т. е. около 460—450 до Р. Х.) in vollem Gange», говоритъ Курціусъ.

Дальше мы имѣемъ изображеніе юнаго Діониса на фризѣ Парѳенона. Что мы тамъ въ группѣ фигуръ подъ № 25, 26 атласа скульптуръ фриза [4]) должны усматривать Діониса и Деметру, вѣрно замѣтили уже Михаелисъ [5]) и Петерсенъ [6]). Неосновательность возраженій противъ этого толкованія фигуръ со стороны Флаша [7]) хорошо выяснена Бакомъ [8]), съ которымъ въ новѣйшее время согласился и Фуртвенглеръ [9]). Вопросъ можетъ считаться рѣшеннымъ [10]).

---

[1]) Срв. о Каламисѣ Brunn: Geschichte der griech. Künstler I², S. 80; и статью v. Jan'a въ Baumeister: Denkmäler des klass. Altert. II, S. 773 folg.

[2]) E. Curtius: Archeol. Zeitung 1883, S. 225 folg. Сомнѣваться вмѣстѣ съ Wolters'омъ: Archeol. Zeitung 1885, S 283 на основаніи стилистическихъ соображеній въ вѣрности опредѣленія Imhoof-Blumer'a и Curtius'a, мнѣ кажется придирчивымъ. Такая маленькая и поздняя копія на монетѣ передаетъ, конечно, только общій видъ оригинала; требовать отъ нея соблюденія всѣхъ стилистическихъ подробностей, едва-ли справедливо. Относится-ли сюда находящаяся въ Museo Torlonio № 484 статуетка Діониса въ коротенькомъ плащѣ и съ шкурой пантеры, судить не берусь, не видѣвши ея. Studniczka: Roem. Mitth. 1888, S. 299, An. 74 усматриваетъ въ ней копію съ оригинала Каламиса, Furtwängler: Meisterwerke S. 66 думаетъ, что оригиналъ ея принадлежитъ аргосской школѣ Гагелаида (Ἀγελαΐδας).

[3]) Весьма странно, что Back: Zur Geschichte der griech. Göttertypen, Jahrbücher für Philologie 1887, S. 453 въ противорѣчіи со всей своей теоріей о возникновеніи юнаго типа усматриваетъ въ коротенькой одеждѣ бога препятствіе приписать воспроизведенную на танагрской монетѣ статую Каламису. Замѣчу кстати, что его попытка доказать, что Діонисъ Мирона изображенъ былъ въ видѣ юноши, основывается по моему мнѣнію на совершенно произвольныхъ соображеніяхъ.

[4]) Срв. Baumeister: Denkmäler II, Taf. XXXIII, Text S. 1185.

[5]) A. Michaelis: Parthenon S. 168.

[6]) E. Peterson: Phidias S. 119.

[7]) Flasch: Zum Parthenonfries, Würzb. 1877.

[8]) Back: Zur Geschichte d. griechisch. Göttertypen, Jahrb. für Philolog. 1887, S. 434 folg.

[9]) Furtwängler: Meisterwerke S. 190.

[10]) За то нельзя признать изображенную на восточномъ фронтонѣ Парѳенона нагую фигуру, возлегавшую на звѣриной шкурѣ и подостланномъ плащѣ, за Діониса; правда, не потому, какъ Thraemer: Dionysos, Roschers mythol. Lex. Sp. 1126 думаетъ, что во время Фидія нагой Діонисъ являлся-бы невозможной антиципаціей, а потому, что аттрибуты, полнота формъ и прическа фигуры (Furtwängler: Meisterwerke S. 249) мѣшаютъ такому толкованію

Другіе примѣры довольно ранняго появленія небородатаго образа Діониса указаны Фуртвенглеромъ [1]); между прочимъ типы на золотыхъ керченскихъ маскахъ [2]) созданы несомнѣнно въ эпоху Фидія.

Что касается «великой живописи» этого періода, то только въ числѣ работъ Паррасія [3]) приводится изображеніе Діониса [4]). Однако, если древніе ученые [5]) справедливо ссылаются на это изображеніе для объясненія поговорки «οὐδὲν πρὸς Διόνυσον», мы вправѣ думать, что Паррасій позволилъ себѣ какое-нибудь замѣчательное отступленіе отъ прежде господствующаго типа. Весьма удачна догадка Яна [6]), что это новшество Паррасія состояло именно въ изображеніи Діониса въ видѣ красиваго юноши. Но какъ-бы то ни было, фактъ неоспоримъ, что въ «великомъ искусствѣ» V-го вѣка впервые является новый типъ юнаго Діониса. Какъ объяснить этотъ фактъ, который повидимому такъ противорѣчитъ ученію объ объективности [7]) и постоянствѣ въ воспроизведеніи образовъ олимпійскихъ боговъ? Курціусъ [8]) и съ нимъ многіе другіе довольствуются въ данномъ случаѣ общимъ указаніемъ на то, что въ искусствѣ съ средины V-го вѣка начинаетъ господствовать тенденція представлять идеальные типы боговъ въ болѣе юномъ видѣ. Совершенно вѣрно, что безсмертныя творенія Фидія, какъ и впослѣдствіи Праксителя, представляютъ собою замѣтное уклоненіе отъ архаическихъ типовъ боговъ. Эти уклоненія, это приближеніе каноническихъ до сихъ поръ образовъ боговъ къ идеальному воспроизведенію человѣческой фигуры заставляли не только во время Праксителя, какъ полагаетъ Гаузеръ [9]), но уже во время Фидія правовѣрныхъ грековъ тосковать по «чему-то божественному»,

---

[1]) Furtwängler: Collection Sabouroff, texte à la planche 23, not. 6.

[2]) Furtwängler: Meisterwerke S. 247, An. 2.

[3]) Срв. о немъ Brunn: Geschichte der griech. Künstler II², S. 66, 82.

[4]) Plin. Hist. nat. 35, 70.

[5]) Apostol. XV, 13. Phot. и Suid. s. v., οὐδὲν πρὸς Διόνυσον.

[6]) O. Jahn: Münchener Vasenkatalog, S. 90. Напрасно Янъ на стр. 205 самъ отчасти отказывается отъ своей догадки въ виду того, что многіе керамисты—живописцы и послѣ Паррасія еще часто изображаютъ бородатаго Діониса. Развѣ-же всѣ они обязаны были непремѣнно слѣдовать Паррасію?

[7]) Срв. Brunn: Geschichte der griech. Künstler I², S. 202. Kekulé: Entstehung der Götterideale, S. 15.

[8]) Curtius: Archeol. Zeitung 1883, S. 255.

[9]) Hauser: Die neu-attisch. Rel., S. 174.

что по словамъ Павсанія [1]) заключалось въ прежнихъ культовыхъ статуяхъ, и породили направленіе въ искусствѣ, которое уже въ кружкѣ извѣстнаго дѣятеля времени пелопоннесской войны Никія имѣетъ своего представителя въ лицѣ художника Каллимаха [2]) и которое можно обозначать именемъ «гіератическаго стиля». Но какъ-бы высоко ни опредѣлять тотъ субъективный элементъ, который Фидій и его школа внесли въ греческое искусство, какъ-бы высоко ни цѣнить значеніе ихъ творчества и ихъ вліяніе на всѣ отрасли художественнаго производства [3]), тѣмъ не менѣе a priori немыслимо, чтобы эти художники позволили себѣ создать типы, совершенно чуждые кругу идей и представленій своихъ современниковъ. И въ самомъ дѣлѣ, если прослѣдить исторію изображенія отдѣльныхъ олимпійскихъ боговъ, то не трудно убѣдиться въ томъ, что въ общемъ, не смотря на весь прогрессъ концепціи, характерныя черты освященныхъ обычаемъ и религіей типовъ сохраняются даже такими художниками, у которыхъ элементъ субъективизма играетъ выдающуюся роль. Итакъ, если мы уже въ періодъ Фидія встрѣчаемся съ кореннымъ переломомъ въ изображеніи двухъ божествъ — Гермеса и Діониса, то такое явленіе едва-ли можетъ быть объяснено указаніемъ на постепенное введеніе въ искусство юныхъ образовъ боговъ.

Оставляя здѣсь вопросъ о Гермесѣ [4]) въ сторонѣ, мы, что ка-

---

[1]) Paus II, 4, 5: ἀτοπώτερα μέν ἐστινέτι τὴν ὄψιν, ἐπιτρέπει δὲ ὅμως τι καὶ ἔνθεον τούτοις.

[2]) Furtwängler: Meisterwerke S. 200—206; но и Furtwängler не нашелъ еще вѣрной точки зрѣнія для объясненія этого направленія въ греческомъ искусствѣ, когда онъ говорилъ объ «архаистической модѣ во время Никія».

[3]) Господствующее однако мнѣніе, будто цѣлый рядъ дошедшихъ до насъ вазныхъ картинъ показываетъ непосредственное вліяніе скульптуръ на Парѳенонѣ (матеріалъ приведенъ у Furtwängler'a: Meisterwerke S. 70, 71, 133, 149, 150), подлежитъ на основаніи послѣднихъ работъ по вазной живописи довольно сильному ограниченію. Число вазныхъ картинъ, прямо зависящихъ отъ твореній Фидія, довольно незначительно. Сходство въ сюжетахъ или въ манерѣ изображенія между вазными рисунками и скульптурами Парѳенона объясняется во многихъ случаяхъ общимъ для этихъ обѣихъ отраслей искусства образцомъ «великой живописи»; ср. Benndorf: Deutsche Literaturzeitung 1886, S. 237. Dümler: Jahrbuch des Kais. deutsch. arch. Instit. 1887, S. 169. Studniczka: Jahrb des Kais. deutsch. arch. Instit. 1887, S. 177.

[4]) Этотъ вопросъ разъясненъ въ статьяхъ v. Duhn'a: Annali 1879, p. 143 и Back'a: Zur Geschichte и т. д. въ Jahrb. für Philol. 1887, S. 439 folg.

сается Діониса, должны выяснить, откуда и подъ какимъ вліяніемъ въ искусствѣ V-го вѣка могъ появиться этотъ новый типъ бога. Что вышеуказанное объясненіе занимающаго насъ вопроса неудовлетворительно, чувствовалъ, повидимому, уже Бакъ [1]); но предложенное имъ рѣшеніе на мой взглядъ также не выдерживаетъ серьезной критики.

Бакъ въ подробномъ изслѣдованіи доходитъ до результата, что двойственность типовъ Діониса въ греческомъ искусствѣ имѣетъ свою причину въ двойственности его существа. Древне-греческій Діонисъ изображался зрѣлымъ, бородатымъ мущиной; ѳракійскій-же Діонисъ представлялся красивымъ юношей; вездѣ тамъ, гдѣ этотъ культъ впервые былъ принятъ въ Греціи, мы и впервые встрѣчаемся съ типомъ юнаго бога. Изъ Беотіи почитаніе ѳракійскаго Діониса распространяется въ Аттику въ формѣ культа элевсинскаго Іакха, который съ самаго начала изображался въ видѣ юноши. Но образъ древне-греческаго бога однако все еще преобладаетъ; не только культовыя статуи удерживаютъ типъ зрѣлаго бородатаго Діониса, этотъ типъ воспроизводится въ искусствѣ даже при изображеніи такихъ сюжетовъ, которые относятся къ оргіастическому культу ѳракійскаго Діониса. Этотъ культъ современемъ получаетъ все бо́льшее значеніе. Фидій, не изготовляющій спеціально культовую статую Діониса, уже могъ рѣшиться изображать этого бога на фризѣ храма Аѳины въ видѣ юноши. Хотя для культоваго употребленія, какъ показываетъ статуя, сдѣланная младшимъ современникомъ Фидія Алкаменомъ [2]), прежній типъ все еще удерживается и въ послѣдующіе періоды отъ поры до времени еще повторяется, однако, благодаря знаменитымъ твореніямъ Фидія и впослѣдствіи Праксителя, этотъ юный ѳракійскій богъ современемъ получаетъ въ искусствѣ почти исключительное право гражданства.

Какъ ни заманчива и проста на первый взглядъ эта теорія Бака, однако при болѣе глубокомъ изученіи вопроса оказывается, что она построена на совершенно шаткихъ основаніяхъ.

---

[1]) Back: Zur Geschichte der griechischen Göttertypen, Jahrb. f. Philol. 1887, S. 433—456.

[2]) Воспроизведеніе этой статуи мы имѣемъ на одной аѳинской монетѣ; срв. Beulé: Monn. d'Athènes p. 262. Müller-Wieseler: Denkmäler II, 31, 348.

Не говоря уже о томъ, что существованіе первоначальнаго древнегреческаго культа Діониса ничѣмъ не можетъ быть доказано, я долженъ замѣтить, что все построеніе Бака не согласно съ фактами исторіи греческаго искусства. Бакъ утверждаетъ, что юный типъ Діониса впервые въ Греціи является тамъ, гдѣ, какъ въ Дельфахъ и Беотіи, ѳракійскій культъ находитъ себѣ воспріимчивую почву; а между тѣмъ на ѳиванскихъ монетахъ до 374 года [1]) до Р. Х. мы имѣемъ исключительно типъ бородатаго бога [2]), и древнѣйшій для насъ примѣръ юнаго типа представляютъ монеты сикилійскаго города Галаріи [3]), жители котораго едва-ли заимствовали культъ Діониса изъ Беотіи или Фокиды. Притомъ можетъ являться весьма сомнительнымъ, были-ли въ Беотіи въ самомъ дѣлѣ выработаны опредѣленные типы Діониса и его спутниковъ; по крайней мѣрѣ изображеніе менадъ и сатировъ на найденной въ святилищѣ Кабировъ въ Ѳивахъ вазѣ такъ мало удовлетворяетъ насъ, по вѣрному замѣчанію Виннефельда [4]), именно потому, что керамистъ-живописецъ не воспроизводитъ извѣстныхъ ему и созданныхъ на его родинѣ типовъ, а копируетъ аттическіе образцы. Дальше Бакъ [5]) утверждаетъ, что ѳракійскій Діонисъ въ своемъ сѣверномъ отечествѣ всегда представлялся и изображался въ видѣ юноши; однако и этого съ увѣренностью сказать нельзя въ виду одной весьма своеобразной вазной картины краснофигурной техники строгаго стиля. Гаузеръ въ засѣданіи германскаго археологическаго института 14 февраля 1891 года въ Аѳинахъ читалъ докладъ объ этой вазѣ изъ Орвіеты; изображенъ на ней Вакхическій тіасъ, причемъ всѣмъ участникамъ приданъ скиѳскій костюмъ. Подробности этого костюма переданы съ такой точностью, что Гаузеръ сначала допускалъ мысль считать ав-

---

[1]) Cat. Brit. Mus. Centr. Gr. p. 77.

[2]) Вопросъ о томъ, замѣнялся-ли онъ впослѣдствіи юнымъ типомъ, долженъ за неимѣніемъ матеріала остаться нерѣшеннымъ.

[3]) Cat. Brit. Mus. Sicil. p. 64, 1. Imhoof-Blumer: Monn. grec. p. 18, 12. Монеты эти принадлежатъ началу V вѣка.

[4]) Winnefeld: Athen. Mitth. XIII (1888), S. 423, Taf. X: «Die Zeichnung der Vase macht den Eindruck der Kälte, dadurch hervorgerufen, dass der Maler nicht heimische Wesen darstellt, sondern sich an attische Vorbilder gehalten hat».

[5]) Back: Zur Geschichte и т. д. Jahr. f. Philol. 1887, S. 446, со ссылкой на найденный ученымъ Конце рельефъ (Conze: Reise auf den Inseln des thrakischen Meeres, Taf. 17, 7).

торомъ этой картины скиѳскаго раба, учившагося въ аѳинскихъ мастерскихъ; другія соображенія, правда, говорятъ, какъ Гаузеръ самъ замѣтилъ, противъ такой догадки[1]), но во всякомъ случаѣ художникъ обнаруживаетъ близкое знакомство съ бытомъ этого сѣвернаго народа. А между тѣмъ онъ, передавая такъ подробно типы и одежду этихъ варваровъ, все таки изображаетъ Діониса въ видѣ зрѣлаго, бородатаго мущины.

Наконецъ на всѣхъ вазахъ строгаго краснофигурнаго стиля, на которыхъ изображается Вакхическій тіасъ и весь оргіазмъ культа Діониса, мы безъ исключенія встрѣчаемъ образъ бородатаго, возмужалаго бога. Полагать вмѣстѣ съ Бакомъ, что аттическіе художники этой эпохи, изображая сюжетъ изъ культа ѳракійскаго бога, все таки не смѣли еще воспроизводить типъ юнаго ѳракійскаго Діониса, значило-бы допустить, что этотъ культъ въ концѣ VI столѣтія является чѣмъ-то новымъ, не вполнѣ установившимся, потому что только при этомъ предположеніи пріурочиваніе разныхъ чертъ новаго культа къ прежнему представителю Діонисовой религіи было-бы понятно. Но едва-ли слѣдуетъ распространяться о томъ, что всѣ данныя исторіи религіи говорятъ противъ такого предположенія, будто только въ VI-мъ столѣтіи ѳракійскій культъ перенесенъ былъ въ Аттику.

Фойгтъ[2]) въ объясненіе того факта, что въ аттической краснофигурной вазной живописи строгаго стиля бородатый Діонисъ изображается въ центрѣ необузданнаго тіаса, выставляетъ гипотезу о существованіи извѣстнаго оргіастическаго элемента въ древне-аттическомъ культѣ Діониса. Но слѣдуетъ замѣтить, что эта гипотеза лишена всякой подкладки, и что она своей произвольностью наглядным образомъ доказываетъ неосновательность всего ученія объ этомъ предполагаемомъ древне-аттическомъ культѣ Діониса[3]). На самомъ

---

[1]) Hartwig: Meisterschalen: Cap. XVII. «Der Meister mit dem Kahlkopf», S. 422—425.

[2]) Voigt: Dionysos, въ Roschers mythol. Lex. Sp. 1062.

[3]) Намѣренно здѣсь оставляю въ сторонѣ вопросъ о Діонисѣ Μελάναιγις, который въ праздненствѣ апатурій играетъ извѣстную роль видомъ съ Зевсомъ Φράτριος и Аѳиной Φρατρία. Культъ его служитъ для E. Maas'a (Goettinger Gelehrt. Anzeiger 1889, S. 803 folg.) и отчасти также для J. Toepffer'a (Pauly-Wissowa: Realencyklopädie 1892, Sp. 960) исходнымъ пунктомъ для объясненія имени филы Αἰγικορεῖς; еслибъ они были правы, то

дѣлѣ Фойгтъ этой гипотезой устраняетъ главное основаніе защищаемаго имъ ученія, опирающагося именно на будто-бы различный характеръ ѳракійскаго и древне-аттическаго культовъ. Фойгтъ самъ допускаетъ, что самый характерный элементъ ѳракійской религіи, оргіастическое изступленіе, присущъ и древне-аттическому культу; какое-же, спрашивается, послѣ этого между ними различіе? Но является при этомъ вопросъ, какимъ-же образомъ могло случиться, что, между тѣмъ какъ на сѣверѣ Греціи и въ Аттикѣ независимо другъ отъ друга возникаетъ почти одинаковый культъ Діониса, именно этотъ ѳракійскій культъ побѣдоносно распространяется не только по всей остальной Греціи, но и по самой Аттикѣ и принимается тамъ за что то новое, извнѣ внесенное. Фойгтъ, конечно, не даетъ отвѣта на этотъ вопросъ и въ силу вещей дать не можетъ.

Попытка объяснить дуализмъ въ изображеніи Діониса въ греческомъ искусствѣ при помощи предположенія о мнимомъ существованіи двухъ культовъ—древне-аттическаго и ѳракійскаго—такимъ образомъ оказывается несостоятельной. Но несомнѣнно съ другой стороны, что этотъ дуализмъ не можетъ быть явленіемъ произвольнымъ, несомнѣнно, что художники не могли по субъективному усмотрѣнію видоизмѣнить столь кореннымъ образомъ типъ изображаемаго бога, еслибъ не была вполнѣ подготовлена почва къ такому переходу въ сознаніи и представленіи ихъ современниковъ. Вотъ здѣсь и исходная точка для вѣрнаго рѣшенія занимающаго насъ вопроса.

Когда культъ Діониса перенесенъ былъ въ Аттику, Аѳиняне не могли заимствовать вмѣстѣ съ тѣмъ изъ родины этого культа какой-нибудь опредѣленный образъ новаго бога. Во Ѳракіи въ то время дальше изображенія грубыхъ идоловъ едва-ли дошли, и въ

дѣйствительно слѣдовало или предполагать, что искони въ Аттикѣ существовалъ культъ Діониса, или вмѣстѣ съ Wilamowitz'омъ (Aristoteles und Athen II, S. 140) установить, что дѣленіе аттическаго населенія на четыре филы относится ко времени послѣ объединенія страны. Подробнѣе входить въ обсужденіе этого вопроса здѣсь нѣтъ мѣста, замѣчу только, что, во первыхъ, вѣрность догадки названныхъ ученыхъ подлежитъ серьезнымъ сомнѣніямъ, и что, во вторыхъ, мы имѣемъ полное основаніе думать, что эпитетъ Μελάναιγις какъ разъ обозначаетъ одну изъ характерныхъ чертъ ѳракійскаго Діониса. Срв. Preller-Robert: Griech. Mythолog. II ³, S. 667, 1; 691, 2; 714, 6 и приведенную тамъ древнюю и новую литературу. Срв. и Стефани: Отчетъ Императ. Археол. Комм. за 1864 годъ, стр. 60.

Беотіи тоже не было создано типовъ Діониса и его тіаса; еще въ историческое время, даже въ IV-мъ столѣтіи, беотійская вазная живопись въ этомъ отношеніи находится, какъ мы видѣли, въ полной зависимости отъ аттическихъ образцовъ. Однако потребности культа вызвали, какъ въ Греціи вообще, такъ и въ Аттикѣ необходимость создавать статуи, давать осязательное изображеніе бога. И вотъ древнѣйшіе художники — были-ли это аттическіе, или, что вѣроятнѣе, іоническіе съ острововъ, для насъ въ данномъ случаѣ безразлично — придавая Діонису характерные аттрибуты ритона или кантара и виноградной лозы, изображали его въ общемъ въ томъ видѣ, въ которомъ они привыкли представлять себѣ большинство своихъ боговъ, въ видѣ зрѣлаго, статнаго мужа во цвѣтѣ лѣтъ съ роскошными волосами, длинной бородой и длинной, покрывающей все тѣло одеждой [1]). Съ нѣкоторыми ограниченіями мнѣніе Тремера [2]) относительно первенства въ искусствѣ этого типа бородатаго мужа при изображеніи идеальныхъ фигуръ боговъ вполнѣ подтверждается дошедшими до насъ памятниками, и напрасно Бакъ [3]) старается доказать полную его неосновательность. Художники, создавая въ картинѣ или въ статуѣ изображеніе бога, вмѣстѣ съ тѣмъ и создавали тотъ типъ, въ коемъ грядущія поколѣнія привыкали представлять себѣ то божество, которое художники хотѣли въ нихъ изобразить; они создавали, однимъ словомъ, канонъ, которому должны были слѣдовать и позднѣйшіе художники, если они хотѣли, чтобы ихъ понимали ихъ современники. Кто выяснилъ себѣ значеніе канона въ греческомъ искусствѣ [4]), тотъ и пойметъ, какъ могло случиться, что этотъ типъ бородатаго Діониса, созданный первоначально по аналогіи съ типами другихъ боговъ, такъ долго сохранялся въ греческомъ искуствѣ, хотя подъ вліяніемъ поэзіи и миѳологическаго преданія въ разныхъ слояхъ общества должно было

---

[1]) Такимъ, по словамъ Павсанія (Paus. V, 19, 1), Діонисъ былъ изображенъ на «ларчикѣ Кипсела». Срв. о бородатомъ Діонисѣ и Діодорѣ (III, 63); что этотъ типъ — индійскій, конечно, никто теперь больше не повѣритъ. Graef: »De Bacchi expeditione indica» 1886, p. 5. Стефани: Отчетъ Имп. Археол. Коммис. за 1867 г., стр. 163.

[2]) Thraemer: Dionysos, въ Roschers mythol. Lexikon.

[3]) Back: Zur Geschichte и т. д. Jahrb. f. Philol. 1887, S. 443.

[4]) Срв. мѣткія замѣчанія Зѣлинскаго: «О синтагмахъ въ древне-греческой комедіи». Спб. 1883, стр. 2—5.

установиться убѣжденіе, что этотъ каноническій типъ не согласенъ съ дѣйствительнымъ характеромъ этого могущественнаго бога. Миѳы о Ликургѣ, Пенѳеѣ, Миніадахъ, разсказъ о морскихъ разбойникахъ и т. д. должны были породить представленіе о другомъ образѣ Діониса—объ образѣ красиваго, покоряющаго всѣ и всѣхъ своей красотой юноши. Какъ уже въ Иліадѣ [1]) весь характеръ разсказа объ участи Ликурга не вяжется съ представленіемъ о возмужаломъ, бородатомъ Діонисѣ, такъ поэтами послѣ гомеровскаго времени все яснѣе и яснѣе выдвигается его юный типъ: Діониса, забавляющагося по словамъ Анакреонта [2]) играми вмѣстѣ съ эротами, нимфами и Афродитой, нельзя себѣ представить бородатымъ мужемъ, и въ шестомъ гомеровскомъ гимнѣ [3]) прямо указывается на молодость и красоту бога.

Еще опредѣленнѣе Діонисъ рисуется молодымъ богомъ въ аттической трагедіи. Вѣроятно, уже Полифрадмонъ въ своей «Ликургіи», а несомнѣнно потомъ Эсхилъ въ цѣломъ рядѣ трагедій [4]), относящихся къ Діонисову циклу, и Эврипидъ въ дошедшихъ до насъ «Вакханкахъ» описываютъ и представляютъ Діониса, согласно содержанію и тенденціи изображаемыхъ миѳовъ, нѣжнымъ юношей, являющимся тѣмъ не мѣнѣе могущественнымъ и страшнымъ богомъ [5]). Черезъ посредство сцены такое представленіе должно было уже въ V вѣкѣ сдѣлаться живымъ достояніемъ аттическаго населенія. Всѣ элементы народа стекались вѣдь въ театръ въ праздники Діониса, и творенія великихъ поэтовъ не могли не оказать свое воздѣйствіе на фантазію и воззрѣнія широкой массы зрителей.

Представители искусства должны были, не смотря на всю кон-

---

[1]) Ilias Z, v. 130 sq.

[2]) Dio Chrys: Orat. II, 35. Срв. Soph. O. C. v. 678, Aristoph. Thesmo. v. 908. Horat. Od. II, 19.

[3]) Hym. VI, v. 3 sq.: νεηνίῃ ἀνδρὶ ἐοικὼς
πρωθήβῃ. καλαὶ δὲ περισσείοντο ἔθειραι
κυάνεαι, φᾶρος δὲ περὶ στιβαροῖς ἔγκειτο ὤμοις
πορφύρεον.

[4]) Ἠδωνοί, Βασσάραι, Νεανίσκοι, Λυκοῦργος, составившія тетралогію Λυκουργεία, и трагедіи Πενθεύς, Ξάντριαι, Σεμέλη ἢ δδρόφοροι, Διονύσου τρόφοι, соединенныя тоже, повидимому, тетралогическою связью. Срв. Christ: Geschichte der griech. Litt. 1891, § 144. Относительно типа Діониса у Эсхила срв. свидѣтельство Аристофана въ Θεσμοφοριαζουσαχ, v. 134 и слѣд.

[5]) Срв. Thraemer: Dionysos, въ Roschers mythol. Lex. Sp. 1138.

сервативность ихъ традиціи, считаться съ этими измѣненными воззрѣніями общества относительно образа Діониса, и дѣйствительно, какъ мы видѣли, уже въ V вѣкѣ ваятели, живописцы и за ними керамисты-художники идутъ на встрѣчу своими изображеніями бога этимъ распространеннымъ поэзіею взглядамъ. Фактъ этотъ не лишенъ интереса. Извѣстно, что въ общемъ воздѣйствіе драмы на великое искуство и вазную живопись относится къ IV столѣтію. Робертъ въ своемъ капитальномъ трудѣ [1]) объ этомъ вопросѣ однако констатируетъ такое вліяніе уже въ V вѣкѣ именно по отношенію изображенія сценъ «изъ разгульной жизни сатировъ» (dem nichtsnutzigen Treiben der Satyren). Слѣдуетъ теперь прибавить, что и образъ самаго Діониса, около котораго такъ часто группируются эти веселые силены и сатиры, является уже въ эту эпоху видоизмѣненнымъ въ силу того-же самаго вліянія драматической поэзіи. Прослѣдить дальше развитіе типа Діониса въ греческомъ искусствѣ значило бы слишкомъ расширить рамки настоящей статьи. Ограничусь поэтому замѣчаніемъ, что впослѣдствіи этотъ новый типъ Діониса все болѣе и болѣе совершенствуется въ смыслѣ юности и изнѣженности и получаетъ полное право гражданства. Пракситель создаетъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ статуй Діониса и группъ, въ которыхъ Діонисъ занимаетъ видное мѣсто, и даетъ въ своихъ изображеніяхъ, по словамъ Каллистрата [2]), лучшую иллюстрацію концепціи Эврипида. И между тѣмъ какъ съ одной стороны этотъ типъ изнѣженнаго, женообразнаго Діониса подъ вліяніемъ праксителевскихъ статуй впослѣдствіи часто примѣняется и дальше развивается [3]), мы съ другой стороны находимъ еще весьма различныя воспроизведенія фигуры этого бога: то онъ является крѣпко-сложеннымъ юношей, съ роскошными, но не особенно длинными кудрями [4]), то нѣжнымъ юношей съ маленькими рогами, на половину скрытыми подъ прической [5]), то онъ изображается съ крыльями на

[1]) Robert: Bild und Lied, S. 28.

[2]) Kallist: Descr. c. 8. Срв. Eurip. Bacch. v. 445 sq.

[3]) Срв. статую въ виллѣ Гадріана, Діониса въ British Museum, Specimens of ancient sculpture II, 50, Baumeister: Denkmäler II, Abb. 487.

[4]) Напр. на памятникѣ Лисикрата, срв. An. marbles IX, 24.

[5]) По мнѣнію Furtwängler'a: Meisterwerke S. 590, A. 6 статуя, слѣланная Эвераномъ показала этотъ типъ рогатаго Діониса; мы имѣемъ цѣлый рядъ копій съ его головы; срв. Amelung: Florentiner Antiken, S. 15.

головѣ [1]), то совсѣмъ нагимъ [2]), то въ женскомъ костюмѣ [3]) и т. д. Но всѣмъ этимъ различнымъ изображеніямъ греческаго, эллинистическаго и римскаго времени присущъ одинъ общій основной мотивъ — юный образъ могущественнаго бога. И вмѣстѣ съ тѣмъ мы во всѣхъ этихъ изображеніяхъ встрѣчаемся съ одной весьма характерной чертой: всѣ художники особенно сильно налегаютъ на воспроизведеніе извѣстнаго психическаго настроенія бога. Діонисъ изображается съ выраженіемъ радостнаго спокойствія на лицѣ, или замѣтенъ въ его глазахъ отблескъ Вакхическаго веселья и восторга, или онъ представляется погруженнымъ въ унылую задумчивость.

Выяснивъ, насколько возможно было въ этомъ сжатомъ эскизѣ, возникновеніе и развитіе различныхъ типовъ Діониса въ греческомъ искусствѣ и прослѣдивъ въ крупныхъ штрихахъ исторію изображенія Вакхическаго тіаса въ самыхъ характерныхъ его особенностяхъ въ аттической вазной живописи, какъ чернофигурной техники, такъ и краснофигурной строгаго и изящнаго стилей, вернемся теперь къ точкѣ отправленія нашего изслѣдованія—къ картинѣ на нашей керченской леканѣ. Основываясь на до сихъ поръ добытыхъ результатахъ, мы, надѣюсь, окажемся на довольно твердой почвѣ для вѣрнаго опредѣленія періода, къ которому относится наша картина, того мѣста, которое она занимаетъ среди изображеній того-же сюжета въ области керамики, и для правильной оцѣнки ея стиля, особенностей ея концепціи и заслугъ нарисовавшаго ее художника.

VI.

Какъ видно уже изъ вышепредставленнаго сжатаго обзора исторіи типовъ Діониса и его тіаса въ греческой вазной живописи, наша картина по характеру воспроизведенія этого сюжета не можетъ быть написана раньше періода господства «изящнаго стиля». Если согласиться съ мнѣніемъ Тремера [4]), что типъ Діониса «въ идеальной наготѣ»

---

[1]) Brunn: Kunstvorstellungen des geflügelten Dionysos. 1839. Baumeister: Denkmäler I, Abb. 485.

[2]) Müller-Wieseler: Denkmäler II, Abb. 354, 441, 445.

[3]) Müller-Wieseler: Denkmäler II, Abb. 965.

[4]) См. выше стр. 28.

могъ явиться въ искусствѣ только въ послѣдней четверти IV вѣка, то ваза наша должна быть отнесена къ концу названнаго столѣтія. Лѣтъ пятнадцать, десять тому назадъ такая датировка могла разсчитывать на общее одобреніе въ виду господствовавшаго тогда взгляда на хронологію аттической вазной живописи.

Но слѣдуетъ, во первыхъ, замѣтить, что мнѣніе Тремера само по себѣ мало обосновано. Дѣйствительно, если уже Каламисъ изобразилъ юнаго Діониса въ коротенькой хламидѣ, если Алкаменъ въ своей культовой статуѣ бородатаго Діониса оставилъ правую сторону бога непокрытой гиматіономъ, если наконецъ Фидій воспроизвелъ на фризѣ Парѳенона юнаго Діониса съ ниспавшей на лоно одеждой, то нѣтъ малѣйшаго основанія утверждать, что долженъ былъ еще пройти цѣлый вѣкъ, пока греческое искусство могло рѣшиться изображать Діониса сидящимъ въ идеальной наготѣ на подостланномъ плащѣ. Напротивъ, уже въ виду Праксителевскихъ идеаловъ слѣдуетъ думать, что этотъ небольшой шагъ впередъ отъ концепціи Фидія сдѣланъ былъ еще въ V столѣтіи, и въ самомъ дѣлѣ вазные рисунки, относящіеся еще къ V вѣку вполнѣ подтверждаютъ правильность этого взгляда. Во вторыхъ-же – и этотъ моментъ въ вопросѣ о датировкѣ нашей вазы является рѣшающимъ — мы въ настоящее время должны совершенно иначе опредѣлить періодъ процвѣтанія «изящнаго» и «великолѣпнаго» стилей аттической вазной живописи, чѣмъ могъ это сдѣлать еще въ 1886 году Винтеръ [1]) въ своемъ весьма почтеномъ трудѣ «о позднѣйшихъ аттическихъ вазахъ». Извѣстно, что Винтеръ, мало отклоняясь отъ господствовавшаго тогда мнѣнія, отдѣлилъ дѣятельность вазныхъ живописцевъ Аристофана, Мейдія, Ксенофанта и другихъ цѣлыми поколѣніями отъ періода процвѣтанія такихъ керамистовъ-художниковъ, которые, какъ Гегій, Полигнотъ, Эпигенъ, Ксенотимъ, являются представителями «изящнаго стиля» въ первой ступени его развитія. Онъ такимъ образомъ проводитъ мнѣніе, что аттическая керамика, которая въ послѣднее время пелопоннесской и въ періодъ десятилѣтней іонической войны пришла въ упадокъ вслѣдствіе застоя торговли и затруднительности вывоза, съ половины IV вѣка опять воскресла и показываетъ значительный худо-

[1]) Winter,: Ueber die jüngeren attischen Vasen. 1886, S. 1, 30 folg.

жественный подъемъ. Съ этимъ опредѣленіемъ, повидимому, довольно хорошо согласовался и результатъ изслѣдованій Стефани[1]), что самая изящная изъ керченскихъ леканъ относится къ IV вѣку.

Но если уже съ одной стороны панаѳинейскія амфоры, которыя мы по прописаннымъ на нихъ именамъ архонтовъ можемъ совершенно точно датировать до 312/11 года[2]), не позволяютъ по своему исполненію думать, что вазная живопись въ Аѳинахъ съ половины IV вѣка стояла еще на такой высотѣ, чтобы она могла производить мастерски нарисованныя картины керченскихъ леканъ, то съ другой стороны характеръ надписей на такихъ вазахъ, которыя считались особенно типическими образцами стиля IV вѣка, доказываетъ ихъ принадлежность какъ разъ къ V-му столѣтію. Послѣ составляющаго эпоху изслѣдованія Кёлера объ аттическихъ надгробныхъ надписяхъ[3]) вѣрность такой датировки не можетъ быть оспариваема. Кёлеръ[4]) уже самъ замѣтилъ, что н. п., извѣстный арибаллъ изъ коллекціи Сабурова[5]) по начертанію буквъ долженъ быть приписанъ V вѣку; на томъ же основаніи мы должны отнести къ тому же періоду чашу Аристофана и Эрготима[6]) съ изображеніемъ гигантомахіи и чашу Мейдія[7]), украшенную картиной, представляющей похищеніе дочерей Левкиппа. Оказывается такимъ образомъ, что тѣ мастера, которыхъ прежде считали лучшими и типическими представителями вазной живописи IV вѣка, жили и работали почти столѣтіемъ раньше. Что такое перенесеніе

---

[1]) Стефани: Отчетъ Имп. Арх. Комм. за 1860 г., стр. 24. Стефани однако говоритъ о «началѣ IV вѣка»; если Winter датируетъ это новое процвѣтаніе аттической вазной живописи приблизительно срединою IV вѣка, то онъ, повидимому, руководится весьма вѣрными замѣчаніями Wilamowitz-Möllendorf'a (Aus Kydathen, S. 20 An. 34), что политическія отношенія начала IV вѣка не позволяютъ предполагать въ Аѳинахъ существованія какой нибудь значительной вазной фабрикаціи.

[2]) Срв. Hauser: Die neu-attischen Reliefs, S. 160 folg.

[3]) Köhler: Die attischen Grabsteine des V. Jahrh., Athen Mitth. X (1885), S. 350 folg.

[4]) Köhler: Die attischen Grabsteine, S. 378 An. 2.

[5]) Dumont: Les céramiques, planche 12–13. Furtwängler: Collection Sabouroff, pl. 55. Furtwängler въ предисловіи ко II тому, стр. 6 тоже уже приписываетъ эту вазу V вѣку.

[6]) Въ Берлинскомъ музеѣ № 2531. Gerhard: Trinkschalen und Gefässe, Taf. II, III

[7]) Gerhard: Gesammelte akad. Abhandlungen, Taf. 13—14. Text S. 68, A. 146, S. 177—191.

ихъ дѣятельности въ V вѣкъ вполнѣ согласно съ остальными данными исторіи греческаго искусства, не нуждается въ подробномъ разъясненіи.

Такъ н. п., уже Кунертъ [1]) показалъ, что сюжетъ, изображенный, какъ на другихъ сосудахъ [2]), такъ и на чашѣ Мейдія—похищеніе Левкиппидъ — прямо заимствованъ съ картины Полигнота [3]). Такая зависимость Мейдія отъ Полигнота вполнѣ понятна, если ихъ дѣятельность отдѣлена другъ отъ друга промежуткомъ какихъ-нибудь десятковъ лѣтъ, между тѣмъ, какъ при мнѣніи, что Мейдій жилъ въ четвертомъ столѣтіи, она едва-ли можетъ быть объяснена безъ натяжекъ.

Изъ этихъ новыхъ и неоспоримыхъ фактовъ вазной хронологіи Мильхгёферъ [4]) старался въ послѣднее время вывести необходимыя заключенія и группировать въ новыя рамки находящійся въ нашемъ распоряженіи матеріалъ керамическаго искусства, который относится по характеру изображенія и стилю рисунка къ кругу вышеназванныхъ датированныхъ вазъ. Относительно частностей возможно будетъ спорить съ его выводами: такъ я лично н. п. вопреки ему полагаю, что чаша Мейдія должна быть датирована немного раньше, чѣмъ аріbаллъ изъ коллекціи Сабурова, но въ общемъ проведенные имъ взгляды могутъ разсчитывать на полное одобреніе со стороны науки.

Чашу Мейдія, расписанную въ «изящно-великолѣпномъ стилѣ» можно пріурочить приблизительно къ 430 году [5]); съ ней слѣдуетъ сопоставить цѣлый рядъ сосудовъ [6]), между прочимъ и нѣкоторыя изъ перечисленныхъ у Стефани [7]) леканъ. По исполненію особенно мотивовъ одежды и картина на нашей леканѣ представляетъ много точекъ соприкосновенія съ изображеніемъ на чашѣ Мейдія: здѣсь

---

[1]) Kuhnert: Jahrbuch des Kais. deutsch. archeol. Instit. 1887, S. 273.

[2]) Archeol. Zeitung 1852, Taf. 40, 1. Ἐφημ. ἀρχ. 1885, Π. 5.

[3]) Paus. I, 18, 1.

[4]) Milchhöfer: Zur jüngeren att. Vasenmalerei въ Jahrbuch des Kais. deutschen archeol. Instit. 1894, S. 57 folg.

[5]) Срв. Furtwängler: Meisterwerke S. 67.

[6]) Срв. Milchhöfer: Zur jüngeren att. Vasenmalerei, Jahrb. des Kais. deut. arch. Inst. 1894, S. 63.

[7]) Стефани: Отчетъ Императ. археолог Комм. за 1860 годъ, стр. 6 слѣд., № 19, 21, 22.

и тамъ мы встрѣчаемся со своеобразнымъ умѣньемъ оттѣнить при помощи простого линейнаго рисованія болѣе тяжелую одежду отъ болѣе прозрачной и тѣмъ дать нѣжному тѣлу женскихъ фигуръ просвѣчиваться черезъ послѣднюю [1]); здѣсь и тамъ проведенъ принципъ, что одежда должна слѣдовать всякому, даже самому быстрому движенію тѣла; здѣсь и тамъ поражаетъ насъ изобрѣтательность художника, которая ему даетъ возможность при изображеніи столь схожихъ между собою фигуръ всякій разъ представить наблюдателю новыя позы, новую манеру накидки платья, новую прическу, новый головной уборъ. Но смѣлость въ концепціи мотивовъ одежды на нашей леканѣ, замѣтная въ каждомъ очертаніи изящность, легкость и точность рисунка изобличаютъ въ его авторѣ мастера, усвоившаго себѣ всѣ техническіе пріемы «великолѣпнаго стиля» еще въ бо́льшемъ совершенствѣ, чѣмъ Мейдій. Едва-ли ошибемся, если будемъ его считать младшимъ современникомъ послѣдняго.

Съ другой стороны, если мы сравнимъ нашу картину съ изображеніемъ того-же сюжета на арибаллѣ Сабурова, то не смотря на существованіе многихъ аналогичныхъ чертъ въ этихъ двухъ шедеврахъ аттической керамики, сравнительная простота концепціи нашей картины, менѣе изнѣженный типъ Діониса и еще нѣкоторыя, трудно выражаемыя на словахъ, но замѣтныя всякому спеціалисту особенности заставляютъ насъ отнести нашу лекану къ немного болѣе раннему періоду, чѣмъ арибаллъ Сабурова. Фуртвенглеръ въ предисловіи ко второму тому «La Collection Saboureff», видоизмѣняя высказанное имъ въ текстѣ къ 55 таблицѣ мнѣніе, пріурочиваетъ названный арибаллъ къ послѣднимъ годамъ пелопоннесской войны. Соглашаясь съ этой датировкой, мы можемъ въ нашей леканѣ усматривать произведеніе художественной промышленности послѣдней четверти V вѣка, и скорѣе начала этой четверти, чѣмъ ея конца.

Опредѣливъ такимъ образомъ время жизни и дѣятельности нашего художника, намъ слѣдуетъ еще опредѣлить то мѣсто, которое принадлежитъ его картинѣ среди сродныхъ изображеній, анализировать вкратцѣ ея характерныя особенности и тѣмъ выяснить участіе и заслуги нашего мастера въ развитіи вазной живописи.

---

[1]) Срв. Reinach: Peintures des vases antiques, 1891: Millin II, 47.

Изъ вышеизложеннаго ясно, что изображенный сюжетъ и воспроизведенные въ немъ типы не продуктъ художественнаго творчества нашего керамиста-живописца. Вакхическій тіасъ — одна изъ излюбленныхъ темъ вазной и, можемъ навѣрно сказать, «великой живописи» съ весьма ранняго періода художественной дѣятельности въ Аттикѣ. Съ матеріальной стороны нашъ художникъ въ изображеніе этого сюжета ничего новаго не вноситъ: со всѣми представленными имъ фигурами мы встрѣчаемся и на картинахъ его предшественниковъ. Типы этихъ фигуръ притомъ въ общемъ уже были строго выработаны; сопоставленіе н. п. Діониса на нашей картинѣ съ Діонисомъ на изданной Стефани [1]) леканѣ и съ изображенными на виньеткѣ къ нашей статьѣ типами наглядным образомъ показываетъ, какъ значительна была зависимость отдѣльныхъ керамистовъ въ этомъ отношеніи отъ общихъ образцовъ, ходившихъ по мастерскимъ и слагавшихся подъ вліяніемъ «великой живописи».

Едва-ли также можно считать всю прелесть композиціи изображаемой сцены самостоятельной заслугой нашего художника. Весьма удачный и главный ея мотивъ, противоположность между спокойствіемъ концентрированной около Діониса группы и необузданнымъ изступленіемъ дальше представленныхъ фигуръ мы встрѣтили уже на чашѣ Гіерона, хранящейся въ Бальтиморскомъ музеѣ [2]); помимо того и другія черты этой композиціи извѣстны по вазнымъ картинамъ болѣе ранняго періода.

Такъ мы неоднократно встрѣчаемся на вазахъ съ изображеніемъ того, какъ спокойно сидящему Діонису подносятся его спутницами на блюдахъ фрукты и печенья [3]), или какъ ему силенъ наливаетъ въ кантаръ вино [4]). Не требуется особенной фантазіи, чтобы

[1]) Стефани: Отчетъ Имп. Археол. Коммиссіи за 1862 годъ, таб. V. Срв. и Mon. dell' Inst. VI, Tav. V b. (Jahn: Annali 1857, p. 123) и Mon. dell' Inst. VI, Tav. XXXVII (Jahn: Annali 1860, p. 5—22). Müller-Wieseler: Denkmäler II, Taf. 38, Abb. 442. Reinach: Peintures des vases antiques, 1891: Millin, I, 42.

[2]) Срв. стр. 8.

[3]) Срв. вазу изъ коллекціи Ламберга съ изображеніемъ изъ Діонисова цикла; здѣсь «Діона и Опора» подносятъ богу наполненныя фруктами блюда; Gerhard: Antike Bildwerke Taf. 17. Gerhard: Apulische Vasen, Taf. 1—4. Срв. Reinach: Peintures des vases antiques 1891: Millin I, 57 и 67.

[4]) Срв. чашу Брига въ коллекціи маркиза Northompton въ Castle Ashby (Hartwig: Meisterschalen S. 314) и чаши Гіерона (Gerhard: A. V. I, Taf. LVII, 3) и Дуриса (Hartwig: Meisterschalen S. 220).

замѣнить силена эротомъ, который впрочемъ является весьма часто спутникомъ тіаса [1]), и ему дать въ руки аттрибутъ, принадлежащій въ болѣе древнюю эпоху самому богу.

Точно также позы, придаваемыя нашимъ художникомъ своимъ фигурамъ, не могутъ всѣ претендовать на новизну или оригинальность. Мотивъ «съ поднятой ногой» въ позѣ эрота принадлежитъ, какъ Гартвигъ вѣрно замѣтилъ [2]), къ одному изъ древнѣйшихъ мотивовъ въ аттической вазной живописи [3]); мотивъ «прислоненія» (Anlehnungsmotiv), который нашъ художникъ примѣняетъ въ группѣ двухъ менадъ, подносящихъ Діонису блюдо, можно считать Полигнотовскимъ [4]); наконецъ характерное положеніе ноги съ согнутыми пальцами бьющей въ тимпанъ менады, напоминающее дискобола Мирона, встрѣчается уже на одной вазѣ строгаго краснофигурнаго стиля [5]), и своеобразную прическу той-же менады мы находимъ на одной чашѣ Гіерона, хранящейся въ Берлинскомъ музеѣ [6]).

Заслугъ нашего мастера такимъ образомъ нельзя искать въ самостоятельномъ созданіи сюжета изображенія, отдѣльныхъ его типовъ и ихъ позъ — но и несправедливо было бы требовать всего этого отъ представителя художественнаго ремесла. Заслуги его лежатъ въ другой области, и здѣсь ихъ оспаривать нельзя.

Прежде всего онъ поражаетъ насъ своимъ изумительнымъ техническимъ умѣньемъ, ловкостью своей руки и легкостью кисти, качествами, позволяющими ему одинаково удачно воспроизводить че-

---

[1]) Rapp: Die Mänade и т. д. въ Rh. Mus. 27, (1872) S. 569 «Der geflügelte Knabe, der sonst oft den Thiasos in der Luft schwebend begleitet» и т. д. Стефани: Отчетъ Имп. Археол. Коммиссіи за 1867 годъ, стр. 37. «Въ выси, между менадою и Діонисомъ паритъ эротъ». Reinach: Peintures des vases antiques, 1891: Millin I, 28, 38,42, 50, 52.

[2]) Hartwig: Meisterschalen S. 403.

[3]) Напрасно Dümmler въ Jahrb. des Kais. deutsch. archeol. Instit. 1887, S. 176, и съ нимъ многіе другіе полагаютъ, что этотъ мотивъ впервые появляется въ скульптурахъ на фризѣ Парѳенона и на картинахъ Полигнота. Срв. впрочемъ статью Dümmler'a: Beiträge zur Vasenkunde, въ Bonner Studien S. 90, гдѣ онъ самъ значительно измѣняетъ свой прежній взглядъ.

[4]) Milchhöfer: Zur jüngeren attischen Vasenmalerei въ Jahrb. des Kais. deutsch. archeol. Instit. 1894, S. 73.

[5]) Hartwig: Meisterschalen S. 354.

[6]) Furtwängler: Katalog des Berliner Antiquariums, № 2309.

ловѣческія фигуры въ самыхъ различныхъ позахъ, изображать цѣлую скáлу настроеній отъ задумчиваго спокойствія до необузданнаго неистовства.

Затѣмъ-же въ большей мѣрѣ еще, чѣмъ эти техническія достоинства, требуетъ нашего признанія художественное чутье, которое нашъ мастеръ обнаруживаетъ не только въ замѣчательно удачномъ распредѣленіи фигуръ по данной ему плоскости, но и въ воспроизведеніи какъ разъ самыхъ живописныхъ моментовъ дѣйствія. Какъ извѣстно, Лессингъ въ своемъ Лаокоонѣ высказалъ на основаніи изученія лучшихъ произведеній искусства требованіе, чтобы художникъ при изображеніи какого-нибудь дѣйствія не воспроизводилъ изъ разныхъ его моментовъ послѣдній по времени, не представлялъ намъ н. п. смѣющагося во весь ротъ человѣка, а только улыбающагося, такъ какъ каждое изображеніе должно оставлять извѣстный просторъ для фантазіи зрителя. Совершенно согласно съ этимъ требованіемъ поступилъ нашъ керамистъ-живописецъ: изображая менадъ въ весьма необузданномъ движеніи, онъ однако не изображаетъ послѣдній моментъ изступленія, а напротивъ такую ступень экстаза, за которой еще мыслимы усиленіе и дальнѣйшее развитіе. Это соблюденіе художественной мѣры и этотъ удачный выборъ самаго драматическаго момента дѣйствія особенно наглядно являются въ воспроизведеніи мотива «менады и силена, раздирающихъ дикую козулю». Этотъ мотивъ встрѣчается и на вазныхъ картинахъ строгаго краснофигурнаго стиля; но тамъ онъ представленъ съ какимъ-то юмористическимъ оттѣнкомъ [1]), или же изображается, какъ въ классическихъ типахъ менады [2]), уже оконченное дѣйствіе и придается въ руки менады въ видѣ аттрибута то передняя, то задняя часть раззодранной или разрѣзанной козули. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ сравненіи съ этими изображеніями воспроизведенная на нашей картинѣ схема представляетъ значительный шагъ впередъ въ смыслѣ художественнаго облагороженія.

---

[1]) Hartwig: Meisterschalen S. 311, A. 1; срв. чашу Олта (Wiener Vorlegeblätter, D 1) и чашу въ Мюнхенскомъ музеѣ № 332 (Baumeister: Denkmäler II, Abb. 928).

[2]) Hauser: Die neu-attischen Reliefs, Taf. II, Typ. 25 и 32. Срв. и терракотовый рельефъ изъ Кампаны, Baumeister: Denkmäler, Taf. XVIII, Abb. 929. Reinach: Peintures des vases antiques, 1891: Millingen 5.

Наша ваза наглядным образомъ показываетъ, какъ далеко простиралось вліяніе геніальнаго творчества «великаго искусства» въ V столѣтіи въ Греціи. Что представитель скромнаго художественнаго ремесла такъ отзывчиво воспринимаетъ полученный оттуда толчекъ, въ этомъ съ точки зрѣнія культуры заключается главное значеніе нашей прелестной вазной картины.

Но и для исторіи культуры нашего черноморскаго побережья этотъ первоклассный предметъ аттической керамики V вѣка представляетъ извѣстный интересъ. Онъ съ своей стороны подтверждаетъ основанное на цѣломъ рядѣ аналогичныхъ находокъ убѣжденіе о высокомъ развитіи широкихъ слоевъ пантикапейскаго населенія, отнюдь не стремившагося только къ богатству и золоту, но умѣвшаго съ утонченнымъ вкусомъ цѣнить и болѣе скромные предметы истинно-художественнаго ремесла, въ которомъ такъ ярко отражаются всѣ стремленія, тенденціи и успѣхи «великаго искусства» его времени.

Д. ч. Э. фонъ-Штернъ.

Одесса, Апрѣль 1895 года.

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢТОКЪ

по поводу статьи В. В. Латышева:

„О поддѣльныхъ греческихъ надписяхъ изъ южной Россіи".

Первая часть весьма интересной статьи В. В. Латышева «О поддѣльныхъ греческихъ надписяхъ изъ южной Россіи» посвящена разбору двухъ надписей, изданныхъ мною въ XVII томѣ «Записокъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей». В. В. Латышевъ доказываетъ, что обѣ эти надписи представляютъ собою лучшія произведенія той фабрики поддѣльныхъ надписей, «которая возникла гдѣ то на югѣ Россіи нѣсколько лѣтъ тому назадъ вслѣдствіе пробужденія болѣе живаго интереса къ эпиграфическимъ документамъ греческихъ поселеній, нѣкогда процвѣтавшихъ на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря».

Что касается одной изъ этихъ надписей, письма Ольвіополитовъ къ царю Саитафарну, то я совершенно согласенъ съ почтеннымъ академикомъ.

Въ комментаріи къ названной надписи я самъ уже вкратцѣ указалъ важнѣйшіе моменты, говорящіе противъ подлинности этого документа; В. В. Латышевымъ представлены теперь значительныя дополненія къ моимъ замѣткамъ по этому поводу. Если я тѣмъ не менѣе при изданіи надписи еще не рѣшился прямо признать ее новѣйшей поддѣлкой, то причины тому были мною ясно высказаны:

1) Всѣ извѣстныя мнѣ тогда и перечисленныя въ примѣч. 2 къ

стр. 22 поддѣльныя ольвійскія надписи не представляютъ связнаго текста, и въ нихъ рука фальсификатора изобличается между прочимъ и тѣмъ, что характеръ письма не выдержанъ, между тѣмъ какъ письмо Ольвіополитовъ содержитъ связныя фразы и въ немъ не встрѣчаются буквы, которыя по своему начертанію могли-бы принадлежать разнымъ періодамъ. 2) Предполагаемый обманщикъ обнаруживаетъ въ области эпиграфики и топографіи такія свѣдѣнія, что его нельзя искать въ средѣ составителей извѣстныхъ мнѣ (въ ноябрѣ 1893 года) поддѣльныхъ документовъ. Въ виду этого я, будучи *тогда* знакомъ пока только съ этой одной подозрительною во многихъ отношеніяхъ, но при томъ вполнѣ своеобразной надписью, не считалъ себѣ вправѣ отвергнуть возможность, что мы имѣемъ дѣло съ подлиннымъ документомъ,—тѣмъ болѣе, что нашъ знаменитый эпиграфистъ В. В. Латышевъ самъ издалъ[1]) рядъ ольвійскихъ надписей, которыя по странности формы или содержанія вызвали убѣжденіе, что нельзя прикладывать обычное мѣрило къ продуктамъ ольвійской эпиграфики. Но вскорѣ послѣ напечатанія моей статьи положеніе этого вопроса сильно измѣнилось: въ декабрѣ 1894 г. поступила въ Музей Одесскаго Общества Исторіи и Древностей тирасская надпись, которая содержитъ массу весьма знаменательныхъ ошибокъ, изсѣчена, хотя и другимъ шрифтомъ, но повидимому, рукой того-же рѣзчика, какъ письмо Ольвіополитовъ, и также показываетъ выдержанный характеръ письма. Сейчасъ послѣ появленія этой надписи я въ «Дополненіяхъ и поправкахъ» къ своей статьѣ отказался рѣшить вопросъ о подлинности въ той условной формѣ, какъ это сдѣлано было мною на стр. 25, и считалъ вѣрнѣе «оставить вопросъ этотъ открытымъ до тѣхъ поръ, пока новыя находки или вновь появившіяся на рынкѣ надписи позволятъ дойти такъ или иначе до прочнаго результата». Я могъ-бы и пожалуй долженъ былъ бы высказаться болѣе опредѣленно; однако моменты, указанные мною подъ цифрой 2, заставили меня быть въ этомъ вопросѣ слишкомъ осторожнымъ. Изъ статьи В. В. Латышева я теперь узналъ, что въ коллекціи г. Суручана хранится нѣсколько

[1]) Срв. ниже, стр. 82 и 84.

поддѣльныхъ надписей, близко стоящихъ и по характеру работы, и по нѣкоторымъ особенностямъ содержанія къ изданному мною письму Ольвіополитовъ. Въ виду этого значительно обогащеннаго матеріала, который составляетъ посредствующее звено между нашимъ документомъ и извѣстными мнѣ во время моей публикаціи фабрикатами, вышеупомянутые моменты не могутъ насъ болѣе остановить въ признаніи письма къ Саитафарну новѣйшимъ подлогомъ. Однако, о значеніи этихъ моментовъ я позволяю себѣ и теперь еще иначе судить, чѣмъ В. В. Латышевъ.

Почтенный академикъ говоритъ, что имя Ἀριστοκράτης Θεοκλέους попалось фальсификатору *случайно* на глаза; мнѣ не вѣрится въ возможность такого случая, который-бы изъ массы именъ, встрѣчающихся въ каталогѣ ольвійскихъ гражданъ (Inscr. Pont. I, № 114) заставилъ обманщика избрать какъ разъ самое подходящее имя, и по прежнему я усматриваю въ этомъ выборѣ знакъ извѣстной эрудиціи. Дальше мое предположеніе, что фальсификаторъ «знакомъ съ гипотезами новыхъ ученыхъ на счетъ древней топографіи прибрежья Буга» и въ частности съ гипотезой графа Уварова о мѣстонахожденіи Канкита, В. В. Латышевъ находитъ нисколько не заслуживающимъ удивленія, «такъ какъ эта гипотеза, не смотря на полное отсутствіе подкрѣпляющихъ ее данныхъ, пользуется на югѣ широкой извѣстностью и легко могла дойти до фальсификатора отъ какого либо мѣстнаго археолога». Позволяю себѣ замѣтить, во первыхъ, что мнѣ, хотя я больше десяти лѣтъ живу на югѣ и имѣю честь быть знакомымъ со многими мѣстными археологами, впервые приходится узнать, будто эта гипотеза графа Уварова здѣсь «широко извѣстна», и, во вторыхъ, что я, имѣя сомнительное удовольствіе знать всю сферу тѣхъ лицъ, которыхъ мы считали не только продавцами, но отчасти и сочинителями южно-русскихъ поддѣлокъ, никогда не замѣчалъ у нихъ ни малѣйшаго интереса къ вопросамъ изъ древней исторіи или топографіи нашего края. Затѣмъ я обратилъ въ своей статьѣ вниманіе на форму документа и прибавилъ, что трудно допустить мысль, чтобы фальсификатору вздумалось сочинить надпись въ формѣ письма, для которой онъ въ обычномъ пособіи, въ сборникѣ Латышева, не могъ найти образцовъ. Конечно и этотъ моментъ теперь не можетъ имѣть рѣшающаго значенія въ вопросѣ о подлинности; онъ однако

показываетъ, что фальсификаторъ обладаетъ извѣстными свѣдѣніями въ области древней эпиграфики; вмѣстѣ съ В. В. Латышевымъ отрицать значеніе этого обстоятельства и полагать, что фальсификаторъ «откуда нибудь могъ узнать, что въ числѣ древнихъ эпиграфическихъ памятниковъ встрѣчаются и письма», мнѣ кажется положительно невозможнымъ. «Откуда-нибудь» такія свѣдѣнія не почерпаются; надо допустить, что фальсификаторъ или велъ предварительно ученыя бесѣды о разныхъ формахъ древнихъ документовъ съ какимъ-нибудь изъ мѣстныхъ археологовъ, или что онъ—и это предположеніе конечно гораздо вѣроятнѣе—имѣлъ подъ руками и пользовался какимъ-нибудь руководствомъ по древней эпиграфикѣ или сборникомъ аттическихъ или греческихъ надписей. Наконецъ самъ В. В. Латышевъ указываетъ на то, что въ одной изъ находящихся у И. К. Суручана поддѣльныхъ надписей встрѣчается имя сарматской царицы Амаги: обманщику, значитъ, извѣстно было это упоминаемое у одного только Поліена имя царицы, «которую онъ впрочемъ почему-то заблагоразсудилъ передѣлать въ царя». Въ данномъ случаѣ и В. В. Латышевъ не допускаетъ предположенія, что фальсификаторъ могъ «откуда-нибудь» узнать это имя, а сознается «что онъ обладаетъ нѣкоторыми свѣдѣніями изъ исторіи нашего юга».

На стр. 25 своей статьи я выразился слѣдующимъ образомъ: «Въ виду всего изложеннаго я считалъ необходимымъ измѣнить свой первоначальный взглядъ на нашъ документъ; я долженъ его признать цѣннымъ обогащеніемъ нашего эпиграфическаго матеріала для возстановленія исторіи Ольвіи—по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не будетъ доказано, *что у насъ ученые люди примѣняютъ* свои познанія въ области классической филологіи и исторіи нашего черноморскаго прибережья для достиженія корыстныхъ цѣлей». Въ виду скоро разросшагося матеріала, которымъ я уже отчасти могъ пользоваться въ своихъ «Дополненіяхъ и поправкахъ», я долженъ теперь констатировать, что вышепоставленное условіе выполнено; какъ ни грустно, но надо сознаться, что южно-русская фабрика поддѣльныхъ надписей имѣетъ сотрудника съ извѣстнымъ образовательнымъ цензомъ.

Но прежде, чѣмъ распространяться объ этой фабрикѣ и пріемахъ ея членовъ, приходится мнѣ сказать нѣсколько словъ о по-

святительной надписи, изданной мною вмѣстѣ съ письмомъ Ольвіополитовъ В. В. Латышевъ считаетъ ее тоже поддѣлкой. Какъ внѣшніе признаки неподлинности этого документа онъ называетъ: 1) отличную сохранность надписи, 2) попадающіяся въ ней ошибки, 3) плющевой листокъ въ концѣ 8-й строки и 4) своеобразіе переносовъ буквъ съ одной строки на другую.

Что касается перваго аргумента, то, повидимому, В. В. Латышевъ самъ на него не налегаетъ—и совершенно справедливо. Кто посѣщалъ европейскіе музеи или лично участвовалъ въ раскопкахъ, тотъ неоднократно могъ убѣдиться въ томъ, какъ различна бываетъ степень сохранности предметовъ одного и того-же періода, найденныхъ въ одной и той-же мѣстности. Я помню, что въ Аѳинахъ при раскопкахъ кладбища на Пирейской улицѣ весной 1891 года открыты были въ моемъ присутствіи двѣ могилы, находящіяся другъ отъ друга въ разстояніи нѣсколькихъ шаговъ и относящіяся обѣ по найденнымъ въ нихъ предметамъ къ одному и тому же періоду времени: въ одной могилѣ кости покойника превратились въ пыль и рисунки на положенныхъ въ гробъ вазахъ очень сильно пострадали; въ другой могилѣ скелетъ отлично сохранился и лекиты и другіе сосуды имѣли такой видъ, какъ-будто они только что вышли изъ мастерской. Такое различіе обусловливается случайнымъ составомъ почвы и разными химическими причинами, но, конечно, хорошая сохранность никакъ не можетъ служить аргументомъ противъ древности и подлинности даннаго предмета. Позволяю себѣ прибавить, что въ Одесскомъ музеѣ хранится еще нѣсколько надписей ни чуть не худшей сохранности, чѣмъ нашъ документъ.

Что касается попадающихся въ нашей надписи ошибокъ, то самъ В. В. Латышевъ сознается, «что онѣ вполнѣ возможны и въ подлинныхъ надписяхъ», однако первая ошибка «περὶ Καλλισθένης Δάδου», является, по мнѣнію В. В Латышева, весьма подозрительной именно потому, что падежи собственныхъ именъ представляютъ камень преткновенія для фальсификатора южно-русскихъ надписей. Это замѣчаніе весьма мѣтко. Дѣйствительно, авторъ или авторы поддѣльныхъ нашихъ надписей плохо учились элементарной грамматикѣ или успѣли ее забыть. Однако эти ошибки въ падежахъ явля-

ются именно тамъ, гдѣ фальсификатору приходится самостоятельно образовать формы избранныхъ имъ именъ собственныхъ, какъ н. п. въ письмѣ Ольвіополитовъ. Въ нашемъ случаѣ предполагаемый фальсификаторъ долженъ былъ знать надпись, изданную Латышевымъ въ Inscr. Pont. I, № 97. Что онъ весьма тщательно работалъ, указываетъ самъ В. В. Латышевъ. Въ виду этого я позволяю себѣ вопросъ: вѣроятно-ли, что при тѣхъ цѣляхъ, которыя онъ долженъ былъ преслѣдовать, онъ болѣе положился-бы на свои скудныя познанія въ склоненіи греческихъ именъ собственныхъ, чѣмъ на текстъ послужившей ему образцомъ надписи, гдѣ en toutes lettres читается «περὶ Καλλισθένην Δάδου». Возникновеніе же ошибки древняго рѣзчика легко объясняется: подъ вліяніемъ послѣдующихъ именительныхъ падежей въ разсматриваемой надписи онъ выставилъ имя перваго архонта въ томъ-же падежѣ, какъ это случилось допустить и рѣзчику надписи, изданной въ C. I. A. II, № 478. Вполнѣ аналогичный случай, раньше мною не замѣченный, указанъ теперь въ статьѣ В. В. Латышева: Inscr. Pont. I, № 75. Мое замѣчаніе, что въ письмѣ Ольвіополитовъ форма περὶ Ἀριστοκράτης могла быть изсѣчена по образцу случайной ошибки въ посвятительной надписи, мнѣ кажется и теперь еще вполнѣ правдоподобнымъ.

По поводу дальше встрѣчающагося въ нашемъ документѣ слова «συσταθία» В. В. Латышевъ замѣчаетъ, что онъ не можетъ убѣдиться искуственнымъ моимъ объясненіемъ, по которому слово συσταθία, образованное совершенно правильно по аналогіи съ εὐσταθία отъ корня στα (scr. sthâ), можетъ обозначать то положеніе или состояніе, которое вызвано окончаніемъ междуусобной войны; съ другой стороны онъ вполнѣ согласенъ со мною, что противорѣчитъ всѣмъ правиламъ критики, предполагать, что рѣзчикъ ошибся и замѣнилъ обычное и хорошо извѣстное ему слово εὐσταθία несуществующимъ или во всякомъ случаѣ рѣдкимъ словомъ συσταθία. Однако смѣю думать, что противорѣчитъ также всѣмъ правиламъ критики допустить, чтобъ авторъ поддѣльныхъ надписей, который по выраженію В. В. Латышева «склеиваетъ фразы изъ разныхъ документовъ, изданныхъ въ Inscrp. Pont. I», и который въ посвятительныхъ надписяхъ, послужившихъ ему образчиками, находилъ болѣе десятка разъ въ стереотипныхъ сочетаніяхъ слово εὐσταθία, могъ при всей тща-

тельности работы въ данномъ случаѣ увлечься «пылкой своей фантазіею» и вмѣстѣ обычнаго слова поставить слово собственной чеканки, о которомъ ему даже должно было быть неизвѣстно, имѣетъ-ли оно смыслъ или нѣтъ. Правда, по мнѣнію В. В. Латышева, это слово дѣйствительно лишено смысла; но я очень жалѣю, что почтенный академикъ ограничился голословнымъ заявленіемъ относительно искусственности моего объясненія. Въ виду этого, не зная въ чемъ заключается эта искусственность, я могу только повторить, что, по моему, мое объясненіе не противорѣчитъ ни духу греческаго языка, ни законамъ словообразованія. Отъ корня στα извѣстны слова σύστασις и εὐσταθία; образованіе συσταθία въ требуемомъ мною значеніи не является смѣлымъ или невозможнымъ. Что это слово не встрѣчалось до сихъ поръ въ дошедшихъ до насъ памятникахъ, ровно ничего не значитъ; это не первый и по всей вѣроятности и не послѣдній случай, что мы встрѣчаемся и встрѣтимся съ ἅπαξ λεγόμενον». Позволяю себѣ указать на весьма поучительную аналогію. Въ 1839 году найдена была ольвійская надпись (Inscr. Pont. II, № 82), въ которой читалось неизвѣстное до тѣхъ поръ слово «εὐποσία». Ученые старались различнымъ образомъ объяснить это слово, но фактъ его существованія всѣми, за исключеніемъ Кейля, былъ признанъ и не послужилъ ни для кого поводомъ сомнѣваться въ подлинности документа. Что эти ученые поступили правильно, показываетъ то обстоятельство, что впослѣдствіи были найдены еще три ольвійскихъ надписи (въ 1863 году Inscr. Pont. I, № 83, въ 1890 году Inscr. Graecae et Latinae, Museo Surutschaniano 1889—1894 inlatae № 10 и въ 1893 году изданная въ Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древностей, XVII, стр. 32), въ которыхъ тоже самое слово εὐποσία встрѣчается. Но двадцать четыре года знали это слово только по одной ольвійской надписи, и оно извѣстно до сихъ поръ только по ольвійскимъ документамъ. Въ виду изложеннаго не могу считать появленіе новаго, но правильно образованнаго слова въ ольвійской надписи признакомъ поддѣлки.

Что касается наконецъ третьей «ошибки», «περὶ τῆς ἑαυτῶν ὑγείας», то В. В. Латышевъ находитъ и здѣсь мое объясненіе искусственнымъ и пишетъ: «если раздѣлить его, то слѣдовало ожидать περὶ τῆς ἑαυτῶν καὶ τῶν συναρχόντων ὑγείας». Совершенно вѣрно;

еслибъ мы здѣсь имѣли передъ собою аттическій декретъ, я ни на минуту не сомнѣвался-бы всецѣло присоединиться къ мнѣнію В. В. Латышева; но имѣя въ виду, что въ ольвійскихъ надписяхъ императорскаго времени (срв. н. п. Inscr. Pont. I, №№ 22, 24) встрѣчаются сочетанія, обороты, конструкціи, которыя поражаютъ насъ своей «barbaries», я въ данномъ случаѣ долженъ былъ оставить открытымъ вопросъ, имѣемъ-ли мы въ этомъ оборотѣ дѣло съ стилистической неловкостью, или съ ошибкой. Но такъ какъ В. В. Латышевъ самъ говоритъ, «что онъ не настаиваетъ на этой ошибкѣ, какъ на признакѣ поддѣльности, ибо она встрѣчается еще въ одной ольвійской надписи, для признанія которой безусловно поддѣльной мы не имѣемъ достаточныхъ данныхъ» [1]), то и намъ нечего распространяться объ этомъ оборотѣ.

За то плющевый листочекъ въ концѣ 8-й строки почтенному академику кажется весьма подозрительнымъ. Въ ольвійскихъ надписяхъ, по замѣчанію его, «употребленіе «hederae distinguentes» вообще не особенно широко распространено и до сихъ поръ извѣстенъ между ними одинъ только примѣръ постановки листка въ концѣ строки послѣ нѣсколькихъ буквъ собственнаго имени, конецъ котораго перенесенъ на слѣдующую строку (Inscr. Pont. I, № 24, v. 3); тамъ постановка листка объясняется желаніемъ рѣзчика замаскировать пустое пространство, которое оставалось въ концѣ строки въ случаѣ переноса, но на которомъ нельзя было уписать остающейся части слова; между тѣмъ въ нашемъ случаѣ пустаго пространства почти не оставалось и листокъ оказывается совершенно лишнимъ. Между тѣмъ рѣзчикъ поддѣльныхъ надписей питаетъ особенное пристрастіе къ разнымъ украшеніямъ и ставитъ ихъ куда попало». Дѣйствительно, на двухъ изъ шести поддѣльныхъ надписей, которыя хранятся въ Одесскомъ музеѣ, встрѣчаются своеобразныя украшенія, но плющевые листочки едва-ли возможно причислить къ разряду этихъ украшеній, такъ какъ они сами по себѣ ничего своеобразнаго не представляютъ. Во всякомъ

[1]) В. В. Латышевъ, повидимому, имѣетъ въ виду изданную имъ надпись подъ № 8 въ Inscriptiones Graecae et Latinae, novissimis annis (1889—1894) Museo Surutschaniano inlatae. Petropoli 1894.

случаѣ надо было бы при предположеніи, что наша надпись новѣйшая поддѣлка, удивляться эпиграфическому такту обманщика; онъ эти листки ставитъ только на надписи, на которой это является возможнымъ по даннымъ эпиграфики, т. е. на надписи, которую онъ изсѣкаетъ въ характерѣ шрифта императорскаго времени, между тѣмъ какъ н. п. на письмѣ Ольвіополитовъ ихъ не примѣняетъ. Что изъ семи случаевъ постановки этого листочка на ольвійскихъ надписяхъ одинъ представляетъ полную аналогію съ нашимъ, мнѣ кажется фактомъ довольно замѣчательнымъ, и напрасно В. В. Латышевъ старается установить между этими двумя случаями различіе.

Что на изданной мною надписи листокъ является лишнимъ—въ этомъ я совершенно согласенъ съ почтеннымъ академикомъ, въ виду того, что еще въ двухъ строкахъ (въ 10-й и 14-й) этой надписи оставалось столько-же пустаго пространства, которое рѣзчикъ однако не счелъ нужнымъ замаскировать; но я утверждаю, что листокъ также оказывается лишнимъ въ указанной В. В. Латышевымъ надписи. Тамъ въ третьей строкѣ 26 буквъ, и послѣдняя отстаетъ отъ края камня можетъ быть на 3 миллиметра больше, чѣмъ въ нашемъ случаѣ; рѣзчикъ здѣсь ставилъ листокъ—съ полнымъ основаніемъ, по мнѣнію В. В. Латышева; а въ слѣдующей строкѣ такое-же ровно число буквъ, остается почти одинаковое пустое пространство — а между тѣмъ рѣзчикъ не считаетъ нужнымъ его здѣсь замаскировать. Желательно было-бы узнать, при скольких миллиметрахъ разстоянія послѣдней буквы отъ края камня постановка листочка является правильной и при скольких нужно ее считать признакомъ поддѣлки; я, по крайней мѣрѣ, изъ разсмотрѣнія надписей, въ которыхъ эти плющевые листочки встрѣчаются, не могъ убѣдиться, что рѣзчики придерживаются въ этомъ дѣлѣ какой-нибудь опредѣленной системы и поэтому мнѣ кажется рискованнымъ привлечь ту или иную постановку этихъ листковъ къ рѣшенію вопроса о подлинности надписей.

Наконецъ В. В. Латышевъ ссылается въ пользу своего мнѣнія о поддѣльности нашей надписи на своеобразный способъ переноса словъ изъ одной строки въ другую, справедливо при этомъ замѣчая, «что ольвійскіе рѣзчики римскихъ временъ обыкновенно поступали такъ, какъ поступаемъ и мы теперь, т. е. раздѣляли

слова на слоги». Однако самъ В. В. Латышевъ сознается, что въ подлинныхъ надписяхъ исключенія или отступленія отъ этого правила встрѣчаются и вся разница въ томъ, «что нѣтъ случая чтобы они встрѣчались въ такомъ изобиліи въ *одномъ и томъ-же* (курсивъ В. В. Латышева) документѣ». Смѣю замѣтить, что это послѣднее утвержденіе не соотвѣтствуетъ дѣйствительному положенію дѣла. Въ нашемъ документѣ восемь неправильныхъ переносовъ [1]). Ровно столько-же мы находимъ въ надписи Inscr. Pont. I, № 48 и въ надписи Inscr. Graecae et Latinae, Mus. Surutsch. inlatae № 8. Въ этой послѣдней надписи, которую считать безусловно поддѣльной, по мнѣнію В. В. Латышева, нѣтъ достаточныхъ основаній, эти восемь неправильныхъ переносовъ приходятся на 15 строкъ. Въ надписи Inscr. Pont. I, № 117 мы имѣемъ на семи строкахъ три неправильныхъ переноса; между тѣмъ въ нашей надписи 21 строка. Думается мнѣ, что процентное отношеніе въ нашемъ случаѣ болѣе выгодно.

Къ тому же существованіе такихъ переносовъ на нашемъ документѣ не трудно объяснить. Мраморныя доски — матеріалъ привозной въ Ольвіи; очень легко могло случиться, что рѣзчикъ въ данный моментъ не имѣлъ другой плиты въ своемъ распоряженіи; и на этой довольно высокой, но сравнительно узкой плитѣ ему пришлось изсѣчь длинную надпись, которую размѣстить при разъ избранномъ двоякомъ шрифтѣ было не легко; рѣзчикъ вслѣдствіе недостатка мѣста первымъ двумъ словамъ Τύχηι ἀγαθῆι не могъ удѣлить, какъ это обыкновенно дѣлалось (срв. однако Inscr. Pont. I, № 98), особой строки, и именно необходимость считаться съ мѣстомъ заставила его въ восьми случаяхъ разбить слова не по слогамъ при переносѣ въ другую строку.

Итакъ мнѣ кажется, что подчеркнутые В. В. Латышевымъ внѣшніе признаки поддѣлки не доказываютъ ни въ отдѣльности, ни въ совокупности, что надпись наша продуктъ фальсификатора XIX в. И хорошая сохранность, и ошибки, и листики въ срединѣ словъ, и переносы не по слогамъ—все это явленія, которыя въ большей или меньшей степени замѣчаются и въ другихъ ольвійскихъ надписяхъ,

---

[1]) Почему В. В. Латышевъ считаетъ и раздѣленіе ὁ — πρ неправильнымъ, не понимаю.

признанныхъ до сихъ поръ подлинными. А кромѣ этихъ «мелкихъ признаковъ», какъ В. В. Латышевъ самъ ихъ называетъ, съ внѣшней стороны документа ничто не говоритъ за предположеніе, что мы въ немъ имѣемъ дѣло съ произведеніемъ новѣйшаго времени. «Камень», пишетъ В. В. Латышевъ, «показался мнѣ при личномъ осмотрѣ—древнимъ; письмо документа весьма тщательное, строго выдержано въ стилѣ II—III вѣк. п. Р. Х. и не представляетъ ничего подозрительнаго» (кромѣ вышеразобранныхъ признаковъ). Такимъ образомъ и В. В. Латышевъ не замѣтилъ въ самомъ способѣ вырѣзки буквъ «тѣхъ трудно выражаемыхъ словами, но легко уловимыхъ привычнымъ глазомъ особенностей, которыя отличаютъ поддѣльныя надписи отъ настоящихъ» и которыя служили ему между прочимъ одной изъ основательныхъ причинъ, признать письмо Ольвіополитовъ поддѣлкой. Мнѣ кажется, что это обстоятельство весьма важно. Если такой опытный и авторитетный эпиграфистъ, какъ В. В. Латышевъ, не можетъ сказать, что письмо на камнѣ имѣетъ какія-бы то ни было особенности современной вырѣзки, то и отмѣченные имъ и разобранные нами выше «мелкіе признаки» теряютъ всякую доказательную силу. Итакъ я позволю себѣ пока остаться при своемъ мнѣніи, что съ внѣшней стороны документа ничто не подтверждаетъ предположенія, что наша надпись «продуктъ южно-русской фабрики».

Перейдемъ теперь къ содержанію. «Содержаніе документа», пишетъ почтенный академикъ, «на первый взглядъ также не представляетъ особенно подозрительныхъ признаковъ; однако если вникнуть хорошенько въ подробности его, то нѣкоторыя изъ нихъ окажутся весьма странными и трудно объяснимыми». В. В. Латышевъ останавливается особенно на трехъ пунктахъ.

1) Посвященіе сдѣлано двумъ Зевсамъ вмѣстѣ— Спасителю и Царю. Я высказалъ предположеніе, что Зевсъ Спаситель и Зевсъ Царь почитались въ одномъ храмѣ какъ θεοὶ σύνναοι. В. В. Латышевъ возражаетъ, что подъ именемъ θεοὶ σύνναοι или σύμβωμοι обыкновенно разумѣются разныя божества, почитавшіяся въ одномъ храмѣ или при одномъ алтарѣ, а не одно божество съ разными эпитетами. В. В. Латышевъ при этомъ ссылается на диссертацію Maurer'a: De aris Graecorum и т. д., въ которой собранъ матеріалъ по данному

вопросу. Изъ приложеннаго къ диссертаціи списка извѣстныхъ ея автору случаевъ κοινοβωμίας видно, что встрѣчается только одинъ примѣръ совмѣстнаго почитанія одного и того-же божества съ двумя эпитетами, именно въ Афродисіадской надписи C. I. G. № 2750. Διὸς Λαβραύν(δου) καὶ Διὸς Μεγίστου. «Но этотъ случай», по мнѣнію В. В. Латышева, «легко объясняется тѣмъ, что названныя божества въ сущности были различны и не можетъ служить аналогіею къ нашему документу».

Позволяю себѣ, вопервыхъ, замѣтить, что послѣднее утвержденіе почтеннаго академика является немного рискованнымъ. Подробности о культѣ Зевса въ Ольвіи намъ неизвѣстны; не отрицая первоначальнаго единства Зевса Спасителя и Зевса Царя, могу только сказать, что различіе эпитетовъ дѣлаетъ a priori вѣроятнымъ предположеніе, что въ культѣ произошла дифференціація этого божества, какъ при Ζεὺς Εὐβουλεὺς и Εὐβουλεύς, Ἄρτεμις—Ἑκάτη, Ἄρτεμις—Ἡγεμόνη, Ἑκάτη—Ἡγεμόνη и Ἡγεμόνη и т. д. [1]). Если судить по культу Зевса Спасителя въ Аѳинахъ, то трудно отрицать, что съ почитаніемъ его связывались совершенно особыя представленія; такимъ образомъ легко могло стать, что съ точки зрѣнія исторіи религіи почитаемые въ Ольвіи Ζεὺς Σωτήρ и Ζεὺς Βασιλεύς имѣли между собою мало общаго и что въ культѣ и тамъ чувствовалось существенное различіе этихъ божествъ.

Во вторыхъ-же позволяю себѣ замѣтить по данному вопросу еще слѣдующее Не имѣя возможности пользоваться здѣсь указанной В. В. Латышевымъ диссертацей г. Maurer'a, не могу установить, приводитъ-ли г. Maurer по своеобразному толкованію доступнаго ему матеріала или по недосмотру только одинъ примѣръ совмѣстнаго почитанія одного и того же божества съ двумя эпитетами. На самомъ дѣлѣ, эти примѣры, какъ мнѣ кажется, не такъ рѣдки. Такъ н. п. въ C. I. A. III 1, p. 501, № 720[a] изданы два фрагмента надписи на базисѣ статуи, поставленной около 180 г. п. Р. Х. въ честь Афродисія жреца Ἀπόλλωνος Πατρῴου Πυθίου καὶ Δαφνηφόρου. Неужели допустить мысль, что этотъ Афродисій былъ жрецомъ въ нѣсколькихъ святилищахъ

[1]) Срв. Furtwängler: Meisterwerke S. 562.

Аполлона? Дальше мы имѣемъ надпись, C. I. A. III, № 175, — по Диттенбергеру на алтарѣ (in ara), по другимъ [1]) на базисѣ статуи Аполлона, гласящую: Ἀπόλλωνος Ἀγυιέως, Προστατηρίου, Πατρῴου, Πυθίου, Κλαρίου, Πανιωνίου. Оставляя здѣсь вопросъ объ алтарѣ или базисѣ въ сторонѣ, мы во всякомъ случаѣ должны констатировать, что посвященіе сдѣлано божеству съ разными эпитетами. Наконецъ мы имѣемъ делосскую посвятительную надпись. B. C. H., 1882, p. 339, № 43: Ἴσιδι Τύχηι Πρωτογενείαι. Мы знаемъ, что на островѣ Делосѣ Σάραπις, Ἶσις, Ἄνουβις и т. д. были θεοὶ σύνναοι и что Исида имѣла эпитеты: Σώτειρα, Δικαιοσύνη, Νέμεσις, Ὑγίεια, Νίκη, Τύχη, Πρωτογένεια [2]). Если даже допустить, что Τύχη Πρωτογένεια одинъ эпитетъ, то всетаки остается фактъ, что въ одномъ и томъ-же храмѣ на Делосѣ найдена масса посвятительныхъ надписей въ честь Исиды (B. C. H. 1882, p. 333—339, № 30—43), въ которыхъ этой богинѣ придается то тотъ, то другой изъ вышеприведенныхъ эпитетовъ. Въ «совмѣстномъ почитаніи одного и того-же божества съ разными эпитетами» мы такимъ образомъ и въ данномъ случаѣ не можемъ сомнѣваться. Вотъ нѣсколько извѣстныхъ мнѣ случайно примѣровъ; я увѣренъ, что нашъ знаменитый эпиграфистъ В. В. Латышевъ при своемъ знакомствѣ съ заключающимся въ надписяхъ матеріаломъ въ состояніи будетъ въ значительной степени дополнить мои указанія.

Дальше В. В. Латышевъ останавливается на томъ, что между причинами благодарственнаго посвященія называется «εὔνοια» бога. Этотъ мотивъ встрѣчается здѣсь, по словамъ В. В. Латышева, въ первый разъ и представляется страннымъ а) потому, что слово εὔνοια вообще рѣдко употребляется для обозначенія благосклоннаго отношенія боговъ къ людямъ и въ надписяхъ имѣетъ точный и опредѣленный смыслъ, б) что благодарственныя приношенія богамъ дѣлались греками не за неопредѣленную «благосклонность» ихъ, а за тѣ или другія проявленія этой благосклонности. Но слѣдуетъ, во первыхъ, замѣтить, что такое посвященіе за неопредѣленную благосклоность не безъ аналогіи (срв. C. I. A. III,

[1]) Heydemann: Die antiken Marmorbildwerke zu Athen, 1874, S. 306, № 201 и Sybel: Katalog der Sculpturen zu Athen, Marburg 1881, S. 189, № 2527.

[2]) Nenz: Quaestiones Deliacae, Halis Saxonum, 1885, p. 32 и 33.

№ 132)[1]), и что, во вторыхъ, употребленіе слова εὔνοια въ данномъ мѣстѣ является далеко не столь своеобразнымъ, такъ какъ рядомъ перечисляются осязательныя проявленія этой благосклонности, міръ и благосостояніе послѣ окончанія войны.

За то выраженіе «πύργοι τοῦ Διὸς ναοῦ» безъ сомнѣнія является весьма страннымъ. Я при изданіи надписи остановился подробнѣе на этой фразѣ и въ видѣ гипотезы предложилъ объясненіе ея, котораго В. В. Латышевъ не одобряетъ, но которое мнѣ, если принять въ соображеніе brīviloquentia лапидарнаго стиля вообще и безпомощность фразировки въ цѣломъ рядѣ ольвійскихъ декретовъ въ частности, и теперь еще кажется допустимымъ. В. В. Латышевъ совершенно правъ, говоря, что я для своего объясненія не могу привести ни одной вполнѣ подходящей аналогіи, но онъ на мой взглядъ напрасно ссылается на авторитетъ Діона Хрисостома, чтобы показать, что и съ матеріальной стороны мое объясненіе несостоятельно. Изъ словъ Діона Хрисостома нельзя вывести никакого опредѣленнаго заключенія относительно мѣстоположенія храма Зевса, и я рѣшительно не понимаю, отчего нельзя себѣ представить, что въ промежутокъ времени между посѣщеніемъ Діономъ Хрисостомомъ Ольвіи въ 84 году и изданіемъ нашей надписи, въ 198 году,—промежутокъ, который какъ разъ совпадаетъ съ вторичнымъ процвѣтаніемъ этой греческой колоніи, — городъ могъ быть хорошо застроенъ и украшенъ новыми зданіями, стѣнами и башнями, и что нѣкоторыя изъ этихъ башенъ могли уже во время архонтата Каллисѳена нуждаться въ капитальномъ ремонтѣ. Положимъ, ради примѣра, что эти башни были построены въ 120 году; при непрочности нашего матеріала на югѣ Россіи ничего удивительнаго нѣтъ въ томъ, что они черезъ 70 лѣтъ успѣли уже обвѣтшать.

---

[1]) Marmor pentelicum, infra et a sinistra mutilum:

Ἀσκλη]πιῷ καὶ Ὑγιείᾳ
χαριστ]ήριον
Κλαυδία Ἀ]γριππεῖνα
ἐπὶ]τῇ αὐτῶν
εὐ]νοίᾳ

и т. д. Titulus Flaviorum imperatorum non antiquior—надпись относится такимъ образомъ къ тому-же періоду времени, какъ и нашъ документъ.

На основаніи разобранныхъ внѣшнихъ признаковъ и своеобразностей содержанія В. В. Латышевъ считаетъ нашу надпись несомнѣнной поддѣлкой. Если стать въ данномъ случаѣ на его точку зрѣнія, то, мнѣ кажется, послѣдовательно было-бы идти дальше и по тѣмъ-же приведеннымъ по поводу нашей надписи почтеннымъ академикомъ соображеніямъ причислить еще цѣлый рядъ ольвійскихъ документовъ къ произведеніямъ южно-русскаго фальсификатора. Такъ н. п., въ XVI томѣ этихъ Записокъ издано мною ольвійское постановленіе о дарованіи проксиніи нѣкоему Ахэмену, относящееся къ началу IV столѣтія до Р. Х. Я самъ считаю эту надпись подлинной, и В. В. Латышевъ въ рецензіи своей на XVI томъ Записокъ (въ Филолог. Обозрѣніи, февр. 1894) и въ «Дополненіяхъ и поправкахъ къ собранію древнихъ надписей» III, стр. 1 и 12, признаетъ ее весьма интереснымъ и важнымъ документомъ. А между тѣмъ и въ этой надписи попадаются три ошибки и разныя своеобразности: тамъ впервые для насъ Ольвіополиты сами называютъ себя Борисѳенитами, тамъ читается сочетаніе: τῇ πόλει καὶ τῷ δήμῳ, которое нигдѣ больше не встрѣчается, тамъ въ перечисленіи предоставленныхъ иностранцу правъ недостаетъ передъ словомъ «εἴσπλουν» обычнаго «καὶ» и т. д. Такія-же ошибки, неправильные переносы слоговъ на другую строку, своеобразности въ языкѣ, въ конструкціяхъ, въ словоупотребленіи встрѣчаются и еще въ довольно значительномъ числѣ ольвійскихъ документовъ, изданныхъ В. В. Латышевымъ. Возьмемъ для примѣра Inscr. Pont. I, № 75; въ этой надписи попадаются три странныхъ пропуска буквъ и одна ошибка, вполнѣ тождественная съ первой ошибкой въ нашемъ документѣ, внѣшняя форма надписи поражаетъ неровнымъ размѣщеніемъ словъ по строкамъ и изобиліемъ плющевыхъ листочковъ; содержаніе представляетъ собой за исключеніемъ собственныхъ именъ дословное повтореніе надписи Inscr. Pont. I, № 76.

Въ надписяхъ Inscr. Pont. I, №№ 23, 48, 117 встрѣчается рядъ неправильныхъ переносовъ,— въ № 48 не меньше, чѣмъ въ нашемъ документѣ; въ надписяхъ Inscr. Pont. I, №№ 22 и 24 мы имѣемъ рядъ довольно дикихъ конструкцій; Inscriptiones Graecae et Latinae, novissimis annis Museo Surut. inlatae №№ 7, 9, 17, 28, 31, 32, 35 содержатъ, не смотря на ихъ незначительный

объемъ, по одной или по двѣ, иногда весьма грубыхъ ошибки; въ Inscriptiones Graecae et Latinae, Museo Surutschan. inlatae, № 8 не менѣе шести ошибокъ и масса неправильныхъ переносовъ. Я рѣшительно не понимаю, отчего почтенный академикъ прилагаетъ въ этихъ случаяхъ другое мѣрило; признавая нашу надпись несомнѣннымъ продуктомъ новѣйшаго времени, онъ н. п. о надписи № 8, которая кишитъ ошибками, говоритъ, «что нѣтъ достаточныхъ основаній считать ее безусловно поддѣлкой». Вполнѣ послѣдовательно, на мой взглядъ, поступаетъ проф. Робертъ въ Галле, который въ началѣ 1894 г. мнѣ писалъ, что по его убѣжденію какъ нѣкоторыя изъ помѣщенныхъ въ Inscr. Pont. I, такъ и всѣ изданныя мною надписи суть произведенія XIX столѣтія. Такимъ образомъ онъ считаетъ и вышеназванный декретъ о проксеніи поддѣлкой [1]).

Однако если согласиться съ названнымъ ученымъ, то автора поддѣльныхъ ольвійскихъ надписей слѣдуетъ искать въ совершенно другой средѣ, какъ это кажется возможнымъ В. В. Латышеву и отчасти и мнѣ. Тогда нужно признать, что этотъ авторъ не только, какъ я старался выше показать въ противоположность къ почтенному академику, человѣкъ съ извѣстнымъ образовательнымъ цензомъ но что онъ археологическій лакомка, который разными тонкостями и рѣдкостями умѣетъ подчасъ придавать своимъ фабрикатамъ особенный вкусъ. Тогда нужно констатировать, что онъ знакомъ съ такимъ спеціальнымъ изслѣдованіемъ, какимъ является книга Meisterhans'a: «Grammatik der attischen Inschriften», что онъ знаетъ, что въ концѣ V и въ началѣ IV столѣтія встрѣчается конструкція глагола ἐπαινεῖν съ дательнымъ падежомъ и что онъ именно изъ желанія примѣнить эту рѣдкую конструкцію начерталъ свой элабо-

[1]) Лѣтомъ прошлаго года я имѣлъ случай передать извѣстному эпиграфисту У. Келеру въ Берлинѣ изданныя мною надписи и попросить его высказаться на счетъ ихъ подлинности. Въ письмѣ, которое онъ по этому поводу писалъ (1 авг. 1894 г.), онъ выражается довольно осторожно именно въ виду того, что въ изданныхъ въ Inscr. Pont. ольвійскихъ надписяхъ встрѣчаются ошибки и разныя своеобразности; однако его особенно сильно смущаетъ въ декретѣ о проксеніи сочетаніе: τῇ πόλει καὶ τῷ δήμῳ, и хотя онъ оставляетъ вопросъ о подлинности открытымъ, всетаки скорѣе склоненъ считать эту надпись поддѣлкой. Правда, пишетъ онъ, при этомъ мнѣніи нужно признать, что фальсификаторъ хорошій знатокъ эпиграфики—«aber sollte das»—прибавляетъ онъ—«ausser dem Bereich der Möglichkeit liegen»? Я съ своей стороны пока еще не вижу необходимости допустить эту возможность.

ратъ въ письмѣ этого періода. Слѣдуетъ дальше сознаться, что онъ хорошо знакомъ съ вопросомъ объ имени Ольвіополитовъ и ихъ намѣренно называетъ — что онъ могъ сдѣлать съ полнымъ основаніемъ только въ IV столѣтіи — Борисѳенитами, образуя притомъ на этотъ разъ вѣрно родительный падежъ м. ч. въ неслитой Геродотовской формѣ. Такія соображенія заставили меня — и смѣю думать и В. В. Латышева—считать эту надпись подлинной.

Но положимъ, что не были-бы открыты четыре аттическихъ надписи, въ которыхъ встрѣчается названная конструкція, не была-бы найдена ольвійская надпись IV столѣтія, въ которой городъ Ольвія называется Βορυσθένης, и тогда навѣрно попадающаяся въ этой надписи конструкція ἐπαινεῖν съ дательнымъ и имя Βορυσθενιτέων послужили-бы наравнѣ съ оборотомъ τῇ πόλει καὶ τῷ δήμῳ главнымъ поводомъ къ признанію этой надписи несомнѣнной поддѣлкой. Вотъ почему мнѣ думается, что мы и попадающійся въ нашей посвятительной надписи своеобразный оборотъ «πύργοι τοῦ Διὸς ναοῦ», для котораго мы, какъ и для сочетанія «τῇ πόλει καὶ τῷ δήμῳ» въ декретѣ о проксеніи, не имѣемъ подходящей аналогіи, должны пока отмѣтить какъ таковой, а что не слѣдуетъ на основаніи его одного,—ибо остальные признаки неподлинности оказались недоказательными — произносить опредѣленный приговоръ.

По крайней мѣрѣ эта надпись, что касается внѣшнихъ качествъ и толковаго въ общемъ содержанія, довольно рѣзко отличается отъ извѣстныхъ мнѣ поддѣльныхъ ольвійскихъ документовъ, такъ что мнѣ кажется едва-ли возможнымъ приписать составленіе н. п. письма Ольвіополитовъ къ царю Саитафарну и этой посвятительной надписи одному и тому-же автору, какъ онѣ и по способу вырѣзки буквъ не могутъ быть произведеніемъ одного и того-же рѣзчика. Въ виду изложеннаго я и теперь склоненъ причислять нашу посвятительную надпись къ разряду тѣхъ ольвійскихъ документовъ, при которыхъ нужно пока мириться съ фактомъ, что они содержатъ ту или другую своеобразность, не поддающуюся вполнѣ удовлетворительному объясненію.

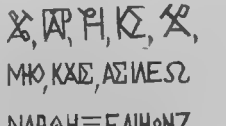
II.

В. В. Латышевъ во второй половинѣ своей статьи представляетъ весьма мѣткія наблюденія о возникновеніи поддѣльныхъ надписей на югѣ Россіи и даетъ вѣрную въ общемъ оцѣнку пріемовъ и дѣятельности «фальсификатора». Позволяю себѣ прибавить нѣкоторыя дополненія къ этой части работы почтеннаго автора.

Первыми по времени поддѣльными надписями на югѣ Россіи являются изданныя В. В. Латышевымъ Inscr. Pont. I, № 166 – 169 и Записк. Русс. Арх. Общ. IV, № 166[1–6]. Правда, В. В Латышевъ, который при изданіи вовсе не заподозрилъ подлинности этихъ документовъ, оставляетъ и теперь еще вопросъ о ихъ подлинности открытымъ, 1) потому что нельзя указать источника, изъ котораго эти своеобразныя буквы и монограммы могли быть заимствованы и 2) потому, что нѣтъ повода сомнѣваться въ справедливости заявленія И. К. Суручана, что одна изъ этихъ плитъ найдена въ ольвійской гробницѣ подъ головой покойника. Не стану здѣсь снова перечислять всѣ тѣ моменты, которые говорятъ въ пользу предположенія, что надписи на этихъ маленькихъ плитахъ новѣйшаго происхожденія, а замѣчу только, 1) что отдѣльные греческіе письменные знаки въ этихъ надписяхъ производятъ впечатлѣніе, будто они безъ разбора и безъ умѣнья различать періоды греческаго шрифта скомпонированы на основаніи любой таблицы какого-нибудь эпиграфическаго руководства; нарисовать-же негреческіе знаки и разныя совершенно произвольныя лигатуры не является при «пылкой фантазіи» фальсификатора особенно сложной задачей, 2) что и я конечно не смѣю сомнѣваться въ правдивости заявленія И. К. Суручана, но что вѣра въ его правдивость меня еще не можетъ заставить вѣрить одновременно и въ античное происхожденіе этихъ надписей. Возникаетъ здѣсь на первомъ мѣстѣ вопросъ, самъ-ли И. К. Суручанъ присутствовалъ при раскрытіи гробницы, или положился на свидѣтельство какого-нибудь изъ своихъ корреспондентовъ. Года четыре уже тому назадъ я старался выяснить этотъ вопросъ, но къ сожалѣнію мнѣ это не удалось. Но если и И. К. Суручанъ самъ присутствовалъ при раскопкахъ, то всетаки не исключена возможность, что онъ сдѣлался жертвой ловкаго об-

мана. Найденная подъ головой покойника плита такихъ маленькихъ размѣровъ, что не трудно было ее спрятать въ карманъ и при поднятіи трупа изъ глубокой и узкой гробницы подложить подъ его голову. Прибѣгнуть же къ такой или подобной манипуляціи было несомнѣнно въ интересахъ очаковскихъ торговцевъ древностями, желавшихъ обезпечить за собою сбытъ шести еще такихъ же странныхъ документовъ г. Суручану, не имѣвшему послѣ этой находки повода сомнѣваться въ подлинности этихъ загадочныхъ надписей. Это все конечно только гипотеза, чтобы объяснить себѣ заявленіе И. К. Суручана—я на ней не настаиваю и допускаю, что и другія еще объясненія мыслимы,—но во всякомъ случаѣ заявленіе И. К. Суручана, который могъ или ошибиться, или быть обманутымъ, едва-ли должно было-бы мѣшать В. В. Латышеву «открыто становиться» на мою сторону, такъ какъ рѣшительно всѣ доводы въ пользу высказаннаго мною мнѣнія. Коллекцію этихъ надписей, изданную В. В. Латышевымъ, я могу обогатить еще однимъ экземпляромъ, насколько я знаю, до сихъ поръ не опубликованнымъ. Года четыре тому назадъ мнѣ удалось видѣть и скопировать надпись, привезенную сюда одной очаковской еврейкой. Камень былъ древнимъ, надпись же судя по бѣлому и совершенно свѣжему цвѣту образованныхъ отъ рѣзьбы углубленій оказалась недавняго происхожденія. Еврейка требовала за эту надпись въ три строки 50 р.; на мое замѣчаніе, что надпись поддѣльна и ничего не стоитъ, она заявила, что уже найдетъ покупателя. Гдѣ эта плита въ концѣ концовъ осталась, не знаю [1]). Форма плиты таже, что и въ № 166[1] и 166[2]; характеръ рѣзьбы и работы тотъ-же, что и у всѣхъ упомянутыхъ надписей; монограммы въ первой строкѣ, какъ въ № 166[1] и 166[2], больше,

[1]) Вотъ текстъ надписи:



чѣмъ письменные знаки въ остальныхъ строкахъ. Пятая монограмма первой строки встрѣчается также въ надписи № 166⁶. Различается наша надпись отъ изданныхъ В. В. Латышевымъ тѣмъ, что въ первой и второй строкахъ между отдѣльными монограммами поставлены запятыя (!) и что въ концѣ второй и въ третьей строкѣ письменные знаки сочетаются фонетически въ слова — правда, тоже самое явленіе мы имѣемъ и въ надписи Inscr. Pont. I, № 166. Такимъ образомъ, какъ доказываютъ № 166 — 169 сборника Латышева, еще до появленія этого сборника началось поддѣлываніе надписей на югѣ Россіи и по образцу этихъ плитъ изготовлено были со временемъ еще больше полудюжины надписей, украшенныхъ для разнообразія только всевозможными произвольными монограммами и лигатурами.

Къ другой группѣ фальсификацій, совершенно вѣрно охарактеризованной В. В. Латышевымъ, принадлежатъ изданныя имъ въ XV томѣ Зап. Од. Общ. Исторіи и Древн. надписи подъ заглавіемъ «Загадочныя Ольвійскія надписи», и надпись, находящаяся во владѣніи проф. Ѳ. И. Успенскаго. Выдѣлить эти надписи въ особую группу заставляетъ меня 1) то обстоятельство, что по моимъ разслѣдованіямъ по крайней мѣрѣ нельзя было установить связи ихъ продавцевъ съ очаковскими евреями, братьями Гохманами, и 2) что онѣ всѣ проданы по весьма умѣренной цѣнѣ, между тѣмъ какъ элабораты очаковской шайки всѣ очень дорого стоили.

Застой въ хлѣбной торговлѣ съ 1892 года вслѣдствіе запрещенія вывоза и увеличивающійся спросъ на предметы древности заставили очаковскихъ евреевъ, братьевъ Гохмановъ, заняться фабрикаціей надписей въ болѣе широкихъ размѣрахъ; найдено было притомъ какъ разъ въ это время нѣсколько подлинныхъ документовъ, и легкость и выгодность ихъ сбыта вѣроятно также служили побужденіемъ къ наполненію рынка произведеніями новѣйшаго времени. Торговцы надписями пользовались однако для своихъ цѣлей повидимому услугами не одного только автора. Тотъ фактъ по крайней мѣрѣ, что на одной изъ поддѣльныхъ надписей, находящихся во владѣніи г. Суручана «ϑ» послѣдовательно замѣнено «φ», между тѣмъ какъ на остальныхъ поддѣльныхъ надписяхъ, пріобрѣтенныхъ изъ того-же источника, читается вѣрно «ϑ», говоритъ въ пользу предположенія,

что разныя лица, — во всякомъ случаѣ не менѣе двухъ — являлись «учеными» сотрудниками мошеннической шайки.

Въ работахъ автора, знающаго «Э», замѣчается постепенный прогрессъ. Между тѣмъ какъ надпись на четыреугольной колоннѣ, изданная В. Н Юргевичемъ въ XVI томѣ Зап. Им. Од. Общ. стр. 12 № 3, еще не представляетъ грамматической связи между словами и содержитъ массу ошибокъ, затемнѣющихъ смыслъ, тирасская надпись, изданная В Н. Юргевичемъ, какъ поддѣльная въ XVII томѣ Зап. Од. Общ. стр. 33, показываетъ уже цѣлый рядъ достоинствъ; хотя ошибки еще встрѣчаются въ изобиліи, но характеръ буквъ хорошо выдержанъ, и текстъ уже не представляетъ только механической склейки фразъ изъ подлинныхъ документовъ, а показываетъ нѣкоторую самостоятельность.

Еще лучше надпись, изданная В. Н. Юргевичемъ въ Зап. Од. Общ. XVI, стр. 11, № 1 и письмо Ольвіополитовъ, изданное мною въ Зап. Од. Общ. XVII, стр. 18.

Нельзя отказать автору этихъ элаборатовъ въ умѣньи выдержать характеръ шрифта извѣстнаго періода, въ умѣньи соединить отдѣльныя фразы изъ подлинныхъ документовъ въ связный текстъ и въ извѣстной начитанности не только въ Inscr. Pont. I, но и въ другихъ трудахъ по археологіи южной Россіи. Авторъ этихъ поддѣлокъ безъ сомнѣнія когда-то учился въ классической гимназіи и является такимъ образомъ человѣкомъ съ извѣстнымъ образовательнымъ цензомъ, но онъ успѣлъ позабыть школьную грамматику греческаго языка или очень плохо изучалъ ее, и не умѣетъ различать разные діалекты языка, о которыхъ впрочемъ въ гимназіяхъ сообщаются довольно скудныя свѣдѣнія. Вслѣдствіе этого авторъ часто грѣшитъ противъ правилъ элементарной грамматики и помѣщаетъ спокойно въ ольвійскія или тирасскія надписи дорическія фразы.

Если-же считать посвятительную надпись, изданную мною въ Зап. Од. Общ. XVII, стр. 1 вмѣстѣ съ В. В. Латышевымъ тоже новѣйшей поддѣлкой, то нужно будетъ признать, что она составлена еще третьимъ сотрудникомъ, и на этотъ разъ еще болѣе серьезнымъ ученымъ; и если ее считать поддѣлкой, то надо быть послѣдовательнымъ и на основаніи тѣхъ-же признаковъ кассировать не

только декретъ о проксеніи, изданный мною въ Зап. Од. Общ. XVI, стр. 1, но и еще рядъ надписей, помѣщенныхъ въ Inscr. Pont. I и въ Inscr. Graecae et Latinae, Museo Surutschan. inlatae. Рѣшиться на этотъ шагъ, я пока себя еще не считаю вправѣ и оставляю этотъ вопросъ открытымъ. Систематическія раскопки на почвѣ древней Ольвіи, которыя являются неотлагаемой научной потребностью, дадутъ намъ, надѣюсь, въ недалекомъ будущемъ еще много новаго матеріала, который намъ позволитъ точнѣе опредѣлить мѣрило, прилагаемое къ языку и стилю ольвійскихъ документовъ.

Д. ч. Э. фонъ-Штернъ.

Одесса, Май 1895 года.

Надписи на ручкахъ и обломкахъ амфоръ и черепицъ, найденныхъ въ Ѳеодосіи въ 1894 году.

Работамъ производимымъ въ Ѳеодосіи при устройствѣ порта, потребовавшимъ громаднаго количества земли для постройки мола, и срытію по этому поводу части холма, позади городскаго карантина мы обязаны открытіемъ множества остатковъ древней греческой посуды и нѣсколькихъ обломковъ черепицъ съ надписями [1]), которые тѣмъ интереснѣе для насъ, что до сихъ поръ въ Ѳеодосіи ихъ не находили. Служа доказательствомъ существованія здѣсь древняго греческаго поселенія, они не дозволяютъ сомнѣваться въ томъ, что древнѣйшая Ѳеодосія находилась на томъ-же мѣстѣ, гдѣ лежитъ нынѣшняя, и что мы не должны искать ей ни около горы Опука, какъ думалъ Спасскій, ни при Отузскомъ заливѣ, какъ полагалъ Муравьевъ-Апостолъ, ни даже отводить ей мѣсто въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нынѣшней, какъ утверждали Дюбрюксъ и Мурзакевичъ, а за ними Виноградовъ, помѣщающій ее на горномъ склонѣ, спускающемся нѣсколькими оврагами, по направленію отъ теперешней часовни св. Ильи къ карантину [2]). Трудно въ самомъ дѣлѣ думать, чтобы поселившіеся позже въ этихъ мѣстахъ греки, называвшіе свое урочище Καφᾶς [3]), гдѣ послѣ поселились генуэзцы, оставившіе тоже самое имя, не хотѣли воспользоваться древнѣйшимъ, разрушеннымъ городомъ, гдѣ могли найти готовый для построекъ матеріалъ и удобную пристань, а искали для поселенія другаго мѣста. Находку битой

[1]) Всего найдено до сихъ поръ около 500 ручекъ и другихъ обломковъ.

[2]) В. Виноградовъ. «Ѳеодосія», ист. очеркъ. Ѳеодосія 1884, гдѣ показаны упомянутые авторы.

[3]) Названіе извѣстно уже Константину Багрянородному.

посуды за городомъ, около карантина, мы можемъ объяснить тѣмъ, что туда вывозились изъ города мусоръ и нечистоты, что могли дѣлать и генуэзцы, строя свою крѣпость, оттого въ самомъ городѣ амфорныхъ ручекъ и черепковъ не найдено. Мѣстонахожденіе здѣсь древней Θеодосіи подтверждается еще и тѣмъ, что по свидѣтельству нашего почетнаго члена А. Л. Бертье-Делагарда, руководившаго постройкой порта, на упомянутомъ выше холмѣ, судя по найденнымъ остаткамъ, находился древній акрополь [1]). Не менѣе краснорѣчивое подтвержденіе даютъ намъ окружающіе Θеодосію курганы. Они расположены на горѣ, позади городскаго карантина, и хотя многіе были разрыты въ очень давнее время, но еще въ 1853 году князь Сибирскій и профессоръ Акад. Худ. Айвазовскій, раскопавшіе нѣсколько по порученію Кабинета Его Величества, нашли въ нѣкоторыхъ Θеодосійскія монеты и вещи, свидѣтельствующія о глубокой ихъ древности. Сдѣланныя ими находки описаны въ всеподданнѣйшемъ отчетѣ объ археологическихъ розысканіяхъ за 1853 годъ, гдѣ находимъ описаніе обломка небольшаго разбитаго въ кусочки искателями золота саркофага, найденнаго въ прежнее время какимъ-то армяниномъ, съ надписью, хотя полуизглаженною, но до того схожею съ найденной въ Θеодосіи въ послѣднее время, что мнѣ кажется можно не только ее возстановить, но и сказать утвердительно, что представленный княземъ Сибирскимъ обломокъ былъ просто обломокъ черепицы. На немъ читаемъ:

Е . . . Δ . . . 'Е(πὶ 'Εν)δήμου
. . . . . (ἀστυνόμου)
ΓΟΣΕΙΔΩ Орелъ на дельфинѣ. Ποσειδω(νίου).

Эмблема орелъ на дельфинѣ, какъ на всѣхъ надписяхъ съ 'Ενδήμου, см. ниже и тамъ-же о горшечникѣ Посидоніѣ.

Найденныя въ Θеодосіи ручки, свидѣтельствуя объ обширной торговлѣ этого города, не даютъ, кромѣ прямыхъ указаній на Θазосъ, Родосъ и Книдосъ, никакихъ свѣдѣній о торговыхъ сношеніяхъ съ другими греческими городами, хотя, надо полагать, что послѣ завоеванія Θеодосіи Левкономъ воспорскимъ въ началѣ IV вѣка до Р. Х. и устройства

[1]) Ожидаемъ отъ А. Л. Бертье-Делагарда обѣщанныхъ болѣе подробныхъ свѣдѣній.

въ ней хлѣбнаго рынка, въ особенности-же послѣ услуги, оказанной Аѳинамъ высылкой въ подарокъ во время голода 200.000 медимновъ пшеницы и значительнаго пониженія пошлины съ вывозимыхъ товаровъ, торговля съ Аѳинами и другими городами должна была принять широкіе размѣры. О торговлѣ съ Аѳинами при ѳеодосійскихъ архонтахъ Левконѣ, Спартокѣ и Перисадѣ и о посвященіи ими золотыхъ вѣнковъ Аѳинѣ имѣемъ свидѣтельства надписей, открытыхъ въ этомъ городѣ [1]). Очевидно также, что Ѳеодосія, которая заботилась о сбытѣ своихъ произведеній, нуждалась, въ особенности въ первые времена, и въ привозѣ тѣхъ, которыхъ не имѣла. Не можетъ быть сомнѣнія, что ей подвозили, кромѣ изящныхъ терракотовыхъ вазъ и золотыхъ, серебряныхъ и другихъ издѣлій, доставляемыхъ вѣроятно большею частію изъ Аѳинъ, вино, оливковое масло, медъ, воскъ и даже черепицу [2]) для постройки домовъ. Какую роль играли въ этой доставкѣ богатые и промышленные малоазіатскіе города мы не имѣемъ свѣдѣній, но имѣемъ, кажется, основаніе думать, судя по историческимъ даннымъ и дошедшимъ до насъ ручкамъ, что близълежащая Синопа играла не послѣднюю роль. Основанная, по преданію, аргонавтами и по свидѣтельству Скимна, населенная въ VIII вѣкѣ до Р. Х. (751 г.) выходцами изъ Милета, богатая и многолюдная, такъ что сама основала нѣсколько колоній [3]), она отличалась своимъ климатомъ и плодородіемъ почвы и изобиловала оливковымъ масломъ, виномъ, орѣховымъ и кленовымъ деревомъ, изъ котораго тамъ-же приготовлялась мебель, и лучшимъ сортомъ охры, употреблявшейся для краски и румянъ [4]) Σινωπικὴ μίλτος. При Синопѣ производилась также замѣчательная ловля и соленіе паламидъ [5]). Доказательствомъ обширныхъ сношеній этого города можетъ служить

---

[1]) Въ Corp. Inscr. Attic. № 311 и въ Аѳинеумѣ т. VI с. 152.

[2]) Что черепица подвозилась изъ Ѳазоса доказываетъ находящееся на одномъ обломкѣ клеймо съ именемъ, встрѣчающимся на цитемпелѣ ѳазосскомъ: Θεοσ (Θεοσθένης). Бенк. Зап. О. VII, с. 19. На другой черепицѣ читаемъ V E O съ архаической формой буквы Λ и буквой O, вмѣсто ω, сокращенное имя Λεωγόρης. См. ниже на Ѳазосскихъ и клейма.

[3]) Τραπεζοῦς, Κερασοῦς, Κοτύωρα Diod. Сицил. XIV, 31, Ἀρμένη Страв. XII, 545, Λύκαστος.

[4]) Σινωπίς rubricae genus praestantissimum, quae optima apud Sinopen eximitur. Vitruv. 7, 7.

[5]) Πηλαμυδεῖα θαυμαστά. Страв. тамъ-же.

извѣстіе, сообщаемое Павзаніемъ [1]), что гипербореи посылали скрытые въ пшеничной соломѣ начатки (ἀπαρχάς) къ аримаспамъ, которые отправляли ихъ къ исседонамъ, а эти къ скиѳамъ, послѣдніе-же препровождали ихъ въ Синопу, откуда греки возили ихъ въ Прасіи, мѣстечко въ Аттикѣ, гдѣ былъ храмъ Аполлона и затѣмъ въ Делосъ. О политическомъ значеніи Синопы, уже въ древнѣйшее время, можемъ судить изъ того, что она и послѣ завоеванія Малой Азіи персами не была подчинена персидскимъ сатрапамъ, но пользовалась автономіей [2]). Оттого Діодоръ, описывая возвращеніе грековъ, союзниковъ Кира, противъ брата Артаксеркса въ 399 г. говоритъ, что этотъ городъ μέγιστον εἶχεν ἀξίωμα τῶν περὶ τοὺς τόπους [3]). По Страбону автономія продолжалась долгое время, до завоеванія города Фарнакомъ (190 — 170), дѣдомъ, какъ полагаютъ, Миѳрадата Евпатора. Послѣдній родился и воспитывался въ Синопѣ и считалъ ее послѣ столицей своего царства [4]). Можемъ себѣ вообразить, какія были сношенія этого города съ Ѳеодосіей и Воспоромъ и другими городами нашего прибрежія, когда Евпатору подчинилось царство воспорское, сношенія, продолжавшіяся безъ сомнѣнія и при его сынѣ Фарнакѣ II (62—47). Этому времени вѣроятно принадлежитъ псифисмъ въ честь архонта Ѳеокла, сына Сатира, котораго ольвійцы и жившіе въ Ольвіи иностранцы и въ числѣ ихъ синопцы увѣнчали за заслуги золотымъ вѣнцомъ. У Лат. Inscr. 1, № 22. На основаніи выше приведенныхъ извѣстій, мы не должны удивляться, находя слѣды этихъ сношеній и на открытыхъ остаткахъ амфоръ и черепицъ. Встрѣчаемыя на многихъ имена и эмблемы указываютъ намъ прежде всего на Синопу, какъ на мѣсто, откуда привезена посуда и строительный матеріалъ. Сюда принадлежатъ имена пафлагонскія: Ἄτταλος [5]), Θῦς [6]),

---

[1]) Павз. 1, 31.

[2]) Ксеноф. Киропед. VI, 2, 10, VIII, 6, 8.

[3]) Діод. XIV, 31.

[4]) Страв. XII, 545. Spanheim. De usu et praest. num. diss. c. 479.

[5]) При Дейотарѣ, послѣднемъ царѣ пафлагонскомъ упоминается династъ этого имени. См. Цицер. pro Dejotaro. На ручкахъ у Бекк. Зап. О. VII, 52 и на двухъ Üb. e. dr. S. 25. Ниже III, № 1.

[6]) Θῦς династъ пафлагонскій въ 362 до Р. Х. Corn. Nep. XIV, II, царь по Аѳинею VI, с. 144. Имя на ручкѣ у Бекк. Mél. t. 1, с. 419 и на трехъ другихъ съ астиномами Мнисикломъ, Пиѳоклемъ и Димитріемъ. Зап. О. VII, 61. 62. На надписи у Лат. Inscr. II, 164. Ниже IV, № 28.

Ἰκέσιος Σινωπαῖος [1]), Κίνωλις [2]), Κρόνιος [3]), Κουρύλας [4]), Μάνης [5]), Σήσαμος [6]), Σινωπίων [7]), малоазіатскія: Κύρος [8]), Μίδας [9]), Μιθραδάτης [10]), Νικομήδης [11]), Σάγαρις [12]), Τεύθρας [13]), не говоря о тѣхъ, которыя находимъ на клеймахъ вмѣстѣ съ упомянутыми именами. Какъ примѣръ укажемъ: Βόρυος ἄστ. Τευθρ., Βόρυς ὁ Ἑστιαίου, Ἄτταλος Βόρυος, Φόρβαντος ἀσ. Ατταλου, Δίου ἀσ. Τεύθραντος, Δημήτριος съ горшеч. Θῦς и Τεύθρας. Зап. VII, 33, 63. Къ такому-же заключенію насъ приводитъ сравненіе именъ и эмблемъ съ находящимися на синопскихъ монетахъ. Многія имена на монетахъ повторяются и на ручкахъ и легко узнаются на первыхъ, не смотря на ихъ сокращеніе. Таковы:

---

[1]) См. IV, № 29. V, № 36, 37.

[2]) Κίνωλις городъ въ Пафлагоніи. Страв. XII, 545. Имя часто на воспорскихъ. Стеф. О. А. К. 1869 с. 208, Лат. Inscr. II, 153, 226.

[3]) Фр. С. I. III. Ниже IV, № 2.

[4]) Κορύλας сатрапъ пафлагонскій Ксеноф. Походъ Кира V, 5, 12, VI, 1, 2; у Бекк. имя позднѣйшее на ручкѣ Κουρύλας, которое онъ пишетъ Κούρυλος имѣя род. Κουρύλου. Suppl. V, с. 476 A. № 5.

[5]) Страв. 553. Бекк. Mél. 1. 492.

[6]) Σήσαμος городъ въ Пафлагоніи. Страв. 544. Ниже VI, на концѣ.

[7]) Бекк. Mél. 1, 494, Зап. О. V, с. 43, № 38, 39, Üb. e. dr. S., с. 35, 31. Suppl. IV, с. 472.

[8]) Ниже V, № 28. Бекк. Mél. 1, 494, съ орломъ на дельфинѣ.

[9]) Бекк. Mél. 1, 489.

[10]) Ниже V, № 50, 51, съ орломъ на дельфинѣ. Какъ имя Миѳрадата, такъ и Фарнака было употребительно въ Синопѣ, какъ доказываетъ надгробная надпись Фарнаку сыну Фарнака изъ Синопы умершему въ Воспорѣ учителемъ гимнастики у Лат. I, II, № 299.

[11]) Ниже V, № 63, 64.

[12]) Ниже V, № 79. Sagaris или Sangaris рѣка во Фригіи, вливающаяся въ Пропонтиду у Плинія, Ливія, Овидія и имя фригійское на надписи изъ Аполлоніи фригійской у Фр. III, 1, № 3973, встрѣчающееся и въ Анкирѣ Фр. III, 1, № 4067. На монетѣ Никеи Антонина изображеніе рѣки и надпись Σάγαρις, Міён. V, 122. Σαγγάριος рѣка Виѳинская Страв. 543, 563, 567. Ср. имя Sangario у Плавта Trinum. IV, IV, 15. Малоазіатскіе мореплаватели назвали нашъ Телигулъ этимъ именемъ. Скилаксъ Кариандскій с. 71, помѣщаетъ островъ Λευκή въ Сагарійскомъ заливѣ. По Мелѣ островъ лежитъ противъ устья Борисѳена. Думаютъ, что Sagaricus sinus Плинія нынѣ лиманъ Телигульскій.

[13]) Ниже V, № 75, 76.

Ἀγι [1]), Ἀπο [2]), Ἀριστι [3]), Ἀριστο [4]), Ἀρτε [5]), Ἀστυο [6]), Ἀπο [7]), Διο [8]), Ἐκ [9]), Ἱκεσι [10]), Μικ [11]), Πολυ [12]), Ποσι [13]), Πρ [14]), Σωσι [15]). Изъ эмблемъ прежде всего обращаетъ на себя наше вниманіе орелъ на дельфинѣ своимъ разительнымъ сходствомъ съ орломъ на серебряныхъ монетахъ Синопы съ Ἀγι, Ἀπο, Ἀριστι, Ἀριστο, Διο, Θεοτι, Ἱκεσι, Πασι, Σωσι. Хотя подобная эмблема была употребительна и въ Ольвіи, но нѣтъ никакого основанія предполагать, что древнѣйшая Синопа позаимствовала ее у младшей Ольвіи; напротивъ, кажется, слѣдуетъ думать съ большей вѣроятностью, что синопская, которую находимъ и на монетахъ Истра, послужила образцомъ для другихъ черноморскихъ городовъ. Трудно поэтому считать съ П. Беккеромъ орла на дельфинѣ, находимаго на штемпеляхъ съ ἀστυνόμου, главнѣйшимъ доказательствомъ, что посуда, черепица и кирпичи съ именами этихъ чиновниковъ изготовлялись въ Ольвіи. Такъ какъ открываемъ обломки съ этимъ титуломъ въ значительномъ количе-

---

[1]) Ἀγίης Бекк. Mél. 1, 492.

[2]) Ἀπολλόδωρος, Ἀπολλώνιος, Ἀπολλωνίδης. Ниже IV, № 3, 4, 5, 6, 7, 3, IV, № 4. Бек. Mél. 1. 483 Сокращеніе Ἀπσ замѣняетъ по всей вѣроятности одно изъ этихъ именъ.

[3]) Ἀριστίων Зап. О. V, 34.

[4]) Ἀριστοκλῆς съ бодающимъ быкомъ Бекк. Üb. e. dr. S. c. 31, на ручкѣ и на кирпичѣ.

[5]) Ἀρτεμίδωρος, Ἀρτέμων. Ниже V, № 6, 7. Бекк. Mél. 1, 485.

[6]) Ἀστύας Бекк. Mél. 1, 483. Ἀστίας тамже 488.

[7]) См. выноску 2.

[8]) Διονύσιος ниже IV, № 13, 14, 15, имя съ орломъ на дельфинѣ на монетахъ Синопы Mionn. IV, 572; но можетъ быть Δῖος ниже V, № 19, 20.

[9]) Ἑκαταῖος Бекк. Mél. 1, 493.

[10]) См. выше (стран. 5, выноску 1) Ἱκέσιος Σινοπαῖος; имя съ орломъ на дельфинѣ на монетахъ нашего музея Ниже V, № 36, 37.

[11]) Μίκος, Μικρίας. Ниже V, № 52 и слѣд. Бекк. Üb e. dr. S. c. 115. Μίκας Лат Ins. II, 67.

[12]) Πολύκτωρ. Ниже IV, № 38, 39.

[13]) Πόσις, Ποσίδειος ниже IV, № 40, 41. Üb. e. dr. S. c. 29.

[14]) Πρύτανις, Πρωταγόρας Стеф. Mél II, c. 202, Бекк Зап. О. V, 89 Mél. 1, c. 488, но могутъ быть и другія съ Πρωτο или Πραξ.

[15]) Σωσίας на ручкахъ часто, если не думать здѣсь о именахъ Σωσικράτης, Σωσικλῆς, Σωσίπατρος у Лат. Inscr. 1, 101.

ствѣ во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ лежали древніе греческіе города на нашемъ прибрежьѣ, то изъ этого пришлось-бы заключить, что всѣ эти города получали гончарныя издѣлія изъ Ольвіи, тогда какъ положеніе этого города въ мѣстности безлѣсной недозволяетъ предполагать въ ней существованія столь великаго числа гончарныхъ заводовъ. Можно также спросить, почему при обширной торговлѣ Ольвіи не найдена ольвійская посуда въ малоазіатскихъ и другихъ греческихъ городахъ, о сношеніяхъ съ которыми свидѣтельствуютъ найденныя въ этомъ городѣ ручки родосскія, книдосскія, паросскія и ѳазосскія и не вправѣ-ли мы изъ этого заключить, что посуда со штемпелями съ ἀστυνόμου была не мѣстная, но привозная? Самое существованіе въ Ольвіи астиномовъ эпонимовъ въ высшей степени невѣроятно, потому что въ ней высшіе чиновники носили титулъ архонтовъ и стратиговъ, такъ что скорѣе можемъ предполагать астиномовъ въ Синопѣ, гдѣ съ конца III вѣка до Р. Х. со времени завоеванія города Фарнакомъ, были свои цари, которые жили въ этомъ городѣ или назначали особыхъ правителей, какъ Миѳрадатъ Евпаторъ, поставившій синопскимъ фрурархомъ Вакхида[1]). Объ отношеніяхъ пафлагонскихъ царей къ городу, когда онъ пользовался автономіей, Котиса, во время войны пелопонизской[2]), и Ѳиса въ 362 г. до Р. Х., мы не имѣемъ свѣдѣній, но и тогда сами архонты не желали вѣроятно раздражать властолюбія царей этимъ громкимъ республиканскимъ титуломъ и довольствовались титуломъ астинома. Отвергая на основаніи вышесказаннаго ольвійское происхожденіе ручекъ съ ἀστυνόμου, я не отвергаю существованія мѣстныхъ горшечниковъ, какъ въ Ольвіи, такъ и въ другихъ городахъ нашего прибрежія, и мнѣ казалось явнымъ уже прежде[3]), что нѣкоторые ручки принадлежатъ Херсонису. О другихъ городахъ нельзя сказать съ той-же увѣренностію, но найденныя въ нихъ цѣльныя амфоры и ихъ обломки безъ штемпелей изготовлены, кажется, мѣстными горшечниками, извѣстными покупателямъ и по этой причинѣ не счи-

[1]) Страв. XII, 546. Можетъ быть этотъ Вакхидъ былъ сынъ Вакхія, котораго находимъ на ручкѣ у Стеф. Mél. p. 208 Бекк. Зап. V с. 34.

[2]) 431—405 до Р. Х. Diod. 12, 38 Xen. hist. gr. IV, 1.

[3]) См. Зап. О. т. XV с. 47 и слѣд.

тавшими нужнымъ знакомить ихъ со своей фирмой. Открытые въ Θеодосіи обломки посуды, судя по формѣ буквъ на надписяхъ и употребленію ο, вмѣсто ω и двугласной ου, принадлежатъ разнымъ столѣтіямъ, начиная съ VI-го до Р. Х., когда упоминается существующій городъ Скилаксомъ каріандскимъ, и оканчивая I-мъ нашей эры, такъ какъ во II-мъ правитель Каппадокіи Арріанъ, назначенный имп. Адріаномъ въ 136 году по Р. Х., говоритъ о немъ, какъ объ опустѣвшемъ и извѣстномъ только по описаніямъ. Встрѣчаемъ слѣдущія буквы:

ᗅ = A на одномъ горл.
Γ = Δ » » экз.
Ƶ = Z » » »
Γ, ⅄ = Λ на ручкѣ и черепицѣ
Μ, M = M
Ν, И = N
ϟ, Σ, ϟ, C = Σ
V = Υ
+ = Φ
+ = X
ω = Ω
ο вмѣсто Ω и OΥ

Главнѣйшія сокращенія при указаніи авторовъ и сочиненій въ этой статьѣ:

Бекк. Mél. — П. Беккеръ Mélanges gréco-romains, tirés du bulletin historico-philologique de l'académie Impériale des sciences de St. Pétersbourg t. 1.

Бекк. Suppl. IV, V— въ Jahrbücher der classischen Philologie Supplementband IV, V.

Бекк. Üb. e. dr. S. — Über eine dritte Sammlung unedierter Henkelinschriften aus dem zehnten Supplementbande der Jahrbücher für classiche Philologie.

Стеф. О А. К. — Стефани Отчетъ Имп. Археологической Коммиссіи.

Стеф. Mél. — Стефани Mélanges gréco-romains въ bulletin de l'académie des sciences de St.-Pétersbourg tome II.

Бёкъ С. 1 gr. — Boeckh, Corpus Inscriptionum graecarum.

Лат. Inscr. 1, II — Латышевъ Inscriptiones antiquae orae septentrionalis ponti Euxini tom. 1, II.

Зап. О. — Записки Имп. Одесскаго Общества исторіи и древностей.

Дюм. — Albert Dumont Inscriptions céramiques de Gréce.

Страв. — Strabonis geographica изд. Крамера 1852 г.

Фр. С. I. — Францъ Corpus Inscriptionum.

I. Надписи на ручкахъ амфоръ ѳазосскихъ.

1. ΑΣ (Θ)ασ(ίον)
Баранья голова
ΑΘΑΝΑ Ἀθάνα(ιος)

Подобную ручку, съ бараньей головой между строками и надписью (Θ)ασίον см. ниже № 56. Ср. ручку у Стеф. О. А. К. 1867 с. 206.

2. ΘΑΣΙΟΝ Θασίον
Θ Лавр. вѣнокъ Θ
ΑΓ Ἀπ

Какому имени принадлежатъ начальныя буквы ΑΓ — сказать трудно, тѣмъ болѣе, что встрѣчающееся имя Ἀπολλόδωρος съ Θασίων и буквой С явно позднѣйшее у Бекк. Зап. О. V. с. 25, а Ἀπολλώνιος на надписяхъ въ видѣ продолговатаго прямоугольника Бекк. Зап. О. VII, 18.

3. ΑΓΟΛ Ἀπολλώ(νιος)

Въ прямоугольникѣ, котораго двѣ стороны изгладились, эмблема передъ корабля. Двѣ подобныхъ ручки изъ Ольвіи и Керчи съ galea и prora navis у Бекк. Зап. О. VII. с. 18, 19.

4. Α... Ἀ
Амфора
ΘΑΣΙΩΝ Θασίων
ΑΡΙΣΤΟ Ἀριστόμα(χος)
ΑΖ
Сидящій Ираклъ
съ лукомъ

Ручка съ этимъ именемъ не встрѣчалась.

5. ΑΡΙΣΤΟ Ἀριστομέ(νης), (Δ)αμ(άστης)
Ζ Θασί(ων)
:

ΑΘ Μ

Въ четвероугольникѣ, образованномъ изъ буквъ, стоящій на одномъ колѣнѣ и стрѣляющій изъ лука Ираклъ, который изображается такъ и на монетахъ ѳазосскихъ. Mionnet 1, p. 433, № 13, 17, 24. Сравнивъ сопоставленные Беккеромъ пять подобныхъ надписей, нельзя не согласиться съ его чтеніемъ. См. Зап. О. VII, с. 20. Пишу Θασίων потому, что при имени Δαμάστης находимъ эту полную надпись. См. ниже.

6. ΘΑΣ	Θασ(ίον)
Θ ваза	Θ
ΑΡΙΣ	Ἀρισ..

Здѣсь было одно изъ именъ, встрѣчающихся часто на ручкахъ ѳазосскихъ, показанныхъ Беккеромъ Üb. e. dr. S. c. 103, Ἀριστέης, Ἀρισταγόρης, Ἀριστόδικος, Ἀριστείδης, Ἀριστομένης или Ἀρίστων, Ἀριστοφάνης, какъ ниже. Пишу Θασίον, какъ находимъ вездѣ, гдѣ буква Θ стоитъ какъ особый знакъ. Очевидно, что ручки древнѣе.

7. .Ρ ΙΣ ΕΥΑΓ ΟΙΣΑΘΙ	Ἀρισ Εὐαγόρης Θασίον

Въ четыреугольникѣ стрекоза.

8. . ΡΙΣ . Ω	(Ἀ)ρίσ(τ)ων
Большая рыба	
ΘΑΣΙΩΝ	Θασίων
9. ΝΑΞΘΑΣΙΑ ΤΥ	(Ἄσ)τυ(ά)ναξ Θασί(ον)

Въ четыреугольникѣ бокалъ. Пополняю Θασί(ον) имѣя большею частію это чтеніе, гдѣ слово не сокращено.

10. ΒΙΤ ΟΝΘΑΣΙΡ	Βιτίων Θασί(ον) (Ἀ)ρίστ(ων)

Въ срединѣ четыреугольника птица. Судя по характеру письма, посуда привезена въ Ѳеодосію въ весьма древнее время, можетъ быть

въ V-мъ столѣтіи. У Бекк. Зап. О., VII, 21, показано чтеніе ΒΙΓΩ, въ которомъ онъ видитъ встрѣчающееся имя ΒΙΤΩΝ. Соединеніе верхней черты буквы Т съ І оказывается причиной ошибки. И здѣсь также І кажется продолженіемъ нижней черточки Ω. Ясное очертаніе имени Βιτίων имѣемъ сейчасъ ниже.

11. ΒΙΤΙΩ — Βιτίων
ΜΗΤ — Θασίων
ΗΥΙΣΘΝ — Δημήτ(ριος)

Въ срединѣ четыреугольника бокалъ.

12. ΔΑΜ — Δαμάστη(ς)
ΘΑΣΙΣΑ — Θασί(ων)
ΗΣΤΗ — Δαστη

Въ срединѣ четыреугольника ящерица. Печать на горлѣ.

13. ΔΑΜΑΣ — Δαμάσ(της)
ΘΑΣΙΩ — Θασίω(ν)

Двѣ такія у Стеф. О. А. К. 1859 с. 140.

14. ...ΑΣΤΗΣ — (Δαμ)άστης
...ΦΑΝΟΣ — (Στέ)φανος

Между строками черпало съ длинной ручкой.

15. ΘΑΣΙΩΝ (такъ) — Θασίων
Шлемъ
ΔΕΑΛΚΟ — Δέαλκο(;)

Двѣ такія съ bipennis и diota у Бекк. Mél gr. rom. 1, с. 435. Шлемъ какъ эмблема Стеф. О. А. К. 1860 с. 88.

16. ΔΗΜΗΣ — Δημῆς
ΘΑΣΙΩΝ — Θασίων
ΦΙΛΩΝ — Φίλων

Имя Δημῆς на надписи въ Одес. музеѣ, которое Бёкъ считаетъ сокращеннымъ Δημέας С. 1. 2096. Лат. 1, № 174. Съ этимъ-же

именемъ ручка у Бекк. ΗΜΗΣ неудачно возстановленнымъ имъ (Ἑ)ρμῆς. Зап. О. т. VII с. 21.

17.	ΔΗΜΗΣ	Δημῆς
	ΘΛΣΙΩΝ	Θασίων
	ΦΙΛ.	Φίλ(ων)
18.	ΗΜΗΣ	Δημῆς
	. . ΙΟΣ (такъ)	Θασίον
	ΙΛΩΝ	(Φ)ίλων

Сигму во второй строкѣ надо считать ошибкой рѣзчика.

19.	Голова мущ. въ повязкѣ ΔΗΜΗΣ	Δημῆς
20.	. . Μ Η Σ	Δημῆς
	Птица Θ	Θασίων
	Ι Ρ Α Σ	Ἀρι . . .
21.	Η Μ ⌒	Δημῆς
	Амфора	Λυ . . .
	Υ	Θασίων
	Λ	
	◁ Σ Α Θ	
22.	ΘΑΣ	Θασ(ίων)
	ΔΗΜ	Δημ . . .

Имѣемъ на ѳазосскихъ надписяхъ имя Δημάλκης съ амфорой и виноградным листомъ между строками Зап. О. V, с. 21, и сейчасъ ниже Δημήτριος, но можетъ быть и здѣсь было Δημῆς.

23. ΘΑΣ — Θασ(ίων)
ΔΗ — Δη(μήτριος)

24. ΔΗΜΗΤ — Δημήτ(ριος)
ΒΙΤΙΩΝ — Βιτίων
ΘΑΣΙΩΝ — Θασίων
Бокалъ

Очевидно такая-же ручка изъ Керчи, съ изгладившейся эмблемой у Бекк. на которой онъ читаетъ Βίτων. См. выше.

25. ΘΑΣΙΟΝ — Θασίον
Статуя Паллады
ΗΡΑΚΛΕ — Ἡρακλε(ίδης)

Имя на вазосскихъ часто. См. Бекк. Üb e. dr. S c. 20. Стеф. О. А. К. 1859 с. 141, 1868 с. 123, 1869 с. 260.

26. ΘΑΣΙ — Θασί(ον)
Пальма
ΗΡΑΚΛΕ — Ἡρακλε(ίδης)

27. ΗΡΑΚ — Ἡρακ(λείδης)

Надпись на горлѣ съ эмблемой сидящимъ Ираклемъ.

28. ΘΑΣΙ — Θασί(ον)
ΔΗΣ — . . . . .
Лебедь — (Ἡρακλεί)δης

29. ΗΡΟΦΙ — Ἡρόφι(λος)
ΦΙΛΙΝ — Φιλῖν(ος)
ΘΑΣΙΩΝ — Θασίων
Голова Иракла

Оба имени встрѣчаются на ольв. надписяхъ Лат. 1, № 107, 114, Φιλῖνος съ передомъ корабля у Фр. III add. corr. № 4836e.

30. ΛΟΠΙ — (Θαρ)σίπολ(ις)
Фирсъ
✳ ✳

Имя на надписи, которую Бекк. считаетъ книдосскою, хотя ее можно скорѣе считать родосскою. Üb. e. dr. S. c. 18. Здѣсь принята мною во вниманіе форма надписи.

31. ΣΑΘ — Θρᾴσων. Θασ(ίων)

(Εὐ)ρόαλος

Оба имени на ѳазосскихъ часто. Стеф. О. А. К. 1869 с. 201 III № 72, 111, 114, 116 О. 1869 с. 200 III 62, 70, 86, 109, 112, 115. Бекк. Üb. e. dr. S. c. 20, 21.

32. ΘΑΣΙΟΝ — Θασίον

Θ Паллада

ΚΑΛΛΙΦ — Καλλιφ(ῶν)

Имя у Стеф. нѣсколько разъ.

33. ΘΑΣΙΩΝ — Θασίων

Н — Н

ΚΛΕΙΤΟΣ — Κλεῖτος

Беккеръ, описывая подобныя ручки съ этимъ именемъ, найденныя въ Керчи, считаетъ помѣщенныя между строками буквы Δ, Ε, Ϛ, Ι, Θ, К числами, имѣющими отношеніе къ Клиту. Üb. e. dr. S. 19.

34. ΘΑΣΙΩΝ — Θασίων

Ж — Ж

ΚΛΕΙΤΟΣ — Κλεῖτος

35. ΣΙΩΝ — (Θα)σίων

Ж — Ж

ΕΙΤΟΣ — (Κλ)εῖτος

36. ΚΛΕΟΦΩΝ — Κλεοφῶν

Θασί(ων)

Кувшинъ — Ἡφαίστιος

Κλεοφῶν нѣсколько разъ ниже. Ἡφαίστιος горшечникъ на отдѣльной надписи на ручкѣ: Ἡφαιστίου τοῦ Ποσειδωνίου κεραμέως и на ручкахъ съ ἀστυνόμου Зап XI, 57.

37. ΚΛΕΩΦΑΝ — Κλε(ο)φ(ῶ)ν

Θασίων

Кувшинъ — Ἡφαίστιος

На клеймѣ очевидно тѣ-же лица, что и на предыдущемъ.

38.	ΦΩΝ Θ	(Κλεο)φῶν
	Лавр. листъ ΑΣ	Θασ(ίων)

Судя по эмблемѣ, второе имя было Φείδιππος. См. ниже № 43.

39.	ΚΛΕΟΦΩΝ	Κλεοφῶν
	Θ	Θασίων
	Булава ΑΣΙΩΝ	(Λε)ωγόρης
	ΞΗΡΟΛΟΥ··	
40.	ΚΛΕΟΦΩ	Κλεοφῶ(ν)
	Булава	(Θασίων)
	ΞΗΡΟΛΟΥ··	(Λε)ωγόρης
41.	ΚΛΕΟ	Κλεο(φῶν)
	Булава	(Θασίων)
	ΞΗΡΟΛΟΥ	(Λ)εωγόρης
42.	ΚΛΕΟΦΩΝ	Κλεοφῶν
	Θ	Θασίων
	Булава ΑΣΙΩ	(Λε)ωγόρης
	ΞΗΡΟΛΟΥ··	
43.	ΚΛΕΟΦΩΝ Θ	Κλεοφῶν
	ΑΣΙΩΝ	Θασίων
	ΞΟΠΠΙΔΙΕΦ	Φείδιππος

Κλεοφῶν съ Παυσανίης у Бекк. Зап. О. VII, с. 22.

44, 45, 46, 47. Такія-же четыре клейма, какъ предыдущее, съ тѣми-же именами и эмблемой лавровымъ листомъ.

48.	ΛΕΩΝΙ	Λεωνί(δης)
	Θ Σ	Θασίων
	Α Ι	Ἀείμνηστος
	ΑΕΙΜ.	

Эмблема изглажена. Имя Ἀείμνηστος встрѣчается въ первый разъ.

49.	ΘΑΣΙΟ	Θασίον
	Θ	Θ
	ΛΥΣΙΙ	Λύσι(ππος)

Ручка съ именемъ Λύσιππος и якоремъ у Стеф. О. А. К. 1864 с. 244, но можетъ быть видимая прямая черта принадлежитъ буквѣ К

и имени Λυσικλῆς, встрѣчающемуся также на ѳазосской ручкѣ Стеф. О. А. К. 1859, 140.

50.	ΜΕΓ ΑΡΙΣ ΤΑΓ ΘΑΣ	Эмблема амфора въ четыреугольникѣ.	Μέγων Ἀρισταγό(ρης) Θασ(ίων)

Μέγων съ эмблемой головой безбородаго старика на ѳазосской у Стеф. О. А. К. 1859 с. 141. Тоже имя имѣемъ ниже съ ἐπὶ на Родосской.

51.	ΘΑΣΙΟΝ	Θασίον
	Θ Черпало съ длинной ручкой.	Θ
	. ΕΛΙΝΟ	(Μ)έλινο(ς)

См. слѣдующую ручку.

52.	Μ...ΩΝΘΑ Ящерица Ο ΟΝΙΛΕΜ Ν	Μ...ων Θασίον Μέλινο(ς)

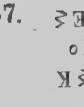
Какое имя было въ первой строкѣ отгадать трудно. Судя по числу недостающихъ буквъ, здѣсь могло быть Μικίων, Μνάσων, Μαρίων, Μέμνων.

53.	..... Черпало	Θασίον
	. ΕΛΙΝο	Μέλινο(ς)
54.	...ΙΟΝ Черпало	Θασίων
	. ΕΛΙΝο	(Μ)έλινος
55.	ΘΑΜ Ваза	Θασ(ίον)
	ЯΙΝ	Νικ..

Изъ множества именъ такъ начинающихся встрѣчается на ѳазосскихъ Νικαγόρας.

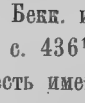
56.	ΑΣΙοΝ Баранья голова	(Θ)ασίον
	ΑΥΣΑΝΙΑ	(Π)αυσανία(ς)

Баранья голова встрѣчалась уже на Ѳазосскихъ. См. выше и у Стеф. О. А. К. 1867 с. 206. Двѣ ручки съ Παυσανίης изъ Фанагоріи и Керчи съ эмблемами корабельнымъ носомъ и головой солнца у Бекк. Зап. О. VII, 23.

57. 

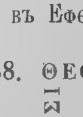
Τελεσ(ίφρων)
Θασίο(ν)
Μυίσχ(ος)

Μυίσκος у Бекк. изъ Ольвіи съ именемъ Ктисія и Θασίων Mél. gr. rom. t. 1, c. 436[1]. Τελεσίφρων на трехъ книдосскихъ у Дюм. c. 252, хотя есть имена Τελέσων, Τελεσαρχίδης, Τελέσαρχος въ Аполлоніи, Τελεσίας въ Ефесѣ, Τελέστρατος, Τελεσικράτης.

58. 

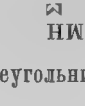
Τιμησίθεος
Φιλ.
Θασίων

Въ четыреугольникѣ дельфинъ.

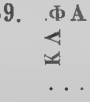
59. 

Φανόκριτ(ος)
Θασ(ίων)
(Ἡρ)άκλ(ειος)

См. слѣдующую ручку. Эмблема въ четыреугольникѣ сосудъ на подносѣ.

60. 

(Φ)ανόκριτος
Ἡράκλειος
(Θασίων)

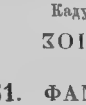
61. 

Φανόκ(ριτος)
Ἡράκλε(ιος)
(Θασίων)

62.

Φαν(ό)κριτ(ος)
Θασί(ων)

Эмблема не разборчивая.

63. 

Φειδι(π)πος
(Θασίον)
Ἀρισ...

О возстановленіи имени въ третьей строкѣ см. выше № 6. Выпущеніе π въ Φειδιππος свойственно древнѣйшему времени, вѣроятно поэтому чтеніе Θασίον.

64. ΑΣΙΩ (Θ)ασίων
ΦΕΙΔΙΠ Φείδιπ(πος)

65. ΠΟΣ Φείδιππος
ΔΙ Ваза

66. ΦΙΛΗ Φιλή(μων)
ΘΑΣΙΟΝ Εὐφρα(ντίδας?) или
ΕΥΦΡΑ Εὐφρά(νωρ?)
Θασίον

Эмблема не сохранилась. Имя Φιλήμων частое на ручкахъ съ ἀστυνόμου могло быть и въ Θазосѣ.

67. ΘΑΣΙ ΦΙΛΟ Φιλο..
Вѣнокъ Θασίων

Изъ именъ Φιλοκράτης, Φιλόπολις, Φιλοσθένης, Φιλοστέφανος, Φιλομένης- Φιλόμβροτος, ни другихъ съ подобнымъ началомъ, ни одно не встрѣчалось на ручкахъ θазосскихъ. Судя по вѣнку, который бываетъ эмблемой при имени Στέφανος, можетъ быть здѣсь было имя Φιλοστέφανος.

68. ....ΟΣ ....ος
ΘΑΣΙΟ Θασίον
. ΙΛΩ (Φ)ίλω(ν)

Двѣ съ этимъ именемъ см. выше при Δημῆς.

69. ΦΙΛΤΑ
ΤΟΣ Ваза

У Бекк. послѣ имени въ нижней строкѣ стоитъ буква Θ, начальное слово Θασίων, съ эмблемой prora navis, у Стеф. О. А. К. 1865 с. 218. Имя встрѣчается и на книдосскихъ. Дюм. s. II. с. 138.

70. .ΑΡΩ (Χ)άρω(ν)
ΘΑΣΙ Θασίων
ΚΛΕΟ Κλεοφ(ῶν)

Имя Χάρων встрѣчается часто на θазосскихъ ручкахъ; двѣ изъ

нихъ съ ΘΑΣ, что доказываетъ, что ручки позднѣйшія, у Бекк. Üb. e. dr. S. c. 21, 6 ручекъ у Стефани. Судя по разнымъ именамъ, оттиснутымъ на нихъ въ другой нижней строкѣ, Харонъ былъ горшечникъ, посуда котораго сдѣлана при разныхъ чиновникахъ. Изъ именъ начинающихся съ Κλεο вѣроятнѣе всего здѣсь Κλεοφῶν, котораго находимъ на надписяхъ весьма часто. См. выше. Съ подобнымъ-же сокращеніемъ, какъ на этой ручкѣ, съ начальной буквой перваго имени, помѣщена надпись у Бекк. Зап. О. VII, 24, гдѣ онъ предполагаетъ имя Χαρο(νεύς) или Χαρώνδης.

71.

Χοῖρος
Θασίον
('Α)ρί(στω)ν

Имя Χοῖρος на θазосскихъ надписяхъ между архонтами Бёкъ C. 1. II, 2161.

72.

Χοῖρο(ς)
Μείω(ν)
Θασίον

Такъ какъ на θазосскихъ штемпеляхъ бываютъ обыкновенно два имени, то и здѣсь слѣдуетъ предположить имя Μείων, образованное изъ сравнительной степени прилагательнаго μικρός.

II. Надписи на ручкахъ и горлахъ амфоръ родосскихъ.

1. ΓΑΝΑΜΟ	Πανάμο(υ)
ΔΓΑΘΟΚ	Ἀγαθοκ(λεῦς)

Имя часто встрѣчается на родосскихъ ручкахъ и съ другими мѣсяцами Бекк. Зап. О. VII, с. 4.

2. . ΑΡ. . . .	Ἀρταμιτίου
. ΓΑΘΟΚΛΕ	(Ἀ)γαθοκλε(ῦς)

Такая-же у Бекк. Зап. О. VII, 4.

3. . . . ΟΦΟΡ	(Θεσμ)οφορ(ίου)
. . . ΟΚΛΕ	(Ἀγαθ)οκλε(ῦς)
4. ΑΓΑΘΟΚΛΕΟΥ	Ἀγαθοκλέου(ς)
ΕΠΙΑΓΕΜΑΧΟΥ	Ἐπὶ Ἀγεμάχου.

Надпись вокругъ гранатнаго цвѣта. У Бекк. Ἐπ᾽ἱερέως Ἀγεμάχου съ мѣсяцемъ Θεσμοφορίου и другая съ Δαλίου. Имя часто на родосскихъ. Бекк. Зап. О. V, 19.

5. ΑΓΑΘΟΚΛΕ . Σ	Ἀγαθοκλεῦς.

Названіе мѣсяца было вѣроятно на другой ручкѣ.

6. ΓΑΝΑΜΟΥ	Πανάμου
ΑΓΗΣΙΛΑ	Ἀγησίλα.

См. слѣдующую надпись.

7. ΑΓ ΑΣ	Ἀγασίλα

VI

Печать оттиснута на горлѣ. Горшечника съ этимъ именемъ находимъ на двухъ родосскихъ у Бекк. съ разницей Ἀγησίλα, Üb. e. dr. S. c. 5. Имя принадлежитъ къ числу именъ съ окончаніемъ λας, сокращеннымъ изъ λαος, частыхъ въ Родосѣ, Αἰμοσίλας Ἀρχεσίλας, Ἁρμοσίλας, Ἀρχίλας и Ἀρχέλας, Φαινίλας, приведенныхъ Бекк. Üb. e. dr. S. Такое же Προτεσίλας, Χαρίλας и ниже Ἀριστόλας. Ἀρχέλα съ двухъ сторонъ на горлѣ цѣльной амфоры въ нашемъ музеѣ.

8. ΑΓΑΣ — Ἀγασ(ίλας)

На другомъ горлѣ, хотя можно сомнѣваться, было ли здѣсь возстановленное мною имя, находя у Ксенофонта имя стимфалійца Ἀγασίας. Exped. C. III, 1, 2, IV, 1, 27.

9. ΑΓoΡΑΝΑΚΤ
ΑΡΤΑΜΙΤΙΟΥ — Ἀγοράνακτ(ος)
Ἀρταμιτίου.

Двѣ у Бекк. съ Πανάμου и Δαλίου изъ Ольвіи и такія-же у Фр. изъ Александріи. Бекк. Зап. О. VI, 5. Фр. С. 1. III, p. 5.

10. ΕΓΙΑΙΝΗΣΙ
ΔΑΜΟΥ
ΑΡΤΑΜΙΤΙΟΥ — Ἐπὶ Αἰνησιδά
μου Ἀρταμι-
τίου

Надпись вокругъ гранатнаго цвѣта. Фр. С. 1. IV. Стеф. Mél. II, c. 16.

11. ... ΧΙ
... ΝΘΙΟΥ — (Ἐπὶ) Αἰσχίνα,
Ὑακινθίου

Двѣ у Фр. съ Ἐπὶ Αἰσχίνα c. 1. IV, f. IV и нѣсколько найденныхъ въ Сициліи. III, f. 4.

12. ΕΓΙΑΛΕΞΙ
ΔΑ
ΦΕΣΜΟΦΟΡΙΟΥ — Ἐπὶ Ἀλεξί
δα
Θεσμοφορίου

13. ΑΛΕΞΙ
ΜΑΧΟΥ — Ἀλεξιμάχου

У Франца IV № 5377, 5508, 5751 съ мѣсяцами Ἀγριανίου и Βαδρομίου.

14. ΕΓΙΑΝΔΡΟΝΙΚΟΥ
ΜΙΟΥ — Ἐπὶ Ἀνδρονίκου
(Βαδρο)μίου

15. . . ΙΑΝ — Ἐπὶ Ἀνδρονίκ(ου)

Въ треугольникѣ
бокалъ.

16 ΑΝΤΙΜΑΧ
ΥΟ (такъ) — Ἀντιμάχου

Подъ именемъ горизонтально лежащій кадуцей, знакъ этого горшечника. Дюмонтъ, сравнивъ шесть подобныхъ ручекъ, найденныхъ въ Аѳинахъ, признаетъ ихъ родосскими. Съ нимъ соглашается Бекк., считая штемпель дополненіемъ къ другому, на которомъ находились имена мѣсяца и чиновника. Ueb. e. dr. S. c. 45 Стеф. Antiq. du Bosph. Cim. 1, № 42.

17. ΑΝΤΙΜΑΧΟΥ Ἀντιμάχου

Другой экземпляръ съ тѣмъ-же именемъ.

18. ΑΝΤΙΜΑΧΟΥ эмблема кадуцей. Ἀντιμάχου

19. ΝΟΔΑΜΟ Ἀπολλόδωρος ἐφ' Αἰνοδάμο(υ).

ΙΑΦΕΞΟΦΩ

ΑΠΟΛΛΟΔ

20. ΕΠΙΑΡΑ Ἐπὶ Ἀρατοφάνου
ΤΟΦΑΝΟΥ Σμιν(θίου)
. ΣΜΙΝ

У Франца III с. 7, № 87, 88 Ἀρατοφάνευς; на родосс. часто Стеф. Antiq. t. II, inscr. LXXIX № 3—5. Имена на φάνης съ родит. φάνου у Бекк. Üb. e. dr. S. c. 93. Αντιφάνου, Εὐφάνου Θεοφάνου. См. слѣд. ручку.

21. ... ΤΟ (Ἐπὶ Ἀρα)το
... ΦΑΝΕΥΣ φάνευς

22.

Ἐπὶ Ἀριστείδα.

23. ..... ΟΥ .... ου
Α..... Α Ἐπὶ Ἀριστείδα
ΑΡΤΑ.. ΤΙΟΥ Ἀρταμιτίου

У Бекк. Ἐπ' ἱερέως Ἀριστείδα Üb. e. dr. S. c. 9, безъ эмблемы; съ Ἀγριανίου и головой солнца Зап. О. XI, 52; съ Πανάμου Фр. С. 1. 5916 Бекк. Mél. gr. rom. t. 1, 422.

24. ΑΡΙΣΤΙ ΓΓΟΠΑ — Ἀριστίππο(υ) (Πα)νάμου?

На горлѣ см. слѣд. №.

25. ΑΡΙΣΤΙΓΓοC ΕΠΙΑΡΙΣΤΩΝΟ — Ἀρίστιππος Ἐπὶ Ἀρίστωνο(ς)

Въ Одесскомъ Вѣстникѣ за 1827 г. № 25 читаемъ, что при домѣ Боффо, въ Театральномъ переулкѣ, были открыты гробницы, остатки амфоръ, большая амфора, чашка съ двумя ушками, покрытая чернымъ лакомъ и горло амфоры съ Ἀρίστιππος; также на горлѣ это имя у Стеф. О. А. К. 1869 с. 214. Дюм. помѣстилъ ручку съ Ἀρίστιππος между родосскими. Противъ этого замѣчаетъ Бекк. что на родосскихъ не встрѣчается это имя и сложныя съ ἵππος рѣдки и только три извѣстны, оттого слѣдовало причислить ручку къ ручкамъ неизвѣстной мѣстности, хотя онъ же самъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что имя Ἀρίστων носятъ часто чиновники родосскіе и что по этой причинѣ Францъ помѣщаетъ горшечниковъ съ этимъ именемъ между родосскими, Üb. e. dr. S. c. 22 см. ниже № 30. Ср. Зап. О. т. XV с. 49.

26.

Ἐπὶ Ἀριστοκλε(ῦς)

27.

Ἐπὶ Ἀριστόλα

Ἀριστόλας лакедемонецъ Бёкъ С. I. 1452; Paus. VI, 17.

28. ΕΓΙΑΡΙΣ ΤΟΜΑΧΟΥ ΑΡΤΑΜΙΤΙΟΥ — Ἐπὶ Ἀριστομάχου Ἀρταμιτίου

Такая же у Фр. С. 1. III, 5479. Три съ этимъ именемъ у Бекк. съ Θεσμοφορίου и Σμινθίου, изъ Ольвіи Mél. gr. rom. 1, 423.

29. ΕΠΙΑΡΙ — Ἐπὶ Ἀρισ
ΤΟΜΑ — τομά(χου)
Υ — Ὑ(ακινθίου)

У Фр. нѣсколько съ другими мѣсяцами. Фр. С. 1. IV, 1 IV.

30. ΕΠΙΑΡΙΣΤΟΜΑΧΟΥ — Вокругъ гран. цвѣта. — Ἐπὶ Ἀριστομάχου
ΔΑΛΙΟΥ — Δαλίου
31. ΑΡΙΣΤΩΝΟ — Ἀ)ρίστωνο(ς)

Ἀρίστωνος Ἀρταμιτίου и съ друг. мѣс. у Фр. С. 1, gr. III c. VIII № 138—142, Дюм. p. 86 № 71.

32. .... ΟΥ — (Δαλί)ου
ΑΡΤΕΜΩ — Ἀρτέμω(ν)

33. ΑΡΧΙΔΑΜΟΥ Вокр. гран. цвѣта. Ἀρχιδάμου.

34. ΕΠΙΑΡΧΟΚ — Ἐπὶ Ἀρχοκ
ΡΑΤΕΥΣ — ράτευς
ΒΑΔΡΟΜΙΟΥ — Βαδρομίου.

У Бекк. съ Πανάμου и Ὑακινθίου Mél. gr. rom. 1, 424.

35. ΕΠΙΑΡΧΟ — Вокругъ гран. цвѣта. — Ἐπὶ Ἀρχο
ΚΡΑΤΕΥΣ — κράτευς

3 у Фр. съ именами мѣсяцевъ С. 1. IV, IV.

36. ΕΠΙΑΥ.Ο — Ἐπὶ Αὐτο
ΚΡΑΤΕΥΣ — κράτευς
ΚΑΡΝΕΙΟΥ — Καρνείου

Имя частое на родосскихъ ручкахъ показано у Бекк. Зап. О., т. VII, с. 9. Съ мѣс. Δάλιος изъ Керчи. Üb. e. dr. S. c. 10.

37. ΒΡΟΜΙΟΥ — Βρομίου

Двѣ ручки у Бекк. Зап. О. XI, с. 15. У него-же тамъ-же ссылка на Генцена Bull. 1865 c. 55 и Кейля у Бензелера.

38. ΕΓΙΓΟΡΓ — Ἐπὶ Γόργ(ω)
ΝΟΣ — νος
ΥΛΥΧΟΛ — Ὑοκλάδου

У Бекк. Ἐπὶ ἱερέως Γόργωνος съ мѣсяцами Καρνεῖος и Ὑακίνθιος. Üb. e. dr. S. c. 10. Имя Ὑόκλαδος изъ ὗς и κλάδος, не встрѣчалось.

39. . ΑΜΑΤΡΙΟ — (Δ)αματρίο(υ)
ΛΟΣΣΟ — Μολοσσο(ῦ)

Надпись на горлѣ. Первое имя встрѣчается съ гранат. цвѣтомъ Бекк. Üb. e. dr. S. C. 11 и ниже № 74, въ обоихъ мѣстахъ горшечника. Μολοσσός—имя весьма древнее, позаимствованное отъ народа ѳракійскаго Μολοσσοί, встрѣчается часто и его находимъ на монетахъ Милета. Здѣсь оно личное.

40. . ΑΜ
ΟΚ
ϽΗΝ — Δαμοκλῆς.

Штемпель горшечника, жившаго, судя по буквѣ С, въ I или II в. по Р. Х., но былъ и чиновникъ этого имени, какъ доказываетъ штемпель Ἐπὶ Δαμοκλεῦς съ эмблемой головой солнца Бекк. Mél. gr. rom. 1, c. 425.

41. ΕΓΙΔΑ — Ἐπὶ Δα(μοκλεῦς)

Надпись шла вокругъ гранатнаго цвѣта. Три у Бекк. съ той-же эмблемой; у Фр. съ Ὑακινθίου, C. 1, III, VIII.

42. ΔΑΜ
ΟΚΡΑ
ΤΗΣ — Δαμοκράτης

Имя горшечника. У Бекк. Δαμοκράτευς съ гранат. цвѣтомъ двѣ ручки Зап. О. VII, 10 и прежде описанныя четыре съ тѣмъ-же цвѣтомъ, также съ род. падежомъ Mél. gr. rom. 1, 425. Всѣ ручки изъ Ольвіи.

43. ЕΓΙ . . . . КР Ἐπὶ Δαμοκρ
АТ Σ άτευς
ВΑΔΡΟΜΙΟΥ

См. предыдущую ручку. Здѣсь конечно имя чиновника.

44. ΔΑΜοΚΡΑΤΕΥΣ Вокругъ гранат. цвѣта. Δαμοκράτευς.

45. Такая-же какъ предыдущая.

46. ΑΡΤΕΜΙΤΙοΥ Ἀρτ(α)μιτίου
ΔΑΜΟΝΙΚοΥ Δαμονίκου.

Артемитίου и на надписи у Фр. С. 1, III, fasc. IV.

47. ΘΕΣΜ Θεσμο(φορίου)
ΔΑΜΟΝΙΚΟΣ Δαμόνικος
ΔΩΡΙΩΝΟΣ Δωρίωνος

Звѣздочка въ четырехъ углахъ на штемпелѣ, по Дюмонту, знакъ родосскій, по Бекк. знакъ личный горшечника. Ūb, e. dr. S. 51, раньше однакожъ онъ считалъ его родосскимъ. Зап. О. VII, 28.

48. ΕΓΙΕ . . . ΟΥ Вокругъ гран. цвѣта. Ἐπὶ Εὐδάμου
ΓΑΝΑΜΟΥ Πανάμου.

3 у Фр. С. 1, IV, praef. Бекк. Зап. О. VII, 10.

49. ΕΓΙΕΥΔΑΜ Ἐπὶ Εὐδάμ
ΟΥ ου
ΠΑΝΑΜΟΥ Πανάμου

У Бекк. съ Ὑακινθίου, Δαλίου, Θεσμοφορίου. Mél. gr. rom. 1, 425.

50. ΕΓΙΕΥ Ἐπὶ Εὐ
ΚΛΕΥΣ κλεῦς

Такая-же на ручкѣ изъ Керчи у Фр. С. 1, IV. Посуда, судя по матеріалу, вѣроятно, родосская. Имя три раза на ручкахъ съ ἀστυνόμου, но тамъ имя горшечника. Бекк. Mél. gr. rom. 1, с. 487, 488.

51. ΕΥ . ΛΕΙΩΝ Между стро- Εὐκλείων
ΕΠΙΑΝΔΡΟ ками дерево Ἐπὶ Ἀνδρονίκου

Надпись на горлѣ. Такая-же на горлѣ цѣльной амфоры въ нашемъ музеѣ, съ Ἀνδρονι. См. выше это имя съ Βαδρομίου.

52. . ΥΡΥΔΑΜΟΥ Вокругъ гран. цвѣта. (Ε)ὑρυδάμου.
53. ΕΥΡΥΔ Εὐρυδάμο(υ)
ΑΜΟ

На черепкѣ. Подобная на горлѣ у Бекк. изъ Ольвіи. Зап. О. V, 30.

54. ΕΥΡΥΔ Εὐρυδ
ΑΜΟΔΙΟ ἀμο(υ)Διο(σθύου)

На черепкѣ. Посуда очевидно родосская.

55. ΕΥΡΥΔ Εὐρυ
ΑΜΟΛΥ δάμο(υ)Λυ

На черепкѣ.

56. ΗΝΩΧΟΣ Ἥνωχος

Имя не встрѣчалось и, кажется, возникло здѣсь вслѣдствіе ошибки мастера, дѣлавшаго штемпель, прочитавшаго такъ имя Ἡνίοχος, которое имѣемъ на ручкѣ книдосской Бекк. Зап. О. V, 25. О народѣ кавказскомъ Ἡνιόχων см. Страб. кн. XI, гл. 2.

57. ΗΡΑΚΛΕΙΔΑ Ἡρακλείδα
ΕΠΙΜΑΤΡοΔ Ἐπὶ Ματροδώ
ρου

Хотя нѣтъ на штемпелѣ ни эмблемы, ни мѣсяца, но судя по множеству найденныхъ въ Θеодосіи родосскихъ ручекъ, и эта кажется родосская.

58. ΘΕΟΞΕΝ Θεοξέν(ευς)
ΥΑ . . . Θ Ὑα(κιν)θ(ίου)

Надпись на горлѣ, обратная. См. слѣдующую.

59. ΘΕΟΞ Θεοξέ
ΕΝΟΦΙ νου Φι

Надпись на горлѣ. Θεοξένου какъ бываетъ часто род. над. кончающихся на νης.

60. ΕΓΙΘΕ.ΤΟΡ Ἐπὶ Θέστορ(ος)
ΔΙΟΣΘΥ Διοσθό(ου)

У Бекк. съ Καρνείου и другая съ головой солнца Mél. gr. rom. т. 1, 426. Зап. т. XI с. 17; съ Διοσθόου Зап. т. VII, с. 11.

61. ΕΓΙΘΕΣΤΟΡΟΣ Ἐπὶ Θέστορος
ΑΡΤΑΜΙΤΙΟΥ Ἀρταμιτίου

У Фр. съ другими мѣсяцами и съ головой солнца.

62. ΘΕ..ΩΡΟΣ Θεύδωρος
ΚΑΡΝΕΙΟΥ Καρνείου.

63. ΑΓΠΑΝ Ἀγριανίου
Восьмилуч. звѣзда.
ΙΕΡΟΚ Ἱερο(λεῦς)

Ἱεροκλῆς на монетахъ родосскихъ и звѣзда какъ эмблема на ручкахъ и черепицахъ.

64. ΙΕΡΩΝΟΣ Ἱέρωνος

Нѣсколько съ этимъ именемъ у Фр. С. 1, III, 255. Три у Бекк. съ именами мѣсяцевъ и одна съ головою солнца и съ επὶ Mél. gr. rom. 1, 426.

65. . . . ΚΡΑΤ Вокругъ гран. цвѣта Ἱπποκράτ(ευς)

Имя встрѣчается между родосскими горшечниками. См. Зап. О. XI с. 16.

66. . . . Вѣнокъ изъ розъ (Ἱππο)κράτευς
. . . ΚΡΑΤΕΥΣ

67. ΙΠΠΓ . . . . Ἱππ(οκράτευς)

68. ΕΠΙΚΑ
ΛΛΙΚΡΑ Голова солнца. Ἐπὶ Καλλικρά(τευς)

У Бекк. съ разными мѣсяцами и одна съ головой солнца; всѣ изъ Ольвіи. Mél. gr. rom. 1, c. 427.

69. ΚΛΕΙΣΙΜΒΡο ΤΙΔΑΥΑΚΙΝΘΙΟΣ — Вокругъ гран. цвѣта. (Ἐπὶ) Κλεισιμβροτίδα Ὑακίνθιος

70. ΕΓΙΚΛΕΥΚΡΑ ΤΕΥΣ ΓΑΝΑΜΟΥ — Ἐπὶ Κλευκρά τευς Πανάμου

Нѣсколько у Фр. C. 1, III, IV, praef.

71. ΕΓΙΚΛΕ ... Α ... ΑΓΡΙΑΝΙΟΥ — Вокругъ гран. цвѣта. Ἐπὶ Κλε(υκρ)ά(τευς) Ἀγριανίου.

72. ΕΓ . . ΛΕΥ ΘΕΣΜΟΦΟΡΙΟΥ — Вокругъ гран. цвѣта. Ἐπ(ὶ Κ)λευ(κράτευς) Θεσμοφορίου

73. ΚΛΕΩΝΥ.ΟΥ — Вокр. гран. цвѣта. (Ἐπὶ) Κλεωνόμου

Съ головой солнца у Фр. C. 1, IV, praef.

74.

На горлѣ. Ἐπὶ Κό(δα) Δαμάτριο(ς)

Кóδας на надписяхъ C. 1, gr. II 3655 IV, 7857, 8355. Отдѣльная надпись Δαματριο съ balaustium, горшечника у Бекк. Üb. e. dr. S. c. 11. См. выше это имя.

75. Ε . . . . ΣΙΚΛΕΥΣ ΣΜΙΝΘΙΟΥ — Ἐ(πὶ Λυ)σικλεῦς Σμινθίου

76. ΜΑΡΣΥΑ ΚΑΡΝΕΙΟΥ — Μαρσύα Καρνείου

Фр. C. I, III p. XI, 217—227.

77. ΜΑΡΣΥΑ ΓΑΝΑΜΟΥ — Μαρσύα Πανάμου

78. ΥΑΚΙΝΘΙΟΥ Ὑακινθίου,
ΜΑΡΣΥΑ Μαρσύα

ΕΠ . ΜΕΓΩΝ. ΣΦΙ Ἐπὶ Μέγωνος Φι.

Имя Μέγων встрѣчалось выше на θазосскихъ. См. слѣдующ. надпись.

80. . . ΩΝΟΣ Ἐπ(ὶ Μέγ)ωνος
ΔΑΛΙΟΥ Δαλίου

Послѣ первой буквы видны слѣды буквы Е.

81. ΜΝΑΣΙΜΑΧΟΥ Μνασιμάχου

Находя имя на родосскихъ монетахъ, можно приписать посуду Родосу. Имя очевидно горшечника.

82. ΕΠΙΝΙΚΑΣΑ Ἐπὶ Νικασα
ΓΟΡΑ γόρα
ΑΓΡΙΑΝΙΟΥ Ἀγριανίου.

83. ΝΙΚΑΣ. . . . ΛΟΣ Вокругъ гран. Νικασ(ίβου)λος

У Фр. съ ἐπὶ № 5526. Встрѣчается и на книдосскихъ. Фр. IV, IV.

84. ΕΠΙΖΕΝΟΣΤΡΑΤΟΥ Ἐπὶ Ξενοστράτου.

Надпись вокругъ восьмилучной звѣзды.

85. ΕΠΙΞΕΝΟ Ἐπὶ Ξενο
ΣΤΡΑΤΟΥ στρατου.

Надпись безъ эмблемы. Посуда, вѣроятно, другаго позднѣйшаго горшечника.

86. ΕΠΙ ΞΕΝΟ Ἐπὶ Ξενο
ΦΑΝΕΥΣ φάνευς.

Съ правой стороны восьмилучная звѣзда. Такая-же ручка съ мѣсяцемъ Σμινθίου и другая со звѣздой изъ Ольвіи у Бекк. Зап. O. V, 23.

27. (Ἐπὶ Ξ)ενοφάν(ευς)

Эмблему трудно опредѣлить. Изображеніе походитъ на ожерелье изъ бусъ. О родосскомъ имени Ξενοφάνης см. Бекк. Üb. e. dr. S., с. 16. Обломокъ одной изъ древнѣйшихъ амфоръ, найденныхъ въ Ѳеодосіи, принадлежащихъ, судя по формѣ буквъ и по обратному письму, пятому столѣтію.

88. ΕΠΙΞΕ Ἐπὶ Ξε...
ΕΠΙΓΟ Ἐπιγό(νου)

Надпись на двухъ половинахъ клейма, изображающаго плющевой листъ. Первое имя было, кажется, одно изъ находящихся выше Ξενόστρατος и Ξενοφάνης или Ξενότιμος, которые находимъ у Бекк. Зап. О. VII, 13; второе у Фр. C. I. III fasc. IV, 5749. См. также слѣдующее имя.

89. ΕΠΙΞΕΝΟ Ἐπὶ Ξενοφάντου.
ΦΑΝΤΟΥ

Подобныя надписи съ родосскими эмблемами и именами мѣсяцевъ см. у Бекк. Зап. О. V, 23, VII, 13, 14, XI, 18. Üb. e. dr. S. с. 16.

90. ΠΑΥΣΑΝΙΑ Παυσανία

Описавъ четыре ручки съ этимъ именемъ съ ἐπὶ и съ именами родосскихъ мѣсяцевъ, Беккеръ готовъ считать эту надпись родосской. Mél. gr. rom. 1, 429. Зап. О. VII, 20, можно однакожъ при этомъ замѣтить, что горшечниковъ съ этимъ именемъ находимъ и въ Ѳазосѣ.

91. ΕΠΙ..ΙΣΙ Ἐπὶ (Πε)ισι
Σ...ΤΟΥ σ(τρά)του
ΘΕΣ....ΡΙΟ Θεσ(μοφο)ρίου

У Уварова (35) на ручкѣ изъ Ольвіи съ Σμινθίου, у Фр. съ Δαλίου № 5751; у него-же нѣсколько родосскихъ ручекъ съ этимъ именемъ изъ Сициліи и Александріи.

92. ЕГІГЕІСІ Надпись вокругъ Ἐπὶ Πεισιστράτου
ΣΡΑΤΟΥ гран. цвѣта.

93. ЕГІ ПЕІСІСТРАТОΥ Вокругъ Ἐπὶ Πεισιστράτου
ІРАΝІОΥ (Такъ) гранат. Ἀγριανίου
цвѣта.

94. ЕГІГ Ἐπὶ Π(υθο)
ΔΩР δώρ(ου)
ΔΑΛΙΟΥ Δαλίου

Экземпляръ съ этимъ именемъ и мѣсяцемъ найденъ близъ Херсонеса. Зап. О. XI, с. 54; у Фр. 7 экземпляровъ и одинъ съ этимъ именемъ. С. 1, III, XII.

95. ..ΤΟΙ Σιόπ(ομπος)
ΥΘΙ Ὑακινθίου

Θεός въ нарѣчіи дорянъ Σιός и Σιόπομπος=Θεόπομπος Горшечникъ былъ, какъ видно, изъ Спарты, гдѣ имя было въ употребленіи, или изъ дорическихъ колоній.

96.

Ἐπὶ Σωδάμου
Καρνείου

Печати съ именемъ этого чиновника и эмблемами гранатнымъ цвѣтомъ или головой солнца показаны у Бекк. Üb. e. dr. S. c. 16.

97. ЕГ ... ІАМОΥ Ἐπὶ Σωδάμου
ГА .... Πα(νάμου).

Ручка съ этимъ мѣсяцемъ и надписью, оттиснутою кругообразно съ гранатнымъ цвѣтомъ по срединѣ, имѣлась уже въ музеѣ Общества.

98. ...Σ.ΔΑΡ
ΥΟΥ

Ἐπὶ Σωδάμου
(Διοσθ)όου.

У Бекк. съ этимъ мѣсяцемъ и гранатнымъ цвѣтомъ. Mél. gr. rom. 1, c. 431.

99. ΕΠΙΣΩΣΙ
ΚΛΕΥΣ
ΘΕΣΜΟΦΟΡΙΟΥ

Ἐπὶ Ζωσικλεῦς
Θεσμοφορίου

У Фр. съ розой и гранат. цвѣтомъ. C. 1, IV, F. 1.

100. ΕΠΙΕΡΕΩΣ
ΤΕΙΜΑΣΑΓΟ

Ἐπ' ἱερέως
Τειμασαγό(ρα)

Эмблема съ правой стороны—шестилучная звѣзда. У Бекк. съ мѣсяцами Δαλίου Θεσμοφορίου и Πανάμου, съ гранатнымъ цвѣтомъ и головой солнца, всѣ изъ Ольвіи. Üb. e. dr. S. c. 16, Mél. gr. rom. 1, 431; у Фр. съ Ἀργιανίου.

101. .....Α
ΣΑ.....
ΣΜΙ.ΘΙΟΥ

Ἐπὶ Τιμα
σαγόρα
Σμινθίου

У Фр. три найденныя въ Сициліи съ Ἀγριανίου.

102. ΕΠΙΤΙΜΟΥΡΡΟΔΟΥ
ΑΡΤΑΜΙΤΙΟΥ

Ἐπὶ Τιμουῤῥόδου
Ἀρταμιτίου

103. ΕΠΙΤΙΜΟΥΡ
ΡΟΔΟΥ ΥΑ
ΚΙΝ..ΟΥ

Ἐπὶ Τιμουῤ
ῥόδου, Ὑα
κινθίου.

104. ΕΠΙΤΙΜΟΡΟ
ΔΟΥ ΥΑΚΙΝΘΙ
ΟΥ

Ἐπὶ Τιμορό-
δου Ὑακινθί
ου

Надпись свидѣтельствуетъ о древности амфоры. У Фр. имѣемъ нѣсколько, какъ выше съ Τιμουῤῥόδου и ἐπ' ἱερέως Τιμουῤῥόδου съ разными мѣсяцами изъ Сициліи и Александріи. C. 1, III, XII.

105. ΦΙΛΑΙΝΙΟ Φιλαινίου.

У Фр. съ Πανάμου C. 1, III, II № 5669, 5674 и съ Ἀγριανίου тамъ-же Praef.; у Бекк. Зап. О. VII, с. 28.

106. ΦΙΛΑΙΝ. Φιλαινίου.

107. ΧΑΡΗΤΟΣ Χάρητος
ΣΜΙΝΘΙΟΣ Σμίνθιος

Бекк. приводитъ три ручки съ этимъ именемъ изъ Керчи, Танаиса и Аѳинъ. Üb. e. dr. S. c. 17. Названіе мѣсяца въ именит. падежѣ уже встрѣчалось. См. выше съ Κλεισιμβροτίδα и Бекк. Mél. gr. rom. 1, 421, гдѣ читаемъ Υακίνθιος, Зап. О. т. V, с. 22 Ἀγριάνιος, т. VII, с. 15 Πάναμος.

108. ΧΗΣΙΜΟΥ Χ(ρ)ησίμου.

Надпись вокругъ гранат. цвѣта. Имя Χήσιμος не встрѣчалось и должно быть исправлено, какъ ошибка рѣзчика штемпеля, на Χρήσιμος, которое находимъ съ гранатнымъ цвѣтомъ у Фр. C. 1, IV, fasc. 1.

Къ родосскимъ штемпелямъ я долженъ прибавить еще надпись на обломкѣ амфоры, уже извѣстную по двумъ экземплярамъ, описаннымъ мною въ протоколѣ 276 засѣданія Общества, принадлежащую очевидно тому-же самому горшечнику.

ΑΡΧ Ἀρχέλα
ΕΛΑ

О родосскихъ именахъ съ этимъ окончаніемъ см. выше № 6.

III. Надписи на ручкахъ книдосскихъ.

Судя по единственной ручкѣ, навѣрное книдосской, найденной до сихъ поръ въ Θеодосіи, сношенія книдосцевъ съ этимъ городомъ были весьма рѣдки, что слѣдуетъ сказать и о другихъ городахъ нашего прибрежья, въ которыхъ, какъ въ Пантикапеѣ и Никоніи, показано Беккеромъ по одной найденной ручкѣ и только 23 въ Ольвіи. Üb. e. dr. S. c. 51. Паросскихъ въ Θеодосіи не найдено, но ихъ и въ Ольвіи открыто только двѣ Бекк. Mél. gr. rom. 1, 437.

1. ΚΝΙΔΙΟΝ Κνιδίον
ΤΟΚΛΕ Ἀρισ)τοκλεῦς

Имя у Дюм. IV с. 162 № 128. Другія надписи, кажущіяся книдосскими помѣщены въ отдѣлѣ VI-мъ надписей неизвѣстныхъ мѣстностей.

IV. Надписи, начинающіяся словами ἀστυνόμου или ἀστυνομοῦντος, относящимися къ первому имени и принадлежащія сюда съ предлогомъ ἐπὶ съ прибавленнымъ или выпущеннымъ словомъ ἀστυνόμου.

1. ....ΝΟΜΟΥ (Ἀστυ)νόμου
.... ΧΙΝΟΥ (Αἰσ)χίνου,
.... ΝΙΟΥ (Νευμη)νίου.

Эмблема плющевый листъ и булава. Надпись Αἰσχίνου съ горшечникомъ Σωσία у Стеф. О. 1869 с. 207. У Бекк. на ручкѣ изъ Керчи тоже имя астинома Зап. О. VII, 50. Возстановляя имя Νευμηνίου, я имѣлъ въ виду число буквъ въ первой строкѣ. Νευμήνιος горшечникъ встрѣчается часто на ручкахъ съ ἀστυνόμου. Бекк. Зап. О. VII, 55. О формѣ Νευμηνίου. См. Зап. VII, 35. Астиномъ Эсхинъ на 4 ручкахъ Б. Зап. О. V, 35.

2. ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ Ἀστυνόμου
ΑΝΘΕΣΤΗΡΙΟΥ Ἀνθεστηρίου
ΤΟΥ ΝΟΥΜΗΝΙΟΥ τοῦ Νουμηνιου,
ΚΡΟΝΙΟΣ Κρόνιος

Первое имя у Стеф. О. А. К. 1867, 207 съ другимъ именемъ

горшечника и acrostolion. О формѣ Νουμήνιος см. Зап. О. VII, 35. Имя Κρόνιος на надписи IV вѣка до Р. Х., найденной въ горѣ Митридата въ Керчи, гдѣ онъ названъ сыномъ Посидонія и уроженцемъ города Кромнъ въ Пафлагоніи. См. Лат. I, II, № 291.

3. ΑΣΤΥΝοΜοΥ		Αστυνόμου
ΑΠοΛΛοΔΩΡοΥ		Ἀπολλοδώρου
ΓΑ		Πα...

Можетъ быть Παταίκου Бекк. Mél. gr. rom. 1, 495 или Πασιχάρους Зап. О. VII, 60, 61, гдѣ Пасихаръ скорѣе горшечникъ, чѣмъ астиномъ.

4. ΕΠΙΑΠοΛΛο	Орелъ	Ἐπὶ Απολλο(δώρου)
ΑΣΤΥ	на	ἀστυνόμου
ΑΡΧΕΠΤο	дельфинѣ.	Ἀρχεπτόλιος

Аполлодоръ астиномъ и на другой ручкѣ съ орломъ изъ Керчи Стеф. О. 1860, с. 142. На клеймахъ съ этимъ астиномомъ всегда эта эмблема. См. ниже IV, №№ 22, 23. На надписяхъ съ ἐπὶ титулъ ἀστυνόμου иногда прибавляется, но чаще онъ выпущенъ Зап. О. V, 45. 51. Mél. 1, 494. См. ниже. Горшечникъ Αρχέπτολις ниже № 16.

5. ΤΥΝοΜοΥΝΤοΣ		(Ἀσ)τυνομοῦντος
ΑΠοΛΛΩΝΙΔοΥΤοΥ		Ἀπολλωνίδου τοῦ
ΠοΣΕΙΔΩΝΙοΥ		Ποσειδωνίου
ΑΓΑΘΩΝ	Гроздъ.	Ἀγάθων.

Нельзя не привести здѣсь штемпеля, приписываемаго Беккеромъ Ольвіи, подобно другимъ съ ἀστυνόμου, на которомъ читаемъ Ἴστρωνος τοῦ Ἀπολλωνίδα ἀστυνομεῦντος Mél. gr. rom. 1, с. 491, гдѣ его мнѣнію противорѣчитъ явное различіе нарѣчій, замѣчаемое и въ нѣкоторыхъ другихъ штемпеляхъ, не мыслимое въ Ольвіи, и недозволяетъ намъ согласиться съ нимъ и въ томъ, чтобы имя Ἴστραν, какъ производное отъ рѣки Ἴστρος, указывало непремѣнно на близлежащую Ольвію. Бекк. Mél. 1, с. 509 слѣд. Зап. О. V, 60, VII, 78. Ручки съ астиномомъ Аполлонидомъ, открытыя въ окрестностяхъ Херсониса (Зап. О. XV, 43) и Херсонисскія монеты съ этимъ именемъ даютъ намъ ка-

жется больше права считать Херсонисъ мѣстомъ, гдѣ приготовлялась подобная посуда съ дорическими формами именъ, тогда какъ посуда съ іоническими получалась, какъ я старался доказать выше, главнымъ образомъ, изъ Синопы. См. Предисловіе. Горшечникъ Ἀγάθων при астиномѣ Клиніѣ съ эмблемой головой Пана у Стеф. О. А. К. 1860 с. 144, Бекк. Зап. О. V, 38. На ручкахъ съ ἀστυνόμου часто См. II, № 1.

6.	ΑΣΤΥΝΟΜΟΥΝΤΟΣ	Ἀστυνομοῦντος
	ΑΠΟΛΛΟΝΙΔΟΥΤΟΥ	Ἀπολλ(ω)νίδου τοῦ
	ΠΟΣΕΙΔΩΝΙΟΥ	Ποσειδωνίου
	ΦΙΛΗΜΩΝ	Φιλήμων

Филимонъ горшечникъ на трехъ ручкахъ у Бекк. Mél. gr. rom. 1, 484, 488, также Üb. e. dr. S. 28.

7.	ΟΥ		(Ἀστυνόμ)ου
	ΙΔΟΥ	Діана Ефезская съ пальмовою вѣтвію.	(Ἀπολλων)ίδου
	...ΕΚΑΤΑΙΟΥ		(τοῦ) Ἑκαταίου
	...ΟΛΛΩΝΙΟΣ		(Απ)ολλώνιος

Горшечникъ съ этимъ именемъ Б. Зап. О. V, 32.

8.	....ΝΟ..	Ἀστυνόμου
	..ΟΛ..ΝΙΔ..	Ἀπολλωνίδου

9.	...ΑΡΙΣ	(Ἐπὶ) Ἀρισ
	...ΑΧΟΥ	(τομ)άχου,
	...ΑΝΙΣ	(Πρύτ)ανις

Эмблема отбита.

10.	ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ	Голова юноши влѣво.	Ἀστυνόμου
	ΑΤΤΑΛΟΥ		Ἀττάλου
	ΦΙΛΟΚΡΑΤΟΥ		Φιλοκράτου

Тоже окончаніе родительнаго имѣемъ ниже № 46 и въ другихъ именахъ. Подобныя двѣ ручки изъ Керчи у Бекк. Üb. e. dr. S. с. 25. О имени Ἄτταλος см. Предисловіе.

11.	ΑΣΤΥΝοΜοΥ		Ἀστυνόμου
	ΒοΙΥοΣ ΤοΥ	Идущій	Βόρυος τοῦ
	ΖΕΥΞΙοΣ	Гермесъ.	Ζεύξιος

Такая-же у Стеф. изъ Керчи съ Diana taedifera и въ четвертой строкѣ Γο Mél. c. 212. У Бекк. тотъ-же астиномъ съ горшечникомъ Ἄστυλος и Ceres taedifera изъ Ольвіи Üb. e. dr. S. 26. Другой Βόρυς τοῦ Ἑστιαίου у Бекк. Mél. t. 1, c. 484. Ἀστυνομοῦντος Βόρυος съ головой солнца двѣ Зап. О. V, 34. Имя тоже на Херсонисской Зап. XV, 50. Сюда принадлежитъ Βορίσκος на Писидской н., у Фр. № 4366.

12.	ΑΣΤΥ	Голова профилемъ влѣво.	Αστυ(νόμου)
	ΔΗΜΗΤΡΙοΥ		Δημητρίου
	ΘΥΣ		Θῦς

Такая же съ подразумѣваемымъ ἀστυνόμου Бекк. Зап. О. VII, 63. При томъ-же астиномѣ Τεύθρας тамъ-же VII, 33, также пафлагонецъ. Подобная случайность была-бы удивительна въ Ольвіи, тогда какъ она очень естественна въ Синопѣ.

13.	.ΣΤΥΝοΜοΥ	Голова въ вѣнкѣ влѣво.	(Ἀ)στυνόμου
	.ΗΜΗΤΡΙοΥ		(Δ)ημητρίου
	.ΤΗΣΩΝ		Κτήσων

Ручка съ этими именами и эмблемой изъ Керчи у Стеф. Mél. p. 212. Другія эмблемы при имени этого горшечника у Бекк. Зап. О. V, 41. Астиномъ Димитрій ниже V, № 17, 21.

14.	ΑΣΤΥΝοΜοΥ		Ἀστυνόμου
	ΔΙοΝΥΣΙοΥ ΤοΥ	Идущая	Διονυσίου τοῦ
	ΑΓΗΜΑΝΤοΥ	Побѣда.	Ἀπημάντου
	ΦΙΛΗΜ		Φιλ(ή)μ(ων)

У Бекк. двѣ подобныя безъ имени горшечника Зап. О. VII с. 34. Горшечника Филимона имѣемъ выше № 6; съ Ἑστιαῖος Б. Mél. gr. rom., 1, 484.

15.	ΕΠΙΔΙοΝΥ	Ἐπὶ Διον(υσίου)
	ΠοΣΕΙΔΩ	Ποσειδωνίου

О Посидоніѣ см. IV, № 71 слѣд. астиномъ Діонисій IV, №№ 13, 14, 15.

16. ΔΙΟΝ / ΕΠΙΑΥΣΙΟ — На горлѣ амфоры. — Διονυσίου. Ἐπὶ Ἀ..

Тотъ-же горшечникъ при астиномѣ Βόρυς у Бекк. Зап. О. VII с. 34. Горшечникъ Діонисій при астиномѣ Поликторѣ Зап. VII, 42. На двухъ горлахъ имѣемъ ниже горшечника съ этимъ именемъ. Имя чиновника вѣроятно Ἀρίστων, хотя ниже также такъ называется горшечникъ.

17. ΞΥ ΕΙ / ΙΞΥΝΟΙΔ — На горлѣ. — Διονυσί(ου) Ἐπ(ὶ ος)

Другой штемпель того-же самаго горшечника, къ сожалѣнію, также безъ имени астинома.

18. ΕΠΙΕΝΔΗ / ΒΑΤΙΣΚΟΥ — Орелъ на дельфинѣ. — Ἐπὶ Ἐνδή(μου) Βατίσκου

Βατίσκος уменьш. отъ Βάτων. Ἔνδημος съ другими горшечниками у Бекк. Jahrb. Suppl. V, 478, 479; Х. А., №№ 8, 9, Зап. О. VII, 34, 35.

...ΝΔΗ / ...ΣΚΟ — Та-же эмблема. — (Ἐπὶ Ἐ)νδή(μου) (Βατί)σκο(υ)

Надпись на другой ручкѣ.

19. ΕΠΙΕΝΔΗ / ΑΙΟ — Та-же эмблема. — Ἐπὶ Ἐνδή(μου) (Ἴστι)αίο(υ)

На черепкѣ извѣстна отдѣльная надпись Ἰστιαιο очевидно горшечника какъ на этой ручкѣ. Зап. О. XI, 58. Ниже Ἰστιαίου ἐπὶ Ματ... Ср. ниже номера съ этимъ именемъ.

20. ΕΠΙΕΝΔΗ / ...ΧΕΠΤΟ — Та-же эмблема. — Ἐπὶ Ἐνδή(μου) (Ἀρ)χεπτόλιος

Ср. выше № 4, гдѣ Αρχέπτολις также горшечникъ.

21. ΕΠΙΕΝΔΗ / ΠΟΣΕΙΔΩ — Та-же эмблема. — Ἐπὶ Ἐνδή(μου) Ποσειδω(νίου)

22.	ΕΓΙΕΝΔΗ	Та-же эмблема.	Ἐπὶ Ἐνδή(μου)
	ΙΣΤΙΑΙΟ		Ἱστιαίο(υ)
23.	....NoMoΥ		(Ἀστυ)νόμου
	ΕΓ..ΗΜΟΥ		Ἐπ(ίδ)ήμου
	.Ε..ΙοΥ		.....

Двѣ ручки съ этимъ астиномомъ у Бекк. Зап. О. VII, с. 53, гдѣ онъ читаетъ неправильно ἐπὶ Δήμου.

24.	..ΤΥΝο	Гроздъ амфора.	(Ἀσ)τυνό(μου)
	...ΔΗΜοΥ		(Ἐπι)δήμου
	..ΛΛ		(Κα)λλ(ίου)

Имя горшечника въ третьей строкѣ См. VI, 42—44.

25.	..ΤΥΝο	Голова вправо.	(Ἀσ)τυνόμου
	...ΗΜοΥ		(Ἐπιδ)ήμου
	....NoMoΥΝ	Амфора.	(Ἀστὺ)νομοῦν(τ ος)
	.ΣΤΙΑΙοΥ		(Ἕ)στιαίου

Не пишу Ἱστιαίου потому что на ручкахъ съ этимъ астиномомъ всегда орелъ на дельфинѣ, тогда какъ на ручкахъ съ Ἑστιαίου амфора.

26.	..ΤΥΝοΜοΥ	Амфора.	(Ἀσ)τυνόμου
	..ΧΑΡΙΣΤοΥ		(Εὐ)χαρίστου
	..ΗΣΙΣ		Μνήσις

Астиномъ этого имени на ручкѣ изъ Ольвіи Бекк. Зап. О. V, 38. Εὐχάριστος на надписи изъ горы Митридата въ Керчи. Лат. Inscr. II, 57. Горшечникъ Μνῆσις на надписи изъ Керчи Стеф. О. 1867 с. 124.

27.	ΑΣΤΥΝοΜοΥ	Трофей.	Ἀστυνόμου
	ΖΗΝΙοΣΤοΥ		Ζήνιος τοῦ
	ΚΛΕΑΙΝΕΤ		Κλεαινέτ(ου)

Такая-же надпись на ручкѣ изъ Херсониса. Зап. О. т. XI с. 56. Ζῆνις с. Аполлодора на двухъ ручкахъ у Бекк. съ именемъ на одной горшечника Πρῶτος и signum incertum, который, по его описанію, представляетъ статую на высокомъ базисѣ или знакъ побѣды. Mél.

gr. rom. 1, c. 485. Зап. О. VII, 36. На нашей ручкѣ колонна обвѣшана доспѣхами, съ надѣтымъ на вершину ея шлемомъ. Κλεαίνετος горшечникъ у Бёка с. 1, II, № 2085 и у Стеф. О. А. К. 1869 с. 207, 209; на двухъ у Бекк. Зап. О. V, с. 38. См. ниже на ручкѣ

Κλεαίνετος
Νουμηνίου.

28. ΑΣΤΥΝΟΜΟΥΝΤΟΣ
ΘΕΥΔ—ΡΙΔΟΥ
ΧΟΙΡΥΛΟΥ

Голова профилемъ вправо.

Ἀστυνομοῦντος
Θευδωρίδου
Χοιρ(ί)λου

Первое имя имѣемъ ниже V, 34, которое Стефани возстановилъ неудачно на ручкѣ изъ Керчи, читая Εὐδωρίδου. Кажется на ней и таже самая эмблема—caput Satyri vel Panis. Стеф. Mél. с. 21, № 28. У Бекк. Зап. О. V, 51. Второе имя встрѣчается первый разъ.

29. . . . . (Ἀστυνο)
ΜΟΥΝΤΟΣ μοῦντος
ΘΥΟΣ Θυός

Θῦς имя пафлагонское (см. Предисловіе). Надпись дозволяетъ исправить Бекк., который на ручкѣ съ Μνησικλέους ἀστυνομοῦντος Θυός считаетъ перваго астиномомъ. Зап. О. VII, 60.

30. ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ
ΙΚΕΣΙΟΥ ΤΟΥ
ΣΙΜΙΟΥ

Гермесъ, стоящій облокотившись одной рукой на колонну, въ другой—рогъ изобилія.

Αστυνόμου
Ἰκεσίου τοῦ
Σιμίου

Знаемъ нѣсколько астиномовъ съ этимъ именемъ, но съ различнымъ отчествомъ: ὁ Ἀντιπάτρου, ὁ Ἐτεονίκου (см. мою статью въ Зап. О. т. XI с. 576), ὁ Σωσίου, ὁ Ἑστιαίου у Бекк. Mél. gr. rom. 1, 86. Зап. О. XI, 29 Σιμίας астиномъ V, № 51.

31. Α. ΤΥΝΟΜΟΥ
ΙΚΕΣΙΟΥ
ΣΩΤΗΡΙϽ

Ἀστυνόμου
Ἰκεσίου
Σωτηρικοῦ

Σωτηρικὸς Ποπλίου на танаисской Лат. Inscr. II, 447, 451.

32. ЕГІ КАЛАІА — Ἐπὶ Καλλία
ІΣТІЕІо — Ἰστι(α)ίου

На горлѣ. Первое имя принадлежитъ на двухъ ручкахъ ниже горшечнику. У Стеф. О. А. К. 1869 с. 211 первое имя съ επὶ. Это были, очевидно, различныя личности. Ἰοτιεῖος на ручкѣ, которую я считаю херсонисской V, № 30 и слѣд.

33. АΣТΥNоМоΥ — Ἀστυνόμου
КАЛЛІХоРоΥ ТоΥ — Καλλιχόρου τοῦ
ПРΩТАГоРоΥ — Πρωταγόρου
\АГНΣ — Μάγης

У Бекк. на ручкѣ съ этимъ именемъ эмблема бѣгущее животное, вѣроятно собака, какъ на предыдущей. Ср. имя Μάγας при Птолемеѣ Лагѣ Paus. Ἑλλ. Περιη. 1, 6, 7.

34. АΣТΥNоМоΥ — Ἀστυνόμου
КАЛЛІХоРоΥ ТоΥ — Καλλιχόρου τοῦ
ΓΡΩТАГоРоΥ — Πρωταγόρου
ΓΥΘΗΣ — Πύθης
Собака.

Эмблема принадлежитъ горшечнику, какъ видно изъ другаго штемпеля съ его именемъ при астиномѣ Θириклѣ Стеф. О. А. К. 1869 с. 208. Подобная ручка изъ Ольвіи съ Εὐκλῆς и другая изъ Аѳинъ безъ имени горшечника Бекк. Зап. О. VII, 37. Πύθης при астиномѣ Діонисіѣ Бекк. V, 57, и въ формѣ род. пад. Πύθεω Бекк. Mél. gr. rom. 1, 488. Πύθεος, έου на монетахъ Смирны, Πυθέας на ручкахъ изъ Керчи Стеф. О. 1867. 186.

35. АΣТΥNоМоΥ — Ἀστυνόμου
КΛЕІNІоΥ ТоΥ — Κλεινίου τοῦ
Е.АТАІоΥ — Ἑ(κ)αταίου
Женскій бюстъ.

На ручкѣ съ именемъ этого астинома горшечникъ Ἀγάθων и эмблема голова Пана у Стеф. О. А. К. 1860 р. 144.

36. АΣТΥNоМоΥ — Αστυνόμου
ΛЕΩМЕΔоNТоΣ — Λεωμέδοντος
ТоΥЕΡІΔНМоΥ — του Ἐπιδήμου
Всадникъ верхомъ.

37.	ΑΣΤΥΝο		Ἀστυνό(μου)
	ΜΝΗΣΙοΣΤοΥ	Побѣда.	Μνήσιος τοῦ
	ΦοΡΜΙΩΝοΣ		Φορμίωνος

38.	...ΥΝοΜοΥ		(Ἀσ)τυνόμου
	ΣΤΑΡΧΙΔ		(Πλει)σταρχίδου
	ΑΓΗΜΑ		(τοῦ) Απημάν(του)
	ΓΡΩΤοΣ		Πρῶτος

Эмблема сидящая фигура въ вѣнкѣ, съ копьемъ, поднятой рукой указываетъ на ἀστυνόμου. Этою надписью пополняется подобная другая, изданная Бекк, съ изгладившейся первой строкой, гдѣ онъ возстановляетъ ἀστυνομοῦντος и не знаетъ какъ возстановить оставшіяся двѣ буквы ος въ четвертой строкѣ. См. Бекк. Üb. e. dr. S. c. 29. Имъ-же издана другая надпись съ тѣмъ-же Плистархидомъ и горшечникомъ Σάγαρις. Supl. V. c. 485. Ср. Зап. О. VII, 41.

39.	. . . . . οΥ		Ἀστυνόμου
	. . .ΥΚΤοΡοΣ	Бородатая голова въ повязкѣ.	Πολύκτορος
	ΤοΥΔΗΜΗΤΡΙοΥ		Τοῦ Δημητρίου
	ΘΕοΔΩΡοΣ		Θεόδωρος

40.	ΑΣΤΥΝοΜοΥ		Ἀστυνόμου
	ΓοΛΥΚΤοΡοΣ	Бородатая голова впрямь въ Калатусѣ.	Πολύκτορος
	ΤοΥ ΔΗΜΗΤΡΙ		τοῦ Δημητρί
	^ΥΑΚοΡΝοΣ		ου Ἄκορνος

Имя горшечника еще не встрѣчалось, образованное, повидимому, изъ Ἄκορνα, «осота», называемаго иначе «чертополохомъ». У римлянъ Acorna, по описанію Плинія, genus cardui, colore rufo et succo pingui. Plin. 21, 16, 56. Если подписанная подъ буквою о перпендикулярная черта не случайность, то можетъ быть нужно читать Ἀκόρνιος и горшечникъ былъ римлянинъ.

41.	ΑΣΤ		Ἀστυνόμου
	ΓοΛ..ΤοΡοΣ		Πολύκτορος
	ΤοΥ ΔΗ...ΡΙοΥ		Τοῦ Δη(μητ)ρίου
	ΜΕ^ΑΝΔΡοΣ		Μένανδρος

Двѣ ручки съ именемъ и отчествомъ этого астинома съ гор-

шечниками Διονύσιος и Φιλήμων у Бекк. Зап. VII, 42, съ Κλεαίνετος Üb. e. dr. S. c. 29. Имя Μένανδρος не встрѣчалось. Ср. ниже VI, № 60.

42. ..ΤΥΝοΜοΥ (Ἀσ)υνόμου
..ΣΙΔΕΙοΥΤοΥ (Πο)σιδείου τοῦ
..ΑΙ ΙΩΝοΣ (Θεα)ρίωνος
ΔΩΡοΣ Δῶρος

Эмблема стоящая фигура, опирающаяся правой рукой на колонну. Три ручки съ этимъ именемъ у Бекк. Зап. VII, 42, изъ Керчи, съ отчествомъ Ἡφαιστοδώρου. Θεαρίων на трехъ ручкахъ, тамъ-же VII, 55.

43. ΑΣΤΥΝοΜ Голова женская профилемъ вправо. Ἀστυνόμ(ου)
ΓοΣΙοΣ ΤοΥ Πόσιος τοῦ
ΣΤΡΑΤοΝΙΚοΥ Στρατονίκου
ΜΙΛΤΙΑΔΗΣ Μιλτιάδης

Πόσιος съ τοῦ Ἀστίου изъ Ольв. у Бёка Add. Corr. 2085, съ горш. Ἀγάθων изъ Ольв. Бекк. Зап. V, 42, и на черепицѣ съ Μιλτιάδης V, 43.

44. .ΣΤΥΝ Голова Пана. (Ἀ)στυν(ομοῦντος)
.ΥΘΟΚΛΕΟΥΣ (Π)υθοκλέους
.ΕΝΙΣΚοΥ (Μ)ενίσκου

Точно такая-же надпись изъ Керчи, съ головой Пана, у Стеф. О. 144, № 27, и другая такая-же изъ Керчи съ именемъ горшечника Πυθία, которое Стеф. переправляетъ на Πυθέα Mél. p. 214. Пиѳоклъ астиномъ Стеф. 1867 с. 27 и Зап. О. VII, с. 62 также съ головой Пана.

45. ....οΥΝ Гроздь (Ἀστυνομ)οῦν(τος)
....ΛΕοΥΣ (Πυθοκ)λέους
....ΘΕΝοΥ (Καλλισ)θένου

Каллисѳенъ горшечникъ ниже V, при астин. Микѣ.

46. ΑΣΤΥΝοΜοΥ Какое-то животное. Ἀστυνόμου
ΓΥΘοΧΡΗΣΤοΥ Πυθοχρήστου
ΤοΥ ΑΠοΛΛΩΝΙΔοΥ Τοῦ Ἀπολλωνίδου
ΗΡΑΚΛΕΙΔΗΣ Ἡρακλείδης

Тотъ-же астиномъ съ горшечникомъ Μίδας, Κτήσων и Πρωταγόρας

съ эмблемами вѣтвію на двухъ и трофеемъ съ Πρῶτος Бекк. Зап. О. VII, 45.

47.	...ΥΝoΜoΥ	(Ἀστ)υνόμου
	.Υ.oΧΡΗΣΤoΥ	(Π)υ(θ)οχρήστου
	...ΑΙΓoΛΛΩΝΙΔoΥ	τοῦ Ἀπολλωνίδου
	ΑΡΤΕΜΙΔΩΡoΣ	Ἀρτεμίδωρος

Акри-століонъ

У Бекк. двѣ изъ Ольвіи съ именами разныхъ горшечниковъ и двѣ безъ отчества Mél. gr. rom. 1, 489. Съ горш. Πρῶτος изъ Керчи Зап. VII, 45.

48.	..ΤΥΝoΜoΥ	(Ἀσ)τυνόμου
	..ΘΕo]oΣ	(Πυ)θέο(υ)

Рѣзчикъ исправилъ имя на печати изъ Πυθέου на Πύθεος, поставивъ именит. вмѣсто родительнаго. Πύθεος, Πυθέου часто на монетахъ Смирны.

ΑΣΤΥΝoΜ	Ἀστυνόμου
Φ.	Φ. . . . .
.Ε ΜoΥ	(Ἰ)ε(ρωνύ)μου

У Бекк. на ручкѣ Νουμήνιος этотъ горшечникъ признается гадательно астиномомъ.

49.	.ΣΤΥΝoΜ	(Ἀ)στυνόμ(ου)
	. .ΛoΚΡΑΤ	(Φι)λοκράτ(ου)

Φιλοκράτου какъ выше, IV, № 10. У Бекк. Зап. VII, с. 50, тоже вѣроятно астинома, тогда какъ на двухъ другихъ изъ Керчи явно имена горшечника при астиномѣ Атталѣ Üb. e. dr. S с. 25.

50.	ΑΣΤΥΝoΜoΥ	Αστυνόμου
	.oΡΗΓΙΩΝoΣ	(Χ)ορηγίωνος
	ToΥ ΛΕΩΜ.Δ..ToΣ	Τοῦ Λεωμέδ(ον)τος
	ΓΡΩΤoΣ	Πρῶτος

У Стеф. съ горшечникомъ Θυαίας, безъ отчества. О. А. К. 1863 с. 209. У Бекк. съ Ἀπατούριος Mél. gr. rom. 1, с. 489. Горшечникъ Πρῶτος на двухъ ручкахъ тамъ-же 485, 489. См. выше.

51. ..TYNoMoYNTo (Ἀσ)τυνομοῦντο(ς)
..PHΓIΩNoΣTo Побѣда на двуколкѣ. (Χο)ρηγίωνος τοῦ
..ΩMEΔoN (Λε)ωμέδοντος
MENIΣKoΣ Μενίσκος

Мениска см. V, 54, 55.

V. Надписи, въ которыхъ слова ἀστυνόμου или ἀστυνομοῦντος находятся между именемъ астинома и горшечника.

Штемпели этого рода не представляютъ затрудненія для ихъ пониманія, если имя горшечника помѣщено въ началѣ или на концѣ надписи въ именительномъ падежѣ, а имя астинома въ родительномъ, но если оба имени поставлены въ родительномъ, то неизвѣстно, къ какому мы должны отнести слово ἀστυνόμου и намъ приходится искать другихъ надписей, на которыхъ встрѣтившееся имя принадлежитъ несомнѣнно астиному или фабриканту. Случается однакожъ часто, судя по надписямъ, что одно и тоже имя носилъ астиномъ и фабрикантъ и тогда нѣтъ возможности опредѣлить съ точностью значеніе именъ на штемпелѣ. Такъ-ли неизвѣстно было въ то время, когда амфоры продавались для мѣстнаго употребленія, какъ посуда или для вывоза въ отдаленныя страны—въ Ѳеодосію и другія греческія черноморскія колоніи изъ Ѳазоса, Родоса и другихъ мѣстъ съ виномъ, масломъ, оливками, медомъ и другимъ товаромъ и не было-ли интересно для горшечника, чтобы торгующіе купцы и другіе покупатели посуды знали его имя и обращались къ нему за его товаромъ? Къ тому-же и астиномы, если мы согласимся съ тѣми, которые видятъ въ штемпелѣ государственный контроль (Бекк. Зап. О. VII, 66) не желали вѣрно, чтобы ихъ смѣшивали съ горшечниками. Невозможно правда признать за штемпелями значеніе государственнаго контроля, потому что большая часть амфоръ не снабжена ими и на 37 цѣльныхъ амфорахъ, имѣющихся въ нашемъ музеѣ, изъ Ольвіи, Пантикапеи, Тиры, Ѳазоса, Смирны и другихъ мѣстъ находимъ ихъ только на шести. Притомъ-же если штемпель долженъ былъ служить ручательствомъ чиновника за законную емкость амфоры, то на ней былъ-бы, кромѣ имени самаго чиновника, какой-

нибудь знакъ, показывающій мѣру, и не писалось-бы только, что посуда сдѣлана при такомъ-то астиномѣ такимъ-то горшечникомъ [1]), или только такимъ-то горшечникомъ безъ указанія астинома. Соображая наконецъ, что на изящныхъ росписныхъ вазахъ художникъ, изготовившій рисунокъ и мастеръ дѣлавшій вазу, помѣщали свои имена [2]), мы должны думать, что штемпели прикладывались самыми горшечниками, съ цѣлью, какъ это бываетъ и нынѣ, ознакомленія покупателей со своей фабрикой и съ указаніемъ имени астинома только какъ эпонима, для обозначенія года, въ которомъ сдѣлана ихъ посуда. Этимъ объясняется и разнообразіе въ составленіи надписей, въ которыхъ слова ἀστυνόμου и ἀστυνομοῦντος помѣщены то въ началѣ, то въ срединѣ, то на концѣ надписи и имя горшечника то въ именительномъ, то въ родительномъ, что не мѣшало однакожъ узнать его, такъ какъ посуда приготовлялась для жителей мѣстныхъ.

1.	ΑΓΑΘΩΝ	Ἀγάθων
	ΕΠΙΔΙΟΝΥΣΙΟ	Ἐπὶ Διονυσίο(υ)

Горшечникъ Ἀγάθων при астиномѣ Артемидорѣ у Бекк. Üb. e. dr. S. c. 31. Онъ же при Діонисіѣ Mél. gr. rom. 1, 490, гдѣ, поворотивъ иначе надпись, образующую четвероугольникъ, читаемъ Ἀγάθωνος ἀστυνόμου Διονυσίου. У него же отдѣльная надпись на ручкѣ Ἀγάθωνος, тамъ же с. 436. Ср. Зап. О. XV, с. 51.

2.	ΧΙΝΟ		Αἰσχίνου
	ΥΝΟ	Пѣтухъ	ἀστυνόμου
	ΣΕΙΔΩ		Ποσειδωνίου

Астиномъ Эсхинъ съ разными эмблемами на 5 ручкахъ. Зап. О. V, 33, 46. Такая-же безъ эмблемы. Бек. Зап. О. VII, 50 ср. Üb. e. dr. S. 26. Горшечника Посидонія имѣемъ ниже.

---

[1]) См. выше ἐπὶ Ἀπολλοδώφου ἀστυνόμου и обыкновенно съ выпущеннымъ ἐπὶ просто ἀστυνόμου съ присоединеніемъ имени.

[2]) Ἐπίκτητος Ἔγραψε, Νικοσθένης ἐποίησε См. Зап. О. т. XVI, с. 42.

3. И . . . ΙΑ		Α(ἰσ)χίν(ου)
ИΥΤΣΑ		ἀστυν(όμου
ΞΗΦΑ		Ἀρχεπτόλιος

Ἀρχέπτολις горшечникъ часто, см. ниже при Истіеѣ.

4. ΑΓΟΛΛΩ		Ἀπολλωνίου
ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ		ἀστυνόμου
ΔΙΟΝΥΣΙΟΥ		Διονυσίου.

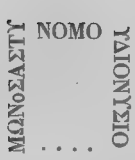
Эмблема непонятная, Аполлоній астиномъ у Бекк. съ sign. incertum. Зап. О. V, 47. На ручкахъ, найденныхъ близъ Херсонеса и на монетахъ Херсонесскихъ часто. См. Зап. О. XV, с. 49.

5. ΑΡΙΣΤoΝ		Ἀρίστον
oΣΑΣΤΥΝΟ		ος ἀστυνό(μου)
ΤΕΥθΡΑΚΕΡ		Τεύθρα(ς) κερα(μέυς)
Α		

Ручка весьма древняя, что доказываетъ о вмѣсто ω въ Ἀρίστωνος. Объ имени Τεύθρας, встрѣчавшемся уже на трехъ ручкахъ у Бекк. и на одной у Стеф., см. Зап. О. VII, 53. См. предисловіе и ниже при Ποσειδώνιος.

6. ΕΜΙΔΩ		(Ἀρτ)εμιδώ(ρου)
ΤΥΝΟ	Гроздъ.	(Ἀσ)τυνόμο(υ)
ΛΛΙΣθΕ		(Κα)λλισθέ(νους)

Трудно сказать положительно сказать, кто здѣсь астиномъ, а кто горшечникъ. Ниже имѣемъ на ручкѣ штемпель АРТЕ, несомнѣнно принадлежащій горшечнику, что видно еще яснѣе изъ ручки, найденной въ Херсонесѣ, Ἀστυνομοῦντος Μνησικλέους Ἀρτεμιδώρου, но находимъ и астинома Артемидора на ручкахъ изъ Керчи. Стеф. Mél. с. 211, а Каллисѳена горшечника. Бекк. Зап. О. V, 45. Стеф. О. А. К. 1867, с. 207 и астинома на ручкѣ изъ Ольвіи. Бекк. Зап. О. V, 52.

7. 

Въ четверо-угольникѣ изъ буквъ гроздъ и подъ нимъ ваза.

'Αρτέμωνος ἀστυνόμου Διονυσίου

Недостающія въ этой надписи буквы возстановлены мною по другой ручкѣ съ именемъ горшечника ΑΡΤΕ (см. клеймо на концѣ статьи); но можно бы скорѣе предположить здѣсь имя Φιλήμων, встрѣчающееся на ручкахъ съ ἀστυνόμου. Бекк. Mél. gr. rom. 1, 484, 488. Точно такія-же эмблемы находимъ на монетѣ Сесама. Mionn. IV, 571.

8. Другая такая же ручка съ тѣми-же эмблемами и надписью . . . . ΜΩΝΟΣΑΣΤΥΝΟΜΟΥ, гдѣ изглажено или не вышло имя Διονυσίου.

9. ΒΟΡΥΟΣΑΣΤΥ
ΝΟΜΟΥΝΤΟΣ
ΓΥΘΕ
Лучезарная голова солнца

Βόρυος ἀστυ νομοῦντος Πόθε(ω)

Подобная ручка съ полною надписью Πόθεω изъ Керчи у Макъ-Ферсона Antiquities of Kertsch 1857, London. Именит. Πόθης, Бекк. Зап. О. V, 57, 58. На монетахъ Смирны, Πόθεος и Πυθέου, на монетахъ Лаодикеи Πόθης, Πόθου. Βόρυς астиномъ на трехъ ручкахъ изъ Керчи, одной съ изображеніемъ Діаны съ факелами и двухъ съ лучазарной головой солнца, у Стеф. Mél. C. 217.

10. ΒΟΡΥΟΣ
ΑΣΤΥΝΟΜΟΥΝΤΟ
ΣΤΕΦΑΝΟΥ
Вѣнокъ

Βόρυος ἀστυνομοῦντος Στεφάνου

Στέφανος часто горшечникъ Бекк. Зап. О. V, С. 37, 56 и при немъ вѣнокъ; онъ-же съ той-же эмблемой астиномъ. Зап. О. XI, 65.

11. ΒΟΡΥΟΣ
ΑΣΤΥΝΟ
ΕΚΑΤΑ
Бородатая голова профилемъ вправо

Βόρυος ἀστυνο(μοῦντος) Ἑκατα(ίου)

Объ имени Βόρυς, которое Бекк. сравниваетъ съ Βορυσθένης и

считаетъ ольвійскимъ, см. предисловіе. Ἑκαταίος астиномъ на двухъ ручкахъ изъ Ольвіи. Бекк. Зап. О. V, 37, на ручкѣ изъ Керчи, Зап. О. VII, 34 и такой-же точно Керч. экземпляръ. Бекк. Mél. gr. rom. 1, С. 493.

12. . . . ϒoΣ (Βό)ρυος
. . . ϒNoMoϒT (такъ) голова (ἀστυ)νομοῦντος
. . . ΛIξθENoϒ вправо. (Καλ)λισθένου,

Бекк. описывая подобную надпись читаетъ Καλλισθένης; Зап. О. VII, 52. О формѣ Καλλισθένου см. ниже Πασιχάρης.

13. ΔIoNϒΣIoϒ Ваза и вѣнокъ, Διονυσίου
ϒNo въ которомъ (ἀστ)υνό(μου)
ΔIoNϒΣIoϒ буква Δ. Διονυσίου.

14. ΔIoNϒΣI Διονυσί(ου)
ΑΣTϒNo Ваза. ἀστυνό(μου)
ΔIoNϒΣ Διονυσ(ίου)

15. IoN.Σ Двѣ сложенныя (Δ)ιονυσ(ίου)
ΑΣTϒNo на крестъ вѣтки ἀστυνό(μου)
..ϒ.ΩPo и цвѣтокъ. (Θε)υδώρου.

Горшечникъ Θεόδωρος на ольвійской ручкѣ. Бекк. Mél. gr. rom. 1, 496 и Зап. О. V, 50; ниже № 35.

16. ....ϒΣ Сердцевидный листъ. (Διον)υσ(ίου)
.....Mo (Ἀστυνό)μο(υ)
....ΣIΣ (Μνῆ)σις
....HNIoϒ (Νευμ)ηνίου.

Горшечникъ Μνῆσις, на двухъ ручкахъ у Стеф. Бекк. Üb. e. dr. S. С. 115 и тамъ же С. 27; см. ниже; имя Νευμήνιος большею частію на кирпичахъ, но и на ручкахъ. Бекк. Зап. О. VII, 55, 57; Ср. двѣ ручки изъ Ольвіи: Σωσίας ἀστυνόμου Διονυσίου. Бекк. Mél. gr. rom. 1, С. 496.

17. Δ . . . . . Δ(ιονυσίου)?
ΑΣΤΥΝο ἀστυνό(μου)
ΔΗΜΗΤΡ Δημητρ(ίου)

Астинома Димитрія см. ниже 21. Находя этого астинома съ горшечниками Θῦς и Τεύθρας, мы должны считать амфору синопской. См. предисловіе.

18. ΔΙοΣΚ Διοσκ(ουρίδα)
ΑΣΤΥ ἀστυ(νόμου)

Ручка съ цѣлымъ именемъ изъ Никоніи у Бекк. Зап. О. V, 45.

19. ΔΙοΥΤοΥΗΚΑ Δίου τοῦ Ἡκά
ΔοΥΑΣΤΥΝ δου ἀστυν(όμου)
ΓΛΑΥΚΙοΥ Γλαυκίου

Эмблема отбита; осталась, кажется, часть подымающагося на дыбы коня. Имя Δῖος встрѣчалось, но безъ отчества и здѣсь принадлежитъ вѣроятно другому лицу. Если тому же самому, то судя по надписи, приведенной сей часъ ниже, Δῖος былъ горшечникъ. Бекк, Üb. e. dr. S. C. 33, считаетъ его астиномомъ, но тамъ значеніе имени сомнительно. У него-же очевидно на двухъ ручкахъ онъ горшечникъ и только на третьей съ Τεύθρας, который выше называется κεραμεύς, онъ можетъ быть принятъ за астинома, Γλαυκίας на трехъ ручкахъ у Бекк. астиномъ. Зап. О. V, 48, 49, считая сюда и ту, на которой онъ переправляетъ Γλαυκία на Γλαυκίας. Имя Ἡκάδης не встрѣчалось, но можетъ быть мы вправѣ считать его patronymicum встрѣчающагося на другой ручкѣ Ἔκας (см. слѣд. №) предполагая форму другую этого имени Ἥκας.

20. ΔΙοΥ Δίου.

21. .ΚΑΣ (Ἔκας),
ΑΣΤΥΝοΜοΥ ἀστυνόμου
ΤΠοΥ (Δημη)τρίου.

Первое имя носилъ прорицатель у лакедемонянъ въ первую мессенскую войну. Павз. IV, 16, 1. Астинома Димитрія см. выше.

22.	ΕΠΙΔΗΜοΥ ΑΣΤΥ	Ἐπιδήμου, ἀστυ
	ΝοΜοΥΝΤοΣ ΑΡΥ (Такъ)	νομοῦντος Ἀρ(ι)
	ΤΙΩΝοΣ Чаша.	(σ)τίωνος.

Здѣсь и на слѣдующей ручкѣ Ἐπίδημος очевидно горшечникъ, тогда какъ на трехъ выше (IV, 21, 22, 23), имя принадлежитъ астиному. Ἀριστίων на двухъ ручкахъ у Бекк. Зап. О. V, С. 34.

23.	ΕΠΙΔΗΜοΥ Амфора	Ἐπιδήμου
	ΑΣΤΥΝοΜΥ (Такъ)	ἀστυνομ(ο)υ
	[illegible] . . Υ	Καλλισθένου

Каллисѳенъ астиномъ на ручкѣ изъ Ольвіи. Бекк. Зап. О.V, 52.

24.	ΕΠΙΚΡΑΤΕο	Орелъ на дельфинѣ.	Ἐπικράτεο(ς)
	ΕΠΙΑΓοΛΛ		Ἐπὶ Ἀπολλ
	οΔΩ ΑΣΤΥ		οδώ(ρου) ἀστυ(νόμου)

Точно такая же изъ Керчи у Стеф. О. А. К. 1869, С. 207, См. слѣд. №.

25. Другая, съ этой надписью и эмблемой.

26.	. . . ΕΟ	Орелъ на дельфинѣ.	Ἐπικράτ)εο(ς)
	ΛΛ		(Ἐπὶ Ἀπο)λλ(οδώρου)
	ΤΥ . .		(ἀσ)τυ(νόμου)

27.	ΕΣΤΙΑΙοΥΤοΥ	Амфора.	Ἑστιαίου τοῦ
	ΡΤΕΜΙΔοΡοΥ		(Ἀ)ρτεμιδ(ώ)ρου
	ΜΑΝ		Μαν(τιθέου)

Гестіей былъ уже на ручкѣ изъ Ольвіи съ горшечникомъ Аристархомъ. Бекк. Зап. О. VII, 36. Μαντίθεος у него-же горшечникъ, не астиномъ, какъ значится тамъ-же V, 47.

28.	Ε	Плющевый листъ и голова съ длинными усами.	Ε
	ΤοΥΓΥΡΙΤΤοΥ		τοῦ Γυρίττου
	ΤΥΝο		(ἀσ)τυνό(μου)
	Σ . ΓΑΡΙοΣ		Σ(α)γάριος

Первое имя находится на двухъ ручкахъ у Бекк. Üb. e. dr. S. С. 31, которое, онъ, считая ручку ольвійскимъ издѣліемъ, какъ и

всѣ другія съ ἀστυνόμου, переправляетъ на Τυρίτου и производитъ отъ лежавшаго въ сосѣдней Мезіи города Τύρα, жители котораго назывались въ древности тиритами. О томъ, что мы съ большей вѣроятностью должны считать имя пафлагонскимъ наравнѣ со вторымъ именемъ Σάγαρις, и посуду, привезенною изъ Синопы. См. предисловіе.

29. ΙΚΑΔ — Ἡκάδ(ου)
Рыба ⊂
III

Надпись образовала повидимому четвероугольникъ. Имя см. выше № 19.

30. ΗΡΑΚΛΕΙΔΗΣ — Ἡρακλείδης
ΑΣΤΥΝοΜοΥΝΤο — ἀστυνομοῦντος
Σ — Амфора. — Σιμίου.
ΣΙΜΙοΥ

Ἡρακλείδης при астиномѣ Артемидорѣ у Стеф. Mél. c. 19. Другой Ираклидъ на трехъ ручкахъ у Бекк. Üb. e. dr. S. C. 27, гдѣ Ираклидъ сынъ Екатея. Mél. 1, 486. Σιμίας ниже съ горшечникомъ Μιθραδάτης и у Стеф. O. A. K. 1866, c. 134. Σειμίας на надписи римскаго періода, найденной на таманскомъ полуостровѣ. Лат. II № 372. См. выше III. № 45.

31. ΗΡΑΚΛΕΙ — Ἡρακλεί(δης)
ΚΥΡοΣ — Κῦρος.

Надпись на горлѣ. Κῦρος астиномъ съ горшечникомъ Νευμήνιος и эмблемой орломъ на дельфинѣ Бекк. Mél. gr. rom. 1, 494.

32. ....ΚΛΕΙοΥ — Ἡρακλείου
οΜοΥΝΤο — (ἀστυν)ομοῦντος.

У Бекк. подобная надпись на ручкѣ амфоры, у которой обѣ ручки сохранились, и на другой нѣтъ надписи, что доказываетъ, что горшечникъ довольствовался обозначеніемъ времени. Зап. О. VII, 49. Ἡρακλείου ἀστ. на двухъ ручкахъ изъ Херсонеса. Зап. О. XV, 50.

33.	ΘΕΑΡΙΩΝοΣ		Θεαρίωνος
	ΑΣΤΥΝοΜο	Звѣзда.	ἀστυνόμο(υ)
	ΣΑΓΑΡΙΣ		Σάγαρις

Такая же у Бекк. Зап. О. VII, 55 съ uva et folium и тамъ-же три другія ручки съ другими горшечниками и эмблемами; имя Σάγαρις напоминаетъ Беккеру названіе залива, именуемаго Плиніемъ sinus Sagaricus, который принимается нынѣ за Тилигульскій лиманъ. См. объ этомъ имени предисловіе.

34.	ΗΡΩΓΕΝοΥΤοΥ		Ἡρωγένου τοῦ
	ΝΕΙΚΑΝοΡοΣ	Голова съ бородой.	Νεικάνορος
	ΑΠοΛΛοΔΩΡοΣ		Ἀπολλόδωρος

Первое имя не встрѣчалось. Аполлодоръ извѣстенъ какъ астиномъ IV, № 3, 4, и выше 22, тогда какъ здѣсь онъ горшечникъ.

35.	ΗΦΑΙΣΤΙοΣ	Ἡφαίστιος
	ΑΣΤΥΝοΜοΥ	ἀστυνόμου
	ΜΙΛΤΙΑΔοΥΣ	Μιλτιάδους

Какъ трудно угадать при подобной разстановкѣ словъ въ надписи, если имена поставлены въ родительномъ пад.. къ какому надо отнести слово ἀστυνόμου доказываетъ надпись у Бекк. Üb. e. dr. S. 34, Ἡφαιστιο ἀστυνο Ἀρχεπτο, гдѣ онъ пополняетъ Ἡφαιστί(υ), приписывая имя астиному. Также точно на штемпелѣ Διονυσίου αστυνόμου Ἡφαιστίου онъ не знаетъ за кѣмъ признать званіе астинома. Зап. О. V, 48. Что Ифестій былъ горшечникомъ доказываетъ и слѣдующая надпись.

36.	ΦΑΙΣΤΙοΥΤοΥ	Ἡφαιστίου τοῦ
	. οΣΕΙΛΩΝΙοΥ	Ποσειδωνίου
	ΕΡΑΜΕ	κεραμέως.

. . . См. Зап. О. XI, 57, гдѣ онъ также горшечникъ.

37.	ΘΕΥΔΩΡΙΔοΥ	Голова лицемъ впрямь.	Θευδωρίδου
	ΑΣΤΥΝοΜοΥΝΤοΣ		ἀστυνομοῦντος
	ΓΥΘΕΩ		Πύθεω

Оба имени встрѣчались выше. Эмблема та-же что, IV, № 27.

38. ΘΕΥΔΩΡΟΣ		Θεόδωρος
ΓΟΣΕΙΔΩΝΙΟΥ	Ваза.	Ποσειδωνίου
ΚΕΡΑΜΕΥΣ		χεραμεύς.

Горшечникъ Θεόδωρος выше № 15.

39. ΕΣΙΟΥ		(Ἰκ)εσίου
ΑΣΤΥΝΟ	Слонъ.	ἀστυνό(μου)
ΚΑΛΛΙΣΘΕ		Καλλισθέ(νους)

Двѣ ручки съ именемъ астинома Икесія изъ Керчи. Зап. О. XI, 57, одна изъ Ольвіи Бекк. Mél. gr. rom. 1, 486, но былъ и горшечникъ этого имени при астиномѣ Миѳрадатѣ Antiq. du B. C. C. 1, с. 38, на ручкѣ изъ Тамани. Имя было употребительно въ Синопѣ, какъ видно изъ геммы у Фр. С. 1, III, Διογένης Ἰκεσίου Σινωπαῖος. Каллисѳенъ горшечникъ часто Стеф. О. А. К. 1868 с. 124, 1867, с. 207. Бекк. Зап. О. V, С. 53.

40. ΕΣΙΟ		Ἰκεσίου
ΣΤΥΝΟΜΟΥ	Слонъ.	(ἀ)στυνόμου
ΔΡΟΜΩΝ		Δρόμων.

Имя Δρόμων еще не встрѣчалось.

41. ΙΣΤΙΑΙΟ		Ἱστιαίο(υ)
ΑΣΤΥ	Орелъ на дельфинѣ.	ἀστυ(νόμου)
ΑΡΧΕΠΤΟ		Ἀρχεπτό(λιος)

Ἱστιαῖος нѣсколько разъ на древнѣйшихъ надгробныхъ надписяхъ въ Керчи, Лат. Inscr. II, № 105, 122, 166, 66, которыя считаетъ издатель принадлежащими IV вѣку. Имѣемъ ниже нѣсколько ручекъ съ этимъ именемъ, на которыхъ трудно рѣшить, принадлежитъ ли оно астиному или горшечнику, такъ какъ на двухъ изъ Керчи у Стеф. О. А. К. 1869. С. 208 такъ именуется астиномъ, а Архептолисъ извѣстенъ намъ только какъ горшечникъ. См. IV, №№ 4, 20 Ἐπὶ Ἐνδήμου Ἀρχεπτ. и ἐπὶ Ἀπολλοδώρου Ἀρχεπτ. и у Бекк. Üb. e. dr. S. c. 33, 34 и можно бы съ увѣренностію опредѣлить значеніе обоихъ именъ, если бы мы не находили на ручкахъ

отдѣльной надписи Ἰστιαιο, принадлежащей очевидно горшечнику. Зап. О. XI, 56, и Ἐπὶ Ἐνδήμου Ἰστιαιο IV, № 22.

42. Другой экземпляръ съ тѣми же именами и эмблемой.

43. ΙΣΤΙΑΙο Орелъ на дельфинѣ. Ἰστιαίο(υ
ΑΣΤΥ ἀστυ(νόμου)
ΓοΛΑΝΤο (Такъ) Γολάντο(υ)

Двѣ ручки съ именемъ астинома Истіея и орломъ на дельфинѣ у Стеф. О. А. К. 1869. С. 208. Имя Γολάντου здѣсь новое, которое можемъ сравнить съ именемъ Γόλας на ольвійской надписи у Лат. Inscr. 1, № 62 и съ именемъ Gollas царя бѣлыхъ Гунновъ (λευκοὶ οὖννοι), приведеннымъ изъ Космаса индикоплевста въ Numism. chronicle 1894 г. Part III. Имя даетъ намъ право сомнѣваться въ вѣрности чтенія Беккера надписи на ручкѣ изъ Керчи, также съ орломъ на дельфинѣ . . ΛΑΝΤΟ, пополняемой имъ Μελάντου Зап. О. т. XI, С. 31.

44. ΙΣΤΙΑΙο Ἰστιαίου
ΑΣΤΥΝο Орелъ на дельфинѣ. ἀστυ(νόμου)
ΟΡΘο Ὀρθο(υ)

Возлѣ орла знакъ ⌘; подобная ручка у Стеф. О. А. К. 1862, С. 28, который видитъ въ этихъ двухъ буквахъ начальныя третьяго имени, тогда какъ Бекк. принимаетъ ихъ за анаграмму, не рѣдкую на ольвійскихъ монетахъ. Знакъ этотъ находится и на двухъ другихъ ручкахъ, описанныхъ имъ, съ Посидоніемъ при Истіеѣ. Зап. О. VII, С. 56.

45. Другой экземпляръ съ тѣми же именами и орломъ, но безъ знака.

46. ΙΣΤΙΑΙ Ὀ Ἰστιαίου
ΑΣ Орелъ на дельфинѣ. ἀσ(τυνόμου)
ΔΙοΝΥΣ Δίονυσ(ίου)

Такая же изъ Керчи. Стеф. О. А. К. 1869. С. 208. О Діонисіѣ см. выше №№ 13—16.

47.	ΙΑΙο		(Ἱστ)ιαίο(υ
	ΣΤΥ	Орелъ на дельфинѣ.	(ἀ)στυ(νόμου)
	ΣΕΙΔΩ		(Πο)σειδω(νίου)

Посидоній горшечникъ ниже при Аполлодорѣ астиномѣ, и при Аристонѣ у Бекк. Mél. gr. rom. 1, 492.

48.	ΙΣΤΙΑΙο		Ἱστιαίο(υ)
	ΑΣΤΥ	Орелъ на дельфинѣ.	ἀστυ(νόμου)
	Ῑ̄ΕΒΕΩ		(Τ)έβεω

Надпись на горлѣ большой амфоры. Имя не встрѣчалось.

49.	ΙΣΤΙΑΙο	Ἱστιαίο(υ)
	ΕΓΙΜΑΤ	Ἐπὶ Ματ...

На ручкѣ не было эмблемы. Второе имя дорической формы доказываетъ принадлежность ея къ какому нибудь дорическому городу; выше мы имѣли Ἡρακλείδα ἐπὶ Ματροδώρου, которую я причислилъ къ родосскимъ. Штемпель съ Ματροβίου встрѣчался на двухъ ручкахъ Бекк. Зап. О. V, 27, но тамъ имя горшечника.

50.	ΙΣΤΙΑΙο	Булава.	Ἱστιαίο(υ)

51.	ΙΣΤΙΕΙοΣ	Ἱστι(α)ῖος
	ΕΓΙΜΑΓΡΙοΣ	Ἐπὶ Μάγριος

Имѣя имя Μάγρις на двухъ ручкахъ, найденныхъ около Херсониса, которыя я по причинѣ формы Ἀγασικλεῖος, встрѣчающейся на одной изъ нихъ и на надписяхъ и на монетахъ Херсонисскихъ, причислилъ къ Херсонисскимъ (см. Зап. О. XV, с. 52) я готовъ считать и эту ручку Херсонисской, прибавлю только къ сказанному прежде, что формы Πασικλείους Ἀριστοκλείους Ἀγαθοκλείους, Σωσικλείους находимъ въ Милетѣ, Смирнѣ, Теосѣ. C. 1. Gr. №№ 247, 276, 3088, 3114 и др. Булаву, какъ эмблему, видимъ часто на монетахъ Херсониса.

52.	ΚΑΛΛΙΣΘΕΝΗΣ	Καλλισθένης.

Имя горшечника см. выше № 12.

53.	ΜΙΘΡΑΔΑΤΗΣ		Μιθραδάτης
	ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ	Рогъ изо-	Ἀστυνόμου
	ΕΠΙΕΛΠΟΥΣ (такъ)	билія.	Ἐπιέλπους.

Μιθραδάτης горшечникъ на двухъ ручкахъ у Бекк. Зап. О. V, 33, 35 и вѣроятно на третьей тамъ же 53, напротивъ тамъ же с. 52 онъ астиномъ. Какъ видно изъ этой надписи, второе имя было Ἐπιέλπης, которое встрѣтивъ у Уварова въ ошибочной копіи ΕΠΙΕΛΠΟΥΣ онъ принялъ за имя Ἔλπος съ предлогомъ ἐπὶ и читаетъ на двухъ ручкахъ изъ Ольвіи ἐπὶ Ἔλπου ἀστ. Маντιθέου Зап. О. V. 50. Ср. Зап. О. т. XI, 34. Ту-же впрочемъ ошибку сдѣлалъ и Стеф., за которымъ повторилъ Бекк. Ἐπὶ Ἔλπου ἀστυνόμου Καλλισθένης изъ О. А. К. 1868, С. 124. Бекк. Üb. e. dr. S. c. 27. Изъ чтенія Επιελπο, показаннаго Бекк. на двухъ упомянутыхъ ручкахъ, видно, что родительный въ этомъ имени оканчивался на ους и ου. См. ниже имена Πασιχάρης, Καλλισθένης и Лат. Inscr. 1, 114, 239, II, 335.

54.	ΜΙΘΡΑΓΑΤΗΣ		Μιθραδάτης
	ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ	Амфора.	Ἀστυνόμου
	ΣΙΜΙΑ		Σιμία

Σιμίας астиномъ выше № 27. Буква Δ въ Μιθραδάτης въ видѣ Γ встрѣчается и на другихъ ручкахъ. Фр. С. 1, VI, 5453.

55.	ΜΙΚΟΥ		Μίκου
	ΑΣΤΥΝΟ	Гроздъ.	Ἀστυνό(μου)
	ΚΑΛΛΙΣΘΕ		Καλλισθέ(νους)

У Стеф. съ нижней строкой изглаженной, гдѣ вѣроятно было тоже имя, которое находится у насъ еще на двухъ экземплярахъ. Стеф. О. А. К. 1868, с. 124. Приводя эту ручку, Бенк. считаетъ Мика горшечникомъ. Üb. e. dr. S. c. 117, съ чѣмъ можно согласиться, имѣя въ нашемъ музеѣ цѣльную амфору, на которой читаемъ на горлѣ Μικκος ἐπὶ Ἀπολλο. Каллисѳенъ встрѣчается какъ астиномъ, но чаще какъ горшечникъ. См. Бекк. Mél. gr. rom. 1, 487 и выше № 40.

56. IKo (М)ίκου
ΣTΥNo (ἀ)στυνό(μου)
ΑΛΛΙΣθΕ (К)αλλισθέ(νους)

Подобная же ручка предыдущимъ.

57. ..KPIoΥΑΣTΥNo Лошадь, подымающаяся на дыбы и колосъ. (Μι)κρίου ἀστυνο
MoΥNToΣ μοῦντος
MΕNΙΣKoΥ Μενίσκου.

58. MIKPIoΥA... Μικρίου ἀ(στυνο)
MoΥNToΣ μοῦντος
ΕNΙΣ (Μ)ενίσ(κου)

Эмблема изглажена, но вѣроятно была таже, что и на предыдущей. Астинома Μικρίας имѣемъ сейчасъ ниже съ другимъ горшечникомъ, и у Бекк. Зап. О. V, 53, который несправедливо считаетъ его горшечникомъ; тамъ же онъ приводитъ надпись Μικ . . . μοῦντος Φιλοκράτους, съ возстановленнымъ ошибочно Стеф. именемъ Μικρίωνος вмѣсто Μικρίου. Горшечника Μένισκος имѣемъ на двухъ ручкахъ выше и у Бекк. Зап. О. V, 43.

59. MIKPIoΥΑSTΥ Лошадь, подымающаяся на дыбы. Μικρίου ἀστυ(νο)
MoΥNToΣ μοῦντος
ΓoΤoΣ Πότος.

Не встрѣчавшееся на ручкахъ имя Πότος слѣдуетъ производить отъ πίνω, и считать собственно прозвищемъ, какъ встрѣчающееся нѣсколько разъ на горгипскихъ надписяхъ Πόθος отъ ποθέω. У Лат. Inscr. II, № 400, 402, 403 и др.

60. IKPIoΥΑSTΥNo Лошадь, подымающаяся на дыбы и плющевый листъ. (Μ)ικρίου ἀστυνο
MoΥN To μοῦντο(ς)
YoΣ (Θ)υός.

Можно бы подумать, что не вполнѣ сохранившееся имя въ третьей строкѣ было Βόρυς, но на извѣстныхъ намъ ручкахъ оно принадлежитъ астиномамъ, тогда какъ Θύς горшечникамъ.

61. ...ΙοΥΑΣΤΥΝο (Μικρ)ίου ἀστυνο
Το Τѣже эмблемы. (μοῦν)το(ς)
ΥοΣ (Θ)υός

Обѣ эти ручки хотя по виду изъ разной глины, но печать на нихъ вытиснута однимъ штемпелемъ.

62. ΜΙΚΡΙοΥΤοΥ Μικρίου τοῦ
ΡΙΣΤΑΓοΡοΥ Голова солнца. (Ἀ)ριστα γόρου
ΙΑΔΗΣ (Μιλτ)ιάδης

И здѣсь Μικρίας астиномъ, но судя по эмблемѣ, другой Μικρίας. Горшечника Милтіада знаемъ изъ надписи, помѣщенной выше, VI, № 35. Πασιάδης встрѣчался какъ астиномъ.

63. ΜΙοΣΛο Μιόσλο(υ)
ΕΠΙΑΠοΛ Орелъ на дельфинѣ. Ἐπὶ Ἀπολ
ΔΩ ΑΣΤΥ (λ)ω(νίου) ἀστυ(νόμου)

Подобную ручку изъ Керчи описалъ Стеф. Mél. II, с. 18.

64. ΜΝΗΣΙοΣ Μνήσιος,
ΑΣΤΥΝοΜ Ἀστυνόμ(ου)
ΔΕΛΦΙΝ Δελφιν(ίου)

У Стеф. Mél. gr. rom. II, с. 208 ἀστυνομοῦντος Δελφινίου τοῦ Καλλίου. Горшечникъ Μνῆσις, выше № 25 и у Стеф. O. 1868, с. 124

65. ΝΗΣΙο (Μ)νήσιος,
ΑΣΤΗΝο Эмблема Ἀστυνόμου
ΦΙΛοΚΡΑΤ изглажена. Φιλοκράτ(ους)

Первое имя на ручкѣ у Стеф. съ balaustium. Mél. II, с. 20. Астиномъ Φιλοκράτης выше IV №, хотя онъ чаще горшечникъ, см. IV, № 10, Бекк. Üb. e. dr. S. c. 25.

66. ΝΙΚοΜΗ Νικομή)δης)
ΑΣΤΥ Орелъ на дельфинѣ Ἀστυ(νόμου)
ΔΙοΝΥΣΙ Διονυσί(ου)

Подобная же ручка у Стеф O. A. K. за 1877 г., гдѣ читаемъ ΝΙΚοΜΗΔΗ и имя принадлежитъ горшечнику. Имя находимъ на

керченской надписи. Лат. Inscr. II, № 268. Діонисій астиномъ на нѣсколькихъ ручкахъ. См. IV, № 14, 15 и слѣд. №.

67.	ΝΙ		Νι(κομήδης)
	ΑΣΤΥ	Орелъ на дельфинѣ.	Ἀστυνόμου
	ΔΙοΝΥΣΙ		Διονυσί(ου)

Ручка принадлежитъ, очевидно, посудѣ того самаго горшечника, какъ равно и слѣдующая, на обломкѣ которой остались только буквы:

68.	....ΜΗ	Орелъ на дельфинѣ.	(Νικο)μή(δης)
	..Τ...		Ἀστυνόμου

69.	ΙΚΩΝοΣ	Гроздъ.	Νίκωνος
	ΑΣΤΥΝοΥ	Ваза.	Ἀστυνό(μου)
	ΓοΣΕΙΔΩ		Ποσειδω(νίου)

Штемпель на черепицѣ. Ἐπὶ Νίκωνος у Бекк. Зап. О. VII, 27. Ниже горшечникъ Посидоній при Аполлодорѣ. Узкая желобчатая черепица, которой прикрывалась сверху щель между двумя лежащими рядомъ черепицами.

70.	ΓΑΣΙΧΑΡοΥ	Амфора надъ амфорой.	Πασιχάρου
	ΓΑΣΙΧΑΡοΥ		Πασιχάρου
	ΑΣΤΥΝοΜοΥ		Ἀστυνόμου
	ΚΑΛΛΙΣθΕΝοΥ		Καλλισθένου.

Очевидно штемпель приложенъ дважды такъ, что имя и амфора вышли одно надъ другимъ. Астинома Πασιχάρης имѣемъ на четырехъ ручкахъ; съ родительнымъ падежемъ на двухъ Πασιχάρους, а на двухъ другихъ Πασιχάρου, такая форма встрѣчается и въ склоненіи другихъ именъ, кончающихся на χάρης, какъ Δημοχάρης, Λαχάρης. Бекк. Зап. О. V, с. 55, 56, VII, с. 60. Üb. e. dr. S. c. 28; другія имена у Лат. Inscr. 1, с. 239, II с. 335, гдѣ находимъ на трехъ надписяхъ Καλλισθένου. Ср. выше № 12 и ниже № 71.

71.	ΓοΛΥΧΑΡΜοΥ	Амфора и два грозда.	Πολυχάρμου
	ΑΣΤΥΝο		Ἀστυνόμου
	ΝοΥΜΗΝΙ		Νουμηνίου

Штемпель на большомъ обломкѣ черепицы съ карнизомъ. Имя встрѣчается и на книдосскихъ. Фр. C. 1. IV, praef.

72. ΠoΛΥΧΑΡΜoΣ Πολύχαρμος.

Изъ этой надписи видно, что на предыдущей Πολύχαρμος имя горшечника.

73. ΓoΣΙΔΕΙoΥ Ποσειδείου
ΑΣΤΥΝoMo Ἀστυνόμο(υ)

Горшечникъ ограничился указаніемъ времени, не упоминая своего имени. Такія надписи Бекк. считаетъ древнѣйшими, приводя въ примѣръ амфору, на которой сохранились обѣ ручки и на одной изъ нихъ находится только имя астинома.

74. ..ΙΔΩΝΙoΥ (Ποσε)ιδωνίου
ΤΥΝoMoΥΝ Голова (ἀσ)τυνομοῦν
ΣΚΑΛΛΙΣθΕΝoΥ Гермеса. (το)σκαλλισθένου

Такъ какъ Каллисѳенъ встрѣчается навѣрно астиномомъ у Бекк. Mél. gr. rom. 1, 487, и вѣроятно также на двухъ ручкахъ въ Зап. O. V, 53, то я не сомнѣваюсь, что здѣсь Посидоній, какъ сейчасъ ниже горшечникъ.

75. ΠoΣΕΙΔΩ Ποσειδω(νίου),
ΕΠΙΑΓoΛΛ Орелъ на Ἐπὶ Ἀπολλ
oΔΩΑΣΤΥ дельфинѣ. οδώ(ρου) ἀστυ(νόμου)

Таже эмблема при астиномѣ Аполлодорѣ выше IV, № 4. Посидоній часто горшечникъ. Бекк. Mél. gr. rom. 1, 492. Зап. O. VII, c. 50, 61, и вѣроятно также у него. Üb. e. dr. S. A. № 1, 2, 16 и C. № 6, 16, гдѣ по расположенію словъ надписи онъ сомнителенъ.

76. ΓoΣΕΙΔΩ Ποσειδω(νίου),
ΑΣΤΥΝoM Ἀστυνόμ(ου)
ΔΗΜΗΤΡΙ Δημητρίο(υ)

Астиномъ Димитрій Бекк. Зап. O. VII, 33, онъ же ὁ Κλεαινέτου Зап. O. V, 33 и ὁ Ἡροξένου. Üb. e. dr. S. c. 26.

77. ΠοΣΕΙΔΩΝΙο Посейдωνίο(υ),
ΑΣΤΥΝοΜ Свернувшаяся въ клубокъ змѣя. Ἀστυνό(μου)
ΤΕΥΘΡΑ Τεύθρα(ντος),
ΤοΥΘΥΜοΧΑΡοΣ (τοῦ) Θυμοχάρο(υ)ς

Въ имени Θυμοχάρης α вмѣсто ου по древнѣйшему произношенію, что часто встрѣчается въ этихъ надписяхъ въ окончаніи родительнаго падежа и даже въ серединѣ именъ Τιμορόδου вм. Τιμμουρρόδου см. II, № 108. Посидоній и здѣсь горшечникъ, а Τεύθρας астиномъ, хотя мы видѣли горшечника этого имени при Аристонѣ. Мы находимъ его также на трехъ ручкахъ у Бекк. Зап. О. VII, 53, 54, не соглашаясь съ его чтеніемъ. На одной изъ нихъ онъ читаетъ, Ἐπὶ Ἔλπου ἀστυνόμου Τεύθρα(ς), гдѣ надо читать Ἐπιέλπου или Ἐπιέλπους, какъ мы имѣемъ выше, и Τεύθραντος, на двухъ другихъ Ἐπὶ Δήμου ἀστυνόμου Τεύθρα(ς), гдѣ ясно имя Ἐπιδήμου, которое мы находимъ на одной керченской лампадкѣ въ нашемъ музеѣ и у самаго же Бекк.: . ΠΙΔΗΜΟΥ... ΤοΥΡΙοΣ, т. е. Ἐπιδήμου Ἀπατούριος. Mél. т. I, 489, такъ что слово ἀστυνομου мы можемъ отнести къ Τεύθρας.

78. ΠοΣΕΙΔοΝΙοΥ Посейдωνίου τοῦ
ΑΙΣΧΙΝοΥΑΣΤΥΝο Гроздъ. Αἰσχίνου ἀστυνόμου
ΤΕΥΘΡΑ Колосъ Τεύθρα

Здѣсь и на слѣдующей ручкѣ, судя по отчеству, другой Посидоній, можетъ быть сынъ того Эсхина, котораго мы видѣли выше астиномомъ и находимъ часто съ этимъ званіемъ. См. 5 ручекъ съ этимъ именемъ у Бекк. Зап. О. V, 33, 46. Весьма вѣроятно, что Посидоній здѣсь астиномъ, такъ какъ Τεύθρας обозначается на одной ручкѣ прибавленіемъ κερα, т. е. κεραμεύς (см. V, № 5), а на другой онъ явно горшечникъ при астиномѣ Димитріѣ. Бекк. Зап. О. VII, 33.

79. ΓοΣΕΙΔΩΝΙοΥ Посейдωνίου (τοῦ)
ΑΙΣΧΙΝοΥ ΑΣΤΥΝο Гроздъ. Αἰσχίνου ἀστυνόμου
ΤΕΥΘΡΑ Τεύθρα(ς)

80. ....ΔΩΝΙοΥΤοΥ Слонъ. (Посει)δωνίου τοῦ
οΥΑΣΤΥΝο (Αἰσχ(ν)ου ἀστυνό(μου)

Слона какъ эмблему мы имѣли выше два раза при астиномѣ Икесіѣ и можетъ быть слѣдовало бы здѣсь возстановить это имя, которое соотвѣтствовало бы лучше числу недостающихъ буквъ.

81. ΓΡΩΤοΦΑΝοΥΣ — Πρωτοφάνους
ΑΣΤΥΝοΜοΥ — Бычачій черепъ. — Ἀστυνόμου
ΓοΣΕΙΔΩΝΙοΥ — Ποσειδωνίου

На ручкѣ...ΟΦΑΓ, показанной Стеф. О. А. К. 1868, с. 124, съ эмблемой пѣтухомъ, удачно догадывался Бекк. имени Πρωτοφάνεος или Πρωτοφάνους. Üb. e. dr. S. c. 31. Имя уже встрѣчалось. Бекк. Mél. 1, 495, но нельзя отнести къ нему съ достовѣрностію слово ἀστυνόμου.

82. ξοΙΨΑΓΑξ — Σαγάριος
οΙИΗΜΥοИΥοΤ — τοῦ Νουμηνίου.

Такъ какъ имя Σάγαρις мы встрѣтили два раза выше, на ручкахъ съ ἀστυνόμου IV. № 25, 30; а равно и Νουμήνιος. Бекк. Зап. О. V, 54, 60, то посуда происходитъ изъ той же мѣстности, изъ которой и другія ручки съ ἀστυνόμου. На всѣхъ трехъ Σάγαρις горшечникъ. Онъ же съ тѣмъ же отчествомъ у Беккера. Зап. О. VII, 55.

83.

Ἐπὶ Σατύρο(υ) — Σάτυρος

Возлѣ клейма съ именемъ астинома, другое съ головою бородатаго старика, похожаго на Сатира съ именемъ горшечника Σάτυρος. Подобная ручка была уже найдена около Херсониса и описана мною въ Зап. О. XV, 57. Имя со времени Воспорскаго архонта, Сатира, погибшаго при осадѣ Θеодосіи въ началѣ V вѣка до Р. Х. было въ большомъ употребленіи, какъ свидѣтельствуютъ надписи, на нашемъ прибрежьи и въ Малой Азіи. См. Стеф. О. А. К. 1869, с. 201, Лат. Inscr. 1, 63, 82, 144, II, 370, Фр. 1, III, 3066 и др.

83.

ΕΓΙ ΣΑΤ ΥΡο	ΜΥΛΛοΣ	Ἐπὶ Σατύρο(υ)	Μύλλος

На другомъ клеймѣ также бородатая голова горшечника. Имя Μύλλος не встрѣчалось.

85. Клеймо съ именемъ того же эпонима, безъ имени горшечника.

86.	ΣΩ....	Σω(σίας)?
	ΑΣ....	ἀστυνόμου

Двѣ у Бекк. съ астиномомъ Діонисіемъ. Mél. 1, 496 и одна съ Ифестіемъ. Тамъ-же 497, найденныя въ Ольвіи.

87.	οИΩΛΙ		(Φ)ίλωνο(ς)
	ΥοΜοИΥΤ	Въ концѣ надписи голова вправо.	(ἀσ)τυνομοῦντος
	ϟοΤИ		
	ΥοИƎθϟΙΛΛΑЯ		Καλλισθένου.

У Бекк. въ четвероугольникѣ, образованномъ изъ буквъ, Ἐπὶ Φίλωνος ἀστυνόμου съ эмблемой колосомъ. Зап. О. V, 51.

VI. Ручки съ именами горшечниковъ большею частію безъ эмблемъ и безъ опредѣленія времени именами астиномовъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ съ ἐπὶ, иногда подразумѣваемымъ.

Надписи, помѣщенныя мною въ этомъ отдѣлѣ, не даютъ намъ, какъ и надписи съ ἀστυνόμου положительнаго отвѣта, подобно ѳазосскимъ, родосскимъ и книдосскимъ, на интересующій насъ вопросъ, гдѣ приготовлялась посуда, которой остатки лежатъ передъ нами. Мы не можемъ даже иногда, судя по нимъ, сказать утвердительно, принадлежала ли она городу съ населеніемъ дорическимъ или іоническимъ, такъ какъ многія дошли до насъ или неполныя или съ именами, употреблявшимися въ тѣхъ и другихъ безъ различія формы падежей именительнаго и родительнаго, встрѣчающихся обыкновенно на надписяхъ этого рода. Между тѣмъ обширныя торговыя сношенія, о которыхъ свидѣтельствуетъ значительное количество найденныхъ въ Ѳеодосіи ручекъ, съ штемпелями ѳазосскими, родосскими, и описанными выше съ ἀστυνόμου, по моему мнѣнію синопскими, заставляетъ предположить, что и другіе греческіе города искали въ Ѳеодосіи сбыта своихъ произведеній и что между ручками этого отдѣла, довольно многочисленнаго, есть принадлежащія привозной посудѣ изъ другихъ ближайшихъ и дальнѣйшихъ мѣстъ, на которыя мы можемъ указать, сличая другія извѣстныя намъ надписи.

1. ΑΓΑΘΩΝ — Ἀγάθων
ΓΝΑΘΩΝΟΣ — Γνάθωνος

Горшечникъ Ἀγάθων часто на ручкахъ съ ἀστυνόμου. См. V, № 1, второе имя не встрѣчалось.

2. ΟΝΟΣ — Ἀγάθ(ω)νος

Клеймо круглое и на немъ ожерелье съ привѣсками.

3. ΕΠΙΑΓΗ — Ἐπὶ Ἀγή
ΣΙΟΣ — σιος

Имя не встрѣчалось. Ср. Ἀγησίδας, на мон. родосскихъ.

4. ϟΑΔΥΩΙΤΑ 'Αγιώνδας.

Надпись на горлѣ. Patronymicum отъ 'Αγίων. Горшечникъ можетъ быть родосскій.

5. ΑΙΝΕΑ Плющевый листъ. Αἰνέα.

Имя встрѣчается на книдосскихъ у Дюм. IV, с. 145, 186.

6. ΑΙΝΙοΚ Шлемъ. Αἰνιοκ(λῆς)

Эмблема ѳазосская.

7. ΑΛΘΕοΣ ΦΙΛΙΝΟΣ Листъ. 'Αλθεος Φιλῖνος.

Надпись оттиснута на горлѣ цѣльной амфоры, безъ одной ручки. У Бекк. горшечникъ съ Δαματρι, но у него читаемъ 'Ανθεος, переправленное имъ въ 'Ανθέυς Δαματρί(ου) какъ имя отца. Кажется однакожъ, что здѣсь 'Αλθέος вмѣсто 'Αλθαῖος (у Діод. Сиц. 4, 34, у Страб. 10, 466) у Гезихія 'Αλθέα вм. 'Αλθαια, и имя можетъ быть родосское. Оба имени принадлежатъ, какъ видно, фирмѣ двухъ сообщниковъ.

8. ΑΜΥΝΤΑ 'Αμύντα
Вѣнокъ.

Францъ С. 1, IV, praef. помѣстилъ подобную между ручками incert. locorum. Бекк. считаетъ родосской. Üb. e. dr. S. c. 44,

9. ΑΜΥΝΤΑ 'Αμύντα
Ножны отъ меча.

Нѣсколько съ этимъ именемъ причислены Фр. къ книдосскимъ. С. 1, III, с. 11, 15—20, IV. Также и Дюм. с. 149, № 41—59, хотя у него имя принадлежитъ эпониму, а на нашей очевидно горшечнику.

10. ΑΠοΛΛ 'Απολλ(οδώρου)

Пополняю, имѣя въ виду приведенную выше надпись родосскую съ этимъ именемъ и надпись съ ἀστυνόμου у Стеф. О. А. К. 1869,

с. 209. Аполлонида знаемъ только какъ астинома. См. 1, 6, 7. Но можетъ быть здѣсь Аполлоній, какъ на надписи сейчасъ ниже.

11. ΓoΛΛΩNIoΣ — (Ἀ)πολλώνιος
IKEPKIN — (Ἐπ)ὶ Κερκίν(ου)

Надпись на горлѣ цѣльной амфоры. Этого астинома имѣемъ ниже на черепкѣ сосуда обратными буквами,—также на черепкѣ у Бекк. съ горшечникомъ Δαμοφῶν Зап. О. V, с. 30 и подобную въ нашемъ музеѣ; у Стеф. съ Ἡρακλείδας О. А. К. 1868, С. 125. Горшечникъ Аполлоній на четырехъ ручкахъ у Дюм., который считаетъ ихъ книдосскими, признавъ ихъ въ другомъ мѣстѣ родосскими. с. 275, № 21, 22, 23, 25. Бекк. готовъ считать ихъ книдосскими. Üb. e. dr. S. с. 43. Съ подобной же вѣроятностію, находя имя Керкина на монетахъ Аполлоніи Иллирійской и производя имя Аполлоній отъ имени города; можно бы думать, что амфора попала въ Θеодосію изъ Аполлоніи.

12. APIΣToK — Ἄριστοκ
ΛHoYC — λ(έ)ους

Имя на ручкѣ и кирпичѣ изъ Ольвіи, съ бодающимъ быкомъ у Бекк. Üb. e. dr. S. с. 31.

13. APIΣToK — Ἀριστοκ(λέους)
EYPYΔA — Εὐρυ(δάμου).

Изъ другихъ надписей видно, что здѣсь оба имени принадлежатъ фирмѣ двухъ горшечниковъ. См. ниже на горлѣ надп. Εὐρυδάμου.

14. APIΣTo — Αριστο
KPATEo — κράτεο(ς)

Бекк. приводитъ ручку найд. въ Ольвіи изъ С. 1, II, 2085, описанную Фр. 1, 126, но у него Ἀριστοκράτευς.

15. APIΣTΩN — Ἀρίστων
Ξ....KEPA — Κεραμεύς,

Подобную надпись, на которой горшечникъ называетъ свое ремесло см. выше V, 33. Горшечника съ этимъ именемъ я помѣстилъ выше въ родосскія, за горшечника же можно принять его на ручкѣ съ ἀστυνόμου № 5. См. слѣдующую.

16.	ИΩΤΖΙϤΑ ИΩϒΥΛΙΓƎ	На горлѣ.	Ἀρίστων Ἐπὶ Λύκων)ος)

Ниже имѣемъ того же астинома съ Σατυρίων.

17.	ΙΖΑ ΖƎΝ ΛƎΓ	Передъ корабля.	Ἀσι Νεσ Γελ

Точно такая же надпись у Бекк. изъ Ольвіи, но безъ эмблемы и по ошибочному снимку Бруна, въ третьей строкѣ вмѣсто обратныхъ Πελ читаемъ ΛΑΣ Бекк. Üb. e. dr. S. c 22. На книдосскихъ показаны иногда три компаніона, владѣльцы фабрики. Дюм. сер. IX с. 329, № 10, 11, с. 335, № 33. Первое имя можетъ быть было Ἀσίαρχος, или Ἀσίας [1]), второе Νέστωρ, третье Πελίας?

18.	ΑΦΑΙ ΤΙΩ	Неясная эмблема.	Ἁφαι(σ) τίω(νος)

Надпись на горлѣ. Имя встрѣчается на ручкахъ, но въ формѣ Ἡφαιστίων. Бекк. Mél. gr. rom. c. 441, Зап. О. VII, с. 26. Посуду, кажется, мы должны считать родосскою.

19.	ΔΑοΣ	Δάος

Имя оттиснуто обратно. Предполагая дигамму, можемъ сравнить съ римскимъ Davus.

20.	ΔΕΡΚΕΤο	Δερκέτο(υ)

Отъ того же корня происходитъ имя Δέρκις, ιος на надписи изъ горы Митридата въ Керчи Лат. Inscr. II № 23 и Δερκυλίδας производное отъ Δέρκυλος у Фр. С. 1, III р. IX.

---

[1]) По Иродоту сынъ Атиса, внукъ Маниса (Μάνης) перваго царя Лидійскаго. Ирод. IV, 45. Имя Μάνης имѣемъ на надписи съ ἀστυνόμου Бекк. Mél. gr. rom. 1, 492.

21. ΔΗΜΗΤ Δημητ(ρίου)

Горшечникъ на ручкѣ съ ἀστυνόμου у Бекк. Üb. e. dr. S. c. 34.

22. ΔΙοΔο Διοδότου
ΤοΥ

Эмблема не разборчивая, кажется гранат. цвѣтъ. Подобная же надпись обратная изъ Ольвіи. Бекк. Mél. gr. rom. 1, с. 440 и у Фр. книдосская.

23. Δ..ΔοΤοΥ Διοδότου.

24. .οΝΥΣΙοΣ На горлѣ Διονδσιος
...ΝοΜΑΧο сосуда. Δεινομάχο(υ)

Второе имя принадлежитъ отцу горшечника Діонисія. Такъ какъ отдѣльная надпись Διονυσίου встрѣчается съ кадуцеемъ, то можно думать, что посуда ѳазосская. См. протоколъ 276. Зас. У Бекк. три съ этимъ именемъ изъ Ольвіи и одна изъ Керчи, всѣ горшечниковъ Бекк. Mél. gr. rom. 1, с. 440.

25. ..οΥ На горлѣ. Διον(υ)
ΖΙοΥ σίου

26. ΙοΝο На горлѣ. Διον(υ)
ΣΙο σίου

27. ΔΙΩ.. Δίω(νος)

28. ΔΩΡοΘΕοΥ Δωροθέου

Двѣ подобныя найдены на Родосѣ. Фр. C. Insc. III и № 5392. Одна у Бекк. изъ Ольвіи. Mél. 1, 440.

29. ΔΩΡοΘΕοΥ Δωροθέου

Другая надпись того же горшечника.

30. ΔΩΡοΥ Δώρου

Ср. надпись выше Ἀστυνόμου Ποσιδείου Δῶρος и сейчасъ ниже обратную съ этимъ именемъ, также Стеф. на ручкѣ съ ἀστυνόμου О. А. К. 1869, с. 208.

31. ΥΟΡΩΔ (такъ) Δώρου.

32. ΝΑΙοΥ (Εἰρη)ναίου
ΓΟΡΙ⌒Ν . . . . .

Такая же неполная надпись находится на ручкахъ съ ἀστυνόμου, которую такъ пополняетъ Бекк. Зап. О. т. XI, 86; какое было второе имя догадаться трудно.

33. ЄΡΜΙΓΓ Ἑρμίππ(ου)

34. ЄΥΑΙ Εὐά(ρ)
ΥΟ⌒ χου

У Бекк. | ЄΥΑΡΧ изъ Керчи, что онъ читаетъ Εὐάρχου. Üb.
оΑΙΘΗ
e. dr. S. 22.

35. ΕΥΔοΞοΥ Εὐδόξου

36. ΕΥΡΥ На горлѣ. Εὐρυδάμο(υ)
ΔΑΜΟ

Имя читаемъ на цѣльной амфорѣ изъ Пантикапеи въ нашемъ музеѣ, съ прибавкой во второй строкѣ Διο.

37. ΥΓΙΩΖ На горлѣ. Ζώπυρος
ƧoϤ

Ζωπύρου на ручкѣ изъ Ольвіи. Бекк. Üb. e. dr. S. 23. Въ томъ-же падежѣ на нашей амфорѣ въ нашемъ музеѣ. См. Зап. Об. XI, с. 57 и Ζωπύρου, ἀστυνόμου..... ατ, гдѣ второе имя астинома.

38. ΗΡΑΙ На горлѣ. Ἡραίωνος
ΩΝοΣ

Двѣ съ этимъ именемъ изъ Ольвіи. Бекк. Mél. gr. rom. 1, 440.

39. ΗΡΑΚΛΕΠ
ΑΤΥΡ — На горлѣ. Ἡρακλε(ίτου)
(Σ)ατόρ(ου)

Первое имя на двухъ ручкахъ изъ Ольвіи. Бекк. тамъ же с. 440. Объ астиномѣ Сатирѣ см. V, №№ 80, 81, 82. Онъ же на 3 ручкахъ ѳазосскихъ. Стеф. О. А. К. 1869, С. 201.

40. ΘΕΟΜ — Θεομ(νῆστου)

Надпись на черепицѣ.

41. ΘΕΣΙοΚΡΙΤοΥ — Θεσ(μ)οκρίτου.

42. ΚΑΛ — Καλλία.
Булава — На горлѣ.
ΛΙΑ

Имя это читаемъ на горлѣ цѣльной амфоры въ нашемъ музеѣ, но нѣтъ эмблемы и надпись обратная. Какъ эмблема, такъ равно и помѣщеніе ея между строками указываютъ на происхожденіе амфоры ѳазосское, хотя окончаніе род. падежа и употребленіе той-же эмблемы въ Херсонисѣ напоминаетъ намъ Херсонисъ. Ср. выше IV, 22.

43. ΚΑΛΛΙΑ — Καλλία.
. . . . . — На горлѣ.
. . . . . .

Двѣ строки изглажены.

44. * *
ΚΑΛΛΙοΥ — Καλλίου.
* *

Звѣздочки, какъ видно изъ окончанія род. падежа, не всегда могутъ быть приняты за эмблему родосскую. См. выше II, № 47. Имя часто на монетахъ Смирны.

45. ΚΛΕΙΣ Κλεισίμβροτος, Κλεισιμβροτίδας?

Оба имени на надписяхъ родосскихъ, но можетъ быть здѣсь и Κλεισθένης.

46. ΚΛΕΑΙΝΕΤοΣ Голова бородатая Κλεαίνετος
ΝΕΥΜΗΝΙοΥ профилемъ вправо. Νευμηνίου,

Надпись съ именемъ этого горшечника находимъ при астиномѣ Поликторѣ у Стеф. О. А. К. 1869, с. 209, с. 209, съ той же эмблемой. Такая же эмблема при имени этого астинома и на надписяхъ съ другими горшечниками. См. выше IV, № 39, 40. Горшечникъ Κλεαίνετος при другомъ астиномѣ у Стеф. тамъ же с. 207 и у Бекк. Зап. О. V, 38.

47. ΚΛΕΩΝο Κλέωνος

48. ΚοΑΣ Дельфинъ Κόας
ΕΠΙΑΡΙΣΤΩΝοΣ Ἐπὶ Ἀρίστωνος.

49. ΚοΑΕΓΙ Κόα
Палица Ἐπὶ Ἀ(ψ)ίνο(υ)
Α. ΙΝο

Горшечникъ котораго имѣемъ на двухъ предыдущихъ надписяхъ на горлахъ и имя астинома на второй до сихъ поръ не встрѣчались. Трудно судить о происхожденіи ручекъ, какъ по имени Аристона, которое находимъ на надписяхъ ѳазосскихъ, родосскихъ и съ ἀστυνόμου, такъ равно и по эмблемамъ, употреблявшимся горшечниками сказанныхъ мѣстностей и извѣстнымъ по монетамъ Ольвіи, Херсониса и Книдоса. Обѣ ручки можно бы принять за издѣліе книдосское, или херсонисское.

50. ΚοΣΜοΥ Κόσμου.

Такая же у Фр. С. 1, III, f. IV, 5522, найденная въ Сициліи.

51. . . ΤΙΙΣθ (Κρά)της Θ
ΔοΤοΥ ευδότου

Оба имени на книдосскихъ Дюм. VIII, с. 320, № 143[6], IX, с. 333, № 15, 1 с. 130, № 25.

52.	ΥΟΝΙΤΑΡΚ ΟΝΙΚΡΕΚ	Надпись на горлѣ.	Κρατίνου Κερκίνο(υ)

Судя по черепку съ надписью Δαμοφῶν ἐπὶ Κερκίνου у Бекк. Зап. О. VII, 30 и такой же надписи на горлѣ амфоры, найденной въ дельтѣ древняго Танаиса, хранящейся въ нашемъ музеѣ, первое имя принадлежитъ астиному. Этого астинома имѣемъ на надписи Κερκῖνος Ἡρακλεΐδας у Стеф. О. А. К. 1868, с 125, по всему видно, что посуда происхожденіемъ изъ города дорическаго.

53.	ΚΡΑΤΙΓΟΥ	На черепицѣ отъ крыши.	Κρατίπ(π)ου

П выпущено по древнему произношенію.

54.	ΛΑΒΙΞΟΥ	Λαβίζου

Имя образовано изъ Λάβυζος, какъ назывался родъ духовъ по Атенею.

55.	ΓΑΒΡΟ ΕΥΡΥΑ	(Λ)αβρο(βίων) Εὐρύαλος

Находимъ двѣ надписи у Фр. С. 1, IV, 118, 49, по снимку Ашика въ Воспор. царст. II, с. 87, съ именами Λαβροβίων и Λαβροδάμας. Можно предположить здѣсь ошибку рѣзчика печати, принявшаго за Г сходную своимъ очертаніемъ Λ. Имя Εὐρύαλος встрѣчалось на ѳазосскихъ

56.	.ΛΑΚΩ. ΝΟΣ	На горлѣ	Λάκωνος

Возлѣ этого штемпеля другой | ΙΔ | съ буквами, означающими вѣроятно число 14; у Бекк. Зап. О. V, с. 59 (изъ Стеф. Mél.) на ручкѣ изъ Керчи первая строка изглажена, а на двухъ другихъ надпись ἀστυνόμου Λάκωνος, гдѣ очевидно ἀστυνόμου относится къ имени, которое было въ первой строкѣ.

57.	ΛΑΚΩ ΝΟΣ	Λάκω νος

Другой штемпель этого горшечника также на горлѣ, безъ буквъ ΙΔ.

58. ΕΠΙΛ — Ἐπὶ Λ..

Надпись не вышла.

59. ΛΛΓΙΡο — Λαπιρο(ῦ)
ΦΑИοΚ — Φανοκ(λέους)

Первое имя не встрѣчалось. Ср. гл. Λαπίζω, (чванюсь) и имя Λαπίρων, извѣстное изъ надписей, Φανοκλῆς на ѳазосской у Бекк. Üb. e. dr. S. c. 20.

60. ΜΕΝΑΝΔΡοΣ — Μένανδρος

Съ правой стороны надписи трезубецъ, эмблема книдосская. Горшечникъ съ этимъ именемъ на ручкѣ съ ἀστυνόμου выше IV, № 39.

61. ΜΙΔΑ гроздъ. — Μίδα

Такая же съ тѣми же эмблемами и три безъ эмблемъ у Фр. С. 1, III, с. XIX. На надписяхъ съ ἀστυνόμου у Бекк. Mél. gr. rom. 1, 487, 489. Зап. О. V, 37.

62. ΜΙΚΚ — Μίκκου
οΥ

Имя въ дорической формѣ вм. іонич. Μίκου, встрѣчающейся на надписи съ ἀστυνόμου. У Стеф. О. А. К. 1868, с. 124, Μίκου ἀστυνόμου..... гдѣ изглажено имя астинома.

63. Ʒ·ƷƷοΛοΜ — Μολοσσός
οΝΙΚϘƎΚ — Κερκῖνος

Надпись на горлѣ. О первомъ имени см. II, 39, о Керкинѣ ниже.

64. ΝΙΚΔΓΙΔοΣ — Νικάγιδος

У Уварова изъ Ольвіи, у Фр. IV, 144—146 изъ Александріи и Сициліи.

65. ИІКАИ Νικάν(ωρ)

Судя по качеству глины и находя ручку съ этимъ именемъ въ Сициліи, въ Гелѣ, колоніи родосской, можно считать нашу родосской. См. Фр. III, № 5526.

66. ..ϚΑΣΙΜΑΧ (Νικ)ασιμάχου
ΜοΣΘΕ (Δη)μοσθέ(νους)

Νικασίμαχος на трехъ книдосскихъ у Дюм. VII, с. 296, № 157, 158, X, с. 361, № 169.

67. ΕΓΙΝΙΚΩΝοΣ Ἐπὶ Νίκωνος.

У Бекк. такая же надпись двустрочная. Зап. О. VII, 27 помѣщена въ числѣ надписей неизвѣстнаго происхожденія. Никона находимъ также въ Гелѣ и ручка можетъ быть родосскою. См. предыдущую надпись № 65.

68. ΝοΣΣο На горлѣ. Νόσσο(υ)
ΕΓΙΛΥΚΩ Ἐπὶ Λύκω(νος)

Подобная надпись уже встрѣчалась въ Керчи. Стеф. О. А. К., 1869, с. 216 и у Бекк. Üb. e. dr. S. с. 23. Первое имя находимъ на монетахъ Милета и на ручкѣ вазосской у Бекк. Зап. О. VII, 22, второе съ горшечникомъ Аристономъ, выше VI, 16 и съ Сатиріономъ, № 74.

69. ΝοΣΣ На горлѣ. Νόσσ(ου)
οΛΥ Ὀλύ(μπου).

Ручки съ именемъ Олимпа, на которыхъ обыкновенная эмблема факелъ, по Дюм. и Бекк. родосскія. См. Mél. gr. rom. 1, 442 и Зап. О. XI, с. 18. Двѣ найдены въ Сициліи. Фр. С. 1, III, № 4680, 5529.

70. ΝοΣΣο Νόσσο(υ)
Δ..Μ Δ..μ

Какое имя было здѣсь Δαΐμένης или Διομήδης или другое, догадаться трудно.

71. оИЗΞ Ξενόστρατος
ЗоТАЧТЗ

На родосскихъ мы имѣли эпонима этого имени, здѣсь горшечника. Имя эпонима, если ручка родосская, было на другой ручкѣ.

72. ЕΠΙΞЕΝо 'Επὶ Ξενο..
ΓоТΛΡ Ποταμ..

Если первое имя было Ξενόστρατος, Ξενοφάνης или Ξενότιμος, которые встрѣчались между эпонимами родосскими, послѣдній у Бекк. Зап. О. VII, 13, то амфора родосская. Ποταμοκλῆς у Бекк на родосской. Üb. e. dr. S. c. 23. Но могло быть имя Ποτάμων.

73. ΓΑΣΙΑ Πασιά(δας)
ΜοΛοΣΣοΣ Μολοσσός

Пишу Πασιάδας, имѣя выше второе имя съ Δαματρίο. См. II, № 39. Въ этой формѣ находимъ на надписяхъ съ ἀστυνόμου у Бекк. Зап. О. V, 31, гдѣ читаемъ оΛоΜ. Объ этомъ имени выше.

74. ΠΑΥΛΟ Παύλ(ου)

Надпись позднѣйшая, какъ видно изъ буквы П.

75. ...ΕΡΔΩ (Πολυκ)έρδω(νος)

Можно догадываться, что имя, котораго имѣемъ только вторую половину, образовано изъ прилагательнаго πολυκέρδης. Имя Κέρδων находимъ въ миміямбахъ Ирода, писателя первой половины III вѣка до Р. Х, въ VI стихотвореніи, гдѣ такъ названъ сапожникъ.

76. ΓοΣΙΔΕ Ποσιδέου
Голова Пана

Имя встрѣчается въ Ольвіи и въ скиѳскомъ Неаполѣ. Лат. Inscr. 1, № 48, 60, 121, 240, 243, 244. На ручкахъ съ ἀστυνόμου обыкновенно находимъ Ποσίδειος, είου. Бекк. Зап. О. VII, 42. Üb. e. dr. S. c. 116. См. выше IV, 70.

77. ΓΥθοΔ На горлѣ. Πυθοδ
оТоΛΥ ότο(υ)Λυ..

78. ΜΑϥ
ΑΙΦ — На горлѣ. — Ῥαμ
φία

Ῥαμφίας «кривой ножъ» Лакедемонецъ, упоминается у Фукидида и у Ксенофонта. Имя также на надписяхъ.

79. ƷΟΥΤοΣ
ΠΣ — Гроздъ. — (Σαμ)βοῦτος
(Μν)ῆσ(ις)

Имя Σαμβοῦς стратига въ Ольвіи у Лат. 1, № 50.

80. VϥΙ
ΕΡΙΑΡΙΣΙ — На горлѣ. — (Σατ)υρί(ωνος)
Ἐπί Ἀρίσ(τωνος).

Имя Σατυρίων на воспорской надписи при Перисадѣ, сынѣ Левкона, Лат. Inscr. II, 10. Пишу Ἀρίστωνος имѣя въ виду двустрочныя надписи съ этимъ эпонимомъ. II, № 27, V, № 5.

81. VϥΙ
ΕΓΙΛΥΚ — На горлѣ. — (Σατ)υρί(ωνος)
Ἐπὶ Λύκ(ωνος)

Ликона имѣемъ выше съ горшечникомъ Νόσσος и VI № 16, съ горшеч. Аристономъ. Обратное Ϥ находимъ и на другихъ надписяхъ. См. надп. изъ Ольвіи у Бекк. Mél. gr. rom. 1, c. 424.

82. .ΗΣΑΜ — На горлѣ — (Σ)ησάμ(ου)

Горшечникъ получилъ имя отъ пафлагонскаго города Σήσαμος, чему имѣемъ и другіе примѣры: какъ Κίνωλις на ручкѣ у Бекк. съ ἀστυνόμου у Бекк. Üb. e. dr. S. c. 28 и такое-же имя пафлагонскаго города, Ξάνθος Бекк. Mél. gr. rom. 1, 442 и городъ этого имени въ Ликіи, Σινωπίων. Бекк. Mél. 1, 494 и Σινώπη въ Пафлагоніи.

83. ΣΙΛΑ
Νο — На горлѣ. — Σιλανο(ῦ

Имя у Франца изъ Евпаторіи, C. 1, IV, 176 и на глиняной посудѣ изъ Сицилiи, Фр. № 5531, также у Бекк. изъ Никоніи. Зап. О. V, 31. Встрѣчается и на Сицилійской монетѣ.

84. ⊂ΙΜ Σιμ
Листъ
ΣΟ.Α

Изъ именъ горшечниковъ, встрѣчающихся на ручкахъ, могло быть Σιμαλίων. Бекк. Mél. gr. rom. 1, с. 484 или Σιμίας, выше V, № 28, хотя на надписяхъ имѣемъ Σιμαλέων. Бекк. и Σῖμος. См ниже штемпель съ обратною надписью Σιμ.

85. ΕΓΙΣΚΥΘΑ На горлѣ Ἐπὶ Σκύθα

Σκύθας у Стеф. О. А. А. 1862, с. 28. Σκύθης на надписи, найденной въ Тамани, воспорскаго архонта Левкона, но тамъ род. Σκύθεω въ формѣ іонич. Лат. Inscr. II, 343.

86. ΣοΣ / ΚΕΡ На горлѣ. Σόσ(σιος) Κερ

Σόσσιος на Ольв. надписи агораномъ Лат. Inscr. 1, № 750, но здѣсь скорѣе имя горшечника, что подтверждается, когда предположимъ во второй строчкѣ ΚΕΡΑΜΕΥΣ, какъ выше V, № 35. Нельзя однакожъ утверждать, что здѣсь не было имени Κερκῖνος другаго фабриканта. См. № 51, и что въ первомъ имени ο не употреблено какъ на древнѣйшихъ надписяхъ, вмѣсто ω.

87. ΣΩΣΘ На горлѣ. Σωςθ(ένους)

Клеймо вытиснуто дважды на томъ же мѣстѣ

88. ΗΤΩΖ На горлѣ. Σωτῆ
ΖοϤ ρος

Горшечникъ съ этимъ именемъ на книдосскихъ у Дюм. S. XII, С. 382, № 2, 22.

89. ΤΕΛΕΑΣ Τελέας.

Подъ плющевымъ вѣнкомъ, въ которомъ кадуцей. Обѣ эмблемы ѳазосскія.

90: ΤΕΛΕΑ Τελέα
Вѣтвь лавровая.

Надпиись въ кругѣ. Имя Τελέας, на монетахъ книдосскихъ въ Коринѳѣ, Аѳинахъ.

91. ΦΑΝοϹ На черепицѣ. Φᾶνος

Производное отъ этого имени Φανίδας на книдосской А. Дюм. S. VI, с. 269; но можетъ быть здѣсь Φανοσθένης и Φανόστρατος.

92. ΙΦ Φίλοκράτης
ϰοΛ
ΤΑϤ
ΞϹ

См. выше IV, № 1, горшечника съ этимъ именемъ, но та ручка древнѣе.

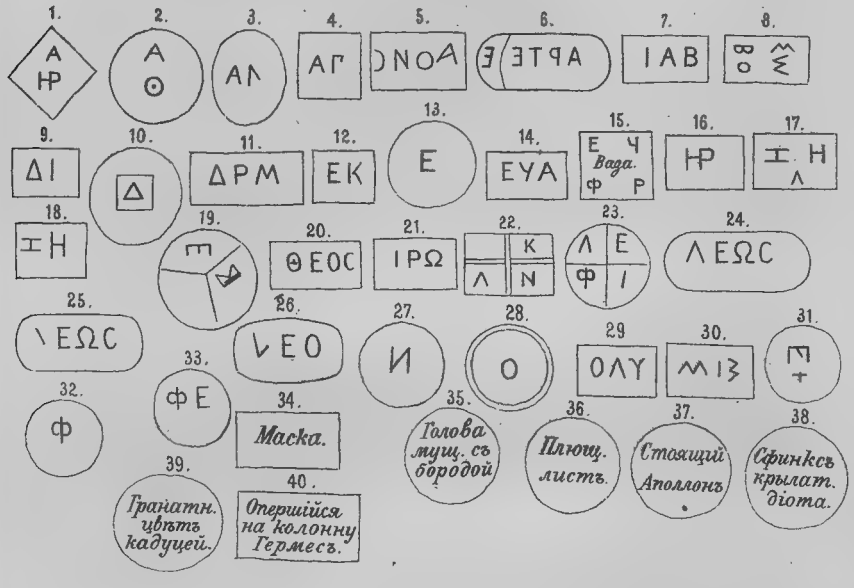
93. ΙΛοϹΤΕ (Φ)ιλοστε
ΦΑΝο φάνο(υ)

Надъ надписью длинный шестъ, на концахъ котораго съ одной стороны топоръ, съ другой трезубецъ. У Франца двѣ такія надписи неизвѣстнаго происхожденія, одна съ parazonium. По Бекк. трезубецъ эмблема книдосская, и по этой причинѣ ручка съ надписью, такъ же какъ и наша, позднѣйшаго происхожденія, съ длиннымъ шестомъ и трезубцами, пополняется имъ прибавкой κνιδ. и предполагается, что на другой ручкѣ было имя чиновника съ ἐπί.

94. ΦΙΛοΣΤΕ Φιλοστε
ΦΑΝοΥ φάνου
•[|═══|⌐

Подъ надписью, эмблема, которую опредѣлить трудно.

VII. Клейма на ручкахъ и черепицахъ, съ монограммами на однихъ, тремя или четырмя начальными буквами именъ горшечниковъ на другихъ и эмблемами безъ указанія имени горшечника на третьихъ.



5) На черепицѣ.

11) Какъ на монетахъ Савромата II воспорскаго.

13) Подобную монограмму находимъ на монетахъ Синопы.

14) См. VI, № 34.

16) Ἡρονύμου двѣ ручки у Бекк. Üb. e. dr. S. c. 33, гдѣ это имя принадлежитъ очевидно горшечнику.

20) На черепицѣ. Имя Θεοσθένης встрѣчается на ѳазосскихъ. Бекк. Зап. О. VII, с. 19.

21) Ἱερώνυμος на ручкѣ съ ἀστυνόμου, IV, 48. Бекк. Зап. О. VII, 55. Ἱρώνυμος, Mél. 1, с. 487.

24), 25), 26) На всѣхъ сокращенное имя Λεωσθένης. Первыя двѣ надписи, судя по формѣ буквъ, принадлежатъ послѣднимъ столѣтіямъ до Р. Х., въ третьей формѣ Ѵ=Λ и О=Ω встрѣчается въ V столѣтіи. Всѣ три надписи на черепицахъ.

29) Имя Ὀλύμπου, см. VI, 63.

30) См. VI, 77.

32), 33) Φείδιππος на ѳазосскихъ?

35) См. V, 31.

36) Плющевый листъ часто на ручкахъ съ ἀστυνόμου.

38) Обѣ эмблемы хіосскія.

39) Обѣ эмблемы родосскія.

40) См. надпись съ ἀστυνόμου, IV, 29, V, 76.

VIII. Надписи подъ дномъ сосудовъ.

Найденные 44 черепка отъ разбитыхъ чернолаковыхъ сосудовъ, отъ которыхъ остались только круглыя разной величины донушка, дозволяющія судить приблизительно о величинѣ самихъ сосудовъ, и кромѣ ихъ три солонки (ὀξύβαφα), изъ коихъ одна цѣльная, носятъ подъ низомъ надписи, вырѣзанныя рѣзцомъ или другимъ острымъ орудіемъ на готовой уже посудѣ. Надписи писаны рукою самихъ фабрикантовъ для того, очевидно, подъ дномъ, чтобы не портить рисунка и не искажать наружнаго вида сосудовъ, какъ это сдѣлано съ однимъ, который обезображенъ начерченными снаружи знаками. См. № 29. Что многіе сосуды были росписные видно изъ оставшихся при одномъ днѣ боковыхъ кусочковъ стѣнокъ съ рисункомъ розоваго цвѣта на черномъ фонѣ, отъ котораго осталась нога стоящей или сидящей женщины и часть подола платья, № 31. Иныя надписи сдѣланы по заказу покупателей посуды, желавшихъ, чтобы было обозначено имя новаго владѣльца (№№ 1 и 2); другія начертены очевидно фабрикантомъ, съ цѣлью ознакомленія покупателей съ его фирмой, которую онъ обозначалъ четырьмя, тремя, двумя или одной начальной буквой своего имени или монограммой, съ показаніемъ иногда числа изготовленныхъ въ его фабрикѣ того или другаго рода сосудовъ и ихъ цѣны. См. ниже. За особую выходку горшечника мы должны принять помѣщенный на двухъ донушкахъ алфавитъ. См. №№ 16 и 17. Судя по одинаковымъ на многихъ сосудахъ узорамъ, посуда вышла изъ одной фабрики и, какъ доказываютъ двѣ надписи №№ 1 и 2, принадлежитъ очень древнему времени, но откуда привезена въ Ѳеодосію догадаться трудно, тѣмъ болѣе, что подобныя на донушкахъ надписи не рѣдки и нѣсколько ихъ, найденныхъ въ Италіи и въ другихъ мѣстахъ, изданы Францемъ въ Corp. Inscr. Graec., т. IV, 1, №№ 3033, 3035, 8271, 8344, 8345 b, c, e, g, t, 8346 b, i 8347, и оттого можно считать весьма вѣроятнымъ, что подобной посудой во время оживленной торговли съ Аѳинами въ IV вѣкѣ до Р. Х. снабжали Ѳеодосію Аѳины. См. Предисловіе.

1. ΒΟΣΓΟΡΙ+ΟΕΙΜΙΤΟΤΙΜΩΡΙΟΣΚΥΛΙΞ

Βοσπορίχο(υ) εἰμὶ το(ῦ) Τιμώριος κύλιξ

Надпись начерчена около краевъ донушка. Имя Τίμωρις на надписи съ ἀστυνόμου Бекк. Üb. e. dr. S. c. 27, гдѣ онъ принимаетъ род. п. Τιμώριος за именительный. Въ этомъ родѣ надпись: Σωστρᾶτου εἰμί на бокалѣ у Фр. С. 1, IV, № 7588, по словамъ котораго такихъ надписей немного, гдѣ упоминается владѣлецъ посуды. Имъ приведены, кромѣ показаннаго мною №, еще номера 7601, 7874, 8317. Первое имя не встрѣчалось. Оно такъ отзывается Воспоромъ, что, по всей вѣроятности, возникло въ воспорскомъ царствѣ и надпись сдѣлана горшечникомъ по заказу воспорскаго гражданина, купившаго у него посуду.

2.

Σωσιβίο(υ)

Не умѣя разгадать смысла самой надписи, представляю точную ея копію. Можно только заключить изъ упоминаемаго въ надписи Борея, что на вазѣ была изображена миѳологическая сцена, въ которой игралъ роль Борей, и что фабрикантъ объяснилъ эту сцену. Имѣемъ Σωσι на монетахъ Синопы и имя у Стеф. О. А. Е. 1859 с. 142.

3. Ā

4. ΛΓ

5. Æ Y На днѣ солонки.

6. ΑΗ

7. ΑΛΕ Двѣ подобныя.

8, 9. ΑΓ

10.

11. АРТ

12.

13. А

14, 15. Двѣ подобныя Одна на маленькомъ блюдечкѣ.

16. Алфавитъ въ слѣдующемъ порядкѣ буквъ:
АГВЕΔІНΘКΛΜΞОПΣТ+ФΨН (такъ).

17. К и вокругъ нея около краевъ буквы алфавита АВГΔЕНΘІКΛΜ, дальше отбито. Судя по дну, это былъ большой κρατήρ, что можетъ и означаетъ буква К.

18.

Монограмма, повидимому римскаго времени и означаетъ три унціи, οὐγκίαι; подобная сей часъ ниже.

19.

На обломкѣ діоты, означающая одну унцію.

20. ΔΔ⊢

21. ΔΔІІІІ

22. ΔΔΔΓ и подъ этимъ числомъ

На трехъ предыдущихъ донушкахъ показаны числа 21, 24 и 35, но трудно знать, какое имѣютъ значеніе, число-ли изготовленныхъ фабрикантомъ извѣстнаго рода сосудовъ, или здѣсь пропущена цѣна, которая на другихъ сосудахъ обозначается. См. Фр. С. 1, V, № 8344 κρατῆρας ΓІ Τιμὴ ⊢⊢⊢⊢, т. е. 6 такихъ чашъ стоятъ 4 драхмы и у него-же № 8346[b] ΔΔΔІІ τιμὴ ⊢⊢ІІІІ, т. е. 32 подобныхъ сосудовъ стоятъ 2 драхмы и 4 овола. Ср. № 8345[c].

23.

24. ΔН.

25. Е.

26. ZоР
⊣о

27. НΔ Подъ дномъ большой чаши.

28. Большая чаша.

29. НН Г
⊢⊢ІІ

Надпись подъ дномъ солонки, показывающая, какъ кажется,

цѣну ⊦⊦II: двѣ драхмы и два овола, за 25 такихъ солонокъ. Снаружи начерчено: ⱵⱯFꝆB

30. ΘΕΥ AFꟿ

Сокращеніе ΘΕΥ слѣдуетъ принять за начало имени горшечника, не за имя города Θеодосіи.

31. ΙΑΣ Подъ дномъ росписной вазы.

32. ΚΑΓΓΙ Καλλία.

33. ϹΤΕ Κτε.

34. ΚΟ

⅄ Буква Ψ.

35. Ψ

36. ΛΑΤΕΑΤΡΙΗΚ

Слѣдуетъ кажется читать: (Π)λατέα, (т. е. ἀγγεῖα) τριήκ(οντα).

37. ΛΕ

38. Μ

39. ΜΥ

40. ΜΕΝΕ

41. ΟΙ

42, 43. Γ

44. ΓΑ

45. ΣΩ

46. ΣΩΓ

ЖШ

Δ

ΧШ

47. Μ Монограмма ΣΙ.

Имена встрѣчающіяся въ вышеописанныхъ отдѣлахъ IV, V, VI, VII и VIII-мъ.

Ἀγάθων IV, 5; V, I; VI, 1, 2.
Ἀγάθων Γνάθωνος VI, 1.
Ἀγῆσις VI, 3.
Ἀγιώνδας VI, 11.
Αἰνέας VI, 5.
Αἰνιοχλῆς VI, 6.
Αἰσχίνης IV, 1; V, 2, 3.
Ἄκορνος IV, 40.
Ἀλθαῖος VI, 7.
Ἀμύντας VI. 8, 9.
Ἀνθεστήριος τοῦ Νουμηνίου IV, 2.
Ἀπολλόδωρος IV, 3, 4; V, 24, 25, 26, 34, 75; VI, 10.
Ἀπολλονίδης τοῦ Ποσειδωνίου IV, 5, 6; του Ἑκαταίου IV, 7.
Ἀπολλώνιος IV, 7; V, 4, 63; VI, 11.
Ἀριστοκλῆς VI, 12, 13.
Ἀριστοκράτης VI, 14.
Ἀριστόμαχος IV, 9.
Ἀριστίων V, 22.
Ἀρίστων V, 5; VI, 15, 16, 48, 80.
Ἀρτεμίδωρος IV, 47; V, 6.
Ἀρτέμων V, 7.
Ἀρχέπτολις IV, 4, 20; V, 41.
Ἄτταλος IV, 10.
Ἀφαιστίων VI, 18.
Ἄφινος VI, 49,
Βατίσκος IV, 18, 19.
Βόρυς τοῦ Ζεύξιος IV, 11.
Βόρυς V, 9, 10, 11, 12.
Βοσπόριχος VIII, 1.
Γλαυκίας V, 19.
Γνάτων VI, 1.
Γόλαντος V, 43.
Γυρίττης V, 28.
Δάος VI, 19.
Δεινόμαχος VI, 24.
Δελφίνιος V, 64.
Δέρκετος VI, 20.
Δημοσθένης VI, 66.
Δημήτριος IV, 12, 13; V, 17, 21, 76; VI, 21.
Διόδοτος VI, 22, 23.
Διονύσιος τοῦ Ἀπημάντου IV, 14; Διονύσιος Δεινομάχου VI, 24.
Διονύσιος IV, 15, 16, 17; V, 1, 13, 14, 15, 66, 67; VI, 25, 26.
Δῖος τοῦ Ἠκάδου V, 19.
Δῖος V, 20.
Διοσκουρίδας V, 18.
Δίων VI, 27.
Δρόμων V, 40.
Δωρόθεος VI, 28, 29.
Δῶρος IV, 42; VI, 30, 31.
Εἰρηναῖος VI, 32.
Ἔκας V, 21.
Ἑκαταῖος V, 11.
Ἔνδημος IV, 18—22.

Ἐπίδημος IV, 23—25; V, 22, 23.
Ἐπιέλπης V, 53.
Ἐπικράτης V, 24—26.
Ἑρμιππος VI, 33.
Ἑστιαῖος IV, 25.
Ἑστιαῖος τοῦ Ἀρτεμιδώρου V, 27.
Εὔαρχος VI, 34.
Εὐαγόρας VII, 14.
Εὔδοξος VI, 35.
Εὐρύαλος VI, 55.
Εὐρύδαμος VI, 36.
Εὐχάριστος IV, 26.
Ζῆνις τοῦ Κλεαινέτου IV, 27.
Ζώπυρος VI, 37.
Ἠκάδης V, 29.
Ἡρακλείδης IV, 46; V, 30, 31.
Ἡράκλειος V, 32.
Ἡράκλειτος VI, 39.
Ἡραίων VI, 38.
Ἡρωγένης τοῦ Νικάνορος V, 34.
Ἡφαίστιος V, 35.
Ἡφαίστιος τοῦ Ποσειδωνίου V, 36.
Θεαρίων V, 33.
Θεόδωρος IV, 39.
Θεόμνηστος VI, 40.
Θεοσθένης VII, 20.
Θεσμόκριτος VI, 41.
Θευδορίδης IV, 28; V, 37.
Θεύδωρος V, 15, 38.
Θῦς IV, 29; V, 60, 61.
Ἰκέσιος τοῦ Σιμίου IV, 30.
Ἰκέσιος IV, 31; V, 39, 40.
Ἰρώνυμος VII, 21.
Ἰστιαῖος IV, 19, 22, 32; V, 41, 43—50.
Ἰστιεῖος V, 51.
Καλλίας IV, 24, 32; VI, 42—44; VIII, 7.
Καλλισθένης IV, 45; V, 6, 12, 23, 39.
Καλλίχορος τοῦ Προταγόρου IV, 33, 34.
Κερκῖνος VI, 11, 52, 63.
Κλεαίνετος VI, 46.
Κλεινίας τοῦ Ἑπταλίου IV, 35.
Κλεισίμβροτος VI, 45.
Κλέων VI, 47.
Κόας VI, 48, 49.
Κόσμος VI, 50.
Κράτης Θευδότου VI, 51.
Κρατῖνος VI, 52.
Κράτιππος VI, 53.
Κρόνιος IV, 2.
Κτήσων IV, 13.
Κῦρος V, 31.
Λάβιζος VI, 54.
Λαβροβίων VI, 55.
Λάκων VI, 56, 57.
Λαπιρός VI, 59.
Λεωμέδων τοῦ Ἐπιδήμου IV, 36.
Λεωσθένης VII, 24—26.
Λύκων VI, 16, 68, 81.
Μάγης IV, 33.
Μάγρις V, 51.
Μαντίθεος V, 27.
Μένανδρος IV, 41; VI, 66.
Μενίσκος IV, 44, 51; V, 57, 58.
Μίδας VI, 61.
Μιθραδάτης IV, 53; V, 53, 54.
Μίκος V, 55, 56.
Μίκκος VI, 62.
Μικρίας V, 57—62.
Μιλτιάδης IV, 43; V, 35, 62.
Μνῆσις IV, 26; V, 16, 64, 65.
Μνῆσις τοῦ Φορμίωνος IV, 37.
Μίοσλος V, 63.
Μολοσσός VI, 63, 73.
Μόλλος V, 84.

Νευμήνιος IV, 1.
Νουμήνιος IV, 2.
Νίκαγις VI, 64.
Νικάνωρ VI, 65.
Νικασίμαχος VI, 66.
Νικομήδης V, 66—68.
Νίκων V, 69; VI, 67.
Νόσσος VI, 68—70.
Ξενόστρατος VI, 71, 72.
Ὄλυμπος VI, 69.
Ὄρθος V, 44.
Πασιάδας VI, 73.
Πασιχάρης V, 70.
Παῦλος VI, 74.
Πολυκέρδων VI, 75.
Πολύκτωρ τοῦ Δημητρίου IV, 39—41.
Πολύχαρμος V, 71, 72.
Ποσίδειος τοῦ Θεαρίωνος IV, 42; V, 73.
Ποσίδεος VI, 76.
Ποσειδώνιος IV, 15, 21; V, 2, 69, 74—81.
Πόσις τοῦ Στρατονίκου IV, 43.
Ποταμοκλῆς VI, 72.
Πότος V, 59.
Πρῶτος IV, 38, 50.
Πρωτοφάνης V, 81.
Πρύτανις IV, 9.
Πύθεος IV, 48.
Πύθης V, 9, 37.
Πυθόδοτος VI, 77.
Πυθοκλῆς IV, 44, 45.
Πυθόχρηστος τοῦ Ἀπολλωνίδου IV, 46, 47.
Ῥαμφίας VI,
Σάγαρις V, 28, 33.
Σάγαρις τοῦ Νουμηνίου V, 82.
Σαμβοῦς VI, 79.
Σάτυρος V, 83—85; VI, 39.
Σατυρίων VI, 80, 81.
Σήσαμος VI, 82.
Σιλανός VI, 83.
Σιμαλίων VI, 84; VII, 3.
Σιμίας V, 54.
Σκύθας VI, 85.
Σόσσιος VI, 86.
Στέφανος V, 10.
Σωσθένης VI, 87.
Σωσίας V, 86.
Σωσίβιος VIII, 2.
Σωτήρ VI, 88.
Σωτηρικός IV, 31.
Τέβης V, 48.
Τελέας VI, 89, 90.
Τεύθρας V, 5, 78, 79.
Τεύθρας τοῦ Θυμοχάρους V, 77.
Τίμωρις VIII, 1.
Φανοκλῆς VI, 59.
Φᾶνος VI, 91.
Φιλήμων IV, 6, 11.
Φιλοκράτης IV, 10, 49; V, 65; VI, 92.
Φιλοστέφανος VI, 93, 94.
Φίλων V, 87.
Φορμίων IV, 37.
Χοιρίλος IV, 28.
Χορηγίων τοῦ Λεωμέδοντος IV, 50, 51.

Главнѣйшія опечатки въ этой статьѣ.

На страницѣ	5 нач.	напечатано	Κύρος	должно быть	Κῦρος
» »	33	»	Ζωσικλεῦς	» »	Σωσικλεῦς
» »	35 № 2	»	Νουμηνιου	» »	Νουμηνίου
» »	40 № 26	»	Μνήσις	» »	Μνῆσις
» »	63 № 78	»	Τεύθρα	» »	Τεύθρας
» »	79 № 89	»	Γελέας	» »	Τελέας

Поч. ч. В. Юргевичъ.

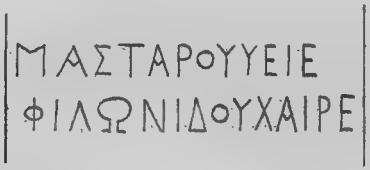
Камни съ пантикапейскими надписями, купленные для Мелекъ-чесменскаго музея въ 1894 году.

I.

Надгробная плита изъ твердаго известняка, вышиною 1,79 метра, шириною 0,52, толщиною 0,18 м. Верхняя часть плиты украшена обычнымъ фронтономъ съ тремя розетками. Розетки не одинаковы: надъ фронтономъ находятся розетки съ шестью лепестками, между тѣмъ какъ на внутренней площади его видна розетка, сдѣланная на подобіе щита, обращеннаго выпуклостью къ зрителю, діаметръ этого украшенія 0,07 метра. Подъ карнизомъ фронтона выдаются изъ камня тоже три розетки; они поставлены въ рядъ, на одинаковомъ другъ отъ друга разстояніи, и состоятъ изъ двухъ концентрическихъ розетокъ, изъ которыхъ нижнія съ восемью, а верхнія съ четырьмя лепестками. На разстояніи 0,51 метра отъ верхняго конца плиты есть углубленіе выш. 0,51, шир. 0,407 м., изъ котораго выдаются двѣ фигуры, къ сожалѣнію, съ отбитыми головами. По лѣвую сторону стоитъ, облокачиваясь лѣвою рукою на колонну (0,275 м. вышины), воинъ въ подпоясанномъ хитонѣ, въ штанахъ (складки хорошо сохранились) и въ длинномъ плащѣ (ἱμάτιον). Гиматіонъ не прикрываетъ праваго бока воина. На лѣвомъ боку воина виситъ мечъ; зрителю видна только нижняя часть ноженъ, которыя на концѣ разширяются. Правая рука воина согнута и покоится также на колоннѣ. Къ сожалѣнію, обѣ руки до того повреждены, что нельзя опредѣлить, доходили-ли рукава хитона до кисти руки, какъ то бываетъ у хитоновъ, которые носились по преимуществу варварами (χιτὼν χειριδωτός). Съ другой стороны къ колоннѣ прислоненъ большой

продолговатый щитъ, выш. 0,31 м. Щитъ съ выпуклостью по серединѣ (ὀμφαλός) входитъ лѣвою стороною въ поле рельефа, а правою выдается изъ фона. Съ правой стороны, рядомъ со щитомъ, стоитъ мальчикъ съ отбитою головою; по слѣдамъ, оставшимся на камнѣ, можно судить, что фигура мальчика была выш. 0,24 метра, стало быть, ниже, чѣмъ щитъ.

Непосредственно подъ рельефомъ находится надпись въ двѣ строки, буквы которой изсѣчены весьма старательно. Буквы вышиною 0,037 метра, буква «о» нѣсколько меньше.



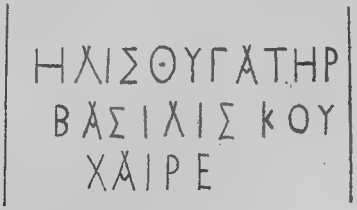
Μασταροῦ υ(ε)ἱὲ
Φιλωνίδου, χαῖρε.

Имя Μασταροῦς, насколько мнѣ извѣстно, встрѣчается еще на двухъ камняхъ (B. Latyschev, Inscriptiones regni Bosporani nn. 174 et 175), изъ которыхъ одинъ хранится въ Мелекъ-чесменскомъ курганѣ. Φιλωνίδης (Pape-Benseler, Wörterbuch d. Griech. Eigennamen s. v.) встрѣчается въ пантикапейскихъ надписяхъ въ первый разъ.

II.

Хорошо сохранившаяся надгробная плита изъ известняка, вышиною 0,72 метра, шириною 0,35, толщиною 0,13 метра. На верхней части камня обычный фронтонъ съ тремя розетками, состоящими изъ четырехъ лепестковъ. Въ 0,16 метра отъ верхняго конца плиты находится почти квадратное углубленіе (выш. 0,26, шир. 0,25 м.) съ тремя рельефными фигурами. По лѣвую сторону, на креслѣ (θρόνος) сидитъ женщина, ноги которой покоятся на низкой скамейкѣ (θρῆνος, ὑποπόδιον). Женщина одѣта въ длинный хитонъ (χιτὼν ποδήρης) и гиматіонъ; своимъ одѣяніемъ она нѣсколько напоминаетъ терракотту, изображенную у Baumeister'a: Denkmäler des klass. Altertums I, p. 692. По правую сторону рельефа, противъ сидящей женщины, стоитъ почти такъ же одѣтая женская фигура. За кресломъ, т. е. по лѣвую осртону рельефа, стоитъ маленькая дѣвочка съ ящикомъ въ рукахъ.

Подъ рельефомъ видна хорошо вырѣзанная надпись, состоящая изъ трехъ строкъ; буквы вышиною 0,02 метра. Какъ на рельефѣ, такъ и въ углубленіяхъ буквъ замѣтны слѣды свѣтломалиновой краски.



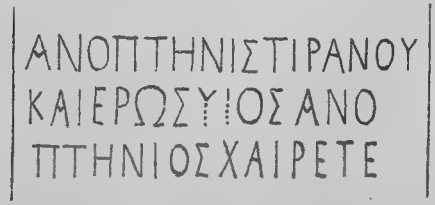
Ἥλις θυγάτηρ
Βασιλίσκου,
χαῖρε.

Собственныя имена этой надписи встрѣчаются въ боспорскихъ надписяхъ не въ первый разъ: Ἥλις: Latyschev, l. l. № 230 и 401; Βασιλίσκος: idem № 365 и № 392.

III.

Надгробная плита изъ дикарнаго камня. Плита была разбита на нѣсколько кусковъ, изъ которыхъ найдены два: верхняя часть съ обычнымъ фронтономъ, тремя розетками и головой мужчины, стоящаго по правую сторону изображенія, затѣмъ нижняя часть съ остатками трехъ фигуръ, а именно, мальчика безъ головы, женской фигуры до колѣнъ и ступни мужчины, стоящаго по правую руку. Ширина плиты 0,38, толщина 0,10 метра.

Подъ рельефомъ находятся три строки греческой надписи. Вся надпись хорошо сохранилась, только восьмая и девятая буквы второй строки немного повреждены. Вышина буквъ 0,02 метра.



Ἀνόπτηνις Τιράνου
καὶ Ἔρως υἱὸς Ἀνο-
πτήνιος, χαίρετε.

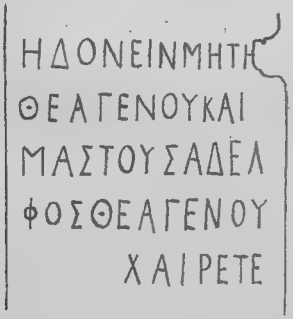
Ἔρως одно изъ самыхъ обыкновенныхъ именъ боспорскихъ надписей, но Ἀνόπτηνις, насколько мнѣ извѣстно, встрѣчается въ первый разъ. Τειράνης имя одного изъ боспорскихъ царей (Latyschev II, introd. p. LII), но трудно рѣшить, была-ли хоть какая-нибудь связь

между Тираномъ нашей надписи и Тираномъ, царствовавшимъ въ Боспорѣ отъ 275—278 г. по Р. Х.

IV.

Надгробная плита изъ известняка, вышиною 1,00 метръ, шириною 0,375, толщиною 0,24 м. Сверху фронтонъ съ тремя розетками: розетки надъ фронтономъ состоятъ изъ восьми лепестковъ, но та, которая украшаетъ внутреннюю площадь его, сплошная, безъ обозначенія лепестковъ. Подъ фронтономъ изсѣченъ рельефъ, изображающій двѣ фигуры: мужчина въ подпоясанномъ хитонѣ и длинномъ гиматіонѣ, застегнутомъ на правомъ плечѣ, подаетъ руку женщинѣ, одѣтой въ такое-же одѣяніе, въ какое одѣты женщины на описанномъ подъ № 2 камнѣ.

Подъ рельефомъ надпись, состоящая изъ пяти строкъ; буквы вышиною въ 0,025 метра. Конецъ первой строки отбитъ.



Ἡδονεὶν μήτη(ρ)
Θεαγένου καὶ
Μαστοῦς ἀδελ-
φὸς Θεαγένου,
χαίρετε.

Μαστοῦς и Θεαγένης нерѣдко встрѣчаются въ боспорскихъ надписяхъ, но женское имя Ἡδονεὶν попадается въ первый разъ. Странный именительный падежъ можно сравнить съ именемъ Χονδεὶν, надписи, изданной В. Латышевымъ подъ № 88.

V.

Плита изъ дикарнаго камня, вышиною 1,09 м., шир. 0,555, толщ. 0,19. Верхняя часть камня и рельефа отбита; рельефъ изображаетъ двухъ другъ противъ друга сидящихъ женщинъ въ длинныхъ хитонахъ, ниспадающихъ до ногъ, и въ гиматіонахъ, доходя-

щихъ до колѣнъ. Обѣ женщины сидятъ въ креслахъ, къ которымъ, какъ всегда, приставлены скамеечки. Верхняя часть обѣихъ фигуръ, начиная отъ пояса, отбита; у фигуры, сидящей по лѣвую сторону, уцѣлѣла правая рука. По сторонамъ рельефа стоятъ дѣвочки, держащія въ рукахъ ящики. Вообще въ сохранившейся части изображенія замѣтна полная симметрія. Рельефъ сдѣланъ съ гораздо бо́льшимъ искусствомъ, чѣмъ обыкновенно, особенно складки женской одежды и ручки креселъ (ἀγκῶνες), служащія опорою для рукъ, сдѣланы съ большимъ стараніемъ и умѣніемъ.

Подъ рельефомъ находится надпись въ пять строкъ. Хотя третья строка надписи повреждена, однако возможно разобрать и опредѣлить начертаніе буквъ. Въ послѣднихъ двухъ строкахъ замѣтны горизонтальныя черты, которыя провелъ рѣзчикъ, чтобы буквы той-же строки были одинаковой вышины. Буквы первой, второй и пятой строкъ вышиною 0,04 м., буквы третьей и четвертой немного меньше, 0,035 м.

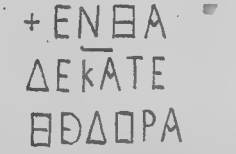
ΘΕΟΦΙΛΗΓΥΝΗΙ
ΡΟΔΩΝΟΣΜΗΤΗΡ
ΔΕΚΟΛΩΝΟΣΚΑΙ
ΓΥΝΗΕΛΙΚΩΝΙΑΣ
ΧΑΙΡΕΤΕ

Θεοφίλη γυνή(ι)
Ῥόδωνος, μήτηρ
δὲ Κόλωνος, καὶ
γυνὴ Ἑλικωνιάς,
χαίρετε.

Имена двухъ женъ Родона, Θεοφίλη и Ἑλικωνιάς, встрѣчаются не въ первый разъ; см. В. Латышевъ, II, №№ 236, 235ª и 52. Ῥόδων весьма частое имя. Κόλων, судя по сборнику В. Латышева, встрѣчается въ пантикапейскихъ надписяхъ впервые. Вообще это имя весьма рѣдкое; см. Pape-Benseler, Wörterbuch der Griech. Eigennamen. III Aufl. s. v. Относительно начертанія этого имени въ пантикапейской надписи считаю необходимымъ прибавить, что, хотя мѣсто третьей буквы отъ удара какого-то тупаго предмета повреждено, однако верхушка буквы и верхнія половины боковыхъ линій ясно видны, такъ что не можетъ быть сомнѣнія, что здѣсь была высѣчена или А или Λ

VI [1]).

Известковая надгробная плита безъ рельефа, найденная въ 1894 году на Глинищѣ въ Керчи, вышиною 0,46, шир. 0,31, толщ. 0,13 метра. Вся лѣвая сторона камня почернѣла, какъ будто отъ огня. Почти всю площадь камня занимаетъ слѣдующая надпись:



+ ἐνθά-
δε κατάκιτε
Θεοδόρα (sic).

Въ третьей строкѣ написано Θεοδόρα вмѣсто Θεοδώρα. Буквы вырѣзаны небрежно и закрашены темнокрасною краскою. Эта надпись напоминаетъ своимъ началомъ христіанскую надпись византійскаго времени, которую напечаталъ В. Латышевъ (Inscript. II, № 363), и надписи, высѣченныя на мраморныхъ колоннахъ въ церкви св. Іоанна-Предтечи въ Керчи (см. Записки Одесскаго Общ. Ист. и Древностей т. I, стр. 626).

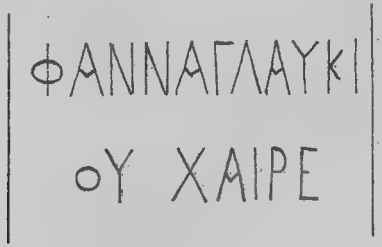
VII.

Надгробная плита изъ мѣстнаго известняка, разбитая на двѣ части, выш. 1,64 м., шир. 0,63, толщ. 0,16. Подъ обычнымъ фронтономъ съ акротеріями и тремя розетками, въ углубленіи выш. 0,67 м., шир. 0,48 изображенъ воинъ, опирающійся лѣвою рукою на колонну. На лѣвомъ его боку виситъ мечъ. Воинъ одѣтъ въ длинный, на правомъ плечѣ застегнутый плащъ. Въ промежуткѣ между колонною, на которую опирается воинъ, и правою пилястрою рельефа поставленъ продолговатый щитъ 0,40 м. вышины и 0,13 ширины; за щитомъ поставлены рядомъ три копья, доходящія до самаго верху углубленія. Съ лѣвой стороны виднѣется маленькая фигура мальчика, одѣтаго въ короткій, подпоясанный хитонъ. Вышина этой фигуры 0,20 м.

---

[1]) Прибавлено съ измѣненіями изъ моего отчета за 1894 г.

Подъ рельефомъ начертаны двѣ строки плохо сохранившейся надписи. Вышина буквъ 0,042 м.



Φάννα Γλαυκί-

ου, χαῖρε.

Имя Γλαυκίας встрѣчается въ боспорскихъ надписяхъ въ первый разъ [1]).

VIII.

Надгробіе изъ «дикаря», найденное въ Тамани, выш. 1,06 м., шир. 0,53, толщ. 0,14. Верхъ украшенъ высѣченнымъ изъ камня листомъ аканѳа. На разстояніи 0,22 м. подъ карнизомъ украшенія вырыты слѣдующія два слова:

Красивыя буквы имѣютъ 0,035 вышины.

IX.

Прекрасно сохранившійся надгробный памятникъ изъ мѣстнаго известняка выш. 1,67 м., шир. 0,50, толщ. 0,17. Сверху украшенъ рельефнымъ фронтономъ съ акротеріями и тремя розетками, изъ которыхъ одна изваяна посрединѣ фронтона. Подъ фронтономъ въ

[1]) Имя горшечника Γλαυκίας на ручкѣ Бенк. Mél. 1, 493, 8, не показано гдѣ найдено. *В. Юргевичъ.*

углубленіи (выш. 0,45 м., шир. 0,40) находится группа, представляющая мужскую и женскую фигуры. Съ правой стороны отъ зрителя стоитъ воинъ въ длинномъ плащѣ, который застегнутъ на правомъ плечѣ. У воина короткій мечъ, который виситъ не на боку, но барельефомъ высѣченъ спереди, на ляшкѣ правой ноги. Вышина мужчины 0,44 м., длина меча 0,08. Мужчина подаетъ правую руку женщинѣ, сидящей по лѣвую сторону отъ зрителя, въ креслѣ съ точеными ножками. Передъ кресломъ обычная скамеечка

Подъ рельефомъ тщательно по линейкамъ высѣчена слѣдующая надпись (выш. буквъ 0,03 м.):

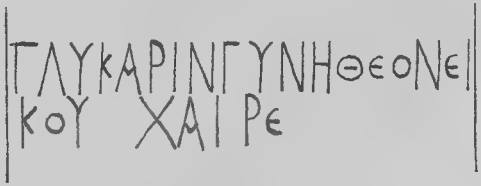
ΧΡΗΣΤΙΩΝΤΩΝ	Χρηστίων τῶν
ΣΤΡΑΤΟΝΙΚΟΥΧΑΙΡΕ	Στρατονίκου, χαῖρε.

Точно такая-же надпись издана В. Латышевымъ во второмъ томѣ надписей подъ № 209. Разница, не говоря о размѣрахъ камня и о рельефномъ изображеніи, заключается только въ томъ, что въ нашей надписи передъ словомъ Στρατονίκου вырѣзано τῶν. Это, насколько мнѣ извѣстно, четвертый примѣръ, въ которомъ принадлежность лица къ извѣстному роду обозначена посредствомъ τῶν съ genet. имени одного изъ предковъ или родоначальника (см. В. Латышева Греческія и латинскія надписи, найденныя въ южной Россіи въ 1889—1891 годахъ. Спб. 1892, стр. 52, № 14).

X.

Сохранившаяся плита изъ «дикаря», внизу суженная для втыканія въ землю, выш. 1,00 м., шир. 0,595, толщ. 0,15. Подъ рельефнымъ фронтономъ съ акротеріями и тремя розетками, въ углубленіи изваяны двѣ женщины и дѣвочка. Одна изъ женщинъ сидитъ въ креслѣ въ обычной задумчивой позѣ, а другая стоитъ рядомъ, по правую сторону отъ зрителя. Слѣва за кресломъ стоитъ дѣвочка въ длинной одеждѣ съ сосудомъ въ рукахъ.

Подъ рельефомъ вырѣзана по линейкамъ (выш. буквъ 0,03 м.; ο, θ и ε немного меньше: 0,021) двухстрочная надпись. Между строками не оставлено никакого промежутка.



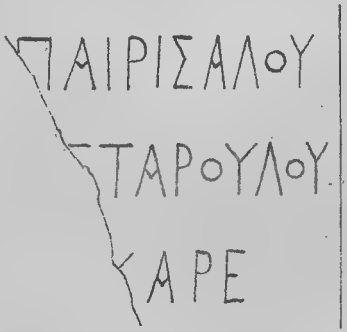
Γλυκάρι(ο)ν γυνὴ Θεονεί-
κου, χαῖρε.

Кажется, что рѣзчикъ въ первой строкѣ въ женскомъ имени пропустилъ букву ο: срв. В. Латышева Inscriptiones regni Bosporani № 224 и Luc. catapl. c. 12, гдѣ читается имя Γλυκέριον. Имя Θεονείκης встрѣчается въ трехъ боспорскихъ надписяхъ. В. Латышевъ, ук. соч. №№ 430, 431 и 445.

XI.

Известковая плита выш. 0,90 м., шир. 0,44, толщ. 0,19. Весь нижній лѣвый уголъ и часть праваго отбиты. Подъ рельефнымъ фронтономъ съ акротеріями и тремя розетками, въ углубленіи (выш. 0,36 м., шир. 0,31) изваяно изображеніе женщины, сидящей въ креслѣ, и мужчины, стоящаго возлѣ нея, съ правой стороны отъ зрителей. Кресло съ точеными ножками.

Подъ изображеніемъ читается вырѣзанная по линейкамъ надпись, состоящая изъ трехъ строкъ, первыя буквы которыхъ попорчены. Вышина буквъ въ первой строкѣ 0,036 м., во второй и третьей 0,032.



Παιρισάλου
. . ταρουλου,
(χ)α(ῖ)ρε.

Имя Παιρίσαλος встрѣчается два раза въ одной изъ боспорскихъ надписей: В. Латышевъ, Inscript. II, 86². Отъ второй буквы втораго слова сохранилась только верхняя черта, которая могла принадлежать одной изъ слѣдующихъ буквъ: Г, Е, Ξ, Σ. Въ словѣ χαῖρε пропущена буква ι точно такъ, какъ въ трехъ надписяхъ, изданныхъ В. Латышевымъ: Inscript., II, 70, 190, 233.

Дѣйств. членъ Общ. В. Шкорпилъ.

7 ноября 1894 года.

Вновь открытая христіанская катакомба.

I.

Въ январѣ 1895 года открытъ въ Керчи опять одинъ изъ тѣхъ памятниковъ, которые извѣстны подъ названіемъ христіанскихъ катакомбъ. Открытъ онъ въ той-же мѣстности, гдѣ была найдена катакомба 491 года, даже въ томъ-же самомъ дворѣ, на усадьбѣ керченскаго жителя г. Коробки, на сѣверномъ склонѣ горы Митридата. Входъ въ катакомбу находится на разстояніи $1^1/_2$ сажени къ западу отъ колодца, которымъ спускались въ погребальную пещеру, открытую Ю. А. Кулаковскимъ. Входъ во вторую катакомбу имѣетъ тоже видъ колодца; чтобы можно было спускаться внизъ, въ двухъ противоположныхъ стѣнахъ колодца высѣчены сверху до низу два ряда углубленій. Дно колодца находится на глубинѣ приблизительно трехъ сажень ниже уровня двора. Отсюда по одной ступени (въ катакомбѣ 491 года двѣ ступени) можно спуститься въ первую катакомбу. Съ правой стороны отъ входа, по обѣимъ сторонамъ котораго высѣчены двѣ маленькія ниши, находится большой склепъ (I) съ тремя нишами во всю длину стѣнъ; на стѣнахъ не оказалось ни фресокъ, ни надписей. Теперь этотъ склепъ почти до потолка засыпанъ землею, которая была вынута рабочимъ изъ корридорчика, ведущаго къ слѣдующимъ пещерамъ. Корридорчикъ этотъ былъ тоже отчасти катакомбою (II), какъ можно судить по небольшимъ нишамъ, высѣченнымъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стѣнъ. Въ одной изъ нишъ найдены сильно истлѣвшія доски гробовъ. Въ правой сторонѣ этого корридора находится низкій входъ въ другой невскрытый корридоръ, который,

кажется, подъ угломъ ведетъ въ послѣднюю (IV) катакомбу, о которой будетъ рѣчь ниже. Изъ перваго корридора низкій входъ ведетъ въ III-ю катакомбу, которая имѣетъ для насъ главный интересъ, потому что стѣны ея исписаны греческою надписью. По правую сторону, рядомъ съ III катакомбой, расположенъ IV склепъ только съ одной нишей противъ входа, заложеннаго камнемъ. Стѣна, отдѣляющая эти двѣ послѣднія катакомбы, пробита какимъ-то неизвѣстнымъ грабителемъ. Въ послѣдней катакомбѣ, какъ и въ I и II не оказалось никакихъ надписей; въ нишѣ лежитъ толстый слой истлѣвшаго дерева гробовъ. По обѣимъ сторонамъ входа тоже двѣ маленькія ниши. Всѣ четыре склепа на $3^1/_2$ сажени ниже теперешняго уровня улицы. Послѣднія двѣ катакомбы оріентированы съ сѣвера на югъ точно, какъ катакомба 491 года.

Всѣ четыре склепа были разграблены; найдено (по словамъ г. Коробки) только двѣ цвѣтныя бусины, пантикапейская плохо сохранившаяся монета съ изображеніемъ лука и стрѣлы на одной сторонѣ и простой стеклянный сосудъ безъ ручекъ.

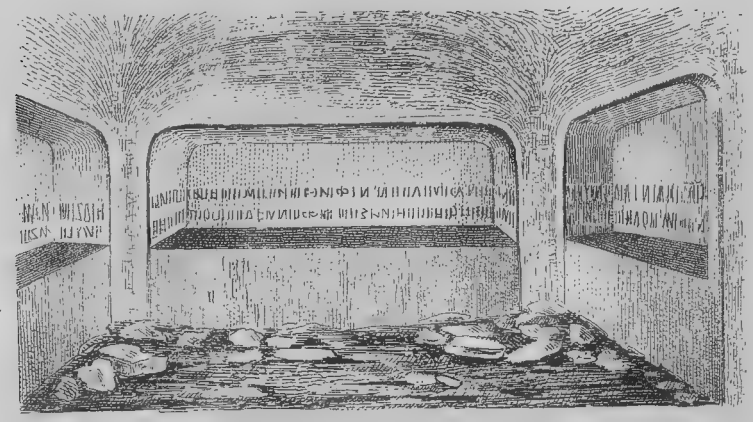
Устройство I, III и IV пещеръ совершенно такое, какъ въ катакомбѣ 491 года, и потому я считаю лишнимъ повторять то, что сказалъ Ю. А. Кулаковскій въ своемъ прекрасномъ сочиненіи, изданномъ въ 1891 году[1]).

Сообщимъ только размѣры ниши, которая углублена въ лѣвой стѣнѣ катакомбы съ надписями, чтобы указать, что ниши неправильно высѣчены, какъ въ пещерѣ 491 года. Вышина ея съ правой стороны 0,81 м., съ лѣвой 0,92, ширина 2,07 м., но въ глубинѣ, гдѣ надпись, 2,23, глубина съ правой стороны 1,135 м., съ лѣвой 1,36. Въ этой-же нишѣ, по правую сторону, тамъ, гдѣ помѣщена первая строка надписи, высѣчена въ стѣнѣ маленькая ниша, шириною въ 0,33 м. Эта ниша раздѣляетъ слово μνημβρινοῦ (sic) такъ, что первыхъ пять буквъ написаны по лѣвую, а остальныя шесть по

---

[1]) Керченская христіанская катакомба 491 года. Изслѣдованіе Ю. А. Кулаковскаго. Спб. 1891. Срв. отзывъ В. В. Латышева въ Ж. М. Нар. Пр. 1891, декабрь, стр. 393—405.

правую сторону. Можетъ быть, въ эту маленькую нишу ставилась лампада [1]).



ВИДЪ ОТЪ ВХОДА.

[1]) Прилагаю видъ катакомбы съ надписями и планъ III и IV погребальныхъ пещеръ. Рисунокъ сдѣланъ преп. Керченской гимназіи П. Корневымъ, который, по моей просьбѣ, спускался 29 января со мною въ катакомбу.

II.

Главный интересъ представляетъ греческая надпись, которой покрыты стѣны всѣхъ трехъ нишъ III-ей катакомбы. Надпись исполнена киноварью непосредственно на глинѣ свѣтложелтаго цвѣта и начинается на потолкѣ той ниши, которая находится противъ входа. Здѣсь на серединѣ, прямо противъ входа въ катакомбу, изображенъ крестъ той самой краской, какой написана надпись, и по обѣимъ сторонамъ его написаны слова молитвы, извѣстной подъ названіемъ τὸ τρισάγιον. Молитва занимаетъ двѣ строки, изъ которыхъ вторая длиннѣе, и размѣщена по сторонамъ креста такимъ образомъ, что съ лѣвой стороны написаны слова ἅγιος ὁ Θεός и ἅγιος ἀθάν—, а съ правой стороны ἅγιος ἰσχυρός и —ατος ἐλέησον ἡμᾶς. Верхняя часть креста выдается надъ первой строкой надписи.

Непосредственно подъ первымъ крестомъ, но уже на центральной стѣнѣ ниши нарисованъ такой-же крестъ. Форма крестовъ напоминаетъ кресты катакомбы 491 года: продольная полоса значительно длиннѣе поперечной; всѣ четыре полосы, составляющія крестъ, разширяются къ соотвѣтственнымъ концамъ, причемъ самый конецъ обозначенъ вогнутой линіей[1]). На право отъ верхней части втораго креста начинается псаломъ 90 («Живый въ помощи Вышняго»...). Въ серединѣ первой буквы ὁ нарисованъ маленькій крестикъ. Начало псалма расположено по обѣимъ сторонамъ втораго креста такимъ образомъ, что съ правой стороны находятся три строки, а съ лѣвой двѣ.

.....αὐλισθήσεται ὁ κατοικῶν....
.....δ τι αὐτὸς ῥύσ ἐρεῖ τῷ κυρίῳ...
ετέ με.....

Крестъ былъ нарисованъ раньше, чѣмъ надпись, на что указываетъ начертаніе нѣкоторыхъ буквъ, особенно буквы α въ окончаніи глагола αὐλισθήσεται: здѣсь за недостаткомъ мѣста написано ⍺, между тѣмъ какъ во всѣхъ прочихъ случаяхъ эта буква нарисована съ прямой правой чертой ⍺. Буква ι едва замѣтна.

---

[1]) Ю. А. Кулаковскаго ук. соч. стр. 17.

Весь псаломъ распредѣленъ такъ, что первые пять стиховъ написаны на трехъ стѣнахъ центральной ниши, слѣдующіе шесть на трехъ стѣнахъ лѣвой ниши, а послѣдніе пять стиховъ на средней и правой стѣнахъ той ниши, которая находится направо отъ входа. Лучше всего сохранилась надпись въ средней нишѣ, хуже всего въ правой. Это произошло отъ того, что неизвѣстный грабитель пробилъ въ средней стѣнѣ правой ниши отверстіе, чтобы проникнуть въ сосѣдній склепъ. Это показалось ему болѣе удобнымъ, чѣмъ раскопать настоящій входъ, который до сихъ поръ не тронутъ и заложенъ большимъ камнемъ. И лѣвая ниша пострадала, хотя въ гораздо меньшей степени, вѣроятно, отъ руки того-же грабителя, который какимъ-то острымъ орудіемъ сдѣлалъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ глубокія ямки, чтобы узнать, не находится-ли и за этой стѣной катакомба. На лѣвой стѣнѣ правой ниши не сохранилось никакой надписи: вся стѣна обтесана какимъ-то орудіемъ, слѣды котораго ясно видны. Можетъ быть, здѣсь былъ когда-то обозначенъ годъ, когда эти погребальныя пещеры были устроены, и записаны имена погребенныхъ здѣсь христіанъ, хотя, съ другой стороны, величина и число склеповъ, а также и слова ἐλέησον ἡμᾶς наводятъ на мысль, что эта была общая могила, и что имена всѣхъ похороненныхъ здѣсь христіанъ едва-ли могли помѣститься на столь незначительномъ пространствѣ. Что недостающія слова и буквы псалма были написаны не на лѣвой стѣнѣ, но на правой, это доказываетъ, во-первыхъ, число уничтоженныхъ буквъ, а, во-вторыхъ, остатки словъ и краски на правой стѣнѣ. Нужно упомянуть, что и правая стѣна правой ниши, хотя только съ края, обтесана такимъ-же орудіемъ, какъ и лѣвая.

Надпись распредѣлена по нишамъ и ихъ стѣнамъ слѣдующимъ образомъ:

1.

Центральная ниша.

Ἅγιος ὁ Θεός, ἅγιος ἰσχυρός,
ἅγιος ἀθάνατος, ἐλέησον ἡμᾶς.

Псаломъ 90, 1—5.

Лѣвая стѣна.

ῃ τοῦ Θεοῦ τοῦ οὐραν-
ὁ Θεός μου, ἐλπιῶ ἐπ'αὐτ-
[4]) Ἐν τοῖς μεταφρένοις
[5]) ἡ ἀλήθια[6]) αὐτοῦ[5]). Οὐ φο-
καὶ[7]) ἀπὸ βέλους πετο-

Правая стѣна.

ἐν βοηθίᾳ [1]) τοῦ ὑψίστου ἐν σκέπ-
μπτωρ μου εἶ καὶ καταφυγή μου,
ευτῶν καὶ ἀπὸ λόγου ταραχώδους
αὐτοῦ ἐλπιεῖς. Ὅπλῳ κυκλώσι σε

Средняя стѣна.

ὁ κατοικῶν
οῦ αὐλισθήσεται. Ἐρεῖ τῷ κυρίῳ· [2]) ἀντιλή-
όν [3]). Ὅτι αὐτὸς ῥύσεταί [2]) με [3]) ἐκ παγίδος θηρ-
αύτοῦ ἐπισκιάσι [4]) σε, καὶ ὑπὸ τὰς πτέρυγας
βηθήσῃ ἀπὸ φόβου νυκτερινοῦ
μένου ἡμέρα(ς).

[1]) βοηθεία, [2]) ῥύσεταί, [3]) σε, [4]) ἐπισκιάσαι, [5]) κυκλώσει, [6]) ἀλήθεια. [7]) Въ печатныхъ изданіяхъ псалтири это καὶ опущено.

2.

Лѣвая ниша.

Псаломъ 90, 6—11.

Лѣвая стѣна.

1. [6]) ἀπὸ πράγματος ἐν σκ-
2. [7]) Πεσῖτε [6]) ἐκ τοῦ κλίτους σ-
3. κατανοήσις [6]) καὶ αὐτα-
4. προσελεύσεται πρὸς
5. περὶ σοῦ τοῦ διαφυλάξε [12]) σ-

Правая стѣна.

1. -μονίου [4]) μεσεμ βρινοῦ [5]).
2. οὐκ ἐγγιεῖ [7]) Πλὴν τοῖς ὀφθαλμοῖς σου
3. ὕψιστον ἔθου καταφυγήν σου [10]). Οὐ
4. τοῖς ἀγγέλοις αὐτοῦ ἐντελῖτε [11]).
5.

Средняя стѣна.

ότι [1]) διαπορευομένου [2]), ἀπὸ συμπτώματος [3]) καὶ δε-
ου χιλιὰς καὶ μυριὰς ἐ[κ] δεξιῶν σου, π[ρὸς] σὲ δὲ
πόδοσιν ἁμαρτο[λῶν [9]) ὄψει [9]). Ὅ]τι σύ, κύριε, ἡ ἐλπί[ς μου]· τὸν
[σ]ὲ κακά, καὶ μάστιξ ο[ὐκ ἐγγιεῖ ἐ]ν τῷ σκηνώματί [10]) σου· [11]) ὅτι
ε ἐν πάσαις ταῖς ὁδοῖς σου.

[1]) ἐν σκότει, [2]) διαπορευομένου ἐν σκότει, [3]) συμπτώματος, [4]) δαιμονίου, [5]) μεσημβρινοῦ, [6]) πεσεῖται, [7]) ἐγγιεῖ, [8]) κατανοήσεις, [9]) ἁμαρτωλῶν, [10]) σκηνώματι, [11]) ἐντελεῖται, [12]) διαφυλάξαι.

3.

Правая ниша.

Псаломъ 90, 12—6.

Лѣвая стѣна.		Правая стѣна.
		ασο[13])[υ · ἐπὶ ἀσπίδα καὶ βασιλ-]
		τα[14]). Ὅτ[ί ἐπ᾽ἐμὲ ἤλπισε]
		μά μ[ου · 14])κεκράξεται πρός]
		Ἐξελο[ῦμαι αὐτὸν καὶ δοξά]

Средняя стѣна.

[12])[ἐπί χειρῶ]ν ἀροῦσί σε, μήποτε προσκόψῃς πρὸς λίθον τὸν πόδ-
ίσκον ἐπιβ[ήσῃ καὶ κατα]πατήσις [1]) λέοντα καὶ δράκον-
καὶ ῥύσομ[αι αὐτόν. Σκεπ]άσω αὐτόν, ὅτι ἔγνω τὸ ὄνο-
με καὶ ἐ[πακούσομαι αὐτοῦ · μετ᾽]αὐτοῦ εἰμι ἐν θλίψι [2]).
σω αὐ[τόν · 16]) μακρότητα ἡ]μερῶν ἐνπλήσω [3]) αὐτὸν
[καὶ δείξω αὐτῷ τὸ σωτήριόν μου].

[1]) καταπατήσεις, [2]) ἐν θλίψει, [3]) ἐμπλήσω.

Кромѣ этой надписи я не нашелъ въ катакомбахъ ни одной буквы.

III.

Перейдемъ къ подробному описанію самаго письма надписи. Весь текстъ 90 псалма состоитъ изъ прописныхъ буквъ ($2^1/_2$—3 вершковъ выш.), которыя написаны на глинѣ темнокрасной краской, безъ удареній, придыханій и подписной іоты, безъ знаковъ препинанія, безъ раздѣленія словъ. Только то обстоятельство, что въ центральной нишѣ написаны §§ 1—5, въ лѣвой §§ 6—11 и въ правой остатокъ псалма, доказываетъ, что писецъ нашей надписи зналъ давно принятое дѣленіе псалма на стихи, но что не обозначалъ ихъ точно такъ, какъ это дѣлали впослѣдствіи переписчики Евангелій, не смотря на то, что въ 462 году діаконъ Александрійской церкви Евфалій раздѣлилъ текстъ Новаго Завѣта.

Характеромъ письма наша надпись напоминаетъ, съ одной стороны, знаменитую Синайскую Библію (codex Sinaiticus), написанную,

въ началѣ V столѣтія [1]), съ другой-же, Вѣнскій списокъ Діоскорида (Dioscorides Windobonensis), составленный около 506 года послѣ Р. Хр.[2]), и если возможно при рѣшеніи палеографическихъ вопросовъ основываться на одной таблицѣ буквъ, какъ онѣ изображены въ извѣстномъ сочиненіи Gardthausen'a, то я убѣжденъ, что алфавитъ нашей надписи займетъ среднее мѣсто между вышеупомянутыми двумя памятниками.

Всѣ буквы надписи, кромѣ ξ, ρ и φ, одинаковой вышины, не исключая первой буквы псалма, которая отличается отъ другихъ только тѣмъ, что въ ней, какъ было уже раньше сказано, нарисованъ крестикъ. Разница между буквами Синайскаго списка [3]) и нашей надписи заключается почти только въ томъ, что въ библіи нижняя часть буквы Υ опускается подъ черту, между тѣмъ какъ Υ псалма не длиннѣе буквы Μ и др.

Если-же сравнить нашу надпись съ надписью катакомбы 491 года, то главная разница между ними заключается въ томъ, что каждая буква нашей надписи, сколько разъ бы она ни встрѣчалась, написана одинаково или съ незначительнымъ измѣненіемъ, тогда какъ надпись 491 года при нѣкоторыхъ буквахъ допускаетъ нѣсколько начертаній. Исключеніе составляетъ только буква Η, которая изображена въ началѣ первой строки, написанной на лѣвой стѣнѣ центральной ниши знакомъ ς [4]). Но это уклоненіе отъ принятаго въ надписи правила можно объяснить недостаткомъ мѣста. Замѣтимъ уже здѣсь, что только въ первой строкѣ псалма замѣчается неправильный переносъ (случай βασιλ-ίσκον въ § 13 сомнительнъ): (σκέπ-η), и что буква π написана внѣ ниши.

α. Въ катакомбѣ 491 года встрѣчаются три разныхъ начертанія буквы Α[5]), между тѣмъ какъ въ нашей надписи вездѣ написано ⅄;

---

[1]) Griechische Palaeographie von V. Gardthausen. Leipzig 1879. p. 145.

[2]) Id. ibid. pp. 150 sqq.

[3]) Я имѣлъ подъ рукою только два образчика, которые напечатаны въ сочиненіи A. Baumeister'a: Denkmäler des klass. Altertums. München und Leipzig 1889. II. B. Tafel XXVIII и p. 1130. s. v. Palaeographie.

[4]) W. Wattenbach, Anleitung zur griech. Palaeographie. 2. Aufl. Leipzig 1877. См. литографированное добавленіе о важнѣйшихъ измѣненіяхъ греческихъ буквъ, стр. 9 и 10.

[5]) Ю. Кулаковскаго ук. соч. стр. 14.

только разъ, съ лѣвой стороны втораго креста написано за недостаткомъ мѣста Α.

β. Вторая буква алфавита написана, какъ въ Синайскомъ манускриптѣ; нижняя часть ея вездѣ больше верхней: Β.

γ. Буква Г имѣетъ иногда на концѣ горизонтальной черты небольшое разширеніе точно такъ, какъ въ рукописи Діоскорида.

δ. Δ Δ имѣетъ или видъ треугольника, или правая ея черточка получаетъ протяженіе вверхъ.

ε. Ε встрѣчается только въ закругленномъ видѣ.

ξ. Ζ не попадается въ 90 псалмѣ.

η. Η кромѣ упомянутаго случая вездѣ встрѣчается древнее начертаніе.

θ. Θ имѣетъ видъ овала.

ι. Ι надъ іотой, даже когда она встрѣчается въ началѣ слова, нѣтъ точекъ[1]), какъ въ Синайской Библіи.

κ. Κ написана совершенно такъ, какъ въ Синайскомъ манускриптѣ.

λ. Λ имѣетъ вездѣ то начертаніе, какое ей дается въ рукописи Діоскорида и въ позднѣйшихъ боспорскихъ надписяхъ[2]).

μ. Въ нашей надписи нѣтъ начертанія Μ, которое попадается въ Синайской Библіи и въ катакомбѣ 491 года.

ν. ξ[3]). Эти двѣ буквы имѣютъ такой-же видъ, какой и въ Синайскомъ спискѣ.

[1]) На эту особенность Синайской рукописи я обратилъ вниманіе только тогда, когда катакомба въ виду предстоящихъ дождей была уже закрыта. Впрочемъ, во всей надписи попадается только одно слово съ ι въ началѣ, а именно ἰσχυρός. Хорошо помню, что надъ ὑ въ словахъ ὑψίστου, ὕψιστον и ὑκὸ нѣтъ точекъ.

[2]) B. Latyschev, Inscriptiones regni Bosporani №№ 29, 30, 32 и др.

[3]) Прилагаю рисунокъ буквы ξ, написанной въ лѣвой нишѣ.

ο. O образуетъ овалъ.

ου. Y какъ переписчикъ Синайской Библіи[1]), такъ и писавшій нашу надпись избѣгалъ этого соединенія.

π. Π Π горизонтальная черта этой буквы иногда протягивается въ обѣ стороны дальше.

ρ. P длиннѣе среднихъ буквъ; прямая ея черта всегда удлиняется подъ черту.

σ. C встрѣчается только въ своемъ закругленномъ видѣ.

τ. T, T только въ весьма немногихъ случаяхъ горизонтальная черта на концахъ немного разширяется.

υ. Y V нижняя часть этой буквы въ нѣкоторыхъ случаяхъ до того незначительна, что начертаніе буквы напоминаетъ латинское V.

φ. Φ ϕ средняя часть буквы имѣетъ овальную форму, только въ одномъ случаѣ (ὀφθαλμοῖς § 8) встрѣчается угловатое ϕ.

χ. X написано точно также, какъ въ Синайской рукописи.

ϕ. ϕ болѣе похоже на ϕ рукописи Діоскорида.

ω. Послѣдняя буква вездѣ сверху открыта, какъ это обыкновенно бываетъ на монетахъ и на камняхъ позднѣйшихъ временъ.

Считаю нелишнимъ добавить еще то, что въ нашей надписи каждая буква написана отдѣльно, и что не встрѣчается въ ней соединеній ΗΝ, ΗΜ, ΜΗ, какія попадаются въ Синайской рукописи.

Въ надписи встрѣчаются только два сокращенныхъ слова, а именно $\overline{\text{ΘΣ}}$ = Θεός, $\overline{\text{ΘΥ}}$ = Θεοῦ и $\overline{\text{ΚΩ}}$ = κυρίῳ, $\overline{\text{ΚΕ}}$ = κύριε; слово οὐρανοῦ не сокращено.

IV.

Правописаніе псалма въ недавно открытой катакомбѣ такое, какое, вѣроятно, установилось въ V столѣтіи подъ вліяніемъ тогдашняго произношенія. Орѳографія надписей, изданныхъ Ю. А. Кулаковскимъ, почти такая же. Различіе между Синайской Библіей и нашей надписью выражается въ томъ, что въ 90 псалмѣ эта орѳо-

[1]) V. Gardthausen, l. c. pag. 152.

графія достигла почти своего развитія, между тѣмъ какъ въ Библіи замѣчается гораздо больше колебанія. Въ Синайской Библіи попадаются почти въ томъ же столбцѣ ἐκῖνος, ὑμῖς, λαβῖν, εὐλογῖν на ряду съ ἐκεῖνος, ὑμεῖς, παθεῖν, далѣе δοκεῖται (вм. δοκεῖτε), δύνασθαι (вм. δύνασθε), κεομένη (вм. καιομένη) рядомъ съ формами ποιήσατε, καὶ ἐκεῖναι, между тѣмъ какъ въ нашей надписи замѣчается больше послѣдовательности; вмѣсто ει написано ι: ἐν βοηθίᾳ (§ 1), ἀλήθια (§ 4), ἐπισκιάσι (§ 4), κυκλώσι (§ 4), ἐν σκότι (§ 6), ἐν θλίψι (§ 15), πεσῖτε (§ 7), ἐντελῖτε (§ 11), καταπατήσις (§ 13), Ει написано въ слѣдующихъ словахъ ἐρεῖ (§ 2), εἶ (§ 2), ἐλπιεῖς (§ 4), ἐνμεῖ (§ 7) и εἰμι (§ 15). Ε вмѣсто αι встрѣчается въ слѣдующихъ случаяхъ: ῥύσετε (§ 3), δεμονίου (§ 6), πεσῖτε (§ 7), ἐντελῖτε (§ 11), διαφυλάξε (§ 11); αι написано только въ словахъ αὐλισθήσεται (§ 1) и προσελεύσεται (§ 10). Разница между ο и ω, между ε и η не соблюдена только въ словахъ ἁμαρτολῶν (§ 8) и μεσεμβρινοῦ (§ 6), но за то слова ταραχώδους (§ 3), ἐκ δεξιῶν (§ 7), ἐν τῷ (σκηνώματι) (§ 10), μήποτε (§ 12) написаны правильно, между тѣмъ какъ въ надписи 491 года ихъ начертаніе невѣрно.

Носовой звукъ ν передъ гортаннымъ γ написанъ одинъ разъ черезъ ν (ἐνγιεῖ § 7), но на той же стѣнѣ лѣвой ниши черезъ γ (ἀγγέλοις § 11). N передъ π не переходитъ въ μ (συνπτώματος § 6) и ἐνπλήσω § 16), что впрочемъ можно замѣтить еще въ надписяхъ до Р. Хр.[1]) М передъ π написано только въ словѣ ἀντιλήμπτωρ (§ 2): это начертаніе считаетъ и Ю. А. Кулаковскій[2]) и В. В. Латышевъ[3]) неправильнымъ, но, если судить по лучшимъ изданіямъ Новаго Завѣта[4]), то именно форма ἀντιλήμπτωρ вполнѣ правильна. Самого существительнаго въ Новомъ Завѣтѣ, положимъ, я не могъ найти, но

---

[1]) Fr. Blass, Ueber die Aussprache des Griechischen. 3 Aufl. Berlin 1888, p. 84 и прим. 313. 314. K. Meisterhans, Grammatik der att. Inschriften. 2 Aufl. Berlin 1888, p. 87.

[2]) Ю. Кулаковскаго ук. соч. таблица Б. вып. 2 и стр. 16.

[3]) Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія 1891. Декабрь, стр. 397.

[4]) Novum Testamentum Graece et Latine. Recensuit C. Lachmannus. Berolini 1842. 1850. Novum Testamentum Graece. Ed. C. Tischendorf. Editio VII critica minor. Lipsiae 1859. (Къ сожалѣнію другаго изданія этого ученаго—седьмаго или восьмаго editio critica maior — не было подъ рукою). Срв. Novum Test, Graece, ed. Ph. Buttmann, ed. Lipsiae 1878.

формы ἀντίλημψις (Коринѳ. 1, 12, 28), πρόσλημψις (Римлян. 11, 15), λῆμψις (Филипп. 4, 15), ἀναλημφθείς (Дѣян. 1, 11)[1]), λήμψεσθε (Іоан. 5, 43: cod. Sinaiticus: λήμψεσθαι у Baumeister'a Denkmäler II, Taf. 28, въ 32 строкѣ перваго столбца) λήμψεται Матѳ. 10, 41[2]) ясно доказываютъ, что нельзя отвергать формы ἀντιλήπτωρ. Въ переводѣ LXX это μ опущено только 2 или 3 раза[3]). Нѣкоторые ученые видятъ въ вставкѣ μ вліяніе діалекта, преобладавшаго въ Египтѣ[4]).

Если не принимать въ расчетъ только что упомянутыхъ орѳографическихъ особенностей, то оказывается, что псаломъ 90 написанъ въ катакомбѣ, открытой въ этомъ году, гораздо точнѣе и тщательнѣе, чѣмъ въ катакомбѣ 491 года. За ошибку можно считать только με въ § 3, которое написано вмѣсто σε, вѣроятно подъ вліяніемъ μου, встрѣчающагося три раза въ предъидущемъ стихѣ, и, кромѣ того, σκηνώνατι въ § 10.

Приведемъ для сравненія тѣ мѣста изъ надписи 491 года, которыя написаны иначе, чѣмъ въ надписи, открытой въ этомъ году:

Надпись катакомбы, открытой въ 1890 г.	*Надпись катакомбы, открытой въ 1895 г.*
Во второмъ и третьемъ случаяхъ:	Во всѣхъ трехъ случаяхъ:
ἁγίεως	ἅγιος
§ 2. βοηθός μου καὶ	—
§ 3. ῥύσεται	ῥύσετέ με (sic)
ἀπὸ λόγου	καὶ ἀπὸ λόγου
ταραχόδους	ταραχώδους
§ 4. ἐπισκιάσι σοι	ἐπισκιάσι σε
κυκλώσι σαι σε	κυκλώσι σε

[1]) Срв. еще Марк. 16, 19. Дѣян. 1, 2; 1, 22; 10, 16. Тимоѳ. 1, 3, 16.

[2]) Срв. еще Матѳ. 19, 99; 20, 11; 21, 22. Марк. 12, 40; 20, 47 Іоан. 16, 14; 16, 24. Дѣян. 1, 8; 2, 38 Іаков. 1, 7; 3, 1. Римлян. 13, 2. Коринѳ. 1, 3, 8; 1, 3, 14. Ср. G. Curtius, Grundzüge der griech. Etymologie. 5 Aufl. p. 532.

[3]) G. Winer—P. Schmiedel, Grammatik des neutestamentlichen Sprachidioms. I[8]. Göttingen 1894. p. 64. пр. 70.

[4]) Еп. Михаила Введеніе въ Новозавѣтныя книги. 2 изданіе. Москва 1888, стр. 477, прим. 18. Срв. V. Gardthausen, Palaeographie p. 374, прим. 1.

§ 5.	φοβηθήσαι	φοβηθήσῃ
	νυκτηρινοῦ	νυκτερινοῦ
	ἀπο βέλου πετομένους	καὶ ἀπο βέλους πετομένου
	ἡμέρας	ἡμέρα
§ 6.	ἀπὸ πρατος	ἀπὸ πράγματος
	δημονίου	δεμονίου
§ 7.	πεσῖται	πεσῖτε
	ἐκ τοῦ κλίτου	ἐκ τοῦ κλίτους
	ἐκ δεξιον	ἐκ δεξιῶν
§ 9.	καταφυγή	καταφυγήν
§ 10.	το σκηνώματι	ἐν τῷ σκηνώνατι (sic)
§ 11.	τοῖς ἀνγέλοις	τοῖς ἀγγέλοις
	ἐντελῖται	ἐντελῖτε
	διαφυλάξαι	διαφυλάξε
	ἐν πᾶσιν τοῖς ὁδοῖς	ἐν πάσαις ταῖς ὁδοῖς
§ 12.	μέποτε	μήποτε

Сравнивая эти двѣ редакціи псалма 90, мы видимъ, что вторая несравненно правильнѣе и что она въ критическомъ отношеніи заслуживаетъ предпочтенія. Поэтому кажется болѣе вѣроятнымъ предположеніе Ю. А. Кулаковскаго[1]), что слова βοηθός μου во второмъ стихѣ явились вслѣдствіе lapsus memoriae писавшаго. По этой же причинѣ я считалъ бы болѣе правильнымъ καὶ ἀπὸ λόγου (§ 3, какъ читаемъ и въ печатныхъ изданіяхъ), ἐπισκιάσει σε (§ 4), καὶ ἀπὸ βήλους πετομένου (§ 5).

О соединеніи глагола ἐπισκιάζειν съ винительнымъ падежомъ замѣтимъ, что оно встрѣчается у классическихъ писателей чаще, чѣмъ

---

[1]) Ю. Кулаковскаго ук. соч. стр. 6. Мнѣніе это оспариваетъ В. Латышевъ въ журналѣ М. Н. Пр. 1891, декабрь, стр. 397. Мнѣ кажется, что здѣсь оказали вліяніе слова κύριε, βοήθει, которыя нерѣдко встрѣчаются въ древнихъ христіанскихъ надписяхъ. См. И. И. Срезневскаго Палеографическія наблюденія по памятникамъ греческаго письма. Приложеніе къ 28 тому Записокъ Императорской Академіи Наукъ, Спб. 1876, стр. 62. См. Н. З. Евр. 13, 6: κύριος ἐμοὶ βοηθός, καὶ οὐ φοβηθήσομαι.

ἐπισκιάζειν τινί[1]); въ Новозавѣтныхъ книгахъ[2]) обѣ конструкціи одинаково употребительны:

Матѳ. 17, 5: νεφέλη φωτεινὴ ἐπεσκίασεν αὐτούς
Марк. 9, 7: νεφέλη ἐπισκιάζουσα αὐτοῖς
Лук. 1, 35: δύναμις ὑψίστου ἐπισκιάσει σοι
Лук. 9, 34: νεφέλη καὶ ἐπεσκίαζεν αὐτούς
Дѣян. 5, 15: κἂν ἡ σκιὰ ἐπισκιάσῃ τινὶ αὐτῶν.

Закончимъ эту свою замѣтку пожеланіемъ, чтобы Императорская археологическая коммисія позаботилась о точномъ снятіи надписи, которая представляетъ собою цѣнный вкладъ въ греческую палеографію, и чтобы тщательно разслѣдовала всю ту часть горы Митридата, гдѣ въ короткое время были открыты двѣ христіанскія катакомбы.

Дѣйств. членъ Общ. В. Шкорпилъ.

Г. Керчь,
12 февраля 1895 г.

---

[1]) B. Suhle und M. Schneidewin, Griechisch-deutsches Handwörterbuch für die ganze griech. Literatur. Leipzig 1875. s. v. напр. Herod. I, 209. Luc. passim.

[2]) При отыскиваніи примѣровъ изъ Новозав. книгъ оказалъ мнѣ большую помощь: Справочный и объяснительный словарь къ Новому Завѣту, сост. П. Гильтебрандтомъ. Петроградъ, 1883.

Новооткрытое Боспорское надгробіе [1]).

Въ январѣ этого года найдена на Глинищѣ въ Керчи большая надгробная плита изъ мѣстнаго известняка, сверху и снизу обломанная. Съ лѣвой стороны, гдѣ нижняя часть камня повреждена, плита имѣетъ 1,11 м. вышины, въ серединѣ 1,145, а съ правой стороны 1,23. Плита книзу постепенно разширяется: у головъ фигуръ рельефнаго изображенія плита имѣетъ 0,52 м. ширины, у ногъ этихъ-же фигуръ 0,535, а тамъ, гдѣ высѣчена надпись, 0,54—0,55 метра. Толщина надгробія 0,17 м. Такъ какъ послѣдняя строка надписи находится на самомъ нижнемъ краю камня, то нужно предположить, что или большая часть плиты внизу отбита, или что камень находился на какомъ-нибудь приблизительно одинъ метръ высокомъ пьедесталѣ, чтобы прохожіе свободно могли читать надпись.

Сверху плита украшена рельефнымъ фронтономъ съ акротеріями, изъ которыхъ верхній совсѣмъ отбитъ, а правый немного поврежденъ. Въ самомъ треугольникѣ фронтона изваяна большая розетка. Подъ фронтономъ тянется во всю ширину надгробія зубчатый карнизъ. Такое-же украшеніе, имѣющее видъ зубчатой ленты, сдѣлано и по бокамъ камня вплоть до того мѣста, гдѣ начинается надпись. Подъ карнизомъ въ углубленіи (выш. 0,60 м., шир. 0,40, глуб. 0,05—0,09) изображено горельефомъ двое стоящихъ юношей почти одинаковой вышины (0,53 м.). Оба одѣты въ гиматіи и подаютъ другъ другу правыя руки. На фонѣ углубленія сохранились значительные слѣды голубой краски; и на волосахъ обѣихъ фигуръ замѣтны остатки краски, но здѣсь она темносиняя и при первомъ взглядѣ кажется черной. Нужно обратить вниманіе на одну особенность, которой мнѣ

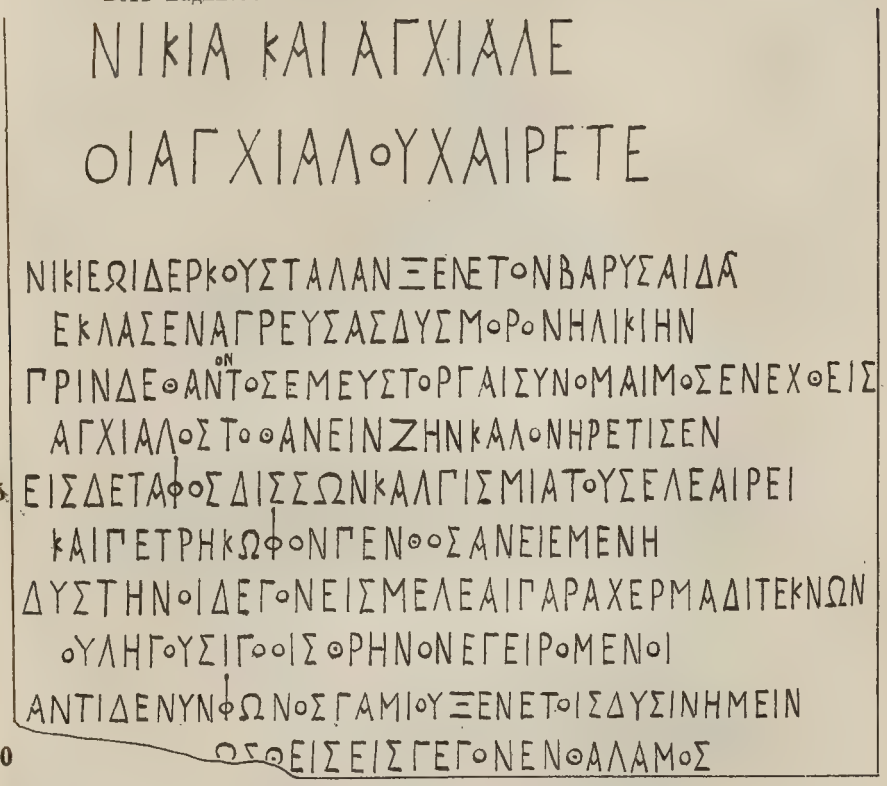
[1]) Камень хранится въ Мелекъ-Чесменскомъ музеѣ.

не приходилось еще ни разу замѣчать на надгробныхъ памятникахъ: внизу, по сторонамъ горельефа просверлены насквозь черезъ углы плиты два отверстія, по одному съ каждой стороны, затѣмъ въ верхнихъ углахъ рельефа, на днѣ углубленія, тоже двѣ ямочки, которыя однако не проходятъ насквозь. Кажется, что весь рельефъ былъ покрытъ металлической рѣшеткой, углы которой были прикрѣплены къ камню.

Непосредственно подъ изображеніемъ вырѣзаны двѣ строки надписи, состоящей изъ большихъ буквъ (0,025 м.) выкрашенныхъ розовою краскою; подъ этими-же строками, на разстояніи 0,068 м., написано маленькими буквами (выс. 0,018 м.) стихотвореніе, состоящее изъ пяти двустишій, причемъ всѣ гекзаметры выкрашены розовою краскою, а пентаметры синею. Остатки краски сохранились довольно хорошо, потому что камень лежалъ въ землѣ рельефомъ внизъ.

Начертаніемъ буквъ надпись напоминаетъ надпись, изданную В. В. Латышевымъ во второй части извѣстнаго сборника надписей подъ № 299. Отмѣчу только форму трехъ буквъ: Ζ, ϟ и Ϥ. Первая изъ этихъ буквъ несравненно шире другихъ: каждая изъ параллельныхъ линій имѣетъ 0,02 м. ширины, а соединяющая ихъ черта 0,025. Во второй буквѣ обѣ боковыя черточки очень коротки и въ нѣкоторыхъ случаяхъ не выходятъ изъ той-же точки: ϟ или ϟ. Ϥ превосходитъ всѣ остальныя буквы вышиною: вышина ея 0,022 м., между тѣмъ какъ вышина остальныхъ буквъ 0,018 м.

Вотъ надпись:



Νικία καὶ Ἀγχίαλε
οἱ Ἀγχιάλου, χαίρετε.

Νικίεω (ι) δέρκου στάλαν, ξένε, τὸν βαρὺς Ἅιδας
ἔκλασεν, ἀγρεύσας δύσμορον ἡλικίην·
πρὶν δὲ θανόντος ἐμεῦ στοργᾷ συνόμαιμος ἐνεχθεὶς
Ἀγχίαλος τὸ θανεῖν ζῆν καλὸν ᾑρέτισεν.
Εἰς δὲ τάφος δισσῶν, κάλπις μία· τοὺς ἐλεαίρει
καὶ πέτρη κωφὸν πένθος ἀνειεμένη,
δύστηνοι δὲ γονεῖς μελέᾳ παρὰ χερμάδι τέκνων
οὐ λήγουσι γόοις θρῆνον ἐγειρόμενοι.
Ἀντὶ δὲ νυνφῶνος γαμίου, ξένε, τοῖς δυσὶν ἡμεῖν
Περσεφόνης κλ]ωσθεὶς εἷς γέγονεν θάλαμος.

Орѳографическихъ особенностей здѣсь немного: въ двухъ случаяхъ долгая ι начертана двугласной ει (ἀνειεμένη и ἡμεῖν), а въ словѣ νυνφῶνος написано ν вмѣсто μ. Подписная іота въ трехъ случаяхъ (Ἄιδας, στοργᾷ, μελέᾳ) написана, въ одномъ (ἠρέτισεν) пропущена.

Первые два стиха почти тождественны съ началомъ вышеупомянутой надписи, напечатанной въ сборникѣ В. Латышева (Inscript. II, № 299):

Φαρνάκεω στάλαν δέρκευ, ξένε, τὸν βαρὺς Ἄδης
ἔκλασεν, ἀγρεύσας δύσμορον ἡλικίην

Послѣдній попорченный стихъ пополненъ мною вышеуказаннымъ образомъ на томъ основаніи, что при θάλαμος въ значеніи «могила» почти всегда (бываетъ и θάλ. εὐσεβέων) встрѣчается опредѣленіе Περσεφόνης или Φερσεφόνης. Вотъ нѣсколько примѣровъ, число которыхъ можно было-бы значительно увеличить: Anth. Palat. 8, 489. Simonid. fragm. 127, 3 (см. Ed. Tournier, Les tragédies de Sophocle. Paris p. 531 ad Antig. 804) Pind. Ol. 14, 20 (L. Preller, Griech. Mythologie I³, p. 657, прим. 2). Eur. Suppl. 1022. Особенно много примѣровъ можно найти въ сборникѣ: Epigrammata Graeca ex lapidibus conlecta edidit G. Kaibel. Berolini 1878: №№ 35, 50, 98, 201, 231 и пр. Также глаголъ κλώθω, отъ котораго произвожу второе попорченное слово послѣдняго стиха, довольно часто обозначаетъ опредѣленіе, назначеніе судьбы, напр. κεκλωσμένον αὐτῷ | τέρμ'. ἐσιδὼν βιότου Kaibel въ ук. соч. № 520. Срв. еще №№ 113, 127, 144, 153 и др.

Дѣйств. членъ Общ. В. Шкорпилъ.

Гор. Керчь,
31-го марта 1895 г.

Нѣсколько греческихъ статуэтокъ изъ собраній Одесскаго Общества Исторіи и Древностей и Ал. Ив. Нелидова.

Въ музеѣ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей хранится весьма замѣчательная во многихъ отношеніяхъ коллекція древнегреческихъ терракоттъ, непрерывно возрастающая, непрерывно пополняемая новыми пріобрѣтеніями и давно уже требующая удовлетворительнаго изданія и точнаго, систематическаго и научнаго описанія. Правда, больше пятнадцати лѣтъ тому назадъ на страницахъ этихъ самыхъ «Записокъ» (т. XI, стр. 75—179) проф. Н. П. Кондаковъ помѣстилъ обширную работу, посвященную, какъ гласитъ и ея заглавіе, «греческимъ терракоттовымъ статуэткамъ въ ихъ отношеніи къ искусству, религіи и быту»; но въ прекрасной по тому времени, стройной и богатой идеями, нынѣ-же, разумѣется, мѣстами нѣсколько устарѣвшей работѣ этой [1]), — хотя она, быть можетъ, и была даже ближайшимъ образомъ вызвана именно означенною коллекціею,—ученый авторъ преслѣдовалъ болѣе широкія цѣли, нежели прямое описаніе заключающагося въ послѣдней неизданнаго научнаго матеріала, и потому коснулся терракоттъ одесскаго музея лишь по стольку, по скольку онѣ были ему сподручны для рѣшенія вопросовъ общаго свойства. А присоединенныя къ статьѣ Н. П. Кондакова таблицы съ плохими литографированными изображеніями терракоттъ (числомъ 31) представляютъ столько мелкихъ неточностей въ рисункѣ, столько грубости въ выполненіи, что теперь, когда средства Общества допускаютъ это (см. предисловіе къ XVI тому «Записокъ»),

[1]) Многое было затѣмъ подновлено самимъ Н. П. Кондаковымъ въ краткомъ изложеніи того-же предмета въ «Русскихъ древностяхъ въ памятникахъ искусства» (Спб. 1889) I, стр. 89 слл.

было-бы далеко не излишне, если не необходимо, и вторичное воспроизведеніе тѣхъ-же памятниковъ инымъ, болѣе совершеннымъ,—всего лучше фототипическимъ способомъ. Такимъ образомъ, несмотря на починъ нашего первоклассnаго знатока искусства, имѣвшаго впрочемъ болѣе въ виду задачи цѣльной обработки затронутаго вопроса, скромное дѣло публикаціи одесскихъ терракоттъ можетъ считаться по сю пору очень мало подвинутымъ впередъ,— собственно даже почти не начатымъ.

Терракотты одесскаго музея, между которыми,— особенно въ числѣ пожертвованныхъ въ послѣднее время А. Л. Бертье-Делагардомъ ѳеодосійскихъ находокъ,—есть образцы тонкой, художественной работы, не уступающіе по красотѣ лучшимъ экземплярамъ большихъ западныхъ собраній, отличаются значительнымъ разнообразіемъ формъ, сюжетовъ, техническихъ достоинствъ, качества матеріала и степени сохранности. Здѣсь найдутся и высокія стройныя фигуры задрапированныхъ покрывалами женщинъ совершенно въ стилѣ танагрскихъ статуэтокъ съ яснымъ признаками тщательной моделлировки и слѣдами богатой раскраски, найдутся и миѳологическіе персонажи разныхъ категорій отъ наивно-грубыхъ архаическихъ идольчиковъ съ едва примѣтными зачатками антропормофизма до изящныхъ эротовъ и граціозныхъ Афродитъ, и уродливые, каррикатурные гротески, и дѣтскія куклы, и жанровыя группы, и фигурные сосуды, и образчики различныхъ полу-пластическихъ, полу-архитектурныхъ мотивовъ,—вѣнки, плоды, розетки, корзиночки, комическія и трагическія маски, горгоніи, пальметты и т. п. Происхожденіе ихъ весьма различно: однѣ принадлежатъ сѣверному побережью Чернаго моря отъ Фанагоріи до Ольвіи и Тираса, другія (впрочемъ такихъ немного) попали въ музей изъ Смирны, съ острововъ Архипелага, изъ Аѳинъ и другихъ мѣстъ собственной Греціи. Различны, разумѣется, также эпохи и стиль, а соотвѣтственно тому неоднородно и качество глины: въ однѣхъ статуэткахъ напр. преобладаетъ плотно ссѣдающаяся, тяжеловѣсная буро-красная глина, въ другихъ—желтая, скважистая, болѣе рыхлая и болѣе легкая. Замѣною глины иногда служитъ гипсъ,—особенно въ предметахъ, употреблявшихся для украшенія саркофаговъ. Въ связи съ этимъ однѣ фигуры сохранили больше красочныхъ пятенъ, другія меньше, однѣ оказывали болѣе упорное про-

тиводѣйствіе разрушающимъ вліяніямъ времени, другія пострадали сильнѣе.

На приложенной къ нашей статьѣ таблицѣ (листъ 2-й) воспроизведены на первый разъ немногіе экземпляры одесской коллекціи, составляющіе въ совокупности двѣ небольшія группы, а именно—группу комическихъ актеровъ [1]) и маскъ и группу спящихъ фигуръ. Въ той и другой есть однако также предметы, привлеченные сюда лишь по сродности сюжета и принадлежащіе не одесскому музею, а русскому послу въ Константинополѣ Ал. Ив. Нелидову, съ интереснымъ собраніемъ котораго мнѣ удалось близко ознакомиться во время заграничной поѣздки лѣтомъ прошлаго года [2]). Сюда относится, во первыхъ, комическій актеръ (фиг. 9), по экспрессіи, оригинальности замысла и совершенству работы одинъ изъ лучшихъ образцовъ этого рода, и во вторыхъ — небольшая мраморная статуэтка спящаго юноши (фиг. 10а—10б), данная на нашемъ снимкѣ въ двухъ позахъ и, несмотря на недодѣланность, представляющая большой археологическій интересъ.

Прежде однако, нежели приступить къ разсмотрѣнію этихъ памятниковъ греческой древности, необходимо коснуться въ сжатомъ очеркѣ нѣкоторыхъ общихъ вопросовъ, имѣющихъ конечно ближайшее отношеніе къ ихъ истолкованію. Это тѣмъ болѣе умѣстно, что,

---

[1]) Три фигуры изъ числа семи публикуемыхъ нами, а именно фиг. 2, 4 и 8 (по нашему счету), были уже изданы Н. П. Кондаковымъ въ приложеніи къ упомянутой выше статьѣ его (Зап. Од. Общ. Ист. и Др. XI, табл. V, фиг. 1, 2 и 3); остальныя издаются нынѣ впервые.

[2]) Предполагая въ близкомъ будущемъ подробнѣе поговорить объ этомъ собраніи въ другомъ мѣстѣ, не можемъ не пожалѣть о томъ, что небольшая, но весьма интересная по своему составу коллекція древностей, собранная Ал. Ив. Нелидовымъ, до сихъ поръ не привлекла къ себѣ въ надлежащей степени вниманія со стороны ученыхъ и раздѣляетъ участь многихъ другихъ частныхъ коллекцій, т. е. остается покамѣстъ извѣстною лишь небольшому кругу случайныхъ посѣтителей радушнаго ея обладателя. Главный свой интересъ А. И. Нелидовъ сосредоточилъ на издѣліяхъ изъ золота, и въ имѣющихся у него таблицахъ можно найти немало прекрасныхъ штампованныхъ золотыхъ фигурокъ, подвѣсокъ, застежекъ, колецъ, печатей, браслетовъ и т. под. мелкихъ предметовъ, изъ коихъ иные изумительной красоты и изящества; особеннаго упоминанія заслуживаетъ золоченая крышка съ изображеніемъ Геліоса. Изъ прочихъ вещей коллекціи слѣдуетъ назвать мраморную статуэтку Аѳродиты позднe-эллинистической эпохи, прекрасную мраморную голову Аѳины, нѣсколько мелкихъ бронзъ (Зевсъ, Тиха, Исида, Аполлонъ и др.), терракоттовый бюстъ Аѳродиты, нѣсколько византійскихъ древностей и т. п.

благодаря въ особенности позднѣйшимъ систематическимъ раскопкамъ, ученіе о художественно-промышленныхъ издѣліяхъ изъ обожженной глины у древнихъ нынѣ вступило въ новую фазу развитія и многія такія стороны этого дѣла, которыя доселѣ оставляли просторъ для безплодныхъ гаданій, начали нѣсколько выясняться [1]).

Изготовленіе мелкихъ статуэтокъ изъ глины есть въ сущности лишь одна изъ многочисленныхъ отраслей того вида промышленной дѣятельности, который всего удобнѣе было-бы обозначить по матеріалу общимъ названіемъ *«керамики»*, если-бы уже въ древности примѣненіе этого термина, повидимому, не было сужено предпочтительно предѣлами производства глиняныхъ сосудовъ [2]). Въ дѣйстви-

---

[1]) Много свѣта на вопросъ о терракоттахъ пролили публикаціи французской школы въ Аѳинахъ, особенно же монументальный трудъ Э. Поттье и С. Рейнаха о миринскомъ некрополѣ (La nécropole de Myrina par *E. Pottier* et *S. Reinach*. I. II. Paris 1887). Нѣкоторые промахи и недочеты, въ которыхъ обвиняли этихъ талантливыхъ и неутомимыхъ археологовъ, дебютировавшихъ на ученомъ поприщѣ въ пору миринскихъ раскопокъ въ качествѣ учениковъ аѳинской школы, во всякомъ случаѣ не умаляютъ того важнаго значенія, какое имѣетъ ихъ работа, какъ отчетъ, составленный съ большою тщательностью и знаніемъ дѣла непосредственными участниками раскопокъ. Миринскій кладъ былъ цѣликомъ вскрытъ на глазахъ людей, преслѣдовавшихъ строго-научныя цѣли,—обстоятельство, благодаря которому было выяснено немало темныхъ сторонъ погребальнаго ритуала древнихъ (см. также *S. Reinach* Esquisses archéologiques. Paris, 1888, стр. 203 слл.; изъ литературныхъ противниковъ Поттье и Рейнаха укажу на *Cartault* Terres cuites grecques стр. XLV слл., *Froehner* passim и др.). Послѣ миринскихъ находокъ по числу новооткрытыхъ издѣлій изъ обожженной глины особенно замѣчательны были раскопки германскаго археологическаго института близъ Ѳивъ, въ области древняго святилища Кабировъ (Mittheilungen d. deutsch. archäolog. Inst. Athen. Abth. XIII 81, 412; XV 354 слл.; срв. *А. Н. Щукаревъ* Зап. И. Р. Арх. Общ. 1888, стр. 466; *Н. И. Новосадскій* Культъ Кавировъ въ древней Греціи. Варшава, 1891. Стр. 19 сл., 129 слл.) Огромное значеніе имѣютъ далѣе новѣйшія публикаціи Императорской археологической коммисіи, особенно составленное проф. *В. К. Мальмбергомъ* Описаніе классическихъ древностей, найденныхъ въ Херсонесѣ въ 1888 и 1889 годахъ (Матеріалы по археологіи Россіи, вып. 7). Въ текущей русской литературѣ вопросъ о терракоттахъ былъ недавно трактованъ проф. *И. В. Цвѣтаевымъ* въ статьѣ «Древне-греческія терракотты изъ собранія Его Императорскаго Высочества В. К. Сергія Александровича» (Русское Обозрѣніе, 1894, кн. 5).

[2]) Правда, у *Блюмнера* (Technologie u. Terminologie II стр. 5) читаемъ: «die für die mannichfaltigen Zwecke der Thonarbeit zur Verwendung kommende Thonerde führt bei den Griechen ursprünglich die Bezeichnung κέραμος; allerdings nicht an und für sich, sondern nur insofern sie als Material zur Verarbeitung dient. Indessen ist das Wort auch hiefür verhältnissmässig seltener im Gebrauch; dafür aber entnimmt der Grieche von κέραμος die üblichsten Bezeichnungen für jegliche Arbeit in Thon»... Тѣмъ не менѣе въ дальнѣйшемъ изложеніи Блюмнеръ и самъ примѣняетъ производные отъ κέραμος термины исключительно къ горшечникамъ и горшечному мастерству,—да такъ примѣняются они и

тельности впрочемъ и это послѣднее было, естественно, связано не только въ болѣе древнюю пору, но и въ позднѣйшее время съ ремесломъ *коропластовъ*, т. е. лѣпщиковъ мелкихъ фигуръ, тысячами нитей, и если все же обѣ дѣятельности шли разными путями вполнѣ самостоятельнаго развитія, то напр. масса разсѣянныхъ по музеямъ фигурныхъ сосудовъ, сработанныхъ частью въ стилѣ терракоттъ, частью же съ пріемами вазовой техники,—притомъ несомнѣнно фабриковавшихся на протяженіи цѣлаго ряда столѣтій [1]),—свидѣтельствуетъ о томъ, что черта разграниченія должна быть въ настоящемъ случаѣ проведена съ надлежащею осмотрительностью. Однако съ другой стороны не подлежитъ также сомнѣнію, что не только предварительная обработка матеріала, но и самый сортъ его былъ иной, смотря по тому, предназначался-ли этотъ матеріалъ для выдѣлки посуды, или-же для лѣпки статуэтокъ. Для изготовленія послѣднихъ употреблялась глина болѣе мягкая, пористая, эластичная, легко уступавшая рѣзцу или моделлировальной палочкѣ, скоро просыхавшая и въ сухомъ видѣ при постукиваніи издававшая характерный глухой звукъ,—словомъ, совершенно отличная отъ той болѣе упругой и плотной, мелко-зернистой, хотя тоже весьма нѣжной глины, которую предпочитали для своихъ цѣлей горшечники [2]). Это различіе, повидимому, заставляетъ думать, что въ мѣстностяхъ, богатыхъ какимъ-либо сортомъ глины, долженъ былъ-бы развиваться, если не исключительно, то предпочтительно и тотъ видъ глинянаго производства, для котораго данный сортъ оказывался наиболѣе подходящимъ. Далѣе,—количество и качество постороннихъ примѣсей, сте-

---

у древнихъ писателей (ссылки см. у него же). Срв. *P. Chabat* La brique et la terre cuite (Paris, 1886), стр. 2, прим.: «*la céramique* — du mot κέραμος, nom grec des poteries et qui ne signifie ni la nature, ni la matière, ni son usage, mais la corne des animaux qui était la matière et la forme originaire des vases à boire»; также *Brongniart* Traité des arts céramiques ou des poteries considerées dans leur histoire etc. (2 éd. Paris, 1854) I, стр. 3. (Послѣднія ссылки дѣлаю впрочемъ съ параллельнымъ указаніемъ на *Г. Курціуса* Grundz. d. griech. Etymol. 147, сравнивавшаго этимологически греч. κέραμος не съ κέρας, а съ санскр. çrî, греч. κεράννυμι).

[1]) *Blümner* Technol. u. Terminol. II, стр. 98 слл.; *Treu* Griech. Thongefässe in Statuetten- und Büstenform. Winckelm.-Progr. f. 1875; *Baumeister* Denkmäler, стр. 1997; *E. Pottier* Vases à reliefs provenants de Grèce (Monum. grecs, publiés par l'Assoc. pour l'encouragement des études grecques. 14—16. 1885—1888. Стр. 43 слл.).

[2]) *Blümner* II, стр. 55, 127.

пень обжиганія, характеръ и пріемы раскраски, короче—всѣ манипуляціи выдѣлки въ области обоихъ производствъ были также различны. Въ виду этого мы вправѣ были-бы спросить, когда и въ какихъ случаяхъ разные виды гончарнаго производства были связаны единствомъ фабрики и служитъ-ли существованіе въ данной мѣстности доказаннаго раскопками либо документальными свидѣтельствами горшечнаго производства порукою въ томъ, что находимыя въ той-же мѣстности терракотты не были предметомъ привоза и что, стало быть, рядомъ съ горшечниками работали и коропласты? Практическій смыслъ этого замѣчанія состоитъ въ слѣдующемъ. Судя по нѣкоторымъ даннымъ можно полагать, что въ разныхъ мѣстахъ южной Россіи, между прочимъ почти несомнѣнно въ Ольвіи, въ древности процвѣтало гончарное производство [1]). Спрашивается, выдѣлывались-ли на ольвійскихъ и иныхъ посудныхъ фабрикахъ также и мелкія пластическія издѣлія изъ глины и должны-ли мы приписывать находимымъ въ с. Парутинѣ, близъ Аккермана и въ другихъ мѣстахъ статуэткамъ туземное происхожденіе? Наоборотъ, зная напр. о производствѣ терракоттъ въ Херсонесѣ, имѣемъ-ли мы право заключать и о производствѣ глиняныхъ сосудовъ въ этомъ городѣ? Дѣло въ томъ, что, хотя раскопки многократно подтверждали то

[1]) Если догадка *П. Беккера*, желавшаго видѣть въ цѣломъ рядѣ находимыхъ въ Ольвіи амфорныхъ ручекъ съ надписями продуктъ ольвійской фабрикаціи (см. N. Jahrb. f. Philol. u. Paed. IV S.-Bd. [1862], V S.-Bd. [1869], IX S.-Bd. [1878] и его же статьи въ Зап. Одес. Общ. Ист. и Древн. тт. V, VII, XI), не оправдалась (см. статью В. Н. Юргевича объ амфорныхъ ручкахъ, собранныхъ въ окрестностяхъ Херсонеса,—въ Зап. Общ. т. XV, стр. 47 слл.), то почва Ольвіи, слишкомъ недостаточно еще обслѣдованная археологами, дала все же немало вазъ, простыхъ и орнаментированныхъ, въ которыхъ надлежитъ безъ всякаго сомнѣнія усматривать издѣлія мѣстныхъ мастеровъ. Было бы впрочемъ странно, еслибы городъ, славившійся еще при Страбонѣ, послѣ разныхъ невзгодъ и погромовъ, колоссальнымъ развитіемъ торговли и промышленности, не имѣлъ собственныхъ гончаровъ. Привозными могли быть лишь росписныя вазы болѣе изящной техники, хотя, какъ въ Пантикапеѣ, такъ и на берегахъ Гипаниса, повидимому, работали кромѣ мѣстныхъ и переселявшіеся изъ другихъ городовъ болѣе искусные мастера, значительно содѣйствовавшіе улучшенію мѣстнаго производства (срв. *И. Толстой* и *Н. Кондаковъ* Русск. древн. въ пам. иск. I, стр. 77). Что касается амфорныхъ ручекъ съ иностранными эмблемами и клеймами, то это—остатки посуды, въ которой доставлялись къ сѣвернымъ берегамъ Чернаго моря съ юга различные продукты ввоза, какъ то масло, вино и проч. Амфорныя ручки, шейки и донышки съ такими же и подобными клеймами найдены въ изобиліи между прочимъ и въ Миринѣ, не испытывавшей, какъ извѣстно, недостатка въ собственныхъ керамическихъ издѣліяхъ. См. *Pottier et Reinach* Nécrop. de Myrina I, стр. 199.

теоретическое соображеніе, что въ мѣстонахожденіяхъ подходящихъ сортовъ глины обыкновенно должны были параллельно развиваться многія отрасли глинянаго производства (напр. тамъ, гдѣ выдѣлывались кирпичи, находимы были признаки изготовленія и разныхъ крупныхъ и мелкихъ предметовъ домашней и храмовой утвари изъ глины, архитектурныхъ орнаментовъ и т. п.), тѣмъ не менѣе нѣтъ недостатка и въ отрицательныхъ инстанціяхъ: во первыхъ, достовѣрно извѣстно, что даже въ предѣлахъ одной отрасли гончарнаго дѣла, именно горшечнаго мастерства, въ Греціи рано возникла спеціализація, такъ что сосуды разныхъ типовъ дѣлались разными мастерами и, повидимому, даже въ разныхъ мастерскихъ [1]); во вторыхъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ мѣстности, славившіяся однимъ какимъ либо родомъ глиняныхъ фабрикатовъ, производили столь-же цѣнные образцы и другихъ родовъ,—подобно напр. Книду, который въ равной степени былъ знаменитъ какъ своими вазами, такъ и издѣліями изъ жженой глины [2]); въ третьихъ, есть указанія и на то, что существовавшія въ данной мѣстности параллельно различныя отрасли глинянаго производства зачастую культивировались совершенно отдѣльно и внѣ какой-бы то ни было зависимости одной изъ нихъ отъ другой [3]).

---

[1]) Различались κεδοποιοί, κωθωνοποιοί, ληκυθοποιοί, λυχνοποιοί и проч. (см. *Blümner* II, стр. 33). Такая спеціализація была вполнѣ естественна особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда мастеръ въ предѣлахъ какой либо избранной отрасли старался овладѣть всѣми сторонами требуемой этою отраслью техники, т. е. когда онъ напр. совмѣщалъ въ своемъ лицѣ, какъ это часто бывало, и формовщика, и рисовальщика. См. между прочимъ у *Клейна* Die griech. Vasen mit Meistersignaturen. 2 Aufl. Wien, 1887.

[2]) Книдскія вазы фабриковались въ огромномъ количествѣ, какъ одинъ изъ главныхъ предметовъ отпуска, и, какъ видно изъ раскопокъ, районъ ихъ распространенія въ древности былъ очень обширенъ. Что касается книдскихъ терракоттъ, то о нихъ см. Lucian. Amores 11. Въ Аѳинахъ, гдѣ дѣйствовали такіе талантливые керамисты, какъ Эпиктетъ, Эвфроній, Дуридъ и др., искусство коропластовъ было, видно, не въ чести,— по крайней мѣрѣ аѳинскіе некрополи, богатые глиняными вазами, до сихъ поръ дали очень скудное количество терракоттъ. Въ Беотіи и Локридѣ наоборотъ при раскопкахъ находятъ значительно больше глиняныхъ статуэтокъ, нежели вазъ.

[3]) Демосѳенъ говоритъ о мастерскихъ коропластовъ, сосредоточивавшихся на аѳинскомъ рынкѣ и, очевидно, отличныхъ отъ большихъ гончарныхъ заводовъ, коими изобиловалъ Керамикъ: Demosth. Philipp. I, 26: ὥσπερ γὰρ οἱ πλάττοντες τοὺς πηλινοὺς εἰς τὴν ἀγορὰν χειροτονεῖτε τοὺς ταμίαρχους (рѣчь идетъ, какъ мы бы выразились, о кустаряхъ, доставлявшихъ на рынокъ низкопробную, дюжинную работу). Обжигальныя печи для различныхъ потребъ глинянаго мастерства были различны, что также позволяетъ предположить дробленіе самаго производства. *Blümner* Technol. u. Terminol. II, стр. 23 слл.

Такимъ образомъ формулировать отношеніе между этими отраслями въ видѣ какого нибудь общаго положенія врядъ ли возможно. Необходимо поэтому принять, что наряду съ болѣе изысканными ателье заправскихъ художниковъ-керамистовъ, которые работали для немногихъ цѣнителей и любителей, существовали фабрики, производившія посредственный товаръ для удовлетворенія потребностей большой публики. Первые болѣе спеціализировались, для вторыхъ кругъ предметовъ производства опредѣлялся спросомъ, наличностью подходящихъ сортовъ матеріала, условіями среды и т. п. Первымъ принадлежали шедевры греческой керамики, вторымъ — безчисленные предметы ремесленнаго пошиба.

Раскопками обнаружены въ русскихъ предѣлахъ черноморскаго побережья до сихъ поръ двѣ мастерскихъ, служившихъ для изготовленія пластическихъ издѣлій изъ глины,— одна въ Керчи, другая въ Херсонесѣ[1]). При той и другой найдены были особыя помѣщенія, служившія, повидимому, складами для готовыхъ продуктовъ производства или магазинами, — быть можетъ, также рабочими кабинетами, въ которыхъ производилась моделлировка и разрисовка отлѣпленныхъ предметовъ. Кромѣ того есть полное основаніе предполагать, что и въ Ѳеодосіи, гдѣ среди прекрасныхъ издѣлій изъ обожженной глины найдены гончарныя формы, находилась подобная же мастерская. Выходитъ, стало быть, что русскій югъ служилъ въ древности однимъ изъ пунктовъ, въ которыхъ развивалась довольно значительная керамическая дѣятельность, чему впрочемъ вполнѣ соотвѣтствуетъ и обиліе подаренныхъ имъ вазъ, терракоттъ, глиняныхъ и гипсовыхъ орнаментовъ и разнаго рода мелкихъ подѣлокъ, составляющихъ нынѣ достояніе Императорскаго Эрмитажа, московскаго Историческаго Музея, нашего одесскаго музея и многочисленныхъ частныхъ коллекцій[2]).

---

[1]) См. Отчетъ Импер. археол. комм. за 1882—1888 гг., стр. CCXI; Матеріалы по археол. Россіи издаваемые Импер. арх. комм. вып. 7, стр. 3—26; *И. Толстой* и *Н. Кондаковъ* Русскія древн. въ пам. иск. I, стр. 94.

[2]) Нельзя не посѣтовать на скудость свѣдѣній о небольшихъ археологическихъ коллекціяхъ и единичныхъ предметахъ древности, находящихся во владѣніи частныхъ лицъ. А любителей, собирающихъ такіе предметы, немало на нашемъ югѣ, да и собираніе ихъ здѣсь не представляетъ большихъ затрудненій. Надобно ожидать многаго отъ той забот-

Что касается эстетическихъ достоинствъ этой группы греческихъ древностей, то нерѣдко приходится встрѣчаться съ выраженіемъ того мнѣнія, будто произведенія горшечниковъ и коропластовъ, работавшихъ когда то въ нашихъ мѣстахъ, на югѣ Россіи, стоятъ въ художественномъ отношеніи на крайне низкой ступени и не выдерживаютъ даже отдаленнаго сравненія съ вазами и терракоттами собственной Греціи и Малой Азіи. «Даже тѣ фигуры», — говоритъ напр. *Поттье*, авторъ одного изъ лучшихъ общихъ сочиненій о тертакоттахъ,—«въ которыхъ сказалось вліяніе искусства V вѣка и которыя найдены вмѣстѣ съ сосудами чисто античнаго стиля, свидѣтельствуютъ о какой то странной грубости и неумѣлости. *Здѣсь мы чувствуемъ себя не только въ провинціи, но и прямо-таки на варварской почвѣ.* Несмотря на всѣ свои усилія и добрыя намѣренія, несмотря на столь же обширный, какъ и въ Киренаикѣ, привозъ хорошихъ греческихъ моделей и формъ, мастера Херсонеса Таврическаго умѣли получать съ нихъ лишь дѣтски-грубые оттиски, допускающіе сравненіе скорѣе съ работами временъ упадка. Эта жалкая безпомощность ихъ глубоко поучительна въ томъ смыслѣ, что наглядно показываетъ всю трудность того изящнаго производства, которое казалось легкою забавою въ ловкихъ и изумительно изощренныхъ рукахъ призваннаго мастера. И инструменты то здѣсь были тѣ-же, и въ моделяхъ то не было недостатка, да недоставало одного,— тонкаго чувства красоты, мягкости, граціи, словомъ — *генія*, безъ котораго нѣтъ истинныхъ произведеній искусства». «Вазовая живопись», продолжаетъ тотъ-же авторъ, «обнаруживаетъ вполнѣ аналогичную безпомощность. Какъ-бы ни были небрежны краснофигурные и бѣлофигурные эскизы, которыми въ Аѳинахъ размалевывали сосуды, предназначенные для вывоза, они все еще могутъ сойти за шедевры въ сравненіи съ разными мѣстными имитаціями,— съ тою

ливости, съ которою Херсонскій Губернскій Статистическій Комитетъ относится къ сохраненію для пользы отечественной науки уцѣлѣвшихъ памятниковъ старины въ нашемъ краѣ, и надѣяться, что поступившія въ отвѣтъ на разосланный Комитетомъ циркуляръ (отъ 29 апрѣля 1894 г.) свѣдѣнія объ ускользающихъ отъ изученія древностяхъ будутъ своевременно полностью обнародованы. Не могу не упомянуть здѣсь и о формируемомъ при Комитетѣ археологическомъ музеѣ, успѣвшемъ обогатиться нѣкоторыми цѣнными и интересными вещами.

керамикою, которая собрана въ киммерійскихъ tumuli и сразу бросается въ глаза своими тусклыми цвѣтами и тощими абрисами фигуръ, составляющими ея плачевное убранство» [1]).

Все это совершенно несправедливо. И прежде всего ошибка французскаго ученаго, слова котораго мы привели, состоитъ въ поспѣшности вывода, въ неправильности обобщенія, въ схематизмѣ. Матеріалъ, извлеченный изъ киммерійскихъ tumuli, до того качественно разнообразенъ, что врядъ-ли допускаетъ столь общую характеристику. Какъ уже выше замѣчено, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ продуктами разныхъ эпохъ, разныхъ мѣстъ, разныхъ стилей. Такъ напр., что касается вазъ, то отзывъ Поттье примѣнимъ только къ позднимъ вазамъ грубой техники съ тусклыми, грязноватыми цвѣтами и плохою росписью [2]); но съ другой стороны именно на Таврическомъ полуостровѣ найдены были и такіе драгоцѣнные, художественно-прекрасные сосуды періода высшаго процвѣтанія искусства, какихъ не представила ни Грецiя, ни Италія [3]),—и, разумѣется, не всѣ они были привозными: многіе изъ нихъ, какъ косвенно свидѣтельствуютъ надписи, вышли изъ мѣстныхъ мастерскихъ, гдѣ наряду съ пріѣзжими изъ Аѳинъ и другихъ мѣстъ Греціи мастерами несомнѣнно работали и обученные послѣдними мастера изъ туземцевъ [4]). Уже самый фактъ присутствія вазъ тонкой художественной работы, хотя-бы и привозныхъ, въ древне-греческихъ гробницахъ, раскопанныхъ тамъ и сямъ по сѣверному побережью Чернаго моря, краснорѣчиво говоритъ о томъ, что среди скиѳовъ и тавровъ грече-

---

[1]) *E. Pottier* Les statuettes de terre cuite dans l'antiquité. Paris, 1890, стр. 147.

[2]) Эти вазы Стефани называлъ иногда *полуварварскими*, но, какъ онъ самъ разъяснилъ, отнюдь не въ томъ смыслѣ, что «при изготовленіи ихъ дѣйствовало какое нибудь не-эллинское вліяніе, внесшее въ нихъ чуждый, не-эллинскій элементъ»: вазы эти, по его убѣжденію, всѣ сдѣланы греками, но въ такое время, когда гончарныя мастерскія въ колоніяхъ южной Россіи успѣли придти въ полный упадокъ и когда многіе изъ прежнихъ техническихъ пріемовъ были забыты. Такой упадокъ вазовой техники былъ естественнымъ слѣдствіемъ историческаго процесса и наступилъ также и въ другихъ мѣстахъ производства росписныхъ сосудовъ, но не вездѣ сразу. Для интересующаго насъ района онъ датируется вторымъ столѣтіемъ до Р. Х. (Отчетъ Императ. археол. комм. за 1874 годъ, стр. 47 слл.).

[3]) «Императорскій Эрмитажъ». Росписныя вазы. Спб. 1885 г. Предисловіе Стефани, стр. VIII.

[4]) Срв. выше стр. 208, прим. 1.

скіе колонисты не утратили присущаго эллинской націи чувства красоты и что понтійскіе греки умѣли не хуже аѳинянъ цѣнить шедевры греческой керамики. А спросъ вѣдь всегда вызываетъ предложеніе. Было-бы совершенно невѣроятно полагать, что въ городахъ на Понтѣ, поддерживавшихъ уже съ конца V вѣка оживленныя сношенія съ центрами эллинской культуры [1]), варварскія вліянія могли преобладать надъ греческими. Правда, въ обиходѣ людей средняго достатка были здѣсь болѣе употребительны сосуды не столько росписные, сколько болѣе скромно и непритязательно орнаментированные; правда и то, что экземпляры вазъ, найденные на мѣстѣ древней Танаиды и въ другихъ менѣе бойкихъ пунктахъ греческой осѣдлости, не выдерживаютъ сравненія съ образцами керамики пантикапейской. Но въ общемъ качества гончарныхъ издѣлій, находимыхъ на нашемъ югѣ, все таки значительно выше оцѣнки французскаго ученаго, а нѣкоторыя изъ этихъ издѣлій, особенно столь своеобразные сосуды съ пластическими украшеніями, даже и безотносительно представляютъ высокіе образцы истинно-художественнаго творчества. Что сосуды послѣдней категоріи были продуктами мѣстнаго производства, на то прежде всего указываютъ частые сюжеты ихъ рельефныхъ украшеній,— всѣ эти пляшущіе или сражающіеся скиѳы, эти головы съ варварскими чертами лица и т. п.; но, еслибы у насъ все еще на этотъ счетъ оставались какія-либо сомнѣнія, то они должны были бы разсѣяться послѣ херсонесскихъ находокъ 1888 года: въ числѣ формъ, найденныхъ въ этомъ году въ Херсонесѣ, оказалось немало такихъ, которыми мѣстный гончаръ несомнѣнно могъ пользоваться только для декоративныхъ цѣлей, употребляя ихъ для украшенія рельефами и масками сосудовъ и другихъ предметовъ изъ глины [2]). Большая часть такихъ формъ отличается художественными достоинствами, и все заставляетъ думать, что самые оригиналы ихъ,—

---

[1]) Срв. статью проф. *Э. Р. фонъ-Штерна* «Вновь найденная лекана изъ Керчи», стр. 37, прим. 2. Съ эллинскимъ востокомъ греческія колоніи южной Россіи находились съ самаго своего основанія въ тѣсной связи. На эту связь кромѣ исторической традиціи объ основаніи Пантикапеи милетянами (Strab. VII, p. 310; Plin. H. N. IV, 26; Amm. Marcell. I, 1) указываютъ и археологическія данныя (см. статью проф. *В. К. Мальмберга* въ Матер. по археол. Россіи, вып. 7, стр. 10).

[2]) Матер. по археол. Россіи, вып. 7, стр. 3.

частью металлическіе, частью каменные или глиняные,—находились когда-то въ Херсонесѣ, а, стало быть, формы также были выдѣланы на мѣстѣ [1]). Въ томъ-же самомъ смыслѣ, разумѣется, надлежитъ исправить и отзывъ Поттье о нашихъ южно-русскихъ терракоттахъ. То, что онъ говоритъ о безпомощности и неумѣлости мастеровъ Херсонеса Таврическаго, прямо опровергается все тѣми-же находками 1888 года и многими изъ болѣе раннихъ. Терракотты, происходящія изъ южно-русскихъ могильниковъ и частью уже превосходно изданныя Императорскою археологическою коммиссіею, частью еще ожидающія изданія, подобно сосудамъ того-же происхожденія носятъ отпечатокъ разныхъ эпохъ и различныхъ стилей, и напр. послѣднія ѳеодосійскія пріобрѣтенія Одесскаго Общества Исторіи и Древностей (даръ А. Л. Бертье-Делагарда) отличаются не одною лишь отчетливостью и чистотою работы, но именно тою «délicatesse du toucher», тѣмъ «sens du beau», въ которыхъ Поттье (да и не онъ одинъ) хочетъ отказать древнимъ коропластамъ нашихъ мѣстъ [2])...

Мѣстонахожденіями пластическихъ издѣлій изъ обожженной глины служатъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ гробницы, гораздо рѣже—развалины и дворы храмовъ и остатки жилыхъ помѣщеній. Присутствіе терракоттъ въ числѣ предметовъ храмовой или домашней утвари вообще неудивительно: мы легко можемъ представить себѣ однѣ изъ нихъ—какъ комнатныя украшенія [3]), другія—какъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 9.—Два слова о странствующихъ формахъ. О томъ, что коропласты разныхъ мѣстъ пользовались для своихъ дѣлей чужими, привозными моделями, см. *Heuzey* «Catalogue des figurines du Louvre» (стр. 191 слл.), *его-же* «Les figurines antiques de terre cuite du musée du Louvre» (текстъ, стр. 23), *Pottier et Reinach* «Nécrop. de Myrina» (стр. 171 и passim), *Pottier* «Les statuettes de terre cuite» (стр. 261) и проч. Дѣло нужно представлять себѣ, разумѣется, не въ смыслѣ привоза или вывоза самихъ *формъ*, хотя въ вышеозначенныхъ мѣстахъ и упоминается «l'exportation (l'importation) des moules»: для коропласта достаточно было имѣть въ своемъ распоряженіи ту или другую статуэтку, чтобы легко изготовить соотвѣтствующую форму. Современные аѳинскіе фальсификаторы фабрикуютъ такимъ же самымъ образомъ продаваемыя ими въ качествѣ «древностей» до неузнаваемости идентичныя реплики терракоттъ Національнаго Музея.

[2]) Ѳеодосія и раньше, при раскопкахъ князя Сибирскаго, доставила нѣсколько терракоттъ замѣчательной красоты (см. *Кёне* Музей князя Кочубея, I, стр. 274, примѣч. 6; Древн. Босф. Кимм. т. 70, 1).

[3]) Изъ представленія о терракоттахъ, какъ о комнатныхъ украшеніяхъ, *Вельккеръ* старался объяснить и другіе случаи ихъ употребленія (см. ниже). Въ самое недавнее время *Винтеръ* высказалъ предположеніе, что цѣлыя группы терракоттъ, связанныхъ

дѣтскія игрушки [1]), третьи—какъ предметъ благоговѣйнаго почитанія въ домашней божницѣ (lararium) или на очагѣ и какъ обѣтныя приношенія въ храмѣ чтимаго божества [2]). Но почему такая масса терракоттъ,—притомъ всевозможныхъ типовъ и категорій,—была погребена въ могильныхъ склепахъ? Въ какомъ спеціальномъ отношеніи къ обряду погребенія и къ культу мертвыхъ находилась эта отрасль художественной промышленности, связанная съ тѣмъ и другимъ даже внѣшнимъ образомъ такъ тѣсно, что у самыхъ кладбищъ зачастую ютились и мастерскія коропластовъ? [3]).

Положительное рѣшеніе этого вопроса при наличныхъ данныхъ едва-ли возможно. Смыслъ указанной связи, повидимому, былъ теменъ для самихъ грековъ уже въ IV в. до Р. Х. Употребленіе терракоттъ при похоронахъ уже въ то время, какъ кажется, представляло собою культурное переживаніе, находившее свою raison d'être лишь въ старооттеческихъ завѣтахъ и преданіяхъ (τὰ πάτρια) [4]). Такимъ образомъ нынѣ приходится искать объясненія для этой стороны древней жизни среди множества болѣе или менѣе остроумныхъ и правдоподобныхъ догадокъ и предположеній, высказанныхъ современными учеными. Въ виду обширности относящейся сюда литера-

---

единствомъ содержанія, могли служить стѣннымъ украшеніемъ библіотекъ въ качествѣ иллюстрацій къ произведеніямъ литературы: *Winter* Beziehungen zwischen Terrakotten und Malereien, докладъ въ майскомъ засѣданіи археологическаго общества въ Берлинѣ (Wochenschr. f. klass. Philol. 1895, № 29, ст. 808 сл.).

[1]) *Becker-Göll* Charikles II, 34; *Beck de Fouquière* Jeux des anciens стр. 28 слл.

[2]) Подобныя вотивныя статуэтки были найдены во множествѣ въ Аѳинахъ на акрополѣ (у Парѳенона, Пропилеевъ и по южному склону холма, у Асклепіона), въ Элевсинѣ (въ священномъ округѣ), въ Беотіи близъ Ѳивъ (у храма Кабировъ) въ Эпидаврѣ (у Асклепіона), въ Элатеѣ (у храма Паллады), въ Мантинеѣ, въ Тегеѣ, въ Олимпіи, въ Додонѣ, на островахъ Кипрѣ (въ Ларнакѣ), Делосѣ, Корфу и др., въ М. Азіи (въ Троадѣ, въ Эфесѣ, Книдѣ, Галикарнассѣ и др.), въ южной Италіи и проч. (см. *S. Pottier* Les statuettes de terre cuite, стр. 285). Вотивныя статуэтки также вѣшались на вѣтви священныхъ деревьевъ и помѣщались у священныхъ источниковъ (ibid. стр. 282 сл.; Dictionnaire des antiquités grecques et romaines par Daremberg et Saglio I, fig. 395).

[3]) Мастерская, открытая въ кучахъ древняго мусора въ Керчи, находилась также близъ кладбища.

[4]) Подходящую аналогію въ бытѣ современныхъ грековъ, зачастую не находящихъ иного отвѣта на вопросъ о значеніи того или другаго народнаго обычая кромѣ словъ «ἔτσι ἔκαμαν οἱ πατέρες μᾶς», указываетъ авторъ статьи о Танагрѣ *Henri Lechat* Gazette des beaux arts, 1893, juillet, стр. 10, прим.

туры будетъ небезполезно представить здѣсь краткое обозрѣніе существующихъ на этотъ счетъ въ наукѣ теорій.

1. Мистическій смыслъ въ указанномъ употребленіи терракоттъ усматривалъ *Біардò*, авторъ двухъ фантастическихъ трактатовъ: «Explication du symbolisme des terres cuites grecques» (Paris, 1864) и «Les terres cuites grecques funèbres dans leurs rapports avec les mystères de Bacchus» (Paris, 1872). Съ точки зрѣнія этого ученаго терракоттовыя статуэтки представляли собою эмблемы вѣры, — священные знаки таинственныхъ ученій, преподававшихся посвященнымъ въ мистеріи,—и, какъ таковыя, какъ полные внутренняго, мистическаго значенія символы полученныхъ откровеній, онѣ сопровождали и въ могилу тѣхъ, которые при жизни удостоились высшихъ степеней посвященія. Такимъ образомъ въ глазахъ этихъ послѣднихъ терракотты въ цѣломъ рядѣ образовъ долженствовали воплощать важнѣйшіе моменты мистической доктрины. По своему содержанію онѣ обнимали весь кругъ религіозно-философскихъ идей орфико-пиѳагорейской школы, имѣвшихъ отношеніе къ смерти и загробной жизни, и, стало быть, могли служить приличнымъ украшеніемъ мѣстъ вѣчнаго отдохновенія: подъ условными формами, ничего не говорившими профанамъ, онѣ таили понятные посвященнымъ намеки на безсмертіе и вѣчное блаженство.

Эта гипотеза, не встрѣтившая сочувствія даже среди лицъ, не питающихъ особеннаго предубѣжденія противъ символики, не можетъ привести въ свое оправданіе ни одного прямаго свидѣтельства древности и уже потому врядъ-ли заслуживаетъ серьезныхъ опроверженій,—тѣмъ болѣе, что на лицо есть факты (напр. нахожденіе терракоттъ въ дѣтскихъ могилахъ), стоящіе въ непримиримомъ противорѣчіи съ искусственною системою ея автора [1]).

2. Вторая группа предположеній можетъ быть формулирована такъ: терракотты, каково-бы ни было ихъ содержаніе, въ обстановкѣ могилы не играли никакой спеціальной роли сравнительно съ другими предметами домашняго обихода вродѣ напр. зеркалъ, гребней,

---

[1]) Критическое изложеніе ея см. у *Н. П. Кондакова* Греч. терракоттовыя статуэтки (Зап. Од. Общ. XI, стр. 116 слл.), *A. Cartault* Terres cuites grecques, стр. XXIV слл., *Pottier* цит. соч. стр. 264 сл.

глиняной и стеклянной посуды, лампочекъ, желѣзныхъ ножей, точильныхъ брусковъ, веретенъ, разнаго рода украшеній и красивыхъ бездѣлокъ,— съ предметами, которые также составляютъ не менѣе обычную принадлежность древнихъ могилъ. Грекъ, говорятъ представители этого воззрѣнія, устраивалъ обитель для умершаго по типу обителей живыхъ, а вѣдь терракотты были однимъ изъ самыхъ обыкновенныхъ аксессуаровъ античнаго жилища. Какъ привычныя его глазу комнатныя украшенія, онѣ слѣдовали за покойникомъ въ могилу, какъ слѣдовали за нимъ и сосуды, изъ которыхъ онъ пилъ, или игральныя кости (ἀστράγαλοι), которыми онъ забавлялся. Никакого религіознаго значенія онѣ слѣдовательно не имѣли.

Мысль эта, высказанная впервые *Велькеромъ* [1]), пріобрѣла немало сторонниковъ среди выдающихся знатоковъ классической древности [2]). Прежде всего она вполнѣ соотвѣтствуетъ эстетической тенденціи античной культуры и не находится въ противорѣчіи ни съ данными археологіи, ни съ письменными свидѣтельствами,—напротивъ, скорѣе какъ-бы подтверждается ими. Извѣстно, что древніе обставляли гробницы своихъ мертвецовъ съ большою заботливостью,—убранство послѣднихъ зачастую отличалось даже роскошью,—и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что грекъ, отъ колыбели до могилы

---

[2]) *Welcker* Alte Denkmäler V, стр. 485: «diese Figuren — — waren ursprünglich bestimmt— —einen Gegenstand einfacher und edler Verzierung abzugeben. Sie mochten in Reihen die Wände von Zimmern schmücken.... Von da und aus anderem Gebrauch giengen diese bescheidenen Kostbarkeiten dann auch über in Gräber»...

[3]) *O. Lüders* въ своемъ отчетѣ «Ritrovamenti di terre cotte in Tanagra» (въ Bull. dell' Inst. di corrisp. arch. di Roma, 1874, стр. 122) писалъ: «nella maggiore parte di queste tombe sono state ritrovate figure di terra cotta — — le quali, destinate in origine evidentemente per abbellire le abitazioni, quasi secondo un sistema, furono messe nella tomba col defunto per decorare cosi anche la camera di morto a guisa della dimora d'un vivo». Подобнымъ же образомъ высказались *F. Lenormant* Catalogue de la collection Raifé (1867) стр. 146 и въ Gazette des beaux arts 1882, mars, стр. 215 слл., *Martha* Catalogue des figurines en terre cuite du musée de la soc. arch. d'Athènes (1880) стр. XXVII, *Cartault* Collection Lecuyer (замѣчанія къ табл. D^2, D^3, C^4), *von Rohden* Die Terracotten von Pompeji (1880) стр. 25 сл., *R. Kekulé* «Griechische Thonfiguren aus Tanagra» (1878) стр. 17 сл.; *Froehner* «Collection de M. Albert B^{***}» (P. 1878), стр. 54 и «Collection Julien Gréau» (P. 1886) I, стр. VI (впрочемъ идеи, изложенныя Фрёнеромъ частью въ этомъ послѣднемъ трудѣ, стр. XI, частью уже въ его «Terres cuites d'Asie Mineure», стр. 21 и 41, позволяютъ отнести его также къ категоріи ученыхъ, мнѣнія которыхъ у насъ сведены подъ третьей рубрикой).

вращавшійся въ атмосферѣ искусства, не хотѣлъ разставаться съ продуктами этой идеальной среды и за порогомъ смерти. И если напр. скульптурныя надгробія воспроизводятъ передъ нами цѣлый рядъ жизнерадостныхъ сценъ, въ которыхъ умершіе изображаются среди привычныхъ занятій и обстановки, со всѣми аттрибутами своей профессіи, пола и возраста, то мудрено-ли, что любящая рука окружала и дорогіе останки ихъ тѣми-же аттрибутами? Что-же касается того, дѣйствительно-ли употреблялись терракотты въ качествѣ комнатныхъ украшеній, то это употребленіе, повидимому, доказано помпейскими находками, обнаружившими внутри античныхъ домовъ, въ глубинѣ стѣнныхъ нишъ, присутствіе статуэтокъ изъ обожженной глины.

Какъ-бы однако ни было привлекательно это соображеніе, остаются все-же сомнѣнія, на которыя оно не даетъ удовлетворительнаго отвѣта. То, что мы можемъ считать доказаннымъ для римской эпохи и на римской почвѣ (разумѣю упомянутыя помпейскія находки), восходило-ли своими корнями въ болѣе далекую греческую древность? Ниши съ терракоттами, открытыя въ Помпеяхъ, не были-ли облечены религіознымъ характеромъ,—не представляли-ли онѣ собою домашнихъ божницъ (lararia)? Погребальныя терракотты не образовали-ли среди издѣлій этого рода отдѣльную группу, отличавшуюся специфическими особенностями, имѣвшую опредѣленное значеніе, и стоявшую въ болѣе тѣсной связи съ похороннымъ ритуаломъ?...

3. Съ такими сомнѣніями необходимо серьезно считаться, и повсемѣстное въ древне-греческомъ мірѣ существованіе обычая употреблять глиняныя статуэтки въ качествѣ одной изъ главныхъ принадлежностей погребенія[1]), а также необыкновенная устойчивость этого обычая, остававшагося на протяженіи многихъ столѣтій не-

---

[1]) Было неоднократно замѣчено, что статуэтки, находимыя въ предѣлахъ одной могилы, принадлежатъ одной и той же фабрикѣ, одинаковы по стилю, сходны, а иногда идентичны по содержанію: очевидно, въ такихъ случаяхъ родственники умершаго пріобрѣтали все потребное количество терракоттъ заразъ отъ одного мастера (*Pottier et Reinach* Nécrop. de Myrina, стр. 108). Несомнѣнно также, что существовалъ опредѣленный порядокъ ихъ размѣщенія въ гробницѣ (см. *тамъ-же*, стр. 109; *И. Толстой и Н. Кондаковъ* Русск. древн., стр. 94); кромѣ того возможно, что иногда ассортиментъ фигуръ, приготовленный для могилы, представлялъ намѣренный подборъ, смыслъ котораго возстановить теперь трудно (см. *Froehner* Terres cuites d'Asie Mineure, 1881, стр. 48).

измѣннымъ, побуждаютъ искать въ основаніи его, если не мистической, то все же какой-либо религіозной идеи,—быть можетъ, затемнившейся съ вѣками, но первоначально вполнѣ ясной и опредѣленной. Не могли-ли напр. терракотты имѣть значеніе «*обереговъ*», предохранительныхъ амулетовъ, завѣтныхъ талисмановъ? Такова была догадка акад. *Стефани* [1]). Не были-ли это жертвы тѣнямъ, ἐναγίσματα νεκρῶν, приносившіяся съ цѣлью ихъ смягченія и умилостивленія? Такъ, повидимому, думалъ *Штакельбергъ* [2]). И если допустить вѣроятность этого послѣдняго предположенія, то не могли-ли такія безкровныя жертвы развиться изъ первоначальныхъ кровавыхъ человѣческихъ жертвъ, приносимыхъ на могилахъ при совершеніи тризны? Эту мысль высказывали нѣкоторые французскіе ученые (*Рэйе, Гуссэ, Коллиньонъ*) [3]). Не слѣдуетъ-ли наконецъ допустить миѳологическое толкованіе глиняныхъ фигуръ,—не представляютъ-ли онѣ боговъ, героевъ, разныя демоническія существа? На этомъ особенно настаивалъ *Гёзе́* (Heuzey) [4]). Или, быть можетъ, въ нихъ надлежитъ усматривать героизированныхъ по смерти людей? Эта идея принадлежитъ *Фрёнеру* [5])...

Здѣсь не мѣсто входить въ подробности и критику каждой изъ этихъ гипотезъ въ отдѣльности. Замѣтимъ только, что онѣ до извѣстной степени примиримы между собою и находятъ такое примиреніе въ эклектическихъ системахъ *Фуртвенглера, Поттье* и др.

---

[1]) Собственно профилактическое значеніе Стефани признавалъ за горгоніями, за театральными масками, за всѣмъ γελοῖον и ἄτοπον (Отч. Имп. Арх. Комм. 1865, стр. 193) это воззрѣніе было затѣмъ распространено на всѣ предметы вакхическаго цикла (Отчетъ Имп. Арх. Комм. 1866, стр. 76).

[2]) *Stackelberg* Die Graeber der Hellenen. Berl. 1837, стр. 48.

[3]) *O. Rayet* Gazette des beaux arts 1875, juillet, стр. 55 слл.; *H. Houssaye* въ Gazette archéol. 1876, стр. 74 сл.; *Collignon* Manuel d'archéol. grecque, стр. 248.

[4]) *Heuzey* изложилъ свои взгляды въ цѣломъ рядѣ трактатовъ: «Recherches sur les figures de femmes voilées dans l'art grec» и «Nouvelles recherches sur les terres cuites grecques» въ «Monuments grecs publiés par l'Association pour l'encouragement des études grecques en France» (1873, стр. 5 слл.; 1874, стр. 1 слл.; 1876, стр. 1 слл.); «Recherches sur un groupe de Praxitèle d'après les figurines de terre cuite» въ Gaz. des beaux arts (1875, XII, стр. 193 слл.); названные выше «Catalogue des figurines antiques du Louvre» (I) и «Les figurines antiques du Louvre»; «Sur les origines de l'industrie des terres cuites» (Chronique des Arts. 1883, 1, 3, 9). Въ томъ крайнемъ выраженіи, какое онъ далъ миѳологической теоріи, возводя на степень боговъ и богинь типы, принадлежавшіе несомнѣнно реальному міру, она не встрѣтила ни въ комъ сочувствія.

[5]) *Froehner* въ указ. соч.

4. Въ своемъ толкованіи погребальнаго употребленія терракоттъ *Фуртвенглеръ* [1]) отправляется отъ миѳологической точки зрѣнія: прежде всего мертвецамъ сопутствовали въ могилы глиняныя изображенія боговъ-покровителей,— по большей части грубые идолы, группа которыхъ, впрочемъ, скоро обогатилась болѣе реальными образами участниковъ погребальнаго кортежа, какъ-то — хоэфоръ, флейтщицъ, плакальщицъ и т. п.; къ этимъ сюжетамъ присоединились другіе,— явились гротески и непристойныя уродливыя фигурки, имѣвшія профилактическое значеніе. По мѣрѣ постепеннаго развитія и дифференцированія типовъ двухъ послѣднихъ категорій, миѳологическая концепція становилась опредѣленнѣе, и смутные образы примитивныхъ божествъ дѣлались отчетливѣе; отдѣльные миѳологическіе персонажи индивидуализировались и отлились въ яркія конкретныя формы. Но съ тѣмъ вмѣстѣ въ области сюжетовъ реальнаго характера подъ вліяніемъ вакхическаго культа произошло также коренное преобразованіе, и міръ простыхъ смертныхъ началъ мало по малу превращаться въ міръ героизированныхъ существъ, примкнувшихъ къ представленію о діонисовомъ ѳіасѣ [2]).

Инымъ болѣе реалистическимъ пошибомъ отличается система *Поттье* [3]). Вотъ какъ приблизительно онъ самъ ее формулируетъ: «погребальные обряды отнюдь не были единственнымъ исходнымъ пунктомъ керамическаго производства. Оно доставляло на рынокъ четыре равно значительныя группы предметовъ: дѣтскія игрушки, утварь домовой божницы, статуэтки, предназначенныя для вотивныхъ приношеній въ храмы боговъ и собственно погребальныя терракотты, употреблявшіяся какъ дары усопшимъ. Затѣмъ сверхъ этого

---

[1]) См. *A. Furtwängler* La collection Sabouroff, monuments de l'art grec. Berl. 1883—1887, II, стр. 12 слл.

[2]) Хронологическая теорія Фуртвенглера положена въ основу изложенія вопроса о терракоттахъ у *И. Толстого и Н. Кондакова* Русск. древн. вып. I, стр. 92 слл.; она же въ главныхъ чертахъ воспроизведена и въ статьѣ *H. Lechat* Tanagra (Gaz. d. B.-A. 1893, X, стр. 12 слл.).

[3]) *Pottier* Quam ob causam Graeci in sepulcris figlina sigilla deposuerint (1883); *его-же* «Les statuettes de terre cuite», стр. 278 слл. Независимо отъ него выработали подобную же примирительную систему *Dümmler* въ Annali dell' Instituto (1893 стр. 193) и *Haussoullier* Quomodo sepulcra Tanagraei decoraverint (1884, стр. 88 сл.). Ко взглядамъ Поттье отчасти примкнули *Картó, Бабелонъ, Парú.*

ассортимента фигуръ съ точно опредѣленнымъ назначеніемъ въ распоряженіи лѣпщиковъ имѣлись и такія, которыя, не будучи отмѣчены рѣзкими чертами той или другой категоріи, могли равнымъ образомъ удовлетворять различнымъ потребностямъ публики. Эта была какъ-бы средняя, нейтральная область, начиная съ IV в. пополнявшаяся преимущественно бытовыми изображеніями. Въ этой области искусство царило и развивалось съ полною свободой, не руководствуемое ничѣмъ инымъ, кромѣ собственныхъ законовъ и примѣровъ современной крупной скульптуры. Въ произведеніяхъ, сюда относящихся, отражалась человѣческая жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ. Въ рукахъ мастера эти произведенія не имѣли никакого спеціальнаго назначенія,—таковое давалъ имъ покупатель, помѣщая ихъ по своему вкусу либо на домашнемъ очагѣ, либо въ храмѣ, либо въ гробницѣ. Его добрая воля облекала ихъ такимъ образомъ значеніемъ то дружескаго подарка, то домашняго божка, то обѣтнаго приношенія, то могильной жертвы».

Теорія, резюмированная въ этихъ немногихъ словахъ, настолько широка, что въ сущности не объясняетъ ничего. Исходя изъ воззрѣнія на погребальныя терракотты, какъ на дары живыхъ умершимъ («les dons faits aux morts», «une offrande funéraire»), ея авторъ оставляетъ безъ отвѣта вопросъ, почему-же такими дарами неизмѣнно были именно терракотты, притомъ, какъ замѣчено, предпочтительно терракотты опредѣленныхъ категорій, различавшихся въ зависимости отъ пола и возраста покойника. Поттье не считается съ этою отраслью художественно-промышленной дѣятельности, какъ (употребимъ удачное выраженіе Н. П. Кондакова) съ *«цѣльнымъ художественнымъ историко-культурнымъ явленіемъ, имѣющимъ опредѣленный смыслъ и сохраняющимъ свой характеръ при всемъ разнообразіи историческихъ интересовъ и направленій»* [1]). Онъ лишь поверхностно задѣваетъ обрядовую сторону употребленія терракоттъ и скорѣе устраняетъ, нежели разрѣшаетъ серьезную археологическую проблему о ихъ назначеніи, ставя послѣднее въ зависимость отъ доброй воли обладателя.

---

[1]) *Н. П. Кондаковъ* Греч. терр. статуэтки, стр. 110.

Но, какъ-бы то ни было, изслѣдованія, результаты которыхъ вкратцѣ нами здѣсь формулированы, въ концѣ концовъ позволяютъ съ увѣренностью выставить слѣдующія положенія:

а) Производство статуэтокъ изъ обожженной глины представляло въ древности отрасль художественной промышленности съ точно опредѣленною сферою примѣненія и весьма ограниченнымъ кругомъ сюжетовъ.

[Оба эти момента, разумѣется, состояли между собою въ тѣсной связи: должны были существовать извѣстныя причины, въ силу которыхъ коропластъ охотнѣе и чаще изображалъ божества судьбы, счастья, любви, побѣды, рожденія и смерти, обходя главнѣйшія божества Олимпа и не касаясь міра героевъ (исключеніе составляютъ лишь многочисленныя изображенія Геракла), останавливался предпочтительно на однѣхъ сторонахъ повседневной жизни и не затрагивалъ другихъ, платилъ столь щедрую дань пародіи и каррикатурѣ и никогда не вторгался въ область исторической и портретной скульптуры].

б) Эта художественная отрасль находилась въ какомъ то близкомъ, но доселѣ не выясненномъ отношеніи къ погребальному ритуалу и культу мертвыхъ.

в) Исходнымъ пунктомъ дѣятельности коропластовъ служила религіозная идея, испытавшая на протяженіи вѣковъ рядъ существенныхъ модификацій.

г) Исторія греческой терракотты можетъ быть раздѣлена на циклы или періоды съ замѣтнымъ преобладаніемъ опредѣленнаго круга изображеній въ каждомъ.

д) Переходъ отъ религіозно-миѳологическихъ сюжетовъ къ бытовымъ совершился подъ вліяніемъ общихъ тенденцій, обнаружившихся въ жизни и литературѣ грековъ въ IV в. до Р. Х., и въ зависимости отъ другихъ сферъ искусства.

Послѣдніе пункты побуждаютъ насъ впрочемъ сдѣлать нѣкоторыя оговорки касательно *хронологіи* терракоттъ и ихъ *отношенія къ произведеніямъ крупныхъ родовъ искусства.*

Детальное изученіе древнихъ росписныхъ сосудовъ давно ужъ привело къ убѣжденію въ возможности не только широкихъ хронологическихъ опредѣленій на основаніи общихъ данныхъ стиля и

техники, но въ иныхъ случаяхъ и болѣе точнаго датированія отдѣльныхъ вазъ десятилѣтіями и даже годами на основаніи непререкаемыхъ свидѣтельствъ фабричныхъ марокъ, эмблемъ и надписей съ ихъ палеографическими и языковыми особенностями, а иногда и прямымъ поименованіемъ мастеровъ и городскихъ магистратовъ, на обязанности которыхъ лежалъ надзоръ за гончарнымъ производствомъ. Къ сожалѣнію, въ области терракоттъ историческое знаніе не стоитъ на такой высотѣ. Правда, въ каждомъ значительномъ собраніи терракоттъ найдутся также экземпляры и съ обозначеніями («сигнатурами») мастеровъ или владѣльцевъ [1]), но, не говоря уже объ относительной малочисленности такого рода статуэтокъ, есть обстоятельства, которыя значительно умаляютъ цѣну этого, казалось бы, столь важнаго момента. Такъ, во первыхъ, совершенно тождественныя по стилю, сюжету и обработкѣ терракоттовыя фигуры зачастую бываютъ отмѣчены различными именами, — фактъ, указывающій на то, что различные мастера, работавшіе въ разныхъ мастерскихъ, а также, быть можетъ, и въ разныя времена, пользовались одинаковыми формами. И если напр. мы имѣемъ теперь четыре экземпляра одной и той-же терракоттовой группы, изображающей, положимъ, Діониса съ пантерой и Эрота (La nécrop. de Myrina, стр. 189), и изъ нихъ два обозначены именемъ Дифила, а на двухъ прочихъ стоятъ соотвѣтственно имена Пашія и Менофила, то спрашивается, который-же изъ этихъ экземпляровъ должно считать за оригиналъ прочихъ и не съ такимъ-ли же правомъ мы можемъ равно признавать всѣ копіями какого-то оригинала неизвѣстной даты и неизвѣстнаго автора? Та или другая модель могла переживать вѣка и странствовать изъ мастерской въ мастерскую. Артистической собственности въ нынѣшнемъ смыслѣ этого слова не существовало точно также, какъ не существовало и собственности литературной, и копіистъ, пользовавшійся чужою формою, съ гордостью выставлялъ собственное имя на полученномъ оттискѣ. Это имя впрочемъ могло

[1]) Имена мастеровъ по большей части начертаны на задней сторонѣ статуэтокъ или ихъ пьедесталовъ, по свѣжей глинѣ, до обжиганія и раскраски, иногда-же даны и въ самыхъ формахъ, — притомъ либо полностью, либо въ монограммахъ и сокращеніяхъ; имена владѣльцевъ (?) выцарапаны обыкновенно на передней сторонѣ цоколя. Кромѣ того на разныхъ частяхъ статуэтокъ иногда имѣются особыя клейма и мѣтки.

свидѣтельствовать и не столько объ авторствѣ, сколько о торгово-промышленной фирмѣ,— стало быть, могло служить скорѣе цѣлямъ коммерческой рекламы. Замѣчательно, что надписи и помѣтки встрѣчаются почти исключительно на статуэткахъ весьма посредственной работы[1]). Съ другой стороны въ рукахъ талантливаго копіиста грубая модель могла иногда принимать болѣе изящныя формы, болѣе граціозныя очертанія, а заимствованный образъ, чужая художественная идея черезъ присоединеніе новыхъ чертъ, новыхъ аттрибутовъ могли преобразоваться до неузнаваемости. Было-бы въ высокой степени важно и интересно изслѣдовать имѣющійся нынѣ въ нашемъ распоряженіи обильный матеріалъ именно въ этомъ направленіи, т. е. съ точки зрѣнія послѣдовательнаго развитія и постепеннаго превращенія отдѣльныхъ типовъ терракоттовыхъ фигуръ... Второе соображеніе, указывающее на необходимость крайней осторожности въ датированіи терракоттъ, основывается на ихъ обрядово-религіозномъ значеніи. Въ числѣ вотивныхъ и погребальныхъ приношеній наряду съ позднѣйшими продуктами болѣе совершенной техники могли долго производиться и обращаться статуэтки весьма примитивнаго вида, грубыя, архаическія формы которыхъ были освящены традиціей. Такимъ образомъ усматривать въ этихъ послѣднихъ нѣчто очень древнее было-бы ошибочно. Не слѣдуетъ забывать, что въ искусствѣ, тѣсно связанномъ съ религіею, архаизмъ отличается живучестью: онъ подавляется иногда напоромъ свѣжихъ вѣяній, новыхъ формъ и идей, но не исчезаетъ совершенно. Замѣчаніе это, справедливое и по отношенію къ крупнымъ, показнымъ родамъ художественнаго творчества («grosse Kunst», какъ говорятъ нѣмцы), подтверждается еще болѣе исторіею мелкихъ художественно-промышленныхъ производствъ. Въ IV-мъ и III-мъ вв. до Р. Х. въ искусствѣ грековъ произошелъ коренной переворотъ, глубоко захватившій всѣ его сферы. Безпредѣльный индивидуализмъ, пришедшій на смѣну господствовавшаго дотолѣ въ греческомъ обществѣ принципа безусловнаго подчиненія личности началамъ гражданственности, не замедлилъ отразиться и въ этой области. Искусство утратило прежній общественный, оффиціальный характеръ,— оно стало служить приватнымъ интересамъ,

[1]) Срв. *Pottier et Reinach* La nécrop. de Myrina, стр. 190. Всѣ статуэтки съ сигнатурами мастеровъ относятся къ греко-римской эпохѣ, — въ болѣе древнія времена коропласты, повидимому, не клали клеймъ на свои произведенія.

прихоти частныхъ лицъ, вкусамъ богатыхъ меценатовъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ художники стали все рѣже и рѣже черпать свои сюжеты изъ идеальнаго міра боговъ и героевъ,—съ заоблачныхъ высотъ они спустились на землю, въ кругъ интимной человѣческой жизни съ ея скромною обстановкою и будничными типами. Реалистическая тенденція выразилась въ широкомъ развитіи портрета и жанра, а паденіе художественнаго вкуса обусловило собою успѣхъ каррикатуры, пародіи и «рипарографіи». Къ этой порѣ несомнѣнно относится и вторженіе бытоваго элемента въ кругъ сюжетовъ, разрабатывавшихся коропластами. И подобно тому, какъ представители показнаго искусства стали искать въ религіозныхъ образахъ не столько величія, сколько прежде всего красоты,—и даже красоты не идеальной, а чувственной,—лѣпщики мелкихъ терракоттовыхъ статуэтокъ въ свою очередь охотно начали вовлекать миѳологическіе персонажи въ область граціознаго и игриваго, а иногда и малопристойнаго жанра: появились всѣ эти многочисленные эроты съ гусями, пѣтухами, собачками, борющіеся другъ съ другомъ или катающіеся верхомъ на козлахъ, лебедяхъ либо дельфинахъ, пьяные силены, похотливые сатиры, трогательныя группы обнимающихся женщинъ — матери и дочери, миѳологическимъ прототипомъ которыхъ надобно считать Деметру съ Персефоной, и т. п. Но наряду съ этими новыми типами прежнихъ божествъ, отъ которыхъ вѣетъ уже чѣмъ-то чисто человѣческимъ, традиціи предшествующей эпохи все еще продолжаютъ жить въ стереотипныхъ, архаически-неподвижныхъ и строгихъ идолахъ стараго стиля. И если все сильнѣе и сильнѣе распространяющійся въ греческомъ обществѣ религіозный индифферентизмъ мало по малу стираетъ это различіе между старымъ и новымъ, пролагая изящнымъ продуктамъ новѣйшаго искусства свободный путь въ священную область культа, то эти послѣдніе отнюдь не вытѣсняютъ совершенно оттуда старыхъ, традиціонныхъ культовыхъ изображеній. Старое уживается бокъ-о-бокъ съ новымъ, — рядомъ съ позднѣйшими наслоеніями продолжаютъ существовать пласты древнѣйшаго образованія, и при установленіи хронологіи это необходимо имѣть въ виду.

Что касается вопроса о зависимости изящнаго ремесла коропластовъ отъ другихъ сферъ искусства, то онъ въ настоящее время

можетъ считаться только намѣченнымъ и весьма далекъ отъ окончательнаго рѣшенія. Естественно думать, что великіе образцы ваянія и живописи не оставлялись безъ вниманія коропластами, какъ не оставлялись они безъ вниманія и вообще керамистами. Несомнѣнно также, что техническіе успѣхи, достигнутые художниками въ крупныхъ отрасляхъ искусства, отражались и на художественно-промышленныхъ производствахъ, — что вѣянія времени сказывались въ скромной мастерской лѣпщика глиняныхъ статуэтокъ такъ-же, какъ они сказывались и въ обширномъ ателье знаменитаго скульптора. Искусство во всѣхъ своихъ проявленіяхъ всегда служитъ глашатаемъ и провозвѣстникомъ нарождающихся и развивающихся въ обществѣ идей, вкусовъ и настроеній, и въ этомъ смыслѣ между всѣми отраслями его существуетъ стройная связь и ненарушимое единство. Но будущему предстоитъ болѣе точно выяснить, въ какомъ спеціальномъ отношеніи стояли въ Греціи изящныя ремесла другъ къ другу и къ каждому изъ крупныхъ родовъ искусства въ отдѣльности, насколько вліяніе смежныхъ сферъ художественнаго творчества способно было содѣйствовать ихъ успѣхамъ, какъ отражалось это вліяніе на выборѣ сюжетовъ и на выполненіи, что внесли мелкія отрасли искусства въ общій его оборотъ, въ какой мѣрѣ участвовали они и участвовали-ли въ созданіи извѣстныхъ художественныхъ образовъ, пріемовъ, направленій и проч. Какъ настоящее положеніе дѣла, такъ и самые размѣры и цѣль нашей статьи позволяютъ намъ коснуться этихъ вопросовъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Фуртвенглеръ и за нимъ Кёппъ въ нѣкоторыхъ росписныхъ сосудахъ краснофигурной техники усмотрѣли черты сходства съ олимпійскими скульптурами [1]). Почти въ тоже время Винтеръ старался установить тѣсное соотношеніе между другими вазовыми изображеніями и фризомъ Парѳенона, доказывая такимъ образомъ прямое, непосредственное воздѣйствіе Фидія и его школы на вазовыхъ живописцевъ [2]). Въ стилѣ, въ пропорціяхъ, въ компоновкѣ фигуръ послѣдніе, по мнѣнію Винтера, охотно слѣдо-

[1]) Mittheil. des arch. Inst. in Athen V. 1880. Стр. 41; Mittheil. des arch. Inst. in Rom I. 1886. Стр. 83.

[2]) *Winter* Die jüngeren attischen Vasen, стр. 34—37.

вали образцовымъ произведеніямъ скульптуры, обнаруживая такое глубокое съ ними знакомство, какого, пожалуй, можно было-бы и не ожидать отъ «ремесленниковъ»: мироновъ «Дискоболъ» нашелъ напр. отраженіе въ фигурѣ юноши на одномъ многоцвѣтномъ эретрійскомъ лекиѳѣ аѳинскаго Національнаго Музея, знаменитый Аполлонъ, одна изъ репликъ котораго была найдена въ театрѣ Діониса въ Аѳинахъ, вдохновилъ мастера, расписавшаго болонскій кратеръ (Monum. dell' Inst. X табл. 54), а, быть можетъ, также и Эвфронія, воспользовавшагося типическою головою этого Аполлона для росписи дошедшей до насъ съ его именемъ многоцвѣтной чаши [1]), и т. д. Такимъ образомъ изслѣдованіями названныхъ ученыхъ, казалось, прочно былъ установленъ уже для эпохи Агелада, Мирона и Фидія фактъ зависимости керамистовъ отъ выработанныхъ монументальною скульптурою типовъ. Но съ другой стороны и монументальная живопись не осталась безъ вліянія на роспись сосудовъ, какъ замѣтилъ еще Бенндорфъ [2]), объяснившій сходство между изображеніями избіенія жениховъ на берлинскомъ скифосѣ и на гіольбашійскомъ рельефѣ не чѣмъ инымъ, какъ именно зависимостью того и другаго памятника отъ ихъ общаго источника,—извѣстной полигнотовой картины въ платейскомъ храмѣ Аѳины-Аріи (Paus. IX, 4, 1). Мало того, Дюммлеръ въ своемъ замѣчательномъ изслѣдованіи объ аттическихъ лекиѳахъ изъ Кипра [3]) доказалъ, что и въ тѣхъ вазахъ, въ которыхъ Винтеръ усматривалъ слѣды вліянія Фидія, на самомъ дѣлѣ видно скорѣе подражаніе произведеніямъ ѳасской живописной школы,—по крайней мѣрѣ, если приложить выводы Кёлера къ вазовой эпиграфикѣ, то вазы, соприкасающіяся по своей росписи съ кругомъ полигнотовыхъ сюжетовъ, оказываются и хронологически плотно примыкающими именно ко времени Полигнота [4]). Такимъ образомъ слѣдуетъ признать, что и на самого Фидія должно было въ извѣстной степени распространяться вліяніе Полигнота,—возможность,

---

[1]) *Winter* въ Jahrbuch des deutsch. arch. Inst. II. 1887, стр. 234 слл.

[2]) *Benndorf* въ Mittheil. aus Oesterreich Bd. VI, стр. 151 слл., 203. Срв. *Baumeister* Denkm. стр. 1044 слл.

[3]) Въ Jahrb. des deutsch. arch. Inst. II. 1887. Стр. 168 слл.

[4]) Тамъ-же, стр. 174. Что Эвфроній заимствовалъ у Микона,—это предполагалъ уже и *Клейнъ* (Klein, Euphronios, 2 Aufl. Wien. 1886, стр. 184 слл.).

которой впрочемъ не отрицалъ и Винтеръ [1]). Такъ напр. аттическій сосудъ изъ Вульчи съ изображеніемъ встрѣчи Менелая съ Еленою, во многихъ чертахъ напоминающій одну изъ метопъ Парѳенона, возводится не къ этой послѣдней, а къ болѣе древнему живописному образцу [2]). Нечего и говорить, что въ позднѣйшихъ произведеніяхъ керамики съ ея по преимуществу жанровыми сюжетами должна чувствоваться еще сильнѣе зависимость отъ современной живописи.

Лѣпщики глиняныхъ статуэтокъ въ своей артистической дѣятельности стояли слишкомъ близко къ мастерамъ, изготовлявшимъ глиняные сосуды, чтобы въ свою очередь не испытывать тѣхъ вліяній, которымъ подчинялись эти послѣдніе. И тутъ повидимому также образцы монументальной живописи оказывали и на выборъ темъ, и на обработку деталей болѣе значительное воздѣйствіе, нежели крупныя скульптурныя произведенія. Замѣчательно, что терракоттовыя реплики знаменитыхъ статуй относятся лишь къ позднѣйшей, эллинистической эпохѣ, причемъ несомнѣнно, что весьма часто образцами для коропластовъ служили не сами оригиналы этихъ статуй, а ихъ бронзовыя копіи и подражанія: мелкія бронзы, подобныя тѣмъ, которыя найдены въ Геркуланѣ и въ Помпеяхъ, сплошь и рядомъ повторяютъ извѣстные пластическіе мотивы, и коропласту для полученія того или другого изображенія остается лишь снять форму съ бронзовой статуэтки. Рѣшительную наклонность къ воспроизведенію въ терракоттѣ типовъ, созданныхъ крупною скульптурою, обнаруживаютъ главнымъ образомъ малоазійскія школы, преимущественно же смирнская. Въ глиняныхъ статуэткахъ, вышедшихъ изъ смирнскихъ мастерскихъ, видны и особенности стиля, и подборъ сюжетовъ, и вкусъ къ колоссальному, и техническіе пріемы, свойственные направленію Лисиппа. Но въ общемъ такихъ точныхъ копій, какъ терракоттовая имитація лисиппова «Діадумена», изданная въ Journal of Hell. studies 1885 табл. 61, стр. 243, можно указать немного. Вдохновляясь великими образцами классической скульптуры, коропласты большею частью относились къ нимъ совершенно свободно и не стѣснялись въ отступленіяхъ. Это впрочемъ черта, ха-

[1]) *Winter* Die jüngeren attischen Vasen, стр. 37.

[2]) *Dümmler* въ Jahrb. des deutsch. arch. Inst. ук. м.; *Baumeister* Denkm. 1994.

рактеризующая вообще отношеніе всѣхъ художественно-промышленныхъ производствъ къ крупнымъ родамъ искусства. И если вазовый живописецъ, заимствуя тотъ или другой мотивъ у Полигнота или Микона, измѣнялъ его приспособительно къ своимъ цѣлямъ, то, переходя затѣмъ съ рисунка на вазѣ въ глиняную форму, этотъ мотивъ неминуемо долженъ былъ испытывать и дальнѣйшія измѣненія. Многочисленныя статуэтки, изображающія женщинъ въ длинныхъ, изящно драпирующихся одеждахъ, съ опахалами или какими нибудь туалетными принадлежностями въ рукахъ, могутъ наглядно иллюстрировать это положеніе. Обнаруживая съ одной стороны большое сходство съ женскими персонажами столь обычныхъ на аѳинскихъ вазахъ сценъ изъ интимной жизни греческаго гинекея, онѣ съ другой стороны сближаются съ фигурами помпейскихъ фресокъ, въ которыхъ, какъ извѣстно, нашли отраженіе многія темы греческой живописи. И однако это сходство не переходитъ въ тождество, эта близость не представляетъ полнаго совпаденія. Такимъ образомъ и отдѣльныя группы и фигуры знаменитой «Альдобрандинской свадьбы» могутъ быть сравниваемы съ нѣкоторыми миринскими терракоттами[1]), но такое сравненіе убѣждаетъ насъ лишь въ томъ, что композиція Аэтіона, изображавшая свадьбу Александра и Роксаны, послужила источникомъ многочисленныхъ имитацій и ея граціозные мотивы варіировались на разные лады въ различныхъ сферахъ греческаго искусства. Подобное же перенесеніе живописныхъ мотивовъ въ область пластики засвидѣтельствовалъ недавно Винтеръ, установившій близкое соотношеніе между двумя миринскими терракоттовыми статуэтками и помпейскою мозаикою Діоскурида самосскаго, сюжетъ которой повторенъ въ одной фрескѣ изъ Стабій[2]). На этотъ разъ явилась даже возможность высказать весьма вѣроятное предположеніе, что многія изъ тѣхъ терракоттъ, которыя теперь въ отдѣльности не поддаются никакому объясненію, нашли бы надлежащее истолкованіе, какъ части большихъ группъ, представлявшихъ нѣкогда пластическое воспроизведеніе той или другой живописной

[1]) *E. Pottier et S. Reinach* La nécrop. de Myrina стр. 446 и табл. XL; *E. Pottier* Les statuettes de terre cuite, стр. 174 слл. Срв. *Cartault* Terres cuites grecques, стр. LIV.

[2]) *Winter* въ Wochenschr. für klassische Philol. 1895, № 29, стр. 806 слл.

композиціи. Замѣчу при этомъ отъ себя, что таково могло бы быть значеніе и многочисленныхъ фигуръ, изображающихъ различныя лица комедіи и по характеру позы, мимики и выраженія зачастую побуждающихъ угадывать какой нибудь ensemble, какую нибудь сложную и запутанную сценическую ситуацію. Извѣстно, что въ области вазовой и стѣнной живописи, начиная съ IV в. до Р. Х., проявляется вкусъ къ изображенію театральныхъ типовъ и сценъ. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что вкусъ этотъ сообщился и коропластамъ, которые впрочемъ, какъ мы видѣли, могли имѣть и спеціальныя причины искать моделей для подобнаго рода изображеній.

Обратимся теперь къ обзору тѣхъ памятниковъ, которыми было вызвано предыдущее изложеніе.

На прилагаемой таблицѣ подъ нумерами 1, 2, 3, 4, 5, 8 и 9 изображены семь терракоттовыхъ фигуръ, представляющихъ въ своей совокупности группу театральныхъ типовъ. Изъ нихъ одна (№ 9)— малоазійскаго происхожденія и составляетъ собственность Ал. Ив. Нелидова, остальныя найдены въ Керчи и давно включены въ составъ археологической коллекціи Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Время и обстоятельства ихъ извлеченія изъ нѣдръ земли, къ сожалѣнію, мнѣ неизвѣстны; что же касается ихъ хронологіи, то, по всей вѣроятности, онѣ не восходятъ далѣе двухъ послѣднихъ дохристіанскихъ столѣтій, а нѣкоторые болѣе грубые экземпляры, быть можетъ, опредѣляются и позднѣйшею датою[1]).

Фиг. 1. Высота—0,114 м. Красновато-желтая, плотная глина. На лицѣ и шеѣ сохранились, кажется, слабые слѣды раскраски (краски — бѣлая и красная). Задняя часть головы реставрирована. Работа грубая, дюжинная; отдѣлана только передняя сторона.

---

[1]) Богатый подобными же фигурами комическихъ актеровъ кладъ, вырытый въ 1868 г. изъ «Большой Близницы» на Таманскомъ полуостровѣ, какъ ясно свидѣтельствуютъ найденныя при этомъ монеты, относится во всякомъ случаѣ ко времени *послѣ* Александра В. (Отч. Имп. Арх. Комм. 1869, стр. 6; тоже за 1866, стр. 6; *И. Толстой и Н. Кондаковъ* Русск. древн. I, стр. 109). Миринскія статуэтки комическихъ актеровъ не восходятъ дальше II в. до Р. Х. (*E. Pottier et S. Reinach* La nécrop. de Myrina стр. 109).

Что статуэтка изображаетъ комическаго актера,—въ томъ не можетъ быть и тѣни сомнѣнія; однако комической маски нѣтъ на лицо. Такое отсутствіе столь важнаго аттрибута вообще не безпримѣрно, но рѣдко. Правда, есть немало изображеній комическихъ сценъ, въ которыхъ одни дѣйствующія лица снабжены характерными масками, а другія, повидимому, таковыхъ не имѣютъ, но широкій, полуоткрытый ротъ этихъ послѣднихъ почти всегда позволяетъ предполагать и для нихъ наличность маскъ,—только маскъ некаррикатурныхъ, простыхъ, приближающихся къ типу обыкновеннаго человѣческаго лица (срв. напр. у *Баумейстера* Denkm. рис. 911 и 912). С. Рейнахъ[1]) ссылается по этому поводу на описаніе такъ называемыхъ νεανίαι πάγχρηστοι у Полидевка Onomast. IV, 146: ὁ μὲν πάγχρηστος ὑπέρυθρος, γυμναστικός, ὑποκεχρωσμένος, ῥυτίδας ὀλίγας ἔχων ἐπὶ τοῦ μετώπου καὶ στεφάνην τριχῶν, ἀνατεταμένος τὰς ὀφρῦς. При незначительныхъ размѣрахъ нашей статуэтки, при тѣхъ ничтожныхъ остаткахъ разрисовки, которые она сохранила, наконецъ при отсутствіи въ ней какихъ бы то ни было рѣзкихъ, характерныхъ чертъ, —всѣ линіи лица и фигуры въ значительной степени сглажены либо вовсе стерты временемъ, — трудно судить, возможно ли было бы и въ настоящемъ случаѣ усмотрѣть какой нибудь признакъ наличности подобной маски πάγχρηστος. Прочіе аксессуары комика,—узкіе штаны, обтягивавшіе ноги на подобіе трико, такъ наз. ἀναξυρίδες, и плотно прилегавшее къ тѣлу на груди и на животѣ σωμάτιον,— можно различить на нашей терракоттѣ еще довольно ясно. Верхнюю одежду актера составляетъ небольшой плащъ, прикрывающій въ видѣ капюшона голову и сдерживаемый на груди застежкою. Плащъ этотъ, повидимому, сдѣланъ изъ кожи или вообще изъ какой нибудь толстой, грубой матеріи,—слѣдуя греческой терминологіи, мы можемъ обозначить его словомъ διφθέρα[2]); концы его, обрамленные какою то каймою или выпушкою, правильно свѣшиваются по бокамъ фигуры въ видѣ широкихъ πτέρυγες. Лѣвая рука согнута въ локтѣ, правая опущена внизъ и скрыта подъ плащемъ. Съ правой же стороны по-

[1]) Тамъ-же стр. 470.

[2]) См. *Becker-Göll* Charikles III, стр. 260. Διφθέρα въ случаѣ надобности могла прикрывать не только туловище, но и голову: Poll. VII 70 διφθέρα δὲ στεγανὸς χιτὼν ἐπίκρανον ἔχων.

мѣщенъ и прислонъ, обработанный въ видѣ пня, который, быть можетъ, служитъ опорою для правой руки актера. Ступни ногъ едва намѣчены, а потому объ обуви говорить не приходится.

Важнѣйшимъ признакомъ, по которому возможно судить о роли нашего комика, является только его плащъ: такого рода плащи носили пастухи и вообще поселяне,—быть можетъ, также рабы и бѣдняки[1]). Такимъ образомъ въ разсматриваемой фигурѣ мы имѣемъ передъ собою, вѣроятно, одинъ изъ типовъ поселянъ, ἀγροικοι (*rustici* римской палліаты), описанный у Полидевка такъ (Onomast IV, 147): τῷ δὲ ἀγροίκῳ τὸ μὲν χρῶμα μελαίνεται, τὰ δὲ χείλη πλατέα καὶ ἡ βὶς σιμὴ καὶ στεφάνη τριχῶν.

Фиг. 2. Высота—0,125 м. Сѣро-красная, тяжелая глина. Слѣдовъ раскраски нѣтъ. Работа небрежная. Реставрированы ступни ногъ и правая пола плаща.

Фигура эта издана Н. П. Кондаковымъ съ простою помѣткою: «комикъ въ кожаномъ плащѣ» (Зап. Од. Общ. XI, табл. V, 1 и стр. 179). На этотъ разъ актеръ снабженъ маскою съ обычными характерными чертами маски старика: изборожденный морщинами лобъ, нависшія брови, изъ коихъ лѣвая слегка приподнята,—знакъ не то раздумья, не то недоумѣнья[2]),—тупой носъ, окладистая борода; головѣ приданъ едва замѣтный наклонъ въ правую сторону, что вмѣстѣ съ нѣсколько приподнятыми плечами сообщаетъ всей фигурѣ выраженіе нерѣшительности или замѣшательства; руки, которыми придерживаются концы облекающаго все туловище комика короткаго кожанаго плаща, сложены на животѣ, — опять таки жестъ, выра-

---

[1]) Schol. ad Aristoph. Nub. 71: ποιμενικὸν δὲ περιβόλαιον ἡ διφθέρα. Poll. Onom. IV, 119 sq.: πήρα βακτηρία διφθέρα ἐπὶ τῶν ἀγροίκων. Lucian. Tim. 6 ἐπὶ ταύτην τὴν ἐσχατιὰν τραπόμενος ἐναψάμενος διφθέραν ἐργάζομαι τὴν γῆν. Что касается примѣненія этого костюма въ театральной практикѣ, то Варронъ Реатинскій полагалъ въ этомъ отношеніи различіе между трагедіею и комедіею: «neque non quaedam nationes harum (i. e. caprarum) pellibus sunt vestitae.... cujus usum apud antiquos quoque Graecos fuisse adparet, quod in tragoediis senes ab hac pelle vocantur διφθερίαι, et in comoediis qui in rustico opere morantur» (De r. r. II, 11, p. 270).

[2]) Различныя движенія бровей играли весьма значительную роль въ греческой мимикѣ и имѣли обширную терминологію: τὰς ὀφρῦς αἴρειν, ἐπαίρειν, ὑπεραίρειν, ἀνάγειν, ἀνασπᾶν, ἀνέλκειν, τείνειν, ἀνατείνειν, ὑφοῦν, ἄνω φέρειν и проч. (*C. Sittl* Die Gebärden der Griechen und Römer. Leipz. 1890, стр. 93).

жающій, какъ уже замѣтилъ Визелеръ[1]), смущеніе, размышленіе, печаль или скуку. Одежда состоитъ изъ обычнаго σωμάτιον, продолженіемъ котораго служатъ ἀναξυρίδες.

Роль и ситуація, воплощеніе которыхъ можно было бы усматривать въ нашей статуэткѣ, приводятъ на память,—разумѣется, не въ смыслѣ точнаго соотвѣтствія, а лишь въ смыслѣ близкой аналогіи,—плавтова Палестріона въ сценѣ составленія хитраго плана дѣйствій противъ заподозрившаго интригу Скеледра (Mil. glor. vv. 200 sqq.). При весьма посредственномъ исполненіи статуэткѣ во всякомъ случаѣ нельзя отказать въ экспрессіи.

Фиг. 3. Высота—0,110 м. Сѣро-красная глина. Красочныхъ пятенъ нѣтъ. Голова склеена; сзади изломомъ значительно увеличено имѣвшееся первоначально четвероугольное отверстіе (Brennloch, trou d'évent). Стиль грубоватый.

Мотивъ, нашедшій свое выраженіе въ фигурѣ № 3, принадлежитъ къ числу излюбленныхъ мотивовъ греческаго искусства эллинистической эпохи. Передъ нами мальчикъ,—безъ всякаго сомнѣнія Эротъ, — съ комическою маскою въ рукахъ. Голова его украшена вѣнкомъ, изъ подъ котораго волосы пышными кудрями спускаются на плеча; вся фигура отклонена вправо, причемъ лѣвая нога выдвинута впередъ, правая отставлена назадъ, — признаки усилія, съ которымъ онъ подымаетъ большую комическую маску: онъ держитъ ее обѣими руками передъ собою, оперевъ нижнимъ концомъ на лѣвое бедро и оборотивъ лицевою стороною къ зрителю. На свѣжемъ дѣтскомъ лицѣ можно подмѣтить улыбку. Тѣло обнажено, черезъ лѣвое плечо перекинута хламида, спускающаяся спереди нѣсколько ниже лѣваго колѣна.

Маска, находящаяся въ рукахъ Эрота, по типу своему близка къ той, которая изображена на нашей таблицѣ подъ нумеромъ 5: изборожденный морщинами голый лобъ (φαλακρός), расположенные наискось глаза (διάστροφος τὴν ὄψιν), высоко поднятыя густыя брови (ἀνατεταμένος τὰς ὀφρῦς), плоскій, широкій носъ, открытый ротъ, обрамленный усами и бородою (εὐπώγων), — все это черты, знакомыя

[1]) *Wieseler* Denkmäler des Bühnenwesens, стр. 90.

намъ по каталогу Полидевка и характеризующія плутоватаго раба или, когда, какъ на фиг. 5, къ нимъ присоединяется еще одна,— большія, оттопыренныя уши, знакъ терпѣливо сносимыхъ заушеній, — парасита.

Нашъ Эротъ не имѣетъ крыльевъ. По крайней мѣрѣ на испорченной изломомъ задней сторонѣ статуэтки не осталось отъ нихъ никакого слѣда. По этому поводу сошлюсь на слова академика Стефани: «что касается Эрота, писалъ этотъ ученый въ Отчетѣ Императорской арх. ком. за 1874 г., то, сколько мы можемъ судить теперь, древнее искусство съ того самаго времени, какъ оно вообще начало включать это божество въ кругъ своихъ изображеній, считало крылья существенною и безусловно необходимою его принадлежностью. Только въ римскую эпоху, отъ которой до сихъ поръ до насъ не дошло еще изображенія безкрылой Ники, не подлежащаго никакому сомнѣнію, искусство довольно часто стало лишать крыльевъ и Эрота на томъ основаніи, что въ то время оно обыкновенно смотрѣло на него только какъ на представителя идеальнаго дѣтскаго міра»[1]). Впрочемъ этотъ идеальный, фантастическій дѣтскій міръ становится предметомъ художественнаго изображенія въ Греціи уже задолго до римскаго завоеванія, въ IV и III вв. до Р. Х., когда въ литературу и въ искусство грековъ влила новую оживляющую струю замѣтная наклонность ко всему чувствительному, сентиментальному, граціозному и игривому[2]). Напомню ради примѣра хотябы знаменитую ватиканскую статую Нила, идея которой, какъ всѣми признано, принадлежитъ собственно эллинистическому времени; напомню затѣмъ лукіаново описаніе упомянутой выше картины Аэтіона, изображавшей свадьбу Александра и Роксаны; укажу далѣе на цѣлый рядъ несомнѣнно восходящихъ къ александрійскимъ образцамъ помпейскихъ фресокъ,—на всѣхъ этихъ плутоватыхъ маленьк-

---

[1]) Отч. Имп. арх. комм. 1874, стр. 159.

[2]) См. *Baumeister* Denkm. 501 сл. со ссылкою на *Helbig* Untersuch. über camp. Wandmalerei стр. 237, 242. Критику хронологіи Гельбига см. у *Стефани* въ Отч. Имп. арх. комм. 1873, стр. 82 слл. По мнѣнію же *Фуртвенглера* (Миѳологич. словарь Рошера подъ слов. Егоз, ст. 1369) безкрылыя изображенія Эрота относятся лишь къ позднеримскому времени и свидѣтельствуютъ только о небрежности мастера, а не о какомъ либо опредѣленномъ художественно-миѳологическомъ воззрѣніи.

кихъ Эротовъ, фигурирующихъ здѣсь во всевозможныхъ роляхъ и часто заступающихъ мѣсто взрослыхъ божествъ, героевъ и людей, затѣмъ перешедшихъ и въ нашу плафонную роспись добраго стараго времени. Неудивительно, что коропласты въ свою очередь рано усвоили и мало по малу широко развили столь благодарную тему. И если принять во вниманіе то, что и вазовые живописцы не пренебрегали ею, сумѣвъ найти въ ней источникъ несмѣтнаго множества граціозныхъ и пикантныхъ мотивовъ, то станетъ ясно, что статуэтка, нами публикуемая, представляетъ интересъ главнымъ образомъ отнюдь не по новизнѣ и оригинальности сюжета, а лишь какъ *пантикапейскій* варіантъ общераспространеннаго въ классическомъ мірѣ художественнаго типа[1]).

Театральная маска, какъ аттрибутъ Эрота, встрѣчается также часто и въ живописныхъ, и въ пластическихъ его изображеніяхъ. Издатели миринскихъ терракоттъ опубликовали нѣсколько фигуръ, подобныхъ нашей[2]). На фрескахъ въ Помпеяхъ можно видѣть Эротовъ, играющихъ трагическими и комическими масками,—то пугающихъ ими другъ друга, то прячущихся за ними. Усматривать въ этихъ ходячихъ мотивахъ «eine Andeutung der Listen und Mummereien im Liebesspiel»[3]) можно было бы лишь съ большою натяжкою: Эротъ —миѳологическая фигура, тѣсно примыкающая къ вакхическому циклу и потому часто снабжаемая различными аксессуарами вакхическаго культа. Такъ Эротовъ изображали то въ видѣ пьяныхъ комастовъ съ ѳирсами въ рукахъ, то верхами на пантерахъ и львахъ, увѣнчанныхъ гирляндами изъ листьевъ и гроздьевъ винограда, въ вѣнкахъ изъ плюща (извѣстная помпейская мозаика, имѣющая подобное содержаніе, окаймлена орнаментальною рамою, въ которой симметрично расположены восемь комическихъ и трагическихъ маскъ разныхъ типовъ, *Baum.* Denkm. фиг. 543), то въ роли участниковъ винограднаго сбора, то вмѣстѣ съ Діонисомъ и прочими членами его

---

[1]) Ближайшую аналогію по сходству мотива представляетъ напр. [безкрылый?] Эротъ съ маской изъ Киренаики, находящійся въ Луврѣ (см. *Heuzey* Les figurines antiques du musée du Louvre, табл. 43, 2).

[2]) *E. Pottier et S. Reinach* La nécrop. de Myrina, index analytique, слова enfants, Éros (tenant un masque).

[3]) Слова фонъ-Закена у *Баумейстера* Denkm. стр. 502.

θίаса. Съ другой стороны маска является аттрибутомъ и другихъ миѳологическихъ фигуръ, такъ или иначе приводимыхъ въ связь съ культомъ Вакха, напр. музъ. Какъ спутникъ Діониса, Эротъ вовлекается даже въ кругъ божествъ элевсинскихъ и получаетъ характеръ хѳоническаго божества, характеръ тихаго генія смерти,—и отсюда его частыя изображенія на саркофагахъ, а равно частое нахожденіе статуэтокъ этого бога въ могилахъ, особенно дѣтскихъ. И если имѣть въ виду именно такое, т. е. погребальное, значеніе нашей терракотты, то комическая маска можетъ получить спеціальный смыслъ профилактическаго средства, «*науза*», «*оберега*», апотропея (ἀποτρόπαιον). На эту сторону религіозно-миѳологической концепціи Эрота намъ впрочемъ придется обратить вниманіе читателя и ниже, при разсмотрѣніи фиг. 7 и 10 (а—б).

Фиг. 4. Издана Н. П. Кондаковымъ въ указ. соч. (табл. V, 2) съ отмѣткою: «Комикъ съ кошелемъ въ рукахъ». Высота—0,100 м. Красноватая глина, покрытая сѣрымъ налетомъ. Голова приклеена. Сзади увеличенное изломомъ отверстіе, необходимое для обжиганія. Стиль небрежный. Раскраски нѣтъ.

Комикъ, несомнѣнно, воспроизводитъ передъ нами типъ скряги. Массивная, пузатая фигура, облаченная кромѣ обычнаго σωμάτιον въ плащъ, переброшенный черезъ лѣвое плечо и придерживаемый правою рукою; въ лѣвой рукѣ какой то круглый предметъ, основательно принятый Н. П. Кондаковымъ за кошель; голова обращена въ правую сторону и снабжена маскою, типическія черты которой, —обрамляющая лицо пышная прическа (στεφάνη τριχῶν), крупный, тупой, широкій носъ (ἐπίγρυπος), высоко приподнятая правая бровь, сообщающая физіономіи выраженіе надменности и гнѣва[1]), — при-

[1]) Etym. M. p. 782, 31 ὑποκαθεῖναι τὰς ὀφρῦς· οἷον παύσασθαι χαλεπαίνοντα· τὸ γὰρ ἀνατείνειν τὰς ὀφρῦς ὀργῆς ἐστι σημεῖον. Срв. Phrynich. App. p. 69: ὀφρῦς ἀνατείνειν ὀργῆς καὶ θυμοῦ καὶ αὐθαδείας (*Sittl* Die Gebärden d. Griechen u. Römer, стр. 93, прим. 4). Ту же символику находимъ и у римлянъ: ponere supercilium (срв. Martial. I, 4, 2)=χαλᾶν τὰς ὀφρῦς: supercilium tollere (Catull. 67, 46). Подъятіе *одной* брови при естественномъ положеніи другой разсчитано, конечно, на то, что актеръ, повертываясь къ зрителямъ то одною, то другою стороною, могъ пользоваться одною и тою же маскою для изображенія различныхъ душевныхъ состояній. См. Quintil. Inst. orat. XI, 3, 74: pater ille, cujus praecipuae partes sunt, quia interim concitatus, interim lenis est, altero erecto, altero compositus est supercilio, atque id ostendere maxime latus actoribus moris est, quod cum iis, quas agunt, partibus congruat.

ближаютъ нашего актера къ категоріи комическихъ персонажей, обозначаемыхъ общимъ терминомъ ἡγεμὼν πρεσβύτης (pater, cujus praecipuae partes sunt).

Фиг. 5. Комическая маска, трактованная выше подъ нумеромъ 3. Высота—0,052 м. Красновато-желтая глина. Подставка нова.

Фиг. 8. Издана Н. П. Кондаковымъ въ указ. соч. (табл. V, 3) съ помѣткою: «комикъ». Нижняя часть живота и ноги новы. Высота древней части статуэтки 0,042 м. Красноватая глина. Задняя сторона реставрирована.

Подобно фигурѣ 4 комикъ, изображенный на нашей таблицѣ подъ нумеромъ 8, имѣетъ большой προγαστρίδιον, поверхъ котораго надѣта плотно прилегающая къ тѣлу куртка. Такія куртки, σπολάδες, изготовлявшіяся обыкновенно изъ кожи[1]), составляли одежду рабовъ и вообще бѣднаго класса. Плохая сохранность статуэтки дѣлаетъ описаніе прочихъ деталей затруднительнымъ: повидимому, на лѣвомъ плечѣ есть слѣды плаща, прикрывавшаго, кажется, и лѣвую руку; правая рука опирается на бедро. На лицѣ — маска съ довольно длинною круглою бородою.

Пріурочивать нашу фигуру къ какому либо изъ типовъ, описанныхъ Полидевкомъ, рискованно въ виду недостаточности характеристическихъ признаковъ.

Фиг. 9. Высота—0,110 м. Изсѣра-желтая глина. Красокъ нѣтъ. Работа тщательная. Сохранность хорошая.

Для точнаго истолкованія этой интересной статуэтки было бы важно знать ту комическую ситуацію, которую имѣлъ въ виду художникъ-коропластъ, ее вылѣпившій. Если мы въ вышеописанныхъ терракоттахъ имѣли передъ собою комическіе типы совершенно общаго характера, значеніе которыхъ могло быть приблизительно выражено одною изъ предоставляемыхъ въ наше распоряженіе Полидевкомъ широкихъ формулъ (ἄγροικος νεανίσκος, ἡγεμὼν πρεσβύτης и т. п.), то въ настоящемъ случаѣ задача интерпретатора гораздо сложнѣе: фигура, отмѣченная на нашей таблицѣ цифрою 9, отличается въ высокой степени чертами индивидуализма, и ея жестъ, ея поза, ея выраженіе могутъ найти свое объясненіе только въ особенностяхъ

[1]) Pollux VII 70: σπολὰς δὲ θώρακᾶ ἐκ δέρματος, κατὰ τοὺς ὤμους ἐφαπτόμενος.

даннаго сценическаго положенія. Если высказанная Винтеромъ догадка о существованіи въ древности такихъ терракоттовыхъ группъ, которыя воспроизводили въ пластическихъ формахъ извѣстныя живописныя композиціи, есть не праздный домыслъ, а имѣющая будущность гипотеза, то въ нашей статуэткѣ мы были бы склонны видѣть именно фрагментъ подобной группы. Изображенъ комическій актеръ въ маскѣ съ широкимъ приплюснутымъ носомъ, съ длинною, остроконечною бородою, въ куртке, надѣтой поверхъ довольно большаго προγαστρίδιον, съ фалломъ (обычный аттрибутъ комика) и съ невиднымъ на нашемъ рисункѣ искусственнымъ увеличеніемъ *ani* до громадныхъ размѣровъ; комическій гримъ довершается остальными деталями костюма, — узкими штанами, войлочною шляпою и короткою хламидою, перекинутою черезъ лѣвое плечо. Поза, повидимому, выражаетъ пристальное всматриванье вдаль: вся фигура актера немного подана впередъ, голова слегка склонена влѣво, шея вытянута, ноги пригнуты въ колѣняхъ, правая рука приставлена ко лбу какъ бы для того, чтобы защитить глаза отъ свѣта, лѣвая прикрыта плащемъ.

Остановимся на нѣкоторыхъ изъ этихъ признаковъ въ отдѣльности.

Большое προγαστρίδιον, утолщеніе *ani* и крупный фаллъ въ сценической символикѣ знаменовали собою невоздержность, чувственность. Эти примѣты довольно часто встрѣчаются на вазовыхъ и терракоттовыхъ изображеніяхъ лицъ новой комедіи,—какъ кажется, не въ видѣ спеціальной принадлежности опредѣленнаго типа, а скорѣе какъ черта, характеризующая извѣстную категорію комическихъ типовъ. Внѣ сценическихъ изображеній онѣ свойственны многочисленнымъ гротескамъ древне-греческой каррикатуры, любопытные образчики которыхъ были находимы преимущественно въ М. Азіи, а отчасти и у насъ на черноморскомъ побережьѣ[1]). Изъ комическихъ

[1]) *Champfleury* Lettre à Merimée (Gazette des beaux arts 1869 I, стр. 273): «En ceci la tradition ne s'est pas interrompue et toujours les caricaturistes ont fait, le plus souvent à leur insu, acte de spiritualisme en insistant sur l'excès de lymphe produit par la débauche, sur les bouffissures causées par la goinfrerie. Cet abdomen developpé aux dépens du cerveau fait horreur à ceux qui pensent».

амплуа, естественно, онѣ прежде всего должны были отличать такъ называемаго «парасита» (*parasitus edax*), и немудрено, что брюханы (γαστρίδες, γάστρωνες) вродѣ разсматриваемаго нами терракоттоваго актера нерѣдко истолковывались именно въ этомъ смыслѣ[1]). Такое истолкованіе, повидимому, могло бы найти для себя надежную опору въ томъ, что параситъ былъ популярнѣйшею фигурою грекоримской комедіи, и, стало быть, значительное разнообразіе дошедшихъ до насъ предполагаемыхъ его пластическихъ изображеній достаточно объяснялось бы изобиліемъ всевозможныхъ литературныхъ варіацій этого типа. Полидевкъ знаетъ три различныя маски парасита[2]); при этомъ онъ отличаетъ родственный послѣднему типъ льстеца (κόλαξ, assentator), какъ особое амплуа. Но нѣтъ сомнѣнія, что въ его каталогѣ нашли мѣсто лишь наиболѣе общія и распространенныя сценическія характеристики, допускавшія возможность разнаго рода частныхъ отступленій. И если принять во вниманіе то обстоятельство, что, начиная съ Алексида и Арарота, литературный типъ парасита не переставалъ развиваться, то отъ изобразительныхъ искусствъ мы вправѣ были бы ожидать, что они сохранятъ слѣды этого развитія. Напр. какой нибудь Хэрефонтъ, параситъ Алексида (см. Athen. IV, p. 164 sq.), былъ свободнымъ, независимымъ гражданиномъ греческой политіи, выросшимъ и воспитавшимся подъ воздѣйствіемъ высокоразвитой культурной среды, и унизительная роль прихлебателя не успѣла еще сообщить ему тѣхъ отталкивающихъ чертъ, какими заклеймила позднѣйшая комедія жалкихъ представителей обжорства и тунеядства, зачастую находившихся въ положеніи не только экономической, но и юридической зависимости отъ своихъ патроновъ[3]).

Однако при полномъ отсутствіи какихъ бы то ни было не подлежащихъ сомнѣнію образцовъ пластическаго воплощенія парасита пріурочиваніе различныхъ терракоттъ къ этому типу нельзя считать вполнѣ достовѣрнымъ[4]). Что касается въ частности нашей фигуры,

---

[1]) См. *S. Reinach* Statuette d'acteur comique au musée de Tchinli-Kiosk (Gaz. archéol. VIII, p. 254).

[2]) Poll. Onomast. IV, 148. Срв. *Becker-Göll* Charikles I, стр. 156 слл.

[3]) Иногда впрочемъ дѣйствительность превосходила самыя смѣлыя фантазіи комическихъ писателей. Срв. напр. Athen. VI, p. 249 sq., Plutarch. de occulte viv. 1.

[4]) Изображенія параситовъ см. у *Визелера* Denkm. d. Bühnenw. X, 5, 7; XII, 9, 11, 12, 13 и *Баумейстера* Denkm. фиг. 907 a—b, 915.

то въ ней мы не находимъ ни той детали костюма, на которую указываетъ Донатъ[1]), ни тѣхъ аттрибутовъ, которые приписываетъ параситу Полидевкъ[2]). Съ другой стороны не мѣшаетъ припомнить, что въ древней комедіи самъ Діонисъ изображался брюханомъ[3]). Въ аристофановой комедіи Πλοῦτος Бѣдность говоритъ, что тѣ, къ кому благоволитъ Плутосъ, становятся ποδαγρῶντες, γαστρώδεις, παχύκνημοι καὶ πίονες ἀσελγῶς[4]). Быть можетъ, въ связи съ этимъ представленіемъ описанная выше статуэтка скряги (№ 4) также снабжена большимъ брюхомъ. Подобнымъ образомъ богатый старикъ Лисимахъ, одно изъ дѣйствующихъ лицъ комедіи Плавта «Mercator», составленной, какъ извѣстно, по піесѣ Филемона Ἔμπορος, описывается какъ *ventriosus*, *bucculentus*, *oblongis malis*, *pansa*[5]). Вообще слѣдуетъ полагать, что въ видахъ достиженія комическаго эффекта большое брюхо придавалось многимъ персонажамъ комедіи, равно какъ и наоборотъ ради того же эффекта другимъ лицамъ сообщался видъ крайней, неестественной худобы[6]). Что брюханы были вмѣстѣ съ тѣмъ и πόσθωνες,—это принадлежало къ прочнымъ традиціямъ греческой сцены[7]).

Маска нашего актера отличается широкими, нѣсколько расплывчивыми чертами и носитъ отпечатокъ странной смѣси плутоватости и ограниченности. Длинная остроконечная борода (σφηνοπώγων, ὀξυγένειος) представляетъ собою признакъ, принадлежащій въ каталогѣ Полидевка лишь двумъ комическимъ типамъ изъ категоріи «стариковъ», которые впрочемъ въ остальныхъ чертахъ несходны съ на-

---

[1]) Donati comm. de com. p. 11 sq. (Reifferscheid): parasiti cum intortis palliis veniunt. На нашей фигурѣ плащъ едва прикрываетъ правую руку (такъ назыв. ἐφαπτίς, см. *Hermann-Müller* Bühnenalterth. стр. 235 слл.).

[2]) Poll. IV, 120: τοῖς δὲ παρασίτοις πρόσεστι καὶ στλεγγὶς καὶ λήκυθος. Plaut. Stich. I, 3, 75: robiginosam strigilem, ampullam rubidam ad unctiones Graecas sudatorias vendo.

[3]) Schol. ad Aristoph. Ran. v. 200: εἰσάγουσι γὰρ τὸν Διόνυσον προγάστορα καὶ οἰδαλέον ἀπὸ τῆς ἀργίας καὶ οἰνοφλυγίας.

[4]) Aristoph. Plut. v. 560. См. *S. Reinach* назв. ст. въ Gazette archéol. VIII, стр. 254 сл.

[5]) Plaut. Merc. III, 4, 54.

[6]) *S. Reinach* ук. ст.

[7]) Тамъ-же: «Dans les representations de l'ancienne comédie le γάστρων est en même temps πόσθων,—difformité, dont Aristophane (Nuées, v. 1018) menace ceux qui ne vivraient pas conformément aux prescriptions du Juste». Фаллъ, впрочемъ, былъ такою неотъемлемою принадлежностью комедіи, развившейся изъ фаллофорическихъ процессій, что имъ снабжались даже женскія фигуры.

шею статуэткою. Войлочный колпакъ, плотно прилегающій къ головѣ, составляетъ вполнѣ подходящее дополненіе въ кожаной куртке: это—такъ назыв. πῖλος, обычный головной покровъ низшихъ классовъ (моряковъ, перевощиковъ, рыбаковъ, рабочихъ и т. п.), а также стариковъ и больныхъ[1]).

То обстоятельство, что изображенія комическихъ актеровъ и маскъ, подобныя вышеописаннымъ, чаще всего встрѣчаются не среди развалинъ домовъ или храмовъ, а въ могилахъ, — обстоятельство, указывающее на тѣсную связь этихъ изображеній съ погребальнымъ ритуаломъ,—принято нынѣ объснять съ одной стороны вѣрою древнихъ въ очистительное дѣйствіе смѣха, съ другой — мистическимъ значеніемъ аттрибутовъ вакхическаго культа. «Смѣхъ и гримасы», говорятъ сторонники перваго толкованія, «обладали оберегательной силой», и потому статуэтки комическихъ актеровъ, мимовъ, карликовъ и разнаго рода уродовъ, возбуждающія смѣхъ, «служили охранительными амулетами (апотропеями)»[2]). Въ самомъ дѣлѣ, почитаніе миѳологической персонификаціи Смѣха (Γέλως) восходитъ въ Греціи уже ко временамъ глубокой древности, и напр. сооруженіе статуи этого божества въ Спартѣ, гдѣ оно имѣло также и особое святилище, приписывалось самому Ликургу (Plut. Lycurg. 25, 4; Cleom. 9, 1). Въ высокой степени знаменательно на нашъ взглядъ то, что именно у дорянъ, среди которыхъ впервые развились и элементы комедіи[3]), засвидѣтельствовано существованіе поклоненія Смѣху. Впослѣдствіи Γέλως (Смѣхъ) является на вазовыхъ и иныхъ изображеніяхъ въ качествѣ спутника Діониса, а въ Ѳессаліи, которую Геродотъ считалъ исходнымъ пунктомъ дорическаго переселенія въ Пелопоннесъ, вплоть до позднѣйшихъ римскихъ временъ ежегодно устраивались общественныя игры въ честь этого божества[4]). Съ другой стороны извѣстно, что всякая ἔκστασις по античному воззрѣнію

---

[1]) *Becker-Göll* Charikles III, стр. 265.

[2]) *И. Толстой и Н. Кондаковъ* Русск. древн. I, стр. 97.

[3]) Δεικελικταί, βρυλλιχισταί, μιμηλοί въ Спартѣ, φλύακες и ἱλαρῳδοί въ дорическихъ городахъ Италіи. Срв. Aristoph. Vesp. 57: Μεγαρικὸς γέλως (см. также схолію къ этому мѣсту). Аристотель выводилъ начала комедіи изъ Мегары (Aristot. Poet. III, 1448ª) откуда по преданію былъ родомъ и Сусаріонъ, родоначальникъ аттическихъ комиковъ.

[4]) *Roscher* Ausführl. Lexic. der Mythologie ст. 1610 сл.

обладала очистительными свойствами, очищеніе же (κάθαρσις) было надежнѣйшимъ средствомъ противъ какихъ бы то ни было чаръ. А какъ поклоненіе Вакху было запечатлѣно по преимуществу экстатическимъ характеромъ, то всѣмъ предметамъ, такъ или иначе связаннымъ съ этимъ поклоненіемъ, мало по малу сообщилось значеніе «наузовъ», «обереговъ» (φυλακτήρια)[1]). Но помимо этого возможенъ былъ, разумѣется, и иной, отчасти мистическій, отчасти просто аллегорическій смыслъ употребленія разсматриваемыхъ изображеній въ качествѣ погребальныхъ аксессуаровъ: людямъ, посвященнымъ въ мистеріи, всѣ аттрибуты вакхическаго культа могли быть дороги, какъ символы усвоенной ими таинственной доктрины, а кто чувствовалъ склонность къ поэтической аллегоріи, тотъ могъ усматривать въ изображеніи театральной маски или ея носителя эмблему призрачности и обманчивости всего земнаго...

Далеко не столько сомнѣній возбуждаютъ по вопросу объ отношеніи ихъ къ культу мертвыхъ остальныя три фигуры нашей таблицы, совокупность которыхъ также составляетъ опредѣленную группу и разсмотрѣніемъ которыхъ мы намѣрены заключить свою статью. Изъ этихъ фигуръ двѣ (№№ 6 и 7) вылѣплены изъ глины и находятся въ собраніи одесскаго Музея, а одна (№ 10 а—б), какъ сказано выше, изваяна изъ мрамора и принадлежитъ Ал. Ив. Нелидову. Можетъ показаться страннымъ, что мы трактуемъ объ этой послѣдней въ сочиненіи, посвященномъ исключительно терракоттамъ; но, во первыхъ, ея сюжетъ, совершенно однородный съ сюжетами публикуемыхъ нами терракоттъ №№ 6 и 7 (во всѣхъ трехъ случаяхъ—спящія фигуры), далѣе — ея небрежное, чисто ремесленное выполненіе, приближающее самый стиль ея—къ стилю заурядныхъ издѣлій изъ обожженной глины, ея незначительные для мраморной статуэтки размѣры, наконецъ то наблюденіе, что мраморныя фигуры малыхъ размѣровъ вообще неоднократно служили моделью для коропластовъ[2]),—все, казалось намъ, дѣлало разсмотрѣніе ея наиболѣе

---

[1]) *Стефани* въ Отч. Импер. арх. комм. за 1866 г., стр. 76.

[2]) *В. К. Мальмберга* показалъ, что въ херсонскихъ мастерскихъ оригиналами для глиняныхъ формъ служили не только терракоттовыя, но также мраморныя и металлическія модели (Матер. по археол. Россіи, № 7).

умѣстнымъ именно здѣсь, въ изслѣдованіи о мелкихъ художественно-промышленныхъ произведеніяхъ греческой древности.

Фиг. 6. Высота 0,096 м., длина 0,108 м. Сѣро-красная, плотная, тяжелая глина. Крупныхъ поврежденій нѣтъ, но, какъ о томъ можно судить по нашему рисунку, вся поверхность статуэтки истерта и оббита до полной неотличимости многихъ отдѣльныхъ чертъ. На задней сторонѣ отверстіе (trou d'évent).

Сюжетъ таковъ: на какомъ то ложѣ,—повидимому, на распростертой по скалѣ шкурѣ,—лежитъ на лѣвомъ боку, закинувъ руки за голову, бородатая фигура. Все тѣло ея обнажено; лѣвая нога подогнута подъ правую, которая свѣшивается по отлогости камня. Черты лица слились; выступаетъ только крупный носъ, да видно, что голову должны были покрывать густые, косматые волосы.

Къ сожалѣнію, въ нынѣшнемъ своемъ состояніи статуэтка не даетъ отвѣта на вопросъ объ аттрибутахъ представленной коропластомъ лежащей фигуры, и толкованіе сюжета можетъ быть такимъ образомъ только проблематичнымъ. Изъ миѳологическихъ персонажей въ настоящемъ случаѣ можно думать либо объ отдыхающемъ Гераклѣ, либо о пьяномъ сатирѣ. Въ виду необозримаго множества живописныхъ и пластическихъ изображеній покоящагося послѣ трудовъ Геракла было бы вполнѣ естественно искать опоры для объясненія нашей терракотты въ мотивахъ, отличающихъ именно эти изображенія. Какъ извѣстно, покоящійся Гераклъ представлялся въ древнемъ искусствѣ въ разныхъ видахъ,—то стоящимъ въ задумчивой позѣ знаменитой фарнезской статуи[1]), то сидящимъ съ лирою, кубкомъ или веретеномъ въ рукахъ, то наконецъ распростертымъ на землѣ въ состояніи полнаго опьянѣнія и глубокаго сна. Во всѣхъ этихъ положеніяхъ мощныя, мускулистыя формы героя носятъ замѣтный отпечатокъ наступившаго вслѣдъ за чрезмѣрнымъ напряженіемъ силъ упадка энергіи,—отпечатокъ овладѣвшаго героемъ чувства слабости и изнеможенія. Весьма часто подобныя изображенія Геракла дополняются фигурами Эротовъ, Омфалы, сатировъ, менадъ и т. п., а изъ обычныхъ аттрибутовъ его при немъ удер-

[1]) О значеніи фарнезской статуи см. однако Archäol. Zeit. 1882, стр. 255 слл. и Матер. по археол. Россіи, № 7, стр. 9.

живается только львиная шкура[1]) да иногда палица (на помпейскихъ фрескахъ у пьянаго, растянувшагося на землѣ Геракла шаловливые Эроты похищаютъ лукъ и колчанъ со стрѣлами). Покойный Стефани, много занимавшійся вопросомъ о художественныхъ изображеніяхъ отдыхающаго Геракла, говоритъ: «естественный интересъ, съ какимъ должно было относиться древнее искусство къ изображенію именно отдыхающаго Геракла, имѣетъ своимъ источникомъ сочувствіе, въ которомъ не можетъ отказать нравственное сознаніе, когда благодѣяніе покоя, отдыха, — въ смыслѣ ли конечнаго воздаянія, или временнаго облегченія, — выпадаетъ на долю того, кто былъ отягченъ всякаго рода трудами и подвигами и всегда выходилъ побѣдителемъ въ борьбѣ съ препятствіями. Изображеніе Геракла въ состояніи отдохновенія болѣе, нежели чье-либо другое таковое же, способно было конкретно и живо вызвать въ сознаніи эту идею»[2]). Но сама по себѣ идея эта допускала большое разнообразіе художественнаго выраженія. Иногда она сближалась съ идеею вообще *силы, покоренной любовью*, — и тогда художникъ наряжалъ Геракла въ женское платье, снабжалъ его прялкою, вооружалъ аттрибутами его либо Омфалу, либо Эротовъ. Перенесеніе же аттрибутовъ героя на этихъ послѣднихъ естественно повело къ отождествленію Геракла съ Эротомъ, и такимъ образомъ возникъ цѣлый рядъ изображеній, въ которыя уже Гераклъ фигурируетъ передъ нами подъ видомъ Эрота. Сюда относится между прочимъ и обширный циклъ *спящихъ Эротовъ*, въ основаніи котораго лежитъ несомнѣнно образъ отдыхающаго Геракла, облеченный, какъ это повелось особенно въ римскія времена, въ форму представленій о фантастическомъ, идеальномъ мірѣ дѣтей и Эротовъ[3]). Въ фигурахъ 7-й и 10-й (а—б) мы видимъ два образчика подобныхъ изображеній спящаго Эрота; тѣмъ болѣе привлекательности могла бы имѣть для насъ задача доказать, что въ фиг. 6-й передъ нами одинъ изъ многочисленныхъ варіантовъ почивающаго Геракла.

---

[1]) См. *Brunn* Künstlergeschichte I, стр. 362.

[2]) *Stephani* Der ausruhende Herakles (Petersb. 1855). Въ одесскихъ библіотекахъ намъ не удалось найти этого сочиненія, а потому вышеприведенную цитату мы заимствовали у *Баумейстера* Denkm. стр. 670.

[3]) *Стефани* въ Отч. Импер. арх. комм. за 1874 г., стр. 10 слл.

Въ нашей статуэткѣ довольно рѣзко бросается въ глаза нѣкоторая несоразмѣрность между головою, которая черезчуръ велика и массивна, и всѣмъ остальнымъ тѣломъ, которое какъ то неестественно укорочено. Мы отнюдь не приписываемъ большаго значенія этой чертѣ, легко поддающейся объясненію въ произведеніи столь небрежнаго стиля и выполненія, но не можемъ не замѣтить, что въ фарнезской статуѣ Геракла и многочисленныхъ ея репликахъ существуетъ тоже нѣкоторое несоотвѣтствіе въ пропорціяхъ головы и остальнаго тѣла,—только совершенно обратнаго характера: тамъ голова непропорціонально мала. Состояніе глубокаго сна нашъ коропластъ весьма удачно выразилъ самою позою фигуры: безсильно раскинувшееся тѣло, запрокинутая назадъ голова и безсознательнымъ движеньемъ заброшенныя за голову руки краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о непробудномъ снѣ. Именно таковъ долженъ быть сонъ усталаго или опьянѣвшаго багатыря, ставшаго даже миѳологическимъ воплощеніемъ *Сна*, какъ Hercules Somnialis, а потомъ превратившагося въ суевѣрномъ представленіи народа въ демона, давящаго людей во снѣ (Incubus), и въ божество, подающее во снѣ пророческія откровенія. Такимъ образомъ въ разсматриваемомъ изображеніи сонъ является отнюдь не случайнымъ признакомъ, а скорѣе, по счастливому выраженію Стефани, «*аттрибутивнымъ отличительнымъ дѣйствіемъ*». Можно сказать, что иныхъ аттрибутовъ здѣсь и нѣтъ: о томъ, что постелью служитъ звѣриная шкура, а не голая скала, приходится лишь гадать по неяснымъ контурамъ. Впрочемъ далеко не всегда художникъ находилъ нужнымъ снабжать изображаемыя имъ миѳологическія фигуры всѣми присущими имъ аттрибутами; и, какъ мы видѣли, именно въ изображеніяхъ почивающаго Геракла всѣ аттрибуты героя, кромѣ звѣриной шкуры, могли отсутствовать.

Наша статуэтка представляетъ бородатаго мущину. Борода служитъ постояннымъ признакомъ гераклова типа не только въ архаическомъ искусствѣ, но и въ эпоху перехода отъ архаизма къ болѣе свободному стилю. Лишь съ V вѣка до Р. Х. начинаютъ параллельно существовать бородатые и безбородые типы Геракла, и въ пору наивысшаго разцвѣта художественной дѣятельности въ Греціи преобладаютъ послѣдніе. Въ періодъ эллинизма бородатые

типы вновь получаютъ перевѣсъ надъ безбородыми, а во времена римскаго владычества они пользуются особеннымъ предпочтеніемъ. Обыкновенно Геракл̀ъ имѣетъ короткую, рѣже длинную бороду и всегда короткіе, курчавые волосы. Въ этомъ отношеніи коропластъ, вылѣпившій нашу терракоту, если только онъ имѣлъ въ виду изобразить Геракла, нѣсколько отступилъ отъ художественной традиціи.

Скудныхъ данныхъ этого анализа конечно недостаточно для того, чтобы отвѣтить на поставленный выше вопросъ утвердительно; но важно и то, что нѣтъ признаковъ, которые-бы рѣшительно говорили противъ истолкованія занимающей насъ фигуры въ смыслѣ спящаго Геракла. Что-же касается другой допущенной нами возможности,— именно, что въ разсматриваемой терракотѣ мы имѣемъ передъ собою упившагося сатира, — то опять таки и это только возможность. Пьяный сатиръ изображался въ тѣхъ-же положеніяхъ и тѣми-же чертами, которыя характеризуютъ и пьянаго Геракла. Иногда оба они фигурируютъ на одномъ и томъ же изображеніи въ видѣ пошатывающихся и поддерживающихъ другъ друга гулякъ. Подобно Эротамъ сатиры похищаютъ у погруженнаго въ глубокій сонъ героя его оружіе. Если-же сатира изображали спящимъ, то, по описанію Филострата, онъ καθεύδει ὑπὸ τοῦ οἴνου, τὸ ἄσθμα ἕλκων ὡς ἐκ μέθης. (Philostr. Imag. I, 22). Длинная борода и косматые волосы (γενειῶντες) нашей статуэтки вполнѣ согласны съ обычнымъ типомъ этой любимѣйшей фигуры вакхическаго θіаса. Нѣсколько неуклюжее, массивное тѣло и непринужденная поза также весьма хорошо подходятъ къ этому типу. Недостаетъ только того, что окончательно могло-бы рѣшить вопросъ, — нѣтъ присвояемыхъ искусствомъ сатиру аттрибутовъ и тѣхъ «особыхъ примѣтъ», которыя отличаютъ его полузвѣриный, получеловѣческій обликъ. Были ли когда нибудь эти примѣты на лицо, при нынѣшнемъ состояніи терракоты рѣшить нельзя.

Фиг. 7. Высота 0,110 м. Красноватая глина. Отбито правое крыло. Красокъ нѣтъ. Стиль «варварскій».

Изображенъ спящій Эротъ. Онъ спитъ въ сидячемъ положеніи, на скалѣ, склонивъ голову на руки, сложенныя вмѣстѣ на приподнятомъ лѣвомъ колѣнѣ. На головѣ большой «фригійскій» колпакъ; лицо отмѣчено чертами варварскаго типа; верхняя часть

тѣла обнажена (или по крайней мѣрѣ кажется обнаженною, какъ обыкновенно кажутся фигуры варваровъ, одѣтыхъ въ σωμάτιον); на ногахъ узкіе штаны съ узоромъ, отличающимъ преимущественно восточныя одежды: узоръ этотъ состоитъ изъ двухъ узкихъ продольныхъ полосъ, между которыми размѣщены вытянутые въ одну линію кружки или точки.

Особенности костюма (фригійская шапка и восточныя ἀναξυρίδες) съ одной стороны, грубоватыя, варварскія, не-греческія черты физіономіи — съ другой свидѣтельствуютъ о томъ, что коропластъ имѣлъ въ виду представить Эрота въ образѣ варвара, — и это сообщаетъ совершенно спеціальный интересъ нашей статуэткѣ. Древнѣйшей порѣ греческаго искусства была чужда натуралистическая тенденція въ смыслѣ воспроизведенія варварскихъ типовъ, и варварское происхожденіе того или другаго лица художникъ обыкновенно символически изображалъ посредствомъ разныхъ аттрибутовъ, въ числѣ которыхъ фригійская шапка, персидскія ἀναξυρίδες и разные роды восточнаго вооруженія были наиболѣе обычны. Нѣкоторые изъ этихъ аттрибутовъ придавались и многимъ восточнымъ, — первоначально, стало быть, варварскимъ, — божествамъ, какъ то Адониду, Миѳрѣ, Париду, Мену и др. Затѣмъ подобные символы перешли, какъ наслѣдіе старины, и въ болѣе поздніе эпохи, когда происшедшая во вкусахъ и въ пониманіи художественныхъ задачъ перемѣна допускала уже въ искусствѣ и прямое, реальное изображеніе варварскаго типа[1]). Публикуемый нами Эротъ несомнѣнно принадлежитъ весьма поздней, римской эпохѣ и находитъ аналогію лишь въ очень ограниченномъ числѣ памятниковъ, до сихъ поръ представляющихъ миѳологическую загадку. Полагали[2]), что въ изображеніяхъ, подобныхъ нашему, слѣдуетъ усматривать сліяніе двухъ миѳологическихъ концепцій, — Аттиса (или Мена) и Эрота (или же Вакха-дитяти). Хѳоническое значеніе Мена-Аттиса доказано, и само по себѣ такое сліяніе столь родственныхъ миѳологическихъ фигуръ

[1]) Натуралистическая тенденція обнаруживается ранѣе въ области издѣлій ремесленной техники (напр. въ вазовой росписи), нежели въ крупныхъ родахъ искусства. См. впрочемъ *Daremberg-Saglio* Dictionn. des antiquités, стр. 673 (s. v. *Barbari*).

[2]) *Heuzey* въ Gaz. de beaux arts (1876 XIV, стр. 401, 403 сл.). По вопросу объ Эротѣ-Атисѣ см. *Pottier-Reinach* Nécrop. de Myr., стр. 405 слл.

въ вѣкъ религіознаго синкретизма не можетъ возбуждать какихъ либо серьезныхъ недоумѣній. Какъ бы то ни было, но нахожденіе статуэтокъ Эрота, облаченнаго во фригійскій костюмъ, случалось и на нашемъ югѣ[1]). Что-же касается до изображенной на нашей таблицѣ пантикапейской терракотты этого разряда (№ 7), то въ ней, мнѣ кажется, важно отмѣтить присутствіе чертъ, характеризующихъ скорѣе сѣверный,—можетъ быть, скиѳскій,—нежели восточный, переднеазіатскій варварскій типъ: низкій, нѣсколько выступающій надъ переносицею лобъ, вздернутый, тупой носъ (ῥὶς σιμή, ῥινόσιμος), далеко отстоящіе другъ отъ друга глаза, большія скулы, широкій окладъ лица[2]). Самый узоръ на штанахъ[3]) напоминаетъ узоры, наблюдаемые на скиѳахъ, аримаспахъ и амазонкахъ греческихъ вазъ и рельефовъ[4]).

Наряду съ изображеніями спящаго Эрота-*дитяти* встрѣчаются и изображенія спящаго Эрота-*юноши*. Послѣднія носятъ на себѣ замѣтный слѣдъ вліянія тѣхъ художественныхъ мотивовъ, воспроизведеніе которыхъ представляютъ между прочимъ извѣстныя статуи спящей Аріадны (въ Ватиканѣ) и пьянаго сатира, такъ называемаго «Фавна Барберини» (въ Мюнхенѣ)[5]). Мраморная статуэтка А. И. Нелидова, которою заключается серія разсматриваемыхъ нами памятниковъ, относится именно къ этой категоріи. Вотъ ея описаніе:

Фиг. 10 а—б. Высота 0,200 м. Желтоватый, крупно-зернистый [островной?] мраморъ. Отбиты правая рука (отъ плеча) и правая нога (ниже колѣна) съ частью пьедестала. Работа, повиди-

---

[1]) Отч. Импер. арх. комм. 1874 г., стр. 6.

[2]) Подобная характеристика «варвара» несовсѣмъ обычна въ греческомъ искусствѣ: «les artistes se sont moins attachés à copier exactement des modèles qu'ils avaient pu rencontrer, qu'à reproduire des types facilement reconnaissables parce qu'ils etaient déjà fixés par une constante tradition. Il semble que des traits empruntés aux populations des contrées situées au nord de la Grèce s'y mêlent à d'autres qui appartiennent plutôt aux Asiatiques» (*Daremberg-Saglio*, ук. м.).

[3]) Терракота не даетъ, разумѣется, возможности различить, принадлежитъ ли узоръ самой ткани, или же онъ составленъ изъ нашитыхъ на одежду золотыхъ бляшекъ (πέταλα χρυσᾶ, bracteae), подобныхъ каковымъ немало доставили раскопки Императорской археологической коммиссіи на нашемъ югѣ.

[4]) Отч. Импер. арх. комм. 1878—79 гг., стр. 69.

[5]) *Pottier-Reinach* Nécrop. de Myrina, стр. 361.

мому, несовсѣмъ окончена: волосы и головной уборъ (?), обломокъ скалы, на которомъ спитъ въ полусидячемъ положеніи юноша, и плащъ, которымъ задрапированъ этотъ обломокъ, прилегающіе къ прислону бока фигуры и нижняя часть уцѣлѣвшей ноги оставлены вчернѣ, въ неотдѣланномъ видѣ.

Дополнить недостающія части было бы нетрудно: правая рука была, несомнѣнно, закинута вверхъ, за голову, и, можетъ быть, придерживала верхній конецъ плаща, спускающагося внизъ по отлогости скалы; правая нога, вытянутая впередъ, должна была упираться въ уступъ скалы, служившій подножіемъ для статуи и нынѣ также сохраняющій слѣды излома.

Фигура совершенно обнажена. Голова въ томъ неотдѣланномъ видѣ, въ какомъ дошла до насъ статуэтка, представляется покрытою чѣмъ то вродѣ плотно прилегающей шапки (πῖλος),—при окончательной обработкѣ, по всей вѣроятности, на мѣстѣ этой шапки оказались бы пряди и завитки волосъ. Лѣвая рука опирается на скалу. Фактура лица и тѣла тяжеловата, массы плохо расчленены и малоподвижны.

Какъ на весьма подходящую аналогію нужно сослаться на терракоттовую статуэтку изъ Мирины, изданную Поттье и Рейнахомъ (Nécrop. de Myr. табл. XXII, № 2). Большое сходство съ нашимъ Эротомъ можно также усмотрѣть въ мужской фигурѣ двухъ почти тождественныхъ миринскихъ терракотовыхъ группъ, толкуемыхъ тѣми-же издателями въ смыслѣ Діониса и Аріадны (тамъ-же, табл. XXV).

Давно замѣчено, что спящіе Эроты всегда бываютъ изображены лежащими или полулежащими на скалѣ[1]), большею частью на львиной (или вообще звѣриной) шкурѣ, иногда на плащѣ (χλαῖνα), причемъ весьма часто присоединяются аттрибуты, характеризующіе божество Сна, какъ-то ящерица, маковый стебель, рогъ и т. п., а какъ божество Сна сближалось въ представленіи древнихъ съ божествомъ Смерти, то и аттрибуты этого послѣдняго (наприм. опрокинутый

[1]) Значеніе этого признака доселѣ невыяснено. См. *Cartault* Terres cuites grecques, стр. LVII.

внизъ факелъ). Въ экземплярахъ, о которыхъ мы здѣсь трактуемъ, этихъ аттрибутовъ нѣтъ, но, что несмотря на то и эти экземпляры также могли имѣть примѣненіе въ погребальныхъ обрядахъ, это не можетъ подлежать сомнѣнію въ виду господствующей въ древности, — особенно же въ римское время, — тенденціи *«весьма тѣсно связывать между собою представленія о снѣ и смерти и даже просто отождествлять ихъ»*[1]). Древнее искусство часто возвращалось къ художественнымъ мотивамъ, пригоднымъ для *«наглядного выраженія той мысли, что смертный сонъ не отличается отъ обыденнаго сна человѣка»*[2]). И оттого не только спящій Эротъ, принявшій на себя мало по малу образъ божества Сна (Ὕπνος)[3]), но и спящая Аріадна принадлежитъ къ излюбленнымъ фигурамъ саркофаговъ римскаго времени.

Мы видѣли, что художественный типъ спящаго Эрота, ставшій символомъ вѣчнаго сна, возникъ и развился подъ воздѣйствіемъ миѳологическаго образа почившаго отъ дѣлъ Геракла. Въ свою очередь изображеніе упившагося и заснувшаго Геракла, обставленное вакхическими аттрибутами, стало также символомъ смерти, какъ погруженія въ «вѣчное опьяненіе» (αἰώνιος μέθη). Такимъ образомъ вся серія разсмотрѣнныхъ нами памятниковъ, несмотря на видимое ихъ различіе, находитъ свое единство въ болѣе или менѣе ясномъ и близкомъ отношеніи ихъ къ циклу представленій, связанныхъ съ Вакхомъ и его культомъ.

А. Деревицкій.
Д. чл. Общ.

---

[1]) *Стефани* въ Отч. Импер. арх. комм. 1874, стр. 21.

[2]) Тамъ-же.

[3]) *Roscher* Mythol. Lexic., Eros, ст. 1369 сл.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Исторія русско-крымскихъ отношеній вообще достаточно извѣстна; особенно это можно сказать о времени войнъ за Малороссію въ половинѣ XVII вѣка. Но съ окончаніемъ ихъ Бахчисарайскимъ трактатомъ наши отношенія къ Крыму теряютъ свой острый характеръ; поэтому они мало и подверглись историческому изученію, тѣмъ болѣе что послѣ крымскихъ походовъ времени правленія царевны Софіи, т.. е. уже при Петрѣ Великомъ, у насъ шли очень оживленныя сношенія съ самимъ Стамбуломъ, внѣшняя политика котораго въ значительной мѣрѣ обусловливала и внѣшнюю политику Крыма, какъ вассальнаго государства. Однако дипломатическія сношенія наши съ Крымомъ во время Соцарствія не прекращались, ибо внѣшняя политика Крыма относительно Руси не лишена была и самостоятельнаго характера, что обусловливалось и близкимъ ихъ сосѣдствомъ и предшествующими ихъ отношеніями; поэтому мелкіе дипломатическіе агенты разъѣзжали между Москвою и Бахчисараемъ. Дѣятельность этихъ агентовъ въ концѣ XVII в. вообще мало изучена; и потому очень интересны посылка въ Крымъ и пребываніе тамъ въ теченіе 1692—1695 г. Московскаго гонца Василія Айтемирева, статейный списокъ котораго даетъ не мало указаній, весьма не безъинтересныхъ для исторіи Россіи, и еще болѣе для исторіи Крыма.

Обстоятельства, при которыхъ былъ посланъ въ Крымъ гонцемъ Айтемиревъ, были слѣдующія:

Временное оживленіе Турціи въ третьей четверти XVII в. и ея содѣйствіе внѣшней политикѣ Людовика XIV вызвали противъ Турціи четверной союзъ: Австріи, Венеціи, Польши и Россіи. Борьба съ Турціей шла на всѣхъ ея европейскихъ границахъ: венеціанскій флотъ дѣйствовалъ въ Архипелагѣ, нападая и на Морею и Ливадію, австрійскія войска тѣснили турокъ на Дунаѣ, польскія—въ Подоліи; русскія же нападали на Крымъ. Невездѣ эта борьба была для союзниковъ удачна; особенно это можно сказать о дѣйствіяхъ русскихъ: предпринятые съ большими приготовленіями и торжественностью походы кн. Голицына, хотя они и достигли предположенной цѣли—отвлечь отъ Австріи и Польши татарскія орды, чѣмъ

было заплочено за признаніе, наконецъ, Рѣчью Посполитою Кіева русскимъ городомъ, сами по себѣ были, какъ извѣстно, неособенно удачны. Новое правительство, образовавшееся въ Москвѣ послѣ паденія царевны Софіи, при полной неспособности царя Ивана Алексѣевича и значительномъ индиферентизмѣ къ государственнымъ дѣламъ въ то время его младшаго брата царя Петра, не проявляло энергіи въ борьбѣ съ Турціей, тѣмъ болѣе что политика Рѣчи Посполитой не внушала ему большого довѣрія, а крымскіе походы значительно подорвали московскіе финансы. Въ то же время походы эти отозвались смутою и разложеніемъ въ Малороссіи, страдавшей какъ разъ въ это самое время отъ моровой язвы и саранчи; гетмана Мазепу, сильно вліятельнаго въ Москвѣ тогда по вопросамъ внѣшней политики, болѣе интересовала Паліивщина, чѣмъ дѣла крымскія; и московскіе бояре поэтому склонны были къ миру, почему въ 1690 — 1691 г. борьба Россіи съ Крымомъ, такъ сказать, замирала.

Неменѣе желали мира съ Москвою и въ Крыму, такъ какъ крымскія силы постоянно требовались султаномъ на Дунай и охрана Крыма была невсегда вполнѣ обезпечена, а въ 1690 г. здѣсь былъ тоже голодъ.

Скажемъ кстати, что такую же наклонность къ миру съ Крымомъ обнаруживала и Рѣчь Посполитая, не забывшая еще утраты лѣвобережной Малороссіи и Кіева, въ окрестностяхъ котораго какъ разъ въ это время разыгралась страшная для шляхты Паліивщина; старый же король Янъ Собѣскій занятъ былъ болѣе осуществленіемъ династическихъ плановъ, чѣмъ продолженіемъ своихъ, нѣкогда геройскихъ подвиговъ. Поэтому и на Подоліи борьба съ Крымомъ шла мелкая; Палій совершалъ правда набѣги на крымскія мѣста, но на свой страхъ и въ сущности тоже мелкіе. И лишь австрійцы и венеціанцы продолжали вести съ Турціей войну съ большимъ упорствомъ.

Повидимому, мирные переговоры Россіи съ Крымомъ началъ Мазепа. Узнавъ о сношеніяхъ съ Крымомъ Рѣчи Посполитой и опасаясь какихъ либо каверзъ, онъ послалъ въ 7199 г. гонца Пантелеймона Радича къ Крымскому хану Саадетъ Гераю, находившемуся въ Бѣлогородчинѣ, съ предложеніемъ, если онъ желаетъ мира, отправить для переговоровъ въ Москву пословъ. Въ то же время гетманъ сталъ удерживать запорожцевъ отъ нападеній на Крымъ, такъ что въ 1691 г. шли лишь мелкія пограничныя стычки.

Въ отвѣтъ на предложеніе Мазепы Саадетъ Герай послалъ (вѣроятно тоже изъ Бѣлогородчины) въ Москву гонца Кара Магмета агу съ объявленіемъ, что согласенъ мириться и даже за сторону турецкаго султана, если Москва станетъ въ прежнія отношенія къ Крыму, т. е., проще сказать, будетъ посылать въ Крымъ такъ наз. размѣнную казну, въ сущности дань. На такое предложеніе московское правительство не сочло возможнымъ

согласиться, ибо (какъ говоритъ Соловьевъ) въ Москвѣ и начали войну именно для того, чтобъ избавиться отъ прежнихъ условій; рѣшили дать иной отвѣтъ. Но отвѣтить хану было не легко, такъ какъ ни въ Крыму, ни въ Бѣлогородчинѣ его уже застать было нельзя: онъ ушелъ въ Венгрію. Магмета агу задержали пока въ Москвѣ, но съ хорошимъ содержаніемъ. Между тѣмъ, хотя ханъ и обѣщалъ Радичу, что во время переговоровъ прекратятся военныя дѣйствія, крымцы зимою $16^{91}/_{92}$ года продолжали набѣги на пограничные русскіе города — впрочемъ, безъ серьезныхъ результатовъ. Позднѣе они оправдывались задержаніемъ въ Москвѣ Магметъ аги и частью набѣгомъ на Очаковскія мѣста Палія, въ войскѣ котораго были и лично извѣстные нѣкоторымъ крымцамъ знатные казаки изъ Гетманщины.

Походъ въ Венгрію 1691 г. окончился неудачею, и ханъ вернулся въ Крымъ. Положительное извѣстіе объ этомъ есть въ статейномъ спискѣ Айтемирева, чѣмъ разрѣшается сомнѣніе В. Д. Смирнова (Крымское ханство, стр. 637): былъ ли Саадетъ Герай въ Крыму?

Узнавъ о томъ, изъ Москвы отправили въ 1692 г. наскоро для продолженія мирныхъ переговоровъ гонцемъ подъячаго Посольскаго Приказа В. Айтемирева. О посольствѣ его мы будемъ говорить сейчасъ же, а пока замѣтимъ, что, гдѣ находится обширный статейный списокъ Айтемирева, мы не знаемъ; въ Архивѣ же М. Ин. Дѣлъ хранится два отличныхъ съ него списка, современныхъ ему (рукописи №№ 81 и 82); вторымъ мы и воспользовались для настоящаго изданія списка; но въ основу изданія положенъ иной списокъ, тоже, кажется, современный и недурно сдѣланный, хранящійся въ библіотекѣ Троицко-Сергіевской Лавры (рукопись № 840, безъ перваго листа) и обязательно предоставленный во временное распоряженіе И. Одесск. Общ. Ист. и Древностей уважаемымъ его сочленомъ Арх. Леонидомъ (нынѣ покойнымъ). Такъ какъ этотъ списокъ все же былъ съ пропусками и кое въ чемъ не исправенъ, то Почетный Членъ Общества Бар. Ѳ. А. Бюлеръ любезно доставилъ Обществу списокъ изъ Арх. М. Ин. Дѣлъ, по которому нами и сдѣланы были въ настоящемъ изданіи дополненія и поправки; нѣкоторыя-же разночтенія указаны въ скобкахъ; но исправлять правописаніе списка Троицко-Сергіевской Лавры по списку Арх. М. Ин. Дѣлъ было-бы слишкомъ кропотливой и въ тоже время въ сущности малополезною работой, такъ какъ правописаніе обоихъ списковъ очень неправильное и прихотливое.

Указанія на статейный списокъ Айтемирева въ печати уже имѣются: имъ пользовался по рукописи Арх. М. Ин. Д. № 81. Соловьевъ, хотя извлекъ очень мало свѣдѣній (И. Р. XIV, изд. 1864 г., стр. 176 — 177, также стр. 157—158). Костомаровъ-же, сообщая нѣкоторыя свѣдѣнія о переговорахъ Айтемирева съ Крымцами (Мазепа стр. 87), пользовался не

статейнымъ спискомъ его, а дѣломъ объ отправкѣ Айтемирева, находящимся въ томъ же Архивѣ (Крымскія дѣла 1692 г., связка 146-я, нынѣшняя помѣта № 1), гдѣ есть отписки Айтемирева въ Москву, вошедшія въ статейный его списокъ; но свѣдѣнія, извлеченныя изъ отписокъ Айтемирева Костомаровымъ, еще менѣе значительны, чѣмъ находящіяся у Соловьева. Наконецъ, статейному списку Василія Айтемирева посвятили мы небольшой рефератъ, читанный на VIII Археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ и напечатанный въ Извѣстіяхъ Таврической Учен. Архивной Коммиссіи № 9.

Назначеніе В. Айтемирева въ крымскую поѣздку состоялось въ началѣ (8) февраля 1692 г., причемъ грамоты съ нимъ были отправлены на имя хана Саадетъ Герая, который въ то время пересталъ уже быть ханомъ (никакъ не позже начала января 1692 г., см. Смирновъ Крымское ханство, стр. 637), чего въ Москвѣ не знали; у руки Айтемиревъ былъ у царя Ивана Алексѣевича 20 февраля, у царя Петра 28 февраля, а съ Москвы отпущенъ 3 марта. Съ нимъ отправленъ былъ толмачъ Полуехтъ Кучюмовъ, 2 человѣка изъ свиты Магмета аги и нѣсколько русскихъ Проѣхавъ черезъ Сѣвскъ, Айтемиревъ прибылъ въ Батуринъ. Гетманъ зналъ уже о назначеніи Крымскимъ ханомъ Сафа Герая и о прибытіи его въ Крымъ и даже сообщилъ объ этомъ въ Москву въ Приказъ Малой Россіи, но счелъ неудобнымъ задерживать гонца въ Батуринѣ до измѣненія грамотъ въ виду сношеній Сафа Герая съ поляками.

Зналъ гетманъ и то, что о посылкѣ Айтемирева, чрезъ бывшихъ въ Москвѣ съ татарскимъ полономъ казаковъ, вернувшихся въ Батуринъ, стало извѣстно и въ Запорожьи, и поэтому принялъ мѣры, чтобы тамъ гонца не обидѣли.

Но все же Айтемиревъ пробылъ нѣсколько дней въ Батуринѣ въ ожиданіи пріѣзда канцеляриста, гадячскаго жителя Василія Велецкаго, назначеннаго Мазепой въ поѣздку въ Крымъ вмѣстѣ съ Айтемиревымъ, такъ какъ Московское правительство желало, чтобы Мазепа имѣлъ всѣ свѣдѣнія о переговорахъ.

Отпущены были Айтемиревъ и Велецкій изъ Батурина 24 марта и Гетманщиной и запорожскими мѣстами пріѣхали 9 апрѣля въ Сѣчь, гдѣ были на радѣ и сообщили тамъ о цѣли посольства. Запорожцы тотчасъ же (10 апрѣля) ихъ отпустили въ Крымъ съ провожатыми до Казыкерменя, гдѣ Айтемиревъ убѣдился въ сильномъ желаніи крымцевъ, не исключая и чиновнаго люда, мириться съ Россіею. Казыкерменскій бей отпустилъ ихъ безъ замедленія съ провожатымъ, но жаловался на задержку въ Москвѣ крымскаго гонца и предупреждалъ, что объ этомъ будетъ въ Крыму разговоръ. Это могло бы послужить Айтемиреву предсказаніемъ его будущихъ непріятностей.

Проѣхавъ черезъ Перекопъ (14—15 апрѣля), Айтемиревъ 18 апрѣля прибылъ на Альму и послалъ толмача своего съ извѣщеніемъ о пріѣздѣ въ Бахчисарай. Но гонца сперва отвезли въ Яшловъ — въ 4 в. отъ Бахчисарая, гдѣ обыкновенно жилъ такъ наз. размѣнный бей; его, впрочемъ, не было на лицо, такъ какъ онъ уѣхалъ на богомолье ко гробу Магомета; обязанности же его временно исполнялъ его сынъ. Айтемиревъ и Велецкій съ нимъ и въѣхали въ Бахчисарай.

Тамъ прежде всего потребовали отъ гонца поминокъ разнымъ сановникамъ; но поминокъ Айтемиревъ не привезъ (нѣсколько позже онъ далъ отъ себя размѣнному бею и еще кое кому гостинцы); потомъ его повезли къ ближнему ханскому человѣку (Алишъ агѣ), который вѣдалъ Московскія посольскія дѣла. Пошли переговоры обычнаго въ такихъ случаяхъ характера, причемъ гонецъ настаивалъ на личномъ представленіи хану. Ханъ его принялъ (20 апр.), и гонецъ справилъ свое посольство, какъ подобало, причемъ просилъ объ отправкѣ въ Москву пословъ для мирныхъ переговоровъ и о своемъ отпускѣ. Ханъ изъявилъ удовольствіе относительно переговоровъ о мирѣ и обѣщалъ отправить посла въ Москву, а его отпустить. Но, когда крымцы разобрались въ присланныхъ изъ Москвы мирныхъ условіяхъ, они нашли ихъ такими непотребными, что ихъ невозможно Крымскому юрту вслухъ объявить; хану тоже условія мира не понравились. Возбуждали общее неудовольствіе слѣдующія статьи:

2-я, въ которой Московское правительство требовало передачи Гроба Господня грекамъ отъ французовъ (получившихъ его незадолго до того въ благодарность за помощь туркамъ въ борьбѣ съ Австріей).

3-я, гдѣ рѣчь шла о безвыкупномъ обмѣнѣ плѣнныхъ, — такъ какъ въ Крыму ихъ было значительно больше, чѣмъ въ Москвѣ.

4-я, о неприсылкѣ размѣнной казны. Объ этомъ крымцы и слышать не хотѣли, обвиняя предложившихъ царямъ эту мѣру бояръ чуть не въ измѣнѣ, представляя по поводу этой казны цѣлую историческую справку и грозя за казну войною Москвѣ—съ указаніемъ, что послѣдствія ея не могутъ быть для Москвы и Крыма одинаковы.

Когда Айтемиревъ заговорилъ о взаимныхъ поминкахъ, крымцы и и на это не согласились.

Наконецъ, 8-я статья, чтобъ впредь мирные переговоры велись не въ Крыму, а въ Москвѣ.

Словомъ, ханъ и крымцы были недовольны, что Москва поставила *новыя* условія, предлагая быть въ мирѣ и дружбѣ *по прежнему*.

Какъ въ началѣ переговоровъ, такъ и постоянно впослѣдствіи, Айтемиревъ указывалъ, что это лишь московскія предложенія, вовсе не имѣющія характера ultimatum'а, и что все выяснится крымскимъ въ Москву посольствомъ.

Крымцы сперва на посольство соглашались, въ виду требованія султана итти въ Венгрію на войну, и не скрывали, что желаютъ мира съ русскими, хотя и храбрились, что у нихъ все еще останется достаточно войска для обороны Крыма.

Но окончательное ханское рѣшеніе послѣдовало еще нескоро, и русскіе въ ожиданіи его жили въ Бахчисараѣ. Наконецъ ханъ рѣшился въ началѣ мая итти въ Венгрію; въ Москву же для переговоровъ онъ предполагалъ послать вмѣстѣ съ Айтемиревымъ Мубарекшу мурзу Сулешова, уже въ Москвѣ бывавшаго. Гонцу приказали переѣхать въ Яшловъ, куда къ нему пріѣхалъ Сулешовъ для выясненія себѣ положенія дѣлъ. Узнавъ объ условіяхъ, Сулешовъ тоже сталъ недоволенъ и пригрозилъ, что ханъ уйдетъ на войну, а Айтемиреву прійдется оставаться въ Крыму, причемъ Сулешовъ кстати припомнилъ нелюбезный ему пріемъ въ Москвѣ и задержку Магмета аги; пошли обычныя въ такихъ случаяхъ пререканія.

Скоро Айтемиреву было объявлено, что онъ пойдетъ съ ханомъ въ Перекопъ, откуда и будетъ отпущенъ съ Сулешовымъ въ Москву. Онъ сталъ ждать этого. Но произошло обстоятельство, все измѣнившее.

Въ это самое время появился въ Крыму извѣстный Петрикъ. Намъ нѣтъ цѣли останавливаться на его исторіи (см. Костомарова: Мазепа) и мы приведемъ здѣсь лишь то, что непосредственно относится къ посольству Айтемирева, который уже видѣлъ Петрика въ Запорожьи. Не поднявъ Сѣчи, Петрикъ въ началѣ мая 1692 г. ушелъ въ Крымъ, распуская слухи о неудовольствіи въ Гетманщинѣ и Запорожьи противъ Мазепы.

Ханъ, дошедшій до Перекопа, пригласилъ на совѣтъ крымскихъ вельможъ, предварительно, впрочемъ, вызвавъ и Айтемирева, которому все же говорили, что его позднѣе отпустятъ; 17 мая состоялась рада (на Думномъ курганѣ въ 5 в. отъ Перекопа), и приговорили немедленно писать къ султану о Гробѣ Господнемъ и ждать указа (приблизительно черезъ мѣсяцъ), послѣ чего отпустить Сулешова и Айтемирева въ Москву. Ханъ ушолъ на войну, Сулешовъ уѣхалъ домой, а Айтемирева приказано было отвезти въ Бахчисарай, и ему даже не позволено было дать о себѣ извѣстіе въ Москву и испросить дальнѣйшихъ указаній.

Нечего и пояснять, что вопросъ о Св. Гробѣ послужилъ лишь предлогомъ (о немъ болѣе и не вспоминается), а въ сущности крымцы ждали результата затѣй Петрика, оставшагося въ Крыму. Айтемиревъ отлично это понималъ, да и самъ Петрикъ говорилъ о томъ Велецкому, тщетно переманивая его на свою сторону.

22 мая 1692 г. перевезли Айтемирева въ Жидовскій городокъ, т. е. въ Чуфутъ Кале, гдѣ ему пришлось оставаться до весны 1695 г., т. е. почти три года.

Статейный списокъ даетъ намъ изложеніе дальнѣйшихъ безконечныхъ переговоровъ Айтемирева съ крымцами. Чуть онъ получитъ какое либо извѣстіе, или такъ — по прошествіи долгаго промежутка времени, Айтемиревъ шлетъ къ какому-либо изъ крымскихъ вельможъ своего толмача, прося о свиданіи, которое иногда и получаетъ, причемъ разговоръ вертится въ прежнемъ кругу. Айтемиревъ жалуется на обращеніе съ нимъ, но получаетъ отвѣтъ, что такъ и въ Москвѣ обходятся съ крымцами—съ указаніемъ на задержаніе Магмета аги, а позднѣе еще и на задержаніе Ибраима мулы, посланнаго въ украинскіе города будто-бы для переговоровъ, а въ дѣйствительности для уговоровъ пристать къ Петрику. Жалуется Айтемиревъ и на плохіе кормы, изъ-за чего ему пришлось продать почти всѣхъ своихъ лошадей, на недостатокъ воды и пр.

Хотя въ наказахъ лицамъ, карауливщимъ Айтемирева, и говорилось, чтобы къ нему никого не пускать, но онъ постоянно получалъ извѣстія: то въ церкви отъ греческаго митрополита, или отъ пріѣхавшихъ запорожцевъ, то на базарѣ слуги его что-либо слышали, то какой-либо купецъ, малороссъ или еврей (караимъ), тайно проникалъ къ нему, да и самые охранители его, а иногда и вельможи, вѣроятно за поминки, дѣлились съ нимъ новостями, о чемъ мы, впрочемъ, еще будемъ говорить.

Мало этого, Айтемиревъ и Велецкій находили способы черезъ запорожцевъ или купцовъ пересылать въ Москву и Батуринъ обширныя (иногда шифрованныя) отписки, которыя приводятся въ статейномъ спискѣ. Иногда эти передатчики и попадались и, конечно, платились за это.

Въ числѣ вѣстей, полученныхъ Айтемиревымъ въ концѣ іюня 1692 года, было извѣстіе о предстоящей смѣнѣ непопулярнаго въ Крыму хана Сафа Герая, которая произошла позже. Между тѣмъ Петрикъ съ калгою подступили къ Сѣчи, которая въ цѣломъ не пристала къ нимъ, но охотниковъ не удерживала. Петрикъ перешелъ уже р. Самару и пограбилъ здѣсь городки; но дальнѣйшимъ дѣйствіямъ помѣшали крымскія событія. Русскія войска тогда въ походъ не выступали, хотя въ Крыму этого ждали постоянно, и лишь донцы грабили крымскія побережья, доплывая до Балаклавы.

Ссоры хана съ вельможами, бывшими съ нимъ въ походѣ, дошли до того, что отправлено было прошеніе къ султану о смѣнѣ хана, находившагося тогда въ Киліи, и крымскія войска разошлись. Тогда Сафа Герай отозвалъ калгу изъ похода на Русь въ Крымъ, но здѣсь онъ нашелъ уже полный мятежъ *). Вельможи на совѣтѣ въ Карасу постановили изгнать

*) Позднѣе Айтемиревъ показалъ въ Посольскомъ приказѣ, что поводомъ для сверженія Сафа Герая было желаніе его монополизировать торговлю коровьимъ масломъ въ Крыму. Желая торговать имъ съ Стамбуломъ, ханъ запретилъ покупать его другимъ лицамъ.

калгу и ханскихъ женъ въ Турцію, причемъ взяли для этой цѣли въ Балаклавѣ корабль, который предполагалъ везти въ Стамбулъ пшеницу. Калга, впрочемъ, бѣжалъ въ Каѳу. Съ Петрикомъ же бунтовщики поладили.

9 августа Сафа Герай и его ближніе взяты были въ Стамбулъ, а въ сентябрѣ уже въ Крыму говорили о предстоящемъ назначеніи ханомъ прежняго хана Селимъ Герая, что и исполнилось. Оффиціальныя извѣстія объ этомъ получены были въ Крыму въ концѣ октября, а ханъ явился въ Крымъ лишь въ началѣ декабря.

Айтемиревъ снова началъ свои безконечные и въ сущности безполезные переговоры съ крымцами, а въ это время, т. е. въ началѣ 1693 г., состоялся второй походъ Петрика съ Нурединомъ-султаномъ на Малороссію.

Хотя Селимъ Герай, видимо, не прочь былъ помириться съ Москвою, а крымцы и подавно, но все же они ждали результата похода Петрика; онъ былъ еще менѣе удаченъ, чѣмъ первый, кромѣ того, конечно, что татары взяли значительный полонъ. Нѣкоторыя надежды имѣлъ ханъ и на набѣги калмыковъ на московскія границы, но явно поддерживать калмыковъ не рѣшался.

Къ веснѣ 1693 года султанъ снова потребовалъ отъ Крыма помощи въ австрійской войнѣ. Ханъ пошелъ самъ (въ маѣ), оставивъ Айтемирева по прежнему въ Чуфутъ-Кале; мало того, за арестованнаго во время 2-го похода Петрика Ибраима мулу задержали было и новаго, присланнаго Мазепою съ царскими грамотами, посланца — казака прилуцкаго полка Петра Волошенина. Но затѣмъ крымскій каймаканъ тайно, кажется, желая ускорить дѣло заключенія мира съ Москвою, отпустилъ этого казака къ Мазепѣ съ объясненіемъ, что Айтемиревъ и Велецкій задержаны за Магмета агу и Ибраима мулу, и, если возвращенъ будетъ первый, то изъ Крыма отпустятъ Айтемирева, если же второй — Велецкаго. О такомъ рѣшеніи Айтемиревымъ сообщено было и въ Москву.

Крымцы вернулись съ войны въ началѣ 1694 года, причемъ ханъ уѣхалъ въ Адріанополь, гдѣ у турокъ велись переговоры съ польскими послами, не приведшіе, однако, къ благопріятному результату въ виду большихъ требованій со стороны Рѣчи Посполитой. По разрывѣ переговоровъ въ мартѣ ханъ вернулся въ Крымъ.

Во время адріанопольскихъ переговоровъ Петрикъ совершилъ 3-й набѣгъ — подъ Переяславъ — съ такими, какъ и прежде, результатами.

Пріѣздъ хана не произвелъ измѣненія въ судьбѣ Айтемирева, а въ половинѣ іюня 1694 года ханъ снова ушелъ на войну въ Венгрію; но въ это время вернулись изъ Москвы Магметъ ага и Ибраимъ мула. Отпущены они были по письмамъ Айтемирева еще весною и могли бы застать хана, но въ Сѣчи запорожцы продержали ихъ 60 дней.

Хотя возвращеніе задержанныхъ въ Москвѣ лицъ и удовлетворяло крымцевъ, но, за отсутствіемъ хана, вопросъ объ отпускѣ Айтемирева затянулся: нужно было писать къ хану, догоняя его на пути въ Венгрію, и ждать его отвѣта. Ханъ распорядился: ждать его возвращенія, а татары снова пошли на Русь (въ августѣ 1694 г.), къ Донцу, но вернулись безъ добычи, такъ какъ они получили извѣстіе (впрочемъ, ложное) о походѣ русскихъ на Казыкерменъ и надо было охранять Перекопъ.

Походъ на Австрію 1694 г. былъ особенно неудаченъ, и извѣстія о потеряхъ вызвали въ Крыму бурю. Дума потребовала, чтобъ Селимъ Герай вернулся въ Крымъ и жилъ здѣсь, не ходя болѣе на войну, если желаетъ сохранить за собою престолъ; вмѣстѣ съ тѣмъ дума отказала въ помощи лицамъ, замышлявшимъ нападеніе на Русь въ началѣ 1695 г.

Въ половинѣ февраля этого года ханъ вернулся въ Крымъ. Пошли у него сужденія съ вельможами о разныхъ дѣлахъ, въ томъ числѣ и о московскихъ, и лишь 7 апрѣля Айтемиреву удалось покинуть Чуфутъ-Кале, 19-го апрѣля Крымъ и 21-го татарскія владѣнія, и то безъ ханской аудіенціи и при всяческихъ притѣсненіяхъ. Онъ везъ съ собою отказъ крымцевъ мириться на предложенныхъ Москвою условіяхъ, причемъ въ Крыму уже весною 1695 года знали о приготовленіяхъ царя Петра къ Азовскому походу.

Безъ особенныхъ приключеній нѣсколько иною дорогою проѣхалъ Айтемиревъ Малороссію и явился въ Батуринъ. Бесѣдой съ Гетманомъ Мазепою статейный списокъ Айтемирева и оканчивается, и къ нему приложенъ лишь, въ спискѣ Троицко-Сергіевской Лавры, переводъ письма хана къ царямъ, сдѣланный 30 мая въ Посольскомъ приказѣ и въ іюнѣ чтенный государямъ. Въ спискахъ Арх. М. Ин. Дѣлъ этого письма нѣтъ, но оно находится въ рукописи, заключающей крымскія дѣла 1695 г., т. е. именно дѣло о возвращеніи Айтемирева. Изъ этого дѣла видно, что Айтемирева о многомъ разспрашивали въ Посольскомъ приказѣ, записывая его показанія. Но въ общемъ они не расходятся съ свѣдѣніями, даваемыми статейнымъ его спискомъ, развѣ есть еще какія либо мелкія подробности, напр. относительно получавшагося русскими въ бытность ихъ въ Чуфутъ-Кале содержанія, причемъ приведены и цѣны продуктовъ (хлѣба, дровъ и пр.). Изъ этого дѣла взяли мы выше подробность, что въ низверженіи Сафа Герая важное значеніе имѣло желаніе его монополизировать въ Крыму торговлю коровьимъ масломъ.

Есть нѣсколько данныхъ о крымскихъ укрѣпленныхъ мѣстахъ: Казыкерменѣ, Перекопѣ и др.

Айтемиревъ просилъ государей о наградѣ за службу и за трехгодичный плѣнъ. Приказъ съ этою цѣлью сдѣлалъ выборку изъ его статейнаго списка и представилъ государямъ. Въ сентябрѣ того-же 1695 г. состоялся

приказъ о награжденіи Айтемирева ста рублями (огромная сумма по тому времени), но съ оговоркою, что это дѣлается не въ примѣръ для другихъ *).

Какъ мы сказали выше, Айтемиревъ въ бытность свою въ теченіе 3-хъ лѣтъ въ Крыму, не смотря на желаніе татаръ изолировать его въ Чуфутъ-Кале, былъ внимательнымъ наблюдателемъ всего, тамъ происходившаго; неменѣе усердно собиралъ онъ всяческія извѣстія о Крымѣ и сосѣднихъ земляхъ для сообщенія въ Москву въ своихъ отпискахъ. Поэтому его статейный списокъ заключаетъ громадное количество всевозможныхъ свѣдѣній, иногда имѣющихъ большую цѣнность. Мы ограничимся, впрочемъ, здѣсь лишь указаніемъ, къ какимъ вопросамъ преимущественно относятся сообщаемыя Айтемиревымъ свѣдѣнія.

Главная масса ихъ относится, разумѣется, къ Крыму. Здѣсь мы имѣемъ свѣдѣнія о разныхъ политическихъ событіяхъ временъ Саадетъ, Сафа и Селимъ Гераевъ, притомъ еще неизвѣстныя историкамъ; по крайней мѣрѣ ихъ нѣтъ въ обширномъ сочиненіи В. Д. Смирнова о Крымскомъ ханствѣ; кое что по даннымъ Айтемирева можетъ быть опредѣлено точнѣе, чѣмъ это сдѣлалъ г. Смирновъ.

Затѣмъ укажемъ на обиліе свѣдѣній, относящихся къ сношеніямъ Крыма (и на порядокъ этихъ сношеній) съ Москвою, Гетманщиной, Запорожьемъ, Польшею, участіе Крыма въ войнѣ съ Австріей, причемъ говорится напр. о военныхъ дѣйствіяхъ въ Сербіи. Но, что еще важнѣе, передъ нами вполнѣ обрисовывается Крымъ, его государственный и общественный строй, его государственные люди (и распредѣленіе между ними обязанностей: московскія дѣла вѣдалъ одинъ бей — непремѣнно изъ Сулешовыхъ, польскія — другой и пр.), ихъ корыстолюбіе, погоня за поминками, ничтожное ихъ политическое развитіе (напр. въ разговорахъ объ отношеніяхъ между Россіей и Польшею), высказывавшееся въ ихъ бесѣдахъ съ Айтемиревымъ, иногда сопровождавшихся съ обѣихъ сторонъ колкостями и острословіемъ, причемъ крымцы угощали Айтемирева кагвею (т. е. кофе), а онъ ихъ виномъ, военныя силы и ихъ содержаніе (много о султанскомъ жалованіи), способы обороны Крыма, финансовое устройство, крымскія деньги и пр. Передъ нами проходятъ набѣги крымцевъ на Россію и Польшу и даются свѣдѣнія объ огромномъ количествѣ плѣнныхъ при этомъ лицъ, затѣмъ о размѣнѣ плѣнныхъ. Очень много данныхъ имѣемъ мы для положенія въ Крыму невольниковъ, преимущественно русскихъ, на ихъ выкупъ

---

*) Позднѣе В. Айтемиревъ дослужился до дьячества и въ 1696 — 1704 гг. сидѣлъ въ Сибирскомъ приказѣ; см. Древн. Вивл. XX, стр. 397.

русскими, поляками, австрійцами, даже на бунтъ невольниковъ (въ Балаклавѣ); на выкупъ плѣнныхъ татаръ въ Малоросіи; много указаній и на торговыя сношенія съ Турціей (пшеница и масло), Польшей (одежды), Запорожьемъ (рыба, соль и пр.), Малороссіей (вино), въ томъ числѣ харьковскимъ полкомъ Слободской украины, Калмыками (кони), причемъ калмыки посылали коней на продажу и въ Бѣлогородчину, гдѣ также вымѣнивали на нихъ польскій полонъ (женъ и дѣтей). Айтемиревъ подробно говоритъ о крымскихъ (точно также о малорусскихъ и запорожскихъ) трактахъ, исчисляя ихъ въ миляхъ, сообщаетъ названія урочищъ (Кудеярова могила около Бахчисарая, Думный курганъ возлѣ Перекопа и пр.), и вообще здѣсь можно найти немало указаній для крымской топографіи, напр. для знакомства съ Казыкерменомъ, Перекопомъ, Бахчисараемъ и другими крымскими городами.

Отмѣтимъ еще, что Айтемиревъ иногда даетъ цѣлыя картины, напр. ханскаго пріѣзда, выѣзда, или пріема, присылки хану отъ султана даровъ; особенно любопытны изображенія той суматохи, которая неразъ подымалась въ Крыму, во время пребыванія тамъ Айтемирева, при извѣстіи о приближеніи русскихъ войскъ, прихода которыхъ въ Крыму страшно боялись, хотя иногда такая тревога бывала и ложною: разъ подобную суматоху вызвали подошедшія къ Перекопу дикія лошади, бродившія тогда по степямъ великими стадами.

Укажемъ еще и на немногочисленныя, правда, свѣдѣнія относительно жившихъ въ Крыму грековъ (и на христіанскія церкви возлѣ Бахчисарая), армянъ, евреевъ, т. е., конечно, караимовъ.

Сообщены Айтемиревымъ факты, важные и для сосѣднихъ съ Крымомъ земель, напр. для Бѣлогородчины; для насъ было очень интересно показаніе, что дорога изъ Очакова въ Аккерманъ шла чрезъ мѣсто, которое названо Кучюбей*), конечно Хаджибей — предшественникъ нынѣшней Одессы. Это было мѣсто очень опасное вслѣдствіе казачьихъ набѣговъ «и малыми людьми проѣхать отнюдь не мочно».

Въ Бѣлогородчинѣ было немало гяурскихъ деревень, впрочемъ болѣе волоскихъ, т. е. румынскихъ.

Пропускаемъ нѣсколько указаній относительно Молдавіи и Валахіи, Сербіи, Австріи, Турціи и Венеціи, такъ какъ здѣсь не такъ много интереснаго; но не можемъ не отмѣтить завоеванія венеціанцами турецкаго, но населеннаго греками острова, названнаго въ статейномъ спискѣ Сокизъ, о которомъ Айтемиревъ говоритъ очень подробно въ виду его торговаго значенія. Судя по позднѣйшему показанію Айтемирева въ Посольскомъ приказѣ

*) Въ спискѣ Троиц. Сергіев. Лавры Акучюбей.

— это островъ Хіосъ *) который, впрочемъ, скоро турками былъ отобранъ у венеціанцевъ. Не безъ нѣкотораго удивленія, которое онъ раздѣляетъ съ крымцами, разсказываетъ Айтемиревъ, что венеціанцы, когда къ острову подошелъ турецкій корабль съ великими товарами, шедшій изъ Египта въ Константинополь, отпустили его безъ задержанія, взявъ лишь установленную пошлину.

Есть свѣдѣнія интересныя и для исторіи Польши, напр. разсказывается о татарскихъ набѣгахъ этого времени, о пріятелѣ крымскаго хана Синявскомъ и пр.

Но какихъ свѣдѣній у Айтемирева особенно много — это тѣхъ, которыя касаются исторіи Малороссіи. Отмѣтимъ прежде всего многія указанія на набѣги Палія на татарскія владѣнія, причемъ набѣги эти достигали Приднѣстровья; такъ Палій разорилъ въ 1694 г. Ханскій Кишлавъ т. е. Кишиневъ, Маяки и др. села. Мы указывали уже, что съ Паліемъ бывали люди изъ Гетманщины.

Еще болѣе подробностей, чѣмъ о Палія, имѣемъ о Петрикѣ: о его пребываніи въ Крыму, гетманствѣ и его набѣгахъ, причемъ многіе факты, повидимому, еще не были извѣстны, напр. 3-й набѣгъ Петрика подъ Переяславъ, пребываніе его въ концѣ жизни въ Кагарлыкѣ и др. Узнаемъ и фамилію Петрика — Сулима; по крайней мѣрѣ такъ онъ называлъ себя въ Крыму.

Есть свѣдѣнія и о еще болѣе загадочномъ казацкомъ гетманѣ изъ Крыма-жъ — Стецькѣ, о которомъ вскользь упоминаетъ Костомаровъ («Мазепа» стр. 77), называя его Стецикомъ. Въ 1693 — 1695 г. онъ держался въ Кагарлыкѣ, гдѣ Петрикъ былъ у него за писаря (Показаніе Айтемирева въ Посольскомъ приказѣ).

Много свѣдѣній имѣемъ и о запорожцахъ, ихъ торговыхъ сношеніяхъ съ Крымомъ, набѣгахъ и пр.; но все это болѣе или менѣе общеизвѣстно. Хотя Айтемиревъ былъ въ Сѣчи, и даже на радѣ, но ихъ не описываетъ интереснѣе развѣ тѣ мѣста статейнаго списка, гдѣ говорится объ отношеніяхъ къ запорожцамъ гетмана Мазепы. Отмѣтимъ и вообще указанія на недовольство въ Малороссіи Москвою.

Для исторіи Московскаго государства любопытнаго матерьяла здѣсь мало; укажемъ развѣ на переговоры съ Турціей, особенно по вопросу о Гробѣ Господнемъ, кажется первые, вызванные обращеніемъ къ царямъ іерусалимскаго патріарха Досиѳея.

---

*) Ср. въ Просвинитаріѣ Арсенія Суханова (Странникъ 1890 г. № 1, стр. 160): .... «а видѣть ученилось Хій, а по турски Сакыз»....

Есть, впрочемъ, свѣдѣнія, касающіяся Дона, а именно о нападеніи донскихъ казаковъ на Крымъ,—до самой Балаклавы, а также о раскольникахъ, ушедшихъ съ Дона подъ руку Крымскаго хана.

Укажемъ еще на калмыковъ, съ которыми у крымцевъ были оживленныя политическія и торговыя сношенія. Крымъ заступался за калмыковъ передъ Московскимъ правительствомъ; въ свою очередь калмыки ходили съ крымцами въ венгерскіе походы.

Отмѣтивъ еще упоминаемыхъ Айтемиревымъ кумыцкихъ черкесовъ и имеретинцевъ, мы и закончимъ этимъ краткое обозрѣніе сообщенныхъ имъ свѣдѣній, надѣясь, что и сказаннаго вполнѣ достаточно для указанія на важность его статейнаго списка.

Алексѣй Маркевичъ.

Списокъ съ статейнаго списка подьячего Василія Аитемирева, посыланнаго въ Крымъ съ предложеніемъ мирныхъ договоровъ.

$\frac{7200}{1692}$ февр. 8 — $\frac{7203}{1695}$ апр.

Лѣта 7200-го февраля въ 8 день по указу великихъ Государеи Цареи і великихъ князеи Іоанна Алексѣевича Петра Алексѣевича всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержцевъ Государственного посолского приказу подячему василію Аитемиреву велено ѣхать съ ихъ великихъ Государеи грамотою въ Крымъ к Крымскому Саадетъ гирѣю хану в гонцехъ.

И с Москвы ѣхати ему на Сѣвескъ и из Сѣвска малоросійскими городами до Батурина. И быти ихъ Царского величества у подданного воиска запорожского обоихъ сторонъ Днепра у Гетмана у Івана Степановича Мазепы.

А об отпускѣ ево васильеве в Сѣвскъ к окольничему і воеводамъ ко князю Ѳедору Юрьевичю Борятинскому с товарищи и к Гетману Івану Степановичю посланы с нимъ васильемъ ихъ великихъ Государеи грамоты.

Да в тои же великих Государеи к гетману грамоте запечатаны с ихъ великихъ Государеи грамоты и с статеи списки, каковы с нимъ васильемъ в Крымъ посланы. А для толмачества посланъ сним толмачь Полуехтъ Кучюмовъ;

Да с нимъ ж Васильемъ отпущено с Москвы Крымского гонца Магметь аги татар два человѣка, одинъ Бѣлогородцкой орды—Аюкора, а другои ево магметев челядникъ—Кеналко;

Великихъ Государеи у руки на отпускѣ василеи былъ

У великого Государя Царя и великого князя Іоанна Алексѣевича всеа великия і малыя і бѣлыя росиі самодержца февраля въ 20 день (в суботу) в недѣлю великого поста—вверху во время шествія от церквы Архангела Михаила предъ свтою црквою.

У великого Государя Царя и великого князя Петра Алексѣевича всеа великия и малыя и бѣлыя росиі Самодержца февраля въ 28 день в хоромех въ недѣлю 4 поста.

С Москвы поѣхал Марта въ 3 день в четверток 4 недѣлю в Сѣвескъ приѣхал и великихъ Государеи грамоту околничему и воеводамъ князю Ѳедору Юрьевичю подалъ Марта въ 12 день.

В Батурин приѣхалъ и великихъ Государеи з грамотою у гетмана Ивана Степановича на приѣзде былъ Марта въ 18 день.

И гетманъ Иванъ Степановичь, приняв тое ихъ великихъ Государеи грамоту і целовав в печать, імъ великимъ Государемъ запревысочаишую іхъ монаршескую милость бил челом съ великіим блгодарствованием;

а потомъ, тоѣ великихъ Государеи грамоту і в неи положенные з грамоты ис статеи списки прочетъ, спрашивал у василья: о сеи от ихъ Царского Величества вкрымъ посылке к нему гетману, чтоб запорожским козакомъ было о томъ вѣдомо, или не вѣдомо, с нимъ Васильемъ что наказано ли, потому что де в грамоте великихъ Государеи, с нимъ Васильем присланной, ни чего о томъ ненаписано; А велено де толко учинить ему об отпуске его Васильеве в Крымъ на которые мѣста пристоино и опосылке с нимъ человѣка своего по ево гетманскому разсмотренію;

И Василеи гетману Івану Степановичю говорилъ, что особого ихъ Царского Величества указу иникакова словесного приказу кнему Гетману онъ Василеи о томъ неимѣетъ, а учинилъ бы онъ гетманъ о томъ по ихъ великихъ Государеи грамоте, какъ ему указано, и по своему разсмотренію.

И гетманъ Іванъ Степановичъ говорилъ, что ему оттого есть великая трудность, потому что де о намѣреніи того посолства к какому поведенію оно творится подлинно ему гетману невѣдомо, і естьли де ево Василья отпустить, чтоб запорожцомъ необьявляя, а они запорожцы какимъ любо случаемъ увѣдаютъ, а которые в нынешнемъ времяни со взятыми в полонъ татарами были на Москвѣ, и приѣхали в Батуринъ преже ево Васильева приѣзду, и тѣ запорожцы о тои в Крымъ посылке чаять уже и вѣдаютъ и ему гетману будетъ втомъ от нихъ запорожцовъ немалое подозрѣніе, и опасенъ онъ, чтоб они запорожцы шатостію і непостоянствомъ своимъ в дороге гдѣ какова ему Василю зла неучинили, а буде отпустить ево на запорожье, и тогдаб предвеликими Государи пред ихъ Царскимъ Величествомъ в чемъ не погрешить і ненавесть бы на себя іхъ Государского гнѣву.

Гетманъ ж Іванъ Степановичь Василю говорил, когда де уже великие Государи ихъ Царское Величество соизволили съ крымскимъ ханомъ імѣть миръ, для чего онъ Василеи і послан, а грамота де іхъ Государская писана к Саадетъ Гирѣю хану, а ныне де тотъ Саадетъ Гирѣи ханъ с крымского ханства переменен, а учинен на ево мѣсто новои Сафатъ Гирѣи ханъ і уж обрѣтаетца ныне в крыму подлинно, о котором хане чаетъ онъ гетманъ что і на Москвѣ в приказе малыя росіі [чрез присланных от него гетмана взятыхъ в полонъ татаръ] вѣдомо; и добро бы, чтоб та іхъ Царского Величества грамота была с нимъ Васильемъ на ево Сафатъ Гирѣево

имя, потому что та от ихъ Царского Величества присылка велмиб ему хану была приятна и потребна, iв посолствеб ево поступокъ і во всемъ поведение доброе, какъ онъ гетманъ свѣдомостеи применяется к тому, что корол полскои крѣпко желателен с крымомъ быть в дружбе, и ища того: когда нынешнеи Сафатъ Гирѣи ханъ шолъ изъ венгерскои земли в крымъ и тогда полскои посолъ упреждая дружелюбиемъ встрѣтилъ ево хана, и на ханстве ему поздравил еще в дороге в Белегородчине и когда на то ихъ хитрое привѣтствование татаровя склонятца і ѳакцыями ихъ будутъ союзъ имѣть лутче с поляки, нежели з здѣшнею стороною, і естьлиб к великимъ Государемъ ему гетману о присылке iхъ Царского Величества грамоты нынешняго Сафатъ Гирѣево имя к москве писать, а емуб Василью того в Батурине дождиатца, і в задержании ево в Батурине потому-ж онъ гетманъ опасенъ для того, что тому ево гетманскому гонцу в нынешнее вешнее время за водными переправами и за грязми к москве и назадъ с москвы отнюдъ невозможно поспѣшить скорыми днями.

И Василеи ему гетману говорил, что великие Государи по превысокои своеи Государскои к нему гетману милости полагаютъ сию ево посылку какъ о томъ доступить въ его гетманское iсправление.

И гетман Іванъ Степановичь говорил, что онъ по ихъ великихъ Государеи указу о томъ какъ возможно, надѣясь на ихъ монаршеское милосердие и полагаясь во премудрое ихъ разсуждение, слѹжа им великимъ Государемъ, будетъ імѣть о томъ свое радѣние и попечение сколко Господь Богъ помощи подастъ, и отпуститъ онъ ево василя въ Крымъ на запорожье, и надѣетца он гетманъ, что запорожцомъ покажется то, что он посланъ на сѣчю от великихъ Государеи въ милость; і от него гетмана в любовъ. А к тому ж от великихъ Государеи посылаетца к нимъ iхъ Царского величества жалованье, а от него гетмана борошно, и когда онъ василеи в сѣчю приѣдетъ и онъ бы тогда имъ запорожцомъ о томъ ихъ Государскомъ жалованье, и о борошне сказал, что будетъ к нимъ после ѣво вскоре, и они де услышавъ наипаче будутъ о томъ радоватис и ему василю в проѣзде ево никакие помѣшки чинить не будутъ;

а человѣка де своего от себя он гетманъ с нимъ василемъ пошлетъ, толкоб онъ василеи ему гетману обявилъ того человѣка ему для чего с нимъ послат велено и что ему тамъ дѣлать.

І василеи говорил, что великие Государи указали ему гетману человѣка от себя с нимъ васильемъ послать млсрдуя к нему гетману, чтоб та посылка какимъ въ крыму будетъ поведениемъ чинитись, тѣмъ его человѣкомъ вѣдома была ему гетману подлинно, и по ихъ великихъ Государеи указу ему василю наказано с тѣмъ ево человѣкомъ поступать любовно. И что о ихъ великихъ Государеи дѣлех учнет в крыму чинитис, того от него нескрывать і о всемъ сказывать, і о всяких вѣдомостяхъ провѣдывать с

нимъ обще, и что он гетман Іванъ Степановичь приказалъ тому своему человѣку, ково с нимъ пошлетъ, о ихъ Государскихъ дѣлех будучи с нимъ в крыму радѣть и промышлять со всякимъ прилежанием.

И гетманъ Іванъ Степановичь говорил, что де о тои ево васильеве в крымъ посылке, и чтоб с нимъ быт і ево гетманскому человѣку, слышал онъ гетманъ прежде ево в Батуринъ приѣзду от столника и полковника от Івана Цыклера, и потои вѣдомости назначилъ он гетманъ быть с нимъ васильемъ в тои посылке канцеляристу своему гадицкому жителю василью велецкому, и уже по него в Гадичъ и послано, и будетъ вскоре, и онъ бы василеи ево в Батурине дождался, да онъ же гетманъ до турского города Казыкерменя пошлетъ с нимъ василемъ казака доброго і бывалого, которои бы о проѣзде ево чрезъ запороже и о приеме в Казыкермене могъ к нему гетману привести подлинную вѣдомость.

І василеи по гетманскому приказу того его канцеляриста дожидался.

Да с нимъ ж василемъ послана была грамота к гетману к Ивану Степановичю из Государственного посолского приказу о красенскомъ и та ихъ великихъ Государеи грамота ему гетману подана Марта въ 21 день.

А канцеляристъ василеи велецкои от гетмана к нему василю присланъ Марта въ 22 день.

А из Батурина василеи отпущенъ великого поста на страстнои недѣле в великиі четвертокъ Марта въ 24 день. Иданы ему от него гетмана два листа одинъ об отпуске и о провожатыхъ в переволочню, кьево гетманскому дозорце к ивану Рутковскому, другои на запорожье к кошевому Федку и ко всему низовому воиску.

И ѣхалъ василеи от Батурина по приказу гетманскому городами: на Лохвицу, на сенчю, на миръ-городъ, на сороченцы, и тутъ в сороченцахъ вышепомянутои татаринъ аюкора у миргороцкаго полковника у Данила Апостола окупилъ пасынка своего кузеня іменемъ, а окупу дал за него триста талеров: а с сороченцовъ ѣхали на Решетиловку, а в переволочню приѣхалъ Апрѣля въ 3 день.

Апрѣля въ 4 день у гетманского дозорцы у Івана Рудковского взявъ по гетманскому листу провожатыхъ казаковъ пятнадцать человѣкъ и отѣхавъ намишюринскои перевоз от переволочни вверхъ Днепра в пяти верстахъ стояли на берегу три дни, потому что река Днепръ вешнимъ половодиемъ увеличился и были в тѣ дни дожди і волнения великие, а переправясь с великою трудностию и страхованием апрѣля въ 6 и числѣ, и от Днепра ѣхали на своих подводах.

А до сѣчи дорогою по урочищамъ ѣхалі чрезъ воды:

от Днепра 2 мили—маигуров враг рѣчка омелникъ.

от омелника 3 мили—рѣчка Саксагань-Сухая.

от сухой 2 мили—таж Саксагань-Садки,

от Садковъ 1 миля—таж Саксагань Гнилая,
от гнилои 4 мили—река Бозовлукъ,
от Бозувлука полмили рѣчка Каменка,
от Каменки 1 миля—рѣчка Колтоба,
от Колтобы полмили—рѣчка Чаикинъ,
от Чаикина пол 5 мили—рѣчка Соленая,
А от Соленои 4 мили—городъ Сѣча,
всего от Днепра до Сѣчи дватцать двѣ мили с полумилею.

В Сѣчю приѣхал апрѣля въ 9 день—по утру часу в четвертомъ; і в раде у казаковъ былъ того ж часа.

А старшиною у нихъ в то время были: Кошевои атаман Ѳедко,
Судья—Афанасеи Губа,
Писарь Петрик Батуринскои,
Ясаулъ Іванъ Мизинъ. 7200 в апреле мѣсяце изместь от ѣхат в крымъ (написано сбоку).

А какъ василеи аитемирев и гетманскои канцеляристъ в казацкую раду вошли и листъ гетманскои кошевому василеи подал,

и тогда кошевои и судья у него василья спрашивали, от великихъ Государеи к нимъ низовому воиску грамота присланалі,

і василеи говорилъ, что грамоты великихъ Государеи к нимъ на запорожье с нимъ васильемъ неприслано, а поихъ великихъ Государеи указу велено ему ѣхать с Москвы на Малоросиіские городы, и іхъ великихъ Государеи грамота об отпуске ево в Крымъ прислана ихъ Царского величества к подданному воиска запорожского обоихъ сторонъ Днепра к Гетману Івану Степановичю Мазепе, потому что они великие Государи полагаютъ всѣ сеи украины дела на него Гетмана, а Гетман Іванъ Степановичь отпустилъ ево василья в крымъ к нимъ на запорожье указуя к низовому воиску региментарскую любовь свою нескрывая от нихъ, чтоб и імъ было о томъ вѣдомо.

И атаманъ тот гетманскои листъ отдалъ писарю Петрику, і велѣлъ ево прочесть по обыкновению своему всѣмъ вслухъ.

А листъ Гетманскои писанъ к нимъ на запорожье таковъ:

мои любезные приятели и братия, Господине атамане кошевои і все старшее и меншое воиска ихъ Царского пресвѣтлого величества запорожского низовое товарыщство,

По премощному монаршескому великихъ Государеи нашихъ ихъ Царского Пресвѣтлого величества указу, въ ихъ монаршескихъ дѣлехъ посланъ в крымъ гонецъ василеи аитемирев, и с нимъ отпущенъ с Москвы татаринъ крымскои, і велено ему ѣхать чрезъ сѣчь запорожскую, такъ ж и мнѣ велено послати с нимъ нарочного своего человѣка, и такъ я ево гонца отпустилъ из Батурина, і выправилъ прямо на сѣчь и с нимъ своего нарочного послалъ есмь василья велецкого, естьлиб тогда хто из междо вашихъ

милостеи вѣдать хотѣлъ какия бы то были дела монаршеские о которыхъ онъ гонецъ посланъ, тогда будетъ о томъ впред вашимъ милостям вѣдомо, а имянно за возвращениемъ его гонца ис крыму назад, а какъ я уже неединократно вамъ всѣмъ добрымъ молодцомъ воиску низовому предлагалъ, что великие Государи наши ихъ Царское пресвѣтлое величество своимъ превеликимъ монаршескимъ милосердиемъ сохраняя всѣхъ нас, какъ городовое такъ и низовое воиско запорожское, в своей монаршеской милости: есть ли и доперемирья имъ великимъ Государемъ с панствомъ крымскимъ и портою оттоманскою придетъ, то волности и права наши войсковые в доброи будутъ обороне, а особно вамъ воиску низовому, какъ на Днепрѣ, такъ ів полевыхъ рѣчкахъ волная будетъ рыбная, звѣриная и соляная добычь, такъ и теперь тою милостию монаршескою всѣхъ васъ обнадеживаю и прилѣжно здѣ желаю и региментарски приказую, чтоб ваша милость по своеи вѣрноі службе сего монаршеского гонца, и нашего посланного с людми при них будучими, честно и любовно у себя приняв отпустили ихъ безовсякия мешкоты в намѣренную в крымъ дорогу и дали имъ до самого Казыкерменя добрыхъ своихъ провожатыхъ, которыеб в ненарушимои цѣлости ихъ туда проводили; а того свеликою прилѣжностию осмотрите и постерегите, чтоб ихъ какъ в сѣче ни хто словами бесчестными неприкасался такъ і в дороге ни в чемъ не зашкодил, какъ бы есте чрезъ такую свою вѣрную службу получили себѣ преизлишнюю монаршескую милость: а мы и особно казака Батуринского посылаемъ при немъ гонце и при своемъ посланномъ, приказав, чтоб с ними до Казыкерменя ѣхалъ и оттоле принес об них подлинную намъ вѣдомость. Сия вашимъ милостямъ предложивъ желаемъ всѣмъ вамъ добрымъ молодцомъ от Господа Бога доброго здоровя и щастливого поведения из Батуриіа марта 22 дня 1692 году;

вашимъ милостямъ желателныи приятель

Іванъ Мазепа Гетманъ воиска ихъ Царского пресвѣтлого величества запорожского.

И какъ тот листъ прочтенъ тогда козаки говорили, мочно де было прислать ик нимъ Государскую грамоту, а то де бутто у Царского величества они забвенны, и іные розные слова, кому что пришло на память, чего и слышать было ненадобно.

И кошевои казаком успокоив их от тѣхъ словъ говоріл, горшеб де намъ то было колиб Царского величества посланникъ посланъ былъ в крымъ иною дорогою, а тепере де за то что о тои в крымъ посылке вѣдать имъ дано, великимъ Государемъ они бьют челомъ а гетману блгдарствуютъ, і в тои же раде назначили в провожатые до Казыкерменя казаков дву человѣкъ Якова ворону переясловскаго куреня, да Івана лотву щербиновского куреня.

И с сѣчи василеи отпущен апреля въ 10 день.

А дорогою до Казыкерменя по урочищамъ воды: от сѣчи 2 мили река Бозовлукъ,

от Бозовлука 2 мили рѣчка Сухая Терновка,

от Сухои 2 мили рѣчка Мокрая Терновка,

от Мокрои полмили рѣчка Сокоревка,

от Сокоревки 4 мили—рѣчка Носаковка,

от Носаковки 2 мили—рѣчка Омиловая,

от Миловои 1 миля—рѣчка Каменка,

от рѣчки Каменки 2 мили—город Казыкермень.

Всего от сѣчи до Казыкерменя 16 мил с полумилею.

В Казыкермень приѣхали апрѣля 12 день ввечеру, и поставлены на дворех з гетманскимъ канцеляристомъ порознь;

и которые во время того приѣзду приходили на постоялои дворъ к василю турки и татаровя и тѣ приѣзду его зѣло были радостны, і всѣ едино устно говорили з желаниемъ чтоб далъ Богъ с московскимъ Государством имъ миръ;

И апрѣля въ 13 день Казыкерменскои бѣи Кемал мурза Сулешевъ, обослалъ василья и гетманского канцеляриста с кегаею (дворецким) своимъ рыбою по свѣжеи белуге.

а потомъ приходилъ к василю казыкерменскои язычѣи (писарь) Шабанъ и от Кемела бѣя спрашивал ево василья о здорове, говорилъ, что де бѣи хочет с нимъ видетис, и чаетъ онъ Шабанъ, что де онъ приѣдетъ к нему василю или выѣхавъ из города на какои ни есть татарскои дворъ, і позоветъ ево к себѣ;

і василеи Шабану говорил, что де он с нимъ Кемаломъ бѣемъ видѣтись радъ.

И шабанъ с тѣмъ словомъ к бѣю ходил, и пришед от бѣя звал василья к нему бѣю в городъ и чтоб с нимъ васильемъ толко были гетманскои посланецъ да толмачъ, а людеи де их никово в городъ непустятъ.

І василеи у Кемала бѣя в то время был въ городе в дому ево

а какъ кнему в хоромы вошли, і в то время с ним бѣем сидѣли турков и татар человѣкъ з дватцать знатных людеи.

И Кемал бѣи спрашивал у василя о здравиі великих Государеи, а потомъ у гетманского канцеляриста о гетманскомъ здорове, и какъ василеи и гетманскои канцеляристъ против того вопросу отповѣдь учинилі, и на приуготованных имъ мѣстех сѣли; тогда Кемал бѣи василю говорил: для канова дѣла от великихъ Государеи к ханову величеству онъ посланъ и грамота с нім естьлі, и что в тои грамоте писано, о томъ он вѣдает-ли, чтоб онъ василеи ему бѣю отомъ обьявил для того, что де онъ Кемал хотя і в порубежномъ городе а не при хане, однакож ему отом вѣдать надобно, гдѣ бы и онъ меж московским Государствомъ и крымскимъ юртомъ учинил

доброи способ к миру и тишинѣ, потому что де крымскои юртъ в московских дѣлехъ ево употребляет.

И василеи говорил, что от великихъ Государеи их царского величества посланъ онъ к ханову величеству вкрым с ихъ Государскою грамотою о добрых и к миру потребных дѣлех на скоро, а о чем в тои грамотѣ писано о том онъ Кемал увѣдомитца в то время, какъ онъ василеи тоѣ грамоту подастъ ханову величеству. А когда ево бѣя крымскои юртъ в московских дѣлех употребляет и ему бѣю надобно въ тѣх дѣлехъ быть радѣтелну и буде ево радѣніемъ междо московским государствомъ и крымским юртом учинится что в дѣлех доброе, тогда и онъ Кемал бѣи получит себѣ истого великую похвалу и пожиток, а нынеб онъ отпустил ево василя в крым к ханову величеству безовсякаго мотчанія;

И Кемал говорил, дай де Боже, чтоб учинился мир, а они того крѣпко желаютъ; а ево василя отпустит онъ ис казыкерменя сегож числа и пошлет с ним до хана сколко человѣкъ пристоино провожатых, и будет о пріеме ево васильеве писать кбрату своему къяшловскому Аштемирю бѣю, которому при хане будет онъ василеи в пріеме ево приказанъ.

Потом Кемал бѣи говорил, крымскои де гонецъ магметъ-ага для чего с москвы не отпущенъ, и гдѣ онъ толикое долгое время задержан, а послан онъ был на скоро, и то де ево задержаніе учинено ему напрасно, потому что задержаніемъ посылных людеи добрые дѣла недѣлаются и будут де о томъ ево задержаніі говорить нетокмо он бѣи, но и ханские ближние люди.

І василеи бѣю говорил, что гонецъ их магметь неотпущенъ с москвы в крым для того, что великим Государемъ нашим их царскому величеству ізвѣстно было подлинно что ханова величества во все лѣто в крыму і в белогородчине не было, а был в воинѣ в венгерскои землѣ и в небытности хана в Крыму того гонца отпустить такъж и от ихъ царского величества посылке быть было нѣхкому а когда их царскому величеству извѣстно учинилос, что воина в венграх укротилас и ханъ в крымъ возвратился, тогда они великие Государи ссвоею Царскаго величества любителною грамотою наскоро в гонцех ево василя послать к ханову величеству и изволилі; А Магметь-агѣ велено на москвѣ побыть на время до подлинного ханского о миру намѣренія, и до скорои с нимъ василем к москве отповеди, и коль скоро онъ василеи приѣдет к москве, то и магметь-ага отпущен будетъ с москвы в крымъ безо всякого задержанія, а хотя тот гонецъ на москвѣ и позадержан, однакож по милости Царскаго величества имѣетъ он себѣ поволность и кормы ему дают доволные, о чемъ ему бѣю скажут подлинно отпущенные с нимъ оттого ихъ гонца два человѣка татаровя.

Кемалъ бѣи говорил, добро де то, что междо московским государствомъ и крымскимъ юртом почалис о добрых мирных дѣлехъ пересылки, для

чегоже де под их турские городы пріходят Царского величества с стороны воинские люди, а имянно на сих днях приходили казацкие воиска под ачаков, а предводителемъ у тѣх воискъ полковникъ Палеи, и под городамі ихъ, такъ же и на степи проѣзжимъ турком и татаром чинятъ они обиды великие воинским способомъ, людеи побивают і в полонъ берутъ и жилища ихъ разоряют и сожигают, і василеи говорилъ, что у великих Государеи наших таково полковника Палѣя под высокою державною ихъ Царскою величества рукою в службе нѣт, а слыхал онъ василеи, что есть такои прозваніемъ полковникъ встороне полского короля и приходятъ лі под городы их или нѣтъ с тои стороны, а Царского величества ратнымъ людемъ под чьимъ бы регементомъ быть в полскои сторонѣ и то дѣло нестаточное;

И Кемал бѣи говорил, колибъ де тот Палѣи великимъ Государемъ не служил, и снимъ бы де ихъ царского величества ратныхъ людеи не было, а то де были с нимъ Палѣемъ гетманского регименту знатные полковники, которых онъ кемал знает именами именно;

І василеи говорил, что Царского величества с стороны ратные люді внынешнихъ дняхъ ни с какимі полковникамі непосылываны, а въ их крымскую сторону после посылки к москве гонца их Магмета аги нынешнею зимою приходили под украинные и малоросіиские царского величества городы многие орды з знатными мурзамі, а имянно из Белогородчины, з Батырчею, с темир-ханомъ, з дивѣемъ, а ис крыму с ширинскімі мурзами з Батырчею бѣемъ, з джантемир мурзою и с инымі да и отсюду и с казыкерменя сУмер агою, и хотя въ городѣх невеликое разореніе от них учинено, однакож за такимі о добрых дѣлех пересылкамі того было чинить имъ не годилос; а какъ у великих Государеи наших у ихъ царского величества с крымскимъ Саадет Гирѣем ханом пересылка о дружбе началас, и после того ево хана и ордъ в крыму небыло. А были всѣ ввоинѣ в венгерскои землѣ против цесарских воискъ, гдѣ турскимъ воискамъ от немецких воискъ учиненъ предѣлнои упадокъ, а они потомуж возвратилис безо всякои себѣ удачи; і естьлиб великим Государемъ нашимъ ихъ царскому величеству над крымомъ что чинить изволить і в то без них время мочно было и не великими воиски здѣлать что надобно. Однакож они великие Государи, желая с хановымъ величествомъ быть въ постоянноі дружбе, своих Государских воискъ на крымъ и под городки в то время посылать неизволили и помѣшки никакои имъ не чинено, и тоб их крымскому юрту надобно с стороны царского величества принять в великую любовь, а гетманскому посланному Пантелеимону радичю, какъ он был у хана в Белогородчине, прі отпуске сказано, что за тою пересылкою крымскихъ ордъ загоны будут задержаны, однакож то слово съ их стороны нарушено. И не токмо, что загоны успокоить, но и цѣлые орды под ихъ царского величества украинные малоросіиские городы посыланы.

И Кемал бѣи говорил, татаровя де ихъ подходилі в руские городы для того, что гонецъ их Магметь-ага на москвѣ-ли он задержан или ево нѣт в живыхъ, чтоб имъ обнем провѣдать. И естьлиб послать в малолюдствіи, тоб ихъ казаки побили;

І василеи говорил, что таковых великих чамбулов, чтоб тысечах в двадцати или болше, для провѣдыванья никогда нигдѣ непосылают; а есть-либ имъ о томъ гонцѣ своемъ понадобилос провѣдать, гдѣ онъ обретается или по какому случаю замешкался, и имъ бы мочно о томъ сослатис ихъ царского величества с поданнымъ воискъ запорожских з гетманомъ съ іваномъ Степановичомъ Мазепою листамі а не воискъ посылкою.

И Кемал против того умолчал і болши того ничего про то не говорил і потчивал василя и гетманского канцеляриста питьемъ имянуемымъ кагве;

Потомъ василеи Кемала спрашивал, есть лі у него вѣдомость, у ханова величества ныне послы или посланники или гонцы отколе есть лі, и о чемъ добромъ слышать.

И Кемал сказывал, что он и самъ ѣздилъ в Бакчисараи недавно и пріѣхал от туду тому ныне днеи спятнадцать, и у ханова де величества толко Полского короля посланик присланъ зимою к хану еще в дорогу, какъ онъ в крыму шолъ о договоре о миру, а иныхъ де пословъ ни откуду ныне кромѣ того при хане нѣт. А о московскои де сторонѣ чтоб быть в томъж миру тот полскои посол говорил ли что или нѣтъ того онъ Кемал неслыхал.

И поприветствованіи отпущен василеи с прочимі на подворье;

А какъ василеи ксебѣ на подворье пришол и учали тогож часу чрез днепръ лошадеи перевозить тогда василеи к великимъ Государемъ написал отписку, и отпускалъ Батуринского казака Якима Кныша и запорожских провожатых, а отпустя их и самъ василеи чрез Днепръ мимо городков переправился в скоромъ же времяни.

А отписку к великим Государемъ с тѣмъ Кнышемъ василеи писал такову:

Великимъ Государемъ Царемъ і великимъ княземъ Иоанну Алексѣевичю, Петру Алексѣевичю всеа великия і малыя и бѣлыя росиі самодержцемъ холопъ вашъ васка Аитемиревъ челомъ бьетъ по вашему великих Государеи Цареи і великихъ князеи Иоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича всеа великия і малыя и бѣлыя росиі самодержцев указу послан я холоп вашъ в Крым с вашею великих Государеи грамотою к крымскому хану в гонцех, і велено мнѣ ѣхать на Сѣвескъ и малороссіискимі городами, и быть вашого царского величества у подданного воиска запорожскаго обоих сторон днепра у гетмана Івана Степановича Мазепы, а какъ гетман Іван Степановичь меня холопа вашего от себя отпустит, и кого человѣка своего

в крым со мною пошлетъ и сколко провожатых дать велитъ, и мнѣ холопу вашему велено от него гетмана ѣхать в крым на тѣ места на которые велит ѣхать і провожатых пошлет гетманъ Іванъ Степановичь, и потому вашему великихъ Государеи указу и по наказу вашу великих Гдреи грамоту в Батурине гетману Івану Степановичю подал я холопъ вашъ марта въ 18 числѣ і вашего царского величества подданнои гетман Іван Степанович по тои вашеи великих Государеи грамоте из Батурина отпустил меня холопа вашего марта въ 19 числѣ, а со мною холопом вашим послал от себя в Крым канцеляриста своего василя велецкого, и приказал мнѣ ѣхать на запороже, чтоб пред вашею великих Государеи казною, которая послана на жаловане запорожцамъ с подячимъ совнифатьемъ Парфеневымъ мнѣ холопу вашему упредить, и запорожцом буде спросят о том обьявить, чтоб мнѣ в дороге не было от них какіе помѣшки и об отпуске моемъ холопа вашего ззапорожья к кошевому атаману Ѳедку и ко всему низовому воиску послал он гетман от себя листъ; да со мноюж холопом вашим для подлинного увѣдомленія проѣзду моего чрез запороже до турецких городовъ до Казыкерменя послал он гетман Іван Степановичь Батуринского казака Якима Кныша и в Переволочню пріѣхал я холоп вашъ Апрѣля в 3 день. А ис Переволочни отѣхав милю вверхъ Днепра на Мишюринском перевозе стоял я холопъ вашъ за великим вѣтром и дождем и разливом Днепровымъ і волненіем страшным три дни. А Апрѣля в 6 числѣ помощію Всемогущаго Бога переправились Днепръ с великим страхованіем. А на запороже Государи пріѣхал Апрѣля в 9 день і в раде у них атамана стоварыщи былъ и листъ гетманскои о отпуске своем в Крым имъ подалъ тогож дни, и атаманъ с товарыщи принявъ гетманскои листъ, спрашивали у меня холопа вашего вашеи великих Государеи к себѣ грамоты, и какъ услышали у меня холопа вашего, что вашеи великихъ Государеи грамоты к нимъ нѣтъ [потому что полагаете вы великие Государи всѣ сеи украины дела своего царского величества на поданного гетмана Івана Степановича] велѣлъ тотъ гетманскои листъ чести писарю, і выслушавъ вамъ великимъ Государемъ били челомъ, а гетману за обосланіе того к нимъ листа что от воиска низоваго о тои моеи холопа вашего посылке не утаилъ і вѣдомо учинил благодарствовали і с совѣту всѣхъ казаковъ назначилъ сомною холопомъ вашимъ в провожатыхъ до Казыкерменя казаков дву человѣкъ и из сѣчи Государи поѣхалъ я холопъ вашъ к Казыкерменю стѣми провожатымі аирѣля въ 10 день, в Казыкермень пріѣхалъ апрѣля въ 12 день. И на завтра Государи того дни Казыкерменскои бѣи Кемал мурза Сулешевъ присылалъ ко мнѣ холопу вашему язычея своего шабана извалъ к себѣ и я холопъ вашъ у него бея в городе в дому ево был а со мною холопом вашимъ пустили в город толко гетманского канцеляриста да толмача полуехта Кучюмова а иных никово непустили, и онъ бѣи у меня холопа вашего спрашивал для какова дѣла

и счёмъ от вас великихъ Государеи я холопъ вашъ к ханову величеству посланъ чтоб мнѣ о том ему обявить для того, что де онъ хотя і в порубежномъ городе, а не при хане однакож ему о томъ вѣдать надобно, гдѣбы і онъ междо Московскимъ государствомъ и крымскимъ юртом учинил доброи способ к миру и тишинѣ потому что в тѣх дѣлехъ крымскои юртъ ево употребляетъ; такъж говорил о задержаніи на москвѣ аги, что де онъ задержанъ напрасно, и о томъ не токмо де онъ бѣи, но і всѣ ближние люди в крыму будутъ мнѣ холопу вашему выговаривать и я холопъ вашъ ему бѣю говорилъ что от вас великих Государеи посланъ я холоп ваш кханову величеству вкрым свашею великихъ Государеи грамотою по ханскому и всего крымскаго юрта желанию о добрыхъ и кмиру потребныхъ дѣлех а что въ тои грамоте написано о том онъ Кемал мурза увѣдомитца какъ я холопъ вашъ тое грамоту подам ханову величеству а о задержаніи Магметъ аги на Москвѣ отговаривал я холопъ вашъ ему бѣю по наказу і чтоб онъ бѣи отпустил меня холопа вашего вкрымъ незамотчав и онъ бѣи сказал что он меня холопа вашего отпуститъ сегож числа и до хана пошлетъ со мною холопом вашим своего человѣка и провожатых сколько пристоино и я холопъ вашъ о томъ ему бѣю благодарствовал и аще дастъ Богъ переправлюся Днепръ сего ж дни и із казыкерменя і поѣду вкрымъ свеликимъ поспѣшеніемъ да я ж холоп вашъ ѣдучи отпереволочни вдороге і будучи всѣче і вказыкермени провѣдал подлинно Салтан турскои готовитца на Цесаря воиною великимъ приуготовленіем и на страснои недѣле прислал вкрымъ кхану Капычи Башу с указомъ чтоб шол кнему своискомъ на вспоможение да стѣмъ же капычѣемъ прислано сабля обернута врубашке да конь доброи совсѣм нарядомъ дана жалованье воиску сорокъ тысячъ золотых червонных.—да апрѣля въ 9 числѣ от салтана ж приѣхал кхану чаушъ подтверждая о конечномъ вполе выходе какъ новои маи мѣсяцъ настанетъ но тотъ его ханов поход отговариваютъ ему хану крымские бѣи ширинские імансуровы и кая бѣи для того что зѣло боятца вашихъ Государскихъ ратеи на крымъ наступления а здѣс Государи какъ кемал мурза и съ нимъ мурзы и знатные турки и татаровя которые были и сидѣли у него бѣя во время в городе бытия моего, такъ и всѣ меньших чинов служилые люди приѣзду моему зѣло ради і молят Бога и говорятъ едино устно чтоб даровал Богъ свами великими Государи миръ; кемал же мурза мнѣ холопу вашему по вопрошенію моему сказывалъ что онъ іскрыму приѣхал тому ныне пятнадцать днеи и при хане де есть посол польскаго короля, для договору о миру; а о вашеи де Царского величества сторонѣ при немъ бѣе хану ничего не упоминалося и остался еще при хане. Да сегож Государи дня приѣхал исперекопи вказыкермень слистом кбѣю татаринъ і сказывал что от калмыцкаго аюкая таиши вперекопи присланъ конскои табунъ стритцать тысячъ лошадеи на продажу, а что впредь вкрыму

я холоп вашъ услышу какихъ вѣдомостеи и будетъ когда как будет возможно о томъ квамъ великимъ Государямъ буду я холопъ вашъ писать; а сию Государи отписку квамъ великимъ Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу всея великія и малыя и бѣлыя Росіи Самодержцемъ послал я холопъ вашъ и сказыкерменя с Батуринскимъ козаком с якимом кнышем для подания в вашемъ посолском приказе думному дьяку Емельяну Ігнатевичу Укряинцову съ товарищи;

А какъ Василеи ѣхал к Перекопи тогда встрѣтились снимъ на степи запорожские козаки, два человѣка которые [какъ было слышимо всѣче] посыланы въ Крымъ от воиска о постановленіи съ Крымомъ на обѣ стороны миру о волномъ добываніи рыбы и звѣреи и соли во обыкновенныхъ Днепровыхъ и полевыхъ и морскихъ мѣстехъ, чтоб на нынешнее лѣто подтвердить о томъ против прошлого году.

І Василеи и гетманскои канцеляристъ о чемъ у них спрашивали, о том тѣ козаки ни о чемъ имъ не сказывали и стоять съ ними нехотѣли и поѣхали поспѣшая к казыкерменю а толко и молвили увидите де и услышите об всемъ какъ будете вкрыму сами.

Да у самои Перекопи выѣхали кнему Василью слѣвои стороны от гнилово моря на дорогу два человѣка эдисанцов и по вопрошенію Васильеву сказывали что они кперекопи пришли тому днеи спять с табуномъ а втабунѣ у них конеи 10.000 а их эдисанцов и калмыковъ аюкиных семьсотъ человѣкъ, а прислал де их вкрымъ стѣми лошадми калмыцкои аюка таиша попрошению крымского хана чрез посланника ево; а ныне де стѣм ево крымским посланником и стабуном от аюки присланъ і кхану посланникъ а жакихъ дѣлехъ кромѣ тѣхъ лошадеи у хана саюкою пересылка, того де они невѣдаютъ. И будетъ де они которыхъ конеи въ крыму не испродадутъ и они погонятъ ихъ какъ ханъ искрыму поидетъ при немъ ханѣ и вБѣлогородчину, а иные де у нихъ туды вБѣлогородчину сегодня с перекопскимъ салтаномъ ужъ и погнаны.

Ис Перекопи к Бакчисараю поѣхали апрѣля въ 15 день.

А отъ Казыкерменя до Перекопи и отъ Перекопи до Бакчисарая подводъ Василию и никому не давано: ѣхали на своихъ подводахъ

А отъ Перекопи посланъ съ ними въ провожатыхъ до Бакчисарая сеимень одинъ человѣкъ.

А что от казыкерменя посланы съ нимъ василиемъ были провожатых два человѣка и тѣ не доѣзжая до Перекопи еще счернои долины уѣхали у него василия напередъ невѣдомо куды.

Вперекопскои городокъ приѣхали апрѣля въ 11 день і вперекопи постоялои двор гдѣ василья и гетманского канцеляриста поставит татаровя нашли свеликою нуждою для того что посад которои былъ около того перекопского городка въ прошломъ во 197 году вприход Царского величества

воискъ весь ими ж татарами выженъ і разоренъ до основанія а послѣ того во 198 году от хлѣбного вкрыму недороду и от голоду люді розбрелис врознь, а которые осталис и тѣ селятца ныне вновь.

Апрѣля въ 15 день в Перекопском же городе сказывал василю и гетманскому канцеляристу татарин абдыш что былъ въ полону в Батуринѣ и розмененъ на смоленского шляхтича поплонскаго что дѣ вчерашнего апрѣля 14-го дня перекопскои ихъ салтанъ хана нынешнего сынъ снѣсколкою частію воиска пошол въ бѣлогородчину. Да снимъ же де от хана отпущенъ полского короля посланникъ которои приѣхал вкрымъ еще сханом а от хана де посланъ снимъ кполскому королю посланникъ же, а о чемъ та пересылка того де у них вперекопи нихто не вѣдаетъ, А перекопскои де город ныне безъ него салтана приказан перекопскому жителю ібраш агѣ;

і велъ на татарские дервни не прямою дорогою.

А гдѣ хкоторымъ дрвнямъ приезжали и тот сеимень ѣздилъ наперед и татаромъ заказывалъ чтоб нихто сними Васильемъ ис людми ихъ нискѣмъ о чемъ будутъ спрашивать ни о чемъ не розговаривали и неволников книмъ отнюдъ недопускали;

А Василья тотъ сеимен сказывал что ему о томъ от перекопского аги накрѣпко наказано.

Апрѣля въ 18 день недоѣхавъ до Бахчисарая верстъ за шесть проѣхав Алму реку встрѣтилъ василья отрозмѣнного бѣя татаринъ Девлет Казы и говорил что о приѣзде ево васильеве что он от великих Государеи посланъ кханову величеству крымскому вѣдомо учинилос розмѣнному бѣю от Казыкерменскаго Кемала бѣя, чрез нарочно присланного человѣка, и для того размѣнноі Темирша бѣи ево Девлетъ Казы и прислалъ на встрѣчу чтоб он василеи ѣхалъ всело яшловъ, которое обрѣтается от Бакчисарая вчетырехъ верстахъ гдѣ онъ розмѣннои бѣи живетъ. А в Бакчисараи не ѣздил потому что де ему василию без него бѣя в Бакчисараи ѣхать невозможно.

И василеи говорил тому татарину что по указу великихъ Государеи ихъ царского величества послан он Василеи вкрымъ кханову величеству для скорыхъ и надобныхъ дѣлъ и въ яшловъ кбѣю заѣзжать ему нѣ для чего. Потому что прежде ево татарскаго приѣзду посланъ от него василя в Бахчисараи ханова величества къ ближнимъ людем для обвѣщения и для постоялово двора толмачъ полуехтъ Кучюмовъ, которого он василеи ксебѣ навстрѣчу ожидаетъ, и какои ханова величества указ об немъ василье будетъ и гдѣ ему въ Бахчисарае или въ Яшловѣ быть велятъ туды онъ василеи и поѣдетъ.

І татарин говорил чтоб он василеи втомъ конечно непротивился и ѣхалъ снимъ въ Яшловъ. А толмачъ де полуехтъ будетъ тамже.

И василеи стѣмъ татариномъ въ Яшловъ поѣхал и поставленъ на постояломъ пустом мурзинском дворѣ.

А розмѣннымъ ныне бѣемъ Аштемир мурза Сулешевъ и ныне ево въ Яшлове нѣтъ поѣхал нынешнею весною для своего бусурманского моления къ Магометову гробу. И надлежащие ему дела приказаны безъ него сыну ево Темирше мурзе и того ж числа Темирша бѣи обослал ево василя слюдми своими хлѣбомъ да ѣствами на мисе.

а после того тотъ же часъ приѣхал и самъ и спрашивал о здорове и сколь давно смосквы поѣхал; говорил чтоб онъ ѣхал снимъ бѣемъ в Бахчисараи;

І Василеи взявъ ссобою великихъ Государеи к хану грамоту снимъ збѣемъ в Бахчисараи поѣхал а ссобою взялъ гетманского канцеляриста василя велецкого да людеи дву человѣкъ, а досталные люди и лошади оставлены въ Яшлове, а в Бахчисарае поставлены на постоялыхъ греческихъ дворехъ зъ гетманскимъ посланнымъ порознь, и бѣи поѣхал отнего василя кханскому ближнему человѣку к Алишю агѣ;

Потомъ помѣшкав часа стри, бѣи приѣхав говорил чтоб онъ василеи ему объявилъ, есть ли царского величества кханову и к калгѣ, и кнурадыну снимъ василемъ присланы поминки,

и василеи говорил что от царского величества никакихъ поминковъ кхану и ккалгѣ и кнурадыну неприслано,

Потом бѣи говорил чтоб он василеи ѣхал снимъ бѣемъ кближнему человѣку калишъ агѣ для повидания потому что московскіе посолскіе дѣла дѣлать надлежатъ ему агѣ; и василеи вто время у алишъ аги былъ;

а какъ приѣхав вошол всараи. И он ага втоѣ хоромину вошолъ после и спрашивал о здравіи великих Гдреи и сколь давно онъ василеи смосквы поѣхал.

Потомъ у гетманского человѣка спрашивалъ о гетманском здорове.

И какъ на тѣ вопрошения ево отвѣтъ учиненъ и алишъ ага василя спрашивал для чего от великих Государеи от ихъ царского величества онъ кханову величеству присланъ и есть-ли снимъ какои словеснои приказ чтоб онъ василеи ему агѣ обявилъ.

И василеи говорилъ, что посланъ он отъ великихъ Государеи от ихъ царского величества кханову величеству съ ихъ царского величества любителною грамотою о добрых и крымскому юрту потребныхъ дѣлех наскоро и чтоб ханово величество указал ему Василю у себя наприѣзде быть и тоѣ их царского величества грамоту принялъ не мѣшкая а какои снимъ словеснои приказ есть о том онъ василеи ему ближнему человѣку или кому ханово величество укажетъ выслушать обявитъ после подания грамоты;

Потомъ алишъ ага говорил какою особою от царского величества онъ василеи кханову величеству посланъ посолствомъ ли или лехкимъ дѣломъ

и посолство ему велено править явноли пред всѣми чтоб вѣдомо было всему юрту или он василеи прислан таино к одному хану.

И василеи говорил что от великихъ Государеи от их царского величества посланъ онъ на скоро вгонцехъ а не посланником аоприеме у него василья царского величества грамоты какъ изволит учинить ханово величество потому что имъ отомъ болши вѣдомо какимъ способомъ таинымъ ли или явнымъ квеликим Государем нашемъ къ ихъ царскому величеству от бывшего Саадетъ Гирѣя хана посылка чрез гонца его Магметъ агу учинена.

Потом алишъ ага спрашивал царского величества грамота снимъ васильемъ присланная на котораго хана, ксаадетъ гирею ли или кнынешнему сафатъ гирѣю хану.

И василеи говорил что великих Государеи их царского величества грамота писана кбывшему саадетъ гирѣю хану которои къ ихъ царскому величеству слистомъ своимъ прислалъ гонца своего магметъ агу потому что о нынешнемъ новоучиненномъ сафатъ гирѣе хане имъ великимъ Государемъ подлинно было неизвѣстно;

И ага говорил хкому де та царского величества грамота написана токмо добрые дѣла надобны всему юрту потому что не ханами тѣ дѣла дѣлаются но ими ближними людми и великими бѣями и карачѣями; и чтоб онъ василеи ѣхал ксебѣ на подворье, а онъ ага о томъ о всемъ о чемъ снимъ васильемъ поговорил донесетъ до ханова величества и какъ ханово величество о приеме ево васильеве укажетъ учинить и когда ему василью царского величества з грамотою на приѣзде у него хана быть о томъ онъ алишъ ага ему василю вѣдомо учинитъ; и чаетъ онъ ага что ханъ возметъ ево василя пред себя завтра апрѣля въ 19 день.

И апрѣля въ 20 день к василю приѣхал темирша бѣи, і говорил, сегож де дня указалъ ханово величество быть ему василю у себя наприѣзде великихъ Государеи зграмотою; а что де вчерас онъ василеи у ханова величества наприѣзде не былъ о томъ бы он василеи неподивил, потому что ханъ забавенъ былъ выных делехъ и были у него посланники: одинъ полского короля, а другои кумыцкихъ черкѣсъ;

І василеи за тою вѣдомость ему бѣю благодарствовалъ и спрашивал у него, у ханова величества вто время какъ онъ василеи будетъ, иных откуду пословъ или посланников не будет ли, и буде хто будетъ и ему василью при тѣхъ людех наприѣзде царского величества зграмотою быть не мочно,

и темирша бѣи говорил, что у ханова величества вто время когда онъ василеи будетъ никаких посланниковъ кромѣ ево василя не будетъ.

Потомъ василеи ево бѣя при іных словах спрашивалъ вѣдомоли ему бѣю, для чего полскои посланникъ кханову величеству присланъ и сколь давно в Бахчисараи приѣхал и какъ ево посланниково имя.

И бѣи ему Василю сказал, что полскои посланникъ присланъ вкрымъ для взыскания миру и уже де при семъ Саѳатъ гирѣе хане сеи третеи посланникъ; Первои былъ Захариашъ присланъ в Бѣлогородчину еще въ то время, какъ ханово величество шол из Царяграда вкрымъ, а отпущонъ онъ х королю тому ныне недѣли здвѣ и посланъ с нимъ х королю ханскои посланникъ Дербышъ мурза, а другой посланникъ присланъ былъ после того вкрымъ і пожил толко здвадцат днеи и отпущенъ преже Захариашева отпуску недѣли за две; а третеи нынешнеи полскои посланникъ в Бахчисараи приѣхал одного дни снимъ васильемъ апрѣля въ 18 день ввечеру а какъ тѣхъ посланников имяна того он бѣи невѣдаетъ: потому что они Сулешевы вѣдаютъ московскои стороны дела, а полскои стороны дела по ханскому указу вѣдаетъ инои беи.

І Василеи говорил когда полскои посланникъ присланъ кханову величеству о мирныхъ добрых делехъ и онъ Василеи чаетъ что от королевского величества полского стѣми ево посланникамі і великихъ Государеи нашихъ ихъ Царского величества засторону что ни есть вприобщение миру писано или говоритъ наказано;

и беи говорил, что о Москвѣ ни единого слова ни откоторого посланника полского не слышно.

Беи же говорил, когда де от Царского величества книмъ іхъ Государского жалованья ничего не прислано, и онъ василеи подарил бы ево бея и ближняго человѣка Алишъ агу хотя от себя Московским какимъ гостинцом, какъ и напред сего бывало, а Алишъ де ага и онъ бѣи зато вдѣлех Государских будутъ радѣтелны и ему Василью воздадут любовью;

І Василеи бея дарил от себя собольми да бѣлими шубами; и беи принявъ подарки поѣхалъ на ханскои дворъ;

Потомъ помѣшкав счас пришол к василю капычѣи и говорил что прислалъ ево капычея ближнеи ханскои человѣкъ Алишъ ага, чтоб онъ Василеи ѣхалъ кханову величеству царского величества с грамотою;

І Василеи зграмотою великихъ Государеи кхану поѣхал. И недолече отѣхав от двора встрѣтил ево Василья Тимирша бѣи и ѣхал снимъ по лѣвую сторону;

а какъ на ханскои дворъ взъѣхали бѣи і Василеи слошадеи сошед шли до ханского сарая пѣши, і вошли пред хана, а задержания і остановки нигдѣ ему Василю в ханском дворѣ небыло.

А хан вто время сидѣлъ по обыкновению своему напримосте на подушках в бархатномъ зеленом каѳтанѣ на соболяхъ і вшапкѣ соболье под зеленым же бархатомъ;

а по правую сторону от хана ссажень на томже примосте сидѣли Калга и Нурадынъ Салтаны;

а по лѣвую сторону на полу стоял Алишъ ага,

А иные ближние люди і мурзы кто вто время при хане были потому же всѣ стояли и никто не сидѣл кромѣ духовного ихъ чину;

І Василеи от великихъ Государеи хану посолство правилъ по наказу, а рѣчь говорилъ такову:

«Пресвѣтлѣише и державнѣишие великие Государи Божіею Милостію «Цари и великие князи Иоаннъ Алексѣевичь, Петръ Алексѣевичь всеа ве«ликия и малыя и бѣлыя росии Самодержцы и многихъ Государствъ и зе«мель восточных и западныхъ и сѣверных отчичи і дѣдичи и наслѣдники «и Государи и облаадатели великие орды крымского Юрта намъ Саѳатъ «Гирѣеву ханову величеству велѣли поздравствовать; и поклонился впоясъ «слегка»;

и хан спрашивал о Государскомъ здравиі, а говорилъ:

Братья наши великие Государи здравыли;

і Василеи о здравиі великихъ Государеи хану сказал по наказу.

Потомъ Василеи говорил рѣчь о поданиі грамоты

а какъ изговоря рѣчь зграмотою кхану шелъ і великихъ Государеи грамоту хотѣлъ у него Василя взять недопустя до хана Алишъ ага и Василеи ему агѣ грамоты недалъ и подал хану самому, а хан приняв отдалъ ему Алишъ агѣ.

Потомъ ханъ спросил у Василя: от великихъ Государеи от ихъ Царского величества словеснои приказъ кнему хану снимъ Васильем кромѣ грамоты есть ли.

І Василеи говорил:

«Пресветлѣишие и державнѣишие великие Государи Божиею Милос«тию Цари і великие князи Іоаннъ Алексѣевичь, Петръ Алексѣевичь всеа «великия і малыя і бѣлыя росиі самодержцы и многихъ Государствъ и зе«мель восточныхъ і западныхъ и сѣверныхъ отчичи и дѣдичи і наслѣд«ники і Государи и облаадатели вамъ Саѳатъ Гирѣеву ханову величеству «велѣли говорить;

«Книмъ великимъ Государемъ къ их Царскому величеству писалъ «бывшеи крымскои Саадетъ Гирѣи ханъ згонцомъ своимъ с Магметемъ «агою что онъ свеликими і меншими карачѣи приговорил сними великими «Государи нашими съ ихъ Царскимъ величеством быти вмиру попрежнему; «такъ же и Салтанова величества турского засторону всѣ дѣла і слова пріе«млетъ на себя;

«І великие Государи наши их Царское величество с салтановымъ ве«личествомъ турскимъ і свашим хановымъ величеством и с крымскимъ «юртомъ в миру и дружбе быти изволяютъ и обоихъ сторон людемъ ти«шины и покоя желаютъ и для того свою Царского величества квашему «ханову величеству грамоту прислали; а какое ваше ханова величества по «тои их Царского величества грамоте намѣрение будетъ о томбы квеликимъ

Государемъ нашимъ къ их царскому величеству вашему ханову величеству писать и меня отпустить незадержавъ; да и своих пословъ для совершения мирныхъ договоров ким великимъ Государемъ послать.

И хан выслушав ту рѣчь чрез толмача Полуехта Кучюмова говорил василю самъ а не чрез алишъ агу что он ханъ и весь крымскои юртъ миру ради, и царского величества грамоту з ближними людми выслушаетъ и выслушавъ и подумав учинет отповедь будетъ кимъ великимъ Государемъ очемъ пристоино писать и ево Василя отпустит незамотчавъ а теперь ѣхал бы онъ василеи ксебѣ наподворье;

а что де великихъ Государеи ихъ Царского величества грамота писана хотя и не на ево ханское Саѳатъ Гирѣево имя а однакож де то доброе дѣло надобно ему хану и всему юрту крымскому; и отпущон на подворе.

Апрѣля въ 21 день василеи аитемиревъ былъ у ближняго человѣка у алишъ аги.

И алишъ ага говорилъ, что вчерашняго дня великихъ Государеи ихъ Царского величества присланую снимъ василем грамоту ханово величество челъ самъ и вдружбе с Царскимъ величеством быть желаетъ да втои же де грамоте писано что присланы снимъ василемъ и начем быть миру статьи и он бы василеи тѣ статьи и что словесно ему говорить наказано ему ближнему человѣку обявил.

И василеи говорил что словесного приказа никакова сним нѣт а когда ханово величество свеликими Государи нашими съ их Царскимъ величествомъ въ миру и вдружбе быти желает и на чемъ быть миру и тѣ б стати онъ алишъ ага у него василья принял и подал сперва русскимъ потомъ татарскимъ писмомъ;

А принемъ агѣ были вто время сынъ ево агин дербишъ мурза, даразмѣннаго бѣя сынъ темирша мурза,

и алишъ ага прочетъ тѣ стати спрашивал еще словеснаго приказа сверхъ тѣхъ статей очем ему василю говорить наказано ль; и когда ему агѣ сказано что никакова сверхъ тѣхъ статеи словесного приказу нѣтъ и он ага говорил что есть втѣхъ статяхъ неѣотребные слова чего невозможно вслух крымскому юрту обявить, и ему де агѣ вто ли время ему василю о тѣхъ непотребностях объявить или подонисенеи ханову величеству,

и василеи говорил, что какъ он ага похочетъ буде что отѣхъ статьяхъ ему василю станетъ говорить и онъ василеи того слушать будетъ а буде де что и ханова величества доложа о томъ же учнетъ что говорить и онъ василеи того выслушаетъ и донесетъ до Царского величества, а словеснои приказ снимъ васильемъ толко о томъ: велено ево ханова величества им ближнимъ людем говорить буде свеликими Государеми нашими съ их Царскимъ величеством ханово величество похочетъ быть вдружбе и влюбви потѣмъ статьямъ какъ вних изображено и он бы послалъ кмоскве

снимъ василемъ вскоре пословъ своихъ людеи породныхъ и знатныхъ сполною мочью которои бы имѣлъ договариватись незаодинъ крымскои юртъ но и за сторону солтана турского.

И алишъ ага говорил что онъ тѣ статьи такъ же и слова ево васильевы донесетъ доханова величества и что ханово величество укажетъ ему василью отъ своего намѣрения обявить о томъ ему василею вѣдомо будетъ в иное время.

Алишъ же ага говорил ныне де салтанъ турскои присылаетъ непристанно к хану, чтоб он шолъ своискомъ въ венгры кнему салтану напомочь против цесарскихъ воискъ: и ханову де величеству ево салтанова величества ослушатца невозможно потому что он Государь великои и вѣри с ними единои и живутъ они у него салтана впослушании и ныне де сханом поидетъ крымскаго воиска неболшое число тысячи с двѣ или с три да нагаицовъ которые живутъ около Азова и темрюка сколко сыщетса даяман садакъ да из Белогородчины с пятью мурзами с наврузомъ с шеидяковымъ сурмаметевымъ и сыными и будетъ того зборного воиска сханом с тридцать тысячъ человѣкъ, а крымскіе де воиска останутца всѣ для охранения крыского юрта;

И василеи говорил крымскому юрту хто ныне недруг и с которои стороны опасатца имъ на себя наступления, потому что царского величества с стороны видятъ они и сами, имѣется о миру любителная пересылка.

И алишъ ага да сынъ его Дербышъ и Темирша бѣи говорили, а чему де вѣрить Богъ вѣсть, авось де и вы будете намъ какіе недруги только де даи Боже чтобъ с великими Государи съ ихъ царскимъ величествомъ учинился у нихъ миръ а они того всѣм юртомъ желаютъ.

Того жъ дни послѣ полдня приѣзжалъ отъ аги кегая (дворецкій) и звал ево василья чтоб он ѣхал к алишъ агѣ;

и василеи в то время у него аги былъ;

И алишъ ага да снимъ ближней человѣкъ Апкеримъ Эфенди которои вѣдаетъ всѣ посолские дела, говорили, что они статьи которые онъ василеи подал ханову величеству доносили и ханово де величество прочетъ и подумав с ними велелъ имъ ему василью говорить, буде против тѣхъ статеи указано что ему договариватись и он бы у нихъ ханскова намѣрения слушал.

И василеи имъ говорил что о договоре на тѣ статьи Царского величества указу никакова онъ себѣ неімѣетъ а что от нихъ ближнихъ людей выслушаетъ о томъ донесетъ до царского величества.

И Апкеримъ челъ статьями первую пятую шестую седмую и говорили что тѣ стати к миру, буде дастъ Богъ учинитца добры издержатца, и имъ не в противность а о второи статѣ спрашивали у василея Гроб Божій

когда и кому отданъ и в мирное ли время у московского государства стурскимъ или после разорванія миру.

І василеи говорил, что они о томъ когда тотъ Божіи Гроб Салтанъ турскои у Грековъ взялъ и сами вѣдаютъ, а онъ Василеи слышилъ что тому ныне года здва отданъ тотъ Господень гроб ѳранцузскимъ законникомъ.

И ближние люди говорили какъ же де у ѳранцужан то отнять, потому что отдано с московскимъ Государством невмиру за то, что ѳрянцузскои король учинилъ салтану турскому против цесаря помочь а ныне де буде у нихъ то даное взять и Греком отдать попрежнему, а ѳранцузы на турковъ будут воевать, тогда Москва турскому салтану в тои воинѣ поможетли а прежде сего никогда с московскои стороны в договорех о Гробе Господни небывало а ныне всчато о томъ вновь невѣдомо для чего.

І Василеи говорил, что пресветлѣишие монархи наши Ихъ Царское величество ревнуя Благочестиемъ по Господѣ Бозѣ і видя вѣру свою Благочестивую греческого закона которую они великие Государи содержатъ утесняему и Святую восточную Церковь преобидѣнну, что Гроб Господень и іные во Іерусалимѣ обретающиеся священные вещи чего никогда при прежнихъ турских салтанехъ низакакие причины небывало у Греков оставя данные имъ древние привилиі отняты, и отданы в ыную вѣру хкостелу римскому изволили ныне о томъ ханову величеству предложить в статьях для того что к нимъ великимъ Государемъ къ ихъ Царскому величеству в ханскои грамоте писано что за сторону Салтанова величества турскаго дела и слова приемлетъ онъ хан на себя; а прежде сего неписывано о том и неговаривано для того, что тѣ святости были изстари во благочестиі за Греки.

А о третьеи статьѣ о полонениках говорили они ближние люди что де у нихъ в крыму Московского и Казацкого народу со сто тысячъ человѣкъ и болши, а на Москвѣ де хотя и сыщетца ихъ Бусурманского полону тысячи двѣ или три и тому де гдѣ збытися, чтоб весь полонъ высвободить безокупу, потому что де и преж сего когда бывали у крыму с Московскимъ Государствомъ договоры о миру о томъ полону говаривано и писывано многожды, однако ничего несостоялос и бывало такъ сколко человѣкъ отпустятъ смосковскую сторону столко и із крыму на розмѣну, а иныне де есть ли учинитца миръ потомуж будетъ дѣлатися или учнутъ розмениватца или скоторои стороны будутъ окупать, абуде непохотятъ съ Московскои стороны полонениковъ окупать, и тѣ полоняники и імъ въ крыму надобны;

И василеи говорил, что розмѣна или окупъ творитца и въ безмирные времяна какъ и ныне невдавном времени розмѣненъ смоленскои шляхтичъ Попловскои наперекопского татарина Абдыша да принемъ василье окупил посланои смосквы от Агметъ аги белогороцкои татаринъ Аюкора пасынка своего Кузеня въ городе Сороченце у Миръгороцкого полковника, а ныне б

ханово величество изволил учинить ополоненикахъ по желанію царского величества, какъ о томъ встатьяхъ написано.

А о четвертеи статьѣ о размѣнноі годовоі казнѣ они ближние люди говорили, для чего де великие Государи всихъ статьяхъ изволили размѣнную казну отставить и хто імъ великимъ Государемъ о томъ такъ придумалъ, потому что они Государи великие, и разумныхъ бояръ при себѣ имѣютъ многихъ, которые о тѣхъ скрымом дѣлехъ вѣдаютъ истари а тоѣ годовую размѣнную казну отставливаютъ они напрасно потому что имъ великимъ Государемъ въ ихъ Царской казнѣ никакие скудости небудетъ. А прежние де крымские ханы, также и ихъ ближних людеи дѣды и отцы тѣмъ Государскимъ жалованемъ доволствовалис и дружба и любовъ и пересылки любителные собоихъ сторонъ были частые: а нынешніи де ханъ прежнихъ хановъ, также и Калга и Нурадынъ, и они ближние люди бутто уже прежнихъ хуже что имъ того недавать какъ прежнимъ бывало; а они де ближние люди і сами вѣдаютъ и помнятъ что с великими Государи московскими недружбы никакие кромѣ розмѣнноі казны низачто небывало когда ее нестанутъ давать тогда татаровя и поидутъ на рус воевать, а нынешнеи де ханъ и весь крымскои юртъ Москвы небоятца и к миру и к бою готовы, потому что буде Москвѣ воевать на крымъ взять нечего, кромѣ того что у каждого татарина толко и пожитку дваконя да третья душа, и затою де казну юртомъ станутъ и дружбы в томъ никогда небудетъ, потому что та казна отставливаетца вовсе;

И василеи говорил чтоб они ближние люди и стой статьи что о размѣне выразумѣли, потому что написано имъ невпротивность ссылатися любезными поминками по Государскому изволению взаимно собоихъ сторонъ;

и ближние люди говорили, что прежние де крымские ханы к великимъ Государемъ московскимъ никогда нечего не посылывали, то і нынешнеи ханъ потому-жъ ничего непошлетъ.

Потомъ ближние люди Василю говорили ханово де величество признаваетъ, также и оні Алпшъ ага и апкеримъ потому же чаютъ что от Царского Величества о договоре о миру снимъ василемъ хотя и наказано, толко онъ василеи імъ несказываетъ, і онъ бы імъ о томъ что сним сверхъ статеи словесно наказано объявилъ безо всякие мѣшкоты;

І Василеи говорил, что ему от Царского Величества ничего чинить кромѣ того, что ханову Величеству грамоту подать, да ближнимъ людемъ начем быть миру статьи неуказано, а велено имъ ближнимъ людемъ говорить толко о томъ; буде свеликими Государи наши съ ихъ Царским величеством ханово величество хочетъ быть вдружбе і влюбви по прежнему и салтанова величества турского за сторону в тотъ же миръ дела и слова приемлетъ на себя против того какъ квеликимъ Государемъ къ ихъ Цар-

скому величеству влисту бывшаго Саадетъ Гирѣя хана писано то бы ханово величество изволилъ послать для того потѣмъ статьямъ договору снимъ Васильемъ пословъ своихъ людеи знатныхъ и породныхъ сполною мочью немѣшкая, а еслиб ему Василю о договоре миру что было наказано и онъ бы Василеи ему Алишъ агѣ обявил и против первого ево агина вопросу, —

Ближние люди говорили будетъ де ханово величество против тои Царского величества грамоты и статеи что имъ на ихъ крымскои юртъ будетъ потребно, будетъ книмъ великим Государемъ писать и стою грамотою пошлетъ человѣка своего и того человѣка съ нимъ ли Василем послать ныне к Москвѣ или ему Василю побыть вкрыму до возвращения того ханскаго человѣка.

І Василеи говорил, чтоб ханово величество с тѣми желания своего дѣлами к Царскому величеству того посла своего послалъ вскоре снимъ Васильемъ для того чтобы имъ великим Государемъ ихъ Царскому величеству о ханском намѣрениі было извѣстно подлинно, и чаять что иногда запомощию Божіею то добро начатое дѣло і конецъ свои воспріемлетъ, а буде ханово величество изволитъ посла своего к Москвѣ послать а ево Василя до возвращения ево держать въ Крыму, и тоб дѣло взадержаніи ево Васильеве неподпалоб какому с стороны Царского величества сомнѣнію.

Потомъ ближние люди у Василя спрашивали Царское величество с Полскимъ Королемъ вдружбѣ ли пребываютъ и послы или посланники Полскіе нынѣ на Москвѣ есть ли, и буде у Московскаго Государства сКрымомъ учинитца миръ, ково Царское величество за недруга себѣ имѣют и іхъ впомочь накого впред присовокупляют какъ о томъ в статяхъ написано.

І Василеи говорилъ, что Царское величество с Полскимъ королемъ по учиненіи вѣчнаго миру имѣютъ дружбу и любовъ постоянную, і во обоих сторонахъ при дворех, какъ Царскаго величества, такъ и Королевскаго величества, живутъ резиденты неотступно. И у Великихъ Государей нашихъ у ихъ Царскаго величества никоторых Государей Христианскихъ и мусулманскихъ в нѣдружбе ныне кромѣ турского Салтана и крымского хана нѣтъ никово а что вмирныхъ статьяхъ написано что Салтану турскому и хану Крымскому нынѣшнимъ і впред будущим Царского величества на украинные и козацкие городы и мѣста воиною не ходить і никого непосылать и недругомъ Государскимъ, хто съ Ихъ Царским величествомъ будетъ в воинѣ непомогать, а быти другу другами а недругомъ недругами; И то в тѣхъ статяхъ написано о впредбудущихъ недрузѣхъ хто впредь будетъ...

И ближние люди говорили, хотя де чего было имъ и неговорить, однакожъ и то ему Василью они скажутъ для того, что пришло крѣчи полскои де король кханову Величеству присылаетъ пословъ своихъ и пишетъ непрестанно, прося, чтоб снимъ учинить миру и ужъ при семъ хане для того дела присланъ третеи посланникъ и они де ближние люди обявляютъ ему Василю отомъ для того, будетъ де которая сторона прежде скрымомъ помиритца, та будетъ Крыму и приятнѣе, а в грамотѣ королевскои о сторонѣ Царского величества ничего ненаписано и посланники потому ж нипрочто не говорятъ;

І Василеи говорил, что у короля Полского съ Крымскимъ Юртом в пересылках ихъ нидѣистъвуетця только великия Государи наши Ихъ Царское величество по союзному обовязательству имѣютъ скоролемъ Полскимъ нерозорванную любовь і в миротворенії с хановымъ величествомъ ево незапоминаютъ, о чемъ они ближние люди сами доразумѣютца какъ в нынешнеи ихъ Царскаго величества любительной грамоте кханову величеству об немъ написано.

А на осмую статью говорили они ближние люди, что де в грамоте Царскаго величества і о томъ написано противно ж прежнему обыкновению чего никогда не бывало чтоб Крымскимъ посломъ договариватца о миру на Москвѣ, всегда де Царского величества послы бывали і миръ становили и шертные грамоты отбирали у нихъ въ Крыму а сними де присылываны от ихъ Царского Величества к хану и к Калгѣ и Нурадыну и к ближнимъ людемъ поминки и нетокмо де тѣ поминки присыланы спослами но и з гонцами присыланы легкия поминки, а ныне де он Василеи отъ Царского величества присланъ о добрых делех, и мочно было сним прислать что ни есть и поминковъ противъ прежнихъ обычаевъ; а то де сия ево присылка Крымскому Юрту крѣпко сумнителна для того, что въ грамоте Царского величества писано, что б Крымскому Юрту с Московскимъ Государством въ миру и вдружбе и влюбви быть попрежнему; а в статьях дела всѣ новые, и дружелюбнымъ дѣлам и прежнимъ поведеніямъ вовсемъ противные, какъ же де втомъ дружбе статися;

И Василеи имъ ближнимъ людемъ говорил счѣмъ онъ Василеи отъ великихъ Государей своихъ отъ Царского величества кханову величеству присланъ, то онъ ему хану и імъ ближнимъ людемъ и объявил, а болши того он у себя ничего не имѣетъ і ни вкакие дѣла ему Василю вступать не указано, кромѣ того что чрезнихъ ближнихъ людеи ханову величеству предложитъ чтоб хан буде желаетъ с Царскимъ величеством быти въ миру и дружбе и влюбви по тѣмъ присланнымъ снимъ статьямъ и онъ бы къ ихъ Царскому Величеству послалъ полномочныхъ пословъ своихъ вскоре снимъ Василемъ; а какъ Крымские послы по указу ханова величества какъ имъ будетъ наказано на Москвѣ договоръ о миру учинятъ и поста-

новятъ и утвердят тогда отъ великихъ Государей нашихъ отъ ихъ Царского Величества къ Салтанову Величеству турскому и къ ево ханову Величеству для отобрания шертныхъ грамотъ посланы будутъ іхъ Царского Величества посланники по прежнему обыкновению;

И ближние люди говорили, что они о томъ о всемъ, что они ему Василю по ханскому указу говорили и что отъ него Василя против того слышали, донесутъ до ханова Величества, и какои ханскои указ будетъ о томъ они ближние люди ему обявятъ выное время. И отпущенъ на подворье.

И стого вышеписаннаго апрѣля зъ 21 числа Василеи Ахтемиревъ і гетманскои канцеляристъ Василеи Велецкои і толмачъ Полехтъ Кучумов жили въ Бахчисараи мая по 3-е число; а з дворов ихъ Василя и гетманского канцеляриста і толмача ни людеи их никово никуды неспущали такъ же и к нимъ приходить всѣхъ народов людемъ заказано и приставлено было для того караулщиковъ три человѣка капычѣевъ, и буде когда придетъ кто украиныхъ или малоросиискихъ городовъ полоняникъ и тѣ капычѣи ихъ бивъ безо всякие пощады здвора ссылали, и говорить сними отнюдь недопущали:

а въ приставехъ у него Василья былъ с приѣзду ево вовсе в Бахчисарае бытие безоступно розмѣнного Аштемир бея кегая то есть дворецкои Мустаѳа;

И Василеи ему приставу говаривал коликожды для чего онъ Мустаѳа и капычѣй никого и нирускихъ неволниковъ книмъ Василю ни людеи ево Василевыхъ на базар что доведетца съѣсного купить непущаютъ а онъ Василеи отъ великихъ Государей отъ ихъ Царского Величества къ ханову Величеству присланъ о добрыхъ дѣлехъ и такои неволи и утѣснения имъ чинить было негодилос, потому что на Москвѣ Крымскои ихъ гонецъ Магметъ ага по милости ихъ Царскаго Величества имѣетъ всякую поволность, толко онъ Василеи покладаетца въ томъ на изволение ханова Величества однакож бы он Мустаѳа ближнему человѣку Алишъ агѣ когда ни есть прошение ево Васильево донес, что хотя б ему поволено было когда въ воскресные или в праздничные дни съѣздить къ церкве Пресвятые Богородицы, которая есть в горѣ близ Бахчисарая.

И тотъ пристав Мустаѳа отговаривался, что онъ и капычѣй исполняютъ указ ханова Величества какъ імъ наказано и дѣлаютъ то несобою, а для де чего імъ такъ приказано о томъ они они не вѣдаютъ; а о желании де ево Васильеве къ церкви ближнему человѣку по времени когда будетъ пристоино онъ донесетъ.

Маия въ 2 день приѣзжалъ къ Василю Тимирша бѣи и сказывал, что де ханово величество того дня выходитъ из Бахчисарая въ путь свои на воину вможары;

И Василеи ему бѣю говорил, когда ханово Величество изъ Бахчисарая выходитъ какои же ево ханскои указ есть обнемъ Василе и к великим Государемъ нашимъ къ ихъ Царскому Величеству ханово Величество листъ свои писать изволитъ ли и когда ево Василья отпуститъ и посла своего к Москвѣ снимъ Васпльемъ пошлетъ ли и буде пошлетъ какои породы и ково имянемъ и гдѣ ему Василью на отпуске у себя быть велитъ въ Бахчисарае ли или вдороге.

И бѣй говоритъ, что об отпуске ево Василеве у ханова величества онъ бѣи слышал что хочетъ ево Василя отпустить при себѣ и к Царскому Величеству снимъ послать человѣка своего, толко кому втои снимъ Василемъ посылке быть никому еще не сказано потому что карачбѣевъ ныне при хане нѣтъ въ съѣзде, а хотя и есть и тѣхъ малое число а велено имъ всѣмъ съѣзжатис кхану вдороге и тамъ подумаютъ і ково и скакимъ дѣломъ послать приговорятъ о том онъ Василеи увѣдаетъ выное время. И будетъ де ханово Величество изволить к Москвѣ послать ково посланников, и онъ Темирша слышалъ что быть в той посылке дяде ево бѣеву Мубарекшѣ мурзѣ Сулешеву которои на передъ сего бывалъ на Москвѣ в посланникахъ же а ныне де ханове Величество указал ему Василью и гетманскому канцеляристу ѣхать із Бахчисарая въ Яшловъ и ожидать об отпуске своемъ указу въ Яшловѣ,

Темирша же бѣи говорил будетъ де хочетъ он Василеи для моленія ѣхать къ церкве Пречистые Богородицы и ханово де Величество ему в томъ соизволяетъ.

И Василеи того ж числа [скрытно] посылал свѣдомостью къ греческому митрополиту Неофиту [у котораго въ епархіи всѣ в Крыму обретающиіся христианские благочестивые Церкви скоторым Василеи таино от татаръ і видался и говаривал потому что домъ ево митрополеи здворомъ гдѣ Василеи стоялъ сходен огородами] чтоб онъ митрополитъ в Церкви Пресвятые Богородицы содѣйствовал ко Господу Богу и ко Пресвятѣи Богородицѣ о здравіі Благочестивѣиших великихъ Государей Царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича всея великии і малыя і бѣлыя росіі Самодержцевъ і всего ихъ Царского дому и сигклита і воинства молебенъ, и для того ѣхал бы к церкве;

И митрополитъ Неофитъ приказывал кнему Василью что он то доброе дѣло совершить ьотовъ здушевною радостию, токмо имянъ ихъ Государскихъ невѣдаетъ чтобы ему дано написмѣ.

И Василеи написал імяна Великихъ Государей Царей і великихъ князей і великихъ Государынь благовѣрныхъ Царицъ і великихъ княгинь и Благовѣрныхъ Царевичеи і великихъ князеи и Благородныхъ Царевнъ ему митрополиту отдалъ въ Церкве, и говорил, чтоб онъ і всегда о ихъ Государском здравіи Бога молилъ а труды ево от Бога и от нихъ вели-

кихъ Государеи впред забвенны не будутъ и наградятся ихъ Государскимъ милостивымъ жалованем.

І митрополитъ молебенъ совершалъ самъ да снимъ два человѣка священников, и впредъ о ихъ Государскомъ здравіі Господа Бога молить обѣщался.

А до церкви Пресвятые Богороды снимъ Васильемъ ѣздилъ вышеписаннои приставъ Мустаѳа и былъ в то время въ паперти а в Церковь невходилъ.

И із Бахчисарая Василеи Аитемирев и гетманскои посланецъ выѣхали въ Яшловъ мая въ 3 день.

И назавтрее того дни мая въ 4 день въ Яшлове приѣзжалъ к Василью Мубарекша мурза Сулешевъ а снимъ Темирша бѣй и говорил, что прислалъ ево Мубарекшу кнему Василью ханово Величество и велѣлъ снимъ Василемъ видетис и поговорит для чего онъ Василеи от Царского величества кхану присланъ, и очемъ ему Василью словесноп приказ есть чтоб онъ ему мурзѣ все объявилъ подлинно, ничего нескрывая.

І Василеи говорилъ, что для чего от великихъ Государей от ихъ Царского Величества он Василеи кханову Величеству присланъ, о томъ его ханову Величеству извѣстно о всемъ чрез ближнего ево человѣка Алишъ агу, и чаетъ онъ Василеи что і ему Мубарекше мурзѣ о тѣхъ дѣлехъ вѣдомо ж, а буде он мурза вѣдать от него Василья того, для чего онъ прислан требуетъ и онъ Василеи ему Мубарекшѣ о тѣхъ дѣлех о чемъ говорил с Алишъ агою скажетъ кдоношению до ханова Величества і вдругои ряд что отъ великихъ Государей отъ ихъ Царского Величества присланъ онъ кханову Величеству сь ихъ Царского Величества любителною грамотою в которой писано о миру междо Московским Государствомъ и Крымскимъ Юртомъ, а именно что нажелание миру хана і всего Крымского Юрта, и Царское величество к тишинѣ і к покою имѣютъ склонность и для того ево Василья и прислать изволили а на чемъ быть миру о томъ, онъ Василеи присланные снимъ статьі вручил Алишъ агѣ, по которымъ статьям онъ Алишъ ага доносилъ ханову Величеству.

И Мубарекша говорилъ, что о тѣхъ дѣлехъ окоторыхъ онъ Василеи с Алишъ агою говорил онъ Мубарекша незнаетъ, толко ныне хан ево прислалъ к нему Василью чтоб онъ ему объявил подлинно есть ли ему о томъ, начемъ быть миру какои словесноп приказ а в статьяхъ де которые снимъ Василемъ присланы, есть такие дела написаны, за что никогда миру быть немочно, и пословъ хану посылать от себя недлячего: и буде онъ Василеи словесного приказу іли какова дѣла на тѣ противные імъ статьи ныне не обявит, а ханъ и с Крыму ввоину выидетъ, А онъ Василеи будетъ в Крыму задержан и тогда ему без хана с каймаканомъ говоритъ и дѣлат будетъ нѣчего;

И Василеи говорил, что от великихъ Государеи от ихъ Царского Величества ни о какихъ дѣлех кромѣ того [первое: что ханову величеству подать громота; второе; ближним людемъ отдать статьи; третее: говорить буде съ их Царскимъ величествомъ ханово величество хочетъ быть въ миру і вдружбе і в любви, и онъ бы для договоровъ послал послов своихъ людеи честныхъ и породныхъ сполною мочью, хто б могъ договариватис не за однъ Крымскои Юртъ но за салтана турского за сторону] онъ Василеи словесного наказу і ни в какие дѣла дерзновения не имѣетъ. А что онъ Мубарекша претитъ задержаниемъ ево Василья без хана в Крыму и отдаляетъ ево хаимакану и ему Василью с каимаканомъ никогда ни о чемъ говорить нѣчего, потому что онъ прислан к ханову Величеству а не х каимакану, и задержание ихъ в Крыму Крымскому Юрту будетъ не к пожитку, потому что задержанием междо Государствы посланнымъ людемъ никогда добрые дела не совершаютца, а чтоб ханово Величество изволил къ великимъ Государемъ к ихъ Царскому величеству о намѣрении своемъ писать и для тово де миру посла своего снимъ Василемъ к Москвѣ послать при себе;

И Мубарекша договорил для чего же де къ Царскому величеству хану пословъ своихъ и посылать потому что на Крымскую сторону в посольствѣ его Васильеве нѣтъ никова добра, а во всем против прежнихъ обычаевъ а наипаче въ розмѣнной казнѣ отказ, за что миру и дружбе никогда быть немочно и мочно де ему Василью вѣдать и самому, что Крымъ Москвы не боится никогда. А ныне буде миръ учинитца добро. А буде миру не будетъ и они и квоинѣ готовы, да в томъ де ханову Величеству и всему Крымскому Юрту показуетца что к миру с стороны Царского Величества нѣтъ соворшеннаго склонения, потому что ныне прислан онъ Василеи будто для добрых к миру дѣл а поминковъ книмъ к хану их калгѣ и къ нурадыну и к ближнимъ людемъ [какъ прежде сего бывало] ничего неприслано, для чего жъ де хану пословъ своихъ кмоскве и посылать; а которые де прежнихъ ханов посланники и посылываны, а дела с ними бывали и невеликие и тѣхъ де на Москвѣ невѣдомо для чего задерживаютъ многое время а именно какъ и онъ Мубарекша былъ посланником на Москве и ево держали згодъ да у него ж де и у людей ево и оружіе ихъ саадаки и сабли были отобраны и естлиб де вто время посланои от Царского Величества ктурскому салтану Никита Алексѣевъ не былъ позадержан в Ачаковѣ, и ему Мубарекше чаетъ онъ что смосквы и отпускуб небыло, да и Магметъ де ага ныне на Москве задержанъ потому ж невѣдомо для чего;

І Василеи говорил естьлибъ великие Государи наши ихъ Царское Величество схановымъ Величествомъ миру и дружбы имѣть и христианского и бусурманского народовъ кроволитию успокоенія нежелали тобы

кханову величеству ево Василья и посылать неизволили і посланной ихъ гонецъ Магметъ ага отпущенъ бы былъ в Крымъ с Москвы без дѣла, а и послать ево ізволили Великие Государи не для каковыхъ трудныхъ причинъ, токмо по желанию всего Крымскаго Юрта; а что он Мубарекша голоритъ, что Крымъ Москвы небоитца то и Московские войска в надежде на Всесильнаго Бога нималые боязни от Крыму не імѣютъ. Потому что вѣдаетъ онъ Мубарекша і самъ также і вес Юртъ какие у Великихѣ Государей нашихъ у ихъ Царского величества превеликие московскіе и малороссіские воиска и вожи степные ныне тѣмъ воискамъ до Крыму уже непотребны;

А что он Мубарекша говоритъ на присланные статьи вотставке розмѣнной казны противность прежнимъ обычаемъ і втом имъ Крымскому Юрту нѣтъ никакие противности и миру мочно быть безовсякие імъ трудности для того что въ тои орозмѣнной казнѣ стате написано, что по Государскому изволению ссылатися любезными поминками взаимно со обоихъ сторонъ, а старые дѣла какъ прежъ сего ни бывало [о чемъ ему Василю ближние люди въ разговорехъ и ныне он Мубарекша воспоминаютъ] нынешнимъ дѣламъ не въ образецъ. А какъ к великимъ Государемъ к ихъ Царскому Величеству присланъ от Саадетъ Гирея хана с листомъ гонецъ Магметъ ага, і в томъ ханове листу никакова ханского и юртового намѣрения на чемъ быть миру не обявлено а когда Царское Величество изволили выслушат в том листу ханского и всего крымского Юрта к миру желания и за салтанскую сторону турского словъ и дѣлъ преемность: тогда и свое Царского Величества к миру намѣрение и чего стурскои стороны требуютъ чрез свою Царского Величества любительную грамоту присланую снимъ Васильемъ обьявить и статьи на чемъ быть миру предложить ізволили.

И буде ханову Величеству покажетца въ тѣхъ статьяхъ что противное и тогоб ради посла своего къ Царскому Величеству ханъ і послалъ, которои бы посол імѣл себѣ к договорамъ полную мочь, и тогда по ізволению великихъ Государеи ихъ Царского величества и по договором любо что на желание ихъ и применится, а ему Василю, не імѣя Царского величества указу, к договорамъ того мирного дѣла вступать никакими мѣрами немочно и непристоино; потому что договоры творятца обычно всегда послами а не гонцами; а что поминков съ нимъ Василемъ не прислано, и тои ныне поминкам присылке быть не для чего, потому что і наперед сего присылано бывало толко вмирныя времяна;

А Магметъ агѣ указали Великіе Государи при своем Царского Величества дворѣ побыть для того, чтобы ханово величество изволилъ съ нимъ Васильемъ на ихъ Царского Величества грамоту учинить скорую отповедь

и живетъ онъ Магметъ въ ихъ Государскои великои милости и удоволствованиі і вповолности;

Мубарекшаж говорил, вѣдомо де на Москвѣ что посолскіе междо Московскимъ Государствомъ и Крымскимъ Юртомъ всѣ дела належатъ вѣдат и к Москве посылка впослѣхъ бываетъ ихъ роду Сулешевыхъ, и ныне де Царского величества в Грамоте о присылке к Москвѣ пословъ чтоб прислать ково из ихъ же роду для чего пмянно ненаписано;

И Василеи говорилъ, что Царское Величество о томъ имянно никогда писать не изволяет да и не для чего, потому, что ханово величество ково изволитъ того и пошлетъ.

Потомъ при отѣзде от него Василя Мубарекша мурза ему говорилъ, что ханово де величество указал ево Василя припроводить к себѣ вдорогу или конечно в перекопъ ему Мубарекшѣ и Темирша бѣи снимъ ж будетъ. А когда имъ к хану ѣхать, о томъ ожидалъ бы онъ Василеи от него Мубарекши вѣдомости, а ныне де ханово величество стоитъ перешед реку Алму вполе близко Акмечети, на Боръ Чакраке.

И жил Василеи въ Яшлове совсѣми принемъ будучими людми ожидая о поѣздке своеи к хану вѣдомости седьмь днеи;

А мая въ 8 день приѣзжалъ въ Яшловъ к Темиршѣ бѣю казыкермснского Кемала бѣя кегая Муртаза, і василеи ево спрашивал, что у нихъ вѣдомостеи с Московскои стороны и из украиныхъ городовъ и із Запорожья.

И онъ кегая чрез толмача Полуѣхта Кучюмова говорил увѣщевая, чтоб тѣ рѣчи ево были у него Василья втаиности, чтоб ему кегаю непострадат от своихъ бусорман смертию.

Приѣхал де книмъ в казыкермень из Баткалы то есть з запорожя слистами кошевой писарь Петрикъ, а снимъ козаковъ восмь человѣкъ, а писма де снимъ із городовъ и із запорожя и сказывал де в Казыкермене бѣю, что в украиныхъ козацкихъ городѣхъ учинилос в народе замешание и Гетманъ Іванъ Степановичъ Мазепа от казаковъ восаде, і всѣче де на запороже у нихъ такъ же и Кемалъ бѣи тѣ писма у него Петрика взявъ послалъ ево Петрушку съ провожатыми в Крымъ къ хану, а писма де бѣи послалъ к хану снимъ кегаею і онъ де стѣмі писмами приѣхал к хану на Борчакракъ вчерашняго мая 7-го дня. А тотъ де писарь сказаками оставленъ вперекопскомъ городе а откого де и к кому и о чемъ тѣ писма писаны того онъ невѣдаетъ;

а какъ де хан отпускалъ ево кегаю от себя въ Яшловъ і онъ с нимъ Кегаею к Мубарекше Мурзѣ и к Темирше бѣю приказывал чтоб они снимъ Васильемъ ѣхали к нему хану немѣшкая никакого времени;

и із Яшлова Василеи совсѣми людми поѣхалъ маия въ 10 м числѣ.

К Перекопскому городу Орозову приѣхали мая въ 14 день; и недоѣхавъ до города остановленъ на степи версты за четыре, а ханъ вто время сво-

искомъ стоялъ на своемъ ханскомъ лугу возле валу вниметахъ; и того ж часа Темирша бѣи ѣздилъ к хану и пріѣхав сказывал что он хана видѣл и об немъ Василье ему ізвестилъ и ханъ де ему говорил приказывая к нему Василю чтоб он пообождалъ покамѣста кнему хану съѣдутца карачбѣи. А онъ де ханъ поних послалъ і ожидаетъ ихъ себѣ вскоре;

А мая въ 17 день ополудни ханъ своискомъ вышелъ за Перекопъ встепъ, на думной курганъ от перекопи впяти верстахъ и стоялъ на томъ куртанѣ два дни;

а вкоторое время ісперекопи он выходилъ тогда із города і сваловых башен была стрелба із двенатцати пушекъ;

И стоялъ Василеи сними Мубарекшею і с Темиршею на степи пять днеи, а в тѣ дни Мубарекша и Темирша ѣздили к хану по вся дни и пристав Кегая Мустаѳа снимиж.

А когда они от хана встанъ к себѣ пріѣдут тогда Василеи об отпуске своемъ спрашиват посылалъ къ нимъ толмача Полуѣха Кучюмова.

И они мурзы отговаривалис розными словами то карачбѣи несъѣхалис к хану, то былъ у хана калмыцкого аюка таиши посланецъ а иногда скажутъ что ханъ ни хкому не выходил;

А мая въ 18 день ввечеру пріѣхавъ встанъ приставъ кегая Мустаѳа і Василью сказывалъ что великие карачбѣи вчерашняго 17 дня к хану всѣ съѣхалис і о присылке ево Васильевѣ Царского Величества зграмотою і статьями была дума; и ханъ де втои думе так же и великие карачбѣи Уктемир бѣи Ширинскои, і Капланъ бѣи Мансуров, і Батырша бѣи Аргынскои и Гутлу Гирѣи бѣи Сыдживудскои и иные знатные бѣи і карачѣи [притом же был и казыкерменскои Кемал бѣи] приговорили: что к Великимъ Государемъ къ ихъ Царскому Величеству для договору о миру послать изроду Сулешевыхъ мурзъ Мубарекшу мурзу токмо де о дѣлехъ которые дела и слова принялъ на себя бывшеи Саадетъ Гиреи ханъ за сторону Салтана турского нынешней Саѳатъ Гирѣи ханъ невѣдаетъ и безуказу Салтанского противъ статьи что написано о Гробе Божіи чрез посланника своего никаново договору чинить не смѣетъ; а великие де карачбѣи хотя о тѣхъ дѣлехъ и о намѣрениі прежняго Саадетъ Гирея хана і вѣдаютъ однако ж полагаютца на волю ханскую, и приговорили чтоб хану о томъ к салтану турскому описать, і сего де дня листъ ханскои к салтану турскому написанъ и отправляетъ от себя хан к салтану напередъ себя нурадына салтана с нѣсколькою частию воиска, а снимъ нурадыном отпускает турского [присланного к нему хану споведеніемъ о походе своиски] Чауша и тотъ листъ посылаетъ наскоро с тѣмъ Чаушемъ и какои салтанскои указ о Гробѣ Божіі к хану наево листъ будет, тогда де уже сподлиннымъ деломъ отсюду приказалъ ханъ без себя к москвѣ Мубарекшу мурзу отправить посланникомъ калгѣ салтану и для того де Мубарекша

от нынешняго сханомъ походу вкрыму и оставленъ, и поѣхал от хана исъ табору прямо вдомъ свой а ему де василю до того салтанского указу указалъ ханъ побыть вкрыму и от перекопи отвесть ево и гетманского посланного человѣка и толмача совсѣми ихъ людми назадъ въ Бахчисараи а гдѣ ему до указу быть о томъ ханскои указ посланъ в Бахчисараи хкаимакану к Магметъ агѣ.

И Василеи говорил ему Мустаѳѣ, когда уже ханово величество отпустить ево при себѣ и неизволилъ и отложено то ксалтану на описку и ханово б величество указалъ ему василью о задержаніи своемъ для чего ему вкрыму задержание учинилось писать к царскому величеству и послать кмоскве толмача или ково изъ людей своихъ, для того что [от великихъ Государей от ихъ Царского Величества послан онъ вкрымъ кханову величеству зграмотою наскоро и наказано ему и о возвращеніі своемъ ханову величеству чрез ближнихъ людеи доносить, чтоб желаемое ими мусульманы добро начатое дѣло конецъ себѣ одержало вскором времени; И о поведеніі какъ ему василею вкрыму при хановевеличествѣ поводитца и гдѣ онъ ныне обрѣтаетца великимъ Государемъ неизвѣстно и втомъ онъ василеи опасенъ на себя ихъ Государского гнѣву;

И пристав ему Мустаѳа говорил, была де у ханова величества скарачбѣями рѣчъ и о томъ естъ ли де учнетъ онъ василеи домогатись того чтоб скѣмъ квеликимъ Государемъ к Москве ему писать и ханово де величество писать ему к москве ниочемъ неповолилъ, і говорил, для чего де ему ныне писать потому что де онъ сюды вкрымъ не нажитье приѣхал. Толко побудетъ до салтанского на его ханскои листъ указу.

а онъ де пристав чаетъ естъ ли какой салтанскои указ отом кхану будетъ; и той де посылке мочно обратитца в тридцать днеи;

Пристав же Мустаѳа ему Василю говорил и у гетманского канцеляриста у Василя Велецкого спрашивал: приѣхал де кхану иззапорожя вподданство служить из Баткалы называетца писаремъ. И бывалъ сказываетъ и при гетмане втомъ же чину а имя ево Петръ а снимъ казаковъ человѣкъ здвѣнатцать, и они де того писаря знаютъ ли, и при гетмане онъ писаремъ служивал ли а тотъ де писарь ихъ Василья и гетманского посланца знаетъ, и требуетъ, чтоб ему снимъ гетманскимъ посланцемъ для нѣкакова дела вндетись;

И канцеляристъ приставу говорил, что ему видетися стѣмъ писаремъ одному недлячего, а буде поханском указу ему канцеляристу видѣтись снимъ и велятъ и при томъ бы былъ и царского величества посланнои;

И пристав говорил, что он царского величества спосланнымъ съ Василемъ Аитемиревымъ видѣтис нехочетъ а толко чтоб виделся съ однимъ снимъ гетманскимъ канцеляристомъ, і вѣдаетъ онъ приставъ что де утре калга салтанъ возмет ево канцеляриста для того ксебѣ вперекопъ;

И мая въ 19 ден часу о первомъ дня Темирша бѣи прислалъ к Василю

встанъ пристава Мустаѳу и тотъ пристав говорил чтоб гетманскои канцеляристъ ѣхал съ Темиршою бѣмъ вперекопь а онъ Василеи чтоб ѣхал снимъ приставомъ вдорогу к Бакчисараю, а гетманскои посланецъ доѣдетъ іперекопи іхъ съ Темиршою бѣмъ вдороге;

И гетманскои канцеляристъ поѣхал с Темиршою в Перекопскои город, а Василеи с приставомъ вдорогу к Бахчисараю;

а какъ приѣхали поддеревню Тузлу на соленое озеро от Перекопи втрехъ миляхъ і тутъ при колодезе ѣхавъ іперекопи стоялъ на стану и полдневал Калга Салтан і Темирша бѣи сканцеляристомъ пріѣхали на то мѣсто прежде ево Васильева проѣзду;

і гетманскои канцеляристъ ему Василю сказывал что он у Перекопи былъ счас позадержанъ, а Темирша де ѣздилъ вгородъ одинъ, а потомъ выѣхалъ із города сказал ему, что де Калга Салтан прикажет ему посланцу съ тѣмъ писаремъ видѣтись выно время у себя въ Акъ Мечети или в Бахчисарае или гдѣ они до ханского указу жить будутъ; и дорогою ѣдучи Василеи у Темирша бѣя и у пристава спрашивал, ханово величество того новоприѣзжаго книмъ писаря ксебѣ принялъ ли, і в какую службу. И для какова себѣ пожитку и жалованья ханского ему что также и казакомъ дано ли и гдѣ онъ ныне обрѣтаетца сханомъ ли наможары поидетъ или вкрыму останетца; И Темирша бѣи и приставъ ему Василю сказывали, что ханъ ксебѣ вслужбу хотяб откуды ни есть хто ему служить приѣхалъ приметъ. І ныне того писаря и козаков хан к себѣ принялъ и далъ ему своего жалованья на приѣзде халат да саблю да конь съ снарядомъ. А казаком по каѳтану суконному да по шапкѣ да по сапогамъ, а в какои они службѣ у хана будутъ того еще невѣдомо, і ныне де онъ и казаки в Перекопскомъ городе а сханомъ наможары не поѣдутъ, будутъ в Крыму при Калгѣ Салтане;

І Василеи имъ Темиршѣ и приставу говорил, что он Василеи того плута Петрушку знаетъ и Царского величества при подданномъ воискъ запорожскихъ Гетмане при Іване Степановичѣ Мазепе, гдѣ он вканцеляріі былъ запослѣдняго подписка видал и слыхал об немъ что он былъ ничему негоднои, и будучи втой Гетманскои канцеляріі наплутал и наворовал, такъ что удостоился повѣсить. И онъ оттого ушед изъ Батурина пропал безвѣстно, и какъ въ нынешнихъ невдавныхъ часѣхъ Гетману Ивану Степановичу об немъ учинилос вѣдомо, что он плутъ Петрушка обявился на запороже; послал было от себя на Запороже всѣчу х кошевому Атаману і ко всему низовому воиску нѣкакую особу чтоб ево оттуду взять и онъ плутъ видя тоѣ на себя за злои свои поступокъ смертную бѣду, и із запорожя із воиска ушолъ книмъ в Крымъ, и признаваетъ он Василеи что и ево із Крыму отпуску учинилос препятие ево Петрушкинымъ воровскимъ приѣздомъ;

И Темирша и приставъ говорили, что отпуску ево Василеву приѣздом тово Петрушки нѣтъ никакой помѣшки и задержания ему многово небудетъ потому что с великими Государи ханъ и весь Крымскои Юртъ крѣпко требуютъ миру;

И мая въ 22 день какъ приѣхали в Бакчисараи и вто время Темирша бѣи и приставъ оставя Василя на улице поѣхали хкаймакану. А кнему Василю прислали татарина Жумалѣя. И тотъ татаринъ говорил, чтоб он Василеи совсѣми людми ѣхалъ снимъ в жидовскои городокъ, а бѣй де от каимакана туды будет же;

И Василеи в жидовскои городок поѣхал и поставленъ з гетманскимъ человѣкомъ на одномъ дворе;

А Темирша бѣй да снимъ каймакановъ кегая доѣхавъ вдороге говорили Василю, что хан указал ему и гетманскому посланцу быть до указу своего в жидовском городкѣ и они ево въ этот городокъ проводятъ;

І Василеи говорил для чево ханово Величество обнемъ Василе такъ учинить изволилъ, присланъ он Василеи отъ Великихъ Государеи кхану для такихъ добрыхъ дѣлъ чего они всѣмъ Юртомъ желаютъ, и наскоро і ханово величество неизволил против их Царского Величества грамоты листа своего писать и ево отпустить и приказал задержать. А ктому же еще сажаютъ ево в жидовскую крѣпость будто невольников, гдѣ у нихъ бываютъ держаны полоняники, и втомъ дѣле показуетца явно, что с великими Государи нашими съ іхъ Царскимъ Величествомъ ханово Величество вдружбе и влюбви быти не хочетъ, а когда уже у него хана доброго кмиру намѣрения нѣтъ, для чего ж бы ему Василю такъ задержаніе и чинить: изволил бы ханъ ево Василя отпустить тоб и Магметъ ага отпущен былъ с Москвы тотъ часъ безо всякого задержанія;

И каимаканов кегая Василю говорилъ, что он и самъ на Москвѣ с послы бывалъ здвожды и обычаи московскои какъ ихъ крымскимъ посломъ поводитца знаетъ, когда крымские послы приѣдутъ к Москве тогда ихъ посадятъ за караулъ на Крымской дворъ і никово к нимъ непускаютъ также и имъ никуды отнюдь ходить не велятъ;

И ныне де противъ того и ханъ гдѣ ему Василю быть указал тутъ он и будетъ, а что онъ Василеи говоритъ о задержаніі своем для чего же де и ихъ гонецъ Магметъ ага на Москвѣ задержан; а отъ хана де также он к Москве посланъ былъ наскоро;

Потомъ Темирша бѣи и каимаканов кегая Василю говорили, что ханово Величество указал ему и гетманскому посланцу давать кормъ, а лошадеи де своихъ буде похотять и ониб продавали, а буде отпускъ имъ искрыму скажутъ, и въ то время мочно купить и иныхъ. А естьли де продать не похотите и тѣхъ лошадеи ихъ возмет Темирша бѣи къ себѣ

в Яшловъ и запятнавъ Яшловскимъ пятномъ прикажетъ ихъ пасти своими лошадми;

И Василеи и гетманскои человѣкъ и толмачъ лошадеи своихъ бѣю въ Яшловъ отдали Василеи и гетманскои человѣкъ по шти толмачъ же двѣ всего четырнадцать лошадей;

И они Темирша и каимаканов кегая и приставъ отобравъ лошадеи из жидовскаго городка поѣхали, а обнихъ Василеи приказал жидовскому капычѣю которому тот городокъ приказанъ чтоб на дворѣ у нихъ былъ караулъ неотступно, а из города никуды нипочто никово, также кнему Василью на дворѣ русскихъ и малоросiйскихъ полоняниковъ отнюд пускать не велѣли;

А плутъ и измѣнникъ Петрикъ съ товарищи изъ Акмечети отъ Калги султана присланный въ Бакчисараи мая въ 27 день и поставленныи у арменъ и даванъ имъ таилъ то есть кормъ хлѣбъ, мясо и шарапъ.

И будучи въ Бакчисараѣ хаживалъ онъ плутъ по часту къ каимакану и говорилъ, чтобъ татаровя шли съ нимъ воиною на Московское государство неиспоздавъ покаместа на украинѣ объ нихъ не провѣдаютъ, а царскаго Величества посланнаго и гетманскаго человѣка чтобъ держать въ великой крѣпости и береженiи чтобъ они ни о чемъ не вѣдали, а если де они татаровя вскоре съ нимъ плутомъ не поидутъ а на украинѣ о томъ провѣдаютъ, и будутѣ во осторожности, тогда имъ и итить будетъ не для чего; а то де они ему Петрушкѣ будто не довѣриваютъ или его обманываютъ.

И потому его плутовскому наговору такжъ по письмамъ изъ Казыкерменя Кемала бея Калга напредъ себя послалъ воиною на украину Батырчю бея Аргынскаго и тотъ Батырчя изъ Перекопи пошедъ іюня въ 20 числѣ, а орды съ нимъ сказывали пошло четыре тысячи.

А татаровя жъ которымъ быть съ Калгою было въ готовности же и въ собранiи и дожидались его на Черной долинѣ и противъ Казыкерменя у Днѣпра, только попромедлили затѣмъ что Калга Салтанъ былъ боленъ поганою болѣзнiю и они татаровя въ томъ замедленiи на него Калгу крѣпко негодовали что онъ удобное время имъ пропускаетъ, самъ съ ними неидетъ и никого вмѣсто себя не пошлетъ.

И будучи в жидовскомъ городкѣ, капычѣи которому тот городок приказан говорил гетманскому канцеляристу Василю Велецкому одному многажды: что де каимаканъ приказывал чрез него капычѣя чтоб он гетманскои посланецъ по желанию новоучиненного ихъ Крымскаго Гетмана и плута Петрика съ нимъ виделся;

И гетманскои канцеляристъ Василю сказывал что де онъ ему капычѣю в томъ отказывалъ, что ему съ такимъ вѣдомымъ плутом видѣтис нѣдля чего. А маия въ 29 день тотъ капычѣй говорил гетманскому кан-

целяристу уже и при Василе Аитемиреве каимакановымъ велѣниемъ чтобы конечно онъ для повидания съ тѣмъ плутомъ ѣхал в Бакчисараи.

И Василеи капычѣю говорил, чтоб онъ каимакану сказал: буде тому плуту надобно о чемъ видетис з гетманскимъ человѣкомъ и онъбы каимаканъ прислал ево для того въ жидовскои городок кнему Василю а в Бахчисараи тому гетманскому человѣку к тому плуту ѣздить і видетись нѣдлячего и говорить снимъ нѣчего;

И капычѣй тѣ Васильевы слова кнему доносил до каимакана и пришед Василью и гетманскому человѣку говорил, чтоб онъ гетманскои посланецъ конечно ѣхал для того в Бахчисараи потому что каимаканъ стѣми ево Васильевыми словами к тому Петрушке посылал от себя сеименя і онъ де Петрушка с нимъ Василемъ видется нехочетъ і в жидовскои городок неѣдетъ, а толко бъ виделся соднимъ гетманскимъ человѣкомъ;

И гетманскои человѣкъ Василеи Велецкои с совѣту Васильева и для подлинного увѣдомленія о воровскихъ того плута Петрушки замыслахъ і дѣистве въ Бахчисараи ѣздилъ Июня въ 2 м числѣ.

И приѣхав тогож дни, Василю сказывал что он стѣмъ воромъ Петрушкою у него напостояломъ дворѣ видѣлся, и казаков которые снимъ Петрушкою приѣхали видѣл же, и Петрушке де онъ говорил для чего он требовалъ снимъ видѣтис. И Петрушка де ему говорил: желалъ де онъ видѣтис снимъ для того: будетъ де онъ Василеи нехочетъ вкрыму Царского Величества спосланным с Васильемъ Ахтемиревымъ быть в задержаниі и онъ бы былъ снимъ Петрушкою с товарыщі.

И онъ де Василеи у него спрашивал, а онъ де Петрушка для чего сюды в Крымъ приѣхал и хто ево прислалъ, і ево Василя для чего с собою зоветъ, а вѣдаетъ де онъ и самъ когда в сѣче гетманскои листъ в казацкои раде читал, что по указу великихъ Государей Ихъ Царского Величества и с повелѣния воискъ запорожскихъ гетмана его милости посланъ онъ ихъ Царского Величества с посланнымъ с Василемъ Аитемиревымъ ане собою приѣхалъ и имѣетъ исполнять повелѣние ево гетманское втомъ для чего он посланъ и Петрушка де ему Василью говорил: з запорожя де онъ стоварыщи своими с Прокопомъ Бускимъ и сыными сколко тутъ при немъ есть поѣхалі в Казыкермень въ челнах рекою Днепромъ, а кошевои де атаманъ Θедко і воисковая старшина о тои іхъ поѣздке куды они поѣхали невѣдают і в Перекопи де онъ у хана был и что ему служит присягу учинил, и ханского де жалованя дано ему конь с снарядомъ да сабля, да емуж и первому товарищу ево Прокопу Бускому дано по халату а досталнымъ козаком всѣмъ покиндяку данѣпосколку денгами на сапоги и булава де и бунчукъ у них уже есть а хоронгви де учали было дѣлать въ Перекопи толко де тамъ матереи недостаток и они де дѣлаютъ ихъ ныне в Бахчисараи; а воиско де низовое все ныне всѣче в собранііі,

и будетъ скрымскою ордою всоединенiе и поидутъ для воины издобычи куды знаютъ, а ево де Василья зоветъ он ссобою от любви для того что будетъ хочетъ онъ искрыму себѣ уволнения и онъ бы былъ сними потому что де Царского Величества посланнои задержанъ будетъ в Крыму надолго, А ныне де вѣдаетъ онъ Петрушка, и у Гетмана і во всѣхъ украинныхъ малороссiискихъ городахъ пременилос внароде уж инако а не такъ какъ было при немъ Василе; Аписемь де кнему Василю ни от ково он Петрушка неимѣетъ. А когда де он Василеи сними быть непохочетъ і они де казаков которые естъ снимъ Василемъ у него от берутъ къ себѣ и будутъ они снимъ Петрушкою втоварыществѣ.

Да і ворона де что приѣхал из сѣчи в Крым после ево Петрушки учинил было приѣздомъ своимъ у Калги Салтана нѣчто имъ противное и для того онъ Петрушка с товарыщи своими iманы из Бакчисарая х Калгѣ в акмечетъ. И тотъ ворона учинился с очнои ставки с ними ж за товарища и онъ Василеи ему Петрушке говорил когда де онъ началъ дѣлать таки злые дѣла, и Господь Богъ тоѣ ево злость прекратитъ вскоромъ времени а онъ Василеи куды и для чего от Гетмана Iвана Степановича Царского Величества спосланнымъ посланъ, втомъ и пребудетъ, а сними не будетъ и казаков от себя ему не дастъ и он Петрушка взять у него ихъ неможетъ.

І iюня въ 5 день в недѣлю был Василеи и снимъ Гетманскои канцелярiстъ в Церкве Пресвятые Богородицы что въ Бакчисараиских горахъ у обѣдни, і вто время тутъ же были запорожские казаки Петрушкины товарыщи, да сними запорожскои же казакъ Яковъ Ворона, которои былъ от сѣчи до казыкерменя с Василемъ впровожатыхъ;

І Василеи гетманскои канцеляристъ у него Вороны послѣ обѣдни вышед изъ Церкви спрашивали, онъ Ворона для чего в Крымъ приѣхал с Петрушкою ли или инымъ какимъ дѣломъ;

И Яковъ Ворона имъ Василемъ сказывал, что онъ присланъ в Крымъ слистами от воиска для того чтоб по замиреннымъ договорамъ каковы у нихъ запорожцовъ постановлены с Крымомъ о свободномъ проѣзде и торговле і о волных Днепровыхъ и иныхъ заполныхъ рѣчекъ рыбныхъ ловляхъ і соляных промыслах свободно б имъ запорожцом было ныне ходить для имания соли во обыкновенныхъ мѣстехъ потому что де срыбныхъ промыслов после вешняго времяни казаки уж посходили всѣ всѣчю а Казыкерменскои де беи Кемал мурза [повелѣніем ханскимъ или собою того невѣдомо] своискомъ запорожскимъ пересылку имѣютъ доволство чиня Петрушкиной здраде чтоб запорожское воиско соединяс сордою шли Царского Величества на украинные и малороссiиские городы воиною: токмо де кошевои с воискомъ тому ихъ поганому желанию несоизволяютъ, и неразвращаясь с ордою для того, что б имъ солью добытис, писали к нему бею что они

воискомъ съ ордою на Русь для воины неидут а по обыкновенноі у нихъ въ запороже волности охочихъ молодцовъ, кто съ ордою итить похочетъ никово не удерживаютъ и незапрещаютъ, а Петрушка де стоварыщи какъ от нихъ із воиска в Крым отѣхали, того воискомъ невѣдали;

І Василеи, и гетманскои канцеляристъ измѣнника Петрушку при товарищах ево и при Вороне, і при Грекахъ кто вто время тутъ прилучилис, поносили и плутовство ево выявили всѣмъ вслухъ сколько было возможно, а запорожцомъ наговаривали пространно, чтоб они от того злаго дѣла престали и того вора Петрушки не слушали вѣдаютъ они казаки и самі что бусурманы, сколкижды с христианы а имянно сними казаками вдружбе нибывали однакожъ христианъ никогда на своихъ поганов вномощ себѣ нинакого непризываютъ токмо на нихъ же христианъ, какъ и ныне нами видимо, что в Крыму никоторого столко народу вневоле нѣтъ, сколко малоросиіскаго; і имъ ныне итить и орды с собою вести на Церкви Божиі и на отцовъ своихъ и на матереи и на сродниковъ для какова себѣ пожитка кромѣ погибели, и надобно в томъ памятовать Бога и имѣть доброи разсудок и незабыт Государские ихъ Царского пресвѣтлого Величества превеликие к себѣ милости.

И петрушкины товарыщи говорили уже де что въ яицѣ наклюнулос то и родитца і возвратить де имъ того своего дела нѣлзя, потому что уж они ныне в татарскихъ рукахъ и воле;

А Ворона к тѣмъ Петрушкиным товарищеи словамъ неприставалъ и отвѣтчися таино Василю говорилъ, чаетъ де онъ Ворона что ево ис Крыму отпустят вскоре а імянно в среду Іюня въ 8 день.

И Василеи говорил Вороне обнадеживая ево Государскою милостию, чтоб он буде возможно отвез от нихъ к Гетману Івану Степановичю листокъ увѣдомительноі о житиі ихъ гдѣ они ныне пребываютъ, за что он получитъ и от Гетмана к себѣ великую ласку,

і Ворона говорил, хотя де ему такое дѣло чинить и опасное от своеи братьи однакож служа онъ его милости Гетману Івану Степановичю і воиску запорожскому подщитца то исправити всякими способами. И чтоб и от ево братиі было о томъ скрыто и чтоб они то писмо ізготовили, и кнему чрезъ кого вѣрного прислали, а будетъ де свободно будетъ то он Ворона и самъ книмъ Василемъ въ жидовскои городъ придетъ и писмо возметъ во второкъ іюня въ 7 день *). А іюня въ 6 день каимакан имал ксебѣ в Бакчисараи жидовскаго капычѣя: и тотъ капычѣи пришедъ из Бакчисарая Василью сказывалъ что каимаканъ ему приказывалъ [знатно что по на-

*) Того числа вѣдомость пришла, что хан своиском чрезъ Днепръ под Очаковымъ переправился (Приписка).

говору ізмѣнника Петрушки] съ великимъ подкрепленіемъ и пристрастіем чтоб ево Василья ни Гетманского посланца к Церкве такъ же ни толмача ни людеи іхъ из жидовскаго городка никуды и к нимъ русскихъ полоняниковъ отнюдь никово непускать. И присланы де книмъ будутъ на караул для того сеимени, потому что и запорожцомъ де вовсе вѣрить імъ сумнительно, А наіпаче невѣрятъ они Вороне, и непослали б снимъ какихъ к Москвѣ писемъ; и он де капычѣи каимакану говорил, что онъ снимъ Царскаго Величества посланнымъ и з гетманскимъ посланцом до Церкви ходитъ для провожанья самъ і смотритъ за ними и залюдми іхъ накрепко а никаких таиныхъ разговоровъ у нихъ з Баткалами [з запорожцы] невидалъ также и писемъ никакихъ междо собою они нихто никому не давывали; И стого времени Василеи написав к великимъ Государемъ отписку образцовою азбукою, а Гетманскои канцеляристъ къ Гетману Івану Степановичю листъ, искали тому времени всячески и чрезъ того жидовскаго капычѣя домогся Василеи, чтоб ему Власилью і всѣмъ при немъ будучимъ людемъ свободно было ходить к Церкве Божиі по прежнему.

А іюня въ 8 день Калга Салтанъ пріѣзжал из Акмечети въ Бахчисараи и за высылкою достальныхъ мурзъ и татаръ кхану на воину жилъ три дни чтоб выслать ихъ всѣхъ до единаго человѣка при себѣ потому что от хана присланы кнему Калгѣ изъ войска билюкъ башеи сеименскихъ четыре человѣка з жестоким указом чтоб имъ здвенадцати ихъ мечетныхъ бусурманскихъ соборищъ взять изъ мурзъ и изъ татаръ лучшихъ людей по два человѣка съ соборища и за ослушаніе ихъ что никто съ ханомъ итить не хочетъ казнить смертію и домы ихъ разграбить пожитки, скотъ и все что есть взять на хана. А головы ихъ казненныхъ прислать кнему к хану въ войско для посылки [оправданія ради своего] къ турскому салтану и по тому его ханову ухазу Калга Салтанъ такъ и чинилъ и послалъ кхану голов тѣхъ казненныхъ мурзъ и татаръ съ 15 і в томъ числѣ послана голова знатного и богатаго человѣка Юзъ Эшер аги, которои жил на Салгирѣ рѣкѣ, а иные и Батыр аги [что у Селим Гирея хана былъ ближнимъ человѣкомъ] сынъ Дербишъ мурза увѣдавъ тотъ жестокои ханскои указ покинувъ домы свои ушли, а уходъ ихъ въ турскои у морскои корабельнои пристани обрѣтающеися къ Азовскои сторонѣ городъ Кафу, но та высылка и грабежъ пресѣкся тѣмъ что тѣ билюкъ баши для взятія тѣхъ людей ѣздили сами и не у котораго мурзы ширинскихъ роду заѣхавъ без него въ дому износилствовали дочь дѣвку и отъ того и сами ушли не много не побиты.

Потомъ Василеи промышлялъ со всякимъ усердывимъ радѣніемъ съ кѣмъ бы тѣ писма послать.

И въ недѣлю то есть іюня въ 19 день отъ Церкви Пресвятые Дѣвы Богородицы таинымъ способомъ чрезъ священника из Малоросиіскихъ за-

днѣпрскихъ городов уже тому пятнадцать лѣтъ впадшаго, иокупомъ свободившагося и у тои Церкви при Греках живущаго, Махаила прозваниемъ Маковецкаго, тоѣ къ великимъ Государемъ отписки и к Гетману листъ устроивъ в вощанку, послалъ Василеи к тому же помянутому Вороне, потому что по вѣдомости былъ онъ Ворона еще в Бакчисарае.

А отписку к Великимъ Государемъ писал Василеи такову.

Великимъ Государемъ Царемъ і великимъ княземъ Іоанну Алексѣевичу всея Великия и малыя і бѣлыя Росиі самодержцемъ холопъ вашъ Васка Аитемирев челомъ бьетъ повашему Великихъ Государеи Цареи и Великихъ князеи Іоанна Алексѣевича Петра Алексѣевича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцевъ указу посланъ я холопъ вашъ свашею великихъ Государеи грамотою хкрымскому хану в гонцехъ и какъ я холопъ вашъ вказыкермен приѣхал и отомъ приѣзде своемъ, и о вѣдомостях квамъ Великимъ Государемъ писалъ я холопъ вашъ исказыкермеия збатуринскимъ казаком съ Якимом Кнышемъ апрѣля въ 13 день. А в Бакчисараи я холопъ вашъ приѣхал апрѣля въ 18 день а у хана на приѣзде былъ апрѣля въ 20 день и саѳатъ гиреи ханъ о вашемъ Великихъ Государеи здравіі спрашивалъ, і вашу Великих Государеи грамоту у меня принял самъ любовно, и мнѣ холопу Вашему говорил самъ же, хотя де та ваша Великихъ Государеи грамота писана і не на ево імя, однако же то дѣло ему і всему Крымскому Юрту надобно, и тоѣ Вашу Великихъ Государеи грамоту выслушаетъ, и подумав зближними людми к Вамъ Великимъ Гасударемъ будет писать и меня холопа Вашего отпуститъ незамотчавъ, а апрѣля Государи въ 21 дѣнь былъ я холопъ Вашъ у ближняго члвка у Алишъ аги, и посланные о миру статьи подалъ и онъ тѣ статьи прінявъ доносил ханову Величеству: и того ж дни призвавъ меня холопа вашего к себѣ говорил что де ханъ тѣхъ статеи слушавъ, велѣлъ у меня холопа вашего спросить есть ли у меня холопа вашего указ чтоб по тѣмъ статямъ договариватис, а втѣхъ де статяхъ написано Крымскому Юрту противно, что за что никогда миру быть немочно, і въ Юртъ обявить ихъ невозможно; а потомъ тѣ статьи зближнимъ человѣкомъ с Апкеримомъ ээенди [диванъ ээенди посольскихъ дѣлъ] чли и говорили: Буде у Васъ Великихъ Государеи сханомъ миръ учинитца и первая де и пятая, да шестая, да седмая статьи к миру удобны и содержатца, а о второи статѣ говорили, что Гроб Господень в Салтанскои области а не в их и отданъ Французомъ врозорваніі мира с Вашимъ Царскимъ Величествомъ, потому что король французскои учинил имъ противъ Цесаря помочь і взять ево у французовъ немочно, а о третьеи Государи статьѣ говорили, что о томъ и прежде сего многажды писывано и говаривано только тому збытись что русскои полон ис Крыму весь свободить невозможно; а о четвертои Государи статьѣ о размѣнноі годовои казнѣ говорили они что де розмѣнную казну отставливаютъ вовсе напрасно

и будто де нынешнеи ханъ такъ ж и Калга и Нурадын Салтаны и они ближние люди прежних уж хуже, а у крыму де с Московскимъ Государствомъ низачто недружбы не бывало кромѣ того: когда казны не учнутъ давать тогда орды и поидутъ на рус воевать, а ныне де Крымъ Москвы небоитца и к миру и к воинѣ готовы и подарковъ де никакихъ к Вашему Царскому величеству ханъ непошлетъ, а буде де Москвѣ крымъ воевать взять нечего, кромѣ того что у каждого татарина два коня да третьяя ево душа: и я холопъ Вашъ имъ говорил і выводил о тѣхъ статьях разсуждая что Вы великіе Государи Ваше Царское Величество изволили о Гробѣ Господни к хану встатях предложить побарая благочестиемъ по Господѣ Бозе для единые христианские вѣры Греческого закона которую содержите, и для того, что в ханскомъ листу с Магметъ агою к Вамъ великимъ Государемъ писано что за Салтанскую сторону турского дела и слова преемлетъ на себя, а о розмѣннои казнѣ чтоб они ізтои статьи выразумѣли, что нѣтъ имъ втомъ никакие противности, потому что ссылатис на обе стороны любезными поминками а притомъ Государи домогался я холопъ Вашъ всячески говорил гдѣ пристоино противъ наказу буде ханъ свами Великимп Государи хочетъ быт в миру и он бы для договору послалъ к Москве со мною холопомъ Вашимъ пословъ своихъ людеп знатных і породных сполною мочью; і потому Государи моему холопа Вашего домоганию назначилъ было ханъ к Москве для договору послать Мубарекшу мурзу Сулешева: А самъ ханъ із Бакчисарая по салтанскому указу выступил для походу своискомъ в Венгры Мая въ 2 день; а меня холопа Вашего велѣлъ онъ ханъ Мубарекше для отпуску привесть к себѣ в Перекопъ; и к Перекопи Государи я холопъ Вашъ припроважен был совсѣмъ мая въ 14 день и стоялъ настепи четыре дни, а ханъ ис Перекопи вполе вышел мая въ 16 день и втѣ Государи бытія моего на степи дни Божиі и христианскиі врагъ плутъ и ізмѣнникъ от Вашего Царского величества подданного Гетмана Івана Степановича утеклецъ бывшеи канцеляристъ Петрушка передался з Запорожя вкрымскую сторону стоварищи своими стакимиж плутами здесятью, человѣки и больше прося чтоб Крымские Орды шли воиною на Ваши Государские украинные города, а запорожское де воиско будетъ имъ татаромъ помощию. И у хана Государи онъ принятъ и данъ ему чинъ Гетманства да емуж для того ево проклятаго уряду дано булава да конь съ снарядомъ и иное что к тому злу належитъ а мнѣ холопу вашему тѣмъ ево воровскимъ пріѣздомъ учинилос препятие и мая в 19 день отъ Перекопи з Гетманскимъ посланнымъ со мною холопом вашимъ канцеляристомъ Васильемъ Велецкимъ и столмачемъ Полуехтомъ Кучюмовымъ возвращенъ и посаженъ в жидовскомъ городе близ Бахчисарая и заказано чтоб ко мнѣ холопу вашему нихто, нилюдишка мои никуды неходили; а задержанию Государи моему причину сказали ту, что де ханъ о Гробе Господни писалъ

к Салтану турскому с чаушомъ ево Салтанскимъ, а без указу салтанского с Вашимъ Царскимъ величествомъ договариватис о томъ не смѣетъ, и мнѣ холопу Вашему побыть в Крыму до Салтанского указу, а когда де от Салтана турского о Гробе Господни какои указъ будетъ и Мубарекшу де мурзу посолством именя холопа Вашего снимъ приказал хан без себя отправить к Москве Калгѣ Салтану. И я холоп вашъ домогался чрез размѣнного бѣя и чрез Мубарекшу мурзу, чтоб о томъ для чего задержание учинилос для извѣстия къ Вамъ Великимъ Государемъ мнѣ холопу вашему писать. Ихану де карачбѣи о томъ моемъ желании отговорили и мнѣ холопу вашему і втомъ отказано; а повѣдомости Государи ханъ в Бѣлогородчину пошол и чрезъ Днепръ подъ очаковымъ переправился мая въ 29 м числѣ и воиска снимъ невеликое число всего тысечи счетыре и то сеимени которые взяли жалованье ис казны для того походу от Салтана турского присланное и тѣ сеимени идутъ свеликимъ нежелательствомъ, а мурзы и татаровя нихто въ ту сторону итить не хотятъ потому что де уже тѣ походы имъ крѣпко надокучили, какъ в Крыме о тѣхъ походехъ во всѣхъ народахъ говорятъ явно, потому что спрошлои Цесарскихъ воискъ над турскимъ обозомъ побѣды и татаромъ многіе бѣды доставалос, в домы свои множество ихъ пришли пѣши чуть живы и будетъ ли Государи сним ханомъ или небудетъ Бѣлогородцкая Орда а по воровскому Государи подвигу того вышеписанного измнѣнника Петрушки на рус они татарвя внынешную дѣловую пору итить готовы со всякою радостью; развѣ іхъ поганское намѣрение прекратитъ Господь Богъ і пощадитъ христианские души Вашими Государскими молитвами и щастіемъ. А сию Государи отписку к Вамъ Великимъ Государемъ Царемъ і великимъ княземъ Іоанну Алексѣевичу Петру Алексѣевичу Всея великія і малыя и бѣлыя росіі Самедержцемъ написав вскорости таино послалъ я холопъ Вашъ отъ Церкви Пресвятыя Богородицы, что в Бахчисарае каким бы ни есть способомъ донестись еи въ вашъ Государственнои посольскои приказ іюня въ 19 день.

А іюня въ 22 день плутъ и измѣнникъ Петрушка стоварыщи своими взятъ из Бакчисарая х Калгѣ Салтану въ Акмечеть.

И іюня въ 29 день на праздникъ Святых верховных апостол Петра и Павла былъ Василеи в татцком селѣ чуре в Церкви архангела Божия Михаила у обѣдни а то село от жидовскаго городка обрѣтается за горами в четырех верстах а для провожанья ѣздилъ снимъ Васильемъ жидовского городка капычѣи Салтыкъ і вдорогѣ сказывал Василю приватно, слышал де он у каимакановыхъ людеи, что новоучиненнои ихъ Гетманъ Крымскои Петрушка желал з Гетманскимъ посланцемъ видетися для того: когда де онъ Петрушка был в Перекопи у хана и тогда ханъ и ближние люди у него Петрушки о томъ Гетманскомъ посланцѣ спрашивали и ему Петрушке объ немъ сказывали, что от гетмана Івана Степановича нѣтъ снимъ до

хана и до ближнихъ людеи нидокого ни писемъ і никакова дѣла; и тотъ де ихъ Гетманъ Петрушка у хана проситъ соизволения чтобъ снимъ гетманскимъ человѣкомъ видетись для того: чаялъ что превратит ево посланца украинскими вѣдомостьми и уволениемъ и скрыму с собою воединомыслие;

а снихъ де жидов взито тому Петрушке и казакомъ на жалованье четыреста левковъ и покуплено имъ кони и оружие и платье и устроено все, что къ службе належитъ. И ныне из Акмечети Калга Салтанъ послалъ ихъ накормъ въ Козловъ и будутъ ихъ тамъ кормить жиды и армяне до Калгина в воиско сними походу;

А о ханскои Саѳатъ Гирѣеве перемѣне слышно учинилось и учали Бахчисарае внародехъ явно говоритъ Июня зъ 20 числа что ему будетъ пременение для того что ево Крымомъ не возлюбили за то что онъ ко взятку лакомъ и хочетъ обогатитися скорымъ временемъ по навыклости своеи чему с молодыхъ своихъ днеи навыкъ тому лихоімѣнию будучи от салтана турского поборцою податеи надцыганы.

А о Московскихъ воисках в Крыму разголошено было что они воюются съ казаками (Барабашеи воюютъ) і в малороссіскихъ де городѣхъ Московские воиска великие потому что казаки поддержавою Московскаго Государства жить нехотятъ за то что будто московскаго народу люди чинятъ имъ налоги и утесненіе великое пожитки іхъ грабят и у мужеи женъ и у отцов и у матереи дочереи отнимаютъ и насилуютъ, а хотятъ де они казаки быть вдружбе і всоединении против Московскаго Государства с Крымомъ какъ и прежде сего за Брюховецкого и за Дорошенка Гетмановъ бывало;

Июня въ 30 день вѣдомость пришла что к Арбатку подплывали чапками донскихъ казаковъ спятъ сотъ человѣкъ и выжгли по берегу обретающихся при деревни татцкихъ да вполонъ взяли мужеска и женска полу христіанъ и бусурманъ душъ спятьдесятъ.

И стого времени каимакан во всѣ мѣста на тамани то есть на устья рѣкъ обрѣтающихся вкрыме і впадающихъ в Черное и въ Гнилое море и на всѣ пристани мурзъ и татаръ для сторожи и обороны крымскои чтоб казаков нигдѣ а наіпаче въ тѣхъ мѣстехъ гдѣ они казаки обыкли себѣ имать прѣсную воду непропустит

а калга Салтанъ из Акмечети поѣхал к Перекопи Июля въ 2 день

а делялы въ Бакчисарае по базару кликали чтоб татаровя всѣ которым с нимъ быть в воинѣ съѣхалис в Перекопъ конечно іюля в 10 день.

Іюля въ 5 день вѣдомость пришла из Азова что донские казаки розбили турских три корабля пловущихъ въ Черкескую землю къ адинскои пристани і в Крыму наіпаче учали от нихъ опасатца и береговые поставлены были великие караулы;

а июля въ 8 день вѣдомость пришла о ізмѣннике Петрушке что он

из Козлова к Перекопи стоварыши своими и съ немногими татары воинским убраниемъ збунчюком йз булавою поѣхалъ іюля въ 4 день а Калга своиском татарским і ево Петрушку взявъ съ собою изъ Перекопи вышелъ въ степь іюля въ 6 день.

А въ 10 числѣ июля ж в Бакчисарае учинилас тревога и посланы наскоро на береговые сторожи свѣдомостьми гонцы что донскихъ козаковъ обявилос под Балаклавою чаиках на семидесятъ и били на карабль турскои приплывающі из Царя города однакож тот карабль отъ них казаков доброю погодою ушол а толко убито на нем ис пищалеи бусурманов четыре человѣка.

Да въ жидовскомъ же городкѣ неволникъ із Лубенъ мѣщанскои сынъ Павелъ Николаевъ Василю сказывал, въ нынешнемъ де 7200 м году ѣздилъ онъ из Лубенъ стоварыщи своими тогож полку стремя человѣки за полскую границу на Волынь для торгового промыслу съ сермяжными сукнами и съ табакомъ и послѣ де Свѣтлаго Христова Воскресенія на другои недѣли подмѣстечкомъ Дубною наѣхали на них въ дорогѣ загонные татаровя и дву человѣкъ из нихъ побили до смерти а ево де Павла сама друга изранив взяли вполонъ и привезли в таборъ свои к Салтану Крымскому и товарыщъ ево дни счетыре пожив от тѣхъ ран умре а ево де татарове вылечивъ привезли въ килію городъ и продали жиду крымскому а стѣмъ крымским Салтаномъ было Орды Буджацкои и Бѣлогороцкои тысяч своемъ проводили они з Буджаковъ въ Каменецъ Подолскои запасъ и какъ запасъ отпроводили и оттуду ходили на Волынь и посыланы загоны были великие и тѣ де загоны брали подъ городами на Волыне и Подолиі обрѣтающимися подъ Дубною, и около Ровного, олыка, корца, колоднаго, клевани а самъ де онъ салтанъ стоялъ сордою таборомъ изжидался стѣми загонщики подъ мѣстечкомъ Птичею и вто де при немъ Павлѣ время тѣ загонщики татаровя навезли полону мужеска и женска полу душъ стри тысячи а воиска де польские коронные тѣхъ ордъ неоткуда невстрѣчали изнатна что об нихъ и невѣдали потому что какъ тѣ воиска поставлены на зимовыхъ становищахъ по мѣстечкамъ и по селамъ по рѣкѣ Вислѣ обрѣтающимся такъ по то время еще нерушались; а волоские де городы Сочава и Немецъ и Сорока и ныне за поляками и в Сороке де онъ Павелъ былъ акамендантомъ тамъ именуемои Рапъ пѣхоты снимъ счетыре тысечи а втѣхъ де городѣхъ естъ ли польские осадные воиска или нѣтъ того онъ невѣдаетъ.

А жид Яковъ исуповъ которои того вышеписаннаго полоняника Павла в крымъ искиліи выслалъ на караблѣ и самъ сыними полонянниками пріѣхалъ въ Крымъ после августа въ 1 день сказывалъ Василю врозговорѣх что де поляки у татаръ уже отдѣланы и чаятъ что де на Буджаки воиною приходитъ имъ будетъ нѣколи потому что де сего лѣта Бѣлогородцкая и Буджацкая орды ходили загонами книмъ въ Полшу съ салтанами съ дѣтми

нынешняго Сафатъ гирѣя хана неодинажды сперва подъ Немировъ и подъ Сороку а послѣ того какъ проводили хлѣбныи запасъ з Буджаковъ въ Каменецъ и вто время были на Волыни и Подоліи и возвращалися оттуда свеликою добычью да и после того безбаши человѣческахъ всороке и впятидесять и болше ѣздятъ и полономъ у нихъ поляковъ непристанно добываются и ныне де в Бѣлогородчину навезено того из Полши полону столко что изчести немочно а полского де посланника Захариаша онъ жид знаетъ потому что бываетъ онъ у нихъ в Крыму посланникомъ по часту и говоритъ по татарски умѣетъ и ныне он въ Белегороде (въ Аккерменѣ) ево и своего крымского посланника Дербиша мурзу видѣлъ жили они въ Белегороде до ханского искрыму вбѣлгород приходу да и при хане де жили они тутъ пятнатцать днеи и отпустилъ ихъ ханъ в Полшу при себѣ после тѣхъ татарскихъ въ Польшѣ будучихъ загоновъ а самъ де хан жилъ въ Белегороде мѣсяца сполтора а пошелъ своискомъ на можары тому ныне дватцать днеи а Белогородцкихъ де мурзъ нихто снимъ ханомъ итить не похотѣли потому что та воина имъ далека и безприбылна но еще и убыточна и не токмо мурзы но и татаровя пошли снимъ толко тѣ которые похотѣли своею волею и то немногіе. А от турского де салтана звали ево хана непристанно своискомъ и были при немъ Якове в аккермени чаушовъ три человѣка

и по тѣмъ его жидовскимъ словамъ ханъ въ Белгородъ пришолъ іюня въ 3-м числе полского посланника и своего въ Польшу отпустилъ іюня въ 18 числе а самъ из Белагорода пошолъ іюля 16 числѣ.

Того ж числа приѣзжалъ в Бахчисараи от Калги Султана татаринъ иималъ у жидовъ въ лавкахъ халаты; онъ же сказывалъ что какъ онъ изъ воиска поѣхалъ тому пятои день а Калга де своискомъ остался против сѣчи запорожскои изБаткалами де у него Калги пересылка чрез Днепръ была. Приѣзжал къ нему калгѣ самъ кошевои Гусакъ а всѣче вмѣсто ево кошевого ваманатахъ был у нихъ козаковъ Кемал мурза Сулешевъ что был казыкерменскимъ бѣмъ і Петрушка де при Салтане санджакъ (бунчукъ) и топуз (булава) отдавалъ кошевому говоря чтоб онъ кошевои своискомъ запорожскимъ сообщился скрымскою ордою и скалгою Салтаномъ шелъ воиною на Московское Государство взявъ из сѣчи пушки со всѣми припасы и все что къ табору належитъ и был бы на ево Петрушкино мѣсто онъ кошевои Гетманом а онъ де Петрушка будетъ затоварыща снимъ же и кошевои де ему Петрушке говорил, что какъ онъ Петрушка зачалъ такъ бы свое и совершалъ, а онъ де кошевои Гетманомъ на его Петрушкино мѣсто не будет, авоиска от себя изсѣчи сколько будет охочаго къ нему Петрушкѣ пришлетъ и хорогви (знамены) имъ и литавры дастъ;

Августа въ 9 день вышеписанныи ж жид Яковъ сказывалъ Василью что пріѣхали де изъ Бѣлогородчины ихъ крымскіе жиды и сказывали что

тот посланникъ полскои Захаріашъ ѣдучи изъ Белогородчины въ свою землю вдороге умре а крымскои де посланникъ Дербышъ мурза в Полшу уѣхалъ ли безъ него или нѣтъ того невѣдомо.

Августа въ 11 день вѣдомость учинилась что Калга извоины приѣхалъ въ Акмечетъ Августа въ 13 м числѣ вночи смалыми двора свого людми а войско де которое было снимъ оставлено назади, для того когда де учинилась у хана свеликими карачбѣями (ширинскими) ссора и бѣи чтоб позволить ему Саѳатъ Гирѣю ханом у нихъ небыть ктурскому салтану вондреянополь челобитчиковъ послали а сами снимъ ханомъ на воину в Венгерскую землю итить непохотѣли и воиска ему крымского не дали также и Белогородцкой орды мурзъ и татаръ удержали и отъ хана оставя ево недошедь до Темирь Капо то есть желѣзныхъ воротъ отъѣхали (в Килиі отстали) и татаръ всѣхъ по домомъ распустили: тогда Саѳатъ Гирѣи ханъ писалъ отсебя хкалгѣ Салтану чтоб онъ той ради причины непослушания на Русь сордою крымскою не ходилъ, а буде и пошолъ и онъ бы возвратился чтоб нанемъ хане того дерзновенного и московскому государству приступного за пересылками поступку невзыскалось после от турского салтана.

І онъ де Калга бывъ под Малоросиіскими за Самарью рѣкою обрѣтающимися городами возвратился и своискомъ снимъ будущимъ аясыреи, которые поимяны подъ городками под Орломъ под Китаемъ под Царичёнкою под Нехворощею всѣхъ у татаръ у кого провѣдалъ взялъ на себя, а іныхъ невольников нѣсколько человѣкъ прелщая тѣ городки чтоб поддалис и отпустил, однакож осталос у него калги того ясырю мужска и женска полу пятьдесять три человѣка.

А Батырча бѣи Аргинскиі будучи под слободскими городами потому же добывся ясыремъ і возвратясь в Крымъ сошлись снимъ Калгою в дороге и прошло то все Крымское воиско в одно время Августа в среднихъ числѣхъ. А плутъ и измѣнникъ Петрушка и при немъ козаковъ съ пятьдесять человѣкъ пришли с Калгою и оставлены на корму в Перекопском городе.

А ширинские и іныхъ великих родов беи і мурзы и татаровя крымские такъ же и изъ белороцкои орды мурзъ нѣсколько взявъ ссобою пришли в Крымъ августа въ 20 день.

А Саѳатъ Гирей Ханъ съ того мѣста гдѣ войска его оставили поѣхалъ въ Килію, а съ нимъ остались Уктемиръ бѣи ширинскои которои заручил ему хану во время выхода ево ханского на воину вжену дочь свою. Да ближнеи человѣкъ Алишъ ага а печать Крымского Юрта взяли у него ширинскіе, Дадиван Эфенди Апкеримъ да Капачи Баша. А калъ они ширинскіе пріѣхали въ Крымъ и тогда и розослали отсебя во всѣ крымские

улусы а в Бакчисарае и по городом на базарехъ велѣли кликат делаломъ чтоб мурзы и татарова съѣзжалис всѣ книмъ ширинскимъ на назначенное мѣсто под карасов для изгнания Калги салтана и ханских женъ искрыму в турскую землю,

а в Козловъ и в Балаклаву городы посылали они чтоб ему Калгѣ и ханскимъ женам готовъ был гдѣ сыщется караблъ;

И потому іхъ приказу очищен ему калгѣ и ханскимъ женамъ корабль в Балаклавѣ которои хотѣлъ плыть въ Станбулъ сошеницею,

А когда под карасовымъ крымскихъ воискъ съѣхало с тысячъ спятнадцать и больше тогда они ширинские послали в Акмечетъ хкалгѣ салтану Кемала мурзу Сулешева приказуя чтоб онъ Калга искрыму от нихъ выѣхалъ туды же откуда пріѣхал потому что Саѳатъ Гирѣи ханъ и онъ Калга и Нурадын имъ и всему Крымскому Юрту непотребны.

А сами междо собою въ томъ сборномъ войску постановили и шерть учинили на томъ чтобы конечно имъ всѣмъ быть при одной мысли. И если бы Саѳатъ Гирей Ханъ похотѣлъ на нихъ притить съ турскими или съ иными какими войски; и его чтобъ въ Крымъ отнюдь не пустить и битца до остатней капли крови.

А еслибъ и турской салтанъ похотѣлъ ихъ принудить чтобъ быть у нихъ Саѳатъ Гирею Ханомъ по прежнему, и они ширинскіе оставя Крымъ отъѣдутъ въ Московскую или въ иную куды сторону.

И калга съ нимъ кемалом мурзою книмъ ширинскимъ приказывал что де онъ присланъ от салтана турского а не собою пріѣхалъ и потому без его салтанского указу отъ нихъ іскрыму и ѣхать не смѣетъ а самъ он Калга собрал из Бахчисарая и ізыныхъ мѣстъ духовнаго своего бусурманского чину шиховъ и муѳти и кадыскеров такъ же и каимакана и іныхъ знатныхъ мурзъ и посылал книмъ ширинскимъ чтоб они снимъ помирилис потому что де онъ калга живетъ у нихъ в Крыму смирно и никому ни-вчемъ никакие обиды неучинилъ.

И тѣ духовные і каимаканъ сзнатными людми под карасов книмъ ширинскимъ ѣздили. И ширинские того ево прошения у нихъ непослушалис и тѣхъ миротворцевъ всѣхъ до тѣхъ мѣстъ какъ Калга изъ Акмечети выѣхалъ не отпустили отъ себя никого а кнему калгѣ съ Айвасъ мурзою Сулешевымъ приказывали чтоб онъ конечно отъ нихъ ѣхал в Балаклаву а въ Балаклавѣ начемъ ему калгѣ и ханскимъ женамъ совсѣми ихъ людми ѣхать карабль готовъ, а буде он Калга ихъ непослушает і из акъ мечети от нихъ вскоре непоѣдетъ и они для высылки ево поѣдутъ своискомъ сами и тогдо ему будетъ тяжестнѣе потому что сараи ево весь разорятъ и сожгутъ и онъ Калга тогда поѣдетъ же свеликимъ безчестемъ;

а къ ханскимъ женамъ посылали они ширинскіе отсебя в Бакчисарай мурзъ многожды стаковымъ же приказомъ слово вслово

И Калга по многих спорах и пересылках выѣхал из жилища своего со всѣмъ своимъ дворомъ сентября въ 1 числѣ 7208 году.

а ханские жены из сараевъ выѣхали сентября въ 9 день

А измѣнника Петрушку ис Перекопи они ширинские ксебѣ имали же гдѣ онъ плутъ имъ Ширинскимъ прислуживался съ прошениемъ говорилъ чтоб послали снимъ крымскихъ воискъ сколко возможно подукраиные и молороские Царского Величества городы, а онъ плутъ де имъ служить будетъ совсякою охотою и вѣрностію и гдѣ добычъ получитъ таковыя мѣста на Украине знаетъ и ширинские де ему Петрушке сказали, что вто время имъ не до воины стало; но надобно чтоб имъ свое вкрыму зачатое дѣло совершить и успокоить а когда де успокоптца и тогда они усмотря время какъ будетъ пристойнѣе такъ о посылке воискъ своихъ снимъ на Русь и учинятъ.

Сентября в 4 день внедѣлю у церкви пресвятые Богородицы на Магремѣ въ горѣ были из запорожья казаков два человѣка Василеи Коваленко да Костянтинъ Уманецъ у обѣдни.

і Василеи у них спрашивалъ о вѣдомостихъ что у них взапороже дѣлаетца и о Яковѣ Воронѣ,

и они казаки сказывали что у нихъ всѣче какъ было прежде сего при приѣзде ево Васильеве какъ онъ ѣхалъ в Крымъ такъ и ныне благодатию Божею все добро и смирно, а Ворона де какъ изъ Крыма на Запорожье пріѣхалъ и привезъ отъ него Василія письма и онъ съ тѣми письмами былъ у Гетмана Ивана Степановича въ Гадичѣ гдѣ онъ Гетманъ съ казацкимъ воискомъ выступалъ послышавъ о татарскомъ приходѣ на украину и пріѣхалъ онъ Ворона въ сѣчю къ нимъ по прежнему і к Петрушке де въ товарищество із низового воиска нихто итить не хочетъ потому что которые и пошли и тѣ ныне видѣвся сними в Перекопи плачутъ горко для того, что де они зашли смалоумия своего в Крымъ какъ рыба всѣть асвободитца никоими мѣрами имъ невозможно, потому что ихъ крѣпко караулятъ.

а они де отнизового воиска присланы для взятыхъ за миромъ нынѣшняго лѣта казаковъ осми человѣкъ также говоритъ о свободнои добычѣ соляной,

а из Бакчисарая они Василеи и Костянтинъ поѣхали того ж часа въ запорожье,

Сентября въ 9 день былъ у Василя по призыву таино полтавы города торговои человѣкъ Захаръ Яковлев которои приѣзжал в Крымъ чрез Запороже спродажным вином и торговалъ имъ в Козлове и в Бакчисарае, и по вопрошению его Васильеву, ему и гетманскому человѣку сказывал о Украине и о запорожцахъ тож что и вышеписаные казаки Василеи и Костянтинъ.

да при немъ же де Захаре прислан листъ отъ преосвященнаго Варлаама Ясинского митрополита Киевского и Малоросиіского на Богоотступника и Царскому Величеству ізмѣнника и христианскаго врага Пѣтрушку и на единомысленников ево и которые естъли и потомъ учнутъ на такое злое дѣло дерзновеніе имѣть спроклятіемъ; что слышавъ запорожцы крѣпко ужаснулись (ощутилися въ великомъ ужасѣ) и ктобы и мыслилъ ктому ізмѣнику соединитися ради прелести татарской и тѣ всѣ утишилися;

и Василеи ему Захару увѣщевая ево говорилъ когда онъ вино свое испродастъ и ісКрыму поѣдетъ въ свою сторону и он бы взялъ от него Василя и от гетманского человѣка к Гетману к Івану Степановичу писмо за что он Захаръ от него Гетмана Івана Степановича воспріиметъ къ себѣ великую ласку и любовь;

И онъ Захаръ говорилъ что іхъ дѣло купецкое втакие дела о пересылке писемъ вступать имъ негодица для того чтоб тѣх писем у него в Перекопи (въ Крыму де) неосмотрилі і в томъ бы ему не пропасть вѣчно. потому что плутъ Крымскои Гетманъ что ныне ужъ пишеца новымъ прозваніемъ то есть Сулимом крѣпко того ныне перестерегаетъ в Перекопи будучи и пріѣзжимъ ускимъ купцомъ чинит во всемъ великую и наглую обиду и ныне нѣсколько купцовъ слобоцких городовъ Харковскаго полку называя ихъ шпѣгами задержалъ напрасно нѣвѣдомо за что; однакож внадежде на Бога і служа его милости Гетману и войску запорожскому и и для ихъ Васильева желанія тѣ писма онъ Захаръ у нихъ возметъ и будет их хранит и чтобы их до Гетмана вскоре довести будетъ отомъ прилежно имѣть свое попеченіе.

і Василеи написавъ к Великимъ Государемъ отписку а Гетманскои канцеляристъ к нему Гетману листъ и устроивъ въ вощанку отослали кнему Захару з Греченином Василю служащимъ Дмитреемъ Николаевымъ по час время выѣзду ево Захарова із Бакчисарая октября въ 7 день а онъ Захаръ изъ Бакчисарая поѣхалъ на завтрее того дни то есть октября въ 8-мъ числѣ.

А описку к Великимъ Государемъ писалъ Василеи такову:

Великимъ Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ Іоанну Алексѣевичю Петру Алексѣевичю всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержцемъ холопъ Вашъ Васка Аитемиревъ челомъ бьетъ. По Вашему Великихъ Государей Царей и Великихъ Князей Іанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержцевъ указу посланъ я холопъ вашъ свашею Великихъ Государей грамотою к крымскому хану въ гонцех и о приѣзде вказыкермень и о вѣдомостяхъ, также и о приеме в крыму, и о бытні своемъ стою вашею Великихъ Государей грамотою у Саѳатъ Гирея хана на приѣзде и о отданіи статеи ближнимъ людемъ и что противъ тѣх статеи мнѣ холопу вашему они ближние люди

говорили і что подомоганію моему холопа Вашего назначенъ былъ к Москвѣ посолством Мубарекша мурза Сулешевъ і по выходе ханском из Бакчисарая на воину в Венгры припроваженъ я холопъ Вашъ былъ для отпуску снимъ Мубарекшею кхану вдорогу кперекопи и опоходѣ ево ханскомъ исперекопи встепь к ачакову и о измѣне з Запорожя плута и ізмѣнника бывшаго Гетманскои канцеляріі подписка Петрушки что тому моему холопа вашего отпуску препятие и задержание и крымскому посланнику остановка учинилас ево плутовским приѣздомъ, и что мнѣ холопу Вашему сказано что будто отложили тот отпускъ на описку к Салтану турскому противъ стати что о Гробъ Господни, и что я холопъ вашъ и Гетманскои канцеляристъ Василеи Велецкои и толмачъ Полуектъ Кучюмовъ слюдми посажены за крѣпкою сторожею въ жидовском городкѣ. Также и о вѣдомостях и о намѣреніі татарском о походѣ воиною по подговору помянутаго плута Петрушки подъ Ваши Государские украиные і малоросіиские городы къ Вамъ Великимъ Государемъ писалъ я холопъ Вашъ: ис Казыкерменя апрѣля въ 13 день а из жидовскаго городка іюня въ 19-мъ числѣхъ и по ханскому Гедри указу въ жидовскомъ городкѣ я холопъ Вашъ збудучими сомною людми непремѣнно маия зъ 20 числа живу за крѣпкою сторожею у купая дни у каимакана і выних мѣстехъ, хотя в воскреснои день когда доитить к церкве Пресвятые Богородицы кобѣдни; А вкрыму Государи посие время дѣйствовалося тако о перемѣне Саѳатъ Гирея сханства по ненависти крымских карачбѣев и мурзъ великихъ родовъ за непотребные къ Юрту поступки во имание сних многово себѣ пожитку и что он по салтанскому указу турсково емлетъ с собою орды внепожиточную имъ і далекую воину на Венгры почался слух июня съ 21-го числа и уж конечно по их челобитью взятъ он ханъ исКилиі города ксалтану турскому Августа въ 9 день а на ево мѣсто сказываютъ что будетъ ханом прежнеи Селимъ гирѣи; А калга Гедри Салтанъ и Батырча бѣи Аргинскои съ воиски по подговору плута Петрушки были под вашими Государскими малоросіискими городами і возвратяс пришли в Крымъ Августа въ 13-м числѣ а воискаж Государи крымские которые пошли было сханомъ: какъ карачбѣи ширинскіе и иныхъ великихъ родов мурзы такъ і татаровя и сеймени оставя хана въ Кпліи всѣ пришли в Крымъ Августа въ 20 день. И собрався под Карасовымъ великимъ воинскимъ собраниемъ Калгу салтана выгнали изъ Акъмечети из жилища ево Сентября въ 1 день нынешняго 7201 году вкраинеи у морскои пристани городъ Балаклаву и на карабль а ханские жены по ихъ же высылке выѣхали изъ Бакчисарая тудыж сентября въ 9 день и поѣдут всѣ втурскую землю на одномъ кораблѣ, а новои Государи ханъ хто и когда будетъ того подлинно невѣдомо; да в Крыму ж Государи по вѣдомости из Азова о донскихъ казаках то что они вышли на море чаиками, іюля съ 30-го числа были тревоги

непрестанные и поустьям впадающих в море рѣкъ и на пристанях въ пристоиных мѣстехъ были сторожи великие Августа по 20 число и сказываютъ что ими казаками тацкихъ съ четыре деревни выжено і выбрано а помянутой Государи плутъ Петрушка ужъ пишетца ныне Сулимом и соединомысленники живут в Перекопи и зовутъ орды воиною паки на ваши Государские украиные городы; но бѣи крымские тому ево прошению несоизволяютъ вскоре ради своего в Крыму в ханскои перемѣне нестроения и боятца чтоб не было имъ чего занепослушание ихъ от Салтана турского а когда поуспокоица і Калга и ханские жены искрыму отѣдутъ тогда обещали снимъ послать орды сколко ему надобно и повидимому Государь в Крыму какъ у них здѣ поводится покамѣстъ тот проклятои отступникъ у них будетъ никогда у них на рус загоны небудут задержаны а того смотрятъ и желаютъ чтоб листами того плевелосѣятеля возмутить Малоросиіскои народ какъ бывало прежде сего, а от вас великихъ Государей о моеи холопа вашего присылке говорятъ татаровя что присланъ я холопъ вашъ снепотребными імъ статями не для миру но для провѣдыванья крымскихъ поведении и нѣтъ де імъ от Москвы ничего доброво, потому что гонецъ ихъ на Москвѣ задержанъ и что со мною холопомъ вашимъ в Крымъ поминковъ неприслано, а труднѣе Государи имъ всего и миру сними нечаять того ради что по статямъ врозмѣнноі казнѣ имъ отказано а полскои Государи посланникъ Захариашъ Яблоновскои от короля присланъ кхану былъ вприватных дѣлех что у него онаслѣдничествѣ детеи ево королевских творится и посланъ в полшу снимъ Захариашемъ апрѣля впослѣднихъ числѣх крымскои посланник Дербышъ мурза і за тѣми Государи пересылкамі нынешняго лѣта после Свѣтлые недѣли подѣздами в Полше около мѣстъ Дубна, Ровного, Олыка, Корца, Колодна, и Клевани набрано полону і вБелгородчину і в Крымъ навезено множество а сию Государи отписку написав вкратцем таино к Вам Великимъ Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцемъ послалъ и холопъ Вашъ для подания в Вашемъ Государственном посолском приказе Думному дьяку Емельяну Игнатьевичю Украинцеву съ товарищи Сентября въ 28 день сполтавскимъ купцомъ Захаромъ Яковлевымъ; а о вашихъ великихъ Государей дѣлехъ и отпуске своемъ ис Крыму ныне без хана говорить мнѣ холопу Вашему нѣскемъ; А крымскои Государи на Москвѣ задержаноі ихъ гонецъ Магметъ на размѣну мнѣ холопу Вашему надобен ли имъ в Крымъ или нѣтъ о томъ і вѣдать нѣпочему, потому что ближние люди въ разговорехъ не упоминали мнѣ холопу Вашему об нем ни единого слова.

А какъ Калга из Акмечети, а ханеи из Бахчисарая выѣхали и они вдороге переѣзжая смѣста на мѣсто понемногу подаваяс к Балаклавѣ жили

по рѣкамъ на Качѣ, на Кабардѣ и выныхъ мѣстехъ в Ханскихъ сараехъ. И кормъ им обыкновеннои туды вдорогу из Бакчисарая посыланъ

и Сентября в среднихъ числехъ к Ширинскимъ от жителей тѣхъ гдѣ Калга к Балаклавѣ ѣдучи жилъ донесена жалоба, что Калга стоитъ у нихъ многое время а в Балаклаву не ѣдетъ и кормы себѣ емлетъ сних свеликою обидою и чтоб они Ширинские от той обиды их оборонили.

И ширинские услышав тое на Калгу жалобу Сентября къ 28 числу собралис воискомъ попрежнему чтоб ево Калгу конечно впровадить в Балаклаву и посадить на корабль дая ему Калгѣ знать напредь что они собралис и ідут к нему своискомъ сами,

И Калга у нихъ Ширинскихъ упросился что онъ похотѣнию іхъ поѣдетъ в Балаклаву и будетъ на корабл конечно Октября въ 1 день.

А Октября в 20 день Ширинские своискомъ прияли в Бакчисараи и стояли ниже Бакчисарая вполуверстѣ по аскиюрту источнику, А 5 дня октября пошли было тѣ воиска к Балаклавѣ и ночевали на Качѣ и на Кабардѣ рѣчках тогда Калга оставя женъ своихъ вселѣ Кады недалече от Балаклавы уѣхал вночи вторскои город Каѳу откуда по обыкновению ихъ бусурмане кому никово не отдаютъ.

И Каѳинцы турки ево Калгу приняв ксебѣ учинили против ширинскихъ воискъ есть ли будутъ ево добывать приготовление то есть поставили погороду и по башням пушки и янычар съ оружіемъ что слышав ширинские возвратилис по прежнему въ Карасовъ и собиралис воинскимъ великимъ собраниемъ паче прежнего і в Бакчисарае о томъ зборе воискъ на Каѳу делялы на базаре кликали непрестанно,

а в Каѳу к Туркомъ посылали стаковымъ словомъ, есть ли они Каѳинцы его Калгу будутъ у себя держать и сними ширинскими не будутъ во единомыслиі и учнут битца и Калги имъ невыдадутъ то они ширинские войиском будутъ ево у них доставать і воду которою они Каѳинцы питаютца перекопают; и села и отары ихъ всѣ разоряг и пожгутъ и людеи внихъ всѣх побьютъ, тогда они Каѳинцы ево Калгу имъ выдадутъ же.

И Каѳинцы когда услышали что с Ширинскими собралось воиска Калгу добывать великое множество тогда Октября 10 дня присылали к Ширинскимъ чтоб они на нихъ воиною неходили потому что они одной вѣры Магметева закона и битца меж собою имъ нѣдлячего и негодитца а когда имъ Ширинскимъ Калга крѣпко надобенъ і ониб прислали книмъ в Каѳу от себя человѣкъ сорокъ или пятьдесятъ и они де Каѳинцы ево Калгу имъ отдадутъ или при тѣхъ же людех посадятъ ево накарабль и отпустятъ в турскую землю;

І Ширинские на то ихъ прислание склонилис і воиска собранные искарасова роспустили по домам октября въ 12 день а имъ Каѳинцомъ

приказали чтоб ево Калгу никуды ис Каѳы неотпущали и держали бъ ево до пріѣзду нового хана за крѣпкою сторожею.

Октября въ 18 день прежде помянутые Уктемиръ бѣй ширинскои и Апкеримъ Эѳенде и капычи баша которые осталис было сханом въ Килиі пріѣхали в Крымъ вдомы свои а о Саѳат гирѣе хане сказали что взятъ чаушемъ к Турскому Салтану и алиш ага, что у него былъ ближнимъ человѣкомъ взятъ снимъ же,

Октября въ 21 день плут и ізмѣнникъ Петрушка стоварищи своими пріѣхал в Бакчисараи а ссобою привез вышеписанного полтавского купца Захара Яковлева связаного, для того что писма снимъ посланные у него в Перекопи обысканы, а в Бакчисарае ево оковали чѣпью и кандалами;

Октября въ 26 день Салтаном Кутлу Гирѣем котораго ширинские с всѣм крымским Юртомъ внебытие ханское почитаютъ за главу учиненъ в Бакчисарае на Агметъ агино мѣсто каимаканом Залымъ Мустаѳа ага, для того что Агметъ ага былъ болѣнъ.

Октября въ 28 день прибѣжал из Царяграда гонецъ в Бакчисараи сподлинною вѣдомостью и слистами, что ханом в Крыму учиненъ прежде бывшей Гаджи Селимъ Гирѣй и обыкновеннои от Салтана дар то есть каѳтанъ сабля, сургучь ему дано і ныне де он еще обрѣтается в Стамбулѣ (Царѣ городѣ) ожидаетъ своины великаго визиря, а какъ визирь будетъ то и он будетъ в Крымъ вскорыхъ днях, а Калгою де будетъ сынъ ево ханскои которои былъ и прежде сего і ныне он Калга уже в Белогородчине и будетъ в Акмечеть вскорыхъ днях; и чтобы ему хану изготовлены были въ Бакчисарае Сараи кприѣзду ево во всякой готовости, и каимаканом был бы до ево ханского в Крымъ приходу Магметъ ага попрежнему о чем на базарѣ иделяды кликали чтоб о том было всѣм вѣдомо.

И по тѣмъ ево ханскимъ Селимъ Гиреевымъ листам Магмет ага учинился каимаканом попрежнему а Залымъ Мустаѳа ага отставленъ однакож отъ ноября в 2 день от него Залыма Мустаѳы аги приходилъ к Василю тѣтарин и говорилъ называя ево Мустаѳу каимаканомъ и что он ага велѣлъ у него взять и привесть къ себѣ толмачей дву человѣкъ московского да гетманского а для чего того де он невѣдаетъ,

И Василеи тому татарину говорил что такова Залыма Мустаѳы аги что он каимаканомъ невѣдаетъ і впервые от него обнемъ слышит, а вѣдаетъ он Василеи каимакана Магметъ агу хкому он Василеи по ханскому указу от Перекопи присланъ и толмача онъ от себя ему не дасть потому что очемъ ему агѣ буде надобно говорить и онъ бы ага говорилъ о том ему Василю самому, а толмачу кнему агѣ без него Василя итить недлячего и говорить снимъ нечего. И буде он вправ каимаканомъ он бы ему Василю для тѣхъ ему потребныхъ дѣлъ велѣлъ у себя быть самому, или прислалъ для того кнему Василю знатную какую особу и о чемъ учнутъ

говорить, и о томъ выслушавъ учинитъ отповедь онъ Василеи самъ а толмачу без повелѣния ево дѣлать нѣчего. Да и то он Василеи ему татарину говоритъ пришол онъ татаринъ сказывается от Мустаѳы аги а вправ ли он каимаканом или нѣтъ о томъ явного знака у себя он мусурман не имѣетъ. И такимъ способом волно у них и кождому мурзѣ или какову татарину кнему Василю для своихъ бездѣлныхъ прихотей самоволно без хана присылать и людеи у него имать и то дѣло не пригожее, а у гетманского человѣка нѣтъ никакова толмача

и тот татарин ему Василю говорилъ, чтоб он Василеи на него агу в томъ не гнѣвался и не ослушался потому что де он ага подлинно каймаканомъ называется залымъ для того что онъ и хана мало боитца, а тепере де шихи и муѳти и кадыскеры и мурзы и аги всѣ унего в одѣ ево съѣхались.

И Василеи ему во всемъ отказалъ и отпустилъ ево от себя говоря ему тож что писано выше сего.

А хаймаканъ к Агметъ агѣ Василеи тогож часу занимъ татариномъ визирку посылал дая знать о приходе того татарина і какъ онъ каймаканъ прикажет ему Василю снимъ Залымомъ въ томъ поступить.

И каймаканъ къ Василю приказывалъ чтоб он ктому Мустаѳѣ агѣ самъ не ѣздилъ и никово не посылалъ для того что де ему Мустаѳѣ до него Василя и до тѣхъ которые съ нимъ нѣтъ никакова дѣла потому он не каймаканомъ а приемлетъ тот чинъ себѣ самоволно.

И отъ Залыма мустаѳы аги к Василю болши того не приходил того дни нихто нидля чего.

А после того Василеи провѣдал присылал онъ Залым Мустаѳа ага къ нему по толмачеи для того что плут и ізмѣнникъ Петрушка того прежде помянутого полтавскаго купца Захара прислал кнему Мустаѳѣ чтоб он ево роспросил и овсемъ розыскалъ подлинно для чего он посланнические писма себѣ принимаетъ и сними хотѣлъ на рус уѣхать, и тот де купецъ Захар ему агѣ вроспросѣ сказал что де прислал кнему московскои посланникъ писмо столмачом своимъ и онъ де у него того писма принять не хотѣлъ и ему де Захару тот толмачъ грозил такъ: будетъ де было он Захар тѣхъ писемъ неприметъ и до гетмана Івана Степановича недовезетъ а они посланныи и гетманскои человѣкъ дастъ Богъ прибудутъ искрыму на украину и ему де для того принять себѣ от нихъ ввеликую напасть потому что он Захаръ человѣкъ ихъ Московской стороны а не татарскои и онъ де Захаръ тѣ писма для того у него толмача принял, и он де Залымъ Мустоѳа ага хотѣлъ спрашивать у толмача о тѣх писмах хто и когда ему Захару дал и о чем въ них писано, потому что де одинъ листъ что писанъ к Гетману Ивану Степановичу прочтенъ а другово писма нихто никакихъ земел люди прочести незнаютъ.

А гетманской канцелярист писал в листу своем кнему Гетману Івану Степановичу обявляя о первомъ своемъ листѣ что писан Июня въ 19 числѣ свороною и о измѣннике Петрушкѣ съ товарищи и для чего задержаны и об нужномъ за сторожею житиі и о скудости корму и о поведеніи пременения ханского и о изгнаніи Калги изъ Акмечети и ханскихъ женъ из Бакчисарая и о донскихъ казакахъ и о полской сторонѣ применяяс к Васильеве къ Великимъ Государемъ отписке в надежду щастия естьли тѣ писма доидутъ вцелости а буде достанутся вруки бусурманом и ім бы тѣ дѣла были невпротивность а о таинствѣ и о впредбудущемъ намѣреніи бусурманском ничего втом листу неписано;

Гаджи Селимъ Гирѣи хан пришол в Крым въ Перекопь декабря въ 2 день, а в Бакчисараи въ 5 день.

Встрѣчи ему великой не было того ради что он самъ непохотѣл и чтоб ему къ Юрту явитца якобы первое показуя доброхотство что он пріѣздомъ своим неучинилъ никому никакие нужды а от Перекопи ѣхал в ночь о шти возникахъ наскоро,

а кстрѣчали ево хана толко тѣ которые о приходе ево вѣдали Сулешевыхъ собланскихъ и иныхъ нарочитыхъ родовъ мурзы і аги и капыкулы и въѣхали снимъ в Бакчисараи человѣкъ семдесятъ кромѣ сеименеи да семеней было 6 билюков а в билюке бываетъ у нихъ по 50 человѣкъ и больши и меньши.

Пушечнои и пищальнои стрелбы въ то время небыло для того что хан был впечали о сыне своемъ которои был лѣтъ вдватцать и умре вдороге в Белогородчине,

а Калга Салтанъ снимъ пріѣхал сынъ ево ханскои Девлетъ Гирѣи которой у него былъ и прежде сего,

а Нурадыномъ учиненъ в Крыму племянникъ ево ханскои роднои Шан Гирѣи Салтанъ Маметъ Гирѣевъ сынъ, которои жилъ в Крыму

а великіе крымские бѣи и карачбѣи съѣхались в Бакчисараи кхану Декабря къ 8 числу, а въ 9 день декабря въ пятокъ была у них Юртовая рада вкоторои учинены пристоиные кханскому двору чины: Везирь Казнадаръ Баши Диванъ-Эфенди Теетедаръ-Ага Ахтачи-Бей Капычи-Баша Капычи-Кегая Келорчи-Баша Кучюкъ-Казнодаръ Казна-Кегатынъ Устыдер-Баша Сарачъ Баша,

и Визиремъ, тоесть ближнимъ человѣкомъ учиненп Шахъ Булатъ ага.

Сханомъ же пріѣхалъ турского Салтана чаушъ чтоб ево хана Крымскому Юрту что он сповеленія Салтанскаго учиненъ и прислан внимъ на ханство объявить: такъ же томуж бы чаушу ево хана и Калгу салтана сКрымскою и Белогородскою ордами на будущую весну вывесть противъ цесарскихъ войскъ в Венгерскую землю.

І Василеи Аитемиревъ начал промышлять чрез жидовскаго капычѣя чтоб снимъ ближнимъ человѣкомъ видѣтись а потомъ посылалъ и толмача Полуехта Кучюмова съ тѣмъ же капычеемъ съ четырежды

и онъ Шах Булатъ видѣть себя толмачу не далъ и чрез кегаю своего ему толмачу сказалъ что не доложа Ханову Величеству без ево ханского указу не токмо что де Царского Величества присланнымъ но и снимъ толмачомъ онъ видѣтис не будетъ.

Декабря въ 11 день Калга салтанъ Девлетъ Гирѣи поѣхалъ изъ Бакчисарая в Акмечет вжилище свое гдѣ они Калги всегда пребываютъ.

Того же числа плутъ и измѣнникъ Петрушка былъ надворе ближняго человѣка Шах Булата аги и Нурадына Салтана і говорил чтоб хан указал послать воиска свои на Рус немѣшкая покамѣста неувеличилис въ степяхъ снѣги, а ему плуту дать сеименеи и татаръ тысечу человѣкъ и болши которые бъ были спищалми да двѣ пушки и онъ измѣнникъ сними поидетъ напередъ для приготовления и подему Запорожцов всѣчу и тамъ подняв ихъ ссобою всѣхъ и дождався Крымскихъ воискъ поидутъ вопще на Украиные Царского Величества городы а Барабаши де будутъ конечно снимиж

и нурадынъ тѣ ево измѣнничиі предложения выслушавъ сказалъ что онъ плутъ говоритъ ему Нурадыну о посылкѣ войскъ на Русь добро и постановили на томъ что ити своиски на Рус ему Нурадыну и вытить всѣмъ вмѣстѣ какъ татарамъ такъ и ему плуту вполе конечно от сего Декабря 11 числа впредь на двадцать дней какъ настанетъ новои небеснои генварь мѣсяцъ.

А Декабря въ 13м и въ 14м и в 15м числѣхъ кликали по базару делялы чтоб у всѣхъ татаръ которымъ быть втои воинѣ кони и запасъ было готово въ десять днеи.

Декабря въ 13 день Василеи Аитемиревъ посылал толмача Полуехта Кучумова къ ближнему человѣку Шахъ Булату агѣ какъ бы кнему доступить будто споздравлениемъ приѣзду ханского и что онъ учинился ближнимъ человѣкомъ и послалъ къ нему подаркомъ пару соболей добрую и чтоб онъ толмачъ у него ближняго человѣка спросилъ о присылкѣ от Великихъ Государей в Крымъ ево Василя съ Ихъ Царскою любительною грамотою и что онъ Василеи совсѣми принемъ будучими людьми задержанъ и пребываетъ въ жидовскомъ городке многое время Ханову Величеству извѣстно ли

и он Шах Булатъ Ага благодарствовалъ за тоѣ присылку и за подарокъ говорилъ что де ханову Величеству обнемъ Василе когда он в Крымъ прислан и гдѣ ныне пребываетъ вѣдомо а потомъ спрашивал чтобъ онъ ему объявилъ есть ли снимъ толмачемъ от него Василя кнему агѣ иной какой приказъ и о чемъ, и толмачъ говорилъ что кромѣ того что онъ ему агѣ объявилъ ничего от него Василя приказу не имѣет,

И ага де ему толмачу говорил, чтоб онъ толмачь Василю сказал буде какое ему Василю есть донего ближняго человѣта слово и онъ бы о томъ снимъ толмачемъ приказал и прислалъ бы ево утре Декабря въ 14 день рано.

І Василеи потому ево ближняго человѣка приказу втое назначенное время посылал кнему Шахъ Булатъ агѣ чтоб он ага позволил ему Василю видѣтис ссобою, а для чего о томъ самому будетъ вѣдомо подлинно от него Василя.

И ближнеи человѣкъ приказывал столмачемъ чтобъ он Василеи пріѣхал кнему утре рано Декабря въ 15 день.

Декабря въ 15 день Василеи Атемиревъ взявъ ссобою Гетманского человѣка кнему Шах Булатъ агѣ съ жидовскаго городка въ Бакчисараи ѣздил на наемныхъ лошадах;

А какъ кнему въ оду вошли, тогда при немъ сидѣли крымскихъ также и Белогородскихъ пріѣзжихъ сханомъ мурзъ и агъ 12 особъ и попривѣтствованіі ближнеи человѣкъ просилъ чтоб емў Василю сѣсть,

Потомъ мало посидѣвъ ближнеи человѣкъ оставя всѣх звалъ Василя въ другую оду и говорилъ ханову де величеству об немъ Василие что он от Царскаго Величества присланъ къ прежде бывшему Саѳатъ Гирѣю хану извѣстно, и чтоб Господь Богъ даровалъ междо Московским Государствомъ и Крымскимъ Юртомъ мир и тишину, того они всѣ крѣпко желаютъ. Потомъ он ближнеи человѣкъ у Василя спрашивалъ что онъ Василеи приказывалъ вчера столмачем чтоб сним видѣтис и он бы отом желаніі своем ему обявил.

И Василеи говорил:

К Великимъ Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ Іанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу Всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцамъ кихъ Царскому Величеству писалъ Крымскои Саадетъ Гирѣи ханъ влисту своемъ что онъ свеликими и меншими карачѣями и спородными людми учинилъ думу и приговорили: свеликими Государи нашими с Их Царскимъ Величествомъ быть вмиру и в дружбе и впокое и Великие Государи наши Их Царское Величество истого ево ханского листа ево ханское і всего Крымского Юрта желание выслушавъ, потому жъ насклонность мира соизволили, и для того свою Царского Величества любителную кнему Саадетъ Гирею хану грамоту снимъ Василиемъ прислать изволяли инамѣрение свое начемъ бысть миру чрез свою Царского Величества любителную снимъ Василиемъ присланную грамоту и стати обявить повелѣли по изволениемъ Божиім так сталося что он Саадетъ Гирѣи скрымского ханства перемененъ и тоѣ великихъ Государеи грамоту по указу ихъ Царского Величества вручилъ онъ в Бакчисарае Саѳатъ Гирѣеву ханову величеству и посолство пред нимъ правилъ, которую грамоту принявъ и

наказанные ему слова Саѳатъ Гирѣи ханъ самъ и чрез ближняго своего человѣка Алиша агу выслушавъ принялъ тое присылку с великою любовию и назначилъ было к Великимъ Государемъ к Ихъ Царскому Величеству от себя для договору о миру посла своего изроду Сулешевыхъ Мубарекшу мурзу и для отпуску припроваженъ он Василеи былъ и Мубарекша мурза [во время его ханского выходу на воину въ Венгерскую землю] в Перекопе; и вто время древнеи человѣконенавистникъ диавол которои никогда не хощетъ человѣку добра и собою чего не мог учинить прислалъ от себя слугу своего плодного (?) бѣса из Сѣчи запорожскои Петрушку Московскому Государству ізмѣнника чтобъ меж московскимъ государствомъ и крымскимъ юртомъ учинить вдоброначальныхъ дѣлах помѣшку которои воръ и ізмѣнникъ соединомысленики ево стакими ж плутами имъ Саѳатъ Гирѣемъ ханомъ въ Крымъ принятъ, и дано ему почтение то есть названъ Гетманомъ а песиимъ ево словамъ в Крыму и доныне приступъ и выслушание имѣется, а настоящие добрые и обоимъ сторонамъ потребные мирные дела оставлены ни во что, а Мубарекши мурзѣ посолство к Москвѣ и ему посланнику Василю отпускъ пресѣкался и от Перекопи возвращен онъ Василеи и посаженъ засторожею якобы неволникъ вжидовском городкѣ гдѣ пребываютъ и посе время испроѣлись и ізнужали всѣ доконца потому что кормъ ему съ будущими съ нимъ людьми даютъ самои малои и тот не по вся дни; однакож то мимошедшее какъ то нисталос полагаетъ он Василеи все наволю Божію и благодарствуя Бога что желаемое ими тоесть Гаджи Селимъ Гирѣево ханово величество в Крым пришел и паки желаетъ чтоб всемощныи Господь Богъ даровалъ ему быти наханствѣ въ Крыму здраво многая лѣта а свеликим Государи нашими съ их Царскимъ Величествомъ чрез ево ближняго человѣка доношеніе имѣть дружбу и любовь постоянную; и ныне буде ево ханову величеству о тои присылке для чего он от Царскаго Величества в Крымъ присланъ ізвѣстно и есть ли что было в словахъ и он бы ближнеи человѣкъ любовию своею о томъ ему Василю обявилъ. А буде об немъ Василіѣ ево ханову величеству неизвѣстно, и онъ бы доложил и какое ево ханское о томъ намѣрение будетъ о томъ потомуж бы немедленно ему Василью обявилъ потому что всякое начатое дѣло требуетъ себѣ конца

И ближнеи человѣкъ говорилъ опосылке де что назначенъ былъ к Москвѣ Мубарекша мурза Сулешевъ снимъ Василемъ онъ Шахъ Булат ага вѣдаетъ; толко де вто время былъ ханъ Саѳатъ Гирѣи и дѣлалъ какъ ему было надобно, а ныне де у них ханъ Гаджи Селимъ гирѣи и какъ изволит такъ чинить и будетъ однакожбы онъ Василеи напечалился потому что то ево Василево в Крыму задержание учинилос по воли Божиі и бываетъ того вездѣ много что посылнымъ людемъ случаетца терпѣти всякие нужды а о чемъ онъ Василеи ему агѣ гововилъ о томъ о всемъ донесет

онъ его ханову величеству и какои ево ханова величества об немъ указъ будетъ о томъ он ага ему Василю обявитъ призвав ево ксебѣ или какую нарочитую особу стѣмъ обявлениемъ кнему пришлетъ а у ханова де величества хотя что и было об нем Василе в словах токмо онъ Шах Булатъ ага о томъ без повеления его ханского ниочемъ ему необявитъ и болши того он ага ничего неговорил.

И отпущен Василеи попрежнему въ жидовскои городокъ.

Декабря въ 19 день посылал Василеи толмача Полуехта кближнему человѣку Шах Булату агѣ говорить о корму которого было постарому каимаканову приказу при нынешнемъ хане давать непочали, такъ же и спросить, о предложеніі ево Васильеве о чемъ ему агѣ онъ говорилъ будучи у него на разговорѣ Декабря 15 дня, ханову величеству онъ доносил ли. И буде доносил и ханова величества указъ какои противъ того есть ли и буде есть и он бы ближнеи человѣкъ поволил ему Василю для выслушания тѣх дѣлъ ссобою видѣтись,

И ближнеи человѣкъ ему толмачу говорилъ что де о корму кнадлежащимъ дателемъ он ага ханскои указъ пошлетъ чтоб давали по прежнему а о чемъ онъ Василеи видевся снимъ агою говорилъ о томъ онъ ханову величеству докладывал и чтоб онъ Василеи о житіі своемъ въ Крыму непечалился а уповал на Бога, и чаетъ де онъ ага что ханово величество отпуститъ ево от себя вскоре толко онъ ага ево ханскихъ словъ тепере необявитъ, а чтоб онъ толмачъ пришолъ къ нему къ нему агѣ утре Декабря въ 20 день.

І въ 20 день Василеи кнему ближнему человѣку толмача посылал же.

И ближнеи человѣкъ ему толмачю себя видѣть недалъ а приказывал чрез кегаю своего что вндетис ему агѣ снимъ толмачом нынѣ не для чего потому что зашли у них ханские и юртовские и іные дела, а какъ тѣ у них дела совершатца і он ага вто время кнему Василю пришлетъ і сам чтоб снимъ видетис.

И тогож дни в Бакчисарае на базаре виделся снимъ толмачомъ Полуехтомъ Кемалмурза Сулешевъ і спрашивалъ гдѣ онъ Полуехтъ былъ и онъ де Полуехтъ ему сказывалъ что он посыланъ от Василя к ханскому ближнему человѣку Шах Булату агѣ для нѣкоторых потребных дѣлъ, и он де ближнеи человѣкъ ему и видѣть себя не далъ. И Кемал мурза ему толмачу пенял для чего де онъ Царского Величества присланнои кближнему человѣку посылаетъ о делахъ говорить мимо ихъ Сулешевыхъ потому что вѣдаетъ онъ Полуехтъ издавна что междо Московскимъ Государством и Крымскимъ Юртомъ дѣпствующияся дела належат всѣ на их роде на Сулешевыхъ і бутто уже ныне они Сулешевы і не Московскому Государству надобны а мочноб де ему Василью когда розмѣнного бѣя ныне нѣтъ видѣтис і снимъ Кемалом или о чемъ кнему приказать, і онъ бы Кемал о томъ

о всемъ переговорилъ сближнимъ человѣкомъ а обиномъ моглъ бы донесть и самъ ханову величеству и он де Полуехтъ отговаривался ему разными способами и конечное слово сказал что де куды он толмачъ Царскаго Величества отъ гонца посланъ тамъ и былъ.

Кемал же мурза приказывал из жидомъ купчиною своимъ что он для повидания снимъ Василем будетъ вжидовскои городокъ,

і Василеи стѣмъ же жидомъ приказывалъ, что он Василеи видетис снимъ Кемалом желаетъ вкаково ни есть время,

И Кемал мурза чрез тогож жида приказывал к Василю что де онъ Кемал говорил о том сближнимъ человѣком и ближнеи де человѣкъ ему Кемалу говорил чтоб онъ Кемал для повидание к Василю неѣздилъ потому что на предложения ево Васильевы о чемъ онъ ему ближнему человѣку говорил ответу неучинено, а когда будетъ время і тогда де ево Василя он ближнеи чоловѣкъ позоветъ ксебѣ іли ему Кемалу поволитъ снимъ Василемъ видѣтис и прикажет о всемъ учинить отповед чрез него Кемала,

І Василеи ближнему человѣку чтоб поволил ему Василю он ссобою видетис приказывал зжидовскимъ капычеемъ помногие дни а толмача Полуехта посылалъ Декабря въ 27 і въ 28 да Генваря въ 1 м і въ 4 м числех.

И того Генваря 4 дня ближнеи человѣкъ чрез кегаю своего толмачу полуехту отказал, что де ему Шах Булату нетокмо свасилемъ но і сним толмачом до времени видетис нѣдлячего, а втѣ дни было у них воинское собрание по подговору плута и ізмѣнника Петрушки стоварыщи наукраиные Царского Величества городы и пошли

Нурадынъ салтанъ іс Керчи незанимая Перекопи чрез тонкие воды Генваря въ 7 день.

А плутъ і ізмѣнникъ Петрушка избакчисарая кперекопи генваря въ 10 день и сошлись снурадыномъ встепи на чернои долине. А снурадыном же пошли изъ Бакчисарая два салтана сынъ ханскои да племянникъ.

А воиска крымского нагаицовъ и ямансадаков и черкесъ горскихъ было тысечъ зъ двѣнадцать и болши.

А с измѣнникомъ Петрушкою товарыщеи ево казаковъ восмъ десятъ человѣкъ

а белогороцкои орды втом же числѣ было толко сполътораста человѣкъ тѣх которые сханом впровожатых приѣхали, а цѣлои белогородскои орды сними небыло хотя хан сповелениемъ своимъ о томъ походе нимъ и посылалъ однакож они ему въ томъ отказали потому что де у них на весну или и ранѣе своя воина споляки спѣетъ і надобно имъ беречи своего юрта а нелюдемъ помогать,

Генваря въ 13 день былъ у Василя мимоѣздом із Яшлова на отар свои ѣдучи розмѣннаго бѣя сынъ прежде помянутои Темирша мурза и говорил

василю спенею о посылке к ближнему человѣку толмача мимо ево мурзы тѣж слова о чемъ говорил толмачу дядя ево Кемалъ мурза Сулешевъ,

І Василеи ему темиршѣ говорил что он темирша мурза и дядя ево кемал мурза негодуютъ нанего Василя напрасно, и неподѣлу для того: когда по указу великих Государеи ихъ Царского величества присланъ он василеи вкрымъ кханову величеству і тогда он мурза поуказу саѳатъ гирѣя хана и собою приѣзжал к нему будучи вбакчисарае івъ яшлове по часту і о чемъ надобно говаривал а какъ ханъ выходя навенгерскую воину указалъ ево василья задержать і он Темирша отпроводя і посадя его вжидовскои городок толки былъ у него василья дважды а болши того никогда небывал и нискемъ ниочемъ ему не приказывалъ а і будучи у него Василія ниокаких дѣлех, о чемъ надобно неговаривал, а о чемъ онъ Василей ему мурзѣ и говаривал и он мурза о томъ и слышать нехотѣл и никакова добра во всѣ жития своего вкрыму дни он Василеи отъ него темирши не видал, а ему темиршѣ когда уже называетца он ктому дѣлу належащимъ, надобно было приѣзжать къ нему или обнем василе вѣдать непрестанно, и какие ево слова о дѣлехъ іли какие нужды вѣдать и доносить внебытиі ханскомъ каимакану или и самому исправлять а и ханово величество пришол вкрымъ тому уже ныне мѣсяца сполтора, а ево темиршу видитъ онъ василеи еще впервые, а естьлиб ему василю была поволность и он бы о каких дѣлех надобно посылал кнему въ яшловъ толмача или ково из людеи своих, а то он василеи посажен совсѣми принемъ будучими людми вжидовском городкѣ и пребываетъ толикое время якобы вмѣсто неволника и імъ отомъ надобно імѣть разсуждение и негодовать на себя а не на ево василья,

и темирша говорилъ: когдаб де онъ Василеи присланъ был в крымъ здобрыми дѣлаиі и онъ бы де вжидовском городкѣ небылъ, а тепере де свами будетъ мир саблею или дракою потому что де барабаши уженыне снами вдружбе и против Москвы в соединениі,

І Василеи говорилъ что он темирша говорит отом непристоино потому что присланъ онъ Василеи отъ Царскаго Величества вкрымъ здобрыми делами а не схудыми развѣ онъ мурза о чемъ говоритъ о томъ не вѣдает а военное дѣло вруцѣ всесилнаго Бога і помогаетъ Богъ вправде а неправду нетокмо прекращаетъ но і отоснования искореняетъ, а что онъ говоритъ обарабашах что они сними татары подружилися і уж всоединениі противъ московскаго Государства и то дѣло нестаточное потому что малоросиіскои народъ неособая какая-земля но подвысокодержавною рукою Великихъ Государеи Наших обретаются і подданои ихъ Царского величества Гетман Іванъ Степановичъ Мазепа совсѣмъ регименту своего козацкимъ воискомъ и малоросиіским народомъ пребываютъ въ их монаршескои превеликои милости і призрѣниі и отовсѣх неприятелскихъ странъ воохра-

нені и служат ихъ царскому велпчеству вовсякоп вѣрности; а скрымомъ всоединенія вовѣки небудутъ да и быть снимн въ дружбѣ имъ недлячего потому что когда наперед сего во время ізмѣны брюховецкого і дорошенка гетманов вдружбе статарами они и бывали і втѣ времяна отних татар никакова себѣ добра невидали кромѣ того что у них же казаков они татаровя ѣли и пили да ихже детми и Крымъ полономъ наполнили, а ныне хотя вора и измѣнника петрушки они вкрыму и послушали и воиска свои на рус і послали однако по ихъ намерѣнию чего они желают и чѣм имъ тотъ плутъ лстил и обнадеживал такъ нестанется, и лутче было имъ слушать и вѣрить правдивому дѣлу для чего къ нимъ от царского величества съ ихъ Царскою грамотою онъ василеи прислан, а не тому вору и измѣннику которои ушол къ ним от виселицы, и чаетъ он Василеи что Великіе Государи наши ихъ Царское Величество таковых их крымских дерзостеи что запересылками воиска свои нарус посылают непрестанно уж имъ терпѣть болши того несоизволятъ, а надѣяс на милосердие всесилнаго Бога повелятъ весною послать на крымъ и свои царскаго величества безчисленныя воинъства и уж ныне хкрыму росиіские воиска дорогу и безвожеи знаютъ и крѣпость і военную силу крымскую знают же вдиво крымъ бывал вто время когда доперекопи росиіских воискъ конская нога недоступала а ныне уж какъ Всемогущпі Богъ изволитъ так и будет

І темирша мурза говорил что Крымъ Москвы мало боится, а хотя де московские воиска книмъ будутъ ничего не учинят потому что і прошлым приходом быв под перекопою что крыму здѣлали кромѣ того что от безводия сами отошли свеликою нуждою и лушек и ясырю нѣсколько у нихъ оставили и ныне де втомъ воля Божия и кому Богъ велитъ тотъ и одолѣетъ,

Генваря 22 де Василеи Аитемиревъ приказывал зжидовским капычѣемъ к ближнему человѣку чтоб онъ поволилъ ему Василю ссобою видѣтис для самого нужного дѣла.

И ближнеи человѣкъ приказалъ ксебѣ в Бакчисараи василю быть утре Генваря въ 23 де.

І василеи того дни взявъ ссобою гетманского канцеляриста у ближняго человѣка былъ,

И ближнеи человѣкъ василю говорил желалъ де он василеи снимъ агою видетись помногие дни толко де тому ево желанию за нѣкоторыми іхъ юртовыми трудностями времени не было, а ныне у него василя какие есть дела іли слова и он бы ему агѣ обявилъ.

І Василеи говорил желал и просил он василеи снимъ ближнимъ человѣкомъ видѣтис для того когда Декабря 15 дня былъ онъ василеи у него ближняго человѣка нарозговоре и о чемъ предлагал и он приняв тѣ слова хотѣл довести ханову величеству и какои на то ево доношение ханскои

указ будетъ о томъ обещал онъ учинить ему василью скорую отповед дни втри илі вчетыре самъ видетис или приказать кнему чрез какую знатную особу и тому продолжение учинилос уж ныне блиско полутора мѣсяца что отповеди никакие онъ себѣ неимѣетъ і онъ бы ближнеи человѣкъ ему Василю объявил: ханову величеству он о тѣх ево предложенияхъ доносил ли. И буде доносил какое ево ханское изволение, тое от великих Государеи Нашихъ от ихъ Царского Величества присылку ханово величество приемлетъ ли і вмиру і вдружбе сними великими Государи быти желает ли, и того своего желания о намѣрении что ему Василю обявить повелил ли.

И ближнеи человѣкъ говорил, о чемъ де он Царского Величества присланнои будучи у него прежде сего ему говорилъ о томъ о всемъ онъ ага ханову Величеству докладывал и ханово де Величество выслушав то ево доношение говорил что де он іх Царского Величества присланнои говоритъ о всемъ о потребных междо Государствы дѣлех і ненадобныхъ у него дѣлъ нѣтъ толко де от Царского Величества присланъ он в Крымъ не к ево Гаджи Селимъ Гирѣеву ханову величеству, еще прежде ево были Саадетъ Гирѣи потомъ Саѳатъ Гирѣи ханы, и то ево посолство принимано и задержание ему учинено прежде его при Саѳатъ Гирѣе хане, а ныне де ево ханово величество пришедъ в Крымъ еще не осмотрился и думы о том не было даиподумать о томъ ему ныне нѣскемъ для того что бѣем и карачѣемъ занынѣшнимъ зимнимъ временем і великими снѣгами съѣхатис кнему хану в Бакчисараи немочно, и чтоб де он Царскаго Величества присланнои о томъ что он в Крыму позамѣшкался непечалился і уж болшое ждавъ, и малое б время подождал потому что де приходит скоро і вешнее время а ево де ханово величество также і всѣмъ Крымскимъ Юртом того чтоб междо Государствы был мир и тишина крѣпко желают, и чает он ближнеи человѣкъ что ево ханово величество подумав зближними людми изволитъ отпустить вскоре и здобрымъ деломъ, а хотя де прилучитца ему василью или и нынѣ есть какая и нужда и он бы втом претерпѣл, а наних неподивил потому что посылнымъ людемъ много бываетъ такихъ случаев.

І Василеи говорилъ, уговариваетъ он ага ево василя многажды чтоб непечалитца и он ему агѣ говорил что печал ево яко прах земныи і никому ненадобна толко он имѣетъ презелное попечение о томъ чтобы исправити онаказанных ему междо Государствы добрых дѣлех для чего онъ отъ Царского Величества присланъ а не о нужде въ Крыму житиа своего, а хотя молвит і о житиі своемъ і онъ бы ага разсудил і оказуя къ нему Василю свою любов сиі ево василевы слова и нужду донес ханову величеству. Присланъ он Василеи от Царскаго Величества в Крымъ для добрых дѣлъ і наскоро и такова натоликое долгое время задержания себѣ ненадѣился а кормъ ему даютъ малои и предпрежнимъ субавкою, а питья

нетокмо чего но і воду свеликою нуждою. И отъ того онъ Василеи и будучие принемъ государские люди испроѣлись і избытчились до конца а челяд и обносилися до нага, а крымскои ихъ гонецъ Кара Магметъ ага на Москвѣ не токмо что имѣетъ себѣ в кормѣх і в пите довольство и въ житиі поволность, но еще помилости великихъ Государеи Наших ихъ Царского Величества и богатѣетъ потому что они великие Государи когда увидѣлі искрыму присылку о добрыхъ дѣлех тогда своего христианскаго милосердия ради желая междо Государствы въ людехъ покоя и тишины и сами соизволили на склонность мира и тот крымскои гонецъ по ихъ Царского Величества указу принятъ такъ милостиво что ему і вдорогу ѣдущему къ Москве послано ихъ Государскаго жалованья для всякихъ ево нуждъ пятдесят золотых червонных, а онъ Василеи здѣ за сторожею живучи против того нетокмо какова себѣ довольства но і ничего доброво во всѣ жития своего дни невидитъ, и ему ближнему человѣку как втѣхъ дѣлех приналежащему надобно быть междо Государствы о смиреніи и покоѣ радѣтелну и оттого получить себѣ вѣчную от юрта похвалу и пожитокъ.

А что онъ ближнеи человѣкъ говоритъ что ханово величество пришед в Крымъ еще неосмотрился и подумать ему о дѣлех нѣскемъ, и ево ханову величеству крымские юртовые дѣла вѣдат невновѣ и невдиво, потому что ханом учинился онъ в Крыму невпервые но уже і втретие и бѣи и карачѣи въ сѣзде во время его ханскаго въ Крымъ пришествия были и чаять и ныне есть потому что ханово величество то учинил небез ихъ совѣту что оставя добрые и мирные дѣла и послушавъ вора послали на рус воиска свои чего запересылками дѣлать не годитца, а пресветлѣишие монархи великие Государы наши сохраняя у себе сияющую паче солнца правду соизволили приступить кмиру постоянно и своихъ Царскаго Величества воискъ затою о миру пересылкою на крым і подгородки наднепрѣ стоящия по се время посылать неизволили.

И ближнеи человѣкъ против того ничего неговорил толко спрашивал какие еще у него слова о дѣлех, а о Магметѣ агѣ только и молвилъ что де посланником ихъ крымским на Москве такъ и ведетца.

Потомъ василеи ему ближнему человѣку говорилъ спрошениемъ чтоб ему данъ был пристав да о яшловских мурзах что они нанего василя негодуют въ посылке толмача о Государскихъ дѣлех кнему ближнему человѣку мимо іхъ сулешевыхъ и чтоб от них небыло въ Государскихъ дѣлех какие помѣшки потому что по указу великихъ Государеи о ихъ Царского Величества дѣлех о чем надобни велено ему василю о всемъ говорить ханова величества ближнему человѣку ему визирю, а иныхъ кромѣ ево никого он василеи не знаетъ.

И ближнеи человѣкъ говорилъ по томуж чтоб пождать невеликое время тогда де будетъ у него и приставъ отъ тѣхъ же яшлявских мурзъ

кто ниесть или кому ханово величество приставомъ у него Васи́лія быть укажет и чаетъ он что и розмѣнной аштемир бѣи которои ходил для моления к Магметеву Гробу будетъ изъ станбула вскоре а Яшловские де мурзы помѣшки никакие въ Государственныхъ дѣлех учинит не могутъ и Московского Государства дела розмѣнные и іные нетакъ что бъ ихъ роду вовсе приказаны ково де похотимъ тово ктѣмъ деламъ и припустимъ толко конечно б чтоб он василеи подождал немного, а которые слова он ему ближнему человѣку говорил и чего от ханова величества онъ василеи себѣ требуетъ, о томъ о всемъ доложитъ ханову величеству и учинитъ ему Василю скорую отповед,

І василеи о томъ докладе хану и скорои отповеді паки ево шах булата просил и отпущенъ вжидовскои городок попрежнему,

Февраля въ 4 день в Бакчисараи пріѣхал от турского Салтана капычи кегая сповелением чтоб хан и калга Салтанъ изготовяс скрымскимі воискн вышлн ему Салтану впомощь противъ цесарскихъ воискъ в венгерскую землю вешнимъ раннимъ временемъ в Марте или въ Апрѣлѣ мѣсяце.

Да стѣмъ же капычи кегаею кхану прислано ево салтанского жалованья,

Сургучь то есть запана скамениемъ драгоцѣннымъ и сперомъ что вчелмах носятъ,

халатъ золотнои холоднои,

Каѳтанъ соболеи подзолотною материею,

сабля,

На дачу воиску червонные золотые турские которые ценою по 215 денегъ крымских а московскими деньгами иметца по рублю по четырнатцати алтынъ, по 2 деньги золотои, левок по 22 алтына зденгою,

Да что было мултянскому воеводе Костянтину брункувану належало послать от себя дани левковои ктурскому Салтану, и тои казны десят кисеи а въ кисеѣ по пятсотъ левков съ ево воевоцкимъ посланцом Радолом именемъ по салтанскому указу прислано вкрымъ же стѣм же капычи кегаею.

И назавтреѣ того Февраля 5 дня изъ Бакчисарая послано к Калгѣ салтану и къ великимъ бѣямъ и карачѣемъ чтобъ всѣ съѣзжались кхану вдуму вбакчисараи.

И Калга салтанъ і ширинские и мансуровы і аргинские і сыдживуцкие бѣи и карачѣи и сними мурзы и аги съѣхались Февраля къ 14 му дню.

А нурадынъ салтанъ бывъ своискомъ под малоросіскими городами в Крымъ і вбакчисараи пришол Февраля въ 10 м числѣ.

А сколько ссобою полону тѣмъ походомъ они въ Крымъ привезли того подлинно невѣдомо. Толко сказывали что Нурадынъ отобрал того полону на себя савги то есть десятны стрех тысячъ душъ і того триста человѣкъ,

А Февраля въ 17 день выходилъ ханъ изъ сараевъ въ диванъ и была у хана скарачбѣямі рада оголовныхъ юртовыхъ дѣлех въ которои приговорили ктурскому Салтану послать наскоро абдрамана агу, с таковымъ предложениемъ что по ево салтанскому указу крымские воиска у них кнему впомощь против цесарскихъ воискъ в готовности и раннимъ временем весною искрыму снемалою крымскои и бѣлгородскою орды частию выидетъ квенгерскои земли калга или нурадынъ салтаны и мурзы а самому ему хану втую далекую сторону за старостию своею и болѣзнію итить невозможно, а наіпаче для того что опасаются крѣпко Московскихъ воискъ весною въ Крымъ наступления о чемъ русские языки безбашами взятые имъ в Крыму сказываютъ,

А есть ли ж салтанъ турскои остатися в крыму ему хану неповолитъ, и онъ ханъ и самъ выступитъ и будетъ стоять в Белогородчине и буде Московские воиска на Крымъ небудутъ тогда онъ ханъ поидетъ и дале куды ему Салтан повелитъ а буде московские воиска на Крымъ наступятъ и ему хану надобно остерегат крымского юрта, а для подлиннои вѣдомости приговорили стѣмъ абдраманомъ агою к салтану послать і языка московскои породы нововзятово которои сказал что подлинно на Крымъ изволить весною быть самъ великиі Государь Царь і великиі князь Петръ Алексѣевичъ всея великия і малыя і бѣлыя росиі самодержецъ спревеликими своимп Царского Величества Московскими и малоросиіскими воинствы і уже в украиные городы воиска идутъ многие и запасовъ съѣсныхъ и конских кормовъ про Его Государскои обиход множество въ городех наготовлено анасамар де въ Новобогородицкои городъ сею зимою прислано для того походу триста пушекъ, и чтоб ему абдраману втои посылке къ Салтану обратитис в Крымъ втрицат днеи, а о турчаняхъ капычи кегае і о чаушѣ сханом приѣдучимъ приговорили они что имъ побыть вкрыму до приѣзду ссалтанскимъ указомъ его абдрамана аги.

Февраля въ 19 день кближнему человѣку посылал Василеи толмача полуехта Кучюмова спросить отповеди и чтоб онъ ближнеи человѣкъ поволил ему василю ссобою видетис а естъ либ де он ага учал отговаривать что видетис ему зачемъ ни есть немочно и он бы полуехтъ выговорил ему агѣ и о прежнихъ разговорехъ что он доложа хана хотѣл о тѣхъ делех учинить скорую отповед однакож и по се время нѣтъ от него никакова слова.

И толмачъ полуехтъ пришедъ отъ него Василю сказал что де ближнеи человѣкъ приѣхавъ от хана ксебѣ говорилъ снимъ толмачомъ предъ преж-

нимъ приятнѣе чтоб де Царскаго Величества присланнои немного время пообождал потому что бѣи и карачѣи у нихъ ныне всѣ съѣхалис и о тѣх дѣлехъ которые междо Государствы ныне настоятъ и думаютъ, а какъ переговорятъ и на чемъ поставятъ тогда он ага и самъ пришелтъ чтоб снимъ видѣтис, а на прежние разговоры отвѣту ему василью неучинено для того что бѣевъ и карачѣевъ при хане въ съѣзде такъ же о томъ и думы не было;

да снимъ де же Полуехтомъ вбакчисарае на базаре видѣлся донскихъ казаков отпадших в Церковнои раскол станичнои атаманъ сенка саратовецъ исказывалъ что приѣхало ихъ в Крымъ в Генварѣ мѣсяце восмъ человѣкъ зжалобою крымского владѣнья на кумыков что они нынешнею осенью пришедъ воинскимъ собраниемъ на жилища ихъ гдѣ они ныне обрѣтаются били і женъ ихъ и детеи вполонъ взяли здвѣсти спятдесятъ душъ и чтоб имъ то взятое да что де было добылис они прошлого лѣта наморе розбивъ двѣ полубусы персицкие и тоѣ де добычь у нихъ они кумыки всю отбили же, все имъ было возвращено да имъ же бъ указать мѣсто покумѣ реке гдѣ бъ поселитца особымъ мѣстомъ, а между кумыками и черкесами нынѣ болши того жить они козаки не хотятъ и потому де ихъ прошению вчера Февраля в 18 день вдуме у хана и приговорили послать въ кумыки Абдулая агу и отомъ овсемъ против жалобы ихъ розыскать і взятои полон і пожитки у кумыковъ отобрать и імъ росколником отдать и также осмотря гдѣ пристоино імъ поселитца мѣсто указать да имъ де казаком по ихъ прошению обѣщанно дать изъ крыму двѣ пушки сприпасы, и онъ де полуехтъ говорил ему атаману для чего де вы милость Государскую ксебѣ забыли и оставя христианство каково себѣ добра у бусурманов ищете и атаман де ему говорил, а какъ де імъ на Дону жить что старую вѣру ныне выводятъ а держатъ новую і крестное сложение не такъ какъ прежде сего бывало для тои де новои вѣры здону у нихъ к Москвѣ забрали людеи добрыхъ и заслуженных Кирѣя Матвѣева стоварыщи и показнили невѣдомо за что и імъ де на дону для того жить немочно а все де то учинилос и они здону пошли отатамана от Ивана Семенова де от Ѳомы Голодного и есть либ де имъ ихъ Івана и Фому ксебѣ достать знаклиб имъ что учинить а потомъ де тотъ жъ атаманъ говорил а притомъ тутъ же стояли и товарищеи его три человѣка, увидимъ де мы и здѣшнюю татарскую правду какъ они всыску того у нихъ взятого полону поступятъ а естъли де они татаровя имъ казакомъ доброго неучинят і они де знаютъ дорогу и на донъ попрежнему и чаютъ де они что великие Государи пожалуютъ въ прежнее пребываніе на Дону принятъ ихъ укажутъ; конского де жалованя идетъ имъ ныне в Бакчисарае поденного корму по две денги хлѣба, по оку то есть по три ѳунта мяса, по оку шарапу на день на человѣка, даконемъ их сѣно и ячмень, а петрушка де мурзенокъ что тои ихъ измѣне был заводчикъ нынешнею осенью іздохъ.

Тотъ ж атаман хотѣлъ і свасилемъ Аитемиревымъ видетис и на сырнои недѣле Февраля въ 23 день вжидовскои городокъ стоварыщи своими стремя человѣки і приѣзжал: но капычѣи жидовскои которому приказано стеречь к Василю ихъ недопустил

Февраля въ 25 Василеи аитемирев посылалъ к ближнему человѣку толмача полуехта Кучюмова чтоб ближнеи человѣкъ поволилъ снимъ видетис о надобных дѣлех по кое время карачьбѣи избакчисарая не розѣхалися,

И толмачъ отнего ближняго человѣка пришедъ Василью сказал что де ближнеи человѣкъ ему говорилъ згнѣвом что де ему посланному скоро надобно, ведь де мы обнем незабыли і когда будетъ до него дѣло тогда онъ ево василья і самъ позоветъ а хотя де бси и карачеи от хана ныне и разъѣдутца а дѣло до нихъ естьли будетъ потребное і они и паки по ханскому указу кнему съѣдутся и чтоб де онъ Царского величества посланнои неспешил потому что де и іхъ Крымскои гонецъ карамагметъ на Москвѣ живетъ же і посланным де междо Государствы людемъ смерти небывает.

А встанбулъ ктурскому Салтану вышеупомянутои абдраманъ ага изъ Бакчисарая поѣхал Марта в 2 день.

Марта въ 3 день в бакчисарае учинилас тревога по вѣдомости из Казыкерменя что хказыкерменю тою стороною Днѣпра идутъ Московские і казацкие воиска тысячь стритцать и болши а осмотрѣл де тѣ воиска ідучи безбашемъ человѣках востe, Сары джанакъ которои бывалъ наперед сего намосквѣ посланником.

И того ж часу Салтаны ханские дѣти взявъ съ собою кто при нихъ служатъ и ссеименими не сомногими людми побѣжали к Перекопи.

А вбакчисарае по базару кликали делялы і вовсѣ стороны Крыму розослано чтоб всѣ мурзы и татаровя ѣхали для обороны казыкерменскои и нетокмо военные но і всѣ и кто имѣетъ конеи и руже но и безконные бъ и безоружные всѣ бѣжали кперекопи,

А самъ хан пошол было туды жъ кперекопи марта въ 4 день досвѣту і ѣхал толко десять часов [а вчасъ у них считаютъ помиле] гдѣ ему вѣдомость пришла что руские воиска от казыкерменя пожегши подворки отступили назад і онъ ханъ возвратился вбакчисараи.

А затѣми воиски пошол впогоню кантемир мурза каябѣевъ сынъ аргынскои здвемя тысечами татар.

І въ 5 день Марта вѣдомо учинилос что и кантемиръ мурза истои погони возвратился и пришолъ в Крымъ абоюде никакова стѣми воиски небыло и языковъ у них ниуково невзято и сказывали что приходил подказыкермень палеи и учинилі толко что подворки выжгли да скотинные іовечьи стада отогнали.

Марта въ 12 день вбакчисараи пригнал кхану от салтана от сына ево ханского изакъкермеия смуштулукомъ чапкун и сказывал что онъ Сал-

танъ збелгороцкою ордою ходил вполшу воиною і был близко Львова под Самбуромъ і вовремя полского сеиму вросплох посылал загоны во многие тамошние околичные мѣста і набрали полону мужеска полу и женска ссорокъ тысячь душъ а о крымскомъ де посланнике дербыше которои посланъ въ 200 году въ апрѣлѣ вѣдомость они татаровя взяли что он дербышъ при королѣ на сеиме.

Марта въ 25 день от хана посланы назаставу вперекопскои городъ да въ Керчъ Билюкъ баши сеименские чтоб татар (которые сханом наможары итит нехотят а бегутъ искрыму вбелгородчину і вчеркесы) задержатъ и без проѣзжих листовъ отнюдь никово никуды непропустит а естъ ли бы они Билюкъ баши того непостерегли и кого пропустили и имъ за то сказана смертная казнь.

Апрѣля въ 8 день выше помянутои абдраман ага которои посылан встамбул к салтану турскому вкрымъ приѣхал, да снимъ же присланъ от турскаго Салтана чаушъ, чтоб хан и калга своиски крымскими и белогороцкими конечно шли ему салтану въ помощь въ Венгерскую землю.

Да стѣмъ же чаушом прислано к прежнему вприбавку на жалованье капыкуломъ и сеименямъ нѣсколко червонных золотых но тѣх червонных внародъ необявлено,

И къ 14 числу апрѣля поханскому указу калга и нурадынъ салтаны и карачбѣи всѣ съѣхалис и дни по три былъ сеименем смотръ і сказано імъ какъ они эмир (на томъ что им сханомъ на можар итит) учинят имъ тогда і плату подемную давать учнутъ,

А сеименеи всѣхъ в Крыму:

У хана 24 билюка,

У калги 6 билюковъ,

У нурадына 4 билюка

Всего 34 билюка.

а в каждомъ билюке:

а, человѣкъ билюкъ баша

в, ода баша,

г, баиратар,

д, чаушъ,

Да сеименеи по 46 человѣкъ.

И тѣмъ сеименем указал ханъ быть ссобою дватцати билюкомъ скалгою салтаном четырем билюкомъ а жалованья имъ дано:

Билюкъ башамъ и ода башамъ по 96 левковъ а баратаромъ і чаушом і сеименемъ по 40 левковъ человѣку.

Апрѣля въ 18 день вбакчисараи приѣхал к хану от калмыцкого аюки таиши посланникъ ближнеи ево аюкин сродникъ а при нем калмыковъ 11 человѣкъ и сказывали что прислано кхану вдарѣх лошадеи здесять конеи

и иноходцевъ добрых да на продажу от него ж аюки искумыкъ присланъ в Крымъ конскои табунъ стритцат тысечь конеи.

И чего вкрыму неиспродадутъ і тѣх конеи погонятъ прихане вбелгородчину, а калмыковъ и кумыковъ будетъ сханом и поидутъ на венгры стритысечи человѣкъ военныхъ.

Апрѣля въ 20 день василеи атемирев приказывал чрез жида крозмѣнному аштемир бѣю чтоб онъ бѣи поволилъ ему василью ссобою видетись, а он бѣи вто время былъ вбакчисарае.

И аштемир бѣи тому жиду говорил что о томъ доложитъ ханова величества і поговеритъ сближнимъ человѣкомъ и что потому будетъ и онъ кнему Василью пришлетъ стѣмъ отъ себя человѣка,

И того ж дни ввечору посланъ от него бѣя кнему василью кегая мустаѳа которои былъ наперед сего у него василья спріѣзду ево вкрым приставомъ и говорил, чтоб он василеи для повидания снимъ розмѣннымъ бѣемъ кнему бѣю вжилище ево всело Фотъ которое обрѣтаетца на рекѣ Кабарде от жидовского городка впятнадцати верстахъ ѣхалъ утре апрѣля въ 21 день снимъ Мустаѳою.

І василеи наняв конеи і взявъ ссобою гетманского канцеляриста того апрѣля 21 числа у него бѣя вселѣ ево былъ.

И бѣи ему василю по привѣтствованіі говорил приказывалъ де он Царского Величества посланнои вчерашнего дня кнему бѣю чрезъ жида чтоб ему бею снимъ видетись, а он де бѣи как вкрым приѣхал и тому уже немалое время и обнемъ василье что он сидитъ вжидовскомъ городкѣ слышал а тоѣ отнего присылку еще видитъ он впервые а мочно б де ему василю для того прислат и къ нему бею і давно потому что де ханово величество ныне своиски на венгры искрыму навыходе и тѣмъ дѣлам для чего онъ от Царского Величества присланъ когда ужъ дѣлатца потому, что о чемъ с нимъ Васильемъ к хану величеству писано о томъ он бѣи невѣдает а московские де дела истари всѣ належат вѣдать ихъ роду Сулешевымъ. И он бы василеи ему бѣю обявилъ для чего он вкрымъ присланъ.

І василеи ему сказал чтоб онъ лишних татар приказал изоды вывыслать а какъ высланы і василеи ему бею говорилъ:

впрошломъ во 199 м году, квеликимъ Государемъ Нашимъ Царямъ и Великимъ княземъ Іоанну Алексѣевичу Петру Алексѣевичу Всея Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержцамъ къ их Царскому величеству писалъ бывшеи крымскои Саадетъ Гирѣи ханъ згонцом своим смагметем изъ Бѣлогородчины что он свеликими и меншими карачѣями и сынымі породными людми придумали сними великими Государи нашими быти вмиру и дружбе попрежнему и чтоб для договору омиру присланы были вкрым послы,

А у них о миру та рѣчь пременна небудетъ а начемъ и накаковых статях тому миру быть о томъ ево ханова и юртового намерения втомъ его листу ненаписано.

І великие Государи наши ихъ Царское величество видя тоѣ о добрых делех искрыму присылку і желая между государствы тишины и христианомъ и бусурманомъ покоя кмиру скрымскимъ юртомъ склонитис соизволили и тот крымскои гонецъ магметъ по их Царского велвчества указу на Москве принятъ милостиво й ихъ Государскимъ жалованемъ какъ на приѣзде належит также і поденнымъ кормомъ и питем удоволствованъ.

А хкрымскому саадетъ гирѣю хану против того ево ханского листа указали они великие Государи о намѣрениі своемъ Государскомъ отписать і стою своею Царского величества любителною грамотою и начемъ быть миру с статями прислать наскоро ево василя чтоб то добро начатое дѣло конецъ свои восприяло вскором времени, і приѣхал он васичеи вкрымъ всемъ мѣсяце апрѣле прошлого году которому прiѣзду ныне ужъ годъ минул но саадетъ гирѣи послѣ посылки кмоскве того гонца своего вкрыму небылъ ис крымского ханства переменен, і онъ василеи приѣдучи вкрымъ принятъ сперва въ Яшлов кнему розмѣнному бѣю сыном ево темирешею мурзою, потому что ево Аштимиръ бѣя вкрыму небыло і тоѣ их Царского величества грамоту вручилъ онъ саѳатъ гирѣю хану и саѳатъ Гирѣи хан тоѣ великихъ Государеи грамоту принял любовно і выслушавъ тоѣ грамоту и стати и подумал сближними людми приговорил было къ ихъ Царскому величеству для договору о миру послать к Москвѣ посла своего ізроду ихъ сулешевыхъ Мубарекшу мурзу снимъ васильем вмѣсте но та к Москвѣ того мубарекши мурзы посылка и ево васильевъ искрыму отпускъ остановился и меж Государствъ добрымъ деламъ помѣшка учинилас приѣздомъ вора і измѣнника Петрушки гетманчика и повыходе искрыму Саѳатъ гирея хана на венгры возвращенъ он василеи вкрымъ от краинего городка перекопи і посаженъ в жидовскомъ городкѣ гдѣ и доныне пребываетъ потомъ и Саѳатъ Гирѣи ханъ вкрымъ невозвращался и учинился вкрыму ханомъ Гаджи Селимъ Гиреи ево ханово величество, і пришол вкрымъ тому уж ныне пять мѣсяцовъ і онъ василеи сближнимъ человѣкомъ шах булатом агою виделся здвожды, и о каких Государскихъ дѣлех ему говорил и онъ то выслушавъ на тѣ слова ничего неговорил и говорить не хотѣлъ а толки хотѣл доложит о томъ о всемъ ханову величеству и учинит ему василю скорую отповѣд: но отповѣди никакои отнего ни отъ самого ни черезъ кого небыло, потом он василеи преже ево аштемир бѣева вкрым прѣзду в Ѳевралѣ мѣсяцѣ посылалъ кнему агѣ толмача чтоб онъ поволилъ ему василю еще ссобою видетис и онъ Шах Булат ага сперва толмачю сказал что де ныне бѣи и карачеи всѣ при ханове величестве въ сѣздѣ і о тѣх дѣлех и говорятъ. И начемъ постановятъ отомъ он шах

булат ага учинитъ ему василю вѣдомо, а потомъ ныное время изгнѣвомъ отказал что де ему посланному скоро надобно веддемы обнемъ не забыли, и когда будетъ надобно тогда и сами кнему пришлемъ, нашъ де крымскои гонецъ на Москве живетъ же и онъ василеи ссамого ханского вкрымъ приходу и по се время никакова дѣльнаго слова отъ него ближняго человѣка къ себѣ неслышитъ и что причина для Магметя ли что он намоскве оставленъ или для иных каких дѣл вкрыму ево Василія держатъ о томъ ему отнюдь ничего невѣдомо, и буде его держатъ за Магметя и емуб о томъ сказат, а буде для иныхъ каких дѣлъ и ему потому бы о томъ надобно обявить, и поволить бы ему Василію для извѣстія писать кveликимъ Государемъ къ ихъ Царскому величеству и тоб дѣло шло добрымъ порядкомъ, а то вздержаніе ево василеве нѣтъ ниначала никонца, и он бы аштемир беи яко втѣхъ Московскихъ дѣлех приналежащеи об немъ василье и о задержаніи ево донес ханову Величеству.

А кнему бѣю чтоб он сним Василем видѣлся приказывалъ онъ василеи изъ жидовскаго городка и с сыном ево беевымъ темиршею мурзою также и слюдми ево многожды и ужто знатно что они ему бѣю отомъ несказывали а отсебя онъ Василеи кнему бѣю никово неприсылал для того что толмачю и никому отнего ходить никуды не свободно да и невѣдомо вкаково время и куды ево послать потому что гдѣ онъ бѣи живетъ и когда вбакчисараи пріѣзжаетъ о томъ было невѣдомо, а сверхъ того ожидал онъ василеи пословамъ ближняго человѣка отнего отповеди.

И аштемиръ бѣи говорил, призвал де онъ ево василя ксебѣ ныне по ево желанию, отсебя а ханово де величество ниближнеи человѣкъ прото невѣдаютъ і говоритъ ему василю собою что как он бѣи вкрым и вдом свои пріѣхал, и он опріѣзде ево василеве при саадетъ гирѣе хане от сына своего темирши слышал такъ же для чего присланъ и зачѣмъ задержанъ о томъ у бѣевъ крымскихъ ныне спрашивал и бѣи де ему Аштемиру сказывали что он присланои присланъ въ Крымъ уж давно бутто для мирныхъ дѣлъ а сним де присланы статьи на чемъ быт миру, крымскому юрту зѣло противные зачто никогда миру учинитис немочно однакожде онъ задержанъ здѣсь напрасно отписать де было противъ того что надобно и отпустит ево давно кмосквѣ токмо де онъ бѣи и то говоритъ, что то, что и намосквѣ гонецъ ихъ крымскіи Карамагметъ задержанъ учинено невѣдомо для чого потому ж напрасно і нѣт де втомъ задержаніі на обе стороны никакие прибыли.

І василеи говорил хотя они бѣи вкрыму о тои присылке и говорятъ что присланъ онъ василеи снепотребными юрту ихъ дѣлами, однакож бы імъ то себѣ надобно розсудить что кождая сторона себѣ добра желаетъ и для того онъ василеи как преж сего спріѣзду своего ближнимъ людем говаривалъ, такъ и ныне ему бѣю говоритъ, что хотя втѣх о миру статяхъ

что противное имъ и написано и юртом того непринимаютъ и того было ради имъ искрыму и послать послов своихъ людеи знатных и полномочных которыеб могли о томъ миру договоръ учинить и постановить какъ бы которои сторонѣ надобно потому что тѣ стати присланы снимъ толко для вѣдома чего великие Государи стурскои и скрымскои стороны своеи Царского величества сторонѣ желаютъ а не вовсе сотказомъ чтоб де безъ того миру не быть, а хотя книмъ великимъ Государемъ чрезъ гонца ихъ Магметя о миру от хана и писано, однакож начемъ тому миру быть того ничего въ томъ ханскомъ листу необявлено очемъ бы онъ бѣи выразумѣлъ что і влюбителнои ихъ Царскаго величества грамоте о присылке к Москвѣ послов написано, а когдаб послы крымские для того договору к Москвѣ были посланы, тогдаб по изволению Государскому и подоговоромъ противъ тѣхъ статеи что и пременилос. И буде і ныне ханово величество пословъ своихъ к Москвѣ непошлетъ а ево василья будутъ вкрыму держать безвызнания причинъ за что и не давъ о томъ никакие кМосквѣ отповѣди и то дѣло безконечное, и что изтого будетъ отомъ Богъ вѣсть, а Магметъ их намоскве оставленъ не для чего иного токмо для скорои искрыму снимъ васильемъ отповеди и продолжения тому на Москчѣ нечаяно кромѣ добраго въ дѣлех совершения. Ів том что он Магметъ намосквѣ оставленъ московскому Государству нѣтъ никакие прибыли і дела за ними во обоихъ сторонахъ равные какъ он Магметъ къ Царскому величеству присланъ слистомъ вгонцехъ такъ и он василеи съ их Государскою грамотою вкрымъ вгонцех же а не посланником и дѣл никаких кромѣ подания хану тои грамоты онъ василеи у себя неимѣетъ и держат ево потому незачто но какъ поволи Божиі тои ево присылке продолжение нисталося и то он василеи признаваетъ что учинилось то приѣздомъ прежде помянутово вора и ізмѣнника и перемѣнами ханскими і ныне онъ бѣи ханову величеству о том о всем о чем онъ василеи ему говоритъ донес бы имянно; естьли свеликими Государи нашими похочет онъ ханъ исконную дружбу обновить, и онъ бы указалъ книмъ великимъ Государемъ отписать и для договору о миру послал пословъ своих а буде того учинить что писать и пословъ послать неизволитъ, и он бы указалъ ево василя отпустить къ Москвѣ а буде и того учинить чтобъ и его Василия отпустить не укажетъ, и егобъ ханово Величество указалъ для чего его в Крыму держать ему объявить и писать о томъ квеликимъ Государемъ къ их Царскому величеству и послат от себя к Москвѣ толмача или человѣка своего.

И бѣи говорилъ применяеца де онъ къ словамъ гдѣ что слышалъ и говоритъ ему василью собою а непоханскому указу что ханово величество чаять изволитъ ево василья отпустить и своего человѣка снимъ василемъ кМоскве послать отписавъ что надобно, и хотяб вобоих сторонах и попятеро пословъ и гонцов было задержано, однакож втом никакова добра

кромѣ убытку небудетъ, а ныне де о сем настоящемъ дѣле о чемъ от него василья слышитъ о всемъ ханову величеству доложит, и поѣдетъ нарочно для того в Бакчисараи впонедѣлокъ то есть Апрѣля въ 24 день и какои его ханова величества указъ об немъ нибудетъ задержать ли или отпустить ево укажетъ о том онъ бѣи дастъ ему вѣдомо, а какие де ссоры у крыму смосквою ни были и то уж прошло чего и вспоминать ненадобно, даи де Боже чтоб ныне что доброе здѣлалос а на ближняго человѣка на Шах Булата агу нѣчего и дивовать для того что ему ныне ханского ради походу крѣпко недосугъ однакож довелось что ни есть ему сказать.

І василеи ему бѣю спрошениемъ говорил чтоб онъ бѣи о томъ междо государствы добромъ и мирномъ дѣле приложил свое радѣние отчегоб получил себѣ вѣчную похвалу,

И бѣи обѣщался втѣх дѣлех быть радѣтеленъ исказывал что и отецъ ево Московскаго государства сторонѣ добрые дѣла дѣлывал и бывал на Москвѣ посломъ за что было время от своих бусурмановъ въ Крыму и пострадалъ отчего де ныне онѣ Сулешевы от бусурман вподозрѣнии и говорятъ про нихъ будто они имѣютъ смосковскимъ Государствомъ писменные пересылки і емлютъ за то себѣ подарки.

И бѣи же говорил когда де миръ на обѣ стороны надобенъ для чегож де Царское Величество послов своих вкрымъ прислат неизволили, потому что де исстари всегда у Москвы скрымомъ договоры бывали в Крыму, а не на Москвѣ.

І василеи говорил что великие Государи іхъ Царское Величество словъ своихъ вкрымъ неизволили послать а о крымскихъ чтоб к Москвѣ были присланы изволяютъ для того чтеб ісконняя дружба была обновлена івпредбы сосѣдственная любовь і между Государствы внародѣ покои и тишина была постоянная. А как то учинит чтоб того посторонние Государства то есть цесарское и полское невѣдали.

І бѣи молвилъ такъ де правдивое то дѣло и отомъ он именно о всемъ донесетъ до ханова величества,

Бѣиже василью повопрошенню ево сказывал что де ханъ пскрыму ввенгерскую землю конечно хотѣлъ итить новаго мѣсяца [по их рѣчению] рамазана сшестого, а по руски мая сперваго дня а снимъ поидетъ Калга и іные салтаны дѣти его ханскіе четыре человѣка. Да вкрыму де останутца Нурадын также и Салтанов сродников ханскихъ человѣкъ пять или шесть збудучими при нихъ воинскими людьми, и останется де Крымъ не пустъ.

Потомъ онъ бѣи потчивал василья и снимъ будучих ѣствою и питьемъ кагвою.

А какъ отнего поѣхалъ и бѣи послал дожидовского городка проводит того жъ кегаю своего Мустафу.

I апрѣля въ 25 день бѣи вбакчисараи приѣзжалъ і оттуду поѣхал всело свое тогож дни.

Апрѣля въ 26 день приходил квасилью взятои вполонъ во 199 м году на самари отъ городового дѣла свияжскои татарин аимаметъ исказывал что калмыцкои аюки таиши посланникъ сего дни у хана былъ на отпуске и дано ему конь доброи да халатъ золотнои и людемъ ево сукна и киндяки и іное что у нихъ ведетца.

А Аюкѣ от хана послано подарковъ:
Сабля оправная добрая
четыре пищали турские,
конь совсѣм снарядом:
да нѣсколько золотыхъ червонныхъ.

И прислушался де онъ аіиМаметъ меж тѣми калмыками и крымскими татары что присылал того посла своего аюка таіша для того что чтоб ханъ послалъ книмъ навспоможение искрыму какова салтана своиски крымскими і нагаискими которои бы сними калмыки шол воиною Московскаго Государства подгороды под казань і под иные которые обрѣтаются по Волге рѣке для того что де донские и яицкие и гребенские козаки улусы ихъ калмыцкие гдѣ они кочуютъ разбиваютъ и людеи вполон емлютъ, и конские и животилные стада отгоняют и многое раззорение имъ чинятъ непрестанно, какъ де то учинено и прошлаго лѣта; и ітит де бы имъ калмыком и татаром нынешнимъ лѣтнимъ временемъ изгоном і вросплохъ по кое время на Москве о томъ ихъ замыслѣ невѣдомо, а потом де послѣ своем аюка кхану писал чтоб онъ хан имѣл вдѣлех вѣру о чем онъ учнетъ говорить такъ и ево посланника принял такъ какъ бы самого ево аюку, потому что естьлиб было возможно і не былоб от Москвы подозрѣния тоб онъ аюка и самъ приѣхал кнему хану, токмо того своего посла посланъ вмѣсто себя.

И тому де посланнику калмыцкому от хана сказано что искрыму ныне посылать ему неково потому что сам он ханъ идетъ на можары и салтаны которые есть при немъ вкрыму идутъ сним же а прикажетъ книмъ одному салтану итить из черкѣсъ и своиски черкескими сколко будетъ возможно.

И із бакчисарая тот калмыцкои посол поѣхалъ того ж числа.

Да о томъ ж калмыцком послѣ і для чего он былъ присланъ и какои ихъ замыслъ подтверждая вышеписаннымъ того татарина словам слово вслово людемъ василевымъ которые хаживали набазар для поденнаго корму сказывали непоединожды приказывая квасилю и расколники донские казаки что есть ли де дастъ Богъ ему василю искрыму скоро отпускъ і великимъ бы Государемъ о том было ізвѣстно, а и они де казаки болши

того уже збусорманы водится нехотятъ толкоб лише имъ от кумыков полон свои отыскать а будутъ надону всѣ попрежнему.

А Апрѣля въ 25 день василеи крозмѣнному бѣю посылалъ толмача полуехта Кучюмова всело ево Ѳот спросит какъ он вбакчисарае былъ и он ханово величество видѣл ли и обнемъ василеи докладывал ли и что ему от хана сказано,

И толмачъ Полуехтъ того жъ дни от бея приѣдучи сказал аштемир де беи ему говорил что он вбакчисарае ханову величеству обнемъ Василье докладывал, такъ что для чего де ево вкрыму держатъ и чтоб искрыму ево отпустит, і что ни есть против Царского Величества грамоты которая снимъ прислана отписать и послать снимъ к Москве съ тѣмъ листомъ хотя дву человѣкъ.

И ханово де величество ему бѣю сказал была де у него хана о том збѣями недавно рѣчь чтоб ево Московскаго гонца отпустить токмо де бѣи приговорили что присланъ он гонецъ с Москвы нисчѣмъ; а мы де ныне идемъ искрыму въ чужую сторону на воину и он де гонецъ пускаи сидитъ вкрыму а к Москве де ево отпустит і людеи своих снимъ посылать недлячего и писать нечего и он де бѣи говорилъ хану за Магметяли де ево гонца вкрыму держат что он на Москвѣ задержан или для чего иного и есть ли де замагметя и от негоб де гонца отпустит къ Москвѣ хотя человѣка ево или дву свѣдомостью что онъ задержан замагметя и смосквыб тотъ Магметъ былъ отпущон, а он бы Московскои гонецъ для того былъ искрыму свобожденъ, и ханово де величество ему бѣю сказалъ что де одново ево человѣка к Москве отпустит что всѣх все ровно.

А потом де приказывал онъ бѣи квасилью чтоб онъ отпуску себѣ искрыму ненадѣялся а сверхъ де того чтоб онъ василеи послал о томъ спросить и у ближняго человѣка и чаять де что і ближнеи человѣкъ тож ему василю скажетъ что і онъ бѣи.

И Апрѣля въ 28 день василеи посылал ево полуехта вбакчисараи кближнему человѣку чтоб он у него спросил ханскои указ какои об немъ василеи естъли и видетца ему василю ссобою он ближнеи человѣкъ велитъ ли и искрыму ево къ Москве отпустят ли и буде ему отпуску искрыму небудет і онъ бы ближниі человѣкъ сказал ему василю для чего то задержание ему чинитца і велѣл продат своих коней покое время хан искрыму навоину невышол потому что хан уже скоро выходитъ а ему василю збудучими снимъ людми кромѣ того что непродав коней живучи вкрыму пропитатца ханскимъ жалованемъ нѣчемъ,

И толмачъ Полуехтъ пришед отъ ближняго человѣка ему василью сказал что он о томъ о всемъ ближнему человѣку отнего василя говорил, и ближнеи де человѣкъ ему сказал чтоб онъ василеи коней своих безуказу непродавал потому что розмѣннои Аштемир бѣи ныне вбакчисарае и онъ снимъ

о томъ переговоря доложатъ обще обнемъ ханову величеству і что он ханъ учинить отпустить ли задержат ево василя укажетъ и онъ о томъ и о продаже конеи учинитъ ему скорую вѣдомость.

І василеи вѣдая о томъ что розмѣнного аштемиръ бѣя вбакчисарае нѣтъ того ж дни стѣми ближняго человѣка словами для вѣдома посылал ево полуехта кнему бѣю всело ево,

И бѣи ему полуехту сказал когда де ближнеи человѣкъ такъ говоритъ и онъ де бѣи поѣдетъ вбакчисараи для того нарочно завтра апрѣля въ 29 день і будетъ о томъ радѣть и промышлять сколко можетъ токмо де признаваетъ он бѣи что задержание ево васильево чинитца знатно оттого что въ грамоте Царского Величества къ ево ханскому Селимъ Гирееву имени крѣпко нѣчто противное написано.

И онъ де Полуехтъ ему бѣю говорилъ о чемъ де вграмоте великихъ Государеи вкрымъ писано и того де чает де онъ василеи и невѣдаетъ, а счѣмъ он послан то хану и подалъ і посылные люди никогда въ томъ винны не бываютъ съ чѣмъ ни присылаются.

А Апрѣля въ 30 день василеи посылал ево полуехта вбакчисараи кближнему человѣку и кбѣю довѣдатись о томъ поведении что от них будет наказов ему и о иных делех буде учнуть они въ отпуску отказывать.

И ближнеи человѣкъ толко толмачю сказал что де от хана обнемъ василье приказано о всѣмъ розмѣнному Аштемиръ бѣю а розмѣнноі аштемир бѣи ему толмачю сказал что де они ханова величества сближнимъ человѣкомъ обнемъ докладывали и ханъ де на тѣ ихъ слова было і склонился и отпустит ево Василія хотѣл но одинъ де человѣкъ втом дѣле помѣшку учинил і ханъ указал ево василя держать в крыму потому что их крымского гонца на Москвѣ держатъ ж і нетокмо де что того гонца но еще и после того когда Калга Салтан ходилъ на украину и тогда съ степи от запорожя послалъ де было хказацкимъ полковником кчетыремъ человѣком татар дву человѣкъ и тѣ де два человѣка взяты и засланы к Москве ж і онъ же толмачъ ему бѣю говорил что Царского де Величества гонецъ о тои посылке дву человѣкъ татар никогда неслыхал и не вѣдаетъ кромѣ сего что он толмачъ слышитъ от него бѣя впервые а когда де было имъ іскрыму для добрых дѣлъ посылать ково вмосковскую сторону и ім было отои посылке надобно сказать и Царского Величества гонцу і взять и отнего какое писмо или словесную какую вмосковскую сторону вѣдомость, а когда никакие вѣдомости от него гонца стѣми татары нѣтъ и тои присылке знатно что наукраине неповѣрено.

Толмачъ ж де ему бѣю по васильеву приказу говорил когда де ханъ указалъ ево василя задержат и отпуску небыть и ханово б величество указал о томъ для чего его въ Крыму держатъ імъ ближнимъ людемъ ему василю самому сказать и к Царскому Величеству о томъ писать і стою

отпискою человѣка своего гонецкаго послать хотя до сѣчи запорожскои а то де великимъ Государемъ обнемъ василе держатли ево и за что іли он нскрыму отпущонъ отнюдь ни очемъ неизвѣстно.

И бѣи де ему толмачу сказал что ничего того чего онъ василеи себѣ требуетъ небудетъ і видится имъ снимъ недля чего и чтобъ де онъ василеи и хто при немъ есть конеи своих продавали а онъ де бѣи завтра тѣхъ конеи прикажетъ пригнать стаднику своему набазар вбакчисараи а сверхъ де того чтоб онъ василю сказал поѣдет де онъ хана провожат чаять до перекопи и учнутъ ему еще об отпуске ево наговаривать какъ возможно.

И тѣхъ конеи отобрано было четырнатцать а пригнано тринатцать и тѣ всѣ заѣзжены и проданы после ханского выходу изъ Крыму самою дешевою ценою.

Ханъ на венгерскую воину избакчисарая вышел мая въ 1 день.

а выход ево былъ таков:

1. везли кибитку нагаискую бѣлыми воилоки крытую.

2. кровать деревянную, на кшталдъ скаменъ о четырехъ ножкахъ.

3. шол постелнои возъ,

4. кога подкраснымъ сукном о четырех возниках,

5. сшатрами иззапасы шло 7 арбъ каждая о двух конех, а палубы крыты бѣлыми воилоками.

6. ѣхали сеимени 16 билюковъ устроясь сперва вряд 3 баирака и тѣхъ баираковъ сеимени,

А досталные ѣхали вмѣстѣ по 2 баирака,

А сеимени всѣ ѣхали по три человѣку вряду.

7. ѣхал ахтачи бѣи а занимъ вели сидя на конех ахтачѣи ханских простых осми конеи турских и нагаиских подсѣдлы а уседел были у трех сабли а у четырех канчѣры а на одномъ послѣднемъ палашъ оправнои скаменьемъ.

8. ѣхали дватцать человѣкъ билюкъ башеи устроясь по два человѣка врядъ.

9. за билюкъ башами везли два бунчука да два ж баирака ханские всѣ водинъ рядъ,

а баираки одинъ краснои другои зеленои. Баираки згротами а бунчуки съяблоки золочеными.

Потомъ ѣхал ханъ на иноходце при саблѣ а около ево пѣшихъ шатыреи четыре человѣка.

А за нимъ салтаны дѣти ево ханские и чиновные двора ево люди, такъ ж которые хана провожалі человѣкъ состо и болши,

а ближнеи человѣкъ всегда прихане ѣздит справои стороны поодал,

И после того вѣдомо учинилос что розмѣнной Гаджи аштемир бѣи что от хана вдомъ свои приѣхал.

И Мая въ 9 день кнему отъ Василія посыдан толмачъ Полуехтъ провѣдать по ево бѣѣвымъ словам есть ли обнемъ василье ханскои указъ какои вдороге применился.

И размѣнной бѣи ему полуехту сказал что де провожал он хана дотрехстанов асловъ никаких у хана обнемъ василье небыло і отпуску не будетъ.

того ж днi вѣдомость пришла истанбула что турки тамъ хватаютъ всяких народов и гулящихъ людеи і насилно написав ихъ вьянычары і всеимени проводят караблями в кандию для обороны отъ венецыянъ.

Сселимъ гирѣемъ ханомъ когда пришол онъ вкрым приѣхали іс полши закону святыя троицы которои клештор новои обрѣтаетца волвове въ самомъ замку духовного чину два человѣка одинъ породою гишпанецъ редентор имянемъ другои породою полякъ михаилъ онъ же и толмачъ турского языка, для искупления плѣнныхъ клештернымъ скарбомъ, а хану они явились и для чего вкрымъ ѣдутъ проѣзжпе полские листы ему и кому належитъ обявили вбелѣгороде и пріѣхав въ Крымъ жили вбакчисарае.

И ближнеи ханскои человѣкъ прикинулся книмъ напастью імянун их лазутчиками неволников сперва окупать ім неповолилъ і велѣл ихъ посадить за сторожу вжидовскои городокъ втотъ же гдѣ посаженъ і василеи айтемирев.

И тѣ законники вжидовскои посажены городокъ генваря въ 18 день и поставлены были от васильева стану вдалномъ растояніі;

а какъ они снедѣлю тутъ пожилі и сближнимъ человѣком нарочитыми подарками позналис тогда імъ набазар и вездѣ ходит и неволников окупат поволено.

А василья и всѣхъ снимъ будучих людеи тѣ законники видели токмо отнюдъ у них ниукого для чего вкрымъ присланы і ниочемъ неспрашивали и не розговаривали потому что от василья чтоб сним ни очемъ неговорить всѣмъ было накрѣпко заказано;

и із жидовского они законники отпущены мая въ 24 день на Козловъ въ карабленной пристани. И поѣхали тѣм же путем которымъ і вкрымъ ѣхали вбелогородчину.

а неволников окупя ссобою повезли все цесарчиковъ 29 человѣкъ і втомъ числѣ 4 женщины 2 детеи груди ссущих.

а полскои породы нетокмо что Благочестивыя вѣры но и римские не окупали ни одного человѣка а оговаривалис имъ тѣмъ что іспольши на іскупленне плѣнныхъ сними ни отково ничего непослано.

Июия въ 8 день вбакчисарае кликали делалы порѣчамъ нововзятых рускихъ языков о приходе московских воискъ накрымъ чтоб татаровя

всѣ шли кперекопи а потомъ то замешание уних поудержалос і велено татаромъ кормить кони и готовитца на воину, а куды того не являют.

Июня въ 13 день делялыж побазару кликали чтоб татаровя которые вперекопи і выных краиныхъ городѣх хкаковому городовому дѣлу хто написан были при своих дѣлех для опасения от московскихъ воискъ отовсѣхъ сторонъ.

Июня ж въ 27 день вночи от перекопи вбакчисараи приспѣла вѣдомость что росиіские воиска черезъ днепръ строят мосты чтоб итит на крым і подгородки обоими сторонами днепра и на утрее оттого учинилась великая тревога и кликали по базару делялы чтоб аги и мурзы и татаровя всѣ бежали кперекопи.

И потои вѣдомости кперекопи і нурадын Салтанъ поѣхал от керчи июня въ 29 день а каимаканъ избакчисарая 30 дня,

а июля въ 3 день они нурадынъ и каимакан істого пути і возвратилис потому что вѣдомость киим принесена чамбулами подлинная что воискъ никаких нѣтъ а ходили постепи великими стадами дикие кони.

Июля въ 8 день отбелагорода подлинно увѣдомлено что ханъ и снимъ калга салтан пошли избелагорода навенгерскую воину мая въ 25 день а орды сними стритцать тысечь человѣкъ.

полского новонавезенного полону тамъ въ Аккерменѣ зѣло много а наіпаче женъ и малыхъ робят которых табунные калмыки множество покупали и накони выменивали.

Вор и ізмѣнникъ Петрушка былъ добелагорода при ханскомъ воиску и оставленъ со всѣми товарыщи своими накорму вбелогородских гаурскихъ доревняхъ;

товарыщи ево воровские при немъ быть нехотят и стритцат человѣкъ побежали было в Ягарлыкъ к такомуж петрушке подобну лживому их гетману Стецку токмо их поимано и покиданы въ ямы и будутъ попроданы.

Августа въ 18 день кнурадыну салтану приѣхали запорожскихъ казаков два человѣка исказывали что они присланы изсѣчи для воисковых дѣл да сними ж де приѣхалъ вкрымъ Царского Величества подданнаго Гетмана Ивана Степановича Мазепы посланецъ прилуцкого полку казакъ Петромъ зовутъ волошенин и остался де отъ нихъ вперекопи для того что писма счѣмъ он ѣхал поѣдучи отъ Перекопи оброниł и іщетъ ихъ.

І вбакчисараи тотъ помянутои петръ приѣхал съ провожатыми и препровоженъ къ каймакану августа 21 дня.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Городъ Качибей или Гаджибей — предшественникъ г. Одессы.

(Дополнительныя замѣтки къ статьѣ того-же названія, напечатанной въ запискахъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей т. XVII).

Въ послѣднее время, частью въ зависимости отъ столѣтняго юбилея г. Одессы, частью по случайному совпаденію, появились нѣсколько изданій и сочиненій со свѣдѣньями, касающимися г. Качибея; кое какія же указанія нашлись и въ прежнихъ трудахъ, которыми мы не успѣли воспользоваться для нашей статьи въ виду спѣшности, съ которою мы ее печатали. Всѣ такія указанія мы и сочли полезнымъ свести въ особой дополнительной замѣткѣ.

Въ виду появившихся въ послѣднее время нѣсколькихъ томовъ Архива юго-западной Россіи вопросъ о зависимости черноморскаго Качибея отъ подольскаго (см. въ нашей статьѣ стр. 8) нуждается въ новыхъ соображеніяхъ. Считаемъ попрежнему очень вѣроятнымъ, что одинъ изъ нихъ былъ колоніей другого, и несомнѣннымъ, что названіе Качибей указываетъ на татарское происхожденіе старшаго изъ нихъ; но который считать старшимъ? Остаемся пока при мнѣніи, что подольскій. Татары владѣли Подоліемъ до 60-хъ годовъ XIV в. (Арх. Ю. З. Р., ч. VII, т. 1, Владимірскій Будановъ стр. 76); здѣсь они имѣли свои аулы, которые, по представляющемуся намъ вѣроятнымъ домыслу Ролле (D-r Antoni I. Zameczki Podolskie т. I, стр. 3), частью преобразовались въ села, и въ томъ числѣ Kaczebijow. По освобожденіи Подолія и Понизія отъ власти татаръ колонизація послѣдняго шла преимущественно изъ Галиціи (Влад. Буд. стр. 73), но неиначе, какъ черезъ Подоліе, почему переселяться на Низъ могли и подоляне, особенно когда началась въ Приднѣстровьи въ концѣ XIV в. строительная дѣятельность князей Коріатовичей (ibid. 78 и слѣд.), продолжаемая В. кн. Витовтомъ (ibid. 82 и слѣд.). Наоборотъ, мы не знаемъ случаевъ колонизаціи изъ степей Низа польскихъ областей; имъ случалось отвлекать къ себѣ колонизацію изъ тѣхъ русскихъ мѣстностей, которыя питали ею Низъ (ibid. 8); но русскія переселенія съ Низа въ Подоліе были-бы абсурдомъ.

Можно-бы привести въ доказательство старшинства подольскаго Качибея надъ черноморскимъ еще и такое соображеніе: Татары ушли изъ Подолія въ концѣ XIV в., значитъ Качибей былъ здѣсь раньше этого времени, тогда какъ на морскихъ картахъ нашъ Качибей въ это время не упоминается; но этотъ аргументъ парализуется тѣмъ фактомъ, что при В. кн. Витовтѣ татары селились въ Подоліи (Арх. Ю. З. Р., ч. VIII, т. I, изд. 1893 г., Грушевскій стр. 28); въ сущности послѣднее указаніе можетъ парализовать силу и предшествующихъ аргументовъ: подольскій Качибей именно могъ быть основанъ татарскими выходцами изъ татарскаго же Качибея на Черномъ морѣ, переселявшимися съ согласія владѣльца этого города Язловецкаго въ его подольскія земли; обрусѣть-же эти города могли и позднѣе. Во всякомъ случаѣ, мы на своемъ прежнемъ домыслѣ не особенно настаиваемъ. О такихъ замкахъ, какъ Качибей, см. А. Ю. З. Р., ч. VII, т. I, Влад. Буд. стр. 58—59 и Грушевскій южнорусскіе господ. замки въ половинѣ XVI вѣка. Нарбутъ и еще нѣкоторые историки, приписывая Витовту постройку или возобновленіе многихъ городовъ на Низу, относятъ къ нему и устройство гавани Качибея; но это лишь домыслъ и Владимірскій Будановъ (А. Ю. З. Р., ч. VII, т. I, стр. 55) находитъ, что съ именемъ Витовта соединенъ трудъ многихъ поколѣній, предшествующихъ и послѣдующихъ ему (см. еще стр. 56—57).

Относительно Якушинскихъ (въ нашей статьѣ стр. 8—9 съ примѣчаніями) Владимірскій Будановъ (ibid., ч. VII, т. 2, стр. 118, примѣч. 3) приводитъ указаніе, что они получили свои имущества отъ Свидригайла или отъ Витовта, или отъ обоихъ, но, откуда взято это извѣстіе—не ясно; въ цитированномъ раньше авторомъ мѣстѣ этого нѣтъ, цитата явно не вѣрна, есть какая то опечатка. Въ то время Якушинскіе еще не показывались Коцюбами. Для Коцюбъ Якушинскихъ въ 1552 г. см. еще А. Ю. З. Р., ч. VII, т. I, стр. 608 (Коцюбовое (Я)кушинскаго дворъ въ Винницѣ) и 610.

Для вопроса о Хаджибеѣ и другихъ татарскихъ полководцахъ (у насъ стр. 10 и примѣч. 4) см. еще А. Ю. З. Р., ч. VII, т. I. Влад. Буд. стр. 77.

Стр. 10—11 примѣч. Кочубей былъ не полтавскимъ полковникомъ а генеральнымъ судьею.

Стр. 19—20. Наше ожиданіе (стр. 20 примѣч. 2) исполнилось гораздо скорѣе, чѣмъ мы предполагали. Въ недавно вышедшемъ А. Ю. З. Р., ч. VIII, т. I, въ предисловіи, написанномъ г. Грушевскимъ, на стр. 25—27, сообщена грамота кор. Владислава III Бучацкому 1442 г. на города Понизья и въ томъ числѣ на Caczibieow (in littore maris sita). Грамота напечатана по копіи изъ книги ревизіи 1564 г. (f. 217), находящейся, повидимому, въ Кіевскомъ Центральномъ Архивѣ; къ сожалѣнію, какихъ-либо данныхъ относительно этой грамоты издатель не привелъ и коментаріевъ почти не сдѣлалъ.

Изъ этой грамоты оказывается во первыхъ, что отдано было нижнее Поднѣстровье *Теодорику* Бучацкому, въ то время кастелляну каменецкому и капитану Подолія; во вторыхъ, что въ числѣ отданныхъ ему городовъ былъ Czarnigrad, какъ напечатано у Вишневскаго, а не Białogród, какъ сообщаетъ М. Дубецкій; но намъ ясна и причина ошибки послѣдняго: въ грамотѣ сказано о Черномъ городѣ, что онъ находится, ubi Dniestr fluvius dictus mare intrat. Принявъ Черный городъ, на основаніи этого, за Аккерманъ и зная, что его нѣкогда называли Бѣлымъ городомъ, М. Дубецкій и внесъ по его мнѣнію соотвѣтственную замѣну.

Въ третьихъ, вопреки нашему мнѣнію, въ грамотѣ дѣйствительно говорится о замкахъ, хотя, какъ мы предполагали, говорится и о портахъ; а именно города Караулъ, Черный городъ и Качибей отданы Бучацкому «cum omnibus oppidis, portibus, theloneis aquatibus et terrestribus, ac etiam solis, villis et omnibus pertinentijs et coherentijs universis, quibuscunque censeantur nominibus»; но легко видѣть, что имѣемъ здѣсь дѣло съ канцелярской формулой (это отчасти принимаетъ и Грушевскій) и никакихъ замковъ и городовъ больше не было.

Въ четвертыхъ, наконецъ, Бучацкому въ 1442 г. отдается не Качибеевъ маякъ, а Качибей; продолжаемъ однако думать, что Бучацкому отдана была часть Одесской территоріи, лежащая на правой сторонѣ Хаджибейскаго лимана съ прилежащею Пересыпью; можетъ быть Качибейскій маякъ тогда устроенъ еще не былъ, но еще вѣрнѣе, что маякъ и портъ назывались тоже Качибеемъ, сохранивъ за собою это названіе до конца XVIII в. Въ остальномъ напечатанная г. Грушевскимъ грамота нашихъ соображеній не касается, данные въ управленіи Бучацкому города однако вскорѣ перешли во владѣніе Язловецкихъ, о чемъ я сейчасъ буду говорить особо.

Къ стр. 22. Къ тому, что Качибеевъ маякъ въ началѣ XVI вѣка является центромъ извѣстнаго округа, можно прибавить наблюденіе г. Владимірскаго Буданова (А. Ю. З. Р., ч. VII, т. I, стр. 60), что окрестности его были населены мало, сравнительно съ иными, упоминаемыми въ ярлыкѣ хана Менгли Гирея мѣстами.

Къ стр. 23. Нашлось и еще показаніе о польскомъ Качибеѣ, относящееся къ XVI в., а именно къ 1564 г., причемъ такое, которое указываетъ и на болѣе раннія его времена. При ревизіи правъ землевладѣльцевъ Подольскаго воеводства въ 1564 г. Pan Jazłowiecki (Николай, кастелянъ Каменецкій) относительно Czarnigrod'a, Kaczibiow'a и Karaow'a (конечно Караула) ukazał summe stare na tle urocziska, summi stare, dobre, na scupie (Арх. Ю. З. Р., ч. VIII, т. II, Кіевъ, 1894 г. стр., 362). Изъ этого показанія можно вывесть заключеніе, что Язловецкіе издавна получили отъ правительства право на владѣніе тремя указанными городами въ залогъ опредѣленной суммы. Очень вѣроятно предположеніе, что они

пріобрѣли эти города именно отъ кор. Владислава III, необыкновенно обильно раздававшаго земли разнымъ вельможамъ въ залогъ извѣстныхъ суммъ; возможно именно, что Язловецкіе этою покупкою просто разрѣшили споръ 1442 года.

Язловецкіе владѣютъ тоже не Качибеевымъ маякомъ, а Качибеемъ, но такъ былъ названъ городъ въ грамотѣ Бучацкому (см. выше); это названіе перешло и въ новую королевскую грамоту Язловецкому.

Къ стр. 24. Соловьевъ (Ист. Р., т. VII, изд. 2, стр. 30) говоритъ, что въ концѣ XVI вѣка торговцы солью, ѣздившіе за нею въ Кочубіевъ, терпѣли постоянно отъ нападенія казаковъ. Источникъ этого извѣстія авторомъ не указанъ точно, а сходство съ приведеннымъ у насъ разсказомъ Броневскаго наводитъ на мысль, что извѣстіе Соловьева заимствовано у него; но въ общей цитатѣ Соловьева къ цѣлому ряду извѣстій о казацкихъ дѣлахъ этого времени (примѣч. 29) ссылки на Броневскаго нѣтъ, а можно скорѣе заключить, что извѣстіе о Кочубіевѣ заимствовано изъ архивныхъ дѣлъ.

Къ стр. 25. Акучюбей упоминается въ копіи статейнаго списка гонца Айтемирева, находящейся въ Тр. Сер. Лаврѣ, въ офиціальномъ-же спискѣ (въ Моск. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ) урочище названо Кучюбей.

Къ стр. 33 примѣч. 4. Относительно плана Гаджибея, приложеннаго къ сочиненію Кастельна А. А. Скальковскій полагалъ, что Кастельно снялъ его съ военныхъ плановъ уже 1790 г., см. Тр. Од. Ст. Ком. I, предисл., стр. 6.

Къ стр. 38. Деревья турецкаго времени довольно долго существовали еще возлѣ г. Одессы въ селѣ Татаркѣ; см. Тр. Од. Ст. Ком. II, стр. 222.

Къ стр. 38 же. Издавна существовалъ фонтанъ у подошвы горы, на которой находится нынѣ городская больница (Тр. Од. Ст. К. IV., стр. 50 примѣч.), вѣроятно, устроенный по предложенію Каховскаго; однако А. А. Скальковскому говорили, что это фонтанъ турецкій. И. С. Некрасовъ тоже слышалъ (и сообщилъ намъ) о существованіи турецкаго водопровода отъ мѣстности, гдѣ нынѣ Петропавловская церковь, къ подошвѣ больничной горы. Полагаемъ, что вслѣдствіе давности существованія этого фонтана, хотя устроеннаго и русскими, его считали еще турецкимъ.

Къ стр. 38—39. Въ одномъ изъ юбилейныхъ изданій встрѣтилось намъ указаніе, безъ ссылки на источникъ, откуда оно заимствовано, что въ Гаджибеѣ была баня, находившаяся на нынѣшнемъ перекресткѣ Екатерининской и Полицейской улицъ, т. е. за Гаджибейскимъ кладбищемъ. Считаемъ такое мѣстонахожденіе бани мало правдоподобнымъ; это было бы по тогдашнему времени совершенно внѣ города.

Вообще, относительно мѣстоположенія Гаджибея, его построекъ, окрестностей, гаджибейской жизни, промышленности, торговли не мало свѣдѣній сообщено въ юбилейномъ изданіи И. Федорова, со словъ сына очевидца

взятія Гаджибея Григорія Писарева; къ сожалѣнію, всѣ такіе разсказы въ изложеніи И. Ф. Федорова получаютъ въ значительной степени беллетристическую окраску.

Для будущихъ одесскихъ археологовъ сообщаемъ курьезный эпизодъ изъ нашей quasi-ученой экскурсіи въ окрестностяхъ г. Одессы. Одинъ изъ нашихъ университетскихъ слушателей заявилъ намъ, что на берегу Хаджибейскаго лимана, выше купаленъ, внизу дачи доктора Кукули находятся развалины какого-то большого каменнаго зданія, очень оригинальнаго расположенія. Я и гостившій у меня въ то время проф. Л—ко въ сопровожденіи заявившаго о зданіи студента отправились знакомиться съ разрушеннымъ памятникомъ. Оказалось дѣйствительно большое зданіе, состоявшее изъ трехъ частей: обширной полуразрушенной камеры, въ срединѣ которой уже выросли деревья; въ головѣ ея находился погребъ со слѣдами ступеней, а надъ нимъ явные слѣды полуразрушенной башни; стѣны были толстыя, крѣпостныя. Что это не развалины дома, ясно было само собою; но что-же это такое? Чтобы въ этой мѣстности было укрѣпленіе, извѣстія мнѣ никогда не попадались, да и камни, изъ которыхъ сложено зданіе, казались слишкомъ свѣжими. Добросовѣстно сняли мы планъ постройки, сдѣлали всѣ требуемыя измѣренія, не безъ опасности слазили въ погребъ и т. п.; затѣмъ пошли разспрашивать окрестныхъ жителей о постройкѣ. Оказалось, что это развалины устроенной лѣтъ 30 назадъ докторомъ Кукули мастерской для паровой распилки камня, брошенной года черезъ два и нынѣ разрушившейся. Окончательно я убѣдился въ этомъ изъ детальнаго разсказа самого предпринимателя.

Къ стр. 41. Въ Гаджибейскія мѣста могло также появляться православное духовенство, бѣжавшее изъ зарубежныхъ земель; см. Орловъ Истор. очеркъ Одессы, стр. 79.

Къ стр. 61—62. И. Ф. Федоровъ напечаталъ (Столѣтіе Одессы, примѣчаніе на стр. 8—14) еще разсказъ о взятіи Гаджибея—Григорія Писарева, о чемъ мы только что упоминали; приводить его не рѣшаемся, такъ какъ не вполнѣ увѣрены, что разскащику не измѣнила память.

Къ стр. 64 примѣч. 4. Относительно одесскихъ кладовъ см. любопытную брошюрку Б. А. П. Хаджибейскіе кладоискатели. Одесса, 1894 г.

Къ стр. 65 примѣч. 7. Въ морской битвѣ при Гаджибеѣ 28 августа 1790 г. участвовалъ командовавшій захваченнымъ нами раньше турецкимъ кораблемъ, переименованнымъ въ «Іоаннъ Предтеча», капитанъ М. Л. Львовъ, посланный затѣмъ Потемкинымъ къ Императрицѣ доложить о побѣдѣ; за это Львовъ получилъ орденъ Св. Георгія. Столѣтіе Одессы (юбилейное изданіе) стр. 93; сообщено сенаторомъ Н. В. Шидловскимъ.

Къ стр. 69. Что переименованіе Гаджибея совершилось постепенно, приведемъ въ доказательство фактъ, хотя и общепризнанный, но на смыслъ

котораго не обращено было достаточнаго вниманія. Таможня была открыта въ Одессѣ 12 апрѣля 1795 г., т. е. когда Хаджибей уже называли Одессою, 13-го апрѣля 1795 года Де-Рибасъ изъ С.-Петербурга писалъ гр. Андр. Кир. Разумовскому: Vous vouler savoir quelque chose de ce qui me regarde; en voici quelques circonçtances: Je suis vice-admiral, commandant la flotte à rames sur la mer Noir, et je suis chargé de la construction d'un port militaire et commerçant, ainsi que d'une ville nommée Odessa, tout cela au même endroit, qui s'appelait autre fois Hadji-bey, que nous détruisîmes pendant la dernière, guerre entre le Boug et le Dniester. La situation (en est très avantageuse a tout égard. (Семейство Разумовскихъ, т. V, стр. 99—100) и однако была названа Хаджибейскою; одесскою-же приказано было называть ее лишь 14 іюня того-же года. См. объ этомъ любопытномъ документѣ въ Одесскомъ Листкѣ 1895 года № 82. Въ статьѣ нашей мы привели указаніе, что въ Симферополѣ еще 14 февраля 1795 года не знали о переименованіи Хаджибея въ Одессу; въ Николаевѣ-же не знали объ этомъ даже въ концѣ апрѣля 1795 г., ибо канцелярія строенія гор. Николаева 26 апрѣля 1795 г. писала Черноморскому Адмиралтейскому правленію, что, если будетъ устроена черезъ р. Бугъ переправа близъ казенныхъ николаевскихъ лѣсковъ, вмѣсто существовавшей у Богоявленска, то сократится дорога для проѣзжающихъ изъ Николаева въ Очаковъ и Хаджибей (Никол. Порт. Арх. дѣло № 162 о построеніи наплавнаго моста черезъ р. Ингулъ въ Николаевѣ; указаніе сообщено намъ П. А. Ивановымъ).

Къ стр. 72. Не былъ-ли переименованъ Хаджибей въ Одессу согласно авторитету тогдашняго извѣстнаго археолога гр. Потоцкаго? По крайней мѣрѣ, по его опредѣленію наименованъ былъ въ 1795 г. городъ Ольвіополь (Тр. Од. Ст. К. IV, стр. 11).

Д. ч. А. Маркевичъ.

Одесса, 13-го іюня 1895 года.

Крымскія дѣла 1775—1776 г.

Московское отдѣленіе общаго архива Главнаго Штаба.

Переводы (франц. и рус.) *и подлинныя письма крымскаго кали-Шаинъ-гирей-султана и турецкихъ пашей по крымскимъ дѣламъ за 1775 — 1776 г.*

(Опись 194, св. 106, д. №№ 2 и 3. Каталогъ Московскаго Отд. общ. арх. Главн. Штаба. Вып. 3-й. Оп. 194, № 90, стр. 48).

Милостивый Государь

Графъ Никита Ивановичъ!

Вашего сіятелства отъ 30 іюня и отъ 5 настоящаго теченія пущенныя ко мнѣ писаніи, препровождающіе первое имянной за собственно ручнымъ Ея Императорскаго Величества подписаніемъ рескриптъ, второе письмо вашего сіятелства къ калгѣ султану, въ отвѣтъ на полученное отъ него таковое жъ, и съ прилагаемыми копіями я одно за другимъ, первое 16-го, а послѣднѣе 18-го числъ сего-жъ съ почтеніемъ моимъ получа, вашему сіятелству честь имѣю донести.

По содержанію тѣхъ и высочайшихъ Ея Императорскаго Величества въ данномъ мнѣ рескриптѣ повелѣній, не оставилъ я калгѣ султану сколь возможно найточнѣйше растолковать о предъ полагаемомъ осеннемъ предпринятіи, подъ сохраненіемъ непроницаемой отъ него тайны для написанныхъ тамъ резоновъ, весма нужно того требуемыхъ, и словомъ все то, что благоугодно было Императорскому Величеству всемилостивѣйшей Государынѣ возложить на меня, открылъ ему султану, съ побужденіемъ его пристойными къ тому внушеніями на приобрѣтеніе и исканіе доброхотствующихъ ему какъ въ здѣшнемъ краю такъ и въ Крыму посредствомъ жалуемой отъ Ея Императорскаго Величества на то суммы.

При открытіи того и съ своей стороны нѣкоторыхъ способовъ, коими онъ доходить до сего долженъ, нашолъ ево калгу султана приемлемого съ чуствительнымъ удовольствіемъ таковое монаршѣе Ея Императорскаго Величества къ утвержденію ево жребія на прочномъ основаніи и въ полной

не зависимости благоволеніе и совершенно склоннымъ на всѣ возможныя отъ ево стороны стараніи, вслѣдствіе того, каковы отправилъ къ братьямъ своімъ и въ крымъ къ извѣстнымъ ему мансуровскаго поколѣнья и прочимъ чиновникамъ писма, съ нихъ переводъ, яко одинокого ко всѣмъ содержанія писанной, для обозрѣнія вашего сіятельства у сего приложенъ, но притомъ однакожъ воображаютца ему могущія изъ того быть важныя и для народа татарскаго поносныя слѣдствіи (что и въ подносимомъ у сего къ вашему сіятелству писмѣ съ учиненнымъ переводомъ усмотрѣть соизволитѣ). А сверхъ того примѣтны были ево мысле заключеніи, что хотя предънамереніи высочайшаго Ея Императорскаго Величества двора нынѣ, и безъ далнева труда могутъ совершитца, но въ предъ не надѣетца онъ калга, что бы не было какихъ усиленій отъ порты и могло бъ обойттись безъ нарушенія заключенныхъ съ нею трактатовъ, а въ такое время и не можетъ татарская область по мнѣнію его остатца безъ вреда и тягости.

При всемъ томъ, неотставая однакожъ отъ послѣдованій намѣреніямъ высочайшаго Ея Императорскаго Величества двора, упредительно спрашивалъ меня, ежели при вступленіи въ дѣвствіи не будетъ ему достаточно ознаменованной отъ Ея Императорскаго Величества суммы, то въ такомъ случаѣ можетъ-ли онъ надѣетца получить и еще надобное количество въ пособіе. Я по сему вопросу иначе не могъ отозватца, какъ только что представлю о семъ вашему сіятелству, кромѣ же того онъ не намеренъ будучи снабдѣваемыхъ его пятидесятъ тысячъ ни на что другое употреблять какъ назначить благоугодно было Ея Императорскому Величеству на три ознаменованныя въ высочайше данномъ мнѣ рескриптѣ искателства; просилъ меня за великими прежде сего своихъ денегъ издержками на домашнія свои расходы къ поправленію надобнаго къ движенію. О дачѣ восмитысячъ рублевъ изъ сей суммы подъ образъ займа то я въ семъ уже случаѣ, не въ состояніи будучи отказать, принужденъ къ вящшему ево побужденію, отпускомъ сей суммы обнадежить; предавая однакожъ о возвращеніи съ него оной разсмотренію вашего сіятелства, а сверхъ того намеренъ еще онъ адресоватца і къ вашему сіятелству о снабдѣніи ево такъ же подъ образъ займа нащотъ будущихъ доходовъ нѣкоторою суммою.

Назначенная-же въ пособіе ему калге султану пятидесятъ тысячная сумма отъ его сіятельства господина генералъ прокурора и кавалера князь Александръ Алексѣевича Вяземскаго доставлена въ крѣпость святаго Димитрія къ господину генералъ маіору и оберъ коменданту Фохту, отъ котораго я оную и получилъ: и изъ которой ему султану уже і видалъ вышесказанныя просимыя подъ образъ займа восемъ тысячъ рублевъ, да на приобрѣтеніе доброхотствующихъ ему къ отправленію къ братьямъ для вящшаго ихъ и послѣдующихъ имъ абазыцовъ и другихъ горцовъ побужденія три тысячи рублевъ и въ Крымъ къ тѣмъ съ которыми онъ ведіотъ

переписку двѣ тысячи рублевъ, симъ-же послѣднимъ отправленіе сдѣлано къ господину генералъ маіору керчинскому и еникалскому оберъ каменданту Барзову съ такимъ предположеніемъ (какъ и чрезъ посланныхъ отъ султана словесно приказано) что бы когда могутъ означенныя ведущія съ нимъ переписку чиновники безъ опасно и безсомнительно ихъ получить, то бы взяли отъ реченнаго господина генералъ-маіора Барзова, а когда нѣтъ способовъ, тобъ оставили до случайной оказіи, дабы о связѣ ихъ съ нимъ султаномъ и таковыхъ обсылкахъ крымской ханъ не могъ имѣть преждевременно догадки.

По поводу здѣланныхъ ему калгѣ султану открытіевъ сверхъ словесныхъ своихъ мнѣ обясненій, каково еще подалъ писмо, съ него переводъ у сего вашему сіятелству подношу, изъ котораго и соизволите усмотрѣть значившіеся въ немъ выраженіи, встрѣчающіяся ему при вступленіи въ дѣйствіи весма нужными, какъ именіе при себѣ знатныхъ едисанскихъ мурзъ такъ для лутчева и важнаго себя показанія о устроеніи нѣсколько сотъ бешліевъ, къ особѣ ево принадлежащихъ вооруженныхъ, и сколько я ни старался его отъ сего последнева яко не могущаго въ скорости исправитца отводить, но никакъ не превозмогъ, а для того въ снабдѣніи его тѣмъ и представляю разсмотренію вашего сіятелства.

На полученной отъ Ея Императорскаго Величества рескриптъ съ всеподданнѣйшей къ Ея Величеству моей реляціи для разсмотренія вашему сіятельству копію: а равно какъ естли удостоіть соизволите апробаціею и къ поднесенію Ея Императорскому Величеству оригинальную у сего представляю.

Вчерашнего числа получено здѣсь извѣстіе что въ слѣдствіе прежнихъ домогателствъ и нынѣ еще не отстаютъ старатца, Довлетъ гирей ханъ и пребывающей въ таманѣ Орду ага (о количествѣ коего силъ чрезъ посланныхъ для развѣдыванія ожидаетца на сихъ дняхъ извѣстіе) склонять всякими обольщеніями братьевъ калги султана, Арстланъ и Бегадиръ гирей султановъ на свою сторону, отдавая первому надъ едичкульскою ордою сераскерское достоінство, а последнему всѣ таманскія доходы: Но однакожъ они на сіе не сорлашаютца, будучи во ожиданіи съ здѣшней стороны о жребіи области татарской и ихъ брата рѣшенія и какъ чрезъ посланныхъ отсель получатъ нынѣшнія удостовѣренія, кои особливо возложены на словесное отправленныхъ (такъ какъ и къ крымцамъ) обясненіе, то чаятелно и больше возъимѣя къ нему калге султану привязанности будутъ питать себя надеждою въ достиженіи желанной цели.

По следованіи въ здешнемъ краю не приязненныхъ покушеній, отважившихся входить въ наши границы султановъ сильными и вооруженными скопищами, такъ какъ и объ отраженіи моемъ оныхъ, я надѣюсь изъ отправленного отъ 14-го сего месяца къ его сіятелству господину генералъ

фелдмаршалу и кавалеру графу петру александровичу Румянцову задунайскому моего рапорта, вашему сіятелству есть не безъ извѣстно; а въ слѣдъ того здесь только припомнить честь имѣю, что уклонившіяся къ Кубанѣ вѣроломные едисаны и джамбойлуки остановясь въ верхъ по Кубанѣ за чорными лесами къ рѣкѣ Кумѣ, прислали ко мнѣ нарочныхъ депутатовъ подъ видомъ дружественнаго изъясненія съ испрашиваніемъ въ здѣланномъ поступкѣ извиненія и обнадеживаютъ обращеніемъ по прежнему подъ началіе калге султану: но однакожъ никакъ еще на такомъ лстивомъ обнадеженіи основыватца не можно; а надобно ждать далнѣйшихъ послѣдованій, чрезъ нарочныхъ къ нимъ посланныхъ съ обнадѣживаніемъ прежняго и ни когда еще не выходящаго изъ видовъ дружественнаго обращенія, наклоняя постороннимъ совѣтомъ, чтобъ поспѣшили главные ихъ мурзы сюда сами къ ихъ начальнику явитца такъ какъ и къ едичкуламъ съ таковымъ же обнадѣживаніемъ нарочные посланы и что по сему откроетца вашему сіятелству донесть не оставлю.

Милостивѣйшій государь
вашего сіятелства
верной и всепокорнѣйшей слуга
Бринкъ.
(С. ручная подпись).

Отъ 31-го іюля
1476 года
Изъ лагера при устье рѣки Еѣ.

Копія.

Переводъ письма къ его сіятелству графу никитѣ ивановичу Панину отъ калги Шагинъ гирей султана.

По титулѣ и комплементѣ.

Письмо вашего сіятелства которымъ изволили меня удостоить въ сіе благополучное время я получа, съ приятностію видѣлъ изображенное въ немъ въ мое утѣшеніе Ея Императорскаго Величества высочайшее намѣреніе, не оставляя дѣлъ татарскихъ въ теперишнемъ состояніи, восприять мѣры ко утвержденію оныхъ на прежнемъ положеніи, равно увѣдомленъ я отъ господина бригадира моего пристава о послѣдовавшемъ къ нему высочайшемъ повелѣніи означающемъ время начати быть имѣютъ предъ приемлемые дѣйствіи и сколь нужно до того хранить всіо сіе въ глубочайшей тайнѣ. За толь безъ примѣрные ко мнѣ и ко всему татарскому народу не прерывно являемые милости и великодущіе Ея Величества и вашего сіятелства не усипное попеченіе удовлетворить найсовершеннѣйшимъ благодареніемъ нѣ достаетъ моіхъ силъ и хотя высочайшимъ Ея Императорскаго Величества соизволеніемъ на меня возлагаемаго и въ приятнѣйшемъ вашего сіятелства писмѣ ко мнѣ предписаннаго всего и во всей точности дѣйствіемъ исполнять я не въ состояніи; но по мѣрѣ моей возможности содержа

все то въ высокомъ секретѣ истощу и послѣдніе мои силы на содѣйствія отъ меня требующіяся, однако много встретитца можетъ не достатковъ моихъ въ предъ пріемлемомъ какъ въ здѣшнемъ краю такъ и въ сторонѣ Крыма потому что о таковомъ предпріятіи и такимъ образомъ началѣ в заботѣ по сію минуту не имѣлъ я ни малѣйшаго предваренія, слѣдователно и догадки, не получа на многократные представленіи ни какова отзыва: а къ тому отъ стороны оттоманской порты его светлости Девлетъ гирей хану въ подкрепленіе духовъ татарскихъ и таманскому оберъ каменданту Орду агѣ учинено ободреніе почестьми и пособіемъ, въ разсужденіи чего не думаю я чтобъ предпріятіе сіе могло совершитца безъ ссоры для того дабы въ случае надобности о татарахъ и крепостяхъ мои нѣкоторые совѣты, такъ же и о обращеніи императорскихъ войскъ съ жителями техъ мѣстъ мои увѣдомленіи, и требованіи были уважаемы: всенижайше прошу взнеся къ освященному Ея Императорскаго Величества престолу мое о томъ прошеніе; исходатайствовать вторичное и подтвердительное монаршѣе повелѣніе къ господину брегадиру моему приставу, и господину генералъ маіору Барзову сникалскому оберъ каменданту, чемъ сугубо окажете вашего сіятелства о мнѣ всему свету явное попеченіе и истинное благоспоспѣшествованіе.

Причина сего не умереннаго моего требованія отнюдь не въ томъ надѣяніи, чтобы поумножить о мнѣ вашей имперіи вниманіе и уваженіе но единственно въ томъ предъ разсужденіи что издревле между гражданами и войскомъ холодность есть непременнымъ обычаемъ, а потому помянутые жители пытая отъ вашей имперіи превеликой страхъ возъимѣютъ ко мнѣ совершенное отвращеніе и я наконецъ подверженъ буду ихъ злословію и порицанію о чемъ самомъ мудрое проницаніе вашего сіятелства засвидетелствовать можетъ для сего нижайше прошу не взирая съ важностію на непристойные мои выраженіи не посрамить меня оными но содержа въ вашей памяти не лишать своей благосклонности и покровительства.

Переводилъ переводчикъ Андрей Константиновъ.

Копія.

Переводъ письма отъ калги султана къ брегадиру Бринку.

Съ чувствителнымъ обрадованіемъ принялъ я обясненіе по высочайшему соизволенію отъ васъ мнѣ учиненное о мѣрахъ, которые Ея Императорское Величество высочайше изволитъ принимать для утвержденія татарскаго народа волности, на прежнемъ основаніи и обязательствахъ благоденствіе того народа составляющихъ: и для воздержанія и ускромленія противящихся тому, что начнутца дѣйствіи сіи въ предлежащую осень и что потому монаршему повеленію потребно съ моей стороны при уготовленіе

въ трехъ пунктахъ состоящёе, съ тёмъ однако, дабы до настоящаго времени всіо то соблюдать въ глубочайшемъ секретѣ, а при уготовитца и запастись всеми потребностями къ тому времени такъ, чтобы можно при первомъ востребованіи безъ всякой остановки вступить въ содѣйствіи, но какъ назначенное къ начинанію время уже блиско, то приуготовленіе толь скорое представляетца для меня весма труднымъ, ибо потребной къ тому самой первой пунктъ суть ногайскіе орды о которыхъ нѣтъ нужды пространно говорить, вамъ самымъ совершенно извѣстны всѣ ихъ обращеніи, нынѣ здѣсь находящихся Ислямъ мурзы и протчихъ мурзъ не точію аулы но и собственные домы всѣ ушли.

При началѣ же дѣйствіи не отмѣнно должно имѣть мнѣ при себѣ нѣкоторое число знатнѣйшихъ чиновниковъ техъ ордъ, но въ такъ короткое время какимъ образомъ ихъ сюда возвратить, и можно ли я не пенимаю: когда жъ не будетъ ихъ при мне то и протчимъ готовой будетъ поводъ къ противорѣчіы. относительно жъ до втораго и третьяго пунктовъ и всего изъясненнаго я конечно съ совѣтомъ вашимъ все-возможные стараніи безпрестанно употреблять буду; но успехъ въ томъ зависитъ отъ власти всемогущей судьбы; о обстоятельствахъ здешнихъ и окоичныхъ, не нужно мое пространное объявленіе, А надѣюсь что вы какъ лично вами обозренное, такъ и въ случаяхъ нашихъ разговоровъ къ тому надлежащёе вами слушанное все безъ остатка его сіятелству графу никитѣ ивановичу Панину съ подробностію донесть не оставите; сверхъ сего трудность видитца въ успѣхѣ моего приготовленія до настоящаго времени и потому, что потребные къ войску все надобности прошлого году едичкульцами, и черкесами у меня отняты, и разграблены. вамъ не неизвѣстно сколь потребны бы мнѣ къ службѣ бешліи, кои были мною собраны, но изъ оныхъ до трехъ сотъ человѣкъ иные убиты, иные ранены, а иные взяты въ полонъ, и все ихъ оружіе пропало: а хотя нынѣ оныхъ и наберіотца отъ семи до осми сотъ человѣкъ, однако безъ оружія: которыхъ снабдить тёмъ и протчимъ, не могъ я по извѣстной вамъ моей и обстоятелствъ со всѣхъ сторонъ разстройкѣ: начавъ же нынѣ сіе приготовленіе до назначенного времени совершенно онымъ запастись для меня весма трудно, однакъ не взирая на всіо то, всѣ мои возможности употреблю чтобъ конечно къ тому времени поспѣшить и изготовить всѣ потребности: но какъ самого нужнѣйшаго, и важного въ моемъ приготовленіи припаса, то есть оружія ни изъ какихъ другихъ мѣстъ достать не можно, а зависитъ то единственно отъ милости высочайшаго двора. для того всенижайше прошу подать мнѣ помощъ восьмю стами ружей, и толикомъ же числомъ сабель и пикъ, или дозволить искупить всіо то въ россіи гдѣ только натти можно. будежъ отъ высочайшаго двора означенными вещми пособія не послѣдуетъ, то прошу меня въ такомъ случаѣ предварить увѣдомленіемъ, ибо какимъ бы то образомъ ни

было, не запасшись вышеозначеннымъ пуститца въ предъ намериваемой путь мнѣ ни какъ не можно, въ семъ разсужденіи, о милостивомъ пособіи мнѣ часто упомянутыми вещьми, высочайшаго двора наиприлѣжнѣйше прошу.

Переводилъ переводчикъ Андрей Константиновъ.

Копія съ реляціи къ Ея Императорскому Величеству отъ 31-го іюля 1776-го году отъ правленной;

Имевъ щастіе со всеподданнѣйшимъ благоговеніемъ получить Вашего Императорскаго Величества высочайшій отъ 27 іюня рескриптъ, систему дѣла въ немъ ознаменованнаго, храня въ непроницаемомъ секретѣ: приступилъ къ приготовленію нато калги султана отъкрывая ему высочайшее Вашего Императорского Величества обнадеживаніе, о продолженіи покровителства, никогда извидовъ не выходившаго, равно ко предъ приемлемыхъ въ разсужденіи Крыма и о жребіи его мѣрахъ здостаточнымъ истолкованіемъ всево до ево сведенія принадлѣжащаго;

Калга султанъ таковое монаршее Вашего Императорскаго Величества о жребіи его на прочномъ основаніи, и въ полной не зависимости, попечительное благоволеніе, съ чувствителною благодарностію принимая найохотнѣйше желаетъ слѣдовать волѣ и намереніямъ Вашего Императорскаго Величества въ содѣйствіи того для приобретенія на свою сторону доверенныхъ людей и способовъ къ предприятію потребныхъ, отправилъ онъ къ братьямъ своимъ между горцами живущимъ и въ крымъ къ известнымъ ему чиновникамъ мансуровскаго поколенья и протчимъ (кои и до сего тайно отъ крымскаго правителства вели съ нимъ переписку) писма съ которыхъ (яко всѣ онѣ одинакого содержанія) переводъ Вашему Императорскому Величеству всеподданнейше подношу;

Относительно до нагайцовъ и всего въ здѣшнемъ краю обитающаго народа, то все влеченіе ихъ къ противной сторонѣ, и главнѣйшей отъпротиворечия тому страхъ есть Таманъ и Темерюкъ гдѣ Орду огаси съ турками содержитъ стражу, побужденіемъ котораго и происками Довлетъ гирей хана народъ будучи удостоверенъ (о извлеченіи области татарской отволности и что оная остаетца подъ прежнимъ порты отътоманской управленіемъ) находятца до ныне въ сумятныхъ обращенияхъ уклоняясь отъ калги султана по въ корѣнившейся не доверчивости чрезъ въ нушеніи и разглашеніи о немъ вышесказанныхъ Довлетъ гирей хана и Орду аги;

Когда осенние намереніи вашего Императорскаго Величества воспріимутъ свои дѣйствіи; и предъявленныя посты испражнясь оттурковъ, напротивъ заняты будутъ калгой султаномъ съ нашими войски: то чаятелно не толко отъ щитившиися от него едисанцы и джамбойлуки но и протчія

здѣшнія народы (не исключительно и едичкуловъ яко пребывающихъ на пути къ темъ местамъ которые, ежели не будетъ сильныхъ подкрепленій отъ порты оттоманской еще и прежде) станутъ искать ево покровительства и тогда уже откроютца легчайшие съпособы крымцамъ, имеющимъ съ нимъ тайную въ ево ползу связь, къ противоречию крымскому правителству;

И хотя онъ калга султанъ сообразно съ положеніями Вашего Императорскаго Величества и ныне въ ходитъ въ конексию (по поводу прежней переписки) съ крымцами къ доверенному съ ними сношенію; но съ некоторыми однакожъ важными ему представляющимися соображеніями, кои пространнѣе ознаменованы въ писмѣ отъ него къ его сиятелству графу никитѣ ивановичу Панину, котораго переводъ ко усмотренію Вашему Императорскому Величеству съ глубочайшимъ повиновеніемъ у сего подъ ношу.

въ подлинной подписано такъ } всемилостивѣйшая Государыня Вашего Императорскаго Величества
всенижайшій рабъ
Иванъ Бринкъ.

Съ подлинною сверялъ порутчикъ Андрей Баженовъ.

Копія съ копіи.

Переводъ писемъ отъ калги султана въ Крымъ къ Абду вели паши и мансуровскаго поколенья Касай мурзе и протчимъ знаменитѣйшимъ людямъ к каждому порознь одинакого содержания.

Чрезъ известнаго человека получа ваше писъмо, содержаніе оного, и возложенное на словесное объявленіе того подносителя наполненное вашею искренностію и усердіемъ уведомленіе, внималъ я съ радостію и удовольствіемъ ожидание мое отъ васъ моего воспитателя: превосходящимъ сколь лестно для меня то словесное объясненіе, о вашей ко мнѣ питомцу своему вѣрности, и искренности съ толь не менше въ разсужденіи полной и вероятной подносителемъ экспликаціи не имѣю я, ни малѣйшаго сумненія о вашемъ ко мнѣ почтѣніи прежней любвѣ и постоянной ревности; но какъ есть обычай наивящше верить и совершенно утверждатца на писмѣ: для того нахожу нужнымъ чрезъ сіе вамъ воспитателю моему сказать слѣдующѣе: когда вы всіо то, что о вашей вѣрности именемъ вашимъ помянутой писмоносецъ мне словесно изъяснилъ съ вероятнымъ и подробнымъ отъ крытіемъ всехъ обстоятелствъ писменно подтвердитѣ, то конечно и непременно въ следъ затемъ при помощи Божіей я съ моей стороны о моемъ обращеніи, и упражненіи, словомъ о всемъ безъ изъятно съ откровенностію васъ уведомить не закосню; въ ожиданіи чего возвещаю вамъ моему воспитателю что вскоромъ времени услышите вы чрезъ народные эха о началѣ моей

заботы, въ приведѣніи въ одно спокойное положеніе, и мѣсто нагайскихъ ордъ которые о своей преданности давъ мнѣ клятвеныые уверения и обязателства прошлого году были причиною моей растройкѣ. я уповаю что вы узнавъ о семъ непреминетѣ поступать по долгу вашей верности, а что для васъ есть наиполезнѣйше пребывая въ постоянномъ покое уклонятца и отнюдъ не следовать и не подражать сообществу тѣхъ кои стараютца о уничтоженіи волности обоими империями установленной и утвержденной, о томъ нѣтъ нужды объявлять ибо природное ваше благоразумие и искуство достаточно могутъ не ложность того засвидѣтелствовать, равно не нужно напоминать и о последнихъ следствияхъ не инако вершитца могущихъ, но крайнимъ раззорениемъ всехъ силящихся противитца утвержденной волности, ибо сие не точию по видамъ противныхъ превратностей во всехъ ихъ предъприятияхъ и начинанияхъ, но и по отъвѣтамъ: можетъ быть: — авось либо! всякому и малое понятие имеющему чрезъ толь довольное время ясно узнать не трудно.

Я оканчивая сіе надеюсь, и требую чтобъ вы мои воспитатель по прежней ко мнѣ искренности и въ заимной любвѣ нѣзабывая меня прилагали всевозможное по мерѣ вашихъ силъ старание о благодѣнствіи и тишинѣ своего отечества.

Присовокупляю при семъ къ вамъ особое писмо со всемъ другаго содержанія, намереніе мое изъ сего неиное, но чтобъ темъ всячески соблюсть вашу безъ опасность ибо иногда о взаимной нашей переписке его свѣтлость ханъ проведавъ вознамеритца злобное противу васъ произвесть слѣдствие, въ случае таковаго изтязанія можно показать оное особое иисмо и тѣмъ остатца безъ вреда: въ немъ не точию ничего важнаго и какую ни есть вашу со мною связь открывающаго не ознаменовано но еще являетъ ваше отъ меня якобы отъ вращение и мою жалобу на васъ и неудоволство за то что чрезъ толь долгое время будто не получилъ я отъ васъ ни одного писма;

въ томъ же смысле писано и къ братьямъ Батырь и Ореланъ гирей солтанамъ.

Подлінное переводилъ переводчікъ Андрей Константиновъ.

Съ подлиннымъ сверялъ порутчикъ Андрей Баженовъ.

Копія.

Всепресвѣтлѣйшая державнѣйшая великая государыня императрица Екатерина Алексѣевна

Всемилостивѣйшая Государыня!

Имѣвъ щастіе со всеподданнѣйшимъ благовѣніемъ получить Вашего Императорскаго Величества высочайшій отъ 27-го іюня рескриптъ: систему

дѣла въ немъ ознаменованного храня въ не проницаемомъ секретѣ, приступилъ къ приуготовленію на то калги султана открывая ему высочайшее Вашего Императорскаго Величества обнадѣживаніе о продолженіи покровителства ни когда изъ видовъ не виходившаго, равно и о предьприемлемыхъ въ разсужденіи Крыма и о жребіи его мѣрахъ съ достаточнымъ истолкованіемъ всего до его сведѣнія принадлежащаго.

Калга султанъ таковое монаршее Вашего Императорскаго Величества о жребіи его на прочномъ основаніи и въ полной не зависимости попечителное благоволеніе съ чувствителною благодарностію принимая наиохотнѣйше, желаетъ следовать волѣ и намѣреніямъ Вашего Императорскаго Величества! въ содѣйствіе того для приобрѣтенія на свою сторону доверенныхъ людей и способовъ къ предприятію потребныхъ, отправилъ онъ къ братьямъ своимъ между горцами живущимъ и въ крымъ къ извѣстнымъ ему чиновникамъ мансуровскаго поколѣнья и протчимъ (кои и до сего тайно отъ крымскаго правительства вели съ нимъ переписку) писма съ которыхъ (яко всѣ онѣ одинакого содержанія) переводъ Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше подношу.

Относительно до нагайцовъ и всего въ здѣшнемъ краю обитающаго народа, то все влеченіе ихъ къ противной сторонѣ, и главнѣйшій отъ противорѣчія тому страхъ, есть Таманъ и Темрюкъ, гдѣ Орду агаси съ турками содержитъ стражу, побужденіемъ котораго и происками Довлетъ гирей хана народъ будучи удостовѣренъ (о извлеченіи области татарской отъ волности и что оная остаетца подъ прежнимъ порты оттоманской управленіемъ) находитца до нынѣ въ сумятныхъ обращеніяхъ, уклоняясь отъ калги султана по вкоренившейся не довѣрчивости, чрезъ внушеніи и разглашеніи о немъ вышесказанныхъ Довлетъ гирей хана и Орду аги.

Когда осенніе намеренія Вашего Императорскаго Величества воспріимутъ свое дѣйствіе и предъявленныя посты испражнясь отъ туковъ, напротивъ заняты будутъ калгой султаномъ съ нашими войски, то чаятелно не только отщитившіяся отъ него едисанцы и джамбойлуки но и протчія здѣшнія народы (не исключително и едичкуловъ, яко пребывающихъ на пути къ тѣмъ мѣстамъ, которые ежели не будетъ сильныхъ подкрепленій отъ порты оттоманской, еще и прежде) станутъ искать ево покровителства и тогда уже откроютца легчайшіе способы крымцамъ имѣющимъ съ нимъ тайную въ ево ползу связь, къ противорѣчію крымскому правителству,

и хотя онъ калга султанъ сообразно съ положеніями Вашего Императорскаго Величества и нынѣ входитъ въ кенексію (по поводу прежней переписки) съ крымцами къ довѣренному съ ними сношенію, но съ нѣкоторыми однакожъ важными ему представляющимися воображеніями, кои пространнѣе ознаменованы въ писмѣ отъ него къ его сіятелству графу никитѣ ивано-

вичу Панину, которого переводъ ко усмотрѣнію Вашему Императорскому Величеству съ глубочайшимъ повиновеніемъ у сего подношу.

всемилостивѣйшая Государыня
Вашего Императорскаго Величества
всенижайшій рабъ
Иванъ Бринкъ.
(С. ручн. подп.).

31 іюля 1776 года
изъ лагера при устьѣ реки Еѣ.

Копія.

Переводъ писемъ отъ калги султана въ Крымъ къ Абду вели пашѣ и мансуровскою поколѣнья Касай мурзѣ и протчимъ знаменитѣйшимъ людямъ къ каждому порознь одинакого содержанія.

Чрезъ извѣстнаго человѣка получа ваше писмо содержаніе оного и возложенное на словесное объявленіе того подносителя наполненное вашею искренностію и усердіемъ увѣдомленіе, внималъ я съ радостію и удовольствіемъ: ожиданіе мое отъ васъ моего воспитателя превосходящимъ, сколь лестно для меня то словесное обясненіе о вашей ко мнѣ питомцу своему вѣрности и искренности, столь не меньше въ разсужденіи полной и вероятной подносителемъ экспликаціи, не имѣю я ни малѣйшаго сумненія о вашемъ ко мнѣ почтеніи, прежней любвѣ и постоянной ревности; но какъ есть обычай наивящше вѣрить и совершенно утверждатца на писмѣ, для того нахожу нужнымъ чрезъ сіе вамъ воспитателю моему сказать слѣдующее. когда вы всіо то что о вашей вѣрности именемъ вашимъ помянутой писмоносецъ мнѣ словесно изъяснилъ съ вѣроятнымъ и подробнымъ открытіемъ всѣхъ обстоятелствъ, писменно подтвердите, то конечно и непременно въ слѣдъ затѣмъ при помощи Божіей я съ моей стороны о моемъ обращеніи и упражненіи, словомъ о всемъ безъ изъятно съ откровенностію васъ увѣдомить не закосню, въ ожиданіи чего возвѣщаю вамъ моему воспитателю что въ скоромъ времени услышите вы чрезъ народные эха о началѣ моей заботы въ приведеніи въ одно спокойное положеніе и мѣсто ногайскихъ ордъ, которые о своей преданности давъ мнѣ клятвенные увѣренія и обязателства прошлого году были причиною моей разстройкѣ. я уповаю то вы узнавъ о семъ не преминете поступать по долгу вашей вѣрности, а что для васъ есть наиполезнѣйше, пребывая въ постоянномъ покоѣ уклонятца и отнюдь не слѣдовать и не подражать сообществу тѣхъ, кои стараютца о уничтоженіи вольности обоими имперіями установленной и утвержденной, о томъ нѣтъ нужды объявлять ибо природное ваше благоразуміе и искуство достаточно могутъ не ложность того засвидѣтелствовать равно не нужно напоминать и о послѣднихъ слѣдствіяхъ не инако вершитца могущихъ но крайнимъ разореніемъ всѣхъ силящихся проти-

витца утвержденной вольности, ибо сіе не точіо по видамъ противныхъ превратностей во всѣхъ ихъ предпріятіяхъ и начинаніяхъ, но и по отвѣтамъ, можетъ быть: авось либо! всякому и малое понятіе имѣющему чрезь толь довольное время ясно узнать не трудно.

Я окончивая сіе надеюсь и требую чтобъ вы мой воспитатель по прежней ко мнѣ искренности и взаімной любвѣ не забывая меня прилагали всевозможное по мѣрѣ вашихъ силъ стараніе о благоденствіи и тишинѣ своего отечества.

Присовокупляю при семъ къ вамъ особое писмо со всѣмъ другаго содержанія. намереніе мое изъ сего не иное, но чтобъ тѣмъ всячески соблюсть вашу безъ опасность ибо иногда о взаімной нашей перепискѣ его свѣтлость ханъ провѣдавъ вознамеритца злобное противу васъ произвесть слѣдствіе. въ случаѣ таковаго изтязанія можно показать оное особое писмо и тѣмъ остатца безъ вреда. въ немъ не точіо ни чево важнаго, и какую ни есть вашу со мною связь открывающаго, не ознаменовано, но еще являетъ ваше отъ меня якобы отвращеніе и мою жалобу на васъ и не удовольство за то что чрезъ толь долгое время будто не получилъ я отъ васъ ни одного писма.

Въ томъ же смыслѣ писано къ братьямъ Батиръ и Арсланъ гирей султанамъ.

Переводилъ переводчикъ Андрей Константиновъ.

Копія съ копіи.

Переводъ писма къ его сіятелству графу никитѣ ивановичу Панину отъ калги Шагинъ гирей султана.

Письмо вашего сіятелства которымъ изволили меня удостоить, въ сіе благополучное время я получа съ пріятностію видѣлъ изображенное въ немъ, въ мое утѣшеніе Ея Императорскаго Величества высочайшее намѣреніе, не оставляя дѣлъ татарскихъ въ теперешнемъ состояніи, воспріять мѣры ко утвержденію оныхъ на прежнемъ положеніи, равно увѣдомленъ я отъ господина брегадира моего пристава о послѣдовавшемъ къ нему высочайшемъ повелѣніи означающемъ время въ которое начаты быть имѣютъ предъпріемлемые дѣйствіи, и сколь нужно хранить до того всіо сіе въ глубочайшѣй тайнѣ. за толь безпримѣрные ко мнѣ и ко всему татарскому народу не прерывно являемые милости и великодушіе Ея Величества и вашего сіятелства, не усипное попеченіе удовлетворить наисовершеннѣйшимъ благодареніемъ не достаетъ моихъ силъ: и хотя высочайшимъ Ея Императорскаго Величества соизволеніемъ на меня возлагаемаго и въ пріятнѣйшемъ вашего сіятелства писмѣ ко мнѣ предписаннаго всего и во всей точности дѣйствіемъ исполнить я не въ состояніи; но по мерѣ

моей возможности содержа все то въ высокомъ секретѣ истощу и послѣдніе мои силы на содѣйствіи отъ меня требующіяся. однако много встретитца можетъ недостатковъ моихъ въ предъпріемлемомъ, какъ въ здѣшнемъ краю такъ и въ сторонѣ Крыма, потому что о таковомъ предприятія, и такимъ образомъ началѣ и заботѣ по сію минуту не имѣлъ я ни малѣйшаго предваренія слѣдовательно и догадки, не получа на многократные представленіи ни какова отзыва: а къ тому отъ стороны оттоманской порты его свѣтлости Девлетъ гирей хану въ подкрѣпленіе духовъ татарскихъ, и таманскому коменданту Орду агѣ учинено ободреніе почестьми и пособіемъ. въ разсужденіи чего не думаю я чтобъ предприятіе сіе могло совершитца безъ соры, для того дабы въ случае надобности о татарахъ и крепостяхъ мои нѣкоторые совѣты такъ же и о обращеніи императорскихъ войскъ съ жителями тѣхъ мѣстъ мои увѣдомленіи и требованіи были уважаемы, всенижайше прошу взнеся къ освященному Ея Императорскаго Величества престолу мое о томъ прошеніе, исходотайствовать вторичное и подтвердителное монаршее повелѣніе къ господину брегадиру моему приставу и господину генералъ маіору Барзову еникалскому оберъ каменданту. чемъ сугубо окажете вашего сіятелства о мнѣ всему свѣту явное попеченіе и истинное благоспоспѣшествованіе. Причина сего не умереннаго моего требованія отнюдь не въ томъ надѣяніи, чтобы приумножить о мнѣ вашей имперіи вниманіе и уваженіе; но единственно въ томъ предъ разсужденіи что: издревле между гражданами и войскомъ холодность есть не пременнымъ обычаемъ, а потому помянутые жители пытая отъ вашей имперіи превеликой страхъ возъимѣютъ ко мнѣ совершенное отвращеніе и я наконецъ подверженъ буду ихъ злословію и порицанію, о чемъ самомъ мудрое проницаніе вашего сіятелства засвидѣтелствовать можетъ, для сего нижайше прошу не взирая съ важностію на не пристойные мои выраженіи не посрамить меня оными, но содержа въ вашей памяти не лишать своей благосклонности и покровителства.

Подлинное переводилъ переводчикъ Андрей Константиновъ.

Сподлиннымъ переводомъ сверялъ порутчикъ Андрей Баженовъ.

Переводъ письма отъ его свѣтлости хана Шагинъ гирея его депутатамъ въ царе градъ.

Слѣдующія дѣла портѣ отоманской, для успѣха въ совершеніи порядка нашей области, обявите находящемуся при онои россійскому резиденту, съ которымъ по дѣламъ своимъ имѣетѣ переговоры, совѣтуйтесь и соглашайтесь почему и дѣйствовать не трудно будетъ вамъ пристойно и разумно и симъ старайтеся уловить совершеніе сего, мы ожидая повторяемъ

вамъ дѣла свои, совѣтоватся снимъ во всѣмъ и потомъ уже поступать какъ выше сказано, о чемъ вы старайтеся прилежно.

Копія.

Переводъ писма его свѣтлости хана Шагинъ гирея верховному визирю отоманской порты.

По комплемѣнтѣ.

Порта отоманская трактуя при Кайнарджe о мирѣ съ дворомъ россійскимъ предположила крымскую область на не зависимомъ состояніи, которое обѣими сторонами утверждено толь свято, что по закону правоверныхъ и правамъ не осталось никакого сумненія; надобно было только, чтобъ въ кравшіяся въ степень ханскую повиновались всегда сему постановленію въ чемъ означивалось бы ихъ послѣдованіе волѣ его величества султана, чтобъ всѣгда старались неусыпно и разумно наблюдать то, и чтобъ пеклися о благоденствіи для всего народа; но вмѣсто сего умножились день отъ дня противнейшія ихъ дѣйствія мирнымъ постановленіямъ; чрезъ что и Крымъ и принадлежащія ему татары весма соближены къ бедственному ихъ уничтоженію; однако сіе предувидя первейшины и духовенство сей области разсудили возвесть въ ханы такого, который бы всѣ дѣла утвердилъ и управлялъ на законныхъ обрядахъ; для чего просили насъ поднесенными внесколько разъ своими намъ махзарами, по которымъ мы уважали ихъ настояніе прибытіемъ внутрь Крыма, гдѣ въ собраніи всѣхъ по общему ихъ согласію въ ступили мы въ ханское достоинство, о чемъ у престола его величества есть махзары присланныя отъ крымской области и самопочтеннѣйшихъ въ ней изъ коихъ мы не сумневаемся сколь подробно вы всіо знаете мы же воспріяли ханство будучи отъ тѣхъ предковъ которыя были ханами и воспитывались при дворе отоманскомъ, и мы же нѣимеемъ инаго намеренія кромѣ слѣдовъ по заключеніямъ вѣчнаго мира и утверждать его основанія что ясно самому непостижимому, предкоторымъ обнаружены сердца всѣхъ, но какъ завистники и ябедники по развратности своей обносютъ насъ не справедливыми словами и то клевещутъ чего намъ и въ мысль никогда не приходило, ласкаясь тѣмъ увѣрить порту о своемъ усердіи, а наконецъ изъ своего поджигателства здѣлать притчину на прогнѣвленіе Государя, и сверхъ того разсеяніемъ между министеріею порты отоманской на насъ гнусныхъ выдумокъ старается смѣшать благо устройство крымской области о чемъ известились мы къ чрезвычайному насъ о безспокоенію, котораго и описать мы не можемъ; то по думаніи вашемъ о всемъ этомъ, и что мы слѣдуемъ только по мирнымъ положеніямъ, не пожалѣете своего прилежанія узнавать описанія разсеянныхъ на насъ клеветъ по самой справедливости и не прилагайте къ тому свое ухо чрезъ что подадите право-

славнымъ успокоеніе, и останутся порядки въ крымской области, которыхъ нѣтъ намъ нужды изъяснять вамъ а сіе усердное наше посылаемъ только потому что послѣ щасливаго доставленія сего въ руки ваши не будемъ надѣятся чтобъ вы за справедливость ставили слова завистниковъ и поджигателей.

Переводъ писма его свѣтлости хана Шаинъ гирея Муратъ мульлѣ эфендію министру порты отоманской.

Отоманская порта при Кайнарджѣ трактуя о мирѣ здворомъ россійскимъ предположила крымскую область на не зависимомъ состояніи, которое обеими сторонами утвердено толь свято что по закону правоверныхъ и правамъ не осталось никакого сумненія; надобно было толко; чтобъ въ кравшіяся въ степень ханскую повиновались всѣгда сему постановленію, вчемъ означивалось бы ихъ послѣдованіе волѣ его величества султана, чтобъ всегда старались не усыпно и разумно наблюдать то, и чтобъ пеклися о благодѣнствіи для всѣго народа; но вмѣсто сего умножались день отъ дня противнѣйшія ихъ дѣла мирнымъ постановленіямъ; чрезъ что и Крымъ и принадлежащія ему татары весьма сближѣны были къ бедственному ихъ уничтоженію; однако сіе предъ увидя князья, мурзы, духовѣнство и протчія сей области разсудили возвѣсть въ хана такого которой бы всѣ дѣла утвердилъ и управлялъ на законныхъ обрядахъ, для чего просили насъ подъ несенными въ нѣсколко разъ своими намъ махзарами, по которымъ мы уважили ихъ настоящіе прибытіемъ въ нутрь Крыма, гдѣ в собраніи всѣхъ по общему ихъ согласію въ ступили мы въ ханское досътоинство, но не съиной какой мыслею, какъ толко, чтобъ поступать по заключеніямъ вечнаго мира; однако некоторыя завистники и поджигатели ябедничея портѣ несправедъливыми доносами лицемерствуютъ ей стѣмъ толко намереніемъ, чтобъ показатся въ усердіи, и клевещутъ на насъ то, чего намъ никогда и вмысли не входило, а они темъ ласкаются прогневить его величество, почему всіо оное и разъсѣиваютъ между министеріею порты отоманской, мы сіе свѣдавъ столко огоръчились что и изъяснить не можетъ.

отъ тѣхъ предковъ, которыя были ханами и воспитывались при дворѣ отоманскомъ возможноли, чтобъ возприяли ханство съ намереніемъ на нести страхъ и беспокойство Богу молящимся народамъ, сего въ насъ по узнаніи вашемъ, познаете и не справедливость техъ на насъ клеветъ, которыя вымышлены неиными какъ завистниками и лицѣмерами, которыхъ не послушанія вашего мы надѣемся, предъ симъ же посланныя и уже в царѣ градѣ, находящіяся наши дѣпутаты, когда будутъ находить васъ своими дѣлами, то имъ по посолству ихъ не отъ кажитѣсь въ нужномъ вашѣмъ ходатайствѣ и въ спомоществованіи, для сего мы посылая сіе, не сумнѣваемся при томъ чтобъ не были и в вашей памяти.

Переводъ письма отъ его свѣтлости хана Шагинъ гирея Гаджи Абдулъ Резакъ эфендію министру порты отоманской.

Мирнымъ положеніямъ порты отоманской и двора россійскаго хотя ни коимъ образомъ перемены быть не можетъ, однако здѣсь оныя не только не соблюдались, но еще день отъ дня умножалися притчины на противънейшия онымъ дѣйствія; почему всѣ улимы и мешаихи, также мурзы и протчія первейшины въ области крымской подносили намъ несколько разъ свои мохзары, изъясняющія ихъ прозбу о прибытіи нашемъ въ Крымъ: мы снисходя на то прибыли къ нимъ и по благоизволенію Всемогущаго възошли на ханство съ общаго ихъ согласія и присобраніи всѣхъ вступая въ сіе достоинство не имѣли мы никакого злаго намеренія, кромѣ того, чтобъ пресеча безъ покойныя съсоры подать имъ порядокъ, для чего трудъ восприяли мы собственно на себя ввести въ исполненія мирное основаніе, но ябедники и поджигатели позавидуя втомъ устремились объносить насъ при дворѣ отоманскомъ ласкаясь тѣмъ уверить его о своемъ усердіи и то наклеветали на насъ, чего мы ни когда и не воображали, однако они изъ не доброхотства своего къ портѣ отоманской, ищутъ прогневить Государя, и уже сѣютъ клеветы между министеріею порты, чемъ подаютъ притчину безъспокоится богомолящимся, да имы услыша о семъ чрезъ вычайно огорчились что не справедливо асъ объносютъ, а мы всеми силами стараемся соблюсть постановленіи мирнаго заключенія, что можетѣ вы знать и безъ нашего изъясненія сиеже хотя толко для испрошенія озъдоровье вашемъ пишимъ, однако по полученіи оного подайтѣ вашъ покровъ нашимъ депутатамъ в царѣ градѣ находящимся и при вспомоществованіи имъ по посолству ихъ, имѣете насъ всвоей памяти, которой мы отъ васъ надѣемся.

Копія съ письма отъ его свѣтлости Шагинъ гирей хана къ резидующему въ царѣ градѣ, министру господину статскому совѣтнику Стахіеву.

Стороною дошли до меня слухи, якобы на одномъ совѣтѣ министерство порты разсуждая о здѣшнихъ дѣлахъ напоминало прежде о вольности татарской, оставляя оную хотя съ негодованіемъ безъ оспориванія, потомъ когда дошло до постановленія хановъ, то присвоивая себѣ тутъ же право по поводу тешрифата начали криво толковать и трактатъ, подвидомъ султанскаго калифства, желая быть сами со участниками въ выборѣ онаго, объ о мнѣ жъ судили будто бы я въ писмахъ своихъ дѣлаясь императоромъ подобнымъ султану и беру на себя калифство, также и народные махзары подписаны некоторыми изъ моей свиты, что всѣ поставляя свершеннымъ черезъ действіе россійскихъ войскъ земли мои занимающихъ, требовали выводу оныхъ и потомъ новаго выбору въ ханы народомъ, и когда о семъ здѣлали вамъ почтенный пріятель запросъ, то вы будтобы отозвались не

знаніемъ не имѣя ни откуду решительнаго предписанія, но какъ вамъ совершенно извѣстенъ трактатъ ясно разнязывающей сіе коварство порты, то не могу я никакъ вѣрить, чтобы вы не уличили хитрыхъ вельможъ порты ищущихъ вредить меня, вамъ свѣдомы и всѣ мои писмы и махзары къ нимъ отправленные съ депутатами, коихъ копіи чрезъ его сіятельства князь Александръ Александровича сообщены, то тѣмъ паче не видя въ нихъ ничего и близкаго къ такому моему увеличиванію, какъ они мечтаютъ, имѣете вы способъ своимъ благоразуміемъ уничтожать ихъ коварные затѣи, я паки скажу, что вѣрить сему не хочу чтобы вы почтенный пріятель пропустили случай уловить сихъ министровъ ихъ собственными словами, коими натягиваютъ не данное имъ никемъ причастіе въ избраніи и постановленіи хана, и доказать надѣлѣ зависть не ограниченную къ благодѣйствію татарскому, и жадность не утолимую къ порабощенію себѣ меня съ татарами, такимъ образомъ оставляя сіе безъ вѣроятія слухамъ подложнымъ или нарочно пропущеннымъ, обращаю прозбу мою къ вамъ пріятель мой, разсыпте вы своимъ разумомъ и искуствомъ сіи мрачные ихъ слова коими стараются толко часъ отъ часу предъ свѣтомъ меня порочить по сущей ихъ ненависти, руководствуемы трактатомъ и самымъ словомъ вольности отърѣжте имъ единовремѣнно слѣды къ дальнему порабощенію, я калифское благословеніе пріемлю и великаго султана въ семъ видѣ почитаю въ протчемъ нѣтъ имъ нужды до моихъ дѣлъ; пребываніе жъ россійскихъ войскъ сказанное имъ причина въ махзарахъ народныхъ съ чемъ и навсегда пребывая единогласно со мною область, не можетъ иначе утвердится въ блаженствѣ своемъ, въ каковомъ надѣяніи на ваше искуство и благоразуміе і пребываю съ усердіемъ доброжелательнымъ вамъ.

Копія съ письма отъ его свѣтлости Шагинъ Гирей хана къ его сіятельству графу Петру Александровичу.

Для отнесенія къ свѣденію вашего сіятельства вручилъ я моему пріятелю господину генералъ поручику князю Александръ Александровичу копіи писемъ ко мнѣ, полученныхъ нынѣ отъ моихъ депутатовъ изъ Царя града и моихъ отвѣтовъ на оныя, такъ же писемъ отъ меня къ визирю и нѣкоторымъ министрамъ, касательно жъ передъ симъ посланнаго въ мартѣ мѣсяцѣ капитана Алымова и съ симъ посылающегося прапорщика Гейкина, то попекитеся ваше сіятельство отправить ихъ сюда какъ бы наискорѣя и сполною опробаціею депешей ими привезенныхъ чемъ меня обрадуетѣ много, и я того безсумненія ожидаю отъ вашего сіятельства.

Переводъ письма къ его высочеству Павлу Петровичу отъ Шагинъ Гирея хана.

Сильнѣйшій и славнѣйшій, цесаревичъ, высокосчастливѣйшій Павелъ Петровичъ, россійскаго престола наслѣдной пріемникъ, голстинской герцогъ и повелитель.

Имѣя къ вашему высочеству изъ давна усердную склонность въ разсужденіи явленныхъ вашимъ высочествомъ къ намъ благосклонности и ласковости, обязаны мы навсегда воздавать достойную признательность, но чрезъ несколько лѣтъ какъ вашему высочеству не безъ извѣстно по разстроенномъ татарскаго народа состоянію не пресекались распры и разные споры чрезъ кои сей искренной вашъ пріятель упустилъ до сихъ поръ поднесть должное вашему высочеству приношеніе, теперь же помощію Вышняго и пособіемъ дражайшей вашего высочества матери Ея Императорскаго Величества и вашего высочества благоспоспѣшествованіемъ прибыли мы въ наслѣдную намъ землю Крымъ и хотя ещо всѣ татарскіе дѣла решительнаго окончанія и твѣрдости не получили, однако сыскавъ случай къ поднесенію нашего вашему высочеству искренняго усердія ввидѣ спрашиванія о высочайшемъ здоровьѣ вашемъ сіе дружеское написавъ чрезъ прапорщика Гейкина вашему высочеству препровождено когда удостоится сіе милостивѣйшаго принятія, то надѣюсь и прошу продолжать и впредь къ сему искреннему пріятелю вашего высочества благосклонность и не лишать милостивыхъ напоминовеній. Писано въ столичномъ городѣ въ Бакчи сараѣ мѣсяца іюля въ первыхъ числехъ 1777-го года, царствованія нашего въ первое лѣто.

«Рапорты Фридриха-Вильгельма, герцога Вюртембергскаго за августъ и сентябрь 1783 года о допускѣ очаковскихъ жителей къ разработкѣ соли на «прогнойныхъ озерахъ» и о просьбахъ содержащихся въ Очаковѣ Батырь и Арслана Гирей-Султановъ, съ приложеніемъ подлинныхъ просьбъ послѣднихъ».

Опись 194, св. III, № 5 (по каталогу № 3, Масловскаго—№ 299, стр. 76.

Его свѣтлости

командующему войсками въ Крыму и южныхъ губерніяхъ расположенными и флотами на черномъ и каспійскомъ моряхъ генералу и кавалеру князю Григорью Александровичу Потемкину.

Генералъ поручика правящаго должность генералъ губернатора и кавалера принца Фридриха Вилгелма герцога виртембергскаго

РАПОРТЪ

Господинъ бригадиръ и кавалеръ Ферзенъ представилъ комнѣ присланное отъ очаковскаго начальника на турецкомъ языкѣ писмо и какъ по

переводѣ оказалось что онъ требуетъ свободнаго допущенія очаковскихъ жителей къ набранію изъ опредѣленныхъ по заключенному съ портою отоманскою трактату между Кинбурномъ и Коппою прогнойныхъ озеръ соли, той помянутой г-нъ брегадиръ и кавалеръ Ферзенъ, позволеноль будетъ имъ на нашу сторону для набранія той соли допускъ чинить, требовалъ моей резолюціи, а потому я даннымъ ему ордеромъ хотя и велѣлъ имъ соль брать но толко съ тѣмъ чтобъ турки были безъ военнаго оружіи а притомъ и въ разсужденіи опасной болезни не иначе позволилъ бы какъ съ надлежащимъ освидѣтелствованіемъ, принявъ за правило должную навсегда въ томъ предосторожность, вотвѣтъ же на то писмо я послалъ мое съ нарочнымъ знающимъ по турецки говорить и что тамъ можно ему будетъ развѣдать вашей свѣтлости донесть не умедлю.

Фридрихъ Вилгелмъ Герцогъ Вюрттемберхскіи (С. р.).

№ 374
Августа 31 дня 1783 года.

Его свѣтлости

командующему войсками въ Крыму и южныхъ губерніяхъ расположенными и флотами на черномъ и каспійскомъ моряхъ генералу и кавалеру князю Григорью Александровичу Потемкину.

Генералъ порутчика правящаго должность генералъ губернатора финляндскаго и кавалера принца Фридриха Вилгелма виртембергскаго.

РАПОРТЪ

вашей свѣтлости отъ 31-го прошедшаго августа доносилъ я моимъ рапортомъ о полученномъ чрезъ г-на брегадира и кавалера барона Ферзена отъ очаковскаго начальника писме и о данномъ отъ меня потому позволеніи къ собранію тамошнимъ жителямъ съ озеръ соли, и что я на то писмо буду отвѣчать чрезъ нарочнаго: послѣ чего отъ меня и былъ посланъ вологодскаго пехотнаго полку секундъ маіоръ Шрейдерсъ съ знающимъ при немъ по турецки офицеромъ, которой возвратясь словесно объявилъ, что онъ по прибытіи туда принятъ былъ благосклонно, и чрезъ два дни его тамъ бытия обходились снимъ весма съ дружелюбною ласковостію; въ писме жъ отъ паши чрезъ него ко мнѣ присланномъ ничего другова нѣтъ, какъ толко приноситъ благодарность за мое къ нему посыланное.

Помянутой же господинъ брегадиръ и кавалеръ Ферзенъ рапортовалъ меня что въ минувшемъ августе едущаго на суднѣ въ Кинбурнъ для продажи припасовъ живущаго по ту сторону Буга урочища Камяновки слободы Спасской жителя Кураченка, которой ехавши водою за противнымъ ветромъ и чрезъ вычайнымъ волненіемъ остановился было на якорѣ, разъѣздной

одинъ волохъ и трое турокъ приехавъ къ нему ограбили, почему и былъ посыланъ въ Очаковъ къ началнику офицеръ съ требованіемъ справедливаго удовлствія, которой розыскавъ дѣло немедленно обиженнаго удовлствовалъ а грабителей наказалъ.

О чемъ вашей свѣтлости честь имѣю донесть а на вышеписанныхъ озерахъ въ разсужденіи приездовъ на оные изъ Очакова за солью вся нужная предъ осторожность зделана.

Фридрихъ Вилгелмъ Герцогъ Вюрттемберхскій (С. р.).

№ 459
Сентября 9-го 1783 году.

Его свѣтлости

командующему войсками въ Крыму и южныхъ губерніяхъ расположенными и флотами на черномъ и каспійскомъ моряхъ генералу и кавалеру князю Григорью Александровичу Потемкину.

Генералъ поручика правящаго должность генералъ губернатора финляндскаго и кавалера принца Фридриха Вилгелма герцога виртембергскаго

РАПОРТЪ

Дошедшее комнѣ отъ содержащихся здѣсь крымскихъ султановъ Батырь и Аросланъ гиреевъ на татарскомъ диалектѣ писмо и со онаго переводъ за ихъ подписаніемъ и печатми съ другой стороны приложенными, при семъ на бларазсмотрѣние вашей свѣтлости честь имѣю представить.

Фридерихъ Вилгелмъ Герцогъ Вюрттемберхскій (С. р.).

№ 695
Сентября 27-го дня 1783 году.

Свѣтлѣйшій принцъ

Высокомилостивый государъ

вашей свѣтлости доволно извѣстно что мы безъ всякой причины здѣсъ страждаемъ, и толко не что иное какъ наше несчастіе повергло насъ такъ въ злощастную судбину; когда мы отправились из Крыма то намъ обявленно было что якобы монархіня помилосердствовала об насъ волностію обѣщаясъ взять под свою протекцыю, но напротивъ того конечно наши грехи сему бѣдствію насъ подвергнули, ибо съ прибытія нашего в Херсонъ уже четвертой мѣсяцъ находимся. насъ сіе принудило адрисоватся симъ къ вашей свѣтлости о нашемъ нынѣшнемъ бѣдномъ состояній, что уже не имѣемъ никакого на себѣ одѣянія, но притомъ еще и зѣма насъ здѣсь убѣж-

дастъ, и такъ вашей свѣтлости всенижайше просимъ и прибѣгаемъ подъ покровительство ваше оказать над нами свое великодушіе, и на сіе писмо усердно просимъ отъ васъ увѣдомленія съ изясненіемъ нашей вины, по какой мы причинѣ здѣсъ страждаемъ и на какой конѣцъ остаемся, впротчемъ въ ожиданіи вашего великодушія съ истиннымъ нашимъ почитаніемъ пребываемъ на всегда,

ваши покорные слуги,

Подписанные имена { Батыръ гирей / Арсланъ гирей

Сентября 17 дня 1783 году.

Переводы (франц. и рус.) *и подлинныя письма крымскаго Калги-Шагинъ-Гирея-Султана и турецкихъ пашей по крымскимъ дѣламъ за 1775—1776 г.*

Св. 106, № 23 (Кат. № 3, стр. 48, № 90).

Переводъ съ татарскаго писма.

Копія письма аккерманского комендантa Турнаджи баши Мегметъ аги къ генералъ маіору фонъ Раизеру писанного на русскомъ языкѣ изъ Аккермана отъ 16 генваря 1775 года.

Высокородному и превосходительному господину генералъ-маіору викентію викентьевичу фонъ Раизеру.

Аккерманской комендантъ Турнаджи баша Мегметъ ага желаетъ здравія и посылаетъ вамъ моему вѣрному милостивцу нижайшій поклонъ.

Посланные отъ васъ моего милостивца съ офицеромъ вашимъ г-мъ подпорутчикомъ Пыхачевымъ при письмѣ четыре мѣшка муки и двѣ собаки сего мѣсяца 11 дня исправно получилъ, за что нижайше благодарствую, и въ знакъ дружеского съ вами обхожденія всѣ ваши прежнія и сіе письмо при вашемъ же офицерѣ послалъ къ Асанъ пашѣ въ Силистру, что и ему будетъ пріятно, а съ собаками будемъ здѣсь веселится съ Еминъ агою, ибо я ему одну отдалъ и сколько изловимъ зайцовъ васъ увѣдомлять буду; чтоже офицеръ вашъ здѣсь долго прожилъ втомъ сочтите вину на мнѣ, ибо онъ пріѣхалъ при Шерифъ эфенди, то я его провожалъ, а потомъ Чегодарей ево и казну, которые въ большую метель по степѣ разплуталисъ и ко мнѣ одинъ за однимъ пріѣзжали. Шерифъ эфенди дружбу мою съ вами похвалилъ, ибо я ево для вашей любви три дни здѣсь довольствовалъ со всѣми людьми на своемъ коштѣ, о чемъ прошу увѣдомить и вашего господина генералъ фелдмаршала.

Какъ мнѣ вашъ господинъ генералъ аншефъ Потемкинъ большой пріятель и милостивецъ, онъ обо мнѣ писалъ въ Силистрію и я чрезъ его по-

лучилъ свой чинъ и подарилъ онъ мнѣ шубу, которую и теперь ношу, равномѣрно и я васъ моего милостивца прошу сего офицера г-на подпоручика Пыхачева наградить чиномъ, ибо онъ пріѣзжалъ ко мнѣ три раза и во всемъ поступалъ честно, учтиво и разумно, какъ и изъ разговоровъ видно что человѣкъ ученой, я имъ доволенъ, за что и прошу пожалуй представте об немъ къ господину фельдмаршалу, чтобъ ево наградить, пусть за ево пріятность будучи и въ Россіи станетъ меня помнить, пожалуй здѣлай милость и меня увѣдомте, въ чемъ я буду надѣятся и меня по жизнь мою одолжите, а и впредь ево покорно прошу посылать, ибо онъ какъ по вашимъ такъ и по моимъ письмамъ дѣлаетъ исправно, да съ тѣмъ прошу ево прислать, что онъ награжденіе уже отъ васъ получилъ и меня персонально благодарилъ, какъ и я чрезъ вашего господина генерала будучи самъ въ турецкомъ владѣніи получилъ чинъ, прошу чтобъ и онъ вашего владѣнія офицеръ могъ награжденіе получить чрезъ меня, да какъ я слышелъ отъ Чегодаря своего Мустафы, что тотъ офицеръ, которой находился въ Отжибеи, содержится у васъ съ тѣхъ поръ, какъ я къ вамъ письмо писалъ, подъ карауломъ на хлѣбѣ и на водѣ, я васъ пріятельски прошу какъ для меня и для моего милостивца Потемкина во всемъ ево простить, доволно онъ получилъ наказаніе, что съ тѣхъ поръ подъ карауломъ, пожалуй здѣлай милость освободите для меня. Пріятель мой въ нашихъ правахъ Турнаджи баша великой чинъ, я господина Потемкина до вѣку благодарить буду, что чрезъ него получилъ, а иначе хотя бы двацать песовъ давалъ тобъ неполучилъ, шубу, лошадь и часы, онъ мнѣ изъ Москвы прислалъ въ Силистрію, я ево всегда благодарю.

Желаю вамъ моему милостивцу благополучно прибыть въ Россію и гдѣ бъ вы ни были прошу со мною знатца, и писать ко мнѣ письма, ничего болѣе не желаю какъ всегдашнего вашего пріятства, и слышать о вашемъ здоровьѣ. Пріятель мой, Марку Табашникова прошу не оставлять, и почитайте то, что онъ и мнѣ и вамъ служитъ. Пріятель мой, я покорно прошу бывшего аккерманского коменданта Ивана Дмитріевича выпросить у фелдмаршала ко мнѣ побывать дни на два а много на три со мною хлѣба соли откушать, такъ же чтобъ онъ съ собою взялъ капитана Ивана Остафьевича, мы вмѣстѣ съ ними погуляемъ, и въ послѣдніи разстанемся. Пріятель мой нижайше васъ прошу содержащего у васъ въ Бендерахъ сестры моей родной сына 64-й роты кайсереми Агметъ Баиряктара, естли вы сами не можете, то хотя выпросить у фелдмаршала, чтобъ прислать ево съ офицеромъ со мной повидатся, я бы ево отослалъ въ свою землю, покорно прошу здѣлать со мною большую милость, затѣмъ и прошу, что онъ мнѣ родня, прошу здѣлать ето прежде Бендерской здачи, не ровняитѣ меня съ тѣмъ Турнаджою, которой въ Пуркарахъ, я вѣрной пріятель и хлѣбосолъ, а онъ перевертень и посланныя отъ васъ письмы удерживаетъ и читаетъ,

я между двухъ Императоровъ знаю какое дѣлать пріятство и обхожденіе, и желаю чтобъ со всѣми вами въ пріязни жить, и васъ затѣмъ люблю, что вы поступаете прямо по кавалерски. Я пять лѣтъ будучи въ Силистріи при пашѣ воевалъ съ вами, а теперь здѣлался мнѣ, такъ дай намъ Богъ между собою пожить дружески и въ пріятствѣ, я всегда молю Бога, чтобъ вы благополучно прибыли въ Россію и тамъ отъ своей Государыни получили выше чинъ, дай Богъ намъ в пріятствѣ пожить. Здѣсь ничего почти нѣтъ, однако сколько могъ найтить гостинца къ вамъ съ офицеромъ посылаю. Офицера задержалъ я затѣмъ, что я ево люблю, и прошу наградя прислать ко мнѣ, здѣлайте милость для меня, пусть онъ будетъ меня помнить.

въ протчемъ остаюсь
вашъ любезнаго пріятеля
нижайшій слуга,

Подлинное подписано по турецки.

Переводъ письма къ его высокопревосходительству господину генералъ аншефу государственной военной коллегіи вице президенту Ея Императорскаго Величества генералъ адъютанту дѣйствительному каммергеру лейбъ гвардіи Преображенского полку подполковнику новороссійскому и азовскому генералъ губернатору, командующему всею легкою конницею и неррегулярными войсками войскъ тамо поселенныхъ донскаго войска главному командиру и разныхъ орденовъ кавалеру григорью александровичу Потемкину, отъ его сиятелства хана Шагинъ гирей султана:

По комплементѣ.

Пред некоторымъ из сихъ благополучныхъ дней временемъ къ чуствителнѣйшему моему обрадованію, имѣлъ я честь получить ваше дружеское соотствіе на прошение мое о паздееве съ присылкою к нему патента чрезъ ходатайство ваше всемилостивѣйше пожалованнаго. таковой подъ ятой вами трудъ и благосклонное внятіе моего прошенія, которое вознесли вы милостивой государь ко всевысочайшему сведенію всепресвѣтлѣйшей монархини и которое удостоено великодушнаго Ея Императорскаго Величества вниманія, истоща вдругъ вседушие моей благодарности не можетъ быть достойно удовлетворенъ но обязываетъ меня вечно восписать оную чистѣйшую мою къ вамъ благодарность, взалогъ чего препровождая сіе всенижайше прошу не лишать меня и впредь своей благосклонностію и не оставлять дружескими увѣдомленіями о благосостояніи вашемъ пребывающаго сыстиннымъ высокопочитаніемъ и преданностию:

вчернилной печате значитъ такъ
Шагинъ гирей султанъ,

июля 2 дня 1775 году
с реки Ей.

P. S.

хотя въ разсужденіи васъ милостивой государь не имею я и иметь не могу такой вещи которая могла бы быть вамъ угодна и къ поднесенію отъ меня вамъ достойна, но горячность моего къ вамъ дружества и усердие заставляютъ препроводить черкескихъ двухъ лошадей мастьми одну карею и одну гнедую которыхъ принять и покушеніе мое къ тому милостиво простить нѣжайше прошу.

Переводъ съ письма къ его сіятелству графу Петру Александровичу Румянцову задунайскому, отъ калги Шагинъ гирей солтана ноября въ 11 день 1775 году.

По комплементе.

Отъ раженные предсимъ отъ Девлетъ гирей хана противу меня Орбей гирей и Токтамыкъ гирей султаны, свойскомъ состоящимъ изъ крымцовъ адинцовъ, некрасовскихъ казаковъ при дву пушкахъ, и таманскихъ янычарахъ, данныхъ имъ Орду агою и обще съ собранными ими изъ сопротивныхъ императорскому двору и менѣ ногаямы и черкесами въ количестве по примеру тысячъ отъ шести до семи, вооружась стремились на меня нападенію, я узнавъ о такомъ ихъ злонамереніи в самой точности, ибо я чтобъ не случилось находящемуся при мне императорскому войску какова вреда, взявъ своихъ бешліевъ до четырехъ или пяти сотъ человѣкъ выступилъ и въ пятнатцати, или дватцати верстахъ встретилъ оныхъ, где бешлій мой половинное число убиты, а протчіе, тожъ и братъ мой Шагинъ гирей султанъ, вполонъ взятъ, по сему несчастію, и по усилныхъ ихъ настояніяхъ съ угрозами въ рассужденіи ихъ множества, принужденнымъ я нашолся, отъ лучась отъ россійскихъ отъехать вгоры, какъ о всемъ томъ пришествіи уповаю его высокородіе господинъ брегадиръ и ковалеръ, вашему сіятелству до сего уже донестъ не оставилъ, но ныне благодаря Все вышняго котораго помощію (уповая на милости Ея Императорскаго Величества все августѣйшей монархини), на сихъ дняхъ въ едисанскую орду возвратился я благополученъ; о чемъ вашему сіятелству чрезъ сіе доношу, а затѣмъ о протчихъ здешнихъ настоятелствахъ по прибытіи ко мне господина брегадира и ковалера не премину объянить для донесенія всего того высочайшему двору, а вашего сіятелства нижайше прошу употребить свое ходатайство о продолженіи комнѣ Ея Императорскаго Величества все августѣйшей монархини милостей и благоволенія.

Такогожъ точно содержанія писмо и къ его сіятелству графу Никите Ивановичу Панину.

Копія съ копіи.

Переводъ с письма Джанъ Мамбей бея господину подполковнику Лешкевичу 1779-го года генваря 1-го дня.

Искреніейшіі и благонадежнейшіі пріятель нашъ Иванъ Михаиловичъ Лешкевичъ желаю вамъ много лѣтъ здравствовать. при семъ прежней и особливый нашъ пріятель уведомляю васъ о здешнихъ нашихъ обращенияхъ что мы находимся во всякой тишинѣ и спокойствіі да притомъ же отъ Аджи гирея съ солтана присланной нарочно мурза къ пріятелю нашему господину генералъ маіору викентью викентьевичу фонъ Раизеру съ темъ каторые за Кубанью находятся темергойцы макасы и наврузовскіе орды все отдаютъ себя крымскому хану Шагинъ гирею государю нашему ввечное й потомственное подданство а Россіи внеизъемлемой союзъ, а естлижъ изъ сихъ ордъ кто отважитца на сию сторону Кубани соседственные россійскіее войски здѣлать покушение или хотя хиществомъ украдетъ одну лошадь и до пряма окажетца, то съ таковыхъ нарушителей общего покою взыскать штрафу Темергойскому бею одного пяти четвертей есыря и двухъ воловъ а последнее того виновного имение взять безостатку на дворъ Аджи гирея солтана вчемъ все тѣхъ ордъ общество и присягою утвердили, еще жъ даю знатъ что собраны были у Темиръ капы россійские и грузинские войски и ходили под чеченцовъ и техъ всехъ, разбили впрахъ.

1779-го года февраля 15 дня переводъ с присланнаго от крымскаю хана Шагинъ гирея кнаходящемуся на ее цолнеру ево Бабию Фермана которой по переводе чрезъ войскового подталмачья походною есаула Асана Давлетъ келдеева оказался в следующемъ содержанii, Ярлыкъ ханскому цолнеру Бабию,

еще до сего дано было от меня тебе повеление чтобы ты съ торгующихъ на ее разныхъ купцовъ какого бъ кто звания не былъ не выключая и россійскихъ за продаваемой ими товаръ пошлину взискивалъ всходство древнихъ ханскихъ положеней безупущения, и хотя в техъ же положенияхъ повелено с некоторыхъ россійскихъ и протчихъ купцовъ техъ пошлинныхъ денегъ во одно имъ уважение не взыскивать и оставлять ихъ оттого свободными, однакъ я отныне впредь чрезъ сей повелеваю тебе и ссихъ бывшихъ свободными купцовъ ту пошлину взыскивать с протчими в равенстве, а до техъ купцовъ кои собственно от меня учинены свободными взыскиваниемъ сей пошлины не мало не касатца и во всемъ томъ поступать въ точную силу сего моего повеления безъ упущенія опасаясь за упущение сего моего гнева.

1793-го года месеца магерема 2-го числа, то есть 1779 года генваря 7-го дня.

Переводъ съ писемъ в равной силъ къ ихъ сіятелствамъ графамъ Петру Александровичу Румянцову задунайскому и Никитѣ Ивановичу Панину, отъ калги Шагинъ гирей султана ноября въ 12 день.

По комплементе.

Каковъ держалъ я съ господинъ брегадиромъ разговоръ, для свѣдома высочайшаго двора, точная копія при семъ вложена, а вашего сіятелства приятно прошу въ непродолжительномъ времени обрадовать меня и моихъ соучастниковъ и последователей высочайшимъ Ея Императорскаго Величества благоволеніемъ и монаршею милостію.

Переводъ разговора калги Шагинъ гирей султана згосподиномъ брегадиромъ и кавалеромъ Бринкомъ ноября 13 дня 1775 году!

Споспешествованіемъ Ея Императорскаго Величества милостми едичкулская орда предсимъ въ желанное состояніе была приведена, вчемъ оной сочлены и дали за своими печатми клятвенные присяги а потомъ главные ее началники і мурзы для охраненія ихъ ко мнѣ преданности, повиновенія: и защиты от метежниковъ между ими поевившихся о бытіи втой орде части россійскихъ войскъ ко двору Ея Императорскаго Величества писали свои прошеніи кои во обще с протчими чрезъ васъ и препровождены въ высокое мѣсто, будучи жъ въ ожиданіи около трехъ мѣсяцевъ на то резолюціи наконецъ подъ стриканіемъ Дивлетъ гирей хана и происками Орду агасы все мои дела разрушены и унечтожены, но что повреждение таково не от какова моего распоряженія и не отнераденія произошло, о томъ все мои пріятели и непріятели могутъ засвидѣлствовать я же теперь хотя и покрайнемъ разореніи возвратился в россійскіе границы но поменутой орды главной началникъ Измаилъ бей, некоторые муръзы, и зчерни кои справедливо держали мою сторону во все разорены а ктому я и братьевъ своихъ Батырь и Аросланъ гирей султановъ уверилъ по третьему артикулу заключеннаго между обоими имперіями трактата о волномъ татарскомъ состояніи, которые потому оставя порту соединили со мною свои согласіи и стараніи о прочномъ утвержденіи татарской волности ибо я по обнадеживанію съ вашей стороны подалъ имъ чаяніе взащитѣ пособіи и милостяхъ Ея Императорскаго Величества ныне же и они между протчими остались встыде но однако и за всемъ темъ они свое усердіе къ Ея Императорскому двору и ко мне свою искренность продолжаютъ в доказателство чего собравъ изъ абазинцовъ несколко войска непріятеля нашего во всехъ частяхъ наказываютъ и с часу на часъ чрезъ меня ожидаютъ уведомленія а резолюціи Императорскаго двора ибо ихъ намереніе втаперешнее же время употребя все возможности изъ выше именуемой орды и черкесъ противни-

ковъ нашихъ раззорить а протчихъ благонамеренныхъ от нихъ отлуча присоединить къ обществу едисанской и джамбулацкой ордъ и хотя я не получилъ отъ его сіятелства графа Петра Александровича посланныхъ ко мне писемъ но из вашихъ речей примечаю что все здешніе обстоятелства и дела приостановились до прибытія пословъ обоихъ имперій весма бы полезно ежели бы ускорили каковымъ распореженіемъ внепродлительномъ времени а естли ожидая пословъ и еще чрезъ два или три мѣсяца никакова старанія приуготовленія и уведомленія не будетъ то изволте наверно щитать что в самой скорости не толко та орда но и едисанская и джамбуйлуцкая принуждены будутъ отстать и взять другой видъ ибо и в таперешнес уже время между всеми ордами подобные тому умышленіи примечателны и ежели в скорости хотя малыми войсками того не упредить то конечно и скоро откроютца непріятные следствіи равно и я гдѣ ні былъ но беспособія и покровителства Ея Императорскаго Величества все мое обращеніе будетъ безполезно о чемъ я и прежде вамъ объявлялъ, намереніе же мое когда императорской дворъ такъ какъ и сначала будетъ о волномъ татарскомъ сосътояніи настоять то употреблю все свои возможности не щадя и последнихъ моихъ силъ на споспешествованіе тому и чтобъ не лишитца Ея Императорскаго Величества милостей и благоволенія, но естли паче чаянія татарское волное состояніе уничтожитца то какъ я такъ братья мои и те которые держатца моей стороны, раззорясь до конца вечно в стыде и поруганіе останимся, для того я и братья мои с протчими предерживающимися меня ожидаемъ отъ Императорскаго двора всечасно милостивой и славе монаршей соответственной резолюціи къ общему нашему обрадованію!

«Его свѣтлости

Высокопревосходительному господину генералъ-аншефу государственной военной коллегіи вице-президенту Ея Императорскаго Величества генералъ адъютанту лейб-гвардіи преображенского полку подполковнику и разныхъ орденовъ кавалѣру князь Григорію Александровичу Потемкину

Лейб-гвардіи преображенского полку отъ бомбардиръ капитанъ порутчика

РАПОРТЪ.

При высокомъ вашей свѣтлости въ ордерѣ прошлого 781 года декабря отъ 19 числа предписаніи, я имѣлъ щастье на тотъ всемилостивѣйше пожалованный чинъ патентъ за высочайшимъ Ея Императорскаго Величества подписаніемъ чрезъ нарочного сержанта съ подобающимъ благоволѣніемъ получитъ. О чемъ вашей свѣтлости съ покорностію рапортую.

Капитанъ порутчикъ Шагинъ Гирей.
(подп. соб.-руч. по татарски)

22 марта 1782 г.
изъ Кефи».

Копія съ перевода на русскій языкъ съ турецкаго языка.

«Могущественнѣйшая, высокославнѣйшая, всеавгустѣйшая, повелительнѣйшая, Всероссійская Императрица!

Противъ прежнихъ обрядовъ теперь за Шагинъ-гирея хана крымскаго видны уже у насъ перемѣны. Вашему Императорскому Величеству извѣстно, что народъ нашъ имѣетъ свои вольности, среди коего находятся нѣкоторые бѣдные и немощные, дѣла же его свѣтлости Шагинъ-гирея хана каждому извѣстны, которые закону и правамъ нашимъ весьма противны, и что касается до прежде бывшихъ обыкновеній нашихъ, то оные приведены имъ гораздо въ худое состоянie, даже и артилерія перемѣнена такъ какъ ему вздумалось; а по таковымъ всечастнымъ выдумкамъ его и перемѣнамъ вообще отъ всѣхъ гражданъ, духовенства и дворянъ подано прошеніе на имя его свѣтлости чрезъ посланника Вашего Величества господина Веселицкаго, но по оному удовлетворенія не послѣдовало, хотя жъ неоднократно потомъ просили словесно господина Веселицкаго о докладѣ его свѣтлости, чтобы впредь подобныхъ перемѣнъ не было, но онъ Веселицкій часто отговаривался не похотѣлъ о томъ докладывать хану, чрезъ что жители принуждены были выходить изъ терпѣнія, особливо жъ что еще приказано отъ его свѣтлости каймаканамъ вездѣ въ каждомъ домѣ ставить караулъ, а отъ сего и претерпѣвалъ народъ не малое притѣсненіе: то между тѣмъ граждане всѣ видя таковые перемѣны и безпокойство единогласно вопили, что мы его не желаемъ надъ нами быть ханомъ, а онъ услышавъ о томъ сѣлъ съ Веселицкимъ въ шлюбкѣ и взявъ насильно съ собою нашихъ крымскихъ старѣйшинъ, отправился въ Ениколь, мы же никакихъ перемѣнъ противу нашихъ правъ и законовъ не желаемъ, а желаемъ по прежнимъ обыкновеніямъ жить въ ненарушимомъ мирѣ, и просимъ Вашего Императорскаго Величества оставить насъ при прежней вольноста». «На подл. подписали съ приложеніемъ печатей такъ: Абдираза?съ Алмуфти...» (всего 96 лицъ). «Переводъ подписалъ: въ должности переводчика порутчикъ Василей Ѳеоктистовъ».

Съ переводомъ сличалъ
переводчикъ Марко Малишкинъ» (соб.-ручно).

«Свѣтлѣйшій и славнѣйшій и высокопревосходительнѣйшій князь, мой усерднѣйшій пріятель!

«Нынѣ всепресвѣтлѣйшая и всемилостивѣйшая императрица и покровительница моя Именнымъ своимъ Высочайшимъ указомъ обѣщать соизволила все свой (sic) Монаршія милости возложить на меня, во исполненіе которыхъ не сумневаюсь что препоручены будутъ вашей свѣтлости для управленія въ оныхъ никого другаго не присылать и не препоручать кромѣ

здѣсь находящагося племянника вашего генералъ-маіора и кавалера Александръ Николаевича Самойлова пріятеля моего. Какія бы не послѣдовали извѣстныя вашей свѣтлости дѣла препоручить оному.

Навсегда усерднѣйшій другъ и доброжелатель
Шагинъ-Гирей
(соб.-ручн. подп. нѣтъ; нѣтъ и обознач., что это переводъ...).

«Рапортъ генер. пор. Прозоровскаго отъ 20-го января 1778 года съ просьбою снабдить его точными инструкціями для дѣйствія въ Крыму, въ виду сообщеннаго ему полковникомъ Денисовымъ якобы желанія Императрицы «стараться всѣхъ до послѣдняго младенца татаръ истреблять, а прочихъ брать въ полонъ».

Опись 193, св. 73, д. № 1 (по кат. № 3 ген. Масловскаго—№ 18, стр. 3).

«Его сіятельству

Господину генералъ-фельдмаршалу, главнокомандующему кавалеріею, украинскою дивизіею и корпусами въ Крыму и на обеихъ сторонахъ Днѣпра и Буга, сенатору, Малороссіи и слободской губерніи государеву наместнику, президенту малороссійской коллегіи, кирасирскаго полку военнаго ордина святаго великомученика и побѣдоносца Георгія полковнику, и разныхъ ординовъ кавалеру графу Петру Александровичу Румянцеву-Задунайскому

РАПОРТЪ.

Прибывшей сей день ко мнѣ г-нъ полковникъ и кавалеръ Денисовъ къ началствованію всѣми находящимися здѣсь донскими козаками пересказывалъ мнѣ на единѣ въ присутствіи толко господина генералъ маіора и ковалера Потемкина: что Ея Императорское Величество при отпускѣ его въ сію експедицію изустно повелевать изволила: стараться всѣхъ до послѣдняго младенца татаръ истреблять, а протчихъ брать въ полонъ, которыхъ она жалуетъ донцамъ въ награжденіе ихъ трудовъ, такъ же позволяетъ выводить отсюду христіянъ, почитая сіе очень нужнымъ, и имѣя Высочайшее намѣреніе взять Крымъ въ вѣчное подданство. О каковомъ Монаршемъ планѣ какъ я сіятельнѣйшій графъ непредваренъ, то и долженъ былъ по нынѣ держась наставленій вашего сіятельства старатся о успокоеніи сея области и покореніи ея хану Шагинъ-Гирею. Почему керченской, ширинской и протчіе повѣты до Карас Базара обсажены по деревнямъ, а такъ же нынѣ арчинской и часть ахтьмечетского, между Карасбазаремъ и симъ мѣстомъ ежедневно входить начинаютъ въ свои деревни, и берутъ у меня салвогвардіи, равно плѣнныхъ ребятъ и женщинъ, которые не были захвачены войсками долженъ былъ я отдавать хану и правительству, ясно принадлежащихъ имъ.

Теперъ же противу обявленіи господиномъ Денисовымъ Высочайшей Монаршей воли надобно бы мнѣ другіе брать мѣры. Для чего опасаясь чтобы будучи о семъ въ неведѣніи не здѣлать ошибки такой, которую послѣ и исправить трудно, осмеливаюсь препроводить зъ симъ нарочного къ вашему сіятелству куріера, всенижайше прося снабдить меня полнымъ на сіе рѣшеніемъ. Такъ же, сіятельный графъ! Наставте меня своимъ милостивымъ руководствомъ, какъ мнѣ въ таковыхъ поступахъ обходится съ его свѣтлостію Шагинь-гирей ханомъ, и съ чинами правителства, находящимися при немъ, покуду еще возможно будетъ скрывать отъ послѣднихъ сію высочайшую цѣль, хотя и долженъ я находить всякіе средства наружно ихъ обманивать. Но когда уже оная открывятся станетъ, то чемъ тогда ихъ обнадеживать? и какъ на всѣ таковые случаи, разумѣя и о обсаженыихъ уже деревняхъ, себя мнѣ соразмѣрять, всепокорнѣйше прошу сіятелнѣйшій графъ удостоить меня рѣшителнымъ и полнымъ повеленіемъ.

Генералъ порутчикъ князъ Прозоровскій (соб.-ручно).

20 генваря 1778 году
Ахтъ мечеть».

Указъ государственной военной коллегіи о назначеніи Потемкина Новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ.

1774 г., св. 69, д. № 1 (по кат. № 3 Масловскаго—№ 67, стр. 44).

«Указъ Ея И. В. Самодержцы Всероссійской із государственной военной коллегіи оной кольлегіи господину вице-президенту генералу аншефу Ея Императорскаго Величества генералъ-адъютанту действительному камеръгеру лейб-гвардіи преображенского полку подполковнику Новороссійской губерніи генералу губернатору і войскъ тамъ поселенныхъ главному командиру и разныхъ орденовъ кавалеру Григорью Александровичу Потемкину, в указе из правительствующаго сената в военную кольлегию объявлено, въ имянномъ Ея Императорскаго Величества указе, данномъ сенату за подписаніемъ собственныя руки въ 31 день маия написано: какъ правление новороссійской губерни оставалось на время в ведомстве клевского генерала губернатора, то Ея Величество всемилостивейше определило ныне васъ господина вице-президента въ оную губернию генералъ-губернаторомъ и войскъ тамъ поселенныхъ главнымъ командиромъ, і о семъ в подчиненныя военной кольлегіи присудственныя мѣста и ко всемъ воинскимъ командамъ указы и грамоты посланы» (Подписали—Языковъ, секретарь Алексѣй (не разобралъ), регистраторъ Никита.....) *Іюня 20 дня 1774 г.*

ВѢДОМОСТЬ,

о числѣ состоящей въ екатеринославскомъ намѣстничествѣ земли, розданной подъ поселеніе казенныхъ и владѣльческихъ слободъ, и сколько та земля, которой уже льгота прошла приносить нынѣ въ казну дохода и въ періодъ чрезъ девять лѣтъ поминованіи льготнаго времени ежегодно возрастать, и наконецъ въ коликомъ числѣ тотъ доходъ получатся будетъ.

Означеніе годовъ	Число десятинъ удобной земли		Сколько въ періодъ отъ нынѣшняго 787 ежегодно прибавится дохода		Колико на настоящій 787 и въ послѣдующія годы съ возрастающимъ получатся будетъ дохода	
	Казенной за которую платится въ годъ за десятину по пяти копѣекъ	Владѣлческой за которую платится въ годъ за десятину по 2 коп. и въ томъ же числѣ за 18 десят. по 25, да за 11635 дес. по 5 коп.	Рубли	Коп.	Рубли	Коп.
1787	2,164565 1/2	2,253564	—	—	163090	26 12/23
1788	8656	481954	12481	65	175571	91 12/23
1789	56600	690926	20103	15	195675	6 12/23
1790	600590	1,064440	56640	50	252315	56 12/23
1791	69620	561473	17517	82 1/2	269833	39 2/3
1792	—	391138	9778	45	279611	84 2/3
1793	2280	231847	5910	17 1/2	285522	1 12/23
1794	—	19640	491	—	286013	1 12/32
1795	—	29114	727	85	286740	86 12/23
1796	—	5000	125	—	286865	86 12/23
Итого	2,902311 1/2	5,729096	123775	60	286865	86 12/23

За показанную всей вѣдомости землю, которой уже льгота прошла, хотя и слѣдовало на нынѣшній 1787 годъ собрать въ казну податей, такъ какъ выше означено 163090 рублей 26 12/23 копеекъ, но поелику розданная подъ казенные селенiи земля числомъ людей еще не вся обселена, то и

платежъ собирается съ наличныхъ только поселянъ, съ каждой мужеска пола души за 15 десятинъ по 75 копѣекъ на годъ, к тому же всѣмъ тѣмъ казеннымъ и владѣльческимъ землямъ проходитъ льгота не въ одинъ срокъ, а разновремянно, считая со дня тѣхъ земель роздачи, и по сему расчисленію причитается на настоящій 787 годъ получить дохода за казенную с поселянъ 70136 рублей $41^{1}/_{4}$ копѣйки, да за владѣльческую 125019 руб. $46^{12}/_{23}$ копѣйки, а затѣмъ отведенной подъ казенныя селеніи земли, которой уже льгота прошла остается къ обселенію въ пиріодъ на 50761 душу.

Какъ же во всемъ екатеринославскомъ намѣстничествѣ состоитъ земли 13914270 десятинъ, слѣдовательно и остается еще не розданной и не подлежащей къ платежу 5283763 десятины земли, а по роздачѣ и отъ сей умножится доходъ.

Иванъ Синельниковъ (собр. подп.).

Сообщилъ Дѣйств. членъ Ѳ. Ѳ. Лашковъ.

Смѣсь.

Памятники Запорожья въ окрестностяхъ Бизюкова монастыря.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ).

Н. Ф. НОГАЧЕВСКАГО.

Моя первая поѣздка по «широкому» Днѣпру состоялась въ 1891 году. Тогда была весна: въ природѣ чувствовалось оживленіе, все какъ бы воскресало послѣ долгой и томительной зимней спячки. Путь нашъ лежалъ отъ Александровска къ Бериславу, бывшему турецкому Кизикирмену. Мы сперва проѣхали мѣстечко Никополь, гдѣ такъ много достопримѣчательностей, оставшихся отъ временъ запорожскихъ. Затѣмъ побывали въ селѣ Кочкаровкѣ, не представляющей изъ себя ничего интереснаго. Далѣе направились въ Бизюковъ монастырь, расположенный на правомъ красивомъ берегу рѣки Днѣпра. Пароходъ уже находился въ верстѣ отъ обители, когда я вышелъ на площадку, дабы полюбоваться величественнымъ видомъ всей мѣстности. Картина была восхитительная, трудно поддающаяся описанію. Вдали я увидѣлъ—сквозь легкій туманъ—таврическія горы, немного ближе большое селеніе Капры, еще ближе зеленѣющія плавни и, наконецъ (по другую сторону Днѣпра), — святую обитель, грандіозно возвышающуюся надъ крутою прибережною отлогостью. Огромныя плавни, изобилующія деревьями и рыбными озерами, напомнили мнѣ былое время, когда «Великій Лугъ»—по причинѣ густоты и непроходимости своей — удобно скрывалъ цѣлыя шайки бродягъ и разбойниковъ, такъ часто безпокоившихъ мирныхъ поселенцевъ своими нежданными набѣгами и грабежами. Съ парохода насъ приняла лодка. Мы высадились на берегъ, взошли по искусственно продѣланной дорогѣ вверхъ и направились къ монастырской гостинницѣ. Было еще рано, почему я въ сопровожденіи одного старожила пошелъ обозрѣть весь монастырь. Во время нашей прогулки онъ познакомилъ меня не только съ постепеннымъ возрастаніемъ этой обители, но, кромѣ того, разсказалъ много интереснаго о далекомъ прошломъ сего уголка Новороссіи. Разсказъ его былъ простой, видимо правдивый и краткій. Че-

рѣзъ нѣсколько часовъ мы возвратились обратно, а на другой день я былъ уже въ г. Бериславѣ. Только послѣ мнѣ удалось прочитать старинную рукопись одного іеромонаха и по ней убѣдиться въ достовѣрности всего переданнаго моимъ проводникомъ.

Въ настоящее время я не затрудняясь изложу хоть кратко исторію столь занимательной мѣстности, тѣмъ болѣе что и г. Афанасьевъ-Чужбинскій и г. Эварницкій прошли молчаніемъ о томъ, о чемъ слѣдовало бы сказать хоть нѣсколько словъ. Особенно послѣдній, распространяясь въ своемъ сочиненіи о свѣдѣніяхъ Бизюкова монастыря[1]) болѣе чѣмъ на трехъ страницахъ, ограничился на счетъ запорожцевъ только одной краткой и ясной фразой: «Запорожскихъ вещей въ монастырѣ нѣтъ никакихъ»[2]). Въ виду этого я съ своей стороны постараюсь здѣсь же пополнить пробѣлъ, сдѣланный, быть можетъ невольно, помянутыми авторами и тѣмъ воскресить въ памяти читателей воспоминаніе о давно забытомъ буйномъ времени запорожскомъ.

Если мы унесемся мыслію за 150 лѣтъ назадъ, то увидимъ на разстояніи 16 верстъ отъ турецкой крѣпости Кизикирмена, вверхъ по теченію Днѣпра, съ правой его стороны, удивительно глубокую балку, носящую названіе «Пропасной»[3]). Эта балка извѣстная своимъ громаднымъ пространствомъ и многими рукавами, кромѣ того считается едва-ли не самою большею по всему побережью Днѣпра. Въ то отдаленное время Пропасная балка была сплошь покрыта густымъ лѣсомъ и кустарниками; человѣку только съ трудомъ удавалось пройти среди этой дикой растительности. Здѣсь былъ притонъ разбойникамъ и ворамъ, а главное — запорожскимъ шайкамъ, не желавшимъ повиноваться кошевому. Тутъ были ихъ пещеры, вродѣ погребовъ съ узкими и едва замѣтными выходами. Цѣль, для которой предназначались эти подземныя жилища, была: прятать свои сокровища и добычу, пиршествовать и укрываться отъ преслѣдованій со стороны разъѣздовъ и козачьихъ отрядовъ кошевого; отряды же эти, вѣроятно, посылались по приказанію кошевого атамана изъ ближайшей Каменской Сѣчи[4]). Минуло полтора вѣка, бродячіе шайки запорожцевъ скрылись, время загладило даже признаки существовавшихъ пещеръ и въ означенной мѣстности настала тишина и спокойствіе. Авторъ рѣдкой по своему интересу и оригинальному писанію рукописи—іеромонахъ Геннадій, между прочимъ упоминаетъ слѣдующее: «Въ 1816 году, приходилъ ко мнѣ древній

---

[1]) См. свѣдѣніе о второклассномъ Григоріевскомъ Бизюковѣ монастырѣ. 1862 г. Архимандрита Діонисія.

[2]) Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа. 1888 г. Часть II. Стр. 126. Соч. Д. И. Эварницкаго.

[3]) Григоріевскій Бизюковъ монастырь. 1894 г., стр. 6—7. Соч. Н. Ф. Ногачевскаго.

[4]) Теперь тамъ стоитъ усадьба Консуловка, принадлежащая М. Ѳ. Огаркову.

запорожецъ, болѣе ста лѣтъ имущій, человѣкъ русской породы, изъ Стародубовщины—въ Брянскихъ лѣсахъ и сектахъ до того находившійся, и называвшій себя монахомъ Кельсіемъ, который всю жизнь свою и всю исторію запорожескаго житья бытья разсказалъ мнѣ подробно и обстоятельно;—и поелику онъ былъ въ Сѣчи съ самаго малолѣтства у кошевого Кальниша хлопцемъ:—то и всѣ ему мѣста здѣшнія коротко знакомы. А потому и сіе мѣсто въ Пропасной балкѣ, гдѣ были разбойничія жилища и пещеры именно онъ мнѣ указывалъ»[1]). Привожу это краткое извлеченіе изъ повѣствованія отца Геннадія только ради возстановленія истины всего вышеизложеннаго.

По близости этой самой Пропасной балки, съ сѣверо-восточной ея стороны, обращаетъ на себя вниманіе высокая при-Днѣпровская скала. Одни утверждаютъ, что здѣсь былъ «Запорожскій городокъ»; другіе же говорятъ, что на этомъ мѣстѣ была турецкая крѣпость, построенная до кочевья запорожскаго, имѣвшая даже свою мечеть. Теперь отъ этой крѣпости или Городка остались едва замѣтные слѣды; но прежде, какъ извѣстно по рукописнымъ источникамъ, здѣсь былъ чрезвычайно высокій валъ, равный по окружности почти верстѣ. Въѣздъ, очень широкій, съ сѣверо-восточной стороны самаго Городка, сохранился до сихъ поръ. Ходитъ народная молва, что запорожцы укрѣпились на такомъ удобномъ мѣстѣ для бо́льшаго успѣха въ своихъ наблюденіяхъ. Въ нынѣшнемъ году, при разрытіи вала, получено огромное количество готоваго дикаго камня. Намъ нечего удивляться скорому разрушенію Городка, такъ какъ уже въ 1782 году на его мѣстѣ было основано Софроніевское подворье.

Въ верстѣ отъ той же балки, надъ самымъ Днѣпромъ, въ природной скалѣ есть пещера, происхожденіе которой очень загадочно. Входъ ея представляетъ видъ волчьей норы. По преданію она ископана давнымъ-давно однимъ іеромонахомъ Бизюковской обители; вѣрнѣе же всего, что это одна изъ пещеръ, бывшихъ пристанищемъ для бродягъ-запорожцевъ. Нынѣ она никѣмъ не обитаема.

Пройдя часть монастырскаго сада, по направленію къ востоку, можно увидѣть еще запорожскій погребъ. Это дѣйствительный памятникъ временъ запорожья; только они могли рыть подобнымъ образомъ. Онъ очень глубокъ и длиненъ: до перегородки, сдѣланной въ недавнее время, считается болѣе пятнадцати саженей, да есть еще два боковыхъ рукава въ три слишкомъ сажени каждый; за перегородкой-же ходъ прерывается обваломъ, почему всю протяжимость его опредѣлить точно не легко. Внутренняя кладка

---

[1]) Оригиналъ рукописи о. Геннадія читался въ свое время извѣстнымъ духовнымъ историкомъ-писателемъ архіепископомъ Гавріиломъ Тверскимъ и Кашинскимъ. Это видно изъ собственноручнаго письма владыки, копія котораго имѣется при рукописи.

погреба вся изъ дикаго камня. Только въ послѣднее время почувствовалась потребность его ремонта и теперь, будучи обновленнымъ, онъ можетъ служить многіе годы.

Въ заключеніе слѣдуетъ молвить кое-что и о самомъ Бизюковомъ монастырѣ. Какъ первоначальное развитіе монастыря, такъ и благоукрашеніе храма происходило при помощи тѣхъ-же запорожцевъ. По уничтоженіи запорожской вольности и введеніи строгаго русскаго порядка между населеніемъ Новороссійскаго края, одни изъ жителей его пересилились въ Черноморье—на Кубань, другіе ушли за Дунай, въ турецкія владѣнія, а нѣкоторые, осѣдлые, зажиточные и набожные хозяева остадись въ своихъ «зимовникахъ». Изъ усердія къ храму Божію они приносили отъ имуществъ своихъ значительныя пожертвованія въ новооткрытую пустынь; нѣкоторые же со всѣмъ своимъ достояніемъ поступали въ пустынь на послушаніе. Духовникъ монастыря іеромонахъ Ѳеофилактъ (Водопьянъ)—мѣстный начальникъ бывшаго подворья—по происхожденію есть старый запорожецъ. Онъ считался первымъ лицомъ въ Софроніевскомъ подворьи.

Грамота Императора Александра I на пожалованный въ 1819 году орденъ Владиміра 4 степени съ бантомъ 14 класса Москули.

Божіею Милостью

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ,

Императоръ и Самодержецъ

Всероссійскій

и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему 14-го класса Москули.

Въ вознагражденіе заслугъ, оказанныхъ вами Россіи во время двукратной войны съ Оттоманскою Портою, 1-й продолжавшейся съ 1789 года, въ которую вы служа Помощникомъ Шкипера въ Черноморскомъ Гребномъ Флотѣ, находились въ сраженіи при покореніи разныхъ крѣпостей, а 2-й въ 1807 году, въ продолженіи коей вооруживъ собственное судно о 14-ти пушкахъ, перевезли отъ крѣпости Корфу на ескадру Вице-Адмирала Синявина до 2,000 пудъ сухарей, да изъ Константинополя въ Корфу спасенныхъ съ военноплѣннаго Брига 3-хъ Россійскихъ офицеровъ, 14 матрозовъ и съ Коммерческихъ судовъ 285-ти человѣкъ, довольствуя ихъ порціею на свой щетъ до высадки на берегъ, потомъ взяли въ плѣнъ Турецкую полу галерку и вообще сдѣлали для Россіи слишкомъ на сорокъ тысячъ рублей пожертвованія. Всемилостивѣйше пожаловали Мы васъ Указомъ въ 17 день Іюля 1819 года Капитулу даннымъ Ковалеромъ Ордена Св. Владиміра четвертой степени съ бантомъ. Грамоту сію во свидѣтельство подписать, Орденскою печатью укрѣпить и знаки Орденскіе препроводить къ Вамъ повелѣли Мы Капитулу Россійскихъ Императорскихъ Орденовъ.

Дана въ Санктпетербургѣ въ 24 день Іюля 1819 года.

Императорскихъ Россійскихъ Орденовъ Канцлеръ

Оберъ Камергеръ Нарышкинъ.

Императорскихъ Россійскихъ Орденовъ Казначей

Генералъ Маіоръ Крыжановскій.

Печать

№ 1904.

Упоминаемый Москули въ 1807—1819 гг. находился въ Одессѣ, гдѣ онъ жилъ долго и послѣ того.

Сообщилъ Дѣйств. чл. А. Маркевичъ.

Некрологи.

I.

Францъ Рачкій († 1 (13) февраля 1894 года). Фр. Рачкій родился въ д. Фужинахъ, около Рѣки (Fiume) 25 ноября 1829 года. Окончивъ гимназическій курсъ въ Вараждинѣ, Рачкій продолжалъ образованіе въ духовной семинаріи города Сенья, а потомъ на богословскомъ факультетѣ вѣнскаго университета. Окончивъ здѣсь курсъ, онъ въ 1852 году былъ посвященъ въ священники въ Сеньѣ и пристроился было въ тамошней семинаріи, но скоро вернулся въ Вѣну для довершенія высшаго богословскаго образованія и въ 1855 году получилъ степень доктора богословія, послѣ чего вернулся опять въ свою семинарію, какъ профессоръ церковнаго права и церковной исторіи. На литературное поприще Рачкій выступилъ еще студентомъ, напечатавъ тогда нѣсколько статей нравственнаго и богословскаго содержанія, но кромѣ духовныхъ наукъ, онъ рано началъ заниматься славянской филологіей и исторіей; къ концу 50-хъ и въ началѣ 60-хъ гг. появляются уже первые его серьезные ученые труды изъ этой области, которые сразу создали ему почетное имя въ славянской наукѣ. Это были извѣстные его изслѣдованія по вопросамъ о дѣятельности славянскихъ апостоловъ и славянской письменности. Въ 1857 году Рачкій сблизился съ епископомъ Штроссмайеромъ, который уже успѣлъ оцѣнить его и съ тѣхъ поръ принимаетъ подъ свое особое покровительство, перешедшее впослѣдствіи въ самую тѣсную, искреннюю дружбу. Рачкій былъ посланъ въ Римъ—каноникомъ тамошняго стариннаго славянскаго («Иллирскаго») капитула св. Іеронима для поднятія этого запущеннаго народно-католическаго учрежденія. Трехлѣтнее пребываніе въ Римѣ опредѣлило направленіе научныхъ занятій и задачъ Рачкаго, и онъ посвятилъ это время главнымъ образомъ архивнымъ изысканіямъ и работамъ въ Ватиканской библіотекѣ и архивѣ, а также и въ другихъ италіанскихъ книгохранилищахъ, для чего посѣтилъ многіе города Италіи. Въ результатѣ получилось—какъ богатое собраніе новаго матеріала по южно-славянской исторіи, такъ и основательная и широкая ученая подготовка и опытность. Но на родинѣ для Рачкаго подготовлялась новая истинно плодотворная

и патріотическая дѣятельность, ради которой Штроссмайеръ и не пустилъ болѣе въ Римъ Рачкаго, пріѣхавшаго въ 1860 году домой для свиданія съ родными. Штроссмайеръ задумалъ тогда учрежденіе высшихъ разсадниковъ знанія и центровъ отечественной науки и просвѣщенія—Юго-славянской Академіи Наукъ, а нѣсколько позже и университета въ Загребѣ; лучшаго, болѣе подготовленнаго и преданнаго помощника, какъ Рачкій, для предварительныхъ работъ въ этомъ дѣлѣ Штроссмайеръ найти не могъ, и, дѣйствительно, Рачкій оказался весьма полезнымъ и дѣятельнымъ сотрудникомъ, заранѣе полюбившимъ учреждаемую Академію, ко времени открытія которой онъ былъ въ Загребѣ едва-ли не единственнымъ ученымъ, способнымъ съ честью занять и нести въ ней обязанности президента. Юго-славянская Академія была открыта въ 1866 г., когда Рачкій и былъ избранъ ея президентомъ, что повторялось и при всѣхъ послѣдующихъ выборахъ до 1888 г., когда выборъ его не былъ утвержденъ австрійскимъ правительствомъ, признавшимъ его, повидимому, слишкомъ ревностнымъ и убѣжденнымъ поборникомъ славянской идеи,—но несмотря на это, Рачкій все же оставался фактическимъ президентомъ и душой Академіи, для которой не переставалъ до самой смерти работать съ той-же любовью и усердіемъ, посвящая ей почти все время, остававшееся у него отъ духовныхъ его обязанностей и кабинетныхъ трудовъ. Благодаря заботамъ Рачкаго объ Академіи и его работамъ для нея, она быстро развилась, и едва-ли существуетъ во всемъ мірѣ учрежденіе, которое въ столь короткое время издало бы такъ много цѣнныхъ трудовъ: ученыя изданія Загребской Академіи, изъ которыхъ важнѣйшія—Rad jugoslavenske akedemije znanosti i umjetnosti, Starine, Stari pisci hrvatski—составляютъ уже нѣсколько сотъ томовъ. Этимъ трудамъ Академія и обязана своимъ процвѣтаніемъ и прочно завоеваннымъ почетнымъ мѣстомъ въ ряду другихъ однородныхъ учрежденій; много энергіи и труда положилъ на это покойный Рачкій, а потому его имя будетъ всегда самымъ почетнымъ и дорогимъ для Академіи.

Историческое прошлое хорватскаго народа и южнаго славянства вообще было главнымъ предметомъ трудовъ покойнаго; онъ стремился къ критическому освѣщенію этого прошлаго, пытаясь особенно тщательно изучить древнѣйшія судьбы Хорватіи—въ эпоху независимости и народныхъ династій до сліянія съ Угріей; объединить цѣлый рядъ вопросовъ правовыхъ и политическихъ въ исторіи Хорватіи и въ ея сношеніяхъ съ сосѣдями. Какого-бы вопроса ни касался покойный, какой-бы работы онъ ни исполнялъ,—основательное знаніе источниковъ и ихъ критика всегда у него на первомъ планѣ, почему всѣ его работы, отличаясь прекраснымъ изложеніемъ, имѣютъ громадное значеніе для всякаго занимающагося исторіей южныхъ славянъ, тѣмъ болѣе, что всѣ труды Рачкаго согрѣты искренней любовью ко *всему славянству*, такъ какъ онъ никогда не былъ узкимъ

хорватскимъ патріотомъ, но скорбѣлъ по поводу бѣдъ всѣхъ славянъ вообще заботясь объ уничтоженіи ихъ вѣковой розни.

Въ теченіе своей многолѣтней литературной дѣятельности Рачкій успѣлъ написать такъ много, что одинъ перечень его работъ занялъ-бы не мало мѣста, почему перечислить все, что имъ издано мы не можемъ, а назовемъ нѣсколько наиболѣе крупныхъ его работъ, чтобы хоть до нѣкоторой степени дать характеристику его, какъ писателя и ученаго.

Начало его ученой дѣятельности открывается изслѣдованіемъ, имѣющимъ еще и доселѣ значеніе,—о жизни и трудахъ славянскихъ апостоловъ—«Viek i djelovanje Sv. Cirila i Methoda, slovenskih apostola»; это изслѣдованіе написано, конечно, съ римско-католической точки зрѣнія, но отличается глубокими достоинствами; какъ дополненіе къ этому изслѣдованію немного позже (1861 г.) онъ издалъ—«Pismo slavjensko», въ которомъ присоединяется къ послѣднему мнѣнію Шафарика, т. е. склоняется признать за глаголицей большую древность и считаетъ ее изобрѣтеніемъ св. Кирилла; къ трудамъ по изученію глаголицы должно отнести и изданіе знаменитаго глаголицей писаннаго ст.-сл. Евангелія—*Ассеманіева* (Ватиканскаго), сдѣланное имъ вмѣстѣ съ Ягичемъ въ 1865 году. Параллельно съ этими историко-филологическими работами Рачкій издаетъ и труды по славянской исторіографіи; такъ онъ издалъ «Odlomci iz državnoga prava hrvatskoga za narodne dinastije (1861) и «Ocjena starijih izvora za hrvatsku i srbsku povjest srednjega vieka» (1865), въ которомъ особенно старательно разбираются извѣстія Константина Багрянороднаго; изъ помѣщенныхъ въ академ. изд. «Rad» многочисленныхъ статей особенно выдаются «Bogomili i Patareni» (№ 7, 8, 10),—изслѣдованіе, считающееся лучшимъ по данному вопросу,—«Borba južnih Slovena za državnu neodvisnost u XI vieku («Rad» 24, 31), Hrvatska prije XII v. glede na zemljišni obseg i narod («Rad» 56—57) и множество другихъ. Кромѣ изслѣдованій, Рачкому принадлежитъ и цѣлый рядъ изданій историческихъ документовъ по исторіи Хорватіи (Documenta historiae croaticae, въ VII т. извѣстнаго изд. Monumenta spectantia hist. slavorum meridion.) и т. п. матеріаловъ, помѣщенныхъ въ изд. «Starine», въ книгахъ котораго, вышедшихъ почти предъ смертію Рачкаго, мы находимъ его труды (напр. Oporuka Marka Marulića, Izvodi za jugoslavensku poviest iz dnevnika Marina ml. Sanuda god. 1526—1533).

Въ настоящей замѣткѣ приведены только немногія указанія, далеко не исчерпывающія всѣхъ трудовъ покойнаго Рачкаго, но и изъ нихъ можно заключить, что онъ сдѣлалъ очень много для славяновѣдѣнія, въ исторіи котораго и займетъ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ.

Ч. сотрудникъ общества М. Попруженко.

II.

Архимандритъ Антонинъ извѣстный археологъ, въ мірѣ Андрей Ивановичъ Капустинъ, сынъ священника, родился 12 августа 1817 г. въ Пермской губерніи селѣ Батуринѣ, первоначальное воспитаніе получилъ въ Далматовскомъ духовномъ училищѣ, изъ котораго въ 1830 г. перешелъ въ пермскую, но затѣмъ вскорѣ переведенъ въ екатеринославскую семинарію, по окончаніи курса которой въ 1839 г., поступилъ въ кіевскую духовную академію, гдѣ и окончилъ курсъ со степенью магистра богословія и былъ назначенъ въ той-же академіи баккалавромъ сначала нѣмецкаго, потомъ греческаго языка и наконецъ богословскихъ наукъ. Преподавателемъ академіи отецъ Антонинъ (принявшій это имя при постриженіи въ монашество въ 1845 г.) оставался до 1850 г., послѣ чего назначенъ настоятелемъ нашей посольской церкви въ Аѳинахъ, въ 1860 г. перемѣщенъ на ту-же должность въ Константинополь, а въ 1865 году назначенъ начальникомъ іерусалимской духовной миссіи, состоя которымъ скончался 24-го марта 1894 г. Сочиненія почившаго отца архимандрита двоякаго рода: научныя по преимуществу археологическія изслѣдованія, иногда въ видѣ путешествій, затѣмъ стихотворенія религіознаго содержанія и богословскія. Первыя изъ нихъ нашли обстоятельную оцѣнку въ статьѣ В. Г. Василевскаго, напечатанной въ «Критико-Библіографическомъ Словарѣ Русскихъ Писателей и Ученыхъ» (т. I, стр. 629 — 635), а списокъ его сочиненій вообще (въ числѣ 105 названій) напечатанъ въ Трудахъ Кіевской духовной академіи 1894 г. декабрь (стр. 638—648).

Д. ч. общества В. А. Яковлевъ.

III.

Василій Карловичъ Надлеръ, заслуженный профессоръ и деканъ историко-филологическаго факультета Императорскаго Новороссійскаго университета сравнительно очень недолгое время состоялъ членомъ Императорскаго Одесскаго Общества исторіи и древностей, но, несмотря на это, однако онъ успѣлъ заслужить горячую любовь и уваженіе между его сочленами своимъ теплымъ отношеніемъ къ интересамъ Общества и трудами по собиранію матерьяловъ и критической разработкѣ исторіи г. Одессы.

В. К—чъ родился въ 1841 г., окончательное образованіе получилъ въ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ по историко-филологическому факультету, который окончилъ въ 1862 г. со степенью кандидата и тогда же былъ оставленъ при университетѣ стипендіатомъ для приготовленія къ профессорскому званію и командированъ за границу; возвратясь оттуда, онъ выдержалъ экзаменъ и защищалъ диссертацію на степень магистра всеобщей исторіи при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ (въ 1864 г.) и въ томъ же году избранъ доцентомъ всеобщей

исторіи—Харьковскимъ университетомъ, а черезъ три года, въ 1867 году, по защитѣ диссертаціи на степень доктора всеобщей исторіи въ томъ же университетѣ, избирается сначала экстраординарнымъ (въ 1868 г.), а черезъ годъ—ординарнымъ профессоромъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ В. К. съ 1869 по 1875 годъ состоялъ секретаремъ, а съ 1875 по 1891 г. деканомъ историко-филологическаго факультета, неоднократно исправляя должность ректора. Въ 1891 г. Н—ръ перешелъ въ Императорскій Новороссійскій университетъ, гдѣ также занималъ должность декана до самой своей смерти 31 марта 1894 года. Превосходную характеристику покойнаго сочлена нашего далъ ученикъ и замѣститель его по каѳедрѣ въ Харьковскомъ университетѣ проф. В. Бузескулъ [1]). Къ характеристикѣ этой, мнѣ, пишущему эти строки, нечего прибавить, развѣ заявленіе, что люди съ такими душевными качествами, съ такимъ умомъ, сердечною добротою, отзывчивостью на все доброе и честное,—являются только какъ рѣдкое исключеніе, «чтобы они, по выраженію поэта, намъ жизнь животворили». Человѣкъ простой, чуждый погони за эффектомъ, говоритъ названный ученикъ покойнаго, не придающій значенія внѣшности, онъ былъ превосходнымъ лекторомъ, обладалъ замѣчательнымъ даромъ слова и его плавная, эпически спокойная рѣчь лилась легко, свободно и гладко. Онъ не придумывалъ красныхъ эффектныхъ фразъ, не отдѣлывалъ ихъ, не услаждался собственною рѣчью: его краснорѣчіе было просто и естественно, его лекціи являлись своего рода импровизаціями. Въ Харьковскомъ университетѣ В. К—чъ постоянно читалъ среднюю исторію, но за неимѣніемъ другаго преподавателя временно римскую, новую и исторію Россіи, а иногда и курсъ географіи; съ переходомъ въ Новороссійскій университетъ онъ взялъ на себя чтеніе новой исторіи.

Вмѣстѣ съ столь блестящею преподавательскою дѣятельностью В. К. соединялъ дѣятельность не менѣе даровитаго и трудолюбиваго кабинетнаго ученаго и оставилъ по себѣ «нерукотворный памятникъ» въ своихъ многочисленныхъ трудахъ по разнымъ отраслямъ обширной науки исторіи.

Вотъ тѣ изъ нихъ, о которыхъ удалось мнѣ собрать свѣдѣнія:

1) Русскія историческія руководства и ихъ отношеніе въ наукѣ всеобщей исторіи С.-Петерб. 1865 г.

2) Разборъ соч. Л. Воеводскаго «Каннибализмъ въ греческихъ миѳахъ». Спб. 1874 г.

3) Причина и первыя проявленія оппозиціи католицизму въ Чехіи и Зап. Европѣ въ XIV и XV въ Хар. 1864 г.

4) Адальбертъ Бременскій, правитель Германіи въ молодые годы Генриха IV. Хар. 1867 г.

5) Юстиніанъ и партіи цирка въ Византіи, ibid. 1867 г.

---

[1]) Ж. М. Н. Пр. 1894 г. май.

6) Базельскій соборъ и его значеніе.

7) Состояніе Зап. Европы въ концѣ IX-го и началѣ X столѣтія.

8) Имп. Оттонъ III и его время.

9) Культура арабовъ и ея выраженіе въ поэзіи и искусствѣ.

10) Османскіе турки и балканскіе славяне во второй половинѣ XIV в. Съ 6 по 10 №№ напечатаны ibid 1860—1890 г.).

11) Двадцатипятилѣтіе царствованія Имп. Александра II, Ж. М. Н. Спб. 1885 г. (въ приложеніи).

12) Меттернихъ и Европейская реакція. Хар. 1882 г.

13) Имп. Александръ I и идея Священнаго союза, 5 томовъ Харьковъ 1886—1892 г.

14) Миѳическій элементъ въ исторіи, ibid. 1887 г.

15) Одесса въ первые годы ея существованія. Одес. 1893 г.

16) Нашествіе и чума. Эпизодъ изъ Одесской старины, ibid. 1892 г.

17) Къ исторіи Дюковскаго сада. ibid. 1892 г.

18) Дюкъ де-Ришелье на Кавказѣ. Основаніе Новороссійска, ibid. 1893.

19) Къ изученію исторіи г. Одессы. ibid. 1893 г.

20) Папство и его отношеніе къ свѣтской власти до Григорія VII.

Кромѣ того покойный Н—ръ обработалъ и дополнилъ II-й томъ «Лекцій по всемірной исторіи проф. М. Петрова», причемъ прибавилъ цѣлую главу «Переходъ отъ среднихъ вѣковъ къ новымъ». «Какъ историкъ, покойный В. К—чъ, говоритъ тотъ же проф. Бузескулъ, судья болѣе меня компетентный въ этомъ дѣлѣ, не былъ поклонникомъ ни экономическаго направленія въ исторіи, ни такъ называемой культурной исторіи: онъ интересовался преимущественно исторіей внѣшней,—политической (въ тѣсномъ смыслѣ этого слова) и военною. Онъ былъ преимущественно историкъ повѣствователь. Но это не мѣшало ему обращать вниманіе на литературу вопроса, на разборъ спорныхъ мнѣній и свидѣтельствъ источниковъ».

Но гдѣ бы ни былъ покойный нашъ сочленъ: въ тиши своего ученаго кабинета, въ аудиторіи между своими учениками, въ пріемномъ ли кабинетѣ декана или ректора, среди просителей и служащихъ въ университетѣ, въ средѣ ли друзей своихъ и товарищей, или въ тѣсномъ кругу своего семейства—«человѣкъ онъ былъ».

Д. ч. Общества В. А. Яковлевъ.

IV.

Василій Ксенофонтовичъ Виноградовъ, сынъ священника с. Игрищъ, Юрьевскаго уѣзда, Владимірской губерніи, родился 10 марта 1843 года, образованіе получилъ въ 1858 — 1863 г. во Владимірской духовной семинаріи, откуда перешелъ въ Кіевскую духовную академію, но не остался здѣсь, а въ 1865 г., когда открылся Императорскій Новороссійскій уни-

верситетъ, Виноградовъ и еще нѣсколько его товарищей по академіи поступили въ него, въ числѣ первыхъ студентовъ, на историко-филологическій факультетъ; причемъ Виноградовъ былъ сперва на отдѣленіи классической филологіи, а потомъ перешелъ на словесное.

Я познакомился съ Виноградовымъ въ 1868 г., когда сталъ слушать лекціи въ Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ; хотя мы были и товарищами, но въ сущности я тогда мало зналъ его: лекціи мы посѣщали различныя; человѣкъ уже семейный и сильно занятый даваніемъ уроковъ, Виноградовъ безъ дѣла не появлялся въ университетѣ и очень рѣдко принималъ участіе въ товарищескихъ пирушкахъ и иныхъ собраніяхъ; даже интереснѣйшіе вечера у В. И. Григоровича мало его тогда привлекали. Но товарищи всегда отзывались о Виноградовѣ съ большою симпатіей, и въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда приходилось бывать съ нимъ въ обществѣ, можно было замѣтить, что онъ человѣкъ сердечный, веселый; онъ охотно пѣвалъ шутливыя семинарскія и академическія пѣсни, не прочь былъ поплясать, словомъ, становился душою общества.

31 мая 1869 г. Виноградовъ окончилъ университетъ со степенью кандидата и 11 августа того-же года былъ назначенъ преподавателемъ русскаго языка и словесности въ Таганрогскую гимназію. Незадолго до того эта гимназія подверглась сильнѣйшему разгрому ея педагогическаго персонала, слѣдствіемъ чего было назначеніе туда 7 новыхъ преподавателей; между прочими было послано 4 лица, только что окончившихъ историко-филологическій факультетъ Императорскаго Новороссійскаго университета, въ томъ числѣ Виноградовъ и я. Понятно, что слабыя еще товарищескія отношенія между нами здѣсь совершенно окрѣпли въ память дорогаго для насъ университета. Всѣ мы были молоды, работали охотно и дружно и; безъ хвастовства скажу, сдѣлали Таганрогскую гимназію однимъ изъ симпатичнѣйшихъ учебныхъ заведеній всего Одесскаго округа. Виноградову въ этомъ случаѣ принадлежала видная роль; онъ былъ однимъ изъ наиболѣе любимыхъ преподавателей, какъ въ мужской, такъ и въ женской гимназіяхъ. Точно также и въ Таганрогѣ явился онъ душой общества, не замѣнимымъ членомъ всѣхъ педагогическихъ собраній, а когда въ Таганрогѣ начала издаваться газета «Азовскій Вѣстникъ», въ которой сотрудничали мѣстные педагоги, Виноградовъ сталъ печатать тамъ фельетоны, подписываясь В. В., или какимъ-либо псевдонимомъ. О чемъ онъ писалъ, припомнить за давностью не могу, но фельетоны были довольно бойкіе. Покинувъ Таганрогъ въ 1871 г., я все-же интересовался его педагогическою жизнью, сохраняя добрыя отношенія съ оставшимися товарищами, и потому знаю, что, оправившись отъ тяжелаго семейнаго горя — утраты жены, Виноградовъ снова занялъ прежнее положеніе въ гимназіяхъ и, какъ хорошій учитель, командированъ былъ заграницу для ознакомленія съ су-

ществующими тамъ методами преподаванія отечественнаго языка; отчетъ его былъ, конечно, своевременно напечатанъ въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія. Около того-же времени Виноградовъ женился во второй разъ — на дочери небезъизвѣстнаго нѣкогда у насъ на Югѣ грознаго смотрителя Аккерманскаго уѣзднаго училища С. С. Каменскаго и сестрѣ недавно скончавшагося педагога въ различныхъ мѣстахъ Новороссійскаго края (въ послѣднее время директора Бакинскаго реальнаго училища) Е. С. Каменскаго, свѣтлая память о которомъ навсегда сохранится среди знавшихъ его людей. Въ 1876 г. 1 іюня Виноградовъ былъ назначенъ инспекторомъ Ѳеодосійской мужской прогимназіи, его-же трудами затѣмъ преобразованной въ гимназію, директоромъ которой онъ оставался до самой смерти, предсѣдательствуя и въ педагогическомъ совѣтѣ женской прогимназіи. Отъ лицъ, получившихъ воспитаніе подъ его руководствомъ, приходилось мнѣ неоднократно слышать похвалы его добротѣ, услужливости, доступности и педагогическому такту, а посѣщая Ѳеодосію, я не разъ дивился тому, какъ въ Виноградовѣ, все-же человѣкѣ уже немолодомъ, сохранилось много юношескихъ, скажу даже—студенческихъ качествъ, дѣлавшихъ его особенно симпатичнымъ. Враговъ Виноградовъ никогда не имѣлъ, и наоборотъ всѣ, кто съ нимъ ни встрѣчался, немедленно становились его друзьями. Въ Ѳеодосіи онъ пользовался большой популярностью, былъ почетнымъ мировымъ судьею, гласнымъ думы и ко всѣмъ этимъ обязанностямъ относился добросовѣстно; цензъ онъ имѣлъ въ Ѳеодосіи-же въ видѣ дачи, на берегу моря; рядомъ построилъ дачу и Е. С. Каменскій, связанный съ Виноградовымъ и дружбою, и родствомъ, и проводившій въ Ѳеодосіи лѣтніе мѣсяцы, и въ этомъ уголкѣ какъ-то пріятно дышалось попадавшему въ Ѳеодосію культурному человѣку. Для науки дѣлалъ Виноградовъ мало, и времени у него не хватило-бы, да онъ въ сущности и не былъ человѣкомъ науки; но все-же имъ былъ составленъ и изданъ историческій очеркъ „Ѳеодосія“ (Ѳеод. 1884 г.), заключающій нѣкоторыя оригинальныя свѣдѣнія. Въ послѣднее время Виноградовъ былъ занятъ вопросомъ объ устройствѣ въ Ѳеодосіи водопровода и въ связи съ этимъ изучалъ сохранившіяся свѣдѣнія о древнихъ ѳеодосійскихъ водопроводахъ, пользуясь архивомъ и музеемъ Императорскаго Одес. Общ. исторіи и древностей; но, кажется, сочиненіе, которое онъ подготовлялъ, осталось не написаннымъ. Вслѣдствіе неоднократнаго любезнаго содѣйствія Од. Обществу исторіи и древностей въ его дѣятельности, касающейся сохраненія ѳеодосійскихъ древностей, равно и за указанный выше трудъ по исторіи Ѳеодосіи В. К. Виноградовъ былъ избранъ 21 января 1885 г. въ члены корреспонденты, а 19 ноября 1893 г. въ дѣйствительные члены Общества. Въ 1894 г. 8 сентября В. К. Виноградовъ скончался въ Ѳеодосіи, оставивъ по себѣ воспоминаніе, какъ о хорошемъ педагогѣ и добромъ человѣкѣ.

А. Маркевичъ.

V.

Іосифъ Григорьевичъ Шершеневичъ образованіе получилъ въ Одесскомъ Ришельевскомъ лицеѣ, который окончилъ въ 1836 г., и вскорѣ былъ назначенъ младшимъ учителемъ латинскаго языка въ низшихъ классахъ того же учебнаго заведенія, затѣмъ въ 1849 г. сдѣланъ старшимъ учителемъ, а въ 1851 г. перешелъ на должность помощника инспектора лицея;— въ 1856 г. переведенъ на должность директора сначала Одесской второй, а затѣмъ Ришельевской гимназіи; въ 1866 г. Ш—чъ перешелъ на службу въ Варшаву въ ново-открытый университетъ на должность инспектора студентовъ, въ которой оставался до 1872 года,—послѣ чего вышелъ въ отставку съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и переселился въ Одессу, гдѣ и скончался 3 октября 1894 г. Покойный І. Гр—чъ былъ одинъ изъ старѣйшихъ членовъ нашего Общества. Сотрудникомъ Общества избранъ вскорѣ послѣ основанія его по предложенію перваго президента Д. М. Княжевича, который между прочимъ поручилъ Ш—чу переводъ съ латинскаго «Описанія Татаріи Мартина Броневскаго», напечатанный гораздо позже (1867 г.) въ VI-мъ томѣ Запискахъ Общества. Затѣмъ І. Гр—чъ дѣлалъ переводы съ латинскаго для Н. Н. Мурзакевича по его указанію, часть которыхъ напечатана въ Запискахъ Общества, но безъ означенія имени переводчика. Самая важная заслуга Ш—ча состоитъ въ переводѣ на русскій языкъ гекзаметрами Энеиды Виргилія. Первое изданіе въ пяти выпускахъ in 4°. Одесса, 1875—1877 гг. Второе—Варшава, 1888 г. in 8°. По отзывамъ спеціалистовъ, переводъ этотъ остается лучшимъ, хотя стихъ его нѣсколько тяжелъ и языкъ недостаточно простъ и легокъ, но онъ замѣчателенъ близостью къ подлиннику и вѣрностью передачи текста. Кромѣ того І. Гр—чемъ сдѣланъ переводъ «Конрада Валенрода» Мицкевича (Современникъ 1858 г.), который В. Спасовичъ признаетъ за лучшій изъ значительнаго числа переводовъ на русскій языкъ этой поэмы.

Въ концѣ 50-хъ и 60-хъ годахъ Шершеневичъ очень заинтересовался естественными науками и даже напечаталъ небольшую брошюру: «Наблюденія надъ нѣкоторыми явленіями магнитизма», Одес. 1858 года, впрочемъ не имѣющую научнаго значенія. Въ теченіи своей продолжительной педагогической дѣятельности Ш—чъ заслужилъ любовь и уваженіе главнымъ образомъ, какъ хорошій преподаватель латинскаго языка, «у котораго легко было учиться». За годъ до своей смерти І. Г—чъ напечаталъ въ сборникѣ Л. М. Де-Рибаса «Изъ прошлаго Одессы». Од. 1894 г. «Изъ памяти одесскаго старожила» (стр. 262—293), гдѣ между прочимъ говоритъ: «Когда я былъ директоромъ Ришельевской гимназіи, я взялъ на себя преподаваніе латинскаго языка ученикамъ VII-го класса. Это былъ одинъ изъ лучшихъ классовъ, какъ по поведенію, такъ и по прилежанію, а главное для меня по особому ко мнѣ расположенію. Войду, бывало, въ классъ ученики

встрѣчаютъ меня съ какою-то радостью и вмѣстѣ съ уваженіемъ. Многіе ли могутъ теперь похвалиться этимъ?....» Какъ бывшій ученикъ Ш—ча, я могу засвидѣтельствовать, что онъ, въ извѣстной степени, имѣлъ право сказать это о себѣ.

Д. ч. Общества В. А. Яковлевъ.

VI.

Платонъ Осиповичъ Бурачковъ археологъ, почетный членъ нашего общества, надворный совѣтникъ, сынъ помѣщика Днѣпровскаго уѣзда Таврической губерніи, родился въ 1815 году. Первоначальное воспитаніе получилъ въ Симферопольской гимназіи, а окончательное въ Харьковскомъ университетѣ. Службу началъ въ канцеляріи таврическаго губернатора, былъ впослѣдствіи его чиновникомъ особыхъ порученій, а съ введеніемъ въ Новороссійскомъ краѣ новыхъ судебныхъ учрежденій избранъ почетнымъ мировымъ судьей въ Днѣпровскомъ уѣздѣ и предсѣдателемъ уѣзднаго съѣзда мировыхъ судей. Вышелъ въ отставку въ 1870 году, послѣ чего поселился въ г. Херсонѣ, гдѣ и скончался 13-го октября 1894 года. Еще состоя на службѣ и объѣзжая обильную остатками древностей Таврическую губернію, Б—въ заинтересовался археологіей и мало-по-малу увлекся, совершенно предался этой наукѣ, сталъ собирать древности и заниматься археологическими раскопками. Послѣднія онъ началъ производить въ своемъ имѣніи Ивановкѣ въ Днѣпровскомъ уѣздѣ Таврической губ., а затѣмъ и въ различныхъ мѣстностяхъ Новороссіи, преимущественно во владѣніяхъ частныхъ лицъ. Самоучка въ дѣлѣ археологіи покойный Пл. О—чъ сначала довольно часто становился жертвою обмана, платя значительныя деньги за поддѣльныя вещи; но продолжительное занятіе этимъ дѣломъ, постоянная практика выработали изъ него извѣстнаго археолога. Изъ ссбранныхъ въ теченіи сорока лѣтъ Бурачковымъ древностей обширная коллекція мѣстныхъ (Новороссійскаго края) монетъ имъ уступлена Московскому историческому музею, остальныя древности переданы въ даръ Императорскому Одесскому обществу исторіи и древностей, а обширная (болѣе 4000 томовъ), хорошо подобранная библіотека по археологіи и исторіи пожертвована одесской городской публичной библіотекѣ. Покойный состоялъ, какъ слазано, почетнымъ членомъ нашего общества и дѣйствительнымъ почти всѣхъ русскихъ обществъ археологіи. Въ научной литературѣ имя Пл. О—ча появилось сравнительно довольно поздно. Вотъ все, что удалось намъ собрать изъ его научныхъ произведеній:

1) Замѣтки по древней географіи Новороссійскаго края (письмо проф. Ф. К. Бруну, по поводу статьи Л. Н. Майкова о древней географіи Россіи). Извѣстія Императорскаго географическаго общества 1875, т. 11. вып. 3-й и 5-й.

2) Греко-скифскій міръ на берегахъ Понта. Журн. мин. нар. просв. 1876. № 12.

3) О запискѣ готскаго Топарха. Ж. м. н. пр. 1877. № 8-й.

4) Опытъ объясненія одного темнаго мѣста въ сказаніяхъ Геродота о древней Скиѳіи. Труды IV-го археологическаго съѣзда томъ II-й.

5) О памятникахъ съ руническими надписями, находящихся на югѣ Россіи. Записки Императорскаго Одесскаго общества исторіи и древностей т. IX-й.

6) О мѣстоположеніи древняго Киркинита (возлѣ Евпаторіи) и монетахъ ему принадлежащихъ. ibid.

7) Опытъ изслѣдованія о Куманахъ или Половцахъ. ibid. т. X-й.

8) Опытъ соглашенія открытой въ Херсонесѣ надписи съ природою мѣстности и сохранившимися у древнихъ писателей свѣдѣніями, относящимися ко времени войнъ Діофанта полководца Миѳридата со Скиѳами. ibid. т. XII-й.

9) Общій каталогъ монетъ, принадлежащихъ эллинскимъ колоніямъ, существовавшимъ въ древности на сѣверномъ берегу Чернаго моря, въ предѣлахъ нынѣшней южной Россіи. Одесса. 1894 г.

10) По поводу брошюры А. В. Орѣшникова: «Босфоръ Кимерійскій въ эпоху Спартакидовъ». Труды VI археологическаго съѣзда. т. II.

11) Замѣтки по исторической географіи южно-русскихъ степей. Кіевская Старина. 1886 г. Кн. 4-я.

12) Объясненіе къ археологической картѣ Новороссійскихъ губерній и Крыма. Древности. Труды Императорскаго московскаго археологическаго общества. т. XII, вып. 1-й.

Д. ч. общества В. А. Яковлевъ.

VII.

Францъ Осиповичъ Моранди. Надворный совѣтникъ, архитекторъ одесской городской управы, академикъ архитектуры Императорской академіи художествъ и въ предположеніи многихъ лѣтъ казначей нашего общества родился въ 1811 г. въ г. Миланѣ, послѣ окончанія курса въ гимназіи въ г. Кремонѣ въ 1828 г. поступилъ въ королевскій лицей св. Александра въ г. Миланѣ «для усовершенствованія въ практической архитектурѣ, геометріи и математики» откуда вышелъ въ 1833 году. По прибытіи въ гор. Одессу въ концѣ тридцатыхъ годовъ, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ состоялъ декораторомъ при Городскомъ театрѣ. За составленіе проэкта главной синагоги въ г. Одессѣ по программѣ Императорской академіи художествъ удостоенъ званія некласснаго художника въ 1843 г. Съ 1845 г. покойный Моранди поступилъ на службу исправляющимъ должность городскаго архитектора сначала 3-й, а потомъ 2-й части г. Одессы. Кромѣ того онъ зани-

мался исполненіемъ архитектурныхъ работъ по духовному вѣдомству, за что удостоенъ Высочайшаго подарка цѣною въ 400 р. въ 1850 г, наблюдалъ за постройками во дворцѣ въ Оріандѣ въ Крыму и вообще исполнялъ порученія по своей спеціальности Новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора. Въ 1857 г. покойный получилъ званіе академика архитектуры. Въ 1859 году онъ назначенъ членомъ комитета по сооруженію мостовыхъ г. Одессы, а въ слѣдующемъ архитекторомъ для производства городскихъ работъ. Въ 1864 г. Моранди перешелъ на службу въ городское управленіе, назначенный техникомъ строительнаго отдѣленія, которымъ оставался до 1889 года, когда вышелъ въ отставку и переселился на жительство въ Римъ. Скончался 23 октября 1894 года въ гор. Фіумѣ. Покойный имѣлъ званіе «товарища художника» Болонской академіи художествъ и состоялъ членомъ-корреспондентомъ королевской Рафаэлевской академіи художествъ. Въ члены Императорскаго Одесскаго Общества исторіи и древностей Моранди избранъ 1862 г., а съ 1868 по 1889 г. состоялъ его казначеемъ. Принимая дѣятельное участіе въ трудахъ Общества, онъ бралъ на себя обязанность по технической части, напр., имъ установленъ музей Общества въ новомъ, настоящемъ своемъ помѣщеніи. Но главная заслуга Моранди для г. Одессы состоитъ въ учрежденіи здѣсь въ 1865 г. «Общества изящныхъ искусствъ» съ двумя школами рисовальной и музыкальной. Онъ былъ не только учредителемъ и вице-предсѣдателемъ этого общества (съ 1865—1889 г.), но и душею его и только благодаря его энергіи, отыскались средства на постройку настоящаго помѣщенія общества, построеннаго по его проэкту и подъ его надзоромъ. Воспитанники школъ общества относились къ нему съ величайшею любовью и довѣріемъ. Въ воспоминаніяхъ одного изъ нихъ, вызванныхъ смертью Фр. Ос—ча, говорится «М. былъ для насъ учениковъ отцомъ и заботился о школѣ какъ о своемъ дѣтищѣ. Вмѣстѣ съ своимъ сотрудникомъ г. Іорини они съ какою-то радостною тревогою слѣдили за успѣхами каждаго ученика и если у кого не оказывалось средствъ для существованія, или для покупки красокъ и холста, они сейчасъ оказывали посильную помощь... Благодаря М—и мы въ школѣ пользовались свободою какъ въ университетѣ и оставались тамъ какъ можно дольше».

Д. ч. общества В. А. Яковлевъ.

ПРЕМІИ,

находящіяся въ распоряженіи Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

Симъ доводится до свѣдѣнія что въ распоряженіи Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей находятся слѣдующія постоянныя и временныя преміи, предназначающіяся для поощренія историко-археологическихъ трудовъ, относящихся къ югу Россіи:

Первая, постоянная, премія имени основателя Общества, Дмитрія Максимовича Княжевича, учреждена въ память исполнившагося 50-лѣтія Общества его дочерьми: Маріей, Елисаветой и Екатериной Княжевичами.

Она состояла изъ процентовъ съ 2 билетовъ 3-го восточнаго займа, а теперь по конверсіи съ двухъ билетовъ 4 процентной государственной ренты по 1000 руб. каждый, накопляющихся въ теченіи каждыхъ пяти лѣтъ, начиная съ 14 ноября 1889 г. Такимъ образомъ срокъ прекращенія первой по времени преміи наступилъ 14 ноября 1894 года. Премія присуждается за выдающійся историко-археологическій трудъ, вышедшій въ теченіи каждаго изъ пятилѣтій и касающійся юга Россіи. Къ наступившему указанному сроку премія имени Княжевича присуждена не была.

Вторая, временная, премія—Одесской Городской Думы, въ 500 р., за сочиненіе по археологіи и исторіи Новороссійскаго края, выдается съ тѣмъ условіемъ, что сочиненіе, помимо всего другаго, должно быть рукописное и, при удостоеніи, печатается на счетъ города. Срокъ выдачи преміи не опредѣленъ и конкурсъ на нее открытъ въ теченіе всего года.

Третья, временная, премія учреждена 1-го января 1894 года на средства, жертвуемыя почетнымъ членомъ Общества, А. Л. Бертье-Делагардомъ, въ размѣрѣ 600 рублей, за лучшее рукописное и оригинальное сочиненіе по исторіи и археологіи Новороссійскаго края и преимущественно Крыма, на любомъ изъ европейскихъ языковъ. Сочиненіе представляется на имя Общества къ 1 января наступающаго года, до тѣхъ поръ, пока на данную тему не будетъ выдана награда, или самая тема не будетъ снята съ очереди. Присужденіе преміи имѣетъ мѣсто не позже апрѣля соотвѣтствующаго года. Въ 1894 г. предложены были на соисканіе преміи слѣдующія двѣ темы:

1) «Исторія и государственное устройство Херсонеса по извѣстіямъ писателей, равно какъ по этнографическимъ и археологическимъ даннымъ, отъ древнѣйшаго времени до эпохи Юстиніана».

2) «Историко-этнографическое изученіе русскаго черноморскаго побережья въ VIII—X вѣкахъ».

Къ 1 января 1895 г. отвѣты на предложенныя темы не были представлены, и, въ виду того темы не сняты съ очереди.

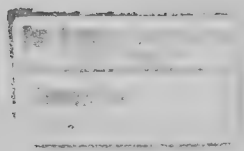
Такъ какъ почетный членъ Общества А. Л. Бертье-Делагардъ 1 января 1895 г. пожертвовалъ еще 600 р. съ тою-же цѣлью, то предложены на соисканіе этой новой преміи, въ размѣрѣ названной суммы, двѣ еще темы:

1) «Торговыя сношенія греческихъ колоній на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря въ эпоху древняго міра».

2) «Южная Русь и Византія, въ ихъ сношеніяхъ, въ XI столѣтіи».

4:5.

рис. Ист. Фармаковскій

Лит. В. Бахманъ Москва, 1894 г.

Фототип. Новор. Зав. Граф. Искусствъ въ Одессѣ.